

Московский государственный университет технологий
и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет)

А.В. Малов, Н.И. Никитин

**РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
НА ЗАРЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ
(XV–XVII века):**

ИССЛЕДОВАНИЯ,
СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ИСТОЧНИКИ

Москва
«Снежный Ком»
2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-283.31
М19

Утверждено к печати Ученым советом
МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

Рецензенты:
д.и.н., профессор Н.А. Мининков (г. Ростов-на-Дону)
д.и.н., профессор А.С. Зуев (г. Новосибирск)

Ответственный редактор
доктор исторических наук Р.Г. Гагкуев

Научный редактор
доктор исторических наук Д.М. Володихин

Малов А.В., Никитин Н.И.

М19 Российское казачество на заре своей истории (XV–XVII века):
исследования, справочные материалы, источники / А.В. Малов,
Н.И. Никитин, коллективная монография / Отв. ред. Р.Г. Гагкуев;
науч. ред. Д.М. Володихин. — Москва : 2023. — 758 с.

ISBN 978-5-6050186-9-8

Предлагаемая вниманию читателей монография состоит из 2 связанных между собой, но самостоятельных частей. Первая из них призвана подвести итоги исследованию происхождения казачества, его социальной организации и взаимоотношениям первых вольных казачьих сообществ с Российским государством. Вторая глава посвящена освоению Сибири и Дальнего Востока в контексте роли казачества в этом великом колониационном движении на Восток. Каждая из частей состоит из аналитических очерков и материалов регистрованных массовых документальных источников, еще не вводившихся в научный оборот историками казачества, из архива Казенного приказа за первое десятилетие правления Михаила Федоровича, первого царя новой династии Романовых. В обоих частях монографии хронологические тематические регесты записей, выбранных из расходных книг Казенного приказа за период 1613–1624 гг. сопровождаются алфавитами упоминаемых в документах вольных казаков европейской части России, а также служилых и жилецких людей Сибири. В приложении помещена опись фонда-коллекции «Донские дела» (1594–1802 гг.), составление которой было завершено около 1824 г. (с позднейшими дополнениями) Павлом Михайловичем Строевым (1796–1876) из собрания Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 111), которые составили основу фундаментальной публикации документов по истории донского казачества до 1667 г.

ISBN 978-5-6050186-9-8

- © «Малов А.В., Никитин Н.И., 2023
- © «Снежный Ком М»
(ИП Штепин Д.В.), 2023
- © Московский государственный университет
технологии и управления им. К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет), 2023.
- © Оформление: Голуб Ю., 2023..

Предисловие

Структурно монография состоит из двух связанных между собой, но самостоятельных частей и приложения, составляющего самостоятельную часть. Первая часть подводит итоги исследованию происхождения казачества, его социальной организации и взаимоотношениям первых вольных казачьих сообществ с Московским (Российским — с Ивана Грозного) государством. Вторая глава посвящена освоению Сибири и Дальнего Востока в контексте роли казачества в этом великом колонизационном движении на Восток.

Каждая из частей состоит из аналитических глав и материалов регистрованных массовых документальных источников еще не вводившихся в научный оборот историками казачества из архива Казенного приказа. В обеих частях монографии тематические регесты записей, выбранных из расходных книг Казенного приказа за период с избрания на царство Михаила Романова в 1613 г. до 1624 г. являются не только и не столько иллюстрацией к аналитической части, сколько существенно дополняют и расширяют наши знания об истории казачества за указанный период, за который многие историки казачества считали, что найти новые существенные документы уже маловероятно. Хотя частично эти документальные материалы были введены в научный оборот Иванов Егоровичем Забелиным¹, но эта работа

¹Забелин И. Е. Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613–1634 гг.) Часть первая. М., 1882.

не была доведена до конца, и выполнена на не отвечающем современному развитию археографии уровне: принцип отбора для публикации авторских выписок крайне прихотлив (а то и случаен), сверки с оригиналами документов перед публикацией историку сделать не удалось, не говоря уже об отсылке к конкретным рукописям. Лишь за 7121–7122-й (1613/1614) гг. эти книги были опубликованы, но на том же не отвечающем современному развитию науки археографическом уровне¹.

В обеих частях монографии регесты сопровождаются алфавитами упоминаемых в документах казаков и сибирских служилых и житейных людей, что составляет заметный вклад в формирование просопографической базы данных по ранней истории казачества и служилым людям Сибири.

Первая глава монографии посвящена историографическим дискуссиям о происхождении феномена казачества и тем реалиям, которые диктуются письменными источниками. Исследование охватывает период от первых упоминаний о казаках до первых десятилетий русской истории, обеспеченных массовыми документальными источниками, которые фиксируют существование казачества как сложившегося явления русской жизни. Здесь освещается социальная организация вольного казачества и место казачества в русской истории и русском обществе.

Вопрос происхождения феномена казачества рассмотрен в контексте военно-политической и этно-социальной ситуации всего постордынского пространства Дешт-и-Кипчака от крушения Большой Орды. Рассмотрены основные мифологемы истории казачества и историографические парадигмы. Обоснованность научных историографических теорий и концепций рассмотрена с точки зрения репрезентативности их источниковой базы. В монографии предпринята попытка проследить историю рождения некоторых

¹Приходо-расходные книги Казенного приказа: / По инициативе и на средства сотр. АК кн. Г.Д. Хилкова // РИБ. Т. 9 / Отв. за том член АК А.И. Тимофеев. СПб., 1884. С. 1–381.

популярных мифов, в чем большую помощь оказали историографические и биографические исследования жизни и деятельности первых непрофессиональных историков из казачьей среды, как собирателей, свидетелей и носителей множества казачьих преданий и мифов¹.

Во второй главе подводятся итоги многолетних исследований социальной организации вольных казачьих сообществ в контексте развития, во-первых, Русского государства от Великого княжества Московского и Владимирского до Российского царства; во-вторых, в контексте становления и развития сословно-служилой структуры русского общества и ее взаимоотношений с тяглыми сословиями Московского государства. Третья глава Первой части не только и не столько иллюстрирует предыдущие главы, сколько освещает историю казачества на ранней стадии его сложения и существования как в Российском государстве, так и во фронтальной зоне за первое десятилетие его истории, обеспеченное массовыми документальными источниками. Глава представляет собой хронологический регест записей расходных книг Казенного приказа с упоминанием донских, яицких и волжских казаков с алфавитом упоминаемых в документах вольных атаманов, есаулов и казаков.

Вторая часть монографии посвящена участию российского казачества в освоении земель Сибири и Дальнего Востока и формированию сибирского казачества. Четвертая глава подытоживает многолетние исследования одного из авторов истории освоения Сибири и Дальнего Востока и начальной истории вольного российского казачества. Пятая глава в форме хронологического тематического регеста записей расходных книг Казенного приказа о пожалованиях сибирских казаков за службы охватывает первые 12 лет царствования Михаила Федоровича Романова. Данные за эти годы

¹См. например: Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007. — 272 с.; он же. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д., 2011. — 170 с.

особенно ценны для истории освоения Сибири, поскольку освещают период не только до образования Сибирского приказа (1637), когда все сибирские служилые люди ведались в Приказе Казанского дворца, архив которого практически полностью погиб в пожарах XVIII — нач. XIX вв., но и до большого московского майского пожара 1626 г. Все это придает уникальное значение выявленным при полистном просмотре тысяч листов рукописных книг сообщениям записей Казенного приказа.

В приложении помещена опись фонда „Донские дела“ (1594–1802 гг.), составление которой было завершено около 1824 г. (с позднейшими дополнениями) Павлом Михайловичем Строевым (1796–1876) из собрания Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Ф. 111), которые составили основу фундаментальной публикации документов по истории донского казачества по 1663 г.¹, а также внутренняя опись не дошедшей до нас книги Донского повьетья Коллегии иностранных дел за 1712–1721 гг. Если основной корпус документов этой пофондовой публикации по 1663 г. был не только введен в научный оборот, но и опубликован, то документы после 1663 г. публиковались очень выборочно и бессистемно. Продолжение этого титанического труда еще ждет своих исследователей — источниковедов, палеографов и археографов.

А.В. Малов

¹ Донские дела. Кн. 1–5 // РИБ. Т. 18, 24, 26, 29, 34. СПб., 1898–1917.

ЧАСТЬ I

Происхождение казачества: историографические подходы и исторические реалии

Рассматриваемый в этом разделе вопрос по праву считается «коренным» в казачьей историографии: от правильной его трактовки зависит понимание всей истории казаков, включая ее не только ранние, но и последующие периоды¹. Но поскольку казачество всегда было типологически сложным явлением, нам прежде всего надо определиться с самим «предметом исследования».

Документы, относящиеся к ранней (до XVIII в.) истории России, знают, с одной стороны, казаков «вольных», живших на степной окраине Московского государства («в Поле») самоуправляемыми независимыми общинами, и, с другой стороны, казаков «служилых» (иначе — «городовых»), размещаемых в гарнизонах приграничных и «окраинных» городов на правах стрельцов и пушкарей, а также «казаков», являвшихся низшим разрядом воинов в войсках государственных образований, возникших на развалинах Золотой Орды (Крымского, Казанского, Астраханского ханств, Ногайской Орды). Естественен вопрос: как из всего этого конгломерата этносоциальных групп, называвшихся «казаками», вычлениить тех, кто являлся предками *современного* казачества?

¹Маркедонов С. Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в поисках исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

Общеизвестно, что оно берет свое начало от одиннадцати казачьих «войск», существовавших в России к началу Первой мировой войны (1914 г.) — Донского, Уральского, Терского, Кубанского, Астраханского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского и Уссурийского.

Относительно происхождения казачества, приписанного к «войскам», размещенным в Азиатской России, особых проблем нет. Как следует из хорошо сохранившихся документальных материалов, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи «войска» были специально созданы в период от середины XVIII до конца XIX в. по распоряжению российского правительства для защиты восточных рубежей страны путем определения «в казаки» крестьян, мещан, отставных и проштрафившихся солдат, «новокрещенов» и представителей других социальных групп, ранее к казачеству отношения, как правило, не имевших, с их «разбавлением» выходцами из «городовых» казаков и из ранее возникших казачьих «войск»¹.

В немногочисленном Астраханском «войске», окончательно сформированном по тому же принципу в 1817 г., выходцы из «служилого сословия» (городовые казаки, их дети и представители «старых» казачьих «войск») всё же, по-видимому, преобладали². Аналогичным образом обстояло дело с Терским и Кубанским казачьими «войсками», официально оформившимися лишь в 1860 г. и тоже вобравшими в себя к тому времени немало крестьян, однодворцев, солдат из военных поселений и других лиц неказачьего происхождения. Но прочное ядро у кубанцев составили в западной части их расселения «черноморцы» (это бывшие запорожские казаки) а в восточной — представители Кавказского линейного казачества, образованного в 1732 г. путем подчинения единому командованию цепи

¹ *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 124–125, 128–129, 131, 145–146,

² *Антропов О.О.* Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. С. 10–12.

укреплений, протянувшихся к тому времени от Каспийского моря до Черного и прикрывавшихся в основном переведенцами с Дона и из Волжского войска (созданного в 1731 г. главным образом из донских казаков, и упразднённого в 1777 г.). Основу же Терского войска образовали издавна проживавшие в этом регионе гребенские и собственно терские казаки, а также присоединенные к ним «линейцы»¹.

Таким образом, все вопросы, связанные с проблемой происхождения казачества относятся лишь к уходящей в «тьму веков» истории старейших казачьих «войск» — Донского, Уральского и Терского, а также Запорожского — до того, как оно было упразднено в 1775 г., продолжая затем существовать в составе Черноморского войска (образованного из «верных запорожцев» в 1783 г.), переселенного в 1790-х гг. на Кубань. Но и в отношении истории старейших казачьих «войск» требуются определенные оговорки.

Дело в том, что сам термин «войско» применительно к территориальным объединениям вольных казаков в источниках появился сравнительно поздно — в начале XVII в.², да и четкого распределения по местам дислокации («по рекам») у казаков долгое время не наблюдалось. Вольные казачьи ватаги («станции») могли свободно перемещаться с Днепра на Дон, с Дона на Волгу, с Волги на Яик, с Яика на Терек и обратно. Они то объединялись для совместных походов, то, напротив, враждовали друг с другом и переходили из одного лагеря в другой. В приказной документации, фиксирующей контакты Москвы с вольными казаками, они локализуются, как правило, по месту их последнего местонахождения — откуда они на этот контакт «вышли». Поэтому наряду с хорошо известными нам казаками донскими, запорожскими, яицкими, терскими в документах XVI–XVII вв. можно, например, встретить упоминание о казаках «польских»

¹ *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времен... С. 107–112

² *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8–9.

(т.е. просто вышедших из степи — «с Поля») или даже «морских» (т.е. явившихся из какого-то морского похода)¹.

В качестве места «выхода» казачьих отрядов в источниках того времени часто фигурировала Волга. Но помимо «гулявших» по этой реке «схожих людей» из самых различных «войск», было немало и тех, кто жил на ней более-менее постоянно, считаясь «коренными» волжскими казаками. Они даже были создали свое, Волжское, «войско». Но оно просуществовало недолго — до середины XVII в., и «коренные» волжские казаки в конце концов пополнили гарнизоны ближайших русских городов (в качестве стрельцов и прочих приборных служилых людей) и «войска» других казачьих рек².

Последнее было обычным явлением при формировании казачьих «войск»: мелкие и неустойчивые объединения вольных казаков постепенно попадали в орбиту влияния более крупных казачьих общин и вливались в них, но при этом в виде локальных групп еще долго могли сохранять там свою специфику. Тем не менее, в итоге центрами объединения вольных казаков в XVII в. стали средний и нижний Дон с притоками, Яик (Урал), Терек, Днепр ниже порогов. Сложившиеся на этих реках «войска» и стали историческим ядром казачества, а изучение процесса его формирования как раз и может дать ответ на «основной вопрос казаковедения».

К 90-м гг. XX в. он в принципе считался уже решенным. Согласно трудам выдающихся дореволюционных и советских историков (Г.Ф. Миллера, С.М. Соловьева, Д.И. Иловайского, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, С.И. Тхоржевского, Б.В. Лунина, А.А. Новосельского, И.Г. Рознера, Е.Н. Кушевой, А.П. Пронштейна, В.П. Загоровского, Л.Б. Заседателевой, В.Н. Дариенко, Р.Г. Скрынникова,

¹ Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 10–11, 16.

² Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVII–XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 190–191, 244; Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 9; Куцаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 59, 64–65, 129.

А.Л. Станиславского, Н.А. Мининкова и др.), вырисовывалась такая схема, такая картина происхождения казачества.

Не ранее XV в. в южнорусских степях и примыкавших к ним лесостепных районах, по берегам густо заросших в те времена лесами и камышом степных рек, в буферных зонах между различными государственными образованиями возникают независимые самоуправляемые военизированные общины изгоев, беглецов и всякого рода искателей приключений. Поначалу это были главным образом выходцы из различных татарских «орд», а «орды» эти вследствие кризиса золотоордынской государственности, происходившем в XV в., были щедры на политические и социальные потрясения и уже не имели реальной возможности надежно контролировать все номинально подвластные им территории.

В XVI в. среди вольного казачества появляется всё больше выходцев из русских и украинских земель, а к концу столетия они уже решительно преобладают в казачьей среде. Из своей татарской «колыбели» казаки вынесли много элементов материальной и духовной культуры, касающихся в том числе специфически казачьей терминологии (это самоназвание, слова «атаман», «есаул», «бунчук», «кош», «майдан» и т.д.). Однако татарами «инородческий компонент» в составе казачества не ограничивался. Волею судеб в его ряды попадали и представители других народов: поляки, валахи, литовцы, кавказские горцы, турки, греки, мадьяры, калмыки, казахи и даже немцы. При этом этническую основу казачества составляли всё же русские (на Дону, Волге, Яике и Терек) и украинцы (на Днепре).

Первые казачьи общины, видимо, состояли почти сплошь из холостяков, но со временем казаки (везде, кроме Запорожской Сечи) стали обзаводиться семьями. Их женами поначалу были в основном представительницы окрестных народов — татарки, турчанки, персиянки, горянки (на Кавказе), которых обычно захватывали во время военных походов и набегов, а при добрососедских отношениях с соседними народами приобретали за калым. Постепенно в казачьих областях возрастало и число русских женщин: из «полона», отбитого

у «бусурман», из тех, кто был вывезен казаками «с Руси» во время всё учащавшихся поездок туда по служебным, торговым или богомольным делам, а в более позднее время — из семей переселенцев, ибо во второй половине XVII в. русские порой уходили «в казаки» целыми деревнями.

Постепенно вся эта разнородная масса переплавлялась в общность, жившую интересами, обычно сильно отличавшимися от имевшихся на родине, и при преобладании в языке и духовной культуре общерусских черт приобретала ряд важных особенностей, позволяющих уже ближе к нашему времени определять казаков Дона, Яика (Урала) и Терека как этнографические группы (субэтноты) русского народа, а запорожцев — как украинского.

Вот и вся схема происхождения казачества, являвшаяся в нашей стране общепризнанной до 90-х гг. XX в. Она базировалась на огромном и вполне себе репрезентативном фактическом материале, накопленном почти за три столетия научного изучения казачьей истории. Что это за материал?

Во-первых, это большой комплекс документов, хранящихся в наших архивах, в значительной мере уже опубликованный и однозначно свидетельствующий о военном деле как главном занятии казачества и о массовом уходе «в казаки» в XVI–XVII вв. именно русских людей. Во-вторых, — относящиеся к XVII–XVIII вв. указания на в основном русское происхождение казаков — принадлежавшие как сторонним наблюдателям, так и самим казакам. В третьих, — именные списки с указаниями, откуда занесенные в них казаки «вышли». В-четвертых, — множество дошедших до нас от XVI–XVII вв. имен и прозвищ казаков, ясно указывающих на их русское происхождение. В-пятых, — работы лингвистов, показывающих близость казачьих говоров к диалектам тех регионов России, откуда на те или иные «казачьи реки» пришло большинство переселенцев.

Филологами, кроме того, было вполне убедительно доказано происхождение самого слова «казак» и выяснено, что его корень («каз») — тюркский, восходящий к значению «скитаться», «бродить», «кочевать». Появился он (как само бродяжничество и изгойство), конечно же, задолго до

возникновения казачества как такового. Выяснилось, в частности, что слово «казак» встречается в кипчакско-арабском словаре, составленном по-видимому в Египте и датированном серединой то ли XIII, то ли XIV в., и толкуется там именно как человек «бездомный», «бесприютный» «одиночка», «скиталец», «изгнанник». В русских источниках «казаки» стали упоминаться в самом конце XIV — начале XV вв. Этим термином тогда у нас обозначался довольно широкий и постепенно всё расширявшийся круг понятий, а наиболее распространенным значением поначалу тоже было — «изгой», «бездомный бродяга», «неимущий скиталец». Но вскоре на Руси гораздо более распространенным стало другое значение слова «казак»: вольный человек, удалец, промышляющий военным делом.

В то же время на Русском Севере «казаками» называли вольнонаемных работников (и там долго бытовало выражение «казачить» в смысле «батрачить»), у ногайцев — людей, уходивших на заработки на чужбину, у кумыков и балкарцев — слуг и батраков, у осетин — пленников-рабов и т.д., а в татарских государствах, возникших на развалинах Золотой Орды, «казаки» — это просто низший разряд воинов (причем не обязательно из этнических татар), стража, легковооруженная конница¹.

¹О значении слова «казак» в XV–XVI вв. см.: *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1899. С. 364; *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 6–11; *Благова Г.Ф.* Исторические взаимоотношения слов *казак* и *казах* // Этнонимы. М., 1970. С. 143–148; *Каранлыкова Л.Л.* Зарождение казачества в Российском государстве середины XV — начала XVI вв. // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб, 2006. Т. 1. С. 168–169, 172; *Гришкина М.В.* Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // Отечественная история. 2010. № 3. С. 119–120; *Марков В.И.* О возникновении украинского козачества. СПб.; М., 2014. С. 17–97; *Бахтов В.В.* Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2. С. 79–84; *Джу-Юн Ли.* Казаклык и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Пер. с англ. З. Муканова. Алматы, 2022. С. 47, 75.

Все эти факты привели историков к однозначному выводу: «понятие „казак“ обозначало в первую очередь определенный образ жизни, а не этническую или религиозную общность...

Было ясно, что в самых ранних упоминаниях термина «казак» было отражено его главное, *базовое* значение, позволяющее уяснить причины появления других толкований и значений. Выпавший из социальной структуры своего общества человек (изгнанный или ушедший из него сам), в поисках средств существования мог поступить на военную службу к кому-то из сильных мира того — так появились *служилые* казаки, составившие в татарских ханствах XV–XVI вв. низший разряд воинов, стражу, а на Руси — первых *городовых* казаков. Изгой и бесприютный бродяга мог заняться и мирным трудом, нанявшись к кому-то батрачить — так появились вольнонаемные работники, называемые казаками. Беглецы и изгои могли, наконец, объединяться в самоуправляемые общины, которые жили разбоем и время от времени «продавали свою саблю» правителям сопредельных стран — так появилось *вольное* казачество, объединившееся в конце концов в Запорожское, Донское, Яицкое и Терское «войска» — историческое ядро казачества России.

В тюркском мире в положении беглецов и изгоев порой оказывались целые родо-племенные группы, отделившиеся по каким-то причинам от своих соплеменников, но сохранившие, тем не менее, прежний семейный, хозяйственный и бытовой уклад. Тогда из них мог сложиться и отдельный этнос с названием «казаки», и именно так произошло с предками современных казахов, в названии которых у нас последнее «к» заменили на «х» лишь в конце 30-х гг. прошлого века (а в XVIII–XIX вв. называли «киргиз-кайсаками» или просто «киргизами»), но в русских источниках XVI–XVII ст. народ этот фигурировал именно как «казаки», и применительно именно к ним бытовало выражение «Казацкая (или Казачья) орда»¹.

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 520; Вяткин М. Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен по 1870 г. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 77–78; История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата, 1957. С. 139–140; Благова Г.Ф. Указ. соч. С. 149–150; Джу-Юп Ли. Указ. соч. С. 132–182.

Изложенная концепция получила в «казаковедческой» литературе название «миграционной теории», и по сей день разделяется большинством историков. Однако с начала 1990-х гг., когда в нашей стране началось возрождение казачества, она подвергается суровой критике. Ее клеймят как «официальную», «казенную», называют «беглохолопской» (или «беглокрестьянской») и противопоставляют ей «автохтонную теорию», суть которой сводится к следующему.

Казаки — это особый народ, не имеющий по своему происхождению ничего общего с русским народом, Непосредственными предками казаков в этой связи называются либо практически все народы, издревле проживавшие в Подонье-Приазовье и Северном Причерноморье (киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары и т.д. — вплоть до древних славян), либо один, собственно «казачий», народ, причем, по мнению некоторых адептов этой «теории», настолько древний, что принимал активное участие в Троянской войне (XIII–XII вв. до н.э.) и основал Рим.

Автором последнего утверждения является Е.П. Савельев — «донской патриот», не имевший не только исторического, но и высшего образования, и выпустивший в 1915 г. книгу о «древней истории казачества», не раз в последнее время переиздававшуюся и пользующуюся большой популярностью у нынешнего казачества¹. На той же «идейной основе» во второй половине XIX — первой трети XX вв. строились дилетантские сочинения В.М. Пудавова, В.А. Голубинцева, И.Ф. Быкадорова, П.К. Харламова и других самостоятельных исследователей казачьей истории.

Продолжив свою публикаторскую деятельность в эмиграции, эти авторы передали свое видение предыстории и ранней истории казачества следующему поколению историков-эмигрантов, типичными представителями которых явились, например, создатели трехтомного «Казачьего словаря-справочника», вышедшего в 1966–1970 гг. в США (редакторы-составители — Г.В. Губарёв и А.И. Скрылов),

¹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., 2007.

которые разделяли все основные концепции казачьих «самостийников» начала XX в., также демонстрируя на каждом шагу свою политическую ангажированность и недостаток (а то и полное отсутствие) научной подготовки¹.

Взгляды большинства представителей этого течения исторической мысли сформировались в годы Гражданской войны, когда на Дону и Кубани были созданы «самостоятельные государства», потребовавшие соответственного идеологического обеспечения. Впоследствии уже в эмиграции идеологи казачьего сепаратизма (главным образом донцы и кубанцы) действовали уже в рамках организованного ими «Вольноказачьего движения» и назывались обычно «казакийцами». Они заявляли, что «только в самостоятельном государственном бытии (суверенного государства или государств) казачество может осуществить высшее благо — развитие духовное и культурное, равноправное, свободное сожителство населения своих краев, экономическое развитие их» (И.Ф. Быкадоров), и обосновывали свое право на этот суверенитет утверждениями о «древнем и немосковском» происхождении казачества². Квинтэссенция казачьего сепаратизма предельно четко была выражена в словах генерала-коллаборациониста П.Н. Краснова, произнесенных перед своими соратниками в Потсдаме в 1944 г. и противоречивших многому из сказанного им же ранее: «Казаки! Помните, вы не русские, вы казаки, самостоятельный народ. Русские враждебны вам».³

С 1990-х гг. все эти идеи были практически целиком восприняты многими активистами казачьего движения

¹Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») // „Ab imperio“. 2001. № 3. С. 527–558; Корниенко Б.С. Правый Дон и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013.

²Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 117; Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 33–34.

³Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 86.

и получили дальнейшее развитие в их трудах. Причем в числе современных адептов «автохтонной теории» оказывались не только литераторы, журналисты, философы, филологи, социологи, инженеры, отставные военные и прочие дилетанты, не получившие исторического образования. Под ее влияние порой попадают и профессиональные историки — правда, лишь из числа тех, кто ранней историей казачества специально не занимался. И прежде чем остановиться на доводах сторонников «автохтонной теории», посмотрим, чем же их не устраивает «миграционная теория».

Оставим сразу же за скобками безапелляционные утверждения некоторых воинствующих дилетантов об отсутствии у нее «всякого доказательства»¹: такую позицию можно объяснить либо тотальным невежеством ее сторонников, либо какими-то их психическими отклонениями, либо политическими спекуляциями. Как отмечалось, «миграционная теория» опирается прежде всего на огромный документальный материал, сравнительно неплохо сохранившийся в наших архивах и уже давно введенный в научный оборот. В их числе надо отметить в первую очередь документы, связанные с деятельностью внешнеполитического ведомства Московского государства — Посольского приказа, долгое время ведавшего в том числе и связями с вольным казачеством. Это различные «дела» — Ногайские, Крымские, Турецкие, Донские... Последние особенно ценны в силу своего большого количества и того обстоятельства, что значительная их часть была еще в 1898–1917 гг. опубликована Археографической комиссией. Она выпустила 5 томов («книг») «Донских дел» в знаменитой серии «Русская историческая библиотека», предоставив, таким образом, возможность ознакомиться с этим уникальным и бесценным комплексом источников всем интересующимся казачьей историей.

¹ *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru...articles...o-proishozhdenii.html>).

Но многие сторонники «автохтонной теории» априори настроены к ним критически, объясняя свой скепсис тем, что архивные материалы могли быть в более позднее время... «сфаальсифицированы». Допускающие такую возможность демонстрируют полное незнание и непонимание архивного дела и столь важной исторической дисциплины, как источниковедение. Профессиональным историкам-исследователям не надо объяснять, почему архивные документы можно изъять из научного оборота (уничтожить, засекретить), но невозможно сфаальсифицировать. Объясним это дилетантам.

С каждой эпохой связан свой порядок делопроизводства, свой порядок составления документов, свои писчие материалы, способы и манеры письма, отличающиеся как от предыдущих, так и последующих исторических периодов и хорошо известные специалистам. Если даже допустить, что некий досконально разбирающийся во всех этих вещах архивист, отыскав чистый лист бумаги XVI или XVII в. (а время ее изготовления легко определяется по водяным знакам), напишет на нем соответствующим этому времени почерком, заточенным как надо пером и изготовленными по старинному рецепту чернилами какой-то текст, своих коллег он сможет ввести в заблуждение ненадолго. Даже без химического анализа компонентов этого изделия они наверняка распознают подделку, потому что учесть все палеографические тонкости одному человеку практически невозможно. Да и поскольку изготовление подобных фальшивок не может быть легким и быстрым делом, а найти неисписанные листы бумаги XVI–XVII вв. вообще крайне трудно, то нелепым выглядит само предположение, что сотни и тысячи единиц хранения в наших архивах являются фальсификатами...

Из более конкретных претензий к «миграционной теории» часто встречаются такое рассуждение: раз слово «казак» встречается в документах, составленных ранее XV в., то, стало быть, утверждение «официальных историков» о возникновении казачества на исходе этого столетия не верно.

В ответ на это можно лишь повторить, что всякого рода изгои, бродяги и неимущие скитальцы, разбойничавшие или нанимавшиеся к кому-то на службу и называемые «казаками», могли упоминаться в источниках гораздо раньше появления на исторической арене казачества как самостоятельной политической силы, представленной самоуправляемыми военизированными общинами. Но ведь именно такие сообщества, по общему признанию, стали историческим ядром казачества России, а начало их формирования, согласно данным вполне надежных источников, как раз и приходится на период с конца XV до начала XVI вв.

Процесс этот нашел прямое отражение в источниках. Так, в относящейся к 1469 г. записи известного польского хрониста Яна Длугоша мы читаем: «Множество татар, собранных из беглецов, грабителей и изгоев, которых они на своем языке называют козаками... вторглись... на землю Польского королевства»¹.

В Московском летописном своде конца XV в. под 1492 г. мы обнаруживаем такую запись: «Того же лета июня в 10-й день приходили татаровя ординские казаки, в головах приходил Томешок зовут, а с ними двесте и дватцать человек — во Алексин на волость на Вошан и, пограбив, поидоша назад»²

Хорошо и давно известно послание великого князя московского Ивана III рязанской княгине Аграфене от 1502 г., где о ее подданных, рязанцах, в частности, говорилось: «А ослушается кто и поидет самодурью на Дон в молодечество, и ты бы... велела казнить, вдовым да женским делом не отпирайсь». По поводу «молодечества» замечу, что «молодец» — это русский синоним слова «казак», бытовавший по крайней мере до середины XVII в., так что даже традиционное обращение к казакам — «атаманы и казаки» — порой выглядело как «атаманы и молодцы»

¹Цит. по: *Трепавлов В.В.* Большая Орда — Тахт эли. Тула, 2010. С. 26.

²Цит по: *Станиславский А.Л.* Гражданская война... С. 7.

(превратившись позднее в «атаманы-молодцы»)¹. А в дошедших до нас учетных документах («десятиях») XVI в., касающихся служилых людей южнорусских городов, против фамилий многих детей боярских встречаются стандартные записи типа: «сбрел в степь», «сшел в казаки», «сшел на Дон», «на Поле казакует», «у казаках в атаманех». Не менее известна грамота великого князя московского Василия Ивановича (1479–1533 гг.), в которой он писал крымскому хану о казаках, «которые да Дону живут, давно бегая из нашего государства»².

То есть согласно этим (и другим) сообщениям, казаки рубежа XV и XVI вв. уже выступают как вполне сложившееся сообщество, представляющие собой самостоятельную политическую силу, с которой приходилось считаться правителям окрестных государств, чего ранее не наблюдалось. К середине XVI в. источники фиксируют своеобразный итог первого этапа формирования вольного казачества. В 1538 г. на переговорах с одним из ногайских мурз московские послы говорили, что «на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, и из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят». А путивльский воевода в 1546 г. сообщал в Москву: «Ныне, государь, казаков на

¹ Соколовский П.А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 220; Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. 1923. С. 16; Рознер И.Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 50; Никитин Н.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 168.

² Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и словесных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб., 1910. С. 96; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 312–313; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. С. 170.

Поле много; и черкасцев, и киян, и твоих государевых, вышли на Поле из всех украин...»¹

* * *

Критики «миграционной теории» часто приводят и такой аргумент: главный герой былин киевского цикла — Илья Муромец — называется в них «старым казаком», стало быть, казачество существовало уже в Древней Руси, т.е., как минимум, в X–XII вв.²

Опять приходится констатировать крайне слабые представления сторонников «автохтонной теории» об источниковедении. Они то ли не знают, что почти все дошедшие до нас былины были записаны только в XIX в., то ли не придают этому факту значения. Между тем, за столетия своего бытования былины киевского цикла претерпели существенную деформацию, и в них не только богатыри стали «казаками», но и их врагами вместо реально противостоявших Руси в X–XII вв. печенегов и половцев (имена предводителей которых порой доносят до нас былины) стали «татары» — противник из более поздней эпохи — и даже чукчи с коряками-олюторами...³ Как отметили в одном из своих трудов известные исследователи древнерусской истории И.Я. Фроянов и Ю.И. Юдин, «Изучение русского героического эпоса показывает, что многие былины, возникнув на стадии родоплеменного строя, впоследствии перерабатывались в согласии с новыми историческими условиями,

¹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. С. 117–118; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 89.

² Харламов П.К. Казаки. Париж, 1956. С. 6; Гордеев А.А. История казаков. Ч. 1. Золотая орда и зарождение казачества. М., 1992. С. 16; Гнеденко А.М., Гнеденко В.М. За други своя или все о казачестве. М., 1993. С. 23; Рябова Е.Л., Щупленков О.В. Основы казачьей культуры. Учебное пособие. М., 2015. С. 6.

³ Сборник Кирши Данилова. М., 1957. С. 21.

новой исторической обстановкой. Поэтому эпос несет на себе печать разных эпох»¹.

Из того же разряда аргументов — утверждения об участии донских казаков в Куликовской битве (1380 г.)². И в данном случае «удревнителю» казачьей истории ничуть не смутило то обстоятельство, что эта легенда была записана в конце XVII в. и не только не подкрепляется данными репрезентативных источников, но и противоречит им. По замечанию В.Ф. Мамонова, «никаких сколько-нибудь надежных документальных или летописных свидетельств существования донских казаков в 1380 г. по существу не было и нет, а легенд об их участии в Куликовской битве — великое множество», и «от автора к автору, от книги к книге этот рассказ обрастает новыми подробностями», так что, например, и воевода Боброк Волынский превращается в них в «казачьего атамана»³.

На столь же шаткой основе зиждутся широко разошедшиеся по околонучной литературе легенды о преподнесении казаками князю Дмитрию икон (Донской Божьей Матери и Гребеневской Божьей Матери), но из них сторонники «автохтонной теории» делают вполне «логичное» заключение, что донцы к 1380 г. уже имели не только свою боевую организацию, но и храмы с иконами. Указывается даже конкретное селение, жители которого якобы и преподнесли Дмитрию Донскому одну из этих икон — «Сиротинский городок» (позднее — станица Сиротинская)⁴. Только вот незадача: историками и археологами выяснено, что селение это возникло не ранее конца XVI в.⁵ Что же касается Дона в целом, то согласно запискам иеродиакона Игнатия,

¹ Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история (Работы разных лет). СПб., 1997. С. 497.

² Вареник В.И. Указ. соч. С. 31–32, 213–214.

³ Мамонов В.Ф. История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 37–39.

⁴ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 202.

⁵ Скворцов Н.Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 18.

сопровождавшего в 1389 г. митрополита Пимена в Константинополь, на всем их пути от верховья реки до Азова они не видели человеческого жилья — «ни града, ни села», — а из жителей встретили лишь кочевников-татар¹.

Вообще же, приверженцев версии об участии донских казаков в Куликовской битве отличает крайне слабое представление как об эпохе, ею отмеченной, так о об историографии вопроса, что выражается, в частности, в «опровержении» ими тех постулатов «миграционной теории», которых в ней на самом деле не существует. Так, ее сторонникам приписывается мнение, согласно которому казачество образовалось лишь в результате бегства холопов и крестьян от крепостного права. «На дворе 1380 год. Нет еще ни крепостных, ни помещиков, не от кого бежать», — заявляет, один из адептов «автохтонной теории»². «Басня... о беглых москвичах, основавших донское казачество не имеет основания и не выдерживает критики. В XV в., в момент появления казаков на Дону, в России не было еще крепостного права, и всякий мог переходить с одного места на другое», — вторит другой и добавляет: «Вспомним, что былинный богатырь Илья Муромец назван „матерым казаком“. А действовал он гораздо раньше XV–XVI вв. и уж совершенно определенно не был беглым крепостным!»³. «Явно видно, что казаки существовали еще до возникновения крепостного права», — подводит итог перечислению случаев упоминания в источниках «казак» до XVII в. третий противник «миграционной теории»⁴.

То есть, по их представлениям, бежать и скрываться народ мог лишь от крепостного права — других причин к бегству быть не могло, но таких утверждений в работах грамотных

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1897. Т. XI. С. 95; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 53.

² *Вареник В.И.* Указ. соч. С. 213–214.

³ *Нестеров Н.И.* Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008. С. 15–26.

⁴ *Качанов И.В.* Казаки — национальность, сословие или состояние души?! Ставрополь, 2016. С. 10–11.

исследователей ранней истории казачества мы не найдем. Они указывают на разные мотивы, которыми руководствовались желающие пополнить казачьи ряды, и ссылаются на соответствующие источники. В частности — на относящиеся к середине XVI в. записки литовского посла в Крым Михалона Литвина. Он так объяснял уход жителей Руси с давно обжитых мест в степи: «...Одни скрываются от власти отца, или от рабства, или от службы, или от [наказания за] преступления, или от долгов, или от чего иного; других же привлекают... богатая нажива и более обильные места»¹.

Английские путешественники, сталкивавшиеся с «русскими казаками» на Каспии во второй половине XVI в., тоже не связывали появление казаков с крепостным правом и называли их «изгнанниками, поставленными вне закона»². А давно известное в научных кругах и датированное 1666 годом сообщение бывшего подьячего Посольского приказа (ведавшего тогда связями и с вольным казачеством) Григория Котошихина о донских казаках выглядит так: «А люди они породю москвичи и иных городов, и новокрещенные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были х казни в розбойных и татиных и в ьных делах, и покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон»³.

Мнения историков, не связывающих происхождение казачества лишь с бегством от «крепостного права», сторонникам «автохтонной теории» либо остается неизвестным, либо сознательно игнорируется, как и публикуемые в последнее время данные о свободном уходе жителей пограничных русских земель на Дон «в казаки» в XVI–XVII вв. В частности, как показал на большом документальном материале

¹ *Литвин Михалон*. О нравах татар, литовцев и москвитян (Перевод В.И. Матузовой). М., 1994. С. 100, 102.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. [Л., 1937]. С. 253.

³ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

О.Ю. Куц, и во второй трети XVII в. «на Дон в казаки далеко не всегда уходили люди, совершившие преступление или бежавшие от своих владельцев. Среди приходивших на Дон было немало лично свободных людей, особенно молодежи, и прежде всего с южных окраин Русского государства»¹.

Довольно странно выглядит трактовка некоторыми современными казачьими активистами часто используемого сторонниками «миграционной теории» высказывания самих казаков о своем происхождении — в знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.): «Отбегаем мы ис того государства Московскаго, из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и дворян государевых...». По убеждению руководителя пресс-центра Всевеликого Войска Донского С.В. Казакова, доверять этим словам нельзя, поскольку-де автором «Повести» является есаул Фёдор Порошин — бывший холоп, а не «природный» казак². Но, во-первых, авторство Порошина — вовсе не твердо установленный факт, а во-вторых, кто бы ни написал «Повесть», она передает настроения и взгляды всего Донского войска, иначе не была бы в свое время так широко (и в нескольких «редакциях») распространена в казачьей среде³. Да и разве могли бы быть чуждыми «природным» казакам такие строки «Повести»: «Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войским не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать...»⁴.

Казачье или неказачье происхождение авторов для таких активистов, как С.В. Казаков, похоже, имеет определяющее значение: первым, естественно, доверия гораздо больше, чем вторым. Но как в таком случае сторонники «автохтонной

¹ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 75.

² Казаков С.В. Послесловие (Личное мнение войскового пресс-секретаря) // *Вареник В.И.* Указ. соч. С. 216.

³ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 59–81.

⁴ Там же. С. 77.

теории» должны относиться к следующим высказываниям несомненных представителей казачества?

Бывший член Донского войскового круга М.А. Поликарпов: «По крови казаки — русские люди преимущественно, а в примеси есть все»¹.

Бывший член Донского Войскового круга и Верховного круга Дона, Кубани и Терека П.А. Скачков: «Казачество — это чисто русское, глубоко самобытное явление...»².

Казак Донского войска, генерал К.И. Сычов: «Казаки, а донские в особенности, являются потомками русских людей, корнями своими уходящих в земли — Московскую, Суздальскую, Рязанскую, Владимирскую, Новгородскую и др.»³.

Или, наконец, атаман Терского войска (с апреля 1917 г.) М.А. Караулов — один из образованнейших представителей казачьей интеллигенции, относивший возникновение вольного казачества к началу XVI в.: «Можно смело сказать, что казачество это — Русь, но не безвольная холопская Русь, стонущая под чужеземным игом и бессильно тонущая в междоусобной борьбе, а Русь свободная, победоносная, широко распространяющая свои орлиные крылья по степному простору...»⁴.

Вполне соответствуют данным науки и представления М.А. Караулова о причинах ухода русских людей в казачьи общины. По его словам, туда «стекались „лучшие“ люди Московской Руси, стекались все, кто, чуя в себе силушку великую, хотел размыкать ее по чисту полю, удаль свою молодецкую показать и добыть себе чести, а казачеству славы. Сюда же стекались и те, кто искал себе спасения от холопства невольного, от прикрепления к земле, к тяглу, к помещику, так как к концу XVI века Московское государство держало уже в крепких тисках своих граждан, возложив на них тяжелые

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 248.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 276.

⁴ Караулов М.А. Указ. соч. С. 24.

обязанности пред государством, — обязанности, не соответствовавшие правам. И вот, кто хотел избавиться от этих тисков, от тяжести податей и налогов и от произвола дворян да бояр государевых; кто желал вольной, свободной жизни, кого не пугало царившее в казачьих общинах общее равенство, а влекло к себе товарищеское братство. — все стекались на берега „заполных“ речек и увеличивали собою толпы казачества...»¹

Некоторые сторонники «автохтонной теории» пытаются объяснить позицию ее противников в советское время тем, что они-де просто боялись впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма, ибо базовые положения «беглохолопской теории» происхождения казачества якобы разделял сам Карл Маркс². Но как тогда быть с вышеприведенными высказываниями представителей казачества? Списать их на боязнь «впасть в противоречие с установлениями марксизма-ленинизма» в данном случае никак не получается: М.А. Караулов был в декабре 1917 г. убит «революционно настроенными солдатами», а М.А. Поликарпов, П.А. Скачков и К.И. Сычов — эмигранты, активные участники антибольшевистского движения. Так что остается, наверное, усомниться и в их принадлежности к «природным» казакам...

* * *

Для критиков «миграционной теории» происхождения казачества обычны и аргументы такого рода: беглые крестьяне, которых «официальные историки» считают предками современного казачества, были не приспособлены к жизни в «Поле», не обладали никакими воинскими умениями и навыками, «не имели в своем распоряжении боевого оружия», а если и имели, то не могли превратиться в столь сжатые сроки в искусных воинов, перед которыми «трепетали

¹ Там же. С. 29.

² Вареник В.И. Указ. соч. С. 39, 41.

турецкие султаны», и т.д.¹ Но и эти доводы абсолютно не состоятельны, как и утверждения, что «у воина и землепашца, коими являлись беглецы-крестьяне, совершенно разный склад ума, навыки, обычаи»². Те, кто придерживается такого мнения, просто «переносят» знакомых им «по жизни» или по художественной литературе крестьян XIX — начала XX вв. в условия «Дикого Поля» XVI–XVII вв. Но для каждой эпохи характерны свои социокультурные типы. Кроме того, из крестьян «в казаки» уходила обычно молодежь, а она была способна быстро адаптироваться к новым условиям во все времена. Разве не из крестьянской молодежи набирали рекрутов в армии Румянцева и Суворова, демонстрировавшие всему миру чудеса храбрости и воинского умения? А в XVI–XVII вв. казаками чаще всего становились жители приграничных районов, имевшие из-за постоянных вражеских набегов и оружие, и необходимые для выживания навыки вооруженной борьбы. Показательно, что в гарнизоне «украинного» города Ельца в начале XVII в., как показали И.О. Тюменцев и Е.В. Кусаинова, среди казаков-«новиков» преобладали именно бывшие крестьяне³. В Брянске середины XVII в., как выяснил Д.А. Ляпин, «службу... несли крестьяне местных слобод, вооруженные пищалями, а также ямщики с рогатинами»⁴. В Западной Сибири, согласно

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 11; Трут В.П. К вопросу о теории происхождения и сущностной характеристике казачества // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 277; Никитин В.Ф. Казачество: Нация или сословие? М., 2007. С. 13–14; Нестеров Н.И. Указ. соч.; Качанов И.В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 15.

² Гаджиева Л.И. Мир казачества в изображении Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 7.

³ Тюменцев И.О., Кусаинова Е.В. Служилые казаки Юга России накануне Смутного времени начала XVII в. // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д, 2010. С. 17.

⁴ Ляпин Д.А. К вопросу о «городских восстаниях» в России в середине XVII века (по материалам южнорусских уездов) // Отечественная история. 2010. № 4. С. 144–145.

«росписи» 1670 г., из 579 драгун 38 оказались выходцами из посадской среды, а 384 — крестьянскими детьми¹.

От XVII в. сохранилось немало так называемых «осадных» (или «сметных») списков и книг русских городов с указаниями, где и с каким оружием каждый дворовладелец должен находиться в «сполошное время», и в этих «росписях» фигурировали как служилые и посадские люди, так и крестьяне². По наблюдениям В.А. Волкова, «боевым оружием, в том числе и огнестрельным, были вооружены многие уездные крестьяне не только порубежных волостей, но и достаточно удаленных от границ местностей», а «на юге России оружие стало необходимой принадлежностью почти всех сельских жителей»³.

В Сибири вплоть до XVIII в. добровольцы из крестьян нередко участвовали вместе со служилыми людьми в военных походах на кочевников, чтобы отомстить за набеги на свои деревни и слободы; крестьяне в то время могли вообще составлять главную силу при обороне сибирских слобод, вполне официально получая для этого из «казны» оружие и боеприпасы⁴. В той же Сибири XVII в. было известно немало

¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 78.

² Любопытное вооружение города Тобольска против калмыков в 1646 году // *Сибирский вестник*. 1821. Ч. 13. С. 289–294; *Кузнецов И.Н., Новохатко О.В., Шахова А.Д.* Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М., 2014. Приложения. С. 351–519; *Русская военная сила*. 2-е изд. М., 1897. Т. 1. С. 395; *Очерки русской культуры XVII века*. [М.], 1979. Ч. 1. С. 238; *Аракчеев В.А.* Ополчение «из всяких жилецких людей»: Мобилизационные ресурсы городов Северо-Запада России в 1630-х гг. // *Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648): Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны*. М., 2018. С. 211–220.

³ *Волков В.А.* Войска и войны Московского государства (конец XVII — первая половина XVII в.). М., 2004. С. 264.

⁴ *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 68; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. XVII век. М., 1956. С. 246; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 57; *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII. Омск, 2005. С. 156.

примеров превращения типичного крестьянина в отважного воина (характерный пример — «покоритель Приамурья» Ерофей Хабаров), что и не удивительно, учитывая северное (поморское) происхождение большинства русских переселенцев за Урал: во время Смуты начала XVII в. «жилицкие люди» Поморья, как отмечает В.Д. Пузанов, «не только защищали свои города и уезды... но и составляли рати ополчений, которые освободили от иноземцев Московское государство»¹. За Уралом эти навыки были, конечно же, востребованы и получили дальнейшее развитие.

Военная организация тяглого населения Русского Севера XV–XVII вв. специально исследовалась А.М. Молочниковым. Он показал хорошее владение посадскими людьми и крестьянами этого региона как луком со стрелами (что легко объясняется охотничьими навыками тамошнего населения), так и другими видами оружия — пищалями и «самопалами», «топорками», бердышами, копьями, сулицами, рогатинами. А общая оценка современниками воинского мастерства северян была такой: «великие ратницы и зело смелы к ратному делу...»²

П.П. Епифанов, видный специалист по военной истории, пришел к выводу, что в России XVII в. «традиционное умение горожан и крестьян обращаться с холодным и огнестрельным оружием, передаваемое от дедов и отцов к сыновьям и внукам, давало правительству возможность при огромных потерях ратных людей в непрерывных войнах систематически пополнять „убылые места“ стрельцов, пушкарей и городских казаков...»³.

Стремление крестьян и прочих «тяглых людей» попасть всеми правдами и неправдами в состав служилого сословия

¹ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII в.). СПб., 2010. С. 333.

² Молочников А.М. Военная организация тяглого населения Русского Севера с середины XV до начала XVII века // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Ю.Г. Алексева. М., 2016. С. 210–219.

³ Очерки русской культуры XVII века. [М.], 1979. Ч. 1. С. 238.

тоже достаточно хорошо известно, и оно далеко не всегда приветствовалось правительством: практически каждый «разбор» гарнизонов окраинных городов в XVII в. выявлял в их составе крестьян, поверстанных (часто за взятки) в стрельцы, городовые и беломестные казаки, в рейтары и пушкар¹. Ну, а в общинах вольных казаков таких «разборов» тогда не было...

Нынешним казакам обычно очень не нравится, когда в числе их предков упоминают крестьян («мужиков»), а потому некоторые казачьи идеологи и переносят в XVI–XVII вв. реалии начала XX в.: даже признавая бегство на Дон в конце XVII в. множества крестьян (а от этого факта тоже никуда не уйти), они уверены в том, что крестьяне всё равно «казаками не становились», а у всех прочих переселенцев (боевых холопов, дворян) могли стать казаками лишь потомки — «через два-три поколения»².

Это чисто умозрительное заключение решительно противоречит данным исторических источников, опираясь на которые исследователи давно установили, что в конце XVII — начале XVIII вв. прием беглых (в том числе крестьян)

¹ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVII — начале XVIII века. М., 1972. С. 177; Загоровский В.П. Общий очерк заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма (XVI век — начало XVIII века) // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. [Воронеж], 1987. С. 16; Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 152–154; он же. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 64–66; История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 2. Крестьянство в период раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 419–420; Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 10; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 125; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 324–325, 327, 331–332.

² Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 33, 520, 530–531.

в казаки был хоть и затруднен по сравнению с предыдущим временем (а кое-где новопришлых стали зачислять в казаки «с разбором» уже в середине XVII столетия), но происходил он не «через два-три поколения», а через гораздо меньший срок — 5–7 лет¹.

Согласно «допросам» казаков на Яике в 1719 г., «многие объявляют, что они сходцы и беглецы из разных городов и пригородов и уездов; пушкарские и солдатские, и казачьи дети, и ясашные и дворцовые крестьяне, и записные кузнецы и их дети, и посадские»². А общий итог наплыва крестьянского населения в казачьи регионы можно тоже проиллюстрировать на примере Яика. Там к 1724 г. из 4536 представителей мужского казачьего населения (включая стариков, детей и инвалидов) выходцами из крестьян оказались 3196 человек, а из пригодных к службе казаков таковыми назвались 1922 человека (т.е. более 60%)³.

Жизнь казаков в непосредственной близости от враждебных и многочисленных «орд» при постоянных занятиях «воинским промыслом» была опасной даже в XVIII в. «В боях и походах», при обороне своих «городков» казаки часто

¹ *Пронштейн А.П.* Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 315–316; *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 120; *Дариенко В.Н.* Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 55–56; *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 208–212; *Павленко Н.И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России (К 100-летию со дня рождения акад. Н.М. Дружинина) М., 1986. С. 73–74.

² *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII — начале XVIII в. М., 1966. С. 14.

³ *Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 37–39; *Дубовиков А.М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачества // Казачество в тюркском и татарском мирах. Казань, 2018. С. 299.

несли тяжелые потери и не могли пренебрегать любой возможностью пополнить «войско» за счет притока людей извне. О невозможности «службы великому государю» без такого пополнения казаки открыто говорили московским властям в ответ на требования выдать тех или иных беглецов: «только де нам людей выдавать, и нам де и на Дону не бывать»¹. И если «войско» порой принимало в свои ряды даже плененных врагов из числа «басурман»², то всякий русский и православный человек, способный держать в руках оружие, был у казаков тем более «ко двору»...

Констатируя это, нельзя вместе с тем не признать, что в советской историографии при освещении вопроса о социальном статусе ушедших в казаки людей допускался некоторый перекокс: видимо, пытаясь подчеркнуть близость казаков к угнетенным слоям русского общества, и в связи с их активным участием в «классовой борьбе» многие исследователи выводили казачество прежде всего и главным образом из крестьян (хотя не отрицали и наличие в нем представителей других социальных слоев и даже порой приводили факты, ставящие под сомнение крестьянское происхождение большинства казаков³). Более того, некоторые историки, ссылаясь на В.И. Ленина, вообще называли казачество «частью российского крестьянства» или «более организованным отрядом крестьянства»⁴. Однако в последние

¹ Любавский М.К. Указ. соч. С. 322; Тхоржевский С. Указ. соч. С. 15.

² Черницын С.В. Донские татары — мусульманская группа донского казачества. Этапы и тенденции этнической истории // Казачество в тюркском и татарском мирах. С. 284.

³ Так, А.И. Баранович, рассматривая список казаков, бывших в 1581 г. на службе у короля Речи Посполитой, обнаружил, что в своем большинстве они были не из крестьян: «среди них очень много бывших горожан, более четверти — иноземцы, выходцы из Белоруссии, России, Польши, Молдавии, Литвы и других стран» (Баранович А.И. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (социально-экономические предпосылки войны). М., 1959. С. 178).

⁴ Швецова Е.А. Предисловие к сборнику документов «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (Т. 1. М., 1954). С. 6; Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д., 1995. С. 172.

три десятилетия, этот перекокс исправляется: историки всё чаще подчеркивают, что до середины XVII в. выходцев из крестьянства у вольных казаков было как раз менее всего, а первое место среди них занимали мелкие служилые люди, включая «боевых холопов», т.е. военных слуг, принадлежавших боярам и дворянам¹.

И это закономерно, ибо на завершающем этапе формирования единого Русского государства происходило серьезное ущемление прав местных политических элит. Потому-то в «десятиных» южнорусских городов с начала XVI в. и появляются записи о том, что тот или иной обедневший сын боярский «сбрел в степь», «сшел в казаки», а среди вольных казаков XVI–XVII вв. нередко встречаются лица с дворянскими (и даже княжескими) фамилиями².

При всем том, полностью отрицать наличие бывших крестьян в составе казачества даже на ранних этапах его истории, конечно, тоже нельзя: их отсутствие среди казаков было бы очень странным, учитывая, что в XVI–XVII вв. более

¹ См., например: *Беляев Л.А.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 108–109; *Тюменцев И.О.* Казаки — не из крестьян // Новая газета на Дону. 2005. № 11; *Тулаева С.А.* Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация // Политика. 2010. № 2. С. 68; *Рыблова М.А.* Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174; *Марков В.И.* О возникновении украинского казачества. С. 119.

² *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 136; *он же.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 120; *Маркедонов С.М.* Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях казачества и Российского государства) // Консерватизм и традиционализм на Юге России. Ростов н/Д., 2002. С. 130–160; *он же.* Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 101.

90% населения страны составляло крестьянство¹. Указания на крестьянское происхождение части казаков мы находим в заслуживающих доверия источниках по крайней мере с начала XVII в.², а в дальнейшем — всё чаще. Примечательно, что среди казаков атамана Баловня, попавших в плен после разгрома его войска под Москвой в 1615 г., выходцы из крестьян, как показал А.Л. Станиславский, занимали второе место, составляя 25,5% плененных (а на первом, да простят меня идеологи казачьего возрождения, были всё же холопы — 35,1%)³. Даже столь убежденный адепт «автохтонной теории» происхождения казачества, как Е.П. Савельев, вынужден был констатировать появление «на Дону в первой половине XVII века беглых крепостных крестьян, которых казаки, постоянно нуждавшиеся в людях, принимали в свои ряды с охотой»⁴.

Многочисленные случаи приема в казаки крестьян на Дону отмечены применительно ко второй трети XVII в. О.Ю. Куцем⁵, и прием этот был вполне естественным: к марту 1667 г. относится сообщение царицынского воеводы, хорошо осведомленного о казачьих делах, что «во многие де донские городки пришли с украины (т.е. с окраин Московского государства. — *Н.Н.*) беглые боярские люди и крестьяне з женами и з детьми»⁶.

¹ *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М., 1973. С. 27–29; *Российская империя от истоков до начала XIX в. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011. С. 335–337.

² *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 189.

³ *Станиславский А.Л.* Гражданская война... С. 146–147.

⁴ *Савельев Е.П.* Указ. соч. С. 303.

⁵ *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 98–99, 100–101, 105.

⁶ *Крестьянская война под предводительством Степана Разина.* Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 73.

Наконец, хорошо известно, что ряды вольного казачества нередко пополнялись русскими людьми, бежавшими из «бурсурманского» плена, а это бывали выходцы из самых разных сословий, в том числе и крестьян¹.

* * *

В своем стремлении развенчать «беглокрестьянскую теорию» некоторые казачьи активисты пытаются использовать и такую научную дисциплину, как историческая география, но при этом порой демонстрируют полное ее незнание. Вот что пишет, например, Верховный атаман Великого братства казачьих войск В.Ф. Никитин: «Открываем карту и смотрим, где же эти укромные уголки, в которых так удачно могли скрываться сотни тысяч беглых крестьян со своими семьями и пожитками в течение как минимум двух столетий. И что же мы видим? Это самые крупные, центральные, основные реки России — торговые и политические магистрали! Днепр, Дон, Волга, Урал и Терек. Более неудачного места для того, чтобы спрятаться, придумать сложно <...> Здесь нет лесов, гор, непроходимых болот... Это преимущественно степь, которая просматривается на многие километры вокруг и где поиск беглецов максимально упрощен»².

В основе подобных рассуждений — опять столь характерный для дилетантов перенос реалий новейшего времени в глубь веков. Приведем в этой связи слова одного из соратников В.Ф. Никитина в деле возрождения казачества — журналиста В.И. Вареника. Тот, в отличие от своего именитого коллеги, серьезно изучил историческую географию родной Донской области, и его удивило «то невнимание, которое оказывали подавляющее большинство исследователей истории Дона проблеме ландшафтных зон, словно и не существовало вековой передвижки границ лесов и степей.

¹ *Рознер И.Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; *Рябов С.И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С. 25–27; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 19–20.

² *Никитин В.Ф.* Казачество... С. 12–13.

Сегодняшние авторы, — пишет В.И. Вареник... — подходят к оценке природных явлений 15–16 вв. ... с сегодняшней точки зрения, не учитывая глобальных изменений в климате и растительном покрове за последние 500 лет»¹. А тогда, как убедительно показано В.И. Вареником, вдоль Дона тянулись крупные лесные массивы, его низовья изобиловали озерами, переходящими в болота, рукавами и протоками «со сплошным камышовым морем»². То есть мест, где можно «спрятаться», на Дону в то время было предостаточно.

И это — не открытие В.И. Вареника. То, что по берегам степных рек Восточно-Европейской равнины в древности широкой полосой росли густые леса, было хорошо известно еще дореволюционным историкам³. Как и то, что кроме лесов, убежищем для беглецов могли служить огромные камышовые заросли — подобные тем, что покрывали Нижний Днепр с его многочисленными островами и протоками. Там, по словам М.К. Любавского, крупнейшего специалиста в области исторической географии, «в непроходимых дебрях плавней умели ориентироваться только казаки. Турецкие суда, попавшие в 1626 г. в плавни, едва выбрались из них и больше уже не решались проникать в их гущу»⁴. А на Нижней Волге — в Самарской луке — имелись не только леса, но и горы с множеством пещер, и не случайно именно это место в XVI в. стало опорной базой для волжского казачества⁵. И уж совсем удивительно читать об отсутствии гор на Тереке (т.е. на Северном Кавказе!), где, по одной из наиболее обоснованных версий, казаки назывались «гребенскими» потому, что первоначально как раз и поселились «на гребнях гор»⁶...

¹ Вареник В.И. Указ. соч. С. 74

² Там же. С. 75–93.

³ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен. С. 105–106.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Там же. С. 271.

⁶ Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801). Владикавказ, 1912. Т. 1. С. 12; Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 56–57.

Итак, в XVI–XVII вв. всякого рода беглецам скрываться на «казачьих» реках в случае необходимости было где, тем более, что речь в данном случае должна идти не о «сотнях тысяч беглых», а о неизмеримо меньшем их числе. По данным, приведенным Р.Г. Скрынниковым, на рубеже XVI и XVII вв. «общая численность вольных казаков на южных окраинах России (включая запорожцев) едва ли превышала 11–14 тыс.». При этом на Дону их число «едва ли превышало 3 тыс. чел. Примерно такой же была численность казаков на Волге»¹. Через полвека демографическая ситуация на «казачьих реках» принципиально не изменилась. По показаниям самих казаков, накануне «Азовского осадного сидения» 1641 г. (т.е., как полагают казачьи историки, «на пике своего могущества») Войско Донское состояло примерно из 10 тыс. человек². На других реках в середине XVII в. казаков было намного меньше: на Яике — около 2 тыс., на Тереке — всего 500³. Кстати, динамика численности казачества уже сама по себе показывает несостоятельность «автохтонной теории» его происхождения. Так, если после «Азовского сидения» на Дону осталось в живых всего около 4 тыс. казаков, то через 10 лет их там было уже более 10 тыс., а к 1670 г. — около 20 тыс.⁴ Ясно, что такое увеличение численности Войска Донского путем одного лишь «естественного прироста» (без массового притока людей извне) было невозможно — особенно учитывая то обстоятельство, что большинство казаков в то время семей не имело...

Свои первые «городки» казаки обычно строили в самых укромных, труднодоступных местах — береглись, стало

¹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 124–125.

² Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 262.

³ Дариенко В.Н. Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 6. С. 57; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. С. 20.

⁴ Пронштейн А.П., Мининсков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. [Ростов н/Д], 1983. С. 82.

быть, вражеского нападения¹. Но — со стороны не столько «Руси», сколько окрестных «орд» (ногайских, татарских), а также Турции. Походы московских ратей на казачьи реки в силу больших сложностей с их организацией (из-за дальности расстояний) были вообще довольно редки (и далеко не всегда удачны), до начала XVIII в. не ставили целью поимку и возвращение «на Русь» беглецов, и если случались, то носили «точечный» характер, будучи направленными лишь против чем-то сильно прогневивших Москву групп «воровских» казаков. С остальными она предпочитала договариваться о «службе» (и небезуспешно), вынужденно считаясь с тем, что «с Дона выдачи нет».

Вполне объяснимо и то, почему стремившиеся стать «вольными людьми» беглецы обосновывались не в какой-нибудь таежной глухомани за сотни верст от человеческого жилья, а уходили, как выразился В.Ф. Никитин, на «самые крупные, центральные, основные реки России — торговые и политические магистрали». Казаками ведь обычно становились «пассионарии», предпочитавшие мирному труду «воинский промысел», но ясно, что если станешь им заниматься под боком царских воевод на большой дороге где-нибудь в Муромских лесах, превратившись в банально-го разбойника, то долго не «погуляешь»: рано или поздно тебя поймут и повесят, да и «хабар» от такого «промысла» не пойдет ни в какое сравнение с добычей от «шарпания» купеческих судов на Волге или походов «за зипунами» к турецким, крымским и персидским берегам. А если такие походы совпадут с внешнеполитическими замыслами Москвы, то за них и от «великого государя» можно «жалованье» получить...

Из того же ряда еще один направленный против аргументации «официальных историков» довод сторонников «автохтонной теории», встречающийся даже в художественной

¹ *Скворцов Н.Б.* Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автреф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014.

литературе¹: раз люди бежали на Дон и прочие «запольные» реки, значит, им было куда и к кому бежать, т.е. там уже проживало какое-то постоянное население, и это, конечно, был «казачий народ» или какие-то остатки «изначального», древнего казачества, некое его «ядро»². Но и этот довод не выдерживает научной критики. В «Дикое Поле» бежали не только одиночки, а история знает массу примеров самоорганизации людей на новых землях и успешной адаптации новоселов к непривычным условиям. Это и «бухтарминские каменщики» — старообрядцы, ушедшие в 1770–1780-х гг. за пределы Российского государства, в глубину Алтайских гор (в «Камень») и поселившиеся там на реке Бухтарме, принимая на протяжении всего XIX в. множество беглецов из уже прочно освоенных районов Сибири. И первые европейские колонисты на Американском континенте. И создатели «пиратских республик» в бассейне Карибского моря³. К кому бежали они? И вообще, разве бы состоялось расселение людей по Земному шару без деятельности первопроходцев и первопоселенцев?..

Но в нашем случае русским людям как раз было, «к кому бежать»: во второй половине XV в. «на Поле» уже вовсю действовали казачьи ватаги. Но это были, конечно, представители не загадочного «казачьего народа», а народа, хорошо современникам и историкам известного — изгои и беглецы из *татарских* орд. Как полагал Р.Г. Скрынников, «поначалу число русских переселенцев в „диком поле“ было невелико, и они часто селились в татарских станицах, где жили беглые рабы и „черные люди“, отбившиеся от своих кочевий»⁴. А.Л. Станиславский представлял процесс складывания

¹ Говорков А. Феликс Эдмундович и молодая крестьянка // Наша улица. 2003. № 10. С. 126–127.

² Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1. С. 45; Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 39–40.

³ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 337; Блон Ж. Флибустьерское море. М., 1985. С. 27–46; Ципоруха М. Под черным флагом. М., 2009. С. 257–258 и др.

⁴ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 117.

первых казачьих общин сходным образом: «Создавались ли славянские казацкие отряды по образцу татарских, вытеснял ли славянский элемент постепенно элемент татарский в вольных степных отрядах, или, может быть, происходило и то, и другое — обо всем этом источники сообщают скупо. Впрочем, еще долго казаки достаточно безразлично относились к национальности и сословному происхождению тех, кого они принимали в свои ряды. Ногайский татарин рядом с бывшим рязанским мужиком, обедневший сын боярский под началом холопа — обычные сочетания даже для XVII в.»¹.

* * *

Одним из самых сильных своих аргументов, призванных развенчать «миграционную теорию» происхождения казачеств ее противники считают «феномен казачьего самосознания». Утверждается, что казаки в массе своей всегда четко отделяли себя от русских, не считали себя русскими, «исторически никогда не связывали себя с московским народом» и т.п.²

Действительно, на Дону такие взгляды получили широкое распространение уже в конце XVIII в., на других казачьих реках — позднее, и этот факт часто преподносится как свидетельство особого, отличного от русских происхождения казаков: народная-де память не ошибается. Некоторые авторы, кроме того, заявляют, что казаки вообще никогда не связывали свое происхождение с переселением своих предков откуда бы то ни было. «Казаки от казаков ведутся», — вот лейтмотив их заявлений по этому поводу (обычно

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 8.

² Савельев Е.П. Указ. соч. С. 240; Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 107, 302; Аджиев М. Мы — из рода половецкого! [Рыбинск], 1992. С. 54; Вареник В.И. Указ. соч. С. 144–148; Трут В.П. К вопросу об этносоциальном облике казачества в начале века и проблемах его возрождения на современном этапе // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 77–78.

в сопровождении ссылки на соответствующий эпизод из «Тихого Дона» М.А. Шолохова)¹. А есть среди казаковедов и такие, кто полагает, что не только казаки прошлых веков не считали себя русскими, но и жители московских областей, да и само правительство смотрели на казаков как на особую народность».

Доктор исторических наук (и «родовой кубанский казак») Н.Н. Лысенко, специализирующийся на истории ираноязычных кочевников Евразии во II в. до н.э — II в. н.э. даже «развивает» эту мысль и приходит к весьма «смелому» заключению: «Не только в большинстве, а, пожалуй, и во всех без исключения источниках по истории Руси-России XIV–XVII веков мы не найдем упоминаний казаков в контексте „русскости“...». И ему, «таким образом, становится понятным, что по крайней мере донские казаки — альфа и омега российского казачества» имели «весьма мало общих генетических корней с великорусским этносом»².

Чтобы убедиться в абсурдности этих утверждений достаточно заглянуть хотя бы в так называемые Сибирские летописи, описывающие поход Ермака: соратники знаменитого атамана там прямо называются «русскими казаками», «русскими воинами», «русскими людьми»³.

И относительно того, что казаки никогда не считали себя русскими — это тоже неправда. Документы сохранили нам высказывания казаков о своей родословной: у донцов — в середине XVII в. (в упоминавшейся выше «Повести об Азовском осадном сидении»), у уральцев и гребенцов — ближе к середине XVIII в. И все они выводят своих предков главным образом с русской территории и прямо называют их «беглыми людьми» и «разных мест пришельцами»⁴.

¹ Вареник В.И. Указ. соч. С. 139, 148.

² Там же. С. 118–120

³ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М. 1987. С. 92, 110, 131, 181, 182 и др.

⁴ Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. С. 29.

Представления казаков о своем происхождении от «беглых из России» фиксируются даже записанными на Дону народными преданиями о событиях XVI в.¹

На это обстоятельство уже обратили внимание многие историки. А.Л. Станиславский подчеркнул, что в XVII в. казаки «осознавали себя частью русского народа, а места своих поселений считали частью России» («Московского государства»)².

С.М. Маркедонов вполне резонно заключает, что поскольку «Повесть об Азовском осадном сидении» была обращена не к османам или крымцам, а к Земскому собору Московского государства, то и ее слова о происхождении казаков («отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и дворян государевых») следует рассматривать как официальное признание Войском Донским бегства с Руси на Дон главным источником своего формирования³.

О.Ю. Куц обращает внимание на то, как остро реагировали донские казаки на «росхищенье» православного населения Руси во время татарских набегов, называя угоняемых в «бусурманское» рабство полоняников «отцами своими, и матерями, и сестрами единокровными»⁴. Это находило поддержку и понимание у московского правительства, хвалившего казаков за то, что они государю служат, «*помня... свою природу*»⁵. При исследовании на солидной документальной базе социально-психологического облика донских казаков XVII в. О.Ю. Куц приходит также к заключению, что им было присуще сознание своей принадлежности

¹ Тумилевич Т.И. Донские исторические предания о Ермаке. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1980. С. 10.

² Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 8.

³ Маркедонов С. Основной вопрос казачеведения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

⁴ Куц О.Ю. Азовское осадное сиденье 1641 года. М., 2016. С. 6.

⁵ Он же. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. С. 325 (выделено мной. — Н.Н.)

к православному миру, к Русскому государству и русскому населению¹. «Будучи в массе своей выходцами из России, — пишет Куц, — казаки сохраняют сознание своей принадлежности к ней: донское казачье сообщество по своему мироощущению, зафиксированному как в казачьих войсковых отписках в Москву, так и в документах внутридонского характера... предстает перед нами в значительной мере как часть русского общества»².

По мнению О.В. Губенко, «казачество Кавказа, в первую очередь терское, во все эпохи являлось связующим звеном (в различных вариантах) внутри общекавказского социума, при этом обеспечивая связь этого социума с российским обществом и оставаясь, независимо от своей ярко выраженной кавказскости, составной частью русского культурного пространства»³. О том, что проживавшие в начале XVII в. далеко от пределов Российского государства терские казаки «ощущали себя его составной частью» пишет и Т.А. Ткаченко⁴.

Н.А. Мининков отмечает, что фольклорная традиция донских казаков связывала время их появления на Дону с «казанской службой» Ивану Грозному (т.е. лишь с серединой XVI в.), а исследуя менталитет донских казаков XVII в., приходит к выводу, что они тогда «одинаково ощущали свою принадлежность и к России, и к Дону, и к русскому народу», что в исходивших от Войска Донского документах «никогда не проявлялось стремление противопоставить казачество русскому народу, а Дон — России», и донское казачество «ощущало себя частью общерусского единства»⁵.

¹ Там же. С. 402, 404.

² Там же. С. 408.

³ Губенко О.В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). Б.м., 2007. С. 236.

⁴ Ткаченко Т.А. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 19.

⁵ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 435.

Примечательно, что в 1660–1670-х гг. на Дону бытовало выражение «русские казаки» — если, например, возникла необходимость отделить их от казаков-«хохлачей»¹, а потомки казаков-некрасовцев, покинувших российские пределы в 1708 г. после подавления Булавинского восстания и осевших в конце концов в Турции, сохранили историческую память о своем происхождении и вплоть до конца XIX в. считали себя русскими².

В России же после того, как приток извне и свободный прием в казачество были прекращены и оно превратилось в замкнутое привилегированное сословие, казаки стали быстро забывать о своих корнях, а все более усиливавшееся и бросающееся в глаза отличие и отчуждение казака от «мужика» начали объяснять экзотическими родословными, тем более что и свое дворянство у казаков сформировалось, а ему претила сама мысль о «мужичьем» происхождении³. Появилась сословная горделивость, которая, в свою очередь, получила этническое оформление. Вспомним Л.Н. Толстого, его повесть «Казаки», написанную в 1863 г.: уже в середине XIX в. гребенцы смотрели на русского мужика как на «какое-то чуждое, дикое и презренное существо»⁴. По наблюдению знаменитого путешественника Г.Н. Потанина, уральские казаки тоже резко противопоставляли себя «остальному русскому»⁵ В конце XIX в. аналогичные настроения

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 102.

² *Сень Д.В.* Причины иммиграции некрасовских казаков из Турции в Россию в начале XX в. // Проблемы истории Северного Кавказа. Сб. научных статей к 60-летию со дня рождения и 30-летию научной деятельности проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2000. С. 109–110.

³ *Рыблова М.А., Рвачева О.В.* Способы и образы самоидентификации донских казаков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2009. № 1. С. 19–28.

⁴ *Толстой Л.Н.* Казаки. Повести и рассказы. М., 1981. С. 158.

⁵ *Изюмов А.И.* Этнография уральских казаков в русской культуре (XIX — начало XX вв.). М., 2003. С. 384.

отмечались исследователями у казаков даже за Уралом, где казачьи войска формировались искусственно, по постановлению правительства с массовым переводом в них именно крестьян. Там казаки тоже стали смотреть на «мужиков» свысока, «как на низшую породу», всячески дистанцировались от «русских», а браки с «мужиками» или «мужичками» вообще были в казачьей среде неслыханным событием¹. В дальнейшем утверждения о происхождении казаков от беглых людей стали в казачьей среде порой восприниматься уже как прямое оскорбление, ибо трактовались как попытка вывести казачество из «московских отбросов»².

Лежащее в основе подобных настроений презрение к «мужику», по свидетельству очевидцев, во второй половине XIX в. было характерно прежде всего для донского казачества. По наблюдениям этнографа и юриста М.Н. Харузина, относящимся к началу 1880-х гг., «иногородних казаки не любят, обзывают „русскими“, „русью“ и всячески притесняют, хотя, по словам самих же станичников, не могут без них обойтись, потому что „русский и плетень огородит, русский и коваль, он же и землекоп, и портной, и плотник, и овчинник, и пустовал, и чернорабочий, и торговец“... Особенно в прежние времена тяжело было положение „русских“: завидя, например, казака иногородний еще издали обязан был поклониться ему; если же он этого не сделает, то „самый последний казачишка“ мог совершенно безнаказанно побить его»³.

¹ История казачества Азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 137; Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 324–325; Русские в Евразии XVII–XIX. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. М., 2008. С. 455; *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 147.

² Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 187, 199.

³ *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstanitsa.ru>book/exporthtml/115>). (Дата обращения 12.08.2018).

Б.С. Корниенко объясняет такую ситуацию тем, что к началу XX в. на Дону «мужик» воспринимался как «антипод возвышенного образа „славного казака“, лишенный маскулинных черт последнего», но «паразитировавший на казачьем горбу», поскольку сплошь и рядом вел свое хозяйство успешнее большинства казаков¹. Да и у самого «казачьего национализма» Корниенко усматривает вполне определенную социально-экономическую подоплеку. Дело в том, что к этому времени сословная организация казачества вступила в противоречие с проходившими в стране процессами модернизации, несовместимыми с существованием какого-то особого военно-служилого сословия. Обозначилась угроза преобразования Области Войска Донского в обычную губернию с лишением казаков их привилегий (и, стало быть, «превращением в мужиков»). Неконкурентноспособным в новых условиях оказывалось казачество и как производитель сельхозпродукции. А наплыв «иностранцев» в Область Войска Донского в начале XX в. приводил к тому, что они стали численно превышать казачье население и с завистью поглядывать на его земли, а также активно внедряться в экономические сферы, недоступные большинству казаков (в торговлю, финансы и т.д.). Отсюда и стремление казачества доказать «исконность» своих прав на территорию своего обитания, лозунг «Дон для донцов», и прочие проявления «национализма»...²

К аналогичным выводам относительно причин казачьего «сепаратизма» приходят и другие исследователи «поздней» истории казачества³. Некоторые из них предлагают взгля-

¹ Корниенко Б.С. Указ. соч. С. 182–184, 186.

² Там же С. 28–31, 48, 93, 111–112, 140.

³ См., например: Казачий Дон: Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 2. С. 21; Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнически миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 156; Морозова О.М. О самоидентификации казачьего населения Дона (XVIII в. — 1929 г.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. статей. Ростов н/Д, 2008. Вып. 2. С. 105–119; Рыблова М.А., Рвачева О.В. События и образы самоидентификации донских казаков. С. 19–28.

нуть на проблему еще с одной стороны: поскольку в начале XX века вопрос об упразднении казачьего сословия все чаще оказывался на повестке дня, лидеры казачества и стали усиленно «доказывать», что казачество народ, а не сословие, которое можно бы упразднить¹.

Не отрицая значения всех этих факторов, нельзя вместе с тем не признать, что широкому распространению в казачьей среде «националистических» взглядов, конечно, во многом способствовало элементарное невежество их носителей. В 1906 г. в своей речи на заседании 1-й Государственной Думы депутат от донского казачества писатель Ф.Д. Крюков говорил о препятствиях на пути казака к образованию, объясняя их тем, что «невежество признано лучшим средством сохранить воинский казачий дух»². А в 1928 г. бывший есаул Донского войска, бывший мировой судья и член Донского войскового круга И.П. Карташев, отметив, что «у казачества воспитывались ненормальные отношения с неказачьим населением, к которому казачество относилось с чрезвычайным презрением», дал этому такое объяснение: «Казачья донская история...». Как вспоминал Карташев, «во время Великой войны в 25-й отдельной сотне, в которой были казаки со всего Хоперского округа от 20 до 40-летнего возраста, не могли мне объяснить, почему они называются донскими казаками! Даже урядники стали в тупик перед этим вопросом»³.

Общее впечатление от столь вопиющего невежества, конечно, несколько сглаживают отдельные представители казачьей интеллигенции первой четверти XX в., которые

¹ Малукало А.Н. Казачество России как социокультурный феномен // URL: <http://www.ufakazak.ru/article/page/329>. Дата обращения 20.05.2021.

² Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906. Т. II. С. 1311–1316.

³ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 185–186.

неплохо знали историю и пытались донести до «широких масс» казачества научно обоснованные взгляды на его происхождение и этническую принадлежность. В частности, бывший председатель Терского войскового правительства Е.А. Букановский писал: «Исторические причины возникновения казачества на Дону, Тереке, Яике, Кубани и в других краях и идеи, которыми жило казачество, неоспоримо подчеркивают, что оно явилось самобытным продуктом русского народа и русской жизни < ... > Казачество никогда не отделяло себя от русского народа и даже в эпоху вольной независимой жизни своей, за пределами Московского царства, оно считало себя связанным с ним неразрывными узами»¹.

В том же духе высказывался в 1928 г. и бывший член Государственной Думы донской казак И.Н. Ефремов: «Будучи фактически независимым, самостоятельно сносясь с иностранными государствами, борясь против своеволия воевод и угнетения крестьян служилым сословием, донские казаки в целом считали себя, и были в действительности, передовым отрядом русского народа, раздвигавшим пределы русского государства»².

Был солидарен с этим мнением и казачий полковник (Терского войска) Н.Ф. Рощупкин: «Каково бы ни было начальное происхождение казачества — от скифов или сарматов, или, быть может, еще более древних народов — это обстоятельство не может поколебать ясного сознания казака, что он русский человек. К тому же эта далекая родословная казачества не имеет никакой твердой исторической достоверности и не пользуется всеобщим признанием в науке. Одно несомненно и бесспорно — это то, что казачество и по своему происхождению, и по духу, и по существу является плотью от плоти и кость от кости русского народа»³.

В своем влиянии на «казачью массу» такие люди порой достигали успехов, и видимо этими (а может,

¹ Там же. С. 101–102.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 252–253.

и политической конъюнктурой) следует объяснить тот факт, что в резолюции I Всероссийского съезда трудовых казаков (20 февраля — 6 марта 1920 г.) было записано: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа»¹. Однако большинство казаков тогда жило уже совсем с другими, мифическими представлениями о своей родословной...

Об их последователях и единомышленниках, выступающих уже от лица *современного* казачества, весьма резко высказался писатель (и кубанский казак) П.И. Ткаченко. «Нежелание всерьез заниматься культурой, то есть духом человеческим, со стороны лидеров казачьего движения и в казачьих обществах действительно принимает какой-то даже вызывающий характер, — возмущается он. — И естественно, что при таком положении сознание и душу, которые мы обязаны в первую очередь оберегать, как зеницу ока, занимают другие силы, от откровенно лукавых до маргинальных»².

Силы эти подверг беспощадной критике Сергей Антонов. Будучи сам донским казаком, он объясняет нынешнюю популярность «казакийской» («самостийной») идеологии прежде всего невежеством и гордыней тех своих земляков, которые приняли «ложно понятую чисто сословную спесь за национальное чувство».

«Нынешнее господство в умах антинаучной бредятины, почерпнутой из книжонок всяких там гордеевых (т. I) и савельевых, и происходящее от него неоказакийское „казакобесие“» С. Антонов напрямую связывает с «погублением казачьей интеллигенции». И особенно достается от него тем, кто пытается подкрепить свои рассуждения о казачестве как «самостоятельном этносе» известной цитатой из романа М.А. Шолохова. По словам С. Антонова, они не видят

¹ Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-годы. М., 2000. С. 8; *он же*. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины II до начала XXI века. М., 2007. С. 253.

² Ткаченко П.И. Русские люди казаками хотят быть! //Казачество в истории России. Мат.-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 234.

«ничего дальше утверждения малограмотных станичников о том, что „казаки от казаков ведутся“. Понимают ли эти люди, — возмущается Антонов, — что они, спустя сто лет, сами остаются на все том же еще „методологическом“ уровне сельской ЦППШ, и при этом продолжают носиться с проходной, в общем-то цитатой, сделав из нее лозунг. Но если, к примеру, иные атаманы эксплуатируют эту тему по вполне понятным мотивам, то бескорыстные усилия рядовых автономистов-общественников с трудом поддается объяснению. Вот „ведутся“, и всё тут! А далеко ли ведутся-то? Ведь кто вс это утверждает? Да тот, кто далее прадеда ничего о своей родне не знает».

По мнению С. Антонова, даже донские дворяне «зачастую сами не знали своих корней глубже, чем с конца XVIII в.», и уж тем более несостоятельны в спорах о происхождении казачества апелляции к «мнению народа», «который, якобы, знает некую сермяжную правду о самом себе, да и вообще всегда прав „по определению“». А в качестве примера того, как народ бывает «прав», Антоновым приводится хорошо известное заблуждение крестьян Центральной России, в конце XIX в. еще помнящих о войне с Наполеоном и потому уверенно называющих тысячелетние курганы, разбросанные в окрестностях их сел, «французскими могилами»...¹

В СМИ и особенно в Интернете встречается множество проявлений исторической безграмотности представителей современного казачества, однако когда она сочетается с бьющей через край инициативой, возникают совсем уж несуразные по своей курьезности ситуации. Например, такая. В 2013 г. казаки хутора Мещерский Рязанской области решили поставить памятник... хану Батыю. Оказывается, они убеждены в том, что Батый был «не разорителем, а защитником не только Рязанской земли, но и всей земли Русской и первым казачьим воином — Батькой», который «стоял у истоков» казачества, «сам вышел из казачества», «является

¹ Антонов С. Казакобесие, или О том, откуда и на что казаки «ведутся»: URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=105588> (26.12.2008 г.).

знаковой фигурой, не заслуженно очерненной историками Романовской династии»...¹

Утрата исторической памяти и искажение этнического самосознания — довольно распространенное явление в нашей жизни как на индивидуальном уровне, так и на групповом и даже массовом (например, «горные» таджики, отличающиеся от «равнинных» светлым цветом волос и глаз, считают себя потомками воинов Александра Македонского, а румыны объявляют себя прямыми потомками римлян), но с реалиями такие мифические родословные стыкуются плохо. Самосознание, конечно, очень важный компонент этнической принадлежности, но далеко не единственный, ибо этнос — это все же не только субъективное понятие, как вытекает из современного российского законодательства («в какую нацию захочу, в такую и запишусь»), но и объективная реальность. И, например, карпатские русины, сибирские татары, кряшены, нагайбаки хоть давно и заявляют о себе как об отдельных, самостоятельных этносах, но не находят в этом поддержку научного сообщества, несмотря на все свое этническое самосознание²...

* * *

Перейдем теперь к той системе доказательств, которую адепты «автохтонной теории» используют вне зависимости от критики того или иного положения «миграционной теории».

¹ *Розанов В.* Рязанские казаки задумали поставить памятник — хану Батю // URL: <http://blog.cety.ru/valeriy-rozanov-valer-mail-ru/3711-gya; kazak-center.ru> (17.12.2013)

² Например, инициатива активистов национально-культурных и общественных объединений сибирских татар, выступавших на рубеже 1980–1990-х гг. с инициативой придания своей этнической группе статуса «малой народности», была расценена в Казани как попытка «раскола единой татарской нации» и резко осуждена. А вердикт научной общественности был таков: «С историко-культурной и этнографической точек зрения выделение сибирских татар в отдельную народность не имеет оснований» (Татарский мир. 2003. № 9. С. 4).

Прежде всего — это выискивание на старинных картах и в сочинениях древних авторов этнонимов и топонимов (как реальных, так и мифических), хоть как-то созвучных слову «казаки»: *азы, ясы, казы, касоги, кас-саки, козары* (хазары), *черкасы, Азов, Каспий, Кавказ, Казбек* и т.д. — вплоть до *амазонок*¹. Итогом этих изысканий становится «вполне логическое» заключение типа: «Прародиной Казаков, Землю их Отцов в точном значении, этого слова, следует считать Северо-Кавказскую равнину, Приазовье и берега реки Дона», где встречались и по сей день встречаются такие топонимы и этнонимы².

Метод этот не нов: он получил название «символической этимологии» и был отвергнут наукой еще в начале XIX в. Примечательно, что в конце XIX в. в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона в статье о казачестве говорилось следующее: «...Вопрос о происхождении к[азачества] представляется не вполне еще разъясненным во всех своих деталях, хотя общее решение его уже прочно установилось в современной литературе. Прежние историки производили козаков от инородцев, населявших некоторые местности юга России в удельно-вечевой период — хазаров, черных клобуков, касогов, черкесов. В настоящее время подобные объяснения, основанные исключительно на наивных филологических сближениях созвучных имен, совершенно оставлены...»³.

Увы! Сто лет спустя, в конце XX в. «наивные филологические сближения» вновь взяты на вооружение некоторыми историками и даже стали у кое-кого основными методами исследовательской работы, доведенными порой до полного абсурда. Они, в частности, широко используются идеологами «незалежной» Украины, которые утверждают, что бог

¹ *Супруненко В.П.* Запорожская вольница. М., 2007. С. 8; *Никитин В.Ф.* Казачество... С. 21; *Шамбаров В.Е.* Указ. соч. С. 14–15.

² Цит. по: *Никитин В.Ф.* Казачество... С. 21–22.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XV а (30-й полутом). СПб., 1895. стб. 581 (автор — В. Мякотин)

Будда принадлежал к проживавшему на Украине племени будинов, а имя бога Вишну происходит от слова «вишня», занесенного переселившимися в Индию украинцами, что фараон Египта Менес был родом с территории Менского района на Черниговщине, а римский правитель Сулла был выходцем из Посулья и т.д. Причем и эти, и другие того же научного уровня «открытия» преподносятся на полном серьезе — через печатный орган Верховной Рады «Голос Украины», радио и телевидение¹.

«Лавры» такого рода исследователей, видимо, не дают покоя и некоторым российским авторам. В частности, тем, кто для обоснования «автохтонной концепции» происхождения казачества постоянно ссылается на сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», написанное в период от 948 до 952 г. Там среди кавказских стран упоминается некая «Касахия», она то и объявляется «колыбелью казачьего рода»². Мысль о том, что «Касахией» Константин Багрянородный мог назвать место обитания одного из кавказских народов, например *касогов* (т.е. предков адыгов) у этих авторов, по-видимому, даже не возникала, самодеятельные исследователи истории казачества порой трактуют это сочинение византийского императора как бесспорное свидетельство существования в X в. уже не только страны Казакии, границы которой раздвигают от предгорьев Кавказа до низовьев Дона, но и «*народа*, носящего название „казак“»³.

И прежних поборников «автохтонной теории», и их нынешних адептов, видимо, не смущало и не смущает то обстоятельство, что, во-первых, этнонимы и топонимы с «каз», «кас», «кос» (и тем более с «аз», «ас», «ос») можно без

¹ Черных Е. Вот это Байда! //Комсомольская правда. 2020. 18–25 ноября. С. 3.

² См., например: Казачий словарь-справочник. Т. 2. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968. С. 30–31, 39.

³ Гордеев А.А. Указ. Соч. Т. 1. С. 14 (курсив мой. — Н.Н.); Никитин В.Ф. Казачество... С. 80.

особого труда отыскать и в тех регионах мира, которые никак с казачьей родословной не свяжешь, — вплоть до Америки с Африкой (река *Казан* на севере Канады, река *Касаи* в Западной Африке, *Кассала* — провинция в Восточной Африке и т.д.). А во-вторых, даже если предположить, что народ «казаки» и обитал когда-то в Причерноморье и на Кавказе, его генетическую связь с нынешними казаками надо еще проследить и доказать. Ведь в истории нередко бывает, когда одно и то же имя с течением времени переходит с одного народа на другой. Например, хорошо известно, что этноним «римляне» («ромеи», «романы») перешел на греков — жителей Византии — и на даков — предполагаемых предков основного населения Румынии, а также является самоназванием цыган («рома»).

И ладно, если бы в распоряжении историков не было документальных материалов, позволяющих составить научно обоснованное представление о раннем этапе казачьей истории, о корнях казачества! Тогда, может, имели бы право на существование самые «смелые» гипотезы, выводящие казаков не только из народов, некогда проживавших на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, но и из древних обитателей Месопотамии (например, *ассирийцев* — ведь в этом этнониме тоже есть корень «*ас*»), Египта или уж из совсем экзотических мест — например, легендарной Атлантиды. Но материалы, показывающие реальную картину формирования казачества давно введены в научный оборот, ими, фигурально выражаясь, забиты наши архивы, поэтому не удивительно, что авторы сочинений, использующих до сих пор методы «символической этимологии», у нас часто подвергаются суровой критике.

В 1995 г. известный челябинский историк В.Ф. Мамонов писал: «Нельзя базировать сколько-нибудь серьезную теорию на таком зыбком фундаменте, как созвучие слов в названиях, упоминаемых древними авторами племен со словом „казаки“. Это не говоря уже о том, что и сами сообщения древних авторов по возможности тоже следует проверять, поскольку сообщали же они, например,

что жители Восточной Европы на полгода закапываются в снег, засыпают и пребывают в этом состоянии вплоть до потепления»¹.

Как подметила в 2004 г. Елена Мурашова, разбирая одно из псевдоисторических сочинений, «все деятели паранауки очень любят упражняться в лингвистике, причем все они исповедуют один нехитрый принцип: звучит похоже — значит одно и то же»². Более резок в своих оценках кандидат исторических наук Алексей Пензенский: «Когда дилетанты лезут в область лингвистики, они превращаются в посмешище»³.

В справедливости этих замечаний при чтении дилетантской литературы убеждаешься на каждом шагу. Так, столп «казачьего национализма» Е.П. Савельев утверждал, что титул правителя хазар — каган — восходит к славянскому «коханый», т.е. «излюбленный» и означает «выбранный народом правитель», что название народа «сарматы» происходит от слова «сыромяты» — «т.е. сыромятники, выделыватели сыромятных кож», а гунны получили свое название от латинского «*unus*» — т.е. «один, единение, союз народов». По его мнению, за славянами закрепилось их громкое имя, потому что они любили славу, а германцы в глазах славян были просто неимущими, бездомными, потому-то и прозывались «немцами» («неемцами»)»⁴.

Ладно Савельев. Этот «пламенный казачий националист» выпустил свой эпохальный труд в 1915 г. и не имел высшего образования⁵. Как заметил по поводу его сочинений А.М. Дубовиков, «почти все рассуждения Савельева

¹ *Мамонов В.Ф.* История казачества России. С. 27.

² *Мурашова Е.* Славяне ли русские? // Литературная Россия. 2004. № 46. С. 10.

³ *Коробатов Я.* Чемпионы по переписыванию учебников. (Почему в моду входит фальсификация истории) // Комсомольская правда. 26.03.2015. С. 6.

⁴ *Савельев Е.П.* Указ. соч. С. 15, 54, 58, 134, 151.

⁵ *Корниенко Б.С.* Указ. соч. С. 7, 132, 135.

свидетельствуют о вопиющей безграмотности по части многих вопросов», в том числе и лингвистических¹. Но тот же уровень познаний в истории и филологии при поисках «прародины казачества» порой демонстрируют и, казалось бы, вполне образованные наши современники, и один из весьма красноречивых тому примеров — большая статья Т. Литвиненко, аргументация в которой тоже в основном строится на лингвистических изысках². Из них, в частности, следует, что слово «казак» восходит к индоевропейскому «кос(коз)», означающему «конь», и переводится как «хозяин коня». Почему значение этого слова так радикально изменилось к XIV в. н.э. (см. выше) и почему, по крайней мере в XVI в., казаки, судя по данным вполне надежных источников, чаще действовали в пешем строю и на стругах, а не на конях³, остается в таком случае загадкой, никак Т. Литвиненко не разъясненной...

В целом же о глубине и научности суждений Т. Литвиненко можно судить по таким примерам. Русское слово «слобода» она производит из «село-бад», где «бад», по-ирански, — поселение, городище. Между тем и историкам, и филологам давно и хорошо известна его подлинная этимология, производная от слова «свобода» (произносившимся в старину как «слобода»), ибо первоначально на Руси слободами называли поселения, освобожденные (получившие «ослабу», послабление) от налогов (характерный пример из XVII в. — Слободская Украина). Слово «кокарда» Т. Литвиненко выводит из «хох» и «орда» и «переводит на русский» как «верховный в орде», хотя хорошо известно, что оно

¹ Дубовиков А.М. Этноконфессиональный состав российского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 393.

² Литвиненко Т. Где прародина казачества? // Казаки. 2011. № 6. С. 34–39.

³ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 118, 300; Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 42–43; Каппелер А. Казачество. История и легенды. Пер. с нем. Н.А. Мининкова. Ростов, 2014. С. 14; Дубман Э.Л. Юго-Восток Европейской России. Ч. 1. Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара, 2012. С. 87–99.

заимствовано из французского без влияния каких бы то ни было «орд». Слово «станция» Литвиненко понимает лишь в его позднем (современном) значении и возводит к иранскому «стану», а тот факт, что в XVI–XVII вв. «станциями» у казаков назывались не селения, а отряды, ей, наверно, неведомо.

При таком уровне познаний в области истории и лингвистики неудивительно, что в поисках «прародины казачества» Т. Литвиненко забралась аж в VIII–VII *тысячелетия* до н.э., по сути дела отождествив с «первыми казаками» все индоевропейские племена и народы, жившие тогда, по ее представлениям, в «южноурало-сибирской лесостепи» и занимавшиеся кочевым скотоводством. «Казаками» у Т. Литвиненко стали и арии, пришедшие на современную территорию Ирана и Индии «с Урала» во втором тысячелетии до н.э., и киммерийцы, обитавшие в Северном Причерноморье в VIII–VII вв. до н.э., и среднеазиатские саки с причерноморскими скифами («казаки 1-го тысячелетия до н.э.»).

На основании каких данных строятся эти заключения — Бог весть. Т. Литвиненко не утруждает себя аргументацией, обосновывающей ее представления о «казачьем этногенезе». И такой подход к «основному вопросу казачеведения» — не редкость у взявшихся решать его дилетантов. Еще один пример тому — получившая в 1990-е гг. широкую известность работа эмигранта А.А. Гордеева «История казаков». Ее автор полагал, что казачество хоть и имело «древние корни», но сформировалось главным образом из «данников крови», которых монголо-татары, взимая «десятину» людьми, якобы ежегодно брали с Руси после ее покорения и расселяли у себя в середине XIII–XIV вв. в качестве пограничной стражи¹. Подтвердить свою «гипотезу» ссылками на источники (за отсутствием таковых в природе) А.А. Гордеев, естественно, не смог, и этот его пассаж вызвал критику даже у некоторых сторонников «автохтонной теории». Так, довольно резко отозвался о нем известный казачий писатель В.Е. Шамбаров,

¹ Гордеев А.А. Указ. соч. С. 4–77.

отметивший, что Гордеев построил свои выводы на предпосылках, будто русским князьям под властью Орды не дозволялось иметь вооруженные дружины, а десятая часть населения ежегодно угонялась в рабство и использовалась ханами для охраны границ, откуда и появилось казачество. Исторической действительности эти предпосылки не соответствуют, — пишет Шамбаров... — Ежегодных угонов десятой части людей не выдержал бы ни один народ (...через 15 лет от народа осталась бы пятая часть). И никто, разумеется, не стал бы „оказачивать“ невольников»¹.

К числу абсолютно недоказанных относится и еще одна весьма популярная в казачьих кругах «гипотеза», восходящая к трудам Е. Савельева. Отталкиваясь от того факта, что на Русском Севере «казаками» издавна называли вольнонаемных работников, некоторые «казаковеды» сочинили следующую увлекательную историю. Под давлением татар в XIV в. начался «массовый исход» казаков «на Русь». Так появились казаки-севрюки, казаки рязанские, мещерские и др. А многие из этих «беженцев» дошли до Ледовитого океана, принесли туда «навыки мореплавания, унаследованные с античных времен», а затем «начали свое шествие к Тихому океану в партиях и дружинах землепроходцев» и именно потомки этих «казачков-эмигрантов» прежде всего и хлынули на Дон из Московии в XVI–XVII вв., а вовсе не русские мужики-лапотники². Приверженцам этой «концепции» бесполезно напоминать, что ни одного свидетельства о переселении каких-либо групп населения (тем более называвшегося «казаками») с юга на Русский Север в XIV в. в источниках не найдено: при всей своей абсурдности эта «концепция» очень «удобна» для сторонников «автохтонной теории». Допустим, докажешь, что тот или иной донской казак происходит из посадских людей Тамбова или

¹ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 19.

² Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, 1968. Т. 2. С. 28; Вареник В.И. Указ. соч. С. 210–211; Никитин В.Ф. Казачество... С. 64–65; Нестеров Н.И. Указ. соч.; Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. С. 85, 118.

Воронежа, а в ответ слышишь: «А может, он потомок тех казаков, которые мигрировали на Русь в XIV веке?»...

Отсутствие подтвержденных историческими источниками аргументов в пользу «автохтонной теории» побуждает некоторых ее адептов искать опору в новых мифах, освящая их авторитетом мировых знаменитостей. Так, от некоторых казачьих активистов приходится слышать, что известный норвежский путешественник Тур Хейердал, производя в 2001 г. раскопки в Азове, обнаружил некие «археологические пласты», которые якобы доказывают «древность казачьего народа»¹. Ничего конкретного об этих «пластах» не сообщается, однако и без того ясно, что Тур Хейердал никак не мог подкрепить «автохтонную теорию» какими бы то ни было находками. В Азове (а потом и в Азербайджане) он искал древние корни не казачества, а викингов, причем малоуспешно. Выпущенная по результатам этих изысканий книга Хейердала «В погоне за Одним» была в пух и прах раскритикована научным сообществом за дилетантизм.

Однако в большинстве случаев авторы работ, отстаивающих «автохтонную теорию» происхождения казачества, стремятся ее всё же обосновать ссылками на реальные факты, истолковывая их, правда, лишь со своих идейных позиций.

Например, стремясь доказать нерусское («не от московских людей») происхождение своих предков, они подчеркивают особенности казачьей культуры: не такие, как в «великорусских губерниях», типы жилищ и хозяйственных построек, различия с «кондовой Россией» в похоронных обрядах, музыкальном творчестве, танцах, говорах и т.п.²

¹Круглый стол «У истоков зарождения Донского казачества. Мифы и реальность» (Волгоград, 28.02.21) // URL: https://disk.yandex.ru/d/egiJfSWRi5gTrg/26.02.2021_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%

²См., например: Качанов И.В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 40–43.

К таким противопоставлениям нередко присовокупляются уничижительные оценки культурных особенностей «Московщины» («облик веселых, ярких станиц резко отличался от мрачных сел крестьянской России...»; «примитивность московского судостроения...»; «в Московии же... пение довольно унылое и однообразное...» и т.д.)¹, что не только показывает идейную подоплеку подобных изысканий, но и свидетельствует об абсолютной некомпетентности их авторов в такой научной дисциплине, как этнография (этнология). Согласно ей, специфические элементы культуры казаков вполне соответствуют научным представлениям об этнографических (историко-культурных) группах (или субэтносах), которые имеют практически все более-менее крупные народы, не исключая и русский.

Видный дореволюционный историк М.К. Любавский сделал такой вывод из своих наблюдений над терскими казаками: «Русская стихия в природе казака и в укладе его жизни осталась преобладающей, и терские казаки, оторванные от Руси, на далекой окраине остались русскими людьми, которые сберегли свой язык, свои национальные традиции, свою веру...»². А ведь на Кавказе, отмечал М.К. Любавский, казаки, восприняли в свою среду немало «туземного элемента» из числа горских народов и подверглись сильному воздействию «туземной культуры» Добавлю: гораздо более сильному, чем казаки донские, более других ратовавшие за статус «отдельного народа».

Русский этнограф М.Н. Харузин в ходе своей поездки в область Войска Донского в 1883 г. обратил внимание на то, что «почти каждая станица с прилегающими к ней хуторами носит на себе особый отпечаток, выражающийся в произношении, формах быта, обрядах и т.п.», но «как ни разнообразны местные обычаи и обряды — все-таки элементу великорусскому, обрядам и обычаям великорусским принадлежит

¹ Вареник В.И. Указ. соч. С. 120, 134, 136.

² Любавский М.К. Указ. соч. С. 409.

первое место»¹, Современный этнолог М.А. Рыблова после исследования культурной специфики ранних казачьих общин на Дону пришла к заключению, что они представляли собой не «народ», а социокультурную группу, и в целом «культурная модель донских казаков» перед исследователями «предстает как часть общерусской традиции»².

Митрополит Евлогий в 1928 г., размышляя в эмиграции об исторических судьбах казачества, склонялся к мнению, что «русский национальный тип в казаках сохранился чище и выражен ярче, чем в других частях русского народа». При этом, правда, он сделал оговорку: «Я понимаю казаков европейской России; сибирских казаков я почти не знаю и не берусь о них судить»³. Но и в Сибири, как пишут современные исследователи А.В. Ремнев и Н.Г. Суворова, «несмотря на антропологическую специфику, бытовые и даже языковые заимствования, казаки оставались в рамках русской народной культуры...»⁴.

«Казачья культура подчиняется всем общенациональным характеристикам развития русской национальной культуры», — считает член-корреспондент РАН А.С. Каргин. Он убежден, что «если следовать логике некоторых специалистов, любыми путями отделяющих казачью культуру от общерусской, то мы получим примат частного над всеобщим. Казачья культура — это многоцветье казачьих культур, представляющих уральскую, донскую, кубанскую, сибирскую, дальневосточную особенности. Каждая из них

¹Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstan-itsa.ru>book/export/html/115>).

²Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 24; она же. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174.

³Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. С. 27.

⁴Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Указ. соч. С. 155.

встраивается еще и в региональную традицию — южнорусскую, сибирскую, уральскую, волжскую и т.д.»¹

Это многообразие было очевидным даже для некоторых эмигрантов-«казакийцев», считавших поэтому невозможным говорить о «единой казачьей нации»², и именно оно является одной из причин, не позволяющих считать казачество не только «отдельным этносом», но и «единым субэтносом»: слишком велики различия в материальной и духовной культуре у казаков различных «войск» и «рек». Казачество представляет собой *совокупность* субэтносов, различия между которыми определялись региональными и хронологическими особенностями их формирования. «Казаки не представляют собой в этническом отношении нечто целостное. Этническую характеристику можно дать только каждой отдельной региональной группе казаков», — пишет этнолог И.А. Аверин³.

Несостоятельна поэтому и позиция тех «умеренных сепаратистов», которые предлагают считать казачество «четвертым восточнославянским народом» (наряду с русскими, украинцами и белорусами) — т.е. хоть и «особым», но все же близким русскому народу «этносом»⁴. Допустим, таковым будут считаться донские казаки. Но тогда кубанцев надо будет признать «пятым восточнославянским народом», терцев — «шестым»? А каким по счету в этом ряду станут казаки уральские, оренбургские, сибирские и т.д.? И как тогда быть с аналогичными проблемами внутри самого казачества? Известно же, что на Дону и Урале были сильны куль-

¹ Каргин А.С. Традиционная культура казачества. Теоретико-методологические аспекты ее сохранения и реконструкции //Казачество в истории России. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 132, 133.

² Кириенко Ю.К. Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) //Вопросы истории, 1996. № 10. С. 15.

³ Аверин И. Казачество — служилое сословие //Станица. Общеказачья газета. 1996. № 2. С. 10.

⁴ Корниенко Б.С. Первый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 194.

турно-бытовые различия между «верховыми» и «низовыми» казаками, на Кубани — между потомками «черноморцев» и «линейцев» и т.д. И вообще: разве тамбовцы, воронежцы, рязанцы и другие представители великорусского этноса отличаются по языку и культуре от казаков (тех же донских, например) так же, как от украинцев и белорусов?

«Невзирая на то, что казачья субкультура с ее особенностями, связанными со спецификой мироощущения, ментальностью является реалией современного мира, неправильно говорить о принципиальных отличиях между казаками по происхождению и остальными русскими людьми», — подводит итог своему исследованию кандидат культурологи А.В. Пономарев¹.

«Как в пределах одной культуры могут сосуществовать разные этносы, так и в одном этносе могут присутствовать носители разных материальных культур», — справедливо замечает Я.А. Бутаков². К настоящему времени трудами этнологов убедительно доказано, что у казачьего населения всех «рек» и «войск» *общего* в языке и духовной культуре с русскими других регионов страны гораздо больше, чем различий, и в этом отношении казачьи субэтносы принципиально не отличаются от других субэтносов русского народа — поморов, однодворцев, бухтарминцев, полехов и др.³ Различия между ними, по словам В.В. Трепавлова, «являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного социально-культурного комплекса»⁴. Исключения в этом плане составляли лишь «переписанные» в казачье сословие круп-

¹ Пономарев А.В. Субкультура донского казачества (19–20 вв.) как феномен региональной культуры. Автореф. дис. ... канд. культурологи. М., 2009. С. 25.

² Бутаков Я.А. Тайны древних миграций. М., 2012. С. 89.

³ Народы Европейской части СССР. Т. 1. М., 1964. С. 143–147; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. 2-е изд. М., 1985. С. 31; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 83–85; Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 59–61.

⁴ Русские в Евразии. С. 464.

ные инородческие группировки — калмыков, бурят, татар, осетин и др. Если они не растворялись в русской казачьей среде, то образовывали этнографические группы — субэтносы — внутри *своих* народов.

* * *

В своем желании отгородиться от «русского мужика», доказать отсутствие кровных связей с ним казачьи идеологи порой используют просто смехотворные аргументы. Некоторыми авторами подчеркивается, например, что казаки («как хорошо известно»), в отличие от русских, «никогда не употребляли лаптей» и не запирали свои дома на замки¹. Но занявшись «лаптеведением», вынуждены будем огорчить таких авторов: носили казаки лапти, носили, и в то же время на Севере жители некоторых «мужичьих» регионов лаптей практически не знали. И вот это действительно хорошо известно.

Нельзя сказать, что лапти для казаков были распространенной обувью, но, тем не менее, на верхнем Дону и Хопре казаки ее «употребляли» (по крайней мере во время сельхозработ) — как женщины, так и мужчины. Лапти в числе других видов повседневной самодельной обуви донских казаков упоминает, например, казачий писатель В.Е. Шамбаров². О том же ясно свидетельствуют дошедшие до нас и неоднократно публиковавшиеся даже в самое последнее время гравюры конца XVIII — середины XIX вв.³ И запечатленное на них не было какой-то случайностью. Как подчеркивают современные исследователи, «казаки верхнедонских станиц одевались весьма непритязательно, практически одинаково с жителями южных русских губерний»⁴. (Примечатель-

¹ Вареник В.И. Указ. соч. С. 110–111; Казаков С.В. Указ. соч. С. 220.

² Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 173.

³ См., например: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. [С. 193]; Родина. 2004. № 5. С. 70, 123.

⁴ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 2. С. 37.

но, что на Дону «низовые» казаки, называя «верховых» казаков «чигами», поддразнивали их поговоркой: «Чига лыко драла, чига лапти плела»)¹. А у уральских казаков и в XIX, и местами даже в середине XX в., согласно исследованиям С.К. Сагнаевой, лапти являлись непременным атрибутом «смертной» одежды², и если учесть, что в погребальной обрядности всегда господствует архаика, вывод получится однозначным: в более ранние времена лапти в казачьем быту вовсе не были большой редкостью.

Поборники «автохтонной теории» категорически отрицают саму возможность ношения казаками лаптей, исходя из того, что «в лаптях совершенно невозможно ездить на боевом коне, „держать шенкель“ и на лету ловить стремя. Для этого годится только обувь с узким носком...»³. Здесь мы опять имеем дело с весьма смутными представлениями одной из спорящих сторон о «предмете дискуссии». Во-первых, лапти на Руси изготавливали не только с «закругленной», но и с «трапецевидной», т.е. узкой, головкой (последние, в частности, бытовали на Рязанщине и Тамбовщине, территориально близких к казачьему Дону)⁴. А во-вторых (и об этом уже шла речь выше), «первые казаки» часто вообще обходились без коней, предпочитая им лодки или лыжи.

«Войско в начале своей истории было пешим», — считают и авторы коллективной монографии «Казачий Дон: Очерки истории» (которую только что цитируемый поборник «автохтонной теории» В.И. Вареник называет «замечательным двухтомником»)⁵. «Прежде чем прославиться как превосходные конники, казаки успешно овладели искусством уверен-

¹ Казачий словарь-справочник. Т. 3. Калифорния, 1969. С. 294.

² Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций) // Российский этнограф. М., 1993. [Вып. 11]. С. 180, 191.

³ Вареник В.И. Указ. соч. С. 110.

⁴ Этнография восточных славян. М., 1987. С. 284.

⁵ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 140; Вареник В.И. Указ. соч. С. 42.

ного и быстрого передвижения по водной глади», — пишет ростовский историк А.Т. Урушадзе¹.

Что же касается дверных замков, то приходится напомнить еще один «хорошо известный» факт: их и русская «нечерноземная» деревня обычно не знала до XX века, а кое-где и до самого последнего времени — пока не вступила в «плотный контакт» с «цивилизацией» в лице пришлого, как правило городского, населения (туристов, строителей, солдат)².

* * *

Сторонники «автохтонной теории» происхождения казачества, конечно же, используют для ее обоснования и более серьезную аргументацию. Однако и она не выдерживает критики и, как правило, недостаточна для признания сделанных на ее основе выводов даже научной гипотезой. Примером тому могут, в частности, послужить работы ростовского археолога (и казачьего активиста) М.И. Крайсветного. Он хоть и полагает, что в «позднем» казачестве при всей полиэтничности наблюдалось «явное преобладание славянского этноса», в течение нескольких столетий «просачивавшегося» на Дон, но «ядро» казачества выводит из северокавказских народов и прежде всего — черкесов (адыгов). Это свое заключение он делает, отталкиваясь от мнения, высказанного историками XVIII в. (Г. Байером, В.Н. Татищевым), а также от распространенных в то время среди донских казаков (и отмеченных генералом А.И. Ригельманом) представлений о своем «черкесском» происхождении, но главные доводы в обоснование своей концепции ему дают сравнения «ранних» казаков с адыгами. М.И. Крайсветный полагает, что у них были «практически идентичны» как образ жизни,

¹Урушадзе А.Т. Терское казачество и народы Северного Кавказа // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 361–362.

²Пятунин Е. Военно-полевой провал // Независимая газета. Приложение «НГ-регионы».1998. № 5. С. 14.

так и общественное устройство, особо выделяя «воинственность, мореходство, наездничество, воинские навыки». Что же касается датировки «начального периода зарождения казачества», то она у М.И. Крайсветного в разных работах разная, но в основном колеблется в пределах от VIII до начала XIII в.¹

Преимущества своей версии происхождения казачества (перед «тюрко-славянскими гипотезами») М.И. Крайсветный видит в том, что она «не требует надуманных объяснений». Однако с этим утверждением труднее всего согласиться. Надуманностью и отрывом от исторических реалий как раз отличаются построения М.И. Крайсветного. Мировая история знает немало племен, народов и этно-социальных групп, которые, находясь примерно на одной стадии социально-политического развития и проживая в сходных природно-климатических и геополитических условиях, не были связаны генетически, но имели много общего в общественном устройстве и менталитете. Например, — германские и славянские племена в раннем Средневековье (сторонние наблюдатели их даже порой путали друг с другом). Но означает ли это, что славяне произошли от германцев или наоборот — германцы от славян? Или пример из более поздней эпохи. Пираты Карибского бассейна и казаки XVII в. объединялись в сообщества, похожие друг на друга и по внутреннему устройству, и по образу жизни. Но можно ли на основании этого заключить, что у них общее происхождение?.. Замеченная М.И. Крайсветным близость общественного устройства у вольных казаков и адыгов, по-видимому, действительно имела место, но она важна для понимания не происхождения, а *социальной природы* казачьих сообществ

¹ *Крайсветный М.И.* О роли народов Кавказа в раннем этногенезе донского казачества // Первая Абхазская Международная археологическая конференция: Материалы. Сухум, 2006. С. 213–218; *он же.* Казак — означает демократ // Историко-культурные и природные исследования на территории РЭМЗ. Сб. статей. 2007. Вып. 3; См. также: URL: <http://zen.yandex.ru>media...kraisvetnyi...roli...kazachestva...>

XVI–XVII вв., и вопрос этот будет нами специально рассматриваться ниже.

А в данном разделе надо отметить несостоятельность еще одной гипотезы М.И. Крайсветного — его попытки дать свою этимологию слова «казак». Традиционное толкование этого термина филологами археолог Крайсветный отвергает (называет «большой натяжкой и элементарной выдумкой») и считает, что «этимом термина „казак“, вероятнее всего, является адыгский термин „Хаса/Касса“, означающий народное законодательное собрание, а „казак“ означает — „член Касы/Круга“. На адыгском языке „хаса-к“ означает „идуший на Хасу“... Что ж, если такой трактовкой и можно было бы объяснить бытование термина «казак» в пределах Северо-Кавказского региона и Подонья-Приазовья, то как быть со всем ареалом распространения этого слова в XV–XVI вв.? А ведь он охватывал территорию от Алтая до Дуная и был местом обитания главным образом тюркских народов, у которых (как отмечалось выше) слово «казак» при всех вариантах его значения, долгое время восходило к понятиям «изгой», «бродяга», «неимуший скиталец»...

Особенности казачьего менталитета, лишь вскользь затронутые в работах М.И. Крайсветного, другими сторонниками «автохтонной теории» нередко выдвигаются на первый план. Так, Н.Н. Лысенко сравнивает «ментальные свойства», «стереотипы поведения» и «поведенческие реакции» сторон с опорой на книгу социолога и культуролога В.Ф. Чесноковой (Ксении Касьяновой) «О русском национальном характере», впервые опубликованную в 1983 г. и неоднократно переиздаваемую. Он «по пунктам» показывает, чем «ментально» отличаются «родовые казаки» от русских, и тем самым... ломится в открытую дверь. Этнологи, относящие те или иные группы населения к субэтносам, исходят, конечно же, из специфики не только их материальной, но и духовной культуры, из особенностей мировосприятия и социальной психологии. Все эти особенности, обусловленные и вполне объяснимые различиями в характере занятий, климатических и ландшафтных условий проживания, наличием (или отсутствием)

контактов с иноэтничными соседями и другими факторами, как раз и позволяют исследователям выделять из основной массы народа (этнoса) его отдельные субэтнoсы — «этнoграфические группы», по старой терминологии.

Сравнив менталитет «русских» и «казаков», Лысенко приходит к заключению, что «перед нами два совершенно разных народа»¹, но даже если признать абсолютно все выявленные им «несовпадения» подлинными, согласиться с таким выводом, не погрешив против истины, невозможно. И прежде всего потому, что тогда «отдельными нациями» надо будет признать все сословия Российской империи XIX — начала XX в., ибо «ментальные различия» между ними тоже были велики — сравните между собой дворянство, крестьянство, купечество и духовенство. По логике Лысенко выходит, что это тоже «совершенно разные народы».

Приходится также констатировать, что «сопоставление менталитетов» проводится Н.Н. Лысенко не вполне корректно — на весьма ограниченном материале и без учета иных мнений. Книга В.Ф. Чесноковой, используемая им для обоснования своих выводов, содержит немало не бесспорных положений, что в немалой степени обусловлено самой методикой проводимого ею исследования. В нем обобщены результаты анализа русского «социального архетипа» с помощью психологических тестов, разработанных в 1930–1940-х гг. в Миннесотском университете США — для исследования индивидуальных особенностей и психических состояний личности. Они широко применяются в клинической практике, но для исследований менталитета целых этносов явно недостаточны. Интересующиеся особенностями русского национального характера наверняка заметят, что «типично казачьи» (по классификации Лысенко) «ментальные свойства» встречаются и у многих русских, к казачеству не принадлежащих. И в то же время среди них немало тех,

¹Лысенко Н. *Нация или субэтнос?* (Размышления об этногенетической природе казачества) // *Вопросы национализма*. 2012. № 11. С. 123.

кто не разделяет, как минимум, половину тех взглядов, которыми Н.Н. Лысенко наделяет русское неказачье население.

С весьма любопытной точкой зрения по тому же вопросу можно ознакомиться и на общедоступном «Библиографическом дайджесте о донских казаках». «Чрезвычайно интересны, — говорится там, — последние исследования профессиональных психологов в «горячих точках» постсоветского пространства (Приднестровье, Абхазия), раскрывающие этнические поведенческие стереотипы «поля боя» русских и казаков. Эти стереотипы безусловно являются важнейшими ментальными характеристиками. Оказалось, что так называемые «эксцессы поля боя» русских и казаков совершенно идентичны и не совпадают с подобными стереотипами других этнических групп. И те и другие «не оставляли ни при какой ситуации своих убитых и раненых, принимали условия боя в качестве нормальной среды обитания, [демонстрировали] ...пароксизм безумной храбрости» и т.п. Выводы военных психологов о ментальной близости казаков и русских является серьезным аргументом в пользу теории об их общем происхождении»¹. К аналогичному заключению пришла и группа исследователей из Первого казачьего университета имени К.Г. Разумовского, отметивших, что «культура и менталитет казаков роднит их с этническими русскими. Особенно это проявляется в поведенческих стереотипах в боевых условиях...»².

Это особенно наглядно проявляется в языке: на каких бы диалектах русские ни говорили, они без особого труда поймут друг друга на всем пространстве своего расселения от Белого моря до Тихого океана, тогда как, например, в Германии жители ее южных и северных областей, вздумай они изъясняться на своих диалектах, столкнутся с немалыми трудностями.

¹ Общие работы о сути казачества и особенностях менталитета казаков // URL: <http://marka3110.narod.ru/index/0-2>. (Дата обращения — 13. 12 2016).

² Культура казачества: история и перспективы развития. М., 2016. С. 57.

Однако некоторые сторонники «автохтонной теории» и в «языковом вопросе» занимают непримиримую позицию. Так, И.В. Качанов, выпускник Дагестанского университета, имеющий квалификацию «преподаватель истории» и считающий казаков отдельным самостоятельным народом, обосновывает свою точку зрения, в частности, тем, что казаки разговаривают на «своем» языке. По мнению Качанова, донской «гудор» не диалект, а самостоятельный язык, к тому же близкий по «синтетическому словообразованию» к германским и романским языкам. Диалект же, в представлении И.В. Качанова, «это разновидность языка, которую используют на конкретной территории. Так существуют „окающие“ и „ыкающие“ наречия и говоры. От этого слово не меняется. В казачьем же языке присутствуют слова, которые мы не найдем в великорусском языке»¹. Что ж, остается предположить, что автор этого пассажа не только не в ладах с диалектологией, но не заглядывал даже в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля...

Еще дальше в лингвистических изысканиях пошел географ по образованию, литератор и журналист Мурад Аджиев (позднее — Аджи), который тоже не считает казаков частью русского народа. Но он выводит их не из «древней Казаккии» или древних народов Северного Причерноморья и Предкавказья, а напрямую из половцев (кипчаков), якобы лишь в XVIII–XIX вв. насильственно («по законам колониальной генетики») русифицированных «царизмом», несмотря на ожесточенное сопротивление². И один из главных аргументов Аджи(ева), — тот факт, что казаки обычно хорошо

¹ Качанов И.В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 38.

² Аджиев М. Мы — из рода половецкого! С. 50–52. Сходную трактовку антифеодальных движений в России XVII–XVIII вв. можно теперь встретить и на Украине. Там, как сообщалось в аналитической программе ТВЦ «Постскриптум» (от 28 июня 2008 г.), Разин и Пугачев были записаны в украинцы, а их восстания поставлены в один ряд с борьбой украинского народа против ненавистных москалей.

знали язык своих нерусских соседей (а это были в основном тюркские народы — татары, ногайцы, казахи) и часто общались на нем в быту¹.

«Убийственная» логика, ничего не скажешь... Если так рассуждать, то старожильческое русское население Якутии следует признать произошедшим от якутов, поскольку оно в XVIII–XIX вв. широко пользовалось при общении якутским языком (аналогичным, по мнению наблюдателей, было тогда употребление французского в российских столицах)². Ну а терских казаков, по той же логике, надо исключить из схемы «казачьего этногенеза», предложенной Аджи(евым), ибо они знали языки горских народов Кавказа, не относящиеся к числу тюркских.

Что же касается языка, на котором казаки общались в более ранние времена, то его исчерпывающе охарактеризовал еще в 1930 г. известный русский историк-эмигрант С.Г. Пушкирев, и эта его характеристика давно и часто цитируется современными исследователями. Детально ознакомившись с вышедшей в конце XIX и начале XX вв. пятитомной капитальной публикацией «Донские дела», И.Г. Пушкирев обратил внимание на то, что множество исходящих из Донского войска документов XVII в. написаны «прекрасным, выразительным „московско-русским“ языком» и что «этим языком казаки пишут не только свои отписки и челобитные в Москву, но и переписываются между собою»³.

А причины широкого распространения и частого употребления в казачьей среде языка иноязычных соседей элементарны и порой доходчиво разъяснялись самими казаками. Так, в конце XIX в. известный исследователь Сибирского казачьего войска (в будущем генерал) Г.Е. Катанаев на вопрос, зачем его подчиненные говорят «по-киргизски»

¹ *Аджиев М.* Мы — из рода половецкого! С.51.

² *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 215, 245.

³ *Маркедонов С.* Основной вопрос казаковедения. Сн. 424; *он же.* От истории к конструированию национальной идентичности. Сн. 71.

(т.е. по-казахски), получил такой ответ: «По-киргизски... нельзя нам не говорить, потому с киргизским языком можно всю степь изойти, а киргиза когда дождешься как начнет он по-русски говорить, худо учится, русский язык не киргизский — мудреный язык, ему скоро не выучишься»...¹

* * *

Поборники автохтонных теорий происхождения казачества пытаются использовать и антропологию — с той же, естественно, степенью глубины проникновения в предмет, как у них получается с лингвистикой. На просторах Интернета можно, например, встретить категорическое (но, конечно же, не подкрепленное ни конкретным материалом, ни ссылками на какие-либо исследования) утверждение, что «антропологически» казаки — «это единый, не смешанный ни с кем народ», ибо они-де следовали «древнему арийскому закону», запрещавшему «смешивать свою кровь с чужеродной кровью». А «поэтому даже к тому, что написал Шолохов о турецком происхождении своего героя (надо полагать, Мелехова. — *Н.Н*) стоит относиться с осторожностью»².

Автор этого глубокомысленного заключения, в отличие от М.А. Шолохова, похоже, никогда не поражался «тому расовому смешению, которое всегда бросается в глаза при взгляде на казачью толпу»³, и уж, конечно, не читал признаний самих казаков о женитьбе на «басурманках», хотя сведения о том давно введены в научный оборот. В частности, хрестоматийную известность приобрели обращенные к туркам слова донских казаков из знаменитой «Повести об Азовском осадном сидении» (1642 г.): «А жены себе красныя

¹Цит. по: *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 154.

²URL: http://alexfl.ru>vechnoe/vechnoe_kazak.html.

³*Шолохов М.А.* Тихий Дон: Роман в четырех книгах. М., 1993. Т. 2. С. 443.

и любимыя водим и выбираем от вас же из Царя-града...»¹. Или объяснение казаками отказа в 1645 г. присягать царю на том основании, что большинство детей их якобы родилось от «басурманок»². Давно известны также документальные свидетельства такого рода: «Емельяном зовут, Кузьмин, а сын тума; родился де он, Емелька, на Дону в Черкасском. Отец де ево, Кузьма, был русский человек, тамбовец, солдат, а мать туркения»³. Напомню, что «тумой», по некоторым свидетельствам, являлся и самый знаменитый донской казак — Степан Разин⁴.

Подобные сведения, конечно, нельзя абсолютизировать и делать на их основании вывод об этнически смешанном происхождении большинства казаков, но то, что российское казачество далеко от расовой и этнической «чистоты» — факт несомненный. А если он не вписывается в некоторые «теории», то это должно быть хуже для них, а не для фактов.

Пример тщетных попыток заставить антропологию работать на одну из таких теорий мы находим у того же М. Аджи(ева), и примечательны они тем, что разрушают собственные построения автора. «Настоящего казака не спутаешь ни с кем, — пишет Аджи(ев) — голубоглазые, светловолосые, коренастые, таковых большинство», а как раз такими, по его твердому убеждению, и были половцы⁵.

Надо признать, что Аджи(ев) не одинок в этом своем мнении: как светловолосых европеоидов половцев описывают авторы не только дилетантских работ (ссылающихся при этом на некие «русские летописи»), но и некоторые

¹ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 68.

² Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 137.

³ Цит. по: Черницын С.В. Донские татары — мусульманская группа донского казачества // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 287.

⁴ Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 10.

⁵ Аджиев М. Мы — из рода половецкого! С. 7.

профессиональные историки¹. Однако в работах специалистов по археологии и истории Южной Руси X–XIII вв. о внешнем облике половцев содержатся совсем другие сведения. Как считает крупнейший авторитет в области изучения кочевников южнорусских степей С.А. Плетнёва, половцы являлись монголоидами (пусть и не такими «классическими», как собственно монголы или буряты) — в этом ее убеждают результаты исследования половецких захоронений — и, следовательно, в большинстве своем, были темноволосыми и кареглазыми².

Среди половцев, возможно, попадались и светловолосые индивиды (подобно тому, как брюнеты встречаются даже среди финнов, а блондины — среди итальянцев), и ими могли быть не только те, кто (как полагают некоторые исследователи) рождался от русских полонянок. В облике половцев, как и предшествовавших им печенегов, порой проявлялись результаты смешивания их предков с остатками дотюркского (скифо-сарматского) населения степи, и такие европеоидные «вкрапления» даже позднее были характерны для кочевого мира Евразии. Например, русоволосые («или с каштановым отливом» волос) казахи встречались исследователям еще в XIX в.³

Несостоятельны поэтому и попытки связать происхождение этнонима «половцы» с природным цветом их волос. По-русски «половый» означает, действительно, «желтый» (от «полова», т.е. солома), и хотя нельзя исключать наличие у половцев моды красить волосы в соответствующий цвет, наиболее убедительное объяснение такому их наименованию было дано той же С.А. Плетнёвой. По ее мнению, русские

¹ *Сонов А.В.* Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Серия 1. 2006. Вып. 1.

² *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990. С. 35–36.

³ *Радлов В.В.* Из Сибири. Страницы дневника. М., 1980. С. 251; *Бутаков А.Я.* Тайны древних миграций. М., 2012. С. 50; *Марков В.И.* Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. СПб., 2016. С. 57–58, 61.

просто «калькировали» на свой язык самоназвание части кипчакских орд (называвших себя «сары», «шары», т.е. «желтые»), ведь «цветовые» обозначение политических объединений были широко распространены у кочевников («черные болгары», «синие монголы», «Белая», «Синяя» орды)¹.

Писатель Б.А. Алмазов вслед за М. Аджи(евым) (и также голословно) называет половцев (как и большинство тюрок вообще) светловолосым и голубоглазым народом и, видимо, вдохновленный «антропологическим методом» Аджи(ева), помещает на страницы своей книги скульптурные портреты половцев, реконструированные по черепам, рядом с фотографиями некоторых казаков, демонстрируя таким образом их сходство². Уверен, однако, что с таким же успехом сходство с ископаемыми половцами Алмазов мог бы обнаружить и в облике многих русских людей, казаками не являющихся, тем более что сам он считает современного русского человека «в равной степени» и славянином, и половцем (правда, в другом месте его книги доля «половецкой крови» у русских снижена до четверти)³.

Относительно долей «неславянской крови» у представителей русской нации можно, конечно, долго и малопродуктивно спорить, ведь «этнически чистых» народов на территории современной Евразии нет и, учитывая ее бурную историю, сопровождавшуюся массовыми миграциями, быть не может в принципе. Русские и здесь не составляют исключения, и хотя в разных районах их расселения характер и степень метисации бывали разными, ее нельзя представлять упрощенно (в одних районах славяне смешивались только с угро-финнами, в других — с балтами, в третьих — с тюрками и т.д.), поскольку за тысячелетнюю историю государства Российского внутри его происходило постоянное перемешивание населения, причем не только славянского. Известно, например, что тюркское племя берендеев было

¹ Плетнева С.А. Половцы. С. 35–36, 40.

² Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 76–77, 80–81.

³ Там же. С. 43, 82.

расселено в XII в. как по юго-восточной границе русских земель, так и во Владимиро-Суздальской земле¹.

* * *

Умозаключения дилетантов о происхождении казачества находят поддержку не только в около-и псевдонаучных сочинениях, но и в работах, казалось бы, серьезных ученых. Сторонником М. Аджи(ева) выступил, например, кандидат (в дальнейшем доктор) философских наук, известный культуролог либерального толка И.Г. Яковенко, посчитавший, что «при спорности отдельных положений» Аджиева (интересно — каких?) «собранный им материал убедителен»². Помимо Аджи(ева), Яковенко назвал в качестве своих единомышленников Л.Н. Гумилёва (выводившего казаков из хазар), А.А. Гордеева (немного подправив, исходя «из логики автора», его концепцию) и Р.Г. Скрынникова (совершенно исказив его позицию). «Мое убеждение состоит в том, — пишет Яковенко, — что казачество возникло в результате половецко-русского смешения при явном доминировании половецкого субстрата. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть в лица на фотографиях XIX века. Форма черепа, телесная конституция — все это (так же как и особенности бытовой культуры и песни) разительно отличается от славянской типологии и выдает в казаках природных степняков»³.

Этой аргументацией система собственных доказательств у И.Г. Яковенко, по сути дела, и ограничивается, свидетельствуя, прежде всего, о неважном знании им как русской «типологии» вообще (весьма, как известно, далекой от

¹ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 74; Марков В.И. Тюркский след в истории Украины. С. 78.

² Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России. Статья 3. Казачество // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 106.

³ Яковенко И.. Подвижен, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 69–70.

единообразия), так и казачьей в частности (видно, немного ему попало на глаза «фотографий XIX века»). Антропология при строго научном, беспристрастном подходе к ее использованию дает основание для совсем других выводов, свидетельствуя, в частности, что даже уральское казачество, столетиями плотно контактировавшее с тюрко-монголо-и ираноязычными народами, многие представители которых непосредственно вливались в его состав, по своему антропологическому типу в большинстве своем не отличались от остальных русских. Оказалось, что хотя Яицкое (Уральское) казачье войско всегда считалось «многонациональным», согласно переписи 1723 г., нерусскими было лишь около 6% яицких казаков, а в середине XIX в. «полиэтничность» уральцев выглядела так: башкиры и мишари среди них составляли 7%, татары — 5%, калмыки — 1,2%, каракалпаки и казахи — 0,8%¹. Ситуация принципиально не менялась и в дальнейшем, так что в 1862 г. русские составляли 86% уральского казачества, а к 1885 г. их доля возросла до 93,6%². Как заметил А.И. Изюмов, «главная масса уральцев по происхождению... была чисто русской, мало смешанной с татарами и башкирами, калмыками и казаками»³.

Один из крупнейших отечественных медиевистов (и, между прочим, турский казак по рождению) член-корреспондент РАН А.П. Новосельцев незадолго до своей кончины (1995 г.) тоже высказался по поводу споров об этнической природе казачества: «...В публицистике и популярных изданиях все чаще выражается мнение, будто казачество — вовсе не славянский

¹ *Кортунов А.И.* Особенности формирования полиэтничной казачьей общины на Южном Урале в XVI–XIX веках // Сибирское казачество: история и современность. Омск, 2011. С. 90; *Бекмаханова Н.Я.* Население Уральского казачьего войска в первой половине XIX века // Проблемы исторической демографии СССР. Сб. статей. Таллин, 1977. С. 121.

² *Сагнаева С.К.* Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века. С. 43.

³ *Изюмов А.И.* Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 130.

институт, а тюркский, причем доказывается, что даже донские казаки XVIII–XIX вв. были тюрками... Укажу на статьи М.Э. Аджиева. Давая рецензию на его публикацию в одном из журналов («Вокруг света». — *Н.Н.*), я деликатно указал на такого рода ошибку. Однако редакция журнала опубликовала лишь часть моего отзыва, где отмеченное замечание было опущено. Я убежден, что сам термин „казак“ (кстати, тождественный этнониму „казах“) — тюркского происхождения, что вовсе не означает, будто восточнославянское казачество (великорусское, украинское и смешанное) было тюркским, хотя хорошо известно, что отдельные тюркские элементы приняли участие в его формировании. В частности, это можно отметить для Донского и Уральского казачеств. Однако роль тюрков в формировании этих казачьих войск была минимальной...»¹

Донское казачество стало объектом изучения антропологов еще столетие назад, и результаты этой работы позволили В.В. Бунаку «отнести донских казаков к одному, преобладающему на русской равнине антропологическому типу, характеризующемуся в общем теми же отличиями». Исследователь отметил, что даже «украинский тип... оказывается более далеким от донского казачества». По наблюдениям В.В. Бунака, среди донцов «незаметно также сколько-нибудь значительных следов примеси иноплеменной крови; они выступают лишь в отдельных пунктах и сравнительно в слабом количестве»².

Исследования, проведенные среди донского казачества современными антропологами (в нашем случае доктором биологических наук В.Ф. Кашибадзе и кандидатом биологических наук Е.Ф. Батиевой) тоже дали вполне ожидаемый и однозначный результат, а именно: заключение о том, что в основе «физического статуса» донских казаков «лежат морфологические характеристики, общие с населением

¹Новосельцев А.П. Кавказское казачество — олицетворение единства русского и украинского народов // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2004. Вып. 1. С. 37.

²Бунак В.В. Антропологический тип донских казаков // Русский антропологический журнал. М., 1922. Т. 12. Кн.1–2. С. 144–145.

юго-восточных зон Центральной России, что указывает на направления генетических связей. Антропологическая история донских казаков, — отмечают эти исследователи, — подразумевает процессы миграции из указанного ареала, смешения между разными исходными группами русских и *незначительное* включение южных и восточных элементов в возрастающей к югу пропорции» (выделено — *Н.Н.*)¹. А главный вывод исследования, проведенного В.Ф. Кашибадзе совместно с О.Г. Насоновой, еще более конкретен: морфологически и генетически ближайшей к донским казакам группой населения являются русские Рязанской области².

Точку в затянувшемся споре об этнической природе казачества может поставить всё более уверенно заявляющая о себе наука — ДНК генеалогия («популяционная генетика»). Проведенные по ее методике выборочные исследования не выявили сколько-нибудь существенных различий между казачьим населением и жителями центральных областей России, подтвердив сделанные ранее выводы антропологов, что дает ученым еще одно основание утверждать, что казаки не являются уникальным, отличным от русских, этносом³.

¹ Кашибадзе В.Ф., Батиева Е.Ф. К проблеме генезиса донских казаков (данные антропологии) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития. Тезисы всерос. научн. конф. Ростов н/Д, 2010, С. 6.

² Кашибадзе В.Ф., Насонова О.Г. Антропология донских казаков: опыт интеграции данных науки и литературы // Труды Южного научного центра РАН. Ростов н/Д, 2009. Т. 5. Социальные и гуманитарные науки. С. 167–177.

³ Юрченко И. Ю. Казаки — тюрки? Трактовка проблемы этнического происхождения казачества в неопантюркистской историографии (на примере новых книг Мурада Аджи (Аджиева М.Э.)) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 5 (10). С. 68–69; Куклев Ю.М. Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспекты формирования правового статуса. М., 2015. С. 187; Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 275–290; Бражник А. Национальность и происхождение донских казаков: что говорит генетика // URL: <http://zen.yandex.ru; cyrillitsa.ru>. (Дата обращения 22.05.2020).

Для исследователей, углубленно занимающихся ранней историей казачества, этот вывод не стал неожиданностью. Он совпадает с теми заключениями, которые были уже давно сделаны ими на основе всего комплекса выявленных к настоящему времени источников XVI–XVII вв. И важное место среди них занимает документальный материал о том, откуда «вышли» сами казаки или их предки. И данные эти решительно расходятся с широко тиражируемыми ныне мнениями эмигрантов-«казакийцев» и их современных последователей, заявляющих, что среди вливавшихся в состав казачества народов русских было меньше всего¹.

Сведения о наличии у казаков жен, детей, родителей и прочих родственников «на Руси» постоянно встречаются в делопроизводственной документации XVII в.² Хорошо теперь известны и регионы, откуда в XVI–XVII вв. уходила «в казаки» основная масса русских переселенцев. Это, главным образом, *ближайшие* к «казачьим рекам» уезды Московского государства. Примечательно возмущение казаков указом Бориса Годунова, лишившим их возможности «в украинные города к родимцом своим притти»³. С другой стороны, в источниках нередко прямые указания на наличие у многих жителей пограничных русских городов «сродичей» в казачьих областях (на Дону, например, особенно заметными были родственные связи казаков с воронежцами). В распоряжении исследователей имеются также многочисленные документальные материалы, содержащие «расспросные речи» казаков с прямыми указаниями на места их «выхода», а также «прозвища регионального харак-

¹ Балинов Ш. О происхождении казачества...; Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества. М., 2007. С. 109; Никитин В.Ф. Казачество... С. 53.

² См., например: Очерки традиционной культуры казачеств России. М.; Краснодар, 2002. Т. 1. С. 218.

³ Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. Пг.; М., 1923. С. 11.

тера» (типа «Тамбовец», «Воронежец», «Белгородец», «Костромитин» и т.д.)¹.

Анализ всех этих сведений показал, что среди яицких казаков в XVII в., «присутствовала почти вся Россия», но преобладали переселенцы из поволжских областей². В последнее время предпринимаются попытки доказать преимущественно северорусское происхождение яицких казаков. Московский историк В.В. Бахтов приводит вполне репрезентативный материал, свидетельствующий о сходстве в наименованиях орудий рыболовства, сюжетах фольклора и в профессиональной лексике русских жителей Беломорья и уральского казачества. Но этим он лишь подтверждает поволжскую версию, ибо такое же в принципе сходство отмечается им и в отношении русского населения Нижнего Поволжья³. В любом случае, минуя Волгу, переселенцы с Севера попасть на Яик не могли, о чем, кстати, прямо свидетельствует и одно из процитированных в работе В.В. Бахтина преданий: в нем говорится, что предки уральцев, уйдя с Белого моря, вначале («еще до Ермака») «гуляли на Волге...»⁴

Что же касается донских казаков, то большинство их являлось выходцами из южнорусских уездов. Обстоятельства

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. М., 1954. Т. 1. С. 103; *Заозерская Е.И.* Восстание Степана Разина (Общий обзор) // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 184.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 272; *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII–XVIII в. М., 1966. С. 14; *он же.* Социально-экономические отношения и классовая борьба на Яике в XVII–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. С. 9; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 343; *Дубовиков А.М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска. С. 298.

³ *Бахтов В.В.* Историко-этнографические параллели русского населения Нижнего Поволжья, р. Урал и старожилов Русского Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2020. № 2. С. 69–78.

⁴ Там же. С. 74–75.

переселения русских людей на Дон изучены к настоящему времени наиболее полно и свидетельствуют, что туда часто уходили те из них, кому была уже хорошо известна жизнь на Дону: кто не только имел среди тамошних казаков родственников или земляков, но и кто общался с казаками, приезжавшими в русские города, кто часто сам бывал на Дону с торговыми или иными делами. (Последние исследования убедительно показали, что грань между жителями южно-русских окраин и донскими казаками вообще была зыбка и неопределенна)¹.

Сложнее оказалось определить связи с «метрополией» у старейших групп казаков Терека. В числе мест их «выхода» называются Дон, Волга, Рязанское княжество и другие южные и юго-восточные окраины Московского государства XVI века, центральные и северо-восточные регионы допетровской России, а также новгородские земли, и все эти версии находят подтверждение в фольклоре, обрядах и особенностях говора казаков Терека².

Вряд ли, однако, следует ожидать, что вышеприведенные доказательства в основном русского происхождения казачества приведут к сколь-нибудь быстрому и решительному пересмотру своих позиций большинством тех, кто считает казаков «самостоятельным этносом». Они будут в своих

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 268–269; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 126–130; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина. С. 67, 109–115; Рошупкин А.Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI — первой половине XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2016. С. 141.

² Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества. С. 8; Тхамокова И.Х. Гребенские казаки как этнографическая группа // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. Краснодар, 2003. С. 129–134; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 245, 311; Ткаченко Т.А. Влияние государства на эволюцию социальной структуры терского казачества в XVII–XVIII вв.: этапы и особенности. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 17–19.

рассуждениях еще больше упирать на «особенности менталитета» своего «народа», как это, впрочем, давно делают другие «русские сепаратисты» — от сибирских до питерских и калининградских — и станут «разрабатывать» такие определения понятия «этнос», которые полностью исключили бы его важнейшую составляющую — общность происхождения. Или же пойдут по пути своих идейных предшественников из числа тех эмигрантов-«казакийцев», которые заявляли, что «сам по себе факт происхождения казачества от русского народа самостоятельному (самостийному) бытию казачества помешать не может. В конце концов, когда-то существовал единый славянский народ»¹. Будут бесконечно муссировать «феномен казачьего самосознания».

Так что работа по доведению до массового читателя правдивой информации о происхождении казачества еще предстоит большая, и препятствия на этом пути будут возникать еще долго. Среди них и позиция некоторых наших коллег, которые выступают за синтез «миграционной», и «автохтонной» концепций происхождения казачества, ибо полагают, что они имеют равное право на существование и «дополняют друг друга»².

То есть согласно этой позиции получается, что на одной «чаше весов» у нас огромный конкретно-исторический материал, введенный в научный оборот несколькими

¹ Цит. по: *Степанченко В.И.* Взгляды казаков зарубежья XX века на историю и цели казачества // *Сибирское казачество: история и современность.* Омск, 2011. С. 23.

² *Казачий Дон: Очерки истории.* Ч. 1. С. 13, 36–37, 44–46; *Трут В.П.* К вопросу о теории происхождения и сущностной характеристике казачества // *Казачий сборник.* 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 273–286; *Королев В.Н.* Казаки донские (Энциклопедия культур народов Юга России. В 9 т.) Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005. С. 114–118; *Глуценко В.В.* Казачество. Учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2000. С. 9; *Сопов А.В.* Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 1999. С. 24; *он же.* К вопросу о происхождении и формировании казачества: этнический аспект // *Культурная жизнь Юга России.* 2009. № 5. С. 59.

поколениями высококвалифицированных исследователей и свидетельствующий о массовом уходе русских людей «в казаки» в XVI–XVII вв. А на другой, «автохтонной», «чаше весов», как было показано выше, нет *ни одного* научно обоснованного довода. Их заменяют фантазии, домыслы, основанные на сомнительных допущениях и шатких аналогиях гипотезы, чисто умозрительные или построенные на догадках и натяжках «теории», «наивная этимология», т.е. безграмотные, основанные на случайном звуковом сходстве имен и географических названий топонимические и ономастические построения. И, выходит, обе эти «чаши» вполне «уравновешивают» друг друга? Это абсурд. И вообще: какой «компромисс», какой «синтез» может быть между научной истиной и фантазиями? С каких пор в науке стало признаваться равное право на существование мифов и реальных фактов?!

* * *

Большинство профессиональных историков, конечно же, отвергают «автохтонную теорию» происхождения казачества и опирается при этом на солидную источниковую базу и обширную историографию. Однако и с обоснованием их концепций не всегда всё благополучно: позиции авторов бывают недостаточно четко обозначенными, критерии определения тех или иных этно-социальных структур как казачьих (или протоказачьих) порой оказываются размытыми, что развязывает руки сторонникам «автохтонной теории» для нагромождения в ее русле всё новых и новых «гипотез».

Для создания же строго объективной, научно обоснованной концепции происхождения казачества надо, в первую очередь, исходить из того, подмеченного, в частности, этнологом С.К. Сагнаевой¹, но историками часто упускаемого из вида непреложного факта, что «казаки» появились намного раньше «казачества», и потому (повторюсь) далеко не каждое их упоминание в источниках следует рассматривать как вы-

¹ Сагнаева С.К. Указ. соч. С. 14.

ход предков нынешнего казачьего населения России на историческую арену. А «вычислить» этих предков можно только одним способом: найти те группы населения, которые бы независимо от своего названия строились на принципах и порядках, принятых у несомненных предков казачества — членов вольных казачьих общин XVI–XVII вв. То есть нам надо узнать, у кого и когда сложилась и приобрела устойчивый характер та форма социальной организации, которую можно назвать «институтом казачества», и проследить, имела ли она преемственную связь с казачьими общинами XVI–XVII вв.

Характерные, т.е. присущие вольным казачьим сообществам всех «рек» и «войск» особенности социальной организации хорошо известны. Они фиксируются в исторических источниках, начиная с конца XVI в. и в своей совокупности таковы: 1) социальное равенство членов сообщества; 2) так называемая казачья демократия, предполагающая решение всех важных вопросов на общих сходах и выборность снизу доверху исполнительной власти; 3) «разнородовой» характер сообществ, т.е. объединение в них лиц, которые в большинстве своем не являлись родственниками (казачьи объединения не были кровнородственными общинами); 4) специфический характер занятий членов сообщества, а занятия эти, в соответствии с терминологией XVI–XVII вв., назывались «воинским промыслом».

Последний признак особенно важен, но некоторые исследователи ранней истории казачества упоминают о нем вскользь, через запятую с «рыбной ловлей» и «охотой» или даже настаивают на том, что эти промыслы, наряду со скотоводством, были главным занятием казаков¹. По их

¹ *Степанов И.В.* Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина. М., 1957. С. 24; *Рознер И.Г.* Рец. на книгу А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке» (Ростов н/Д, 1961) // Вопросы истории. 1963. № 5. С. 117; *он же.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 6; *Мавродин В.В.* По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России: проблемы, поиски. Решения. М., 1974. С. 43; *Чистякова Е.В., Соловьев В.М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 9.

мнению, казак — это просто «вольный человек на вольной земле»¹, между тем как казачьи общины — это прежде всего и главным образом объединения *воинов*, важной источник существования которым в XVI–XVII вв. давала военная добыча. Это факт, твердо установленный еще до революционными исследователями и никем с тех пор не опровергнутый, а лишь подтверждаемый². Против него, правда, возражают поборники «автохтонной» теории³, но их позиция не выдерживает критики уже потому хотя бы, что сами казаки, по крайней мере с XVII в., называли свои территориальные объединения «Войсками» («Войско Донское», «Войско Яицкое» и т.д.) и заявляли, что без «воинского промысла» им невозможно «прокормиться и одеться». Это подтверждалось сторонними наблюдателями, а также упорным нежеланием казаков заниматься хлебопашеством. На Дону оно было запрещено вплоть до конца XVII в. под страхом смерти, причем с весьма

¹ *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 209.

² *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века. С. 13; *Павленко Н.И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России (К 100-летию со дня рождения акад. Н.М.Дружинина). М., 1986. С. 63; *Никитин Н.И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII // История СССР. 1986. № 4. С. 171; *Станиславский А.Л.* Гражданская война... С. 26–27; *Казачий Дон. Очерки истории.* Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41, 50; *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. Т. 1. С. 79; *История России с начала XVIII до конца XIX века.* М., 1996. С. 228; *Изюмов А.И.* Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 129; *Беляев Л.А.* Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 51–52; *Марков В.И.* О возникновении украинского козачества. С. 115–116, 120; *Головнёв А.В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 342–343.

³ См., например: *Алмазов Б.* Указ. соч. С. 118–119.

красноречивым объяснением: «дабы воинским промыслам помешки не было»¹.

Что же касается «свободных людей на свободной земле», то они известны историкам и среди неказачьего населения. Напомню опять о «бухтарминских каменщиках» — старообрядцах, самовольно поселившихся в XVIII в. на Алтае и принявших российское подданство лишь в 1791 г. (да и то со статусом «ясачных людей»). Они, как и казаки, были свободными и практически поголовно вооруженными (т.к. активно занимались охотой), имели общинное самоуправление, но казаками они себя не считали и никто их так не называл, поскольку, в отличие от казаков, бухтарминцы занимались не «воинским промыслом», а вели традиционно крестьянский образ жизни².

Если применить сформированные выше критерии к тем этно-политическим объединениям, которые порой фигурируют в литературе как непосредственные предки (предтечи) российского казачества, то из их числа надо, разумеется, сразу же исключить древнейшие племена и народы, обитавшие в Подонье, Приазовье и Северном Причерноморье в целом, — скифов, сарматов, готов, гуннов, авар, хазар и т.п. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения об их жизни и социальном устройстве не позволяют говорить о близости и тем более тождественности казачьим, а выделялись ли из их среды социальные элементы, которые могли бы создавать вольные общины казачьего типа, мы просто не знаем, но даже если таковые и выделялись, ясно, что раз они не нашли

¹ Платонов С.Ф. Указ. соч. С. 109; Караулов М.А. Указ. соч. С. 34; Тхоржевский С. Указ. соч. С. 13, 22; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. С. 209–210; История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 77–78; Марков В.И. О возникновении украинского козачества. С. 210–211.

² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 456; Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири. Новосибирск, 1989.

отражения в исторических источниках, то устойчивого характера не носили, в качестве сколько-нибудь заметной политической силы на исторической арене не выступали и, стало быть, преемственной связи с последующими «вольными» поселенцами южно-русской лесостепи и степи не имели.

* * *

Вместе с тем, нельзя не видеть, что в южно-русском регионе и до XVI–XVII вв. не раз появлялись группы населения во многом похожие на хорошо знакомое нам вольное казачество.

Как предки казачества в ряде работ фигурируют, например, некоторые специфические группы *тюркского* населения лесостепной полосы Восточной Европы XII–XIII вв. В первую очередь это «черные клобуки» — конгломерат из остатков печенегов, торков, берендеев, ковуев и других кочевых племен и народов, которые заселяли Северное Причерноморье до половцев, но были вытеснены ими с прежних мест обитания и перешли под покровительство русских князей, расселившись в качестве их вассалов по юго-восточному пограничью Руси и прежде всего по реке Рось.

Связь между черными клобуками и позднейшими казаками усматривал еще Н.М. Карамзин¹. С.М. Соловьёв вообще полагал, что военные поселения по реке Рось уже с XI в. представляли собой «зерно казачества»². Подобные аналогии проводят и некоторые современные исследователи. Так, И.Л. Коневиченко считает, что «вычеркивать из числа казачьих предков» черных клобуков «нет никаких серьезных оснований»: «они занимали ту же хозяйственно-культурную и профессиональную нишу, что и в более позднее время казаки»³. В.В. Глуценко называет черных

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5. С. 215.

² Соловьёв С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 66.

³ Коневиченко И.Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 17.

клубуков «одними из многих предков казачьего рода на Днепре»¹. По мнению С.А. Плетнёвой, у черных клубуков «начал складываться быт, характерный впоследствии для казачества». Этот быт она представляет следующим образом: «Мужчины были всегда готовы к военным походам, на женщинах же фактически держалась вся экономика, а дети (мальчики) сызмальства воспитывались в духе удальства и всадничества»².

Трудно, однако, понять, что здесь специфически казачье-го: таков был образ жизни всех кочевых народов Евразии в ту эпоху. Если же в виду имеется возложенная на черных клубуков *пограничная служба*, то она была характерна не для вольного, а для *служилого* казачества: для городских казаков, дислоцированных на Белгородской, Изюмской, Симбирской и других укрепленных «чертах» Московского государства XVII в., для линейных казаков, охранявших российские рубежи в XVIII–XIX вв. на Кавказе и в Сибири. И, видимо, именно их имеет в виду другой наш видный археолог и историк — В.Л. Егоров, — когда пишет, что черные клубуки несли «практически казачью службу»³.

Сильно отличался от казачьего и тип социальной организации у черных клубуков, и это, пожалуй, главное препятствие к признанию их «протоказаками». Как пишет та же С.А. Плетнева, «у черных клубуков прослеживается ясно выраженная социальная иерархия... Наверху стояли крупные аристократы, подчинявшиеся непосредственно князю главного города любого княжества, в котором были такие вассалы»⁴. Хорошо известно также, что представители этой «аристократии» получали на Руси в управление целые города⁵. Надо ли

¹ Глуценко В.В. Казачество. Учебное пособие. С. 83.

² Плетнева С.А. Указ. соч.. С. 83.

³ Егоров В.Л. Русь и ее южные соседи в X–XIII веках // Отечественная история. 1994. № 6. С. 196.

⁴ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 87.

⁵ Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы. Русь и Степь до нашествия татар. М., 2011. С. 121, 264–265.

доказывать, как далеко все это от демократических порядков вольных казачьих общин?

В.Ф. Мамонов считает, что «теория о черных клобуках как ядре российского казачества... остается лишь одной из возможных гипотез — не более того»¹. Полагаю, однако, что с учетом вышеприведенного она и в качестве гипотезы не может всерьез рассматриваться...

По ряду признаков гораздо более близкими к вольным казачьим сообществам XVI–XVII вв. могла быть еще одна группа тюркского населения южнорусских степей домонгольского периода — так называемые дикие половцы. Они упоминаются в летописях с 40-х гг. XII в. и, судя по этим сообщениям, в отличие от черных клобуков, были не вассалами, а союзниками русских князей. «Дикие половцы» кочевали вблизи разных районов русского пограничья, не входили ни в одну из известных историкам крупных «орд», состояли из семей (аилов), не связанных друг с другом кровнородственными отношениями и, по-видимому, являлись остатками тех родоплеменных объединений, которые были разгромлены русскими в начале XII в.² О внутренней организации «диких половцев» мы ничего не знаем, но какой бы она ни была, признать их предками казачества тоже не представляется возможным. Попав под власть монголов, и черные клобуки, и дикие половцы растворились в общей массе населения Золотой Орды. Это — мнение ведущих специалистов по истории кочевого мира южнорусских степей³. Стало быть, допуская возможность формирования там протоказачьих структур в домонгольский период, мы вынуждены будем констатировать, что оно было резко прервано и надолго остановлено монголо-татарским завоеванием.

¹ Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 33.

² Плетнева С.А. Указ. соч. С. 90–92.

³ Голубовский П.В. Указ. соч. С. 119–121; Плетнева С.А. Указ. соч. С. 87; Трепавлов В.В. Кочевники южнорусских степей // Преподавание истории в школе. 2007. № 3. С. 43.

Среди претендентов на место родоначальников казачества часто выдвигаются и так называемые бродники. Сами за себя говорят уже некоторые названия посвященных им работ: «Предшественники казачества — бродники», «Бродники — предки донских казаков» и т.п.¹

Наиболее оригинальная точка зрения по «бродницкой проблеме» принадлежит, конечно, Л.Н. Гумилеву, который утверждал (как обычно, не утруждая себя доказательствами), что бродники являлись «потомками древних хазар в долине Дона», которые «сменили этноним» и «стали называться казаками»². Бродников считал непосредственными предками казаков крупнейший исследователь истории русской колонизации М.К. Любавский, а из современных авторов той же точки зрения придерживаются историки А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян, В.П. Трут, А.В. Головнёв, В.В. Глуценко, политолог А.Е. Мохов³.

Некоторые исследователи пишут о происхождении казаков от бродников с оговорками — «не исключено», «вполне возможно», «с известной долей вероятности» и т.д.⁴. Вместе с тем, никакого сомнения «прямое родство» бродников с казачеством не вызывало у большинства представителей

¹ *Волынкин Н.М.* Предшественники казачества — бродники // Вестник Ленинградского гос. ун-та. 1949. № 8; *Овчинникова Б.Б.* Бродники — предки донских казаков // Родина. 1998. № 10; *Сопов А.В.* Бродники — предшественники казаков (тезисы) // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2009. Вып. 4.

² *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 213–214.

³ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. С. 139; *Казачий Дон: Очерки истории.* Ч. 1. С. 12–13; *Глуценко В.В.* Казачество. Учебное пособие. С. 90; *Мохов А.Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 18–21; *Головнёв А.В.* Феномен колонизации. С. 236, 331.

⁴ *Попов А.И.* Кыпчаки и Русь // Ученые записка Ленинградского гос. ун-та. 1949. № 112. С. 144; *Аверьянов Ю., Воронов А.* Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 138.

казачьей эмигрантской историографии. При этом некоторые из них (например Ш. Балинов) ссылались на некую (не указанную) «русскую летопись», согласно которой бродники представляли собой «уже сложившуюся народность, стойкую, способную на противодействие чужому влиянию», а потому «и под владычеством половцев» (а затем и монголов) сохранившую «свой славянский тип, язык, свою христианскую религию», имевшую «свои города, церкви», занимавшуюся земледелием¹.

Подобные идеи популярны и у нынешних, российских активистов казачьего возрождения, и в этом они находят полную поддержку ряда литераторов, касающихся истории казачества².

Некоторые казачьи активисты идут в развитии и распространении «бродницкой теории» очень далеко. Называя бродников своими предками, они изображают их не просто «автохтонным этносом», а народом, издревле противостоявшим «русской экспансии». Вот пример такой трактовки.

По летописи известно, что в 1223 г. на Калке монголы использовали одного из предводителей бродников — «воеводу» Плоскиню — в переговорах с остатками русских войск, чтобы склонить их к капитуляции. Казалось бы, что к этому сообщению можно добавить? Оказывается, многое. Руководитель пресс-центра Всевеликого Войска Донского С.В. Казаков эпизоду на Калке дает такую трактовку: «Отряд атамана бродников Плоскини вместе с экспедиционным корпусом монголов одержал победу над русско-половецкими войсками» и тем

¹ *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>)...articles...o-proishozhdenii.html).

² Казачий словарь-справочник. Кливленд, Охайо, США, 1966. Т. 1. С. 87; *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия. М., 1992. С. 10–11; *Задонский А.* Откуда казаки произошли // Литературная Россия. 1993. № 36; *Казаков С.В.* Послесловие к книге В.И. Вареника «Происхождение донского казачества» С. 218–219; *Алмазов Б.А.* Указ. соч. С. 94; *Бараев В.* Битва на Калке. Взгляд с другой стороны // Литературная Россия. 2011. № 38.

самым положил конец «навязчивой идее» русских князей «шеломом испить Дону», т.е. завоевать казачьи земли...¹

Дон и Приазовье фигурируют в качестве места обитания бродников у многих авторов как легковесных, так и серьезных работ. Некоторые исследователи «расселяют» бродников по всей территории Северного Причерноморья — от Дуная до Предкавказья².

На чем же строятся все эти мнения?

Дошедшие до нас сведения о бродниках относятся к XII–XIII вв. и крайне скудны. Основной материал для изучения той эпохи — древнерусские летописи, однако в них всего три кратких упоминания о бродниках (1147, 1216 и 1223 гг.), никак не согласующиеся с их вышеприведенным описанием «казакийцом» Ш. Балиновым. Правда, кое-какую информацию мы можем получить из византийских и венгерских документов того же времени, а также данных топонимики, и комплексное изучение всех имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет современным историкам придти к следующему, вполне обоснованному заключению.

Бродники — это вольные сообщества беглецов и изгоев («выгонцев») преимущественно из Юго-Западной Руси, обосновавшиеся в XII ст. вовсе не в Подонье (на это в источниках нет никаких указаний), а в Нижнем Подунавье (включая междуречье Днестра и Дуная) и промышлявшие, главным образом, рыболовством, пиратством, грабительскими набегами и военным наемничеством. Та их часть, что поселилась на реке Берлад (приток впадающей в Дунай реки Серет), называлась «берладниками», а всех вместе их порой называли «подунайцами»³.

¹ Казаков С.В. Указ. соч. С. 218–219.

² Овчинникова Б.Б. Бродники — казацкая вольница // Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 57.

³ Аверин И.А. Бродники: миф и реальность // Казаки России. М., 1993. С. 41–53; он же. «Те, которые презирают смерть» // Родина. 1997. № 9. С. 34–36; Перхавко В.Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. М., 1996. С. 70–75; Перхавко В.Б., Пчелов Е.В., Сухарев Ю.В. Князья и княгини Русской земли. М., 2002. С. 159–164; Перхавко В.Б., Сухарев Ю.В. Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006. С. 181.

Источники позволяют с изрядной долей уверенности утверждать, что бродники в основном были русскими по происхождению, православными христианами по вероисповеданию, отличались воинственностью и храбростью («презирали смерть»). А то обстоятельство, что они практически всегда упоминались во множественном числе, т.е. выступали как «коллективное целое» (в котором, правда, могли выделяться «старые бродники» — возможно, старейшины), может указывать на общинный (военно-демократический) характер их социальной организации.

Источники «обнаруживают» бродников не только в Подунавье, но и в других районах, где они обычно действовали вместе с половцами, но это легко объясняется тем, что те и другие в качестве наемников активно участвовали в княжеских распрях и потому могли оказываться в самых различных местах. Сторонникам дунайской локализации бродников сложнее объяснить другое: найденные археологами следы небольших поселений с древнерусской керамикой XII в. на среднем Дону (в устьях небольших речек и при овражках), а также остатки русских поселений и христианских кладбищ того же времени на нижнем Днепре. Но если археолог С.А. Плетнёва связывает их с бродниками¹, то этнолог и историк И.А. Аверин — с русскими пленниками, захваченными во время набегов половцев на Русь и расселенными в степных «зимовищах» для работы на новых хозяев. «Никаких подтверждений воинственности данных русских археологами не найдено», — замечает он².

Авериным также категорически отрицается возможность генетической связи бродников как с древним славянским населением Дона (жившим там с VIII в.), так и с хазарами, поскольку первые под натиском печенегов покинули этот регион еще в начале X в. (перебравшись в бассейн среднего течения Оки), а вторые — в начале XI в., тоже расселившись по окрестным странам и народам³.

¹ Плетнева С.А. Указ. соч. С. 93.

² Аверин И.А. Бродники: миф и реальность. С. 43.

³ Там же.

Не так прост, как многим кажется, и вопрос об этимологии слова «бродники». С.А. Плетнёва приводит наиболее распространенное (как бы напрашивающееся само собой) его толкование: «Название „бродники“ происходит от слова „бродить“, близкого по смыслу тюркскому корню „каз“ (кочевать), от которого образовалось слово „казаки“»¹. Подобные трактовки выдвигаются давно и даже рассматриваются как доказательство существования преемственности между бродниками и казаками. «Самое слово „казак“ по смыслу своему близко стоит к слову „бродник“, и весьма вероятно, что одно есть замена другого», — писал М.К. Любавский². Эту точку зрения разделяет и развивает современный исследователь А.В. Головнёв³. Однако И.А. Аверин придерживается другого мнения и указывает, что «значение термина „бродник“... имело в большинстве славянских языков отношение к речной тематике... Глагол же „бродить“ во всех славянских языках определяет медленное передвижение, хождение по воде или ловлю неводом рыбы». В этой связи им вновь отмечается привязанность термина «к определенному географическому ареалу и определенной профессиональной ориентации русских „подунайцев“ — рыболовов и речных купцов-пиратов, не брезговавших и военным наемничеством»⁴.

К мнению историков, считающих, что «бродники — это те же казаки, только времен Киевской Руси», И.А. Аверин относится скептически⁵, но его скепсис в данном случае не вполне оправдан. Если обобщить весь выявленный на сегодняшний день конкретно-исторический материал о бродниках, то их сходство с позднейшим казачеством нельзя не заметить: оно явное в образе жизни и вполне вероятное — в особенностях социальной организации. Поэтому вряд ли следу-

¹ Плетнева С.А. Указ. соч. С.92–93.

² Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. С. 139.

³ Головнёв А.В. Феномен колонизации. С. 331.

⁴ Аверин И.А. Бродники: миф и реальность. С. 48–49.

⁵ Там же. С. 45.

ет рассматривать как большое преувеличение проводимые историками аналогии между бродниками и вольным казачеством XVI–XVII вв. А такие аналогии встречаются у многих серьезных исследователей — П.В. Голубовского, Б.Д. Грекова, И.Б. Грекова, А.И. Попова, Л.Б. Заседательевой, В.Б. Перхавко, и др. Они называют бродников «прототипом позднейшего казачества», «прообразом будущих казаков» «предшественниками позднейшего русского и украинского казачества» и т.д.¹. Более пространно формулирует свою позицию С.А. Плетнёва: «бродники — отряды вольных русских степных поселенцев, аналогичных казачеству, возникшему в степях на 500 лет позднее»². Думается, что в целом эти исследователи правы.

Другое дело — можно ли считать бродников *предками* казаков XVI–XVII вв. Прослеживается ли между ними непосредственная связь? Большинство профессиональных историков отвечает на этот вопрос уклончиво, но склоняется скорее к отрицанию такой связи, чем к признанию ее наличия, ссылаясь, как правило, на малочисленность источников. Как заметил А.И. Козлов, «бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей ее заманчивости и привлекательности, не особенно убедительна. И прежде всего потому, что не имеет под собой веских доказательств»³. Это мнению полностью воспроизводит в своих работах и А.В. Сопов, хоть и начинает историю казаков «как минимум с X–XI столетий»⁴.

¹ Голубовский П.В. Указ. соч. С. 165; Попов А.И. Указ. соч. С. 114; Греков И.Б., Шахмаонов Ф.Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. 2-е изд. М., 1988. С. 50; Перхавко В.Б. Князь Иван берладник на Нижнем Дунае. С. 71; Российское казачество. Научно-справочное издание. М., 2003. С. 168.

² Плетнева С.А. Указ. соч. С. 92.

³ Козлов А.И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 166.

⁴ Сопов А.В. Проблемы происхождения и становления казачества Юга России. С. 10, 23.

Е.И. Дулимов, В.К. Цечоев и В.А. Волков также считают, что убедительных доказательств трансформации бродников в казаков историками пока не представлено¹. По мнению И.Л. Коневиченко, «бродницкая версия происхождения казачества, безусловно, содержит ряд любопытных наблюдений, но в целом она, при всей своей привлекательности, недостаточно убедительна. Прежде всего, потому что не имеет под собой веских доказательств»².

Более последовательную позицию по этому вопросу занимает М.А. Рыблова. Она замечает, что никому из сторонников так называемой бродницкой теории «не удалось обнаружить ни одного источника, указывающего на наличие непосредственной связи и преемственности между донскими казаками и бродниками»³.

Возьму на себя смелость утверждать, что такую преемственность искать вообще бесполезно. Судьба бродников к настоящему времени прослежена достаточно четко. Часть из них под давлением монголо-татар в середине XIII в. переместилась в пределы Венгерского королевства (на территорию Западной Румынии и Словакии), а оставшиеся в Дунайско-Днестровском междуречье были ассимилированы окрестным населением, так что в конечном итоге бродники утратили свою самобытность и слились с другими народами (главным образом с болгарами, румынами и молдаванами)⁴.

Даже если признать ареалом расселения бродников *всё* Северное Причерноморье (включая Подонье–Приазовье), это сути дела не меняет: проживавшее там до монгольского нашествия население было либо сметено, либо ассимилировано завоевателями. А они не терпели в своем тылу никакой «партизанщины», с 1230-х гг. прочно и надолго утвердились

¹ Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5; Волков В.А. Войска и войны Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.). М., 2004. С. 250.

² Коневиченко И.Л. Казачество в правовом пространстве России. С. 10.

³ Рыблова М.А. «Казачи возвращаются!». С. 275.

⁴ Аверин И.А. Бродники: миф и реальность. С. 49.

в южнорусских степях и держали их под столь жестким давлением и контролем, что о каких-либо вольных самоуправляемых общинах на территории Орды долгое время не могло быть и речи. Это очень убедительно показано многими исследователями¹, так что если бродников и можно рассматривать в контексте истории казачества, то лишь как «тупиковую ветвь» на его «родословном древе»...

* * *

С бродницкой проблемой некоторые историки (как дилетанты, так и профессионалы), в свою очередь, связывают еще одну версию происхождения казачества, которая, по сути, базируется лишь на записках фламандского монаха-францисканца Гильома (Вильгельма) Рубрука — посланца французского короля Людовика IX к монгольскому хану. В 1253 г. Рубрук со своими спутниками достиг берегов Дона, где через реку их перевезли на лодках некие русские, жившие в специально построенном для обслуживания донской переправы поселке и занимавшиеся, кроме перевоза купцов и послов, рыбной ловлей и хлебопашеством. Комментируя сообщение Рубрука, А.П. Скорик и В.А. Бондарев пишут, что упомянутыми им перевозчиками вполне «могли быть захваченные на Руси пленники, поселенные Батыем на берегу Дона с задачей выполнять вышеотмеченные функции», однако вариант с бродниками даже при «отсутствии бесспорных подтверждений» представляется Скорику и Бондареву «более вероятным». Принимая его, мы, по мнению этих исследователей, «можем говорить о бродниках как о наиболее вероятных предках казачества»².

¹См., например: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 201; *Шенников А.А.* Червлёный яр. Л., 1987. С. 20, 126; *Плетнева С.А.* Указ. соч. С. 176–179; *Трепалов В.В.* Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // *Казачество в тюркском и славянском мирах.* С. 173.

²*Скорик А.П., Бондарев В.А.* Золотая Орда и казаки: к вопросу о происхождении донского казачества // *История в подробностях.* 2013. Август. С. 86–87.

В этой работе А.П. Скорик и В.А. Бондарев широко использовали сочинение выше упоминавшегося «казакийца» А.А. Гордеева, который в рамках своей концепции о зарождении казачества в недрах Золотой Орды (и тоже при отсутствии доказательств) связывал описанных Рубруком перевозчиков с бродниками (якобы «превращенными в военных поселенцев»)¹. Подобные трактовки сообщений монаха-францисканца не могли не вызвать возражений в научном сообществе. Против использования записок западноевропейских авторов XIII в. (включая Рубрука) в качестве доказательства существования казачества выступил, например, волгоградский историк Н.Б. Скворцов. Правда, его аргументация, по сути дела, сводилась к констатации того несомненного факта, что в этих записках о «казаках» нет ни одного упоминания². Но этого недостаточно: ведь, как отмечалось выше, предки нынешних казаков могли упоминаться в источниках под другими названиями.

Главное, что не позволяет причислить упомянутых Рубруком перевозчиков к казакам (а равно и к бродникам) — характер их занятий — исключительно мирный. И если переправкой людей и грузов через реки (например Волгу) казаки еще нередко «подрабатывали» и в XVI–XVII вв.³, то хлебопашество на том же Дону было запрещено вплоть до конца XVII в. Кроме того, в распоряжении историков нет ни одного свидетельства о существовании таких перевозчиков в XIV–XV вв. и тем более — об их генетической связи с позднейшим казачеством. Не прослеживается она, вопреки мнению некоторых историков, и в отношении тех «рабов татар» из

¹ Гордеев А.А. Указ. соч. С. 52.

² Скворцов Н.Б. Западноевропейские авторы XIII–XIV вв. о населении южнорусских степей // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. № 9 (63). С. 58–62.

³ Хорошо известен, например, эпизод, связанный с именем соратника Ермака Ивана Кольцо, который летом 1581 г. подрядился перевезти через Волгу караван ногайских послов и среднеазиатских купцов (но потом их же и ограбил): *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 141–142.

числа русских, венгров и алан, которые, по рассказу Рубрука, «собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают каждого, кого застают ночью»¹. Разбои и грабежи были неотъемлемой частью жизни людей во все времена, но это не превращало всех, кто совершал такие преступления в казаков...

* * *

Своеобразным ответвлением бродницкой версии происхождения казачество можно считать и версию тмутараканскую, согласно которой этнически смешанное население русского Тмутараканского княжества, существовавшего в X–XII вв. на Таманском полуострове и в восточном Крыму, стало либо «ядром» казачества, либо одним из его компонентов — после того как превратилось в бродников. Эта точка зрения в той или иной мере нашла отражение не только в дилетантских сочинениях «казакийцев» (таких, например, как Ш. Балинов, утверждавший, что бродники — это «старое славяно-русское население Тмутараканского княжества»), но и в работах некоторых профессиональных историков, в частности В.В. Мавродина, рассматривавшего бродников как промежуточное звено между тмутараканцами и казаками. По его мнению (не подкрепленному, однако, данными репрезентативных источников), как раз потомки тмутараканцев и бродников приняли колонизационную волну из Центральной России, завершившую формирование казачества².

Эту точку зрения пытаются развивать и некоторые современные исследователи. В их числе философ П.Н. Лукичев и не раз уже упоминавшийся историк А.П. Скорик. Они полагают, что суперпассионарное «смешанное население Тмутараканского княжества могло стать ядром, вокруг которого

¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома Рубрука. Алматы, 1993. С. 102.

² Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. Герцена. 1938. Т. 9. С. 9–49.

в последующем narосло казачье население Дона»¹. Доктор культурологи А.Ф. Григорьев абсолютно уверен в том, что «этногенез казачества на Северном Кавказе связан с южно-русским Тмутараканским княжеством»². Ту же концепцию отстаивают историки В.Б. Виноградов и С.А. Голованова, которые, правда, сами признают, что «источников, прямо подтверждающих их выводы, на сегодняшний день нет». Приводимые же ими «косвенные доказательства» не позволяют рассматривать их версию даже в качестве серьезной гипотезы. Нельзя же, в самом деле, считать аргументом в ее пользу то обстоятельство, что «время окончания русского периода в истории Тмутаракани и время появления в письменных источниках имени бродников соприкасаются», и что, по описанию посетившего Тмутаракань в 1237 г. римского миссионера, «знатные люди» этого города «над левым ухом оставляют немного волос в знак благородства, обрив всю голову...»³ — т.е. походили на запорожских казаков. Проводники столь смелых параллелей, видимо, «не в курсе», что такую, с позволения сказать, прическу носили не только запорожцы. Давно, в частности, известно ее широкое распространение в Средние века у кочевников Евразии, включая тех, кто оказывал сильнейшее влияние (в том числе в области «моды») на окрестные народы и государства⁴...

¹ Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль, 1995. № 8. С. 44, 46–47; см. также: *они же*. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1994. С. 40, 44; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 46.

² Григорьев А.Ф. Как и по каким признакам искать предков казаков? URL: <http://politkavkaz.ru/pdf/predki-kazak.pdf> (Дата обращения — 29.03. 2018).

³ Голованова С.А., Виноградов В.Б. Тмутараканская версия происхождения казачества // Освоение Кубани казачеством: Вопросы истории и культуры. Краснодар, 2002. С. 29–40.

⁴ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 81–83; Грибовский В.В. Социальная типология казачьих сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 97–98.

Примечательно, что, несмотря на широкое распространение «тмутараканской версии», в посмертном изданном капитальном исследовании известного питерского историка А.В. Гадло о «Тмутараканской Руси» ни о каких ее связях с бродниками речи нет¹.

Тмутараканско-бродницкая концепция в свою очередь является частью более обширной темы — о древнем славяно-русском населении Подонья и Северного Кавказа. «Перекинуть мостик» от него к казачеству XVI в. тоже пытались и пытаются не только дилетанты, но и некоторые профессиональные историки. Тот же В.В. Мавродин в 1930-е гг. вообще предлагал рассматривать Нижний Дон и Северный Кавказ как место исконного проживания славяно-русского населения, сохранившегося там в период половецкого и монголо-татарского господства², но доказать этого, конечно же, не смог за отсутствием в источниках соответствующих данных.

В 1980-е гг. эту идею попытался осторожно реанимировать известный донской историк В.Н. Королёв. Он допускал возможность постоянного существования «небольших отдельных групп славяно-русского населения на Дону, которые могли стать ядром будущего донского казачества», но сам же признал недоказанность своей гипотезы. «Помочь решить эту проблему могла бы археология. К сожалению, никто из археологов ею не занимается», — посетовал он³.

Весьма сочувственно относящиеся к этой идее современные исследователи Е.И. Дулимов и В.К. Цечоев тоже, тем не менее, вынуждены признать, что она не имеет («пока»)

¹ Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси; Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

² Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа.

³ Королёв В.Н. К вопросу о славяно-русском населении на Дону в XIII–XVI веках // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов н/Д, 1989. С. 126.

достаточно глубокого обоснования, не подтверждаясь ни известными на настоящий момент письменными, ни археологическими источниками, и лишь немногочисленных «старых» казаков Нижнего Дона готовы причислить (не ясно, правда, на каком основании) к потомкам древнего автохтонного населения¹.

Гораздо более резок в своих оценках С.М. Маркедонов. Он не без оснований назвал систему аргументации в пользу этой концепции в работах В.В. Мавродина и его учеников (прежде всего — Н.М. Волынкина) «спекулятивными построениями», основанными на произвольном обращении с источниками, и в целом охарактеризовал ее как политически предвзятую, преследующую вполне конкретную задачу — доказать причастность Северного Причерноморья к формированию русского национального государства².

О.Ю. Куц, опираясь, в частности, на исследования украинского историка В.А. Брехуненко, обращает внимание на то, что Дон стал ареной «казакования» лишь после появления там выходцев «из разных краев» на рубеже XV–XVI вв., принесших туда и собственно понятие «казак», и соответствующий ему образ жизни, который не был свойственен более раннему славянскому населению края. Кроме того, подчеркивает исследователь, после нашествия на Волго-Донские степи в 1395–1396 г. войск Тимура, на Дону долгое время не было уже никакого, в том числе и татарского, постоянного населения³.

* * *

В исторической литературе в качестве первоначального ядра казачества нередко фигурируют и так называемые

¹ Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001. Гл. 5.

² Маркедонов С. Основной вопрос казаковедения: российская историография в поисках «древнего» казачества // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011. С. 224–264.

³ Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 38–39.

червленоярцы — православное (как русское, так и татарское) население хоперско-донского междуречья (Червленого яра) XIV в., находившееся в непосредственном подчинении и управлении Золотой Орды и обладавшее в ее рамках некоторой «автономией». Известный питерский историк А.А. Шенников положение червленоярцев в Золотой Орде сравнил с тем, «какое впоследствии донские казаки заняли в Московском государстве», рассматривая, правда, свою точку зрения лишь как «рабочую гипотезу»¹. Но и в таком качестве она, как показал не менее известный историк и археолог М.В. Цыбин, оказалась весьма уязвимой². Социальная организация червленоярцев (в частности, наличие «бояр»), характер их занятий (заготовка сена, снабжение золотоордынцев изделиями ремесленного производства и т.п.) не соответствует представлениям о вольном казачестве XVI–XVII вв. Судьба потомков червленоярцев не ясна, но их преемственная связь с позднейшим казачеством тоже не подтверждается ни археологическими раскопками, ни данными письменных источников: за XV в. сведения о Червленом яре в них попросту отсутствуют.

Трудно принять и ту точку зрения, которая восходит к мнению донского историка П.П. Сахарова, высказанному еще в 1914 г. и связывающему происхождение казачества с «вольными промысловиками», «мирными тружениками», начавшими осваивать донские земли в конце XV — начале XVI вв.³ Такие люди на верхнем Дону в то время, конечно, могли появляться в изрядном количестве, но пока их основным занятием оставались «мирный труд», их можно было уподоблять кому угодно, но только не казакам. Ими

¹ Шенников А.А. Указ. соч. С. 20, 126.

² Цыбин М.В. Рец. на «Червленый яр» А.А. Шенникова // История СССР. 1990. № 2. С. 194.

³ Мининков Н.А. Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 210–320.

становились лишь те, кто главный источник существования находил в *воинском* «промысле». То есть мы опять возвращаемся к затронутому в начале данной главы вопросу о «свободных людях на свободной земле»... Повторюсь: таковых на Руси в XVI–XVII вв. было немало, в том числе среди тех, кто активно занимался охотой и рыбной ловлей, но это еще не делало их казаками. Например, в Сибири действовало множество промысловых артелей. Они, как правило, состояли из вольных людей, но казаками не считались и не назывались. Однако вот что примечательно: когда знаменитый землепроходец Ерофей Хабаров задумал поход на Амур, то набирал свое войско главным образом из промысловиков, а те, встав «на тропу войны», уже стали называть себя «казаками»...¹

Впрочем, причислять к казакам или к их предшественникам всех вольных людей, занятых «воинским промыслом», было бы тоже опрометчиво. Так, большие сомнения вызывает отождествление пращуров казачества с новгородскими ушкуйниками — участниками военно-разбойничьих экспедиций, громившими и грабившими в XIV–начале XV вв. на Волге и Каме как татар, так и русских. Происхождение части донских казаков от новгородцев в свое время пытался доказать Е.П. Савельев, опираясь, в том числе на мнение академика живописи Е.А. Ознобишина². Знак равенства между ушкуйниками и первыми казаками ставили такие дореволюционные исследователи, как И.Д. Попка и В.А. Потто, и с ними фактически солидарны некоторые современные авторы.

За последние полвека на ушкуйников не раз обращали внимание такие серьезные исследователи, как В.Н. Бернадский, В.Ф. Мамонов, Л.В. Черепнин, А.В. Малов,

¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 3. № 102. С. 365–366.

² Савельев Е.П. Указ. соч. С. 265–266, 349–350; Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, 1968. т. 2. С. 232.

А.В. Головнёв¹. Из их работ следует, что между объектом их изучения и вольными казаками, действительно, имеется определенное сходство. Те и другие разбойничали, тех и других называли «молодцами», ватаги тех и других формировались на добровольной основе... Но на этом аналогии, пожалуй, и кончаются. О внутренней организации ватаг ушкуйников сведений нет, суждения о том, что она, скорее всего, была «демократической», подобно казачьей (поскольку в Новгороде привыкли-де всё решать на вече) чисто умозрительны. Они, конечно, соответствуют тому, что мы знаем об устройстве разбойничьих шаек позднейших времен, но находятся в противоречии с одним немаловажным обстоятельством: предводителями ушкуйников чаще всего были выходцы из новгородской *знати* (и называли их, кстати, не «атаманами», а «воеводами»).

Утверждениям, что ушкуйники вели «типично казачий образ жизни»², противоречит и тот факт, что ушкуйничество не было *постоянным промыслом* этих представителей Великого Новгорода, между тем как у вольных казаков «воинский промысел» стал *образом жизни*. Казаки в XV–XVII вв., конечно, разбойничали, но ведь далеко не все, кто разбойничал, являлись казаками.

В.Н. Бернадский считает ушкуйничество «специфически новгородским явлением», с казачеством его никак

¹ *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 36–51; *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 390–397; *Мамонов В.Ф.* Указ. соч. С. 42–59; *Малов А.В.* Закат ушкуйничества в XV и судьба его наследия // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых Чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995. С. 328–330; *он же.* Господина Великого Новгорода ушкуйники в отечественной историографии // Постигая историю России. К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени. М., 1997. С. 91–102; *Головнёв А.В.* Феномен колонизации. С. 222–224.

² *Куклев Ю.М.* Феномен казачества. С. 172.

не связывает и даже не сравнивает. Л.В. Черепнин тоже не проводит никаких аналогий с казачеством, хотя и допускает, что ватаги ушкуйников могли формироваться «из людей без определенных занятий», выбитых «из рамок обычных корпораций горожан», вышедших «из беднейшей части городского населения» и, «может быть, из среды рядовых феодалов». По его мнению, ушкуйничество как «своеобразное явление» возникло в связи с тем, что «представители господствующего класса стремились использовать таких людей в своих интересах, удалив их из Новгорода и направив их силу и энергию на организацию предприятий, которые содействовали бы дальнейшему расширению экономического и политического влияния на Руси новгородского боярства»¹.

И по мнению А.В. Головнёва, «волжские казаки были наследниками новгородских речных пиратов». «Это „казачество“ восточной украины, — пишет он, — было связующим звеном между северными „людьми веча“ и южными „людьми круга“. Не только сходство нравов и практик новгородцев и казаков, но и их взаимодействие на „волжской дуге“ стало основой восточной окраинной вольницы»².

В.Ф. Мамонов полагает, что «несмотря на значительное сходство между ушкуйничеством и казачеством (особенно в первые времена его существования) между ними есть и громадная разница», «казачество все же — явление более сложное». И вместе с тем, он называет ушкуйничество «...одним из главных источников зарождения казачества»³.

Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые другие современные исследователи (например И.Ю. Васильев⁴), но и у них она является чисто умозрительной. Фактов, свидетельствующих о переходе ушкуйников в казаки, в нашем распоряжении нет, а то, что такой переход был вполне

¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 391, 394.

² Головнёв А.В. Указ. соч. С. 223.

³ Мамонов В.Ф. Указ. соч. С. 59.

⁴ Васильев И.Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 234.

возможен, еще не свидетельствует о его реальности. Отмечаемый рядом исследователей новгородский (северный) «след» в языке и культуре казаков XIX–XX вв.¹ вряд ли следует рассматривать как бесспорное доказательство присутствия среди предков казачества именно ушкуйников. Во-первых, как хорошо известно, после подчинения Москвой Новгорода и Вятки в конце XV в. многие жители этих «республик» были переселены в центр страны, и позднее оттуда вполне могли уйти на Волгу, Яик, Дон либо Терек. Во-вторых, нельзя исключать ухода «в казаки» жителей Новгородчины в еще более поздние времена (сведения о том, что у некоторых донских казаков в середине XVII в. родители жили именно в Новгороде, фиксируются источниками)². Как бы то ни было, но если в некоторых казачьих диалектах «новгородская струя» и ощущается, то все равно она уступает говору *южнороссийских* регионов, в целом господствующему у казачества, особенно самого многочисленного — донского³.

Кроме того, надо отметить существенный временной разрыв между уходом с исторической арены ушкуйников и появлением вольных казачьих сообществ. Походы новгородских «повольников» прекращаются в самом начале XV в., а первые *объединения* вольных казаков четко фиксируются источниками ближе к концу этого столетия. То есть исчезновение ушкуйничества и формированием казачества (как социального института) разделяет жизнь по крайней мере двух поколений. Этот разрыв, правда, могли в какой-то мере заполнить вятчане (а они, по словам А.А. Шенникова, — «прямые потомки новгородцев и точно такие же речные пираты»), которые предпринимали грабительские походы в Нижнее Поволжье вплоть до 1470-х гг.⁴ Но и о превращении участников этих походов в казаков в источниках

¹ Васильев И.Ю. Указ. соч. С. 234; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 311.

² Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. С. 218.

³ Там же. С. 307–308, 311–312.

⁴ Шенников А.А. Указ. соч. С. 68.

нет никаких сведений, хотя полностью исключать и такую возможность, конечно же, не приходится.

* * *

Вместе с тем, исторические источники позволяют именно в XV в. обнаружить на просторах «Дикого поля» отдельные группы, которые в самом деле можно считать «прото-казаками». Как следует из капитальных работ целого ряда отечественных и зарубежных историков, опирающихся на сообщения русских летописей, польские хроники, материалы московско-турецкой и московско-крымской переписки, ногайские дела, документы итальянских колоний Северного Причерноморья и другие источники XV–XVI вв., протоказаки объединении создавали выходцы из различных *татарских* орд, вступивших в связи с распадом Золотой Орды и деградацией ее государственности в полосу острого социально-политического кризиса и междоусобных войн¹. По мнению некоторых исследователей, в источниках, отражающих события, происходившие на территории бывшей Золотой Орды и сопредельных с ней областей других государств, вплоть до XVI в. вообще упоминаются только *татарские* казаки — как находившиеся на службе у тех или иных правителей, так и «вольные»².

Лишаясь своих кочевий, оказавшись не только вне своего «юрта», но и вне социального статуса, эти люди главным

¹ *Stokl G.* Die Entstehung des Kosakentums. Munchen; Wiesbaden, 1953; *Шенников А.А.* Указ. соч. С. 59–61; *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 31; *Трепавлов В.В.* Большая Орда — Тахт эли. Тула, 2010. С. 24–27; *он же.* Тюркское казачество во время и после распада Золотой Орды // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 173–174.

² *Stokl G.* Die Entstehung des Kosakentums. S. 53, 88–89; *Каранлыкова Л.Л.* Зарождение казачества в Российском государстве. С. 169–170; *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 170–171; *Голвниёв А.В.* Указ. соч. С. 334.

своим занятием избирали войну и занимались то грабительскими набегами на соседей и банальным разбоем, то военным наемничеством, а места своего более или менее постоянного пребывания нашли, в конце концов, в труднодоступных приречных районах, фактически являвшиеся буферными зонами между государственными и этно-политическими образованиями, возникшими на развалинах Золотой Орды. Там протоказаки могли основывать свои базы — небольшие укрепленные «городки» — и объединяться в военизированные общины.

Военно-демократический (казачий) характер самоуправления, возможно, сложился в них не сразу, но к нему имелись предпосылки в патриархальном укладе низового звена кочевых татарских сообществ и именно к нему как самой оптимальной в тех условиях форме социальной организации толкала протоказаков полная опасностей жизнь в «Поле», исключавшая саму возможность социальной розни в их рядах. Если поначалу протоказачьи объединения еще могли возглавлять представители татарской родо-племенной верхушки (известно, что в вышеупомянутых «буферных зонах» в конце XV–XVI вв. порой находили убежище даже «казакующие Чингисиды»¹), то по мере перемешивания в этих общинах представителей разных племен и родов («элей»), татарскую знать неизбежно должны были сменить выборные *атаманы* и *есаулы*, и то, что название этих должностей имеет татарское происхождение (как и большая часть специфически казачьей терминологии), само по себе показательно...

В формировании российского казачества следующий и самый важный этап обозначился уже в XVI в. и был связан с массовым уходом «в молодечество» на степные реки русских и украинцев (последний этноним, конечно, условен — в то время никто никого нигде «украинцами» не называл²).

¹ Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. С. 376.

² Флоря Б. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья — раннего Нового времени //Россия — Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 9–27.

Не случайно словосочетание «русские казаки» впервые появляется в источниках именно с начала XVI в.¹ На Руси в этот период возросла политическая, экономическая и социальная напряженность и, в частности, как полагает волгоградский историк И.О. Тюменцев, произошел глубокий кризис вотчинной и поместной систем, который привел к обнищанию и исходу в «Поле» множества служилых людей — дворян, детей боярских, их военных слуг («боевых холопов»), стрельцов и пушкарей². Они и стали первыми русскими казаками. И первые запорожцы, согласно убедительно обоснованному мнению В.И. Маркова, являлись в основном выходцами из военно-служилого сословия Речи Посполитой³. А возможность всем им безнаказанно «гулять» на «Поле» резко возросла тоже по причине кризиса золотоордынской государственности и особенно — после разгрома Большой Орды в 1502 г. и ее распада⁴.

Среди российских регионов, поставлявших контингент для формирования и служилого, и вольного казачества, долгое время явно лидировала Рязанщина, некоторые исследователи даже называют ее «колыбелью русского казачества»⁵. Но важную роль в его становлении играли и смежные с ней земли — особенно мещерские: там при общем преобладании татарских (служилых) казаков источники с середины XVI в. всё чаще фиксируют и казаков русских⁶. Важно отметить, что поначалу (видимо, до 40-х гг. XVI в.) «казачество» для выходцев из русских «украин» носило чаще всего временный характер, осуществляясь «наездами». Как следует из одного

¹ Марков В.И. О возникновении украинского козачества. С. 101–102.

² Тюменцев И.О. Казаки — не из крестьян // Новая газета на Дону. 2005. № 11.

³ Марков В.И. О возникновении украинского козачества. С. 119, 212.

⁴ Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 32.

⁵ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 2009. С. 304; Волков В.А. Войска и войны Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.) М., 2004. С. 250.

⁶ Беляков А.В. Мещерские казаки // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 202.

из дипломатических документов того времени, «погуляв» какое-то время «на Поле» и учинив там «которое лихо», эти «баловни казаки» разъезжались «по своим землям»¹. Но с 1540-х гг. русские казаки стали всё прочнее оседать на притоках Дона (Осколе, Северском Донце), на самом Дону и на других «казачьих» реках, постепенно пополняя свои ряды не только служилыми, но и всякого рода «гулящими», «работными», посадскими людьми и, наконец, крестьянами — всеми, кто предпочел подневольной и рутинной жизни в своей стране «буйную волю» за ее пределами.

Этот процесс нашел соответствующее отражение в давно известных и вполне репрезентативных источниках. Так, в 1538 г. на переговорах с одним из ногайских мурз московские послы заявили, что «на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, и из наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят». А путивльский воевода в 1546 г. сообщал в Москву: «Ныне, государь, казаков на Поле много; и черкасцев, и киян, и твоих государевых, вышли на Поле из всех украин...»²

Как происходил русско-татарский симбиоз в «Диком поле», можно только догадываться. Но, скорее всего, взаимоотношения первых русских и татарских казаков носили преимущественно мирный, взаимовыгодный характер. Русские не могли не ценить у татар лучшее знание местности и навыки конного боя, а татары у русских — наличие огнестрельного оружия и малознакомое кочевникам мастерство судостроения и судовождения.

¹ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 22–24; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 312; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 306; *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 38.

² *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 117–118; *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 89; *Маркедонов С.М.* Автономное общество в России... С. 102.

Население Руси было гораздо многочисленнее тюркского населения Восточной Европы, и именно поэтому, как верно заметил Р.Г. Скрынников, в течение XVI в. русские численно возобладали среди казаков¹. Изменение этнического состава казачьих общин видно прежде всего по тому, как среди упоминаний в источниках о казаках возрастает число русских прозвищ и имен, как казаки всё чаще сами указывают на свое русское происхождение, и итог этой «русификации» к началу XVII в. констатируется сторонними наблюдателями. Так, голландский купец И. Масса, живший в 1601–1609 гг. в Москве, знавший русский язык и хорошо осведомленный о русских делах, оставил такую запись: «Казаки — люди различных племен... но по большей части — московиты и говорят по большей части по-московски»².

Как уже отмечалось, сибирские летописи называют казаков Ермака «русскими воинами», «русскими людьми»³. Любопытно, что на юге Енисейской губернии у коренных обитателей некоторых улусов этноним «русские» дословно переводился как «люди Ермака»⁴. О русском происхождении большинства «ермаковых казаков» говорят также имена и прозвища почти всех известных на сегодняшний день соратников «покорителя Сибири»⁵. Проанализировав по источникам конца XVI в. имена и прозвища упоминавшихся в них представителей яицкого казачества, Е.В. Кусаинова тоже пришла к заключению, что в нем в это время, «несо-

¹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. С. 117.

² Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 77.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 42, 52, 54, 83, 92, 110, 131, 181, 182 и др.

⁴ Березиков Н.А. Казаки-землепроходцы и аборигены Сибири: первые встречи и рождение образов // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 57.

⁵ Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51–87.

мненно, преобладал славянский элемент»¹. Примечательно, что обитавших в «Поле» казаков считали в основном русскими и правители сопредельных стран (Турции, Крыма, Ногайской Орды), жаловавшиеся на разбойные действия казаков в середине XVI — начале XVII вв. не куда-нибудь, а в Москву, прямо называя нападавших «русскими казаками», «русаками», «русью», «русь-разбойниками», «донскими русами», «русскими людьми» (а те, кто непосредственно подвергся этим нападениям хорошо различали даже «казаков московских» и казаков-«черкас»)².

* * *

Приток русского населения укрепил военно-демократический характер социальной организации вольного казачества, ибо принес с собой традиции и формы «мирского» самоуправления, которые, как показывают последние исследования, были вплоть до конца XVII в. весьма живучи и действительны на Руси не только среди сельского, но и городского населения, в том числе служилых людей³.

Кроме того, пришедшие в казачьи сообщества вместе выходцами из русских и украинских земель огнестрельное оружие и искусство судостроения и судовождения резко повысили военно-технический потенциал казачества, эффективность его военных «промыслов» и возможность оказывать сопротивление попыткам уничтожения или подчинения. М.А. Рыблова вообще характеризует казаков этого времени как «людей

¹ *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 115.

² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 27, 253; *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 53, 74; *Дубовиков А.М.* Тюркский элемент в истории Уральского (Яицкого) казачьего войска // Казачество в тюркском и славянском мирах. С. 298.

³ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *Никитин Н.И.* О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Известия СО РАН. История, филология и философия. 1992. № 3. С. 3–8.

воды»¹, а ростовский историк А.Т. Урушадзе считает, что речная поверхность являлась в тех условиях для казаков наиболее подходящей площадкой как для внезапной атаки, так и для быстрого отступления, и это превращало реки в самую благоприятную среду «для возникновения и последующего развития казачьих сообществ»². И он прав: хорошо известны сетования степных противников казаков (в частности ногайцев) на невозможность успешно противостоять казачьим набегам, осуществляемым с речных стругов³.

Тем не менее, примечательно, что хотя районы формирования русского казачества, по удачному выражению Н.Б. Скворцова, находились как бы «на „ничьей“ территории — меже, размытом пространстве, где сходились разные геополитические интересы, ландшафтные и цивилизационные горизонты», угроза вражеского нападения на казачьи поселения была постоянной и вполне реальной, а потому они еще долго (на Дону — вплоть до конца XVII в.) обычно располагались в труднодоступных местах, малопригодных для нормальной жизни, но удобных для обороны⁴.

Что же касается традиционного распределения вольного казачества по рекам, приведшего в конце концов к постепенному формированию хорошо известных

¹ Рыблова М.А. Понятие «граница» в представлениях донских казаков // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 3–13.

² Урушадзе А.Т. Терское казачество и народы Северного Кавказа // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 361–362.

³ Ногайский князь Иштерек жаловался русским властям: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни, многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеют учинить» (Цит. по: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество. С. 130). См. также: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 423.

⁴ Скворцов Н.Б. Городки донских казаков Малой излучины Дона как часть культурного наследия Волгоградской области. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 16, См. также: Рыблова М.А. Понятие «граница» в представлениях донских казаков. С. 3–13.

«войск» — Донского, Запорожского, Яицкого, Терско-Гребенского, — то, согласно выявленным к настоящему времени источникам, произошло это ближе к *середине XVI в.*

Если же обобщить все достаточно очевидные условия и обстоятельства, совокупность которых позволила сложиться такому уникальному этно-социо-культурному явлению, как вольное казачество, то среди них следует отметить следующие:

1. *Социо-временной фактор.* Казачьи общины не могли появиться ранее стадии разложения или хотя бы сильного ослабления родо-племенных связей. Лишь обстановка социальной и политической нестабильности в обществе дает достаточное для самоорганизации количество всякого рода «пассионариев» из числа маргиналов, беглецов, изгоев и прочих «людей без статуса», являвшихся главным «строительным материалом» ранних казачьих общин.

2. Соответствующие *политико-географические условия*, и прежде всего — относительная близость к местам «выхода» потенциальных казаков обширных, слабо заселенных и труднодоступных территорий, не подконтрольных полностью ни метрополии, ни другим государственным образованиям. Кроме того, места базирования вольных военизированных общин должны были находиться сравнительно недалеко от государств и народов, достаточно богатых, чтобы служить объектом «воинских промыслов», давать возможность найма на военную службу и свободного обмена военной добычи на продовольствие и необходимые предметы вооружения и обихода, но при всем том неспособных уничтожить или покорить периодически наведывающихся к ним (часто в одном лице) разбойников, торговцев и наемников. Нижнее Подунавье, бывшее в XII–XIII вв. основным местом обитания «предшественников казачества — бродников», в XV–XVI вв. уже было слишком освоено и заселено, чтобы стать базой для «прото-казаков», а вот Днепр ниже порогов, средний и нижний Дон, нижняя Волга, Яик и Терек подходили для них идеально.

3. Соответствующая *международная обстановка* (внешнеполитический фактор). Первые казачьи общины должны были иметь широкие возможности для использования в своих

интересах противоречий между окружающими их народами и государствами и потому не случайно, как верно подметили авторы двухтомника «Казачий Дон», возникли «в регионе столкновения политических амбиций соседних государств»¹.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что столь уникальная этно-социо-культурная общность, как вольное казачество, складывалось в период с конца XV до середины XVI вв. и, явившись результатом взаимодействия целого ряда факторов географического, этно-политического и социального характера, далее развивалась уже по собственным, внутренним законам, превратившись в конце концов из вольного в служилое...

Появление казачества на исторической арене, конечно же, не было случайным. Возникновение на лесостепных и степных окраинах Восточной Европы социальных групп, подобных казачеству, было рано или поздно неизбежным. К этому населявшие ее народы шли не одно столетие, периодически выделяя из своей среды наиболее свободолюбивые и энергичные группы людей, создавших, соответственно, и наиболее подходящий к полной опасностей жизни в «Поле» тип социальной организации — казачью общину, а затем и «войско».

Сообщества казачьего типа издревле были полиэтничны, но нельзя не видеть, что они приобрели устойчивый характер и возможности успешного развития лишь тогда, когда в процесс их формирования активно включились и стали в них численно преобладать русские люди. Русские казаки довольно быстро ассимилировали казаков татарских и в то же время многое заимствовали из их языка, быта, обычаев, навыков ведения боевых действий, многое переняли потом и от других, контактировавших с ними народов (в том числе — кавказских) и в итоге создали свою яркую и самобытную культуру, ставшую неотъемлемой частью общерусской культуры и существенно обогатившую ее.

Н.И. Никитин

¹ Казачий дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 40.

Социальная организация вольного казачества и его взаимоотношения с Московским государством в XVI–XVII вв.

Вольные казаки рассматривали свои сообщества как братства («товарищества»), но сообщества эти строились на соблюдении их членами вполне определенных, нередко весьма жестких правил.

Военной, политической и социальной формой объединения казаков являлось «войско». Сложился этот тип социальной организации, конечно же, не сразу, но в начале XVII в. его существование уже фиксируют исходящие из Москвы документы, отражая тем самым возросшую силу вольного казачества¹.

Что представляла собой эта организация?

Суть ее абсолютно верно определил С.И. Тхоржевский: это было «своеобразное общество, специально приноровленное для войны, которая служила главным источником существования для членов этой организации»². Согласно имеющимся на сегодняшний день данным о функциях и структуре

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8–9.

² Тхоржевский С. Донское войско в первой половине семнадцатого века // Русское прошлое. Сб. 3. 1923. С. 13.

казацкого «войска», высшую законодательную власть в нем осуществлял «круг» — собрание полноправных казаков «всей реки». Женщины и вообще все, кто проживал на «войсковой» территории (обозначаемой как казачий «присуд»), но не являлся полноправным казаком, права голоса на круге не имели. Не допускались к принятию решений на круге и в чем-то проштрафившиеся («пенные») казаки — до прощения их вин «товариществом». Из дальних городков для решения особо важных вопросов в «столицу» обычно посылали лишь представителей; для решения текущих дел «войску» было достаточно казаков, присутствовавших в главном городке¹. В XVII в. решения на круге обычно принимались не подсчетом голосов, а криком, т.е. в соответствии с мнением подавляющего большинства присутствующих². Круг собирался по мере необходимости. Он ведал дележом военной добычи и «государева жалованья», судопроизводством, посылал депутации, решал вопросы войны и мира, давал санкции на постройку новых городков, разбирал челобитья «войску» от разных лиц (в том числе казаками не являвшихся) и т.д.

Исполнительная власть в казачьем сообществе принадлежала войсковому атаману, который избирался кругом, как правило, на год, но мог неоднократно переизбираться

¹ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 16–17; *Пронштейн А.П.* Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 316; *Дариенко В.Н.* Община на Яике в XVII — первой четверти XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976. С. 53.

² О том, как со стороны выглядело это мероприятие, можно судить по его описанию голландским офицером-наемником Людвигом Фабрициусом, тесно общавшимся с разинцами в Астрахани. По его словам, «круг — это когда казаки по приказу атамана собираются и становятся в круг, а посреди круга втыкается головное знамя, около которого становится атаман со своими старшими офицерами [есаулами. — *Н.Н.*], которым он сообщает свой замысел с тем, чтобы те довели его до сведения рядовых сотоварищей и выслушали их мнение об этом. Если рядовым сотоварищам по душе атамановы предложения, то все в один голос выкрикивают: „Любо, любо...!“» (Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 50).

или быть лишен власти досрочно, после чего в правовом отношении уже ничем не отличался от рядовых казаков. На круге голос атамана формально считался равным голосу рядового казака, а в случае несогласия с возобладавшем на круге мнением атаман мог сам досрочно отказаться от своего звания («сдать атаманство»), что, однако, круг мог ему не разрешить, и атаман вынужден был подчиниться этой его воле¹. На время военного похода избирался походный атаман, пользовавшийся неограниченной властью над его участниками, а «войско» делилось на «станицы» — отряды примерно в 100 человек во главе с собственными атаманами; численность отдельно действовавших казачьих «станиц» бывала менее определенной; «станицы» делились на «десятки». «Атаманами» называли и предводителей других временных объединений казаков — промысловых ватаг, посольств к сопредельным государствам и т.п.

Вторыми после атаманов должностными лицами у казаков являлись избираемые на кругах «есаулы» (соответственно войсковые и станичные). У атамана их было чаще всего двое. Управление в отдельных городках строилось по тому же принципу: там собирались свои круги, выбирались свои атаманы и есаулы. Отказ выполнить общее решение мог повлечь за собой за собой изгнание из общины, но чаще обрекал ослушника на казнь. Системой суровых наказаний поддерживалась в казачьем войске и строгая дисциплина во время походов².

¹ Рыблова М.А. Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону (XVI–XVIII вв.) // *Власть*. 2008. № 11. С. 129–133.

² Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885 (электронная версия: URL: <http://fstanitsa.ru>book/export/html/115>). (Дата обращения 12.08.2018); Тхоржевский С. Указ. соч. С. 10–12, 16, 19; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 266, 270; Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // *Новое о прошлом нашей страны*. М., 1967. С. 172–173; он же. Войско Донское накануне Булавинского восстания. С. 323; История Дона с древнейших времен до отмены крепостного права. Ростов н/Д, 1973. С. 112, 120.

Главную роль в жизни казачьих общин, в том числе в принятии решений на кругу, играли «старые казаки» (старожилы, противопоставляемые в московских документах казакам «новым»), из числа которых обычно избирали атаманов. Сами атаманы, по некоторым данным (1630-х гг.), могли иметь подобие личной дружины — «атаманскую станицу»¹, а у многих казаков в подчинении находились молодые «товарищи», или «чуры» (от тюркского «джура»), т.е. ученики, которые не только обучались ратному мастерству, но и выполняли обязанности прислуги при своих хозяевах-«учителях» — пасли лошадей, заготавливали сено и т.д. (в XVIII в. такие слуги-«оруженосцы» чаще назывались «молодиками»)². Они не могли участвовать в принятии решений на войсковом кругу, даже если подолгу задерживались в своем статусе. Люди со стороны порой принимали «чур» за простых холопов; некоторые исследователи тоже рассматривают «институт казачьего ученичества» как одну из форм «своеобразного патриархального рабства» — видимо, потому, что «институт» этот далеко не всегда носил добровольный характер: известно, что во время Смуты начала XVII в. казаки нередко забирали крестьянскую молодежь в «чуры» насильно³. При всем том, отношения между отдельными группами внутри казачьего сообщества вряд ли можно считать построенными на экс-

¹ Дариенко В.Н. Классовая борьба на Яике в XVII — начале XVIII в. М., 1966. С. 24; *он же*. Община на Яике. С. 54.

² Станиславский А.Л. Восстание 1614–1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопросы истории. 1978. № 5. С. 121; *он же*. Гражданская война... С. 36, 97, 142, 147–148, 170, 189, 191 и др.; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 137; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 26; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009. С. 65; Кондрико А. Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // Власть. 2012. № 10. С. 67–68; Грибовский В.В. Социальная типология казачьих сообществ // Казачество в тюркском и славянском мирах. Казань, 2018. С. 141.

³ Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 9, 128, 147, 179.

плуатации: они больше походили на типичное для архаичных сообществ разделение их членов по половозрастному и профессиональным признакам¹.

Согласно исследованиям этнографов, социальному укладу вольных казачьих сообществ были присущи устойчивые традиции коллективизма и взаимопомощи, «начиная от защиты своих членов от врагов и совместной трудовой деятельности (артельное рыболовство, коллективная охота, совместной выгон скота, воинское казачье „односумье“, „складничество“, различные „помочи“ и „спрягачество“) и кончая различными проявлениями коллективизма в быту...»².

При всём том, в казачьей среде наблюдалась и имущественная дифференциация, причем весьма существенная. Ее предполагал даже порядок дележа военной добычи («дуван»). Доля атаманов и есаулов бывала значительно большей, чем у рядовых казаков³. Старожилы вообще, как правило, оказывались более зажиточными («домовитыми»), пользовались большим авторитетом, причем в XVII в. главным показателем их состоятельности обычно являлось наличие семьи⁴. (Лишь в Запорожье было наоборот: семейные казаки жили вне его «столицы» — Сечи — и не являлись полноправными членами «войска») ⁵.

¹ [Данилова Л.В., Данилов В.П.] Проблемы теории и истории общины // *Община в Африке: проблемы типологии*. М., 1978. С. 25–27.

² *Заседателева Л.Б.* Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX в. // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. 8. М., 1984. С. 56. См. также: *Харузин М.* Сведения о казацких общинах на Дону.

³ *Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов*. М., 1954. Т. 1. С. 256–257; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 367–368.

⁴ *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 26; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 366–379.

⁵ *Кондрико А.В.* Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности на примере Запорожской Сечи в сер. XVII — кон. XVIII вв. М., 2017. С. 65.

Если же рассматривать *всё* население казачьих «присудов», то его правовая неоднородность становится более очевидной. Дело в том, что помимо полноправных казаков («старых» и «новых») и «чур» на «войсковой» территории обычно находилось немало лиц, казаками не являвшихся. Это были прежде всего жители ближайших «русских» городов, приезжавшие к казакам со всякими «товарами» и представлявшими самые различные категории населения — посадских людей, дворян, крестьян, приборных служилых. Их в свою очередь сопровождали гребцы, бурлаки, «работные люди» и прочая обслуга, и общее число таких «гостей» могло одновременно достигать сотен человек. Многие из них, распродав свой товар, оставались у казаков на год и даже на несколько лет, ходили с ними в военные походы, но казаками не становились и возвращались домой. На Яик для такого рода «торгов и промыслов» обычно наведывались жители Самары, на Дон — Воронежа, Курска, Белгорода, Ряжска, Шацка, Ельца и др. южных городов. Оттуда же, помимо «торговых людей», к казакам приезжали для заработка портные и сапожные мастера, кузнецы, плотники и прочие ремесленники. Гулящие люди нанимались в казачьи хозяйства на покосы, священники — на всякого рода требы и службы по часовням и т.д.¹

Примеры, свидетельствующие о неоднородности населения казачьих областей, можно умножить. Так, на Дону отмечено присутствие принадлежавших казакам ясырей и ясырок² (это было обычным делом и для других «казачьих» рек — в частности для Яика³), и совершенно особой категорией жителей региона являлись «донские татары», первые сведения о кото-

¹ Станиславский А.Л. Восстание 1614–1615 гг. С. 121; *он же*. Гражданская война... С. 63; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 54, 61–66, 77, 377–378.

² Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998. С. 136–137; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 68, 369.

³ История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 90.

рых появляются в 1620-х гг.¹ Численность «донских татар» по сохранившимся источникам определить трудно (к середине XVII в. — видимо, несколько сот человек), но исследователи сходятся во мнении, что это была самая многочисленная группа неславянского населения Донского края. Туда они попадали так же, как и другие его «насельники» — являлись «сходцами» из окрестных «орд», вынужденные их покидать и укрываться на Дону в силу различных житейских обстоятельств. В большинстве своем это были ногайцы. Они жили при казачьих «городках» компактными группами вместе с семьями и сохраняли свои обычаи, язык и «бусурманскую» веру².

Для русских людей XVII в. вера, конечно, имела гораздо большее значение, чем этническая принадлежность. Поэтому явно выраженной ксенофобии у казаков того времени не заметно. Вместе с тем, считать, что для них была совершенно безразлична национальность человека, было бы неверно. Так, в документах, исходящих от «Войска Донского» и казаков Терека, четко разграничиваются «русские казаки» и «запорожские черкасы» (казаки-«хохлачи»), говорится не просто о том, что «в Войске живут переезщики иноземцы», но указывается и их этническая принадлежность: в частности, упоминаются «турки, и татаровя, да и греки, и иных розных земель люди»; даже прижитые казаками от татарок «болдыри» в сообщениях о численном составе «Войска» подсчитываются отдельно...³

¹ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 425.

² *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 22; *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 167; *Черницын С.В.* Донские татары: этнокультурный очерк // Дикаревские чтения (12). Краснодар, 2006. С. 324–333; *Куц О.Ю.* Татары на казачьем Дону (по материалам 1630–60-х гг.) // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 398–416; *он же.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 153–172.

³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 102; *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 12; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 16–20; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 154, 372.

Тем не менее, в правовом отношении все казаки — и «старые», и «молодые», и атаманы с есаулами — составляли единую массу, поэтому как в 1592, так и 1638 г. в ответ на запрос Москвы о «лучших людях» в «войске» донские казаки заявляли, что «то у них и лучшие люди, кого они, выбрав войском, пошлют государю», а на Дону «все они меж себя ровны»¹.

* * *

Попытки типологизации социальной структуры вольных казачьих общин предпринимаются давно. Для дилетантов из числа донских «автономистов» и «сепаратистов» начала XX в. вопрос этот и без доказательств был предельно ясен: до XVIII в. Войско Донское представляло собой «самостоятельное государство», «демократическую республику»². Но подобного же мнения придерживались и некоторые серьезные представители дореволюционной историографии — С.Г. Сватиков, С.И. Тхоржевский³.

В казачьей эмигрантской литературе эта мысль уже доводится до абсурда. Так, авторы вышедшего в США «Казачьего словаря-справочника» были уверены, что «христианская казачья республика» («самостоятельное речное государство») сложилась на Дону уже в первой половине XVI в., а к концу столетия «она уже выросла в мощное военное и полностью суверенное политическое общество, готовое померяться

¹ *Соколовский П.А.* Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных окраин перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 213; *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 18; *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества. С. 26; *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М., 2014. С. 93.

² *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 145, 150–153.

³ *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственности и административного права и политических движений на Дону. [Белград], 1924. С. 16; *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 25.

силами с турецким султаном и державшее в страхе его степных вассалов»¹. (Напомню, что, согласно *научным* исследованиям, к концу XVI в. на Дону не сложилось даже единой войсковой организации — это произошло лишь после «Смуты» начала XVII в.²).

В ранней марксистской историографии тоже хватало абсурдных, не основанных на данных источников построений. В 1930-х гг. советские исследователи Н. Янчевский и С. Томсинский, в отличие от историков-«казакийцев», фактически отрицали всякую самостоятельность Донского войска XVI–XVII вв., но пошли гораздо дальше их в модернизации его социальной структуры, хотя и с разных позиций. Янчевский утверждал, что донское казачество «постоянно оставалось орудием торгового капитала, являясь наемным войском в буквальном смысле этого слова», а Томсинский, упрекая своего коллегу в недооценке социальной дифференциации казачества, полагал, что оно «не было однородным по своему классовому составу», что «верховое казачество» надо рассматривать как «беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу» и что «казацким идеалом» являлось «буржуазно-демократическое равенство»³.

В дальнейшем в советской историографии при характеристиках общественного устройства казачества возобладали более взвешенные суждения, не всегда, правда, подкрепленные убедительной системой доказательств. Так, в 1960–1970-х гг. В.А. Голобуцкий и И.Г. Рознер, рассматривая «само появление вольного казачества в конце XV — начале XVI в.» как «признак... начавшегося разложения феодально-крепостнического строя», увидели в казачьих сообществах «антифеодальные государственные образования», «своеобразные (пусть и неразвитые) демократические

¹ Казачий словарь-справочник. Сан Ансельмо, Калифорния, США, 1968. Т. 2. С. 284.

² Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 8–9.

³ Томсинский С.Г. Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 132–143, 185.

„республиканские“ организации»¹. Однако эта точка зрения не встретила поддержки большинства исследователей, которые, впрочем, сами еще долго не уделяли вопросу о социальной природе казачьих сообществ должного внимания.

Но оно обострилось к началу 1990-х гг. Идеологи и активисты казачьего возрождения, следуя за эмигрантами-«казакийцами» 1920–1930-х гг., стали без обиняков называть войска Донское, Яицкое или Запорожское «независимыми государствами», и не абы какими, а самыми демократичными в XVI–XVII вв., далеко опередившими свое время. Казачья демократия некоторыми журналистами и публицистами была объявлена «зародышем буржуазной демократии», предтечей демократии современной и — образцом для подражания².

Сходные мнения теперь можно встретить и у, казалось бы, серьезных ученых, и их работы по этой причине восторженно встречаются «казачьей общественностью». Так, некоторые наши украинские коллеги (М. Брайчевский, В. Смолий, А. Панченко и др.) называют Запорожскую Сечь «первой в Европе народно-демократической республикой». По их словам, «запорожское казачество несло в жизнь передовые идеи общественного устройства», являлось носителем «новых буржуазных тенденций», было вызвано к жизни именно ими³. В.А. Голобуцкий, подводя итоги своего изучения украинской истории, тоже пришел к выводу, что Запорожье

¹ Голобуцкий В.А. Запорожская Сечь // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 100–101; Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 203; он же. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории. 1970. № 8. С. 47–48, 56.

² Хакимова Е. Казак всегда казак // Мир новостей. 2003. № 50. С. 11. См. также: Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 25; Дворниченко А.Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа (к истории ранних казачьих сообществ) // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 126; Рыблова М.А. «Казачи возвращаются!»: история и судьба одной научной теории // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 3. Ростов н/Д, 2010. С. 279.

³ Сагнаева С.К. Указ. соч. С. 25.

представляло собой «вольный остров, где господствовали передовые формы социально-экономических отношений»¹.

В России подобные взгляды в научной среде теперь тоже не редкость. Их в той или иной степени разделяют кандидаты юридических наук А.В. Фалалеев и О.И. Копанева, кандидат политических наук А.Е. Мохов, социолог М.Г. Артамонова, историки А.Г. Шкваров и И.Ю. Ерохин, некоторые другие исследователи².

Самым сильным аргументом в пользу своей точки зрения они, как правило, считают то обстоятельство, что Москва вела дела с вольными казаками через Посольский приказ и, стало быть, признавала их самостоятельными и полноценными государствами. Но этот довод принять трудно. История знает немало случаев, когда крупные, мировые державы по своим дипломатическим каналам устанавливали отношения с этно-территориальными объединениями, находившимися на стадии «классического» родоплеменного, т.е. догосударственного, строя: вспомним договоры Рима с варварскими племенами или соглашения Англии и Франции с индейцами в XVII–XIX вв. Что же касается Посольского

¹Цит. по: *Грибовский В.В.* Казачество и его связь с тюркским миром в историографии поздней Российской империи, СССР и постсоветского пространства // *Казачество в тюркском и славянском мирах.* С. 38.

²*Фалалеев А.В.* Государственно-правовое положение Земли Войска Донского (конец XV — первая четверть XVIII вв.). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 10; *Копанева О.И.* Казачество и российская государственность: Историко-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003; *Артамонова М.Г.* Древние цивилизации — трансляторы протокультурных истоков казачества (Социологические проблемы исторического становления) // *Наука и социальное качество. Электронный журнал.* 2014. Вып. 1. С. 173 (NaukaSK.ru>iss/iss001-15.pdf); *Шкваров А.Г.* Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 6; *Ерохин И.Ю.* Казачьи республики как фактор государственности // *Белые пятна российской и мировой истории.* 2013. № 1–2. С. 41; *Савченко М.С.* Формирование правового статуса терского казачества: историко-правовой аспект // *Вестник Ставропольского гос. ун-та.* 2006. № 44. С. 234.

приказа, то он ведал контактами не только с суверенными политическими образованиями, но и с такими регионами и категориями населения, которые к «равноправным субъектам» никак не причислишь — например, с южнорусскими уездами в начале их освоения или с поселениями «служилых татар»¹. Его внимание к таким «субъектам» определялось не их статусом, а связью с внешней политикой страны.

* * *

В науке важными критериями сложившейся государственности традиционно считаются появление налогообложения и независимой от основной массы народа публичной власти, располагающей специализированным аппаратом управления и, в частности, судопроизводством, основанном не на архаичных нормах «обычного права», а на письменно оформленном законодательстве. В казачьих сообществах эти признаки либо отсутствовали, либо находились в зачаточном состоянии.

Это ясно многим современным исследователям, включая зарубежных. Так, канадский историк корейского происхождения Джу-Юп Ли не считает возможным рассматривать ранние казачьи сообщества даже как *предгосударственные*: «Институт казаков и государство должны быть рассмотрены не как преемственные стадии социальной эволюции, а как альтернативные модели»².

Видимо, исходя из аналогичных подходов к проблеме, многие исследователи при характеристике общественного устройства вольного казачества предпочитают говорить не о государственности, а о *квазигосударственности*. Они, правда, порой расходятся в ее определении, используют и другие, близкие по смыслу понятия и термины (протогосударственность, предгосударственность, парapolитийные,

¹ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М., 2015. С. 132.

² Джу-Юп Ли. Казаклык и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Пер. с англ. З. Муканова. Алматы, 2022. С. 81.

потестарные сообщества и т.п.), но суть их общих рассуждений при всех оговорках и разночтениях довольно близка: социальная организация вольного казачества в ходе своего развития лишь *приблизилась* к государственной форме, но так и не достигла ее¹.

Этой концепции, однако, не хватает четкости в определении авторских позиций. Между тем, внимательный анализ казачьих порядков позволяет сделать относительно их социальной природы вполне конкретные выводы, а именно: общественное устройство вольного казачества более всего напоминает социальные институты той стадии развития человеческого общества, которое принято называть периодом *военной демократии*.

Сам термин «военная демократия» был введен в научный оборот в 1877 г. американским историком и этнографом Л. Морганом, чьи теории у нас в стране более известны в их переложении Ф. Энгельса. Главные особенности обозначаемого этим понятием этапа социального развития состояли в сильной власти военных вождей при сохранении в обществе прочных позиций «первобытного коллективизма». Иногда этот период называют также эпохой «примитивной демократии»².

¹Лукичев П.Н., Скорик А.П. Квазигосударственность // Полис. Политические исследования. 1994. № 5. С. 139–140; Дворниченко А.Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128–130; Ивонин А.Р. Казаки на сибирском фронтире в XVIII–XIX вв. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. С. 42; Глущенко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2000. С. 159–160; Дулимов Е.И. Развитие казачьей государственности на Юге России в XVI–XX вв. и ее перспективы на современном этапе демократических реформ // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 332, 336, 337; Куксенко Е.И. Эволюция обычного права донских казаков (XVI — начало XIX вв.) Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 17, 23; Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности. С. 60.

²Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство). Л., 1986. С. 224; История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 231–232.

Рассматривая под этим углом зрения ранние казачьи общины, нельзя не заметить, что аналогии с периодом военной демократии напрашиваются при анализе как социального устройства, так и самого образа жизни вольных казаков. В атаманах, например, нетрудно узнать военных вождей, в «кругах» — народные собрания. Выборность вождей, равенство в правах и обязанностях, личная свобода и поголовное вооружение членов сообщества, крайне важное место и значение военных походов в жизни, распределение военной добычи между членами сообщества поровну (путем «дувана») — эти и другие черты казачьего уклада хорошо вписываются в рамки той стадии развития, которая называется периодом военной демократии, хотя, конечно, и не делает этот уклад полностью адекватным ей. Не логичнее ли, таким образом, предположить, что в XVI–XVII вв. казачьи сообщества являлись не олицетворением грядущих социальных отношений, а представляли собой отголосок минувшего, своеобразный рудимент дофеодалных времен? Во всяком случае, по бытовому укладу и общественному устройству вольное казачество рассматриваемого времени гораздо ближе к последней стадии доклассового общества, чем к следующим за ней...

Эта точка зрения была сформулирована еще в 1985 г., позднее неоднократно уточнялась и дополнительно обосновывалась¹. Многие исследователи ее теперь в той или иной

¹ *Никитин Н.И.* К вопросу о социальной природе казачьих сообществ в XVI — первой половине XVII в. // *Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения акад. Л.В.Черепнина. Тезисы докладов и сообщений.* М., 1985. С. 100–101; *он же.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века. // *История СССР.* 1986. № 4. С. 174–177; *он же.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // *Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л.В.Черепнина.* М., 1987. С. 239–242; *он же.* Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесловных и внеклассовых слоев XVI–XVII вв. // *Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция — Чтения памяти акад. Л.В.Черепнина. Тезисы докладов.* Ч. 2. М., 1994. С. 4; *он же.* О социальной природе казачьих сообществ XVI–XVII веков // *Исторические записки.* М., 2016. Вып. 16 (134). С. 175–203.

мере разделяют. Среди них — А.Л. Станиславский, А.Р. Иво-нин, В.А. Артамонов, А.И. Агафонов; И.Г. Яковенко; Добро-домов, А.А. Носков, Р.К. Касымханов, С.А. Тулаева, М.А. Ры-блова, Е.И. Куксенко...¹

Но немало и оппонентов. В их числе известный специ-алист по истории казачества Н.А. Мининков, Он не при-емлет мнения о близости социальной структуры вольного казачества к институтам военной демократии в принципе и, подобно некоторым дореволюционным историкам (таким, например, как Ф.А. Щербина²), видит истоки казачьей де-

¹ *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 244; История казаче-ства Азиатской России. В 3-х т. Т. 1. XVI — первая половина XIX века. Екатеринбург, 1995. С. 94; *Артамонов В.А.* Украинское казачество между Петром I и Карлом XII в полтавский период Северной войны 1708–1709 годов // *Славяноведение*. 2010. № 2. С. 40–41, 53; *Агафо-нов А.И.* Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // *Проблемы истории казаче-ства XVI–XX вв.* Мат-лы III Всесоюзной конф. по истории казачества Ростов н/Д, 1995. С. 25; *Яковенко И.* Подвижен, отчаян и храбр... По-лемические заметки о российской цивилизации // *Родина*. 1995. № 10. С. 70–71; *Добродомов Г.И.* Филологические маргиналии к историческо-му изданию // *Отечественная история*. 1996. № 6. С. 182; *Носков А.А.* К вопросу о пращурах российского казачества // *Великий волжский путь: человек, пространство, время, документ*. Заочная межрегио-нальная университетская научно-методическая конференция. Ма-териалы конференции. Ярославль, 2008. С. 204; *Касымханов Р.К.* По-литика Российского государства в отношении казачества и казачьей вольницы (XVI–XIX вв.) // *Успехи современной науки. Междунаро-дный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 5. Т. 2. С. 115; *Тулае-ва С.А.* Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация // *Полития*. 2010. № 2. С. 69, 70; *Рыблова М.А.* Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформа-циях // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 6. С. 158–174; *Куклев Ю.М.* Феномен казачества: историко-социальные и этнические аспек-ты формирования правового статуса. М., 2015. С. 170; *Куксенко Е.И.* Эволюция обычного права донских казаков (XVI — начало XIX вв.) Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 25.

² *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Т. 1. Екатеринбург, 1910. С. 425, 428, 429.

мократии в вечевых порядках Новгорода, перенесенных после их ликвидации Иваном III с Севера на Юг — на казачьи реки¹.

Ближих взглядов придерживается и ряд других исследователей — И.Л. Омельченко, А.Г. Шкваров, Е.И. Дулимов, И.Ю. Васильев². А.Ю. Дворниченко тоже видит аналогии казачьим порядкам главным образом в вечевом строе Древней Руси и, кроме того, не признает самого понятия «военная демократия», ибо считает, что наука от него давно отказалась³.

Довольно оригинальны контраргументы А.В. Фалалеева и А.Н. Ларионова. Они полагают, что догосударственное общество обязательно должно быть родоплеменным, а раз казачьи «войска» не были родоплеменными союзами, то и о военно-демократическом, догосударственном характере их социальной организации не может быть речи⁴. Налицо крайне упрощенная трактовка этими исследователями существа проблемы. Критикуемая ими концепция не предполагает полного отождествления социальной организации казачьих сообществ и родоплеменных объединений, находящихся на стадии «классической» военной демократии, а говорится

¹ Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) Ростов н/Д, 1998. С. 223–226, 230.

² Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 51; Шкваров А.Г. Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. С. 22; Дулимов Е.И. Исторические традиции казачьего самоуправления (по материалам дореволюционных изданий) // Становление казачьего самоуправления. Доклады и тезисы научно-практической конф. Ростов н/Д, 1998. С. 36; Васильев И.Ю. Генезис русского казачества // Исторический формат. Международный научный журнал. 2015. № 4. С. 234.

³ Дворниченко А.Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128–129.

⁴ Фалалеев А.В. Проблемы изучения государственно-правовых явлений земли Войска Донского (1481–1723 гг.) // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов, 2006. № 4. С. 147; Ларионов А.Н. Государственно-правовая природа Войска Донского в XVI–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Ростов н/Д, 2006.

лишь о *близости* к ней общественного устройства вольного казачества в большей степени, чем к последующим стадиям социального развития.

Другие доводы наших оппонентов тоже не слишком убедительны. Общественный строй «вольных» Новгорода или Пскова XV в. с их глубоким социальным расслоением (боярско-купеческие кланы с одной стороны и рядовые горожане — с другой при реальной власти в городе не «народа», а боярской, купеческой и церковной олигархии) никак не соответствовал внутреннему устройству казачьих сообществ, основанных на социальном равенстве; и к тому же непонятно, как *городской* уклад Киевской Руси мог стать наиболее оптимальным для общин, столетиями живших в условиях, совершенно не подходящих для организации городской жизни...

Впрочем, при одном условии эту точку зрения можно было бы считать не лишеной оснований: если согласиться с концепцией И.Я. Фроянова, согласно которой древнерусское общество находилось на стадии *перехода* от первобытнообщинного строя к раннефеодальному¹. Этого, однако, наши оппоненты не торопятся делать — за исключением разве что А.Ю. Дворниченко. Но и его доводы не во всем безупречны. Так, он явно поторопился со своим утверждением об отказе науки от понятия «военная демократия».

Термин этот широко употреблялся и употребляется в относительно недавно вышедших исторических работах при определении общественного строя ряда сибирских народов XIV–XVI вв.², встречается в обобщающих трудах по российской истории³. Использует его, кстати, и ...сам А.Ю. Дворниченко — при характеристике уровня социально-политического

¹Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980; он же. О возникновении монархии в России // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 29.

²См., например: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 77; Нягань. Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995. С. 39, 45.

³История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 44 (автор соответствующего раздела — А.П. Новосельцев).

развития восточнославянских племен (доказывая, что никакого Древнерусского государства на самом деле не существовало)¹.

Не отказалась от понятия «военная демократия» и «мировая наука». Во всяком случае, швейцарско-австрийский историк Андреас Каппелер постоянно использует его и, кстати, — тоже для характеристики социально-политического устройства вольного казачества, формы объединения которого он называет «догосударственными сообществами»². А профессор Боннского университета Дитмар Дальман, разъясняя суть понятия «казак», пишет: «Вначале казаки обладали внутренним устройством в соответствии с принципами военной демократии, которое в течение XVIII в. было окончательно утрачено»³.

Однако какие бы аналогии в отношении казачьих сообществ мы ни проводили — и с социальными институтами периода военной демократии, и с вечевыми порядками Древней Руси — нам никуда не уйти от того факта, что и то, и другое для XVI–XVII вв. — глубокая архаика.

* * *

Архаичность социальной организации вольных казаков была ясна еще видным дореволюционным историкам — Г.Ф. Миллеру, С.М. Соловьеву, Н.И. Костомарову, В.О. Ключевскому, Н.Н. Фирсову, Н.А. Рожкову⁴. «Как бы то ни

¹ *Дворниченко А.* А существовало ли государство Киевская Русь? // *Родина*. 2012. № 9. С. 80, 82.

² *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. Перев. с нем. М., 2000. С. 43, 53, 84.

³ *Дальман Д.* Сибирь. С XVI в. и до настоящего времени. Перев. с нем. М., 2015. С. 467.

⁴ *Котляров А.Н.* Академик Г.-Ф. Миллер как историк казачества // *Урало-сибирское казачество в панораме веков*. Томск, 1994. С. 3–12; *Голобуцкий В.А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 12–17, 24; *Костомаров Н.И.* Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 330–335; *Рожков Н.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Т. 6. Пг.; М., 1923. С. 26, 35; *Фирсов Н.Н.* Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. [3-е изд.]. М., 1920. С. 50–51.

было, — заметил А.Л. Станиславский, — „вольное“ казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. по своему социальному развитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени»¹. «Островками государственно-политического архаизма» называет «казачьи вольницы» В.В. Глущенко². И по мнению И.Г. Яковенко, «казачество... представляет собой один из примеров идеологического и бытового закрепления архаики»³.

В этой связи закономерен вопрос: как подобные социальные структуры могли столь долго сохраняться среди гораздо более развитых сообществ?

Восточные славяне, даже по мнению сторонников концепции о позднем формировании государственности на Руси, миновали стадию военной демократии по крайней мере лет за 500–600 до складывания вольных казачьих общин. Но вряд ли нам следует пытаться «перекинуть мостик» от VIII–XI вв. к XV–XVI вв., выявляя цепочку событий и явлений, «законсервировавших» социальную структуру определенной части древнерусского населения или доказывая генетическую связь отдельных его групп с вольным казачеством.

На общественное устройство вольного казачества повлияли социальные структуры соседних кочевых народов. Эта точка зрения присутствует в настоящее время так или иначе в работах многих исследователей⁴, но, конечно же, не

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 244.

² Глущенко В.В. Казачество Евразии: зарождение, развитие, интеграция в структуру российской государственности. М., 2000. С. 159–160.

³ Яковенко И. Подвижен, отчаян и храбр... // Родина. 1995. № 10. С. 70–71.

⁴ Никитин Н.И. К вопросу о социальной природе казачьих сообществ. С. 101; он же. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков. С. 176; Шенников А.А. Червлёный Яр: Исследования по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л., 1987. С. 127; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 72; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья. С. 231; Дворниченко А.Ю. Первые Романовы и демократические традиции русского народа. С. 128; Трепавлов В.В. Вольные

закрывает проблему полностью. Нельзя не заметить, что социальная организация вольных казаков была наилучшим образом приспособлена к экстремальным условиям их жизни и потому вполне могла вырабатываться стихийно. Предоставленные по большей части сами себе, действуя на свой страх и риск при, как правило, враждебном окружении и постоянной военной опасности, вольные казачьи общины не продержались бы долго без личной свободы, социального равенства и поголовного вооружения своих членов, без широкого демократизма в решении общих дел и, вместе с тем, дисциплины и строгого единоначалия во время военных действий.

Кроме того, известно, что любая достаточно сложная система — от биологической до социальной, — попадая в ходе своего развития в кризисные, тупиковые (или выглядящие таковыми) ситуации, имеет тенденцию совершать попятные движения, стремясь к возвращению на исходные, «докризисные» рубежи. «Усиление „инстинкта прошлого“ в кризисных условиях, очевидно, явление универсальное», — верно подметила М.А. Рыблова¹.

При определенных обстоятельствах, как полагает и В.В. Грибовский, «древние институты» способны «взрывать иерархии позднего порядка, возвращая социальные уклады к их изначальному состоянию»². В качестве же примера таких «возвращений» он приводит восстания XVII — начала XVIII вв. Но было бы логично допустить возможность регенерации древних социальных структур в казачьих сообще-

казаки и Ногайская Орда // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2002. № 3. С. 49; Васильев И.Ю. Генезис русского казачества. С. 229–245; Кондрико А.В. Система казачьего самоуправления в рамках российской государственности. С. 29, 130.

¹ Рыблова М.А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 158–174.

² Грибовский В.В. Социальная типология казачьих сообществ. С. 148.

ствах и в другие — внешне, может быть, более спокойные, но не менее трудные времена.

* * *

Мнение о воссоздании в казачьих областях в XVI–XVII вв. стадияльно более ранних, чем на основной территории страны, типов социальных отношений проявляется в современной историографии. Примером может служить докторская диссертация М.А. Рыбловой, где, в частности, говорится: «Потестарная структура донских казачьих сообществ выстраивалась на основе архаичных принципов и механизмов, основанных на нормах обычного права. Суть внутреннего функционального конфликта, положенного в основу формирующейся в Диком поле культурной модели, составлял процесс воспроизводства архаики в условиях экстремального существования»¹.

Бывали в нашей истории и такие ситуации, когда вся страна готова была скатиться к самым архаичным формам социальной организации. Так происходило в годы Первой русской Смуты — в начале XVII в. Тогда, в условиях паралича государственной власти, как убедительно показано А.Л. Станиславским, И.О. Тюменцевым и некоторыми другими историками², не только «Поле», но и центральные районы страны стали превращаться в зону формирования вольного казачества.

В годы этой «Смуты» казачьи формы стало приобретать и самоуправление мирных граждан. Как отметил М.Б. Булгаков, «„мелкие“ посадские люди для защиты своих интересов

¹ *Рыблова М.А.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI — первой трети XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. С. 23–24.

² *Станиславский А.Л.* Гражданская война...; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008.

самоорганизовались». В качестве примера он приводит материал из работы С.Б. Веселовского, где говорится, что в 1615 г. жители Устюжны Железопольской «завели казачий быт, всех черных людей привели к вере, знаменовались образом и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушать»¹.

Следующий по времени выход вольного казачества на широкую историческую арену в России связан с восстанием под предводительством С. Разина, в ходе которого на захваченных повстанцами территориях вводилось казачье самоуправление. Оно, конечно, еще не делало проживавших там и даже присоединившихся к восстанию посадских людей или крестьян казаками, даже если они сами себя так «для прелести» называли, не меняя образа жизни и характера занятий, но свидетельствовало все о том же скатывании значительной части населения страны к «старым», догосударственным формам управления, которые и олицетворяли собой казачьи порядки².

«Показачивание» крестьянского и посадского населения происходило и во время восстания К. Булавина³. Но и в ходе менее масштабных социальных конфликтов в разных областях России в неказачьей среде нередко возникали казачьи формы самоуправления, причем уже без непосредственного воздействия вольных казаков. Особенно

¹ *Булгаков М.Б.* Городская политика государства и менталитет социальных категорий посадского населения России в первой половине XVII века // Менталитет и политическое развитие России. Тезисы докл. научн. конф. М., 1996. С. 54.

² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 7. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 318; *Сахаров А.Н.* Степан Разин — предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 158; *Нольтке Г.-Г.* Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. С. 34.

³ *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина. 1707–1709. М., 1962. С. 96; *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 185.

часто такое происходило в XVII в. на окраинах и прежде всего — в Сибири¹.

* * *

Быстрота и легкость, с которыми при кризисных ситуациях происходила в России самоорганизация населения на принципах «казачьей демократии» свидетельствует, что социальный строй вольного казачества не следует считать чем-то далеко оторванным от общерусского и тем более противоположным ему. Благодаря прежде всего работам В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, вышедшим на рубеже 1980-х и 1990-х гг.², мы знаем, что вплоть до начала XVIII в. в России были очень сильны традиции общинного, «мирского» самоуправления, с которыми вынуждена была считаться даже центральная администрация, а малейшее ослабление государственной власти оживляло и укрепляло их. А своими корнями они, по мнению большинства занимавшихся этими сюжетами исследователей, уходят в догосударственные времена³.

¹ *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 51, 145–149; *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 284; История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. Т.2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 140; *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж, 1975. С. 159; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 39–42; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 147–149.

² *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // История СССР. 1986. № 1. С. 47, 49, 59, 68; *они же.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

³ *Шапиро А.Л.* Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. (Проблемы истории русской общины). Вологда, 1976. С. 46; *Милов Л.В.* О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3. с. 200; *Александров В.А.,*

В этой связи вполне логичным будет вывод о *стадиальной близости русской общины («мира») и вольных казачьих сообществ XVI–XVII вв.* Он многое объясняет в российской истории.

По мнению В.Д. Назарова, высказанному еще в 1972 г., распорядок внутренней жизни казачьих областей «строился на своеобразном преломлении традиций крестьянской общины»¹. «Что касается казачьих форм самоуправления, то они почти неотличимы формально от устройства крестьянских общин», — говорится в одной из работ Е.И. Индовой, А.А. Преображенского и Ю.А. Тихонова, вышедшей в 1974 г.² Л.Б. Заседателява полагает, что «казачий курень, состоявший вначале из членов разноплеменной казачьей ватажки, с самого начала складывался как сельская соседская община»³.

Л.В. Данилова тоже не видела принципиальных различий между крестьянской общиной и казачьими сообществами XVI–XVII вв. Последние она относила к «системе сельских общин, еще сохранявших собственную вооруженную силу...». По словам Л.В. Даниловой, «такие общины удерживались, как правило, на периферии феодального мира. Здесь они могли и воссоздаваться из разнородных элементов,

Покровский Н.Н. Власть и общество. С. 351; *Лурье С.В.* Россия: община и государственность // *Цивилизации и культуры. Научный альманах.* Вып. 2. Россия и Восток. М., 1995. С. 139–141; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 142; *Мельчакова М.Ю.* К проблеме существования древнерусской демократии (на примере средневекового Новгорода) // *Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие.* Екатеринбург, 2000. С. 205.

¹ *Назаров В.Д.* О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в. в России // *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе.* М., 1972. С. 122.

² *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // *Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения.* М., 1974. С. 243.

³ *Заседателява Л.Б.* Терские казаки. М., 1974. С. 229.

оказавшихся за рамками своих прежних сословий. Классическим примером подобных общин является организация казачества»¹.

Действительно, есть все основания считать, что в казачьих сообществах XVI–XVII вв. нет ничего принципиально отличного от сельского «мира» того же времени, но при том казачья община на Дону, Яике или Тереке выглядит более архаично, представляя собой, образно выражаясь, «вчерашний» (а может и «позавчерашний») день русской крестьянской общины, что вполне объяснимо теми экстремальными условиями, в которых в XVI–XVII вв. находились сообщества вольных казаков.

Высокая адаптационная способность русского «мира» уже отмечалась исследователями. «Феноменальную приспособляемость» сельской общины «к различным социальным условиям» отмечал Л.В. Милов². «Община являлась очень гибким организмом, способным менять свои внешние формы и приспособляться к различным условиям», — пишет С.В. Лурье и обращает внимание на то, что «во всех случаях внутренняя сущность общины оставалась неизменной — она была самоуправляющимся „миром“. В древности „мир“ занимал место государства, — считает Лурье, — но и с ростом цивилизации „мир“ в глазах народа оставался самодовлеющим целым и пользовался верховным авторитетом. Вплоть до последнего времени „мир“ обладал определенными атрибутами государственности: самоуправление по установленному порядку, суд по „обычному праву“, карательные функции (вплоть до ссылки по приговору схода), сохранение норм общественного быта и морали, целый ряд административных и культурных функций. „Мир“ просили о заступничестве, к нему обращались с челобитной. „Мир“ собирал

¹ Данилова Л.В. Природа социально-классовых антагонизмов при феодализме // Социальная структура и классовая борьба в России XVI–XVIII вв. М., 1988. С. 17.

² Милов Л.В. Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 420.

подати и выплачивал их государственным властям как дань. Во всех внешних контактах (с государством или с другими аналогичными „мирами“) он выступал как единое целое и защищал каждого из своих членов от посягательства извне. Доходило до того, что еще в начале XIX в., в период Отечественной войны 1812 г. „мир“ принимал на себя оборонные функции»¹.

Сходное мнение высказывает и Н.И. Дорохов. «Много столетий население жило общиной, — пишет он. — Здесь веками вырабатывались свои нормы поведения, свои идеалы. Историческая судьба России постепенно укрепляла в сознании народа ценность общины («мира»). Ведь именно община могла защитить человека. В ней он видел воплощение мечты о справедливости, равенстве»².

Социальное устройство вольных казачьих сообществ также отвечало представлениям широких народных масс о «правильной» жизни, а стадиальная близость «мирских» и казачьих форм общественного устройства в XVI–XVII вв. создавала благоприятную почву для восприятия и воссоздания казачьих порядков на территории «коренной» России в кризисных ситуациях, когда для отстаивания своих интересов социальные низы вынуждены (или готовы были) братья за оружие. А поскольку социальные потрясения в России являлись перманентным ее состоянием, «дух вольного казачества» не «выветривался» из народного сознания на протяжении многих веков российской истории. Но, учитывая вышеизложенное, правильное все же было бы говорить не столько о казачьем, сколько об *общинном* духе, пронизывавшем основные социальные структуры России и особенно заметном там, где государственная власть оказывалась слабой.

¹ *Лурье С.В.* Россия: община и государственность // Цивилизации и культуры. Научный альманах. Вып. 2. Россия и Восток. М., 1995. С. 149–151.

² *Дорохов Н.И.* Особая роль Российского государства в истории российского общества // Современная наука. 2015. № 4. С. 7–14.

В связи с темой нашего исследования будет уместно вспомнить старую истину, хорошо осознаваемую многими философами и историками и сформулированную А. Токвилем следующим образом: «Нарождающийся мир еще наполовину завален обломками мира отживающего...»¹ В советской историографии эта мысль получила отражение в тезисе о «многоукладности экономики»². Современные исследователи тоже уделяют внимание этому фактору. Например, Н.И. Дорохов, «картину стадияльного развития России» видит «смазанной». По его мнению, «современность осложнялась неопределенными остатками прошлого. Отсюда ярко выраженная многоукладность общества. Корни многих российских конфликтов лежат в противоречивом сосуществовании явлений, принадлежащих разным эпохам»³

Будет уместно в этой связи вспомнить следующее высказывание известного советского историка А.Л. Шапиро: «Никто из советских историков не сомневается в том, что возникновению классового общества у всех славянских, как и вообще у всех народов, предшествовала эпоха первобытнообщинного строя. Но разногласия возникают, когда речь заходит о степени живучести институтов первобытнообщинного строя, о степени их сохранности в Киевской Руси, в период феодальной раздробленности и в Русском централизованном государстве»⁴.

Институт казачества в XVI–XVII вв. как раз и представляло собой один из самых заметных и сильных элементов догосударственных форм социальности. Однако казацьи

¹ *Токвиль А.* Демократия в Америке. Перев. с франц. М., 1994. С. 504.

² Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 41.

³ *Дорохов Н.И.* Особая роль Российского государства в истории российского общества. С. 7–14.

⁴ *Шапиро А.Л.* Проблемы генезиса и характера русской общины. С. 36.

сообщества они представляли собой живой организм, развивавшийся по своим законам, сохранявший способность приспосабливаться к меняющейся внешне- и внутривнутриполитической обстановке и претерпевать серьезную внутреннюю эволюцию. А она, эволюция, происходила в одном направлении, выражаясь в росте социальной дифференциации внутри казачьих сообществ, в усложнении их внутренней организации (у некоторых — вплоть до предгосударственного уровня) и втягивании в систему развивавшихся в центре страны более сложных социально-политических структур.

Прав О.В. Губенко, когда пишет, что «на протяжении столетий общинный социум (казачий, среднерусский, северокавказский, иных этнических групп), построенный в вопросах внутренней организации на принципе первичности норм обычного права, не был реликтовой окаменелостью, и эволюция его последовательно происходила под воздействием внутренних процессов, часто являющихся отражением социально-экономических и политических реалий того или иного периода отечественной истории»¹.

Поскольку казачьи области никогда не были экономически самостоятельными, то и кардинальные факторы дальнейшей их эволюции, как справедливо отметил В.Д. Назаров, в конечном счете зависели от исторических судеб соседних государств, что предопределило «неизбежность повторения... цикла зарождения и укрепления феодальной социальной структуры в казачьих областях»². С изменением условий жизни казаков, с усилением их зависимости от Москвы всё большее влияние на образ их жизни и общественное устройство оказывали господствовавшие в центре страны порядки. Казачьи области постепенно, но неуклонно втягивались в господствовавшую в окружавших их странах систему со-

¹ Губенко О.В. Терское казачье войско в XV–XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). Б.м., 2007. С. 237.

² Назаров В.Д. О некоторых особенностях крестьянской войны. С. 124–125.

циальных отношений, становились составной частью Российского государства.

* * *

Полагая, что вольные казацкие ватаги XVI–XVII вв. это в основном результат самоорганизации маргинальных, деклассированных элементов (лиц, выпавших в силу тех или иных причин из установившейся в русском обществе того времени социальной структуры), мы вместе с тем не можем обойти еще один важный для понимания социальной природы казачества вопрос — о том, насколько допустимо ставить на одну доску уголовные и казацкие сообщества России XVI–XVII вв.

До определенного момента — вполне допустимо. На *начальной* стадии своего существования казацкие (или, если угодно, протоказацкие) ватаги практически ничем не отличались от разбойничьих — причем не только в русской, но и в монголо-татарской среде, что уже давно нашло убедительное подтверждение в работах историков¹. В целом ясен и *итог* эволюции вольных казацких сообществ. Как пишут современные исследователи, произошло «превращение шайки изгоев-разбойников в боевые организации с налаженной системой жизнеобеспечения и системой ценностей»². «казачество прошло сложный путь от вольных разбойных ватаг до особых частей русской регулярной кавалерии, от сообщества варваров-фронтирменов (жителей порубежья цивилизованных государств) до особого военно-служилого сословия русского общества»³. Однако не столь однозначны характеристики казацких сообществ «промежуточно-

¹ Шенников А.А. Указ. соч. С. 54, 59, 61, 64; Джу-Юн Ли. Указ. соч. С. 81, 87 и др.

² Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков. С. 30.

³ Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 2012. С. 6.

го» — от первых ватаг до превращения в сословие Российской империи — периода, и в частности XVII в.

В дореволюционной литературе казаки этого времени нередко рассматривались как простые разбойники. Такие воззрения были типичны прежде всего для ряда представителей отечественной (дворянской) историографии первой половины XIX в., считавших казаков «скопищем бродяг, живущих разбоями и грабежами»¹. Но полной поддержки у своих коллег такие воззрения не получали. Так, Н.И. Костомаров, возражая историкам, не желавшим «видеть в казаках ровно ничего, кроме разбойнического скопища», заметил: «...Казачество было новым фазисом исторической жизни, и оно, по неизменному закону возникновения, расцвета и упадка человеческих обществ, должно было иметь и свой период варварства, период хаоса и период установки»².

В конце XIX — начале XX вв. характеристики казачества у историков, как правило, были еще менее однозначны. Например, у С.Ф. Платонова о вольных казаках XVI–XVII вв. сложилось такое впечатление: «Масса казаческая в хаотическом брожении легко переходила от разбоя к службе государству, от борьбы с басурманами к насилию над своим же братом казаком»³. В то же время, в работах донских историков (таких, например, как Х.И. Попов и П.П. Сахаров), стремившихся «облагородить» своих предков, красной нитью проходила мысль о том, что их набег на «басурман» являлись лишь «справедливым отпором» вражеским поползновениям на казачьи земли⁴.

¹ *Проништейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. [Ростов н/Д], 1983. С. 6.

² Цит. по: *Селищев Н.Ю.* Казаки и Россия: Дорогами прошлого. М., 1992. С. 33.

³ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и социальных отношений в Смутное время). 3-е изд. СПб., 1910. С. 113.

⁴ *Корниенко Б.С.* Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. С. 159.

В советской историографии надолго возобладал упрощенно-идеализированный подход к казачеству XVII–XVIII вв. как «авангарду в классовой борьбе трудящихся» феодальной России. «Глубоко неправильно рассматривать казацкие отряды как какие-то разбойничьи банды, живущие грабежом, — писал, например, К.Я. Наякшин. — Казаки создавали рыбацкие артели, ловили рыбу, занимались охотой, что и являлось основным источником их существования». По мнению этого историка (не подкрепленному, как и предыдущее высказывание, фактическим материалом), «выходцы из среды угнетенного крестьянства, казаки считали зазорным грабить бедноту или причинять ей какой бы то ни было вред, но они всегда были готовы идти войной на бояр, воевод, купцов, не щадили ногайцев и татар, рассматривая их как врагов русского народа»¹.

Еще один историк Поволжья, В.А. Осипов, происходившие в этом регионе нападения казаков на царские, купеческие и монастырские караваны считал не разбойными акциями, а «одним из ярких проявлений острой классовой борьбы против угнетателей и притеснителей»².

На фоне подобных заключений шагом вперед выглядело признание И.С. Шепелевым «того, что в рядах казачества была и такая группа, которая, прикрываясь „вольностью“, грабила и разоряла без разбору и помещиков, и крестьян, служила всем, кто больше платил»³.

После вышедшей в 1990 г. монографии А.Л. Станиславского о казачьем движении в годы «Смуты» начала XVII в. стало окончательно ясно, что речь в данном случае должна

¹ *Наякшин К.Я.* Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С. 20.

² *Осипов В.А.* Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII вв. Саратов, 1976. С. 75.

³ *Шепелев И.С.* Донское и волжско-терское казачество в классово-и национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции // Из истории социально-экономического развития и классовой борьбы в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1972. С. 17.

идти не о какой-то «группе», а об огромной массе растекшихся по Руси вольных казаков. В этом капитальном исследовании, основанном на ранее неизвестных архивных материалах, содержатся документальные сведения о казачьем терроре, который в годы «Смуты» обрушивался именно на «простых людей», и прежде всего — крестьянское население¹.

А.Л. Станиславский дает и общую характеристику «разбойных действий» вольного казачества. «Между разбойничеством, широко распространившимся в России в конце XVI — начале XVII в., и действиями вольного казачества также существовала определенная связь, — пишет он. — Во-первых, уход и к казакам, и к разбойникам был для крестьян и холопов реализацией их мечты о „воле“. Во-вторых, казачество в силу своего неопределенного социального статуса и отсутствия надежных источников дохода нередко прибегало к прямому разбою — казаки и разбойники были подчас для современников неразличимы. И наконец, некоторые разбойничьи отряды влились в состав казачества («показались») в начале XVII в. с тем большей легкостью, что в организации разбойничьих и казачьих отрядов было много общего»².

Это, безусловно, верное наблюдение следовало бы, однако, распространить и на более поздние, чем начало XVII в., периоды. Вспомним, сколько лет предводителя не только казачьего отряда, но и разбойничьей шайки в России называли не как-нибудь, а «атаманом». Элементарна и семантика этого слова, четко к тому же выстраивающаяся во временной ряд: «атаман» (от тюркского «ата» — отец), «батяка» (русский синоним) и, наконец, «пахан» (современное «воровское» аргю).

Из своей «разбойничьей колыбели» казачество вышло со множеством долго сохранявшихся «родимых пятен». Действия казачьей вольницы во время морских походов «за зипунами» характеризуются историками по-разному. Н.И. Павленко,

¹ Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 116, 127–128, 155, 188–189 и др.

² Там же. С. 26–27.

например, склонен считать эти акции просто разбоем¹. Но даже те, кто подобно В.Н. Королёву, полагает, что казаками в данном случае двигали «ненависть к врагу, месть за поруганных братьев, стремление освободить их из неволи» и соображения военно-стратегического характера², — даже они не могут отрицать и более прозаических целей казачьих походов — богатой добычи и ее «дувана». С «басурманами» во время военных акций казаки, понятное дело, не церемонились, однако сколько откровенно разбойных действий допускалось ими по отношению к соплеменникам и единоверцам! Рецидивы такого поведения были нередки даже у тех казаков, для которых главным источником существования становилась или давно стала «государева служба»³.

Сталкиваясь с такого рода фактами, авторы уже не раз упоминаемого в нашей работе двухтомника «Казачий Дон» (П.Н. Лукичев, А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян, В.П. Трут), несмотря на свое стремление представить историю казачества в «облагороженном» виде и называя донских казаков XVI–XVII вв. «вольными степными рыцарями», отмечали тем не менее, что «не занимавшееся земледелием вплоть до XVIII казачество жило, обеспечивая себя в значительной мере посредством войны и разбоя», вело, «безусловно, разбойный образ жизни»⁴.

В также не раз упоминавшейся выше монографии ростовского историка Н.А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья» говорится о разбое как уже *основном* источнике существования казачества. Другой

¹ Павленко Н.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. Сб. статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 63.

² Королев В.Н. Босфорская война. Ростов н/Д, 2002. С. 5, 7. — См. также: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 393–394.

³ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 345–348.

⁴ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 41, 132. — См. также: Лукичев П., Скорик А. Социально-психологический феномен казачества // Свободная мысль. 1995. № 8. С. 44.

ростовский исследователь — Е.И. Дулимов сравнивает казаков по образу жизни с флибустьерами¹. Московский историк А.И. Изюмов в 1998 г., изучая уральскую казачью общину, тоже пришел к выводу, что она «длительное время жила своеобразным промыслом — грабежами, набегами на соседей или проезжавших по р. Урал и Каспийскому морю купцов»². А екатеринбургский историк и этнолог А.В. Головнёв так характеризует жизнь вольного казачества: «Казачьи ватаги, пройдя разбойную школу Крымской и Ногайской орд, применяли ордынские приемы налетов и грабежей. Эти приемы они обращали против самих орд, выслеживая и грабя их станы и караваны. Главным промыслом был разбой, называвшийся „казацким хлебом“»³.

В то же время нельзя не заметить, что с образом примитивного разбойника-грабителя не вяжутся многие реальные стороны жизни вольного казачества. Так, донские казаки во время походов за «зипунами» к крымским и турецким берегам часто освобождали из неволи «полоняников», кормили их своим «припасом» и даже снабжали всем необходимым в дорогу, если те не хотели оставаться на Дону, причем такая помощь оказывалась не только русским, но и всем христианам вообще. (Правда, с женским «полоном» могли поступить иначе: есть сведения, что в одних случаях казаки и женщин провожали на родину, а в других — оставляли у себя и «раздавали замуж по городкам») ⁴. Примечателен

¹ Дулимов Е.И. Казачество в системе политико-правовых отношений дореволюционной России // Казачий сборник. 2-е изд. Ростов н/Д, 1998. С. 32; он же. Развитие казачьей государственности на Юге России в XVI–XX вв. и ее перспективы на современном этапе демократических реформ // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д, 2002. С. 333, 336.

² Изюмов А.И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. № 3. С. 129.

³ Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 342.

⁴ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 13–14, 22; Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. С. 218; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 238.

также отказ казаков во время Азовского «осадного сидения» брать у турок деньги за «побитый труп»: убирать с поля боя тела павших врагов казаки разрешали бесплатно. А переписка с московским правительством по поводу взятого казаками Азова показывает, что им совсем не чужды были понятия о воинской чести и славе, с менталитетом уголовников не совместимые. О том же говорит отношение казаков к знаменам как к неперемнным атрибутам походной жизни, а к получаемым в качестве награды регалиям как к воинским святыням, а также еще одно немаловажное обстоятельство: казаки и в самом деле искренне считали себя мстителями за «росхищенья» и «мученья» православных христиан «басурманами»¹.

Нельзя упускать из вида и социальный аспект. Чуть ли не хрестоматийными считаются случаи, когда «воровские казаки» на Волге, убивая на захваченных судах служилых людей, отпускали на волю людей «работных» и гонцов с царскими грамотами².

Л.В. Милов обратил внимание и на объективные обстоятельства, толкавшие казаков на путь грабежей и разбоев. «...Казачьи промыслы не могли стать основой производственной деятельности казаков, — писал он, — они были лишь вспомогательным способом жизнеобеспечения». Отсюда и «периодически возникающая (не от хорошей жизни!) потребность казачества либо в войнах, либо в военных грабежах. Это было фактом реальной истории казачества и на Дону, и на Днепре»³.

¹ Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949. С. 72; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 206; *Караулов М.А.* Терское казачество. М., 2007. С. 40, 42–43; *Рыблова М.* Казачьи братства на Дону // *Родина*, 2009. № 6. С. 91; *Кондрико А.* Духовно-рыцарский аспект истории Запорожской Сечи // *Власть*. 2012. № 10. С. 67; *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 73, 79–80, 262–263.

² *Герасимов А.А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 204, 206.

³ История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 228.

Но не только казачества. У зарубежных соседей казаков — турок и татар — промышлять банальными разбоями не гнушались даже высокопоставленные особы (например, крымские и ногайские послы по пути на родину)¹. Поэтому, касаясь казачьих разбоев и грабежей, мы не можем абстрагироваться и от тех этических понятий и психологических установок, что господствовали в военной среде в ту или иную эпоху, а они не только в XVI–XVII вв., но и гораздо позднее, вплоть до новейшего времени, несмотря на официальные запреты, вполне допускали (в целях самообеспечения, например) грабеж мирного населения не только вражеской, но и своей страны, что не раз отмечалось как дореволюционными, так и современными исследователями².

Современные западные историки, характеризуя социальную природу казачьих и пиратских сообществ, определяют ее как «социальный бандитизм», понимая под ним нарушение закона, не оцениваемое общественным мнением как преступление³. Развивая эту мысль, А.Г. Шкваров подчеркивает, что сами казаки и в самом деле «свои действия... против тех, с кем им приходилось воевать, никогда преступлениями не считали... ибо преступление есть социально опасное деяние, определяемое законом того общества, где он принят, и подлежащее наказанию». А казаки вступали в войну «или по постановлению своей высшей власти — круга, т.е. в соответствии с собственным законом, а позднее... по Высочайшему указу, т.е. опять же по закону»⁴. Примечателен в этой связи приговор Боярской думы от 10 июля 1619 г. относительно краж и разбоев, совершенных во время похода королевича

¹ *Мамонов В.Ф.* История казачества России. Т. 1. Екатеринбург; Челябинск, 1995. С. 66–67; *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество. С. 26, 43.

² См., например: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 21; *Караулов М.А.* Указ. соч. С. 41; *Шкваров А.Г.* По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008. С. 28–29.

³ См., например: *Каппелер А.* Казачество. История и легенды. Пер. с нем. Ростов н/Д, 2014. С. 24.

⁴ *Шкваров А.Г.* Петр I и казаки. С. 372–373.

Владислава на Москву в 1617–1618 гг. Расследованию их не был дан ход с таким разъяснением: « потому что война было о ту пору, а не розбой»¹.

Вряд ли, однако, «разбойные» действия казаков можно понять и объяснить, погружаясь в дебри юриспруденции. Необходимо учитывать прежде всего ментальности каждой эпохи. «Не следует судить казаков слишком строго, — пишет А.Л. Станиславский, — поведение солдат в Европе в ту эпоху было ничуть не лучше»². Действительно, грань, отделяющая разбойника-грабителя от воина в Средневековье часто бывала весьма условной. Но различие между разбойником и воином (солдатом) в данном случае определяется целью предпринимаемых с их участием акций. Для разбойничьей шайки грабеж — это основное занятие, для солдат же (если они, конечно, не превратились в скопище разбойников) — всё-таки побочное.

К тому же следует учесть, что сопровождавшиеся грабежами походы часто предпринимались казаками в качестве ответных мер на такие же действия соседей-кочевников: казаки жили в условиях постоянной военной опасности, были втянуты в перманентную степную войну «всех против всех»³, а законы той войны были всюду одинаковы.

Вместе с тем нельзя не видеть, что в ходе эволюции казачьих сообществ в сторону укрупнения и все большей организованности «разбойные» повадки и нравы в казачьей среде постепенно изживались, а «войсковые» — усиливались. По словам авторов коллективной монографии «Казачий Дон: Очерки истории», складывавшаяся у казачества социально-политическая модель «обеспечивала необходимую организованность и дисциплину, гарантировала самоочищение от „порочного“ элемента, не изжившего

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Л., 1986. С. 95–96. (Благодарю А.В. Воробьева, обратившего мое внимание на этот документ — Н.Н.).

² Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 31

³ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 315–337.

маргинально-уголовные навыки и психологию, формировала новое „братство по духу“ и укрепляла военную организацию казачества»¹.

Смягчались казачьи нравы и по мере все большего втягивания Донского, Яицкого и Терско-Гребенского войск в орбиту влияния Российского государства и Русской Православной церкви. И хотя процесс этот был достаточно долгим и неровным, он имел четкое направление в сторону превращения вольного казачества в служилое сословие «метрополии».

В этом проявилось одно из принципиальных отличий в положении и судьбах вольных казачьих общин от социально однотипных сообществ в других странах мира, и именно в этом некоторые историки видят «подлинную феноменальность казачества». Она, по словам А.И. Козлова, заключается в том, что после того, как все родственные казакам по социальной сущности сообщества фактически прекратили свое существование «казачество продолжало жить, преодолевая на своем пути все тернии»².

Действительно, по сравнению, например, с «пиратскими республиками» Карибского моря, исчезнувшими к XVIII в., вольные казачьи общины и существовали дольше, претерпевая естественную эволюцию, и были более стабильны, а главное, имели гораздо более тесные, постоянные и разнообразные связи с окрестными государствами — прежде всего с «метрополией», заинтересованной в сохранении казачества (как своеобразного щита на своих границах и дешевой, но эффективной, вооруженной силы) и неуклонно втягивающей его в орбиту своего влияния. Именно в результате сочетания внешнего воздействия с внутренней эволюцией вольное казачество в конце концов превратилось в одно из привилегированных сословий России в социальном плане и в этнографические (субэтнические) группы государствообразующего народа в плане этническом.

¹ Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 72.

² Козлов А.И. Откуда пошли и кто такие казаки (периодизация казачьей истории) // Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 171.

Понять характер взаимоотношений Донского, Яицкого и Терско-Гребенского «войск» с Российским государством нельзя без выяснения социального статуса вольного казачества в русском обществе XVI–XVII. В литературе он чаще всего определяется как сословный, но вопрос этот не так прост, как представляется некоторыми историками. Если под сословиями традиционно понимать социальные группы, обладающие определяемыми законом (или обычаем) и передаваемыми по наследству правами и обязанностями, то неизбежен вывод, что вольное казачество фактически до конца XVII в. не могло быть сословием Московского государства, ибо находилось тогда вне пределов его юрисдикции.

И в самом деле. В Москве в XVII в. сношениями с вольными казаками в основном ведал Посольский приказ, и, как вспоминал в 1666 г. служивший там ранее подьячим Григорий Котошихин, когда казачьи депутации приезжают в Москву, «им честь бывает такова, как чужеземским нарочитым людям»¹. В свою очередь, царские послы, явившись в казачий круг, в соответствии с принятым в то время дипломатическим церемониалом, спрашивали «войско» о здоровье² (Последнее, правда, практиковалось недолго и к тому же не только по отношению к вольному казачеству: известно, например, что Борис Годунов, взойдя на престол, дал посланным в Воронеж гонцам поручение спросить о здоровье местных дворян, городских казаков и стрельцов, т.е. — по сути весь городской «мир»)³.

Кроме того, вольные казаки, по свидетельству того же Котошихина, обладали определенным судебным иммунитетом и судились «во всяких делах по своей воле, а не по

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 159.

² Тхоржевский С. Указ. соч. С. 20.

³ Глазьев В.Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках, Воронеж, 2007.

царскому указу. А кого лучитца им казнити за воровство, или за иные дела, и не за крепкую службу, и тех людей, посадя на площади или на поле, из луков или ис пищалей розстреливают сами; так же будучи на Москве или в полках, кто что сворует, царского наказания и казней не бывает, а чинят они меж собою сами ж...». Но, пожалуй, наиболее полно правовой иммунитет вольных казаков проявлялся в их неподсудности московским властям за преступления, совершенные до приобретения казачьего статуса. Как писал Котошихин, преступники, «быв на Дону хотя одну неделю или месяц, а лучитца им с чем-нибудь приехать к Москве, и до них вперед дела никакова ни в чем не бывает никому, что кто ни своровал, потому что Доном от всяких бед свобождаютца»¹.

Принцип «с Дона выдачи нет!» был незыблемым и определяющим во взаимоотношениях Москвы и вольных казаков до начала XVIII в. и действовал, конечно, не только по отношению к Войску Донскому². Он был хорошо известен на Руси и не мог не броситься в глаза иностранным наблюдателям. Английский дипломат Чарльз Уитворт (1675–1725), считавший, что «управление казаков — разновидность военной демократии», писал: «Казаки пользуются очень большими привилегиями, одна из самых значительных состояла в том, что всякий крестьянин или невольник, оказавшийся в их стране, получал свободу и не мог быть востребован своим хозяином или правительством московитов»³.

Кроме того, вольные казаки, по крайней мере, до середины XVII в., придерживались мнения о добровольном

¹ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. С. 159.

² См., например: Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 28, Мерзликина О.Г. «Вдоль Урала берегов...». Этносоциальная история яицкого (уральского) казачества (конец XVI — вторая половина XVIII вв.) Самара, 2007. С. 50.

³ Уитворт Ч. Россия в начале XVIII века. Перев. с англ. М.; Л., 1988. С. 63.

характере своей службы «великому государю», считали себя вправе свободно «отъезжать» с нее и, например, на Дону вплоть до 1671 г. под разными (обычно надуманными) предложениями категорически отказывались приносить официальную присягу на верность русскому царю¹. А главное, в основном своде законов Московского государства — Соборном Уложении 1649 г. — все статьи «о казаках» относятся лишь к представителям служилого, «городового» казачества, и нет ни одной статьи о казачестве вольном.

По мнению политолога А.Е. Мохова, «подразумевалось, что Уложение 1649 г. распространялось на всех казаков, проживавших как на территории Российского царства, так и вне его (но периодически нанимавшихся на службу по договору к российским государям)»², но на каких данных основано такое заключение, остается неизвестным. «Сословием» называет вольных казаков применительно уже к середине XVI в. и кандидат юридических наук В.Е. Зелинский, хотя сам же признаёт, что казачьи сообщества «формировались из лиц, выпавших из классово-сословной культуры»³. Непонятно также, почему, прекрасно зная особенности взаимоотношений Московского государства с вольным казачеством, некоторые видные историки — А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков, Р.Г. Скрынников, А.Л. Станиславский, В.Д. Назаров — считали возможным говорить о вольных казаках XVII в. как о «сословии» («особом сословии»), не предлагая при том

¹ *Томсинский С.Г.* Очерки истории феодально-крепостнической России. М.; Л., 1934. С. 137; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 133; *Станиславский А.Л.* Гражданская война. С. 10; *Савченко М.С.* Формирование правового статуса терского казачества: историко-правовой аспект // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2006. № 44. С. 233.

² *Мохов А.Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011. С. 25.

³ *Зелинский В.Е.* Вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России. Автореф. дис. ... канд. юридич. наук. Краснодар, 2009. С. 19, 21.

каких-либо новых (отличных от вышеприведенного) определений этого понятия¹.

Сложна для уяснения читателями и позиция Е.И. Дулимова. В книге «Славяне средневекового Дона», подготовленной им в соавторстве с В.К. Цечоевым, говорится, что казаки как сословие сформировались уже в середине XVI в., впервые выступив «как военное сословие, независимое от царя», при взятии Казани. А в автореферате докторской диссертации Е.И. Дулимова написано, что в период XVI — первой половины XVII вв. «казачество не было классическим феодальным сословием, являясь фактически территориальным субъектом, так как сохранялись качества независимого субэтноса»².

Особую (хоть и небольшую) группу составляют исследователи, задающиеся вопросом: «казаки — сословие или этнос?». Он порой формулируется в самом названии посвященных казачеству работ и не может не вызвать недоумения. Ведь в первом случае речь идет о *социальной* принадлежности, а во втором — об *этнической*, и их сопоставление подобно сравнению пудов с аршинами (по типу: предмет тяжелый или длинный, красный или круглый?).

Тем не менее, такой вопрос ставится не только дилетантами из числа казачьих активистов³, но и, казалось бы, се-

¹Проништейн А.П. Войско Донское накануне Булавинского восстания // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 315, 319; Назаров В. Россия на распутье // Родина. 2005. № 11. С. 10; Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 133, 137; Станиславский А.Л. Гражданская война... С. 7, 10–11.

²Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. Ростов н/Д, 2001; Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI–XX вв. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 18.

³Никитин В.Ф. Казачество. Нация или сословие? М., 2007; Качанов И.В. Казаки — национальность, сословие или состояние души? Ставрополь, 2016.

рзными учеными, в частности — доктором технических и исторических наук В.В. Глущенко. Свой тезис о «недостаточности „сословной“ концепции во взглядах на сущность казачества» он (повторяя почти дословно доводы казачьих радикалов) подкрепляет рядом как бы риторических вопросов типа: «где и когда сословия вели самостоятельные войны, совершая походы сухопутные и морские?»; «какое сословие имеет свою народную одежду, свои особые песни и танцы, свой особый стиль построек...?», а также тем, что казаки могли переходить в другие сословия (становясь дворянами, купцами, священниками) и при этом не порывать «духовной связи со своими предками»¹. Тот же вопрос поднимает и доктор исторических наук С.А. Голованова, и в итоге пространных рассуждений приходит к заключению, что «казачество более соответствует определению этникоса» (признавая, правда, что это понятие «так и не утвердилось в этнологии»)².

Противоречива позиция по этому вопросу и у А.И. Агафонова. С одной стороны, он считает, что «в конце XVI — в первой половине XVII в. правительство, стремясь подчинить себе казачество, признало его особым служилым сословием, которое находилось за пределами государственного и административного управления, вне сферы феодального подчинения и эксплуатации», а с другой стороны, по мнению А.И. Агафонова, «едва ли можно говорить о том, что

¹ Глущенко В.В. Казачество. Учебное пособие. 2-е изд. СПб., 2000. С. 97–99.

² Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции. Вторая половина XVI–XIX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Армавир, 2005; она же. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества как неотъемлемая часть северо-кавказского пространства. Мат-лы всерос. научн.-практ. конф. Махачкала, 2010. С. 74–82; она же. Государственная политика по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир, 2014. С. 12–25.

в XVI–XVII в. казачество России обладало совокупностью всех сословных признаков или многими из них...»¹.

Требует уточнений и трактовка А.И. Агафоновым позиций «большинства советских ученых», которые, по его версии, исходя из определения К. Маркса (в конспекте книги Н.И. Костомарова о Разине), считали, что казачество «было признано правительством в начале XVII особым служилым сословием наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками»². Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с широко распространенной в нашей литературе практикой объединения под «казачеством» двух сильно различающихся в XVI–XVII вв. по своему положению социальных групп — казачества *городового*, служившего во многих гарнизонах «по стрелецкому уряду» (и принадлежавшего, подобно стрельцам и пушкарям, к приборным служилым), и казачества *вольного* — донского, волжского, яицкого, терского. Так, тверской историк О.Г. Усенко прямо пишет, что донские казаки XVII в. «относились к „служилым людям по прибору“»³. Фактически не разграничивает вольное и служилое (городовое) казачество и И.Ю. Ерохин⁴.

О городских казаках наша общественность, как правило, знает крайне мало. Даже отделяя их от казачества вольного, исследователи не всегда понимают специфику положения этой категории служилых людей (так, И.Л. Коневиченко полагает, что они «относились к полкам нового строя»⁵). Однако чаще приходится сталкиваться с переносом на городовое

¹ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 21, 22.

² Там же. С. 11.

³ Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 52, 54.

⁴ Ерохин И.Ю. Казачество и государственность // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3–4. С. 48–51.

⁵ Коневиченко И.Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность. СПб., 2016. С. 16.

казачество представлений о более известном в широких кругах казачестве вольном. Разницу между «служилыми» и «вольными» казаками не всегда понимают литераторы и историки, но прекрасно понимали современники. По мнению О.Ю. Куца, само выражение «вольные казаки», появившееся в конце XVI в., «возникло в первую очередь для отличия таковых от служилых, городовых казаков»¹.

С.К. Сагнаева полагает, что «процесс формирования казачества как сословия, начавшийся в конце XVII — начале XVIII в. в Донском, Яицком, Терском войсках, завершился лишь в XIX в., что нашло отражение в соответствующих документах»². С ней в этом вопросе можно согласиться полностью, а вот с О.Ю. Куцем — лишь частично. В его интересной, весьма содержательной и не раз цитируемой выше монографии говорится, что в XVII в. «донские казаки — пусть формально — принадлежали к русскому обществу», и оспаривается мнение Н.А. Мининкова, который, доказывая нахождение казаков вне государственной юрисдикции, ссылаясь на приведенную выше фразу Г. Котошихина о неподсудности казаков московским властям. Как справедливо полагает О.Ю. Куц, «данную фразу нельзя понимать буквально. Речь здесь идет, вероятно, только о конфликтах внутри казачьих отрядов. В случаях, когда дело касалось преступления не внутри казачьей группы, а на стороне, провинившиеся казаки попадали под действующие внутри страны нормы».

Это утверждение убедительно подкрепляется конкретными примерами наказаний для действовавших в составе московского войска вольных казаков за грабежи и убийства мирных жителей, а общий вывод исследователя выглядит так: «„Вольное донское казачество“ в какой-то степени являлось (впрочем, особой и своеобразной) социальной группой

¹ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 341–342.

² Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX — начала XX века (развитие этнических традиций). М., 1993. С. 18.

русского общества со своими важными отличительными чертами — правом жить не в границах государства, правом собственного внутреннего управления и суда, а также... правом внешних сношений и самостоятельного ведения боевых действий, кроме того, „правом“ приема беглых... Правда, четкие политические и социальные рамки донского казачества в XVII в. еще не устоялись и изменялись в связи ходом московско-донских отношений, пока этот процесс не завершился в XVIII в. ...В целом сходным было, судя по всему, и положение в XVII в. терско-гребенского и яицкого казачьих сообществ»¹.

Полагаю, что отмеченные О.Ю. Куцем «отличительные черты» в положение казачества можно объяснить гораздо проще — *вассальным* характером «московско-донских отношений», где сюзереном, естественно, выступает Московское государство, вассалом — Войско Донское (как и Войско Яицкое или Терское). Сюзерен не вмешивается во внутренние дела вассала, но вправе жестоко его наказывать за причиняемый ему вред.

Эта мысль не нова. Ее высказывал еще С.И. Тхоржевский в 1923 г. «Донское войско следует считать вассальным государством, находящимся под сюзеренитетом Москвы, — писал он. — Такие отношения возникают при столкновении двух государств различных культур, причем сильнейшее оставляет нетронутым внутренний строй слабейшего и ограничивается подчинением себе его внешних отношений, усиливая свою политическую мощь получением с него дани или военной помощи... Донское войско по своему экономическому развитию стояло ниже Московской Руси и, естественно, могло оказывать ей помощь не данью (оно, напротив, само получало „жалованье“), а преимущественно своими военными действиями, как и Запорожское Войско по отношению к Польше и Крымская орда — к Турции. Донское Войско было своеобразным государством-войском, обязанным служить московскому

¹ Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 344–345, 348, 355–356.

государству в делах военных и, отчасти, внешней политики, но совершенно самостоятельным в делах внутренних»¹.

Здесь все верно, кроме, конечно, уподобления Войска Донского государству, о чем у нас уже шла речь выше...

Мнение о вассальном характере зависимости Дона в XVII от Москвы достаточно широко представлено и в современной литературе. Его, в частности, высказывали Н.А. Мининков, считающий, что после 1671 г. эти отношения уже принимают характер подданства, и авторы коллективного труда «Казачий Дон: очерки истории», полагающие, что в 1671–1721 гг. «развитие отношений России и Дона ... можно охарактеризовать как состояние колониальной (? — Н.Н.) автономии», когда «Войско Донское фактически входит в состав Российского государства, но пока сохраняет свое республиканское устройство и управление с определенными правоограничениями...»².

С понятием «вассалитет» применительно к отношениям Москвы и Дона не согласен Е.И. Дулимов. По его мнению, это понятие «больше соответствует европейским реалиям, а в условиях России и Дона де-факто сложился ранний конфедеративный союз ведущего старшего и ведомого младшего партнеров: великого московского царства и периферийной казачьей государственности». Распался же он в 1671 г. — после разгрома Разинского восстания и вынужденной присяги казаков на верность «великому государю»³.

Если придерживаться традиционных представлений о конфедерации как *союзе суверенных государств*, то с этой позицией трудно согласиться: даже из вышеуказанных работ самого Е.И. Дулимова следует, что Войско Донское никогда не было полноценным государством и тем более — государством суверенным.

¹ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 27–28.

² Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья; он же. Враги или злодеи? // Родина. 2004. № 5. С. 72; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 84.

³ Дулимов Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества... С. 18, 26.

Полагаю, что при подходах к решению этого вопроса необходимо учитывать формальную и реальную стороны московско-донских взаимоотношений. Они обычно хорошо различимы, но далеко не всем и не всегда понятны. Так, В.В. Глущенко уверен, что «казаки не считали себя подданными царя»¹, однако ситуация с их отношением к российской власти была более сложной. В своей переписке с Москвой они, подобно всем служилым людям XVI–XVII вв. (от бояр и воевод до стрельцов и пушкарей), именовали себя «холопами великого государя» (порой даже — «вековыми» или «природными холопами»)², а территорию, на которой проживали, называли «государевой вотчиной». Но при этом казаки, как уже отмечалось, считали свою службу «государю» сугубо добровольной, могли убить царского посланника, если тот прибывал к ним с «неподобающими», по их мнению, предложениями или требованиями, открыто грозили Москве свою «реку покинуть впусте», если им не будет прислано жалованье и т.д., что демонстрирует во многом формальный характер их «служилого» статуса³.

* * *

Общие оценки правительственной политики по отношению к вольному казачеству в современной историографии неоднозначны. Наиболее распространенная к настоящему времени точка зрения представлена в капитальной

¹ Глущенко В.В. Казачество. Учебное пособие. С. 107.

² Активисты казачьего движения обычно крайне болезненно воспринимают этот факт и стараются его замолчать. Напрасно. Такая формула обращения, как заметил В.В. Трепавлов, «не имела буквального значения и была практически лишена уничижительного смысла» (Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 404). Как для православного христианина не зазорно называть себя «рабом Божиим», так и для служилых людей в Московском государстве не зазорно было считать себя царскими «холопами».

³ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 27; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 343–344.

монографии Н.А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья». Касаясь значения «царских отпусков» для Дона, ее автор пишет, что «государево жалованье» помогало казакам выжить, когда у них не было возможности предпринять походы «за зипунами», и рассматривает это жалованье не только как плату за выполнение определенных поручений Москвы и одну из форм экономической и политической поддержки казачества, но и как способ и средство ограничения разбойного образа жизни казаков.

А.И. Агафонов в своей рецензии на монографию Н.А. Мининкова развивает эту мысль и считает необходимым учитывать и другую роль «отпусков»: «Благодаря царскому жалованью правительство формировало у казачества представления о зависимом, служебном характере отношений между Московским государством и войском Донским, которые с начала XVIII в. воспринимались как естественные и „издревле“ существовавшие»¹.

Следует признать, что, несмотря на все осложнения во взаимоотношениях Москвы и вольного казачества в XVII — начале XVIII в., которые порой приобретали крайне острые формы, правительственная политика по его интеграции в классово-сословную структуру российского общества увенчалась полным успехом. Как замечает М.А. Рыблова, «метрополия» и казачьи сообщества стали представлять собой единую систему, и не случайно «идея служения родине» стала «ключевой в казачьем фольклоре»². В.В. Трепавлов обращает внимание на то, что «гордые, самолюбивые донские казаки относились к Руси иначе, чем к другим своим соседям — Турции, Крыму или Ногайской Орде. Свои действия по предотвращению татарских набегов на южное российское пограничье они расценивали как щит против „нехристей“, держание „Божьей дороги“»³.

¹ URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art/aspx?art_id=400.

² Рыблова М.А. Мужские сообщества донских казаков. С. 24.

³ Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 409.

Сложнее была позиция казаков Украины. Они и до середины XVII в иногда служили русскому царю, а многие из них поселялись на территории Московского государства на положении «служилых черкас», но до выступления Б. Хмельницкого в 1648 г. Войско Запорожское фактически являлось вассалом польской короны и принимало активное участие на ее стороне во всех русско-польских войнах. Кроме того, украинские казаки тогда часто самостоятельно совершали набеги на русские земли, грабили торговые караваны, следующие на Дон и с Дона. При нападениях на Русь запорожцы нередко объединялись с крымскими татарами, а для противодействия Речи Посполитой не раз заключали с ними официальные союзы¹. Тем не менее, и до воссоединения Украины с Россией, как подчеркивает Б.Н. Флоря, в казацко-татарских отношениях превалировала конфронтационная сторона: «Это был стихийный, но именно поэтому особенно прочный антагонизм двух сил, каждая из которых стремилась утвердиться на одних и тех же территориях Дикого поля», а «остроте антагонизма способствовало убеждение казаков, широко отразившееся в источниках конца XVI — первой половины XVII века, что, нападая на татар и отражая их нападения, они выполняют важное дело защиты христианского мира от „неверных“»².

Но относительно отношений вольного казачества с турецко-татарским миром в современной литературе существуют и иные точки зрения. Так, краснодарский историк Д.В. Сень не раз высказывался в том плане, что в XVII — начале

¹ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 4. С. 280–282; Загородский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 207; Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI — первая половина XVII века). Белгород, 2004; Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в. (опыт государственного строительства). М., 2008. С. 57, 66–68; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 54–55.

² Флоря Б.Н. Запорожское казачество и Крым перед восстанием Хмельницкого // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995. Вып. 1. С. 51, 55.

XVIII казакам всех «войск», по большому счету, было все равно, кому служить, ибо они исповедовали принцип «у какого царя живем, тому и служим». Он считает, что привязанность казаков к Москве как духовному центру была слабой, и высказывает мнение о «равностатусности» в их глазах и русского царя и турецкого султана. Более того, как полагает Д.В. Сень, после церковного раскола вольное казачество вообще разочаровалось в Московском государстве, и статус Крымского ханства и Османской империи стал в массовом сознании казаков даже более предпочтительным¹.

Столь радикальный пересмотр установившихся в историографии взглядов на отношение вольных казаков к Москве не нашел поддержки у коллег Д.В. Сень. Краснодарские историки И.Ю. Васильев и А.И. Зудин подвергли его концепцию вполне обоснованной критике, отметив недоказанность основных ее положений. По их мнению, «многие выводы монографии Д.В. Сень выглядят неубедительно и имеют ярко выраженную политическую ангажированность»².

Некоторые идеологи казачьего возрождения в своих негативных оценках характера взаимоотношений вольного казачества и Российского государства идут еще дальше, усматривая в сотрудничестве с российской властью только отрицательные для казаков последствия. Утверждается, например, что Россия отобрала у Войска Донского море, коим оно привыкло владеть «сотни лет», а также лучшие земли и превратила его территорию в свою колонию³. В этом они тоже не оригинальны, повторяя (нередко слово в слово) суждения своих идейных предшественников начала XX в. Но эти оценки меркнут по сравнению с теми характеристиками,

¹ Сень Д. «У какого царя живем, тому и служим...» // Родина. 2004. № 5. С. 73–76; он же. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII–XVIII в.). Ростов н/Д, 2009.

² Васильев И.Ю., Зудин А.И. Указ. соч. С. 31.

³ См., например: Алмазов Б.А. Мы казачьего рода. Кн. 1. Хельсинки, 2008. С. 481.

которые дают государству Российскому *современные* продолжатели дела «казакоманов» и «казакийцев».

Так, один из видных активистов казачьего возрождения В.Ф. Никитин изображает казачество как одну из невинных жертв агрессивной политики, проводимой «изворотливой и лживой Москвой» со времен Ивана Грозного, когда донское казачество представляло «независимое государственное образование». Именно тогда, подчеркивает В.Ф. Никитин, «вконец разоренная и порабощенная неграмотная Москва переходит к завоеванию соседних народов и областей»¹. И подлинную трагедию казачества В.Ф. Никитин усматривает в том, что «военное искусство казаков, их военные силы Россия широко использовала при завоевании различных народов для удержания их в составе империи, но в то же время всячески порабощала и самих казаков»².

«Чем больше мы вдумываемся в суть проблемы „собирания земли русской“, — пишет В.Ф. Никитин, — тем больше нас охватывает ужас при виде тех способов, которыми пользовались властелины и их приспешники в течение многих веков ради построения „единой и неделимой“ России»³. После таких слов не приходится удивляться ни тому, что у их автора Степан Разин предстает как «защитник казачьих вольностей» и «вождь широкого идеологического движения, возникшего в казачьей среде и имевшего основной целью борьбу за человеческую личность, и прежде всего за человеческое достоинство казаков», ни тому, что гетман Мазепа, в понимании В.Ф. Никитина, вовсе не изменник, а борец за независимость казачества⁴. Удивительно другое: почему В.Ф. Никитина не «охватывает ужас», когда речь заходит о способах расправы *казаков* со своими врагами? Ведь с позиций современной морали и этики в XVI–XVII казачья жестокость не поддается рациональному объяснению, ибо

¹ Никитин В.Ф. Казачество: Нация или сословие? С. 407.

² Там же. С. 107, 409.

³ Там же. С. 405.

⁴ Там же. С. 225, 249.

часто носила просто чудовищный характер — достаточно вспомнить разинские казни или изуверские расправы за порождцев с евреями при Богдане Хмельницком. Крайне жестоко казаки обходились с мирными жителями и во время своих походов «за зипунами» к крымским и турецким берегам. И разве не жестокими казнями («в куль да в воду» и т.п.) поддерживался порядок внутри самих казачьих сообществ? Эти факты находят отражения во вполне репрезентативных источниках и уже давно стали достоянием нашей историографии¹. Разве может серьезный исследователь не знать о них или не понимать, что у каждой эпохи своя мораль, своя этика?..

В.Ф. Никитин, действительно, многого не знает и еще большего не понимает. Иначе трудно объяснить и противопоставление им «казачьих республик» Московскому государству на том основании, что если в Москве были «рабовладельцы и рабы», то у казаков — «гражданское и политическое равенство» и они «не знали рабства»² И в этом утверждении он не оригинален. Эмигранты-«казакийцы» тоже были уверены, что их предки «никогда не знали рабства» и «никого никогда не угнетали»³. И это несмотря на то, что к тому времени было хорошо известно широкое распространение у казаков работорговли: многочисленный «ясырь», захватываемый ими во время походов за «зипуна-

¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. документов. Т. 1. М., 1954. С. 252, 256. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. С. 19, 341; Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 53; *Фирсов Н.Н.* Разиновщина как социологическое и психологическое явление народной жизни. 4-е изд. М., 1920. С. 36; *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 37; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 390–391; *Артамонов В.А.* Становление украинского нацизма // Национальный вопрос в истории России. М., 2015. С. 154.

² *Никитин В.Ф.* Казачество: Нация или сословие? С. 7, 232.

³ *Балинов Ш.* О происхождении казачества // Вольное казачество. Прага, 1931 (URL: <http://ckwkazak-svao.ru>)...articles...o-proishozhdenii.html).

ми», в Войске Донском XVII в. считался самой ценной добычей и самым ходовым товаром. О масштабах работорговли на Дону можно судить по количеству «ясырей», которых казаки привозили из своих набегов на крымские и турецкие берега в XVII в.: в 1650 г. — 150 чел., в 1653 — до 600 чел., в 1655–400, в 1657 г. — 600, в 1659–2000 чел.¹ И разве не «ясырей» (рабов) держали для всякой «работы» в своих хозяйствах «домовитые» казаки? Разве не «ясырки» (рабыни) часто становились казачьими наложницами или женами?

В рабство к казакам попадали не только «басурмане», но порой и православные, русские люди. Широкое распространение этого явления на том же Дону признают даже те активисты казачьего возрождения, которые, несмотря на склонность к идеализации своих предков, видимо, более информированы, чем В.Ф. Никитин и его единомышленники². Согласимся в этом вопросе и с А.Г. Шкваровым, признающим, что «казаки средневековья (сами вольные люди) — работорговцы...»³.

* * *

Авторы пассажей, всячески противопоставляющих «Москву» и вольное казачество, не хотят видеть очевидного — взаимовыгодности «российско-казацких» отношений, а это уже давно и твердо установленный факт. «Экономические связи между вольными окраинами и русскими городами были постоянными и прочными, — писал в 1985 г. Р.Г. Скрынников. — Казаки не могли просуществовать без подвоза хлеба, оружия и пороха из России»⁴. И надо заметить, что поставки эти постоянно росли. Если, например,

¹ Тхоржевский С. Указ. соч. С. 13–14.

² Вареник В.И. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1996. С. 191–192.

³ Шкваров А.Г. По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008. С. 53, 57.

⁴ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 135.

в 1623 г. на Дон было отправлено денег — 1000 руб., сукна — 20 поставов, хлебных запасов — 150 четвертей сухарей, 25 четвертей круп и 25 четвертей толокна, вина — 25 ведер, боеприпасов — по 20 пудов пороха, свинца, селитры и серы, то на следующий год это «жалованье» было увеличено вдвое, а 1646 г. уже имело следующие размеры: денег — 5000 руб., сукна — 100 поставов, хлебных запасов — 2575,5 четвертей ржаной муки, 249,5 четвертей сухарей и 87,5 четвертей толокна, вина — 300 ведер, пороха — 300 пудов, свинца — 200 пудов, «да на парусы» 10 000 аршин холста, «да на поделки» 500 пудов железа, 500 пудов смолы, 200 пудов «конопати»¹.

Следует учитывать и то обстоятельство, что России приходилось не только помогать казакам вооружением, боеприпасами и продовольствием, но и напрямую спасать их от физического уничтожения.

После самовольного (без санкции Москвы) захвата казаками турецкой крепости Азов (в 1637 г.) и знаменитого «Азовского осадного сиденья» (которое, как убедительно показал О.Ю. Куц, тоже не было бы для казаков успешным без материальной и моральной поддержки Москвы)², Войско Донское было обескровлено, его численность сократилась с 10 (накануне «сиденья») до 5 (а по некоторым данным до 4) тыс. человек³. Особенно сильный удар был нанесен донцам в 1643 г., когда турецко-татарское войско, мстя за азовский позор, разгромило их главные силы на Монастырском острове. Там погиб цвет донского казачества, около 2 тыс. женщин и детей было захвачено в полон, а вражеские набеги на донские селения всё продолжались⁴. Как сообщали каза-

¹ Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV — первая половина XVII в.) М., 2004. С. 257–258. — Подробнее см.: Добриков В.В. Донские отпуски и их организация: 1613–1696 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011.

² Куц О.Ю. Донское казачество периода Азовской эпопеи. С. 261–263.

³ Проништейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 82; Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова. С. 263.

⁴ Селищев Н.Ю. Казаки и Россия. М., 1992. С. 52.

ки в апреле 1644 г. в Москву, они «людьми на Дону в конец оскудели в... бусурманские... приходы, и в осады, и во многие большие битвы, люд у нас стал повыбит весь, а малым нам людом без твоей государевой помощи без ратных людей противо их бусурманских больших приходов стоять будет не уметь... и в конец будет погибнуть»¹.

Московское правительство хоть и отказалось включить Азов в состав Российского государства, но помощь казакам оказало большую. Идеологи казачьего «сепаратизма» стараются эту помощь всячески преуменьшить, называют ее «ничтожной», а чаще вовсе не вспоминают о ней и лишь гневно осуждают «лживую», «трусливую» Москву за «недальновидность» и «малодушие»². Однако и здесь они оказываются не в ладах с твердо установленными фактами. В 1646–1648 гг., когда донцам, по их собственному признанию, «жить стало не под силу» из-за усилившегося нажима турок и татар и возникла реальная угроза захвата турками всего Нижнего Дона, туда были направлены воинские отряды (всего около 10 тыс. человек), специально сформированные для «донской службы» в южнорусских уездах, вооруженные и снаряженные за счет «государевой казны». Были сняты практически все ограничения и препоны для жителей южнорусских уездов, желавших отправиться на Дон. Эти беспрецедентные шаги наглядно показали, насколько московское правительство было заинтересовано в сохранении вольного казачества на Дону.

Не только дилетанты, но порой и серьезные историки высказывают мнение, что попытка искусственно увеличить численность донских казаков не удалась³. Полностью с ним

¹ Цит. по: *Пушкарев С.Г.* Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11 С. 115.

² См., например: *Савельев Е.П.* Древняя история казачества. М., 2007. С. 326–332.

³ *Дружинин В.Г.* Попытки московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века. СПб., 1911. С. 3–8; *Мининых Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ростов н/Д, 1995. С. 17.

нельзя согласиться. Из посланных на Дон 10 тыс. человек там осталось около 2 тыс., что при численности уцелевших после Азова казаков в 4–5 тыс. было совсем не мало. К тому же это были наиболее приспособленные к казачьему образу жизни бойцы, прошедшие через весьма суровые испытания (неслучайно один из этих «охочих людей — Михаил Самарин — стал впоследствии войсковым атаманом)¹.

Далекими от исторических реалий являются и сложившиеся у некоторых историков представления о невероятной мощи казачьих сообществ. Например, В.В. Глуценко полагал, что в это в XVI — первой половине XVII вв. казачество было даже сильнее Московского государства². Но это — просто недоразумение: по военно-экономическому потенциалу даже ослабленная «Смутой» Русь многократно превосходила все казачьи «войска» вместе взятые. Столь же далеко от истины утверждение того же автора о том, что «во всех случаях не казачество двигалось к государству, а государство — к казачеству»³. Стремление «послужить великому государю» было самым обычным и заметным явлением в истории взаимоотношений вольного казачества и Русского государства, а отказ от казачьих услуг порой приводил даже к острым социальным конфликтам: достаточно вспомнить обстоятельства знаменитого похода Василия Уса с Дона к Москве «за службой» в 1666 г. Безусловно, прав И.О. Кудряков, заметивший, что «в решающие моменты истории донское казачество всегда двигалось в сторону интеграции с Российским государством»⁴.

Задавшись вопросом, «что же притягивало самих казаков к Московскому государству, чьим внутренним строем

¹ Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи. С. 461, 483.

² Глуценко В.В. Казачество. Учебное пособие. С. 250.

³ Там же. С. 17.

⁴ Кудряков И.О. Социальная структуризация донского казачества в исторической ретроспективе (XVII — начало XX в.) // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 4. С. 141.

они были недовольны и чьи внешнеполитические цели далеко не всегда разделяли», С.М. Маркедонов дает этому следующее объяснение: «Перманентная степная война с татарскими и другими кочевыми ордами, противостояние мощной Османской империи вызывали у казаков... неутолимую жажду политической стабильности. Покровительство Москвы стало со временем рассматриваться частью казачества как меньшее зло по сравнению с постоянными военными конфликтами. Однобокое экономическое развитие Дона... зависимость благосостояния края от успеха очередного „похода за зипунами“ также диктовали потребности во внешней помощи. Таким образом, друзья-враги, казачество и государство, были обречены на тесное сотрудничество...»¹

Объяснение, безусловно верное, но не исчерпывающее. К нему, как минимум, надо добавить наличие у многих казаков родни «на Руси», а также тесные торговые связи казачьих областей с «метрополией» и общность с абсолютным большинством ее населения языка и веры — то, о чем у нас уже шла речь выше. Кроме того, при характеристике взаимоотношений вольного казачества и Московского государства, нельзя не отметить, что «на Руси» имелось несколько монастырей, где больные, раненые, увечные казаки находили приют. «На Русь» же нередко возвращались и обнищавшие семьи погибших казаков, а на богомолье (по важным церковным праздникам или поклониться по обету святым чудотворцам) отправлялись и вполне дееспособные казаки. Иные из них в «голодные годы», во время «морозных поветрий» и других бедствий вообще покидали Дон или Яик и устраивались в гарнизоны окраинных «русских» городов на «государеву службу», а «сшедшие в казаки» дворяне, «погуляв» какое-то время «на Поле», вполне могли

¹ *Маркедонов С.М. Автономное общество в России: первый исторический опыт («Вольное» казачество против Московского государства в XVI–XVII веках) // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 104.*

вернуться обратно, в прежний чин, и даже получить от «государя» новое поместье¹.

* * *

О «пагубной» для судеб казачества политике Российского государства историки в последнее время нередко пишут и применительно к Кавказскому региону. Например, в монографии С.А. Козлова «Кавказ в судьбах казачества» (вышедшей двумя изданиями) красной нитью проходит мысль о том, что Россия втянула терских и гребенских казаков в бесконечные столкновения с горцами. По мнению этого историка, до XVIII в. между казаками и горцами царили «взаимоотношения на принципах добрососедства, сотрудничества и взаимной выгоды», а если и происходили конфликты из-за угона скота и захвата «полона», то для их урегулирования существовали «многовековые традиции разрешения споров», что и было нарушено Россией².

Такая «демонизация» российской политики на Кавказе плохо согласуется с хорошо известными фактами. Сохранились, например, «войсковые отписки», в которых казаки Терека обращаются к Москве за помощью в связи со все усиливающимися набегами на их городки северокавказских правителей и активизацией действий Турции в регионе³. О том же свидетельствуют многие материалы, приводимые

¹ *Тхоржевский С.* Указ. соч. С. 18, 24; *Дариенко В.Н.* Община на Яике. С. 57; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве. С. 137; *Очерки традиционной культуры казачеств России.* Т. 1. С. 217–218; *Шкваров А.Г.* Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб., 2009. С. 20–21; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова. С. 69–70; *Рошупкин А.Ю.* Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI — первой половине XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Елец, 2016. С. 141.

² *Козлов С.А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). 2-е изд. СПб., 2002. С. 124, 130, 147–149.

³ *Савченко М.С.* Формирование правового статуса терского казачества. С. 235.

в самой монографии А.С. Козлова. Похоже, ее автор не всегда учитывает объективную закономерность и историческую обусловленность разыгравшихся на Северном Кавказе событий и реалии эпохи в целом, отступая тем самым от принципов историзма. Даже опираясь только на факты, приведенные в книге С.А. Козлова, можно заметить, что война между казаками и горцами, несмотря на всевозможные «куначества» и «аталычества», длилась, то затихая, то разгораясь, практически с XVI в., также, впрочем, как и война между самими горцами. И те «дружественные отношения» между казаками и северокавказскими народами, о которых раньше так часто писали историки, конечно же, не только не были постоянными, но в общем и целом не выходили за рамки отношений между самими горскими племенами с обычным для эпохи военной демократии чередованием войны и мира, союзов с одними группировками против других и т.д.

Сохранять же «патриархальный» характер (с «многовековыми традициями разрешения споров») эти отношения могли лишь до поры до времени — пока Северный Кавказ не стал ареной соперничества между соседними державами и пока у самих северокавказских народов не зашел достаточно далеко процесс складывания собственных (раннефеодальных) государств, который, как и везде, сопровождался повышенной военной активностью и экспансией на соседние, в том числе казачьи, земли¹. В XVIII в. мы отчетливо наблюдаем и то, и другое. У казачества Терека в этой ситуации оставалось два пути: быть вместе либо с Россией, либо с ее врагами.

По последнему пути, как известно, пошли так называемые некрасовцы — большая группа донских казаков (около двух тысяч семей), возглавляемых атаманом Игнатом Некрасовым, которые после разгрома Булавинского восстания в 1708 г. ушли на подвластную Османской империи Кубань. В дальнейшем численность некрасовцев возрастала за счет новых беглецов, и все они стали послушным

¹ Россия и Кавказ: 400 лет войны? М., 1998. С. 36.

орудием в руках Турции и Крыма. Турки и татары не вмешивались во внутренние дела некрасовской общины, но жестоко пресекали попытки казаков покинуть ее в ответ на неоднократные предложения российских властей получить прощение и вернуться на прежние места обитания. Вместе с кубанскими татарами некрасовцы совершали опустошительные набеги на саратовские, царицинские, пензенские, симбирские, нижегородские, воронежские земли, а также на территорию Войска Донского. Эти акции сопровождались сожжением селений, массовыми убийствами мирных жителей или их угоном и продажей в рабство, причем на родном Дону некрасовцы зверствовали не меньше, чем на других территориях.

Советской историографии была свойственна идеализация некрасовцев. Их представляли как непримиримых борцов с самодержавием, набеги на русские земли рассматривали как проявления «классовой борьбы», а в качестве жертв этих набегов упоминали лишь помещиков да «домовитых» казаков¹. Такой подход противоречил как элементарной логике (вряд ли турецкое самодержавие было лучше российского), так и конкретно-историческому материалу, давно введенному в научный оборот и в последнее время вновь ставшего доступным для массового читателя².

После смерти Игната Некрасова в 1737 г. активность его последователей снизилась, но открытые (военные) и скрытые (шпионаж) действия некрасовцев против России продолжались до самого конца XVIII в. — до потери Турцией Северного Кавказа. Судьба изменников складывалась трагично. При эвакуации с Кубани много маленьких детей и женщин погибло. Часть некрасовцев ушла в горы и впоследствии растворилась среди «черкесов», а переселившееся

¹Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 276–277.

²Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 603–610; Селищев Н.Ю. Указ. соч. С. 123–127; Козлов С.А. Указ. соч. С. 162–174; Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. М., 2009. С. 255–256.

к туркам большинство продолжало служить султану уже непосредственно в составе его войск.

Вопреки мнению Д.В. Сеня, склонного к идеализации положения некрасовцев на чужбине, Турция не стала для них ни «обетованной землей», ни родным домом. И.Ю. Васильев и А.И. Зудин обратили внимание на то, что в неплохо изученном фольклоре некрасовцев не встречается «ни одного примера позитивного образа мусульманского государства, его правителя и народа»¹. Замкнутые старообрядческие общины некрасовцев с течением времени всё труднее вписывались в реалии новой жизни на чужбине, и численность «игнат-казаков» неуклонно сокращалась. Эпидемии, бытовые лишения, обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, открыто ассимиляционная политика турецких властей после революции 1918–1923 гг. — все это вынудило некрасовцев в конце концов покинуть Турцию. Большинство вернулось в Россию. Этот «исход» начался в первые десятилетия XIX в., а завершился в основном в начале 1960-х гг. Многие некрасовцы уехали в Америку и рассеялись по свету².

Что же касается обстоятельств, побудивших И. Некрасова уйти со своим войском на Кубань, то они требуют не только детального, но прежде всего объективного анализа, на который далеко не всегда оказываются способны даже профессиональные историки, захлестываемые порой вполне понятными эмоциями.

¹ *Васильев И.Ю., Зудин А.И.* Указ. соч. С. 26–27.

² *Казачий словарь-справочник.* Сост. Г.В. Губарев и А.И. Скрылов. Т. 2. Калифорния, 1968. С. 209–212; *Люшин И.* Мы пошли к своему языку... // *Вокруг света.* 1980. № 11; *Смирнов И.В.* Некрасовцы // *Вопросы истории.* 1986. № 8; *Российское казачество.* Научно-справочное издание. М., 2003. С. 224, 226. *Власкина Т.Ю.* «Вернулись казаки до своего языка»: реэмиграция 1962 г. в устной традиции казаков-некрасовцев // *Проблемы новистики и исторического славяноведения: памяти С.В. Павловского.* Материалы конф. Краснодар, 2010. С. 154–158.

Восстанию Булавина предшествовал долгий период массового бегства населения (главным образом крестьянского) на Дон из «коренных» областей страны, о чем тоже уже шла речь выше. Люди уходили «в казаки» группами по 100, 200, 300, 500 и более человек, с женами и детьми, поднимаясь целыми деревнями и селами. Вследствие этого многие из соседних с Войском Донским уездов «запустили», а население «верховых» казачьих «городков» увеличилось в 10–20 раз¹. Кроме того, в верховьях Дона, по Хопру, Медведице, Иловле, Бузулуку и Северскому Донцу было построено много новых «городков».

С началом войны за Балтику и в ходе петровских преобразований, требовавших все больше солдат, работных людей и налогоплательщиков, массовая утечка «живой силы» стала для российского правительства уже совершенно неприемлемой. Вопрос о ликвидации старинного казачьего права не выдавать беглых и о еще большем сужении казачьей автономии был предрешен, тем более что после укрепления к этому времени позиций России на Юге возможностей проводить по отношению к казакам более жесткую политику у правительства прибавилось. В 1707 г. последовал царский указ о выдворении с Дона и возвращении на прежние места жительства всех, кто поселился у казаков после 1695 г. Экспедиция на Дон Ю. Долгорукого с целью розыска беглых и последовавшее затем подавление Булавинского восстания осуществлялись с непомерной жестокостью, привело к огромным, пусть и преувеличенным в некоторых работах, но совершенно неоправданным с любой точки зрения

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VIII. М., 1993. С. 170–171; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1006. С. 317–318; Пушкарев С.Г. Донское казачество и Московское государство в XVII в. // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 117–118; Подъяпольская Е.П. Известия о роде Булавиных // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. С. 69; Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976. С. 139.

жертвам¹. Тем не менее, неправомерно считать карательную акцию российских властей «подлинным погромом», «геноцидом» казачества или первым в нашей истории «расказачиванием» и проводить аналогии с «расказачиванием» 1919–1920-х гг., как делают некоторые историки, писатели и публицисты².

Правительство Петра I не ставило своей целью ни физическое уничтожение донского казачества, ни ликвидацию его служилого статуса в качестве «Войска Донского», как предписывалось некоторыми директивами большевистского правительства 1919–1920 гг.

Это признают даже некоторые активисты казачьего возрождения, в целом настроенные на резкое осуждение царской политики по отношению к казачеству. Как пишет Н.И. Нестеров, «отношения центральной власти и донского казачества при всех правителях никогда не были радужными, скорее, наоборот, они были достаточно сложными, а порой и трагичными. Но ни один царь, ни один император не ставил своей задачей его уничтожение. Напротив, они отчетливо сознавали его силу и полезность, более того — необходимость его служения центральной власти»³. Б.А. Алмазов

¹ Точное число погибших булавинцев не установлено. Казачьи активисты пишут о «десятиках тысяч казаков», умерщвленных «по жестокому повелению Петра I», (*Никитин В.Ф.* Казачество: Нация или сословие? С. 229), но это явное преувеличение: накануне выступления К. Булавина все казачье население Дона насчитывало почти 29 тыс. человек, и после разгрома восставших, вопреки утверждениям казачьих идеологов (там же. С. 241), Дон вовсе не «опустел». (*Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 200–201; *Подъяпольская Е.П.* Указ. соч. С. 69–70; *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 208, 276, 280; *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 122, 147–148).

² *Смирнов И.* Век нынешний и век минувший. Диптих к большому переименованию // Знание–сила. 1990. № 12. С. 10; Казачий Дон: Очерки истории. Ч. 1. С. 86; *Никитин В.Ф.* Казачество: Нация или сословие? С. 241, 408. *Шишов А.В.* Казачьи атаманы. М., 2008. С. 91; *Алмазов Б.А.* Указ. соч. С. 493.

³ *Нестеров Н.И.* Кто они, донские казаки? Волгоград, 2008.

тоже уверен, что «империя никогда не ставила перед собой задачи уничтожения казачества, как это было после 1917 года, но она приводила казаков к имперскому единообразию, к дисциплине на европейский манер», и считает такой поворот событий исторически неизбежным¹.

Действия российских властей на Дону в 1707–1709 гг. диктовались сугубо прагматическими соображениями и были исторически обусловленными. Сложно себе представить поступательное развитие нашей страны в XVIII в. без укрепления роли государства в ее жизни, но оно, государство, в XVIII в. уже не могло мириться ни с массовой потерей людей из-за бегства в казачьи области, ни с помехами, чинимыми его дипломатии самовольными действиями казаков на южных границах, ни с самим существованием на своей территории сообществ, живущих грабежами жителей соседних государств. Да и сами казаки в силу новых исторических реалий уже не могли рассчитывать на то, чтобы «кормиться зипуном», и после подавления Булавинского восстания взялись, наконец, всерьез за соху. Казачья автономия с тех пор была, конечно, сильно урезана, как и права Войскового круга, превратившегося вскоре в чисто декоративный орган, лишь своим названием напоминавший казакам об утраченном праве самим избирать войсковых атаманов. Но на низовом уровне (в станицах и хуторах) казачье самоуправление сохранилось вплоть до начала XX в. В таком направлении социальное устройство казачества в общем-то менялось и само собой, демонстрируя тем самым объективный процесс классообразования. Казачья старшина, начиная с середины XVII в. приобретала в «войске» все больший авторитет и вес и все больше прав в ущерб прерогативам Круга, но, по словам С.М. Маркедонова, «если узурпация власти Круга старшиной носила эволюционный характер, то меры Петра I были революционным потрясением для казачества...»².

¹ Алмазов Б.А. Указ. соч. С. 449.

² Маркедонов С.М. Казачий круг как политический институт // Полис (Политические исследования). 1996. № 1. С. 152.

«Эпоха Петра I — перелом истории и России, и „вольных“ казачьих сообществ, и казачества в целом, — пишет А.Г. Шкваров. — Страна вышла обновленной, с совершенно другим лицом... Для одних представителей казачества эпоха Петра стала закатом их истории, для других вдохнула новую жизнь, превратив в новое, отличное от всех, государственное сословие. В этом заключался главный компромисс борьбы противоположностей — Воли и Самодержавия или Государства». А «вхождение в состав Великороссии», убежден А.Г. Шкваров, было для казачества единственно возможным и правильным путем¹.

К аналогичным выводам исследователи приходят и при изучении исторических судеб отдельных казачьих «Войск», в том числе и оказавшегося в наиболее сложных условиях Терского².

Тем не менее, тема «казачьего геноцида» очень популярна у современного казачества. Некоторые его активисты вообще доводят ее абсурда и заявляют, что геноцид этот был «неоднократным» и причисляют к нему подавление восстаний не только Булавина, но и Разина с Пугачевым³ и даже уподобляют уничтожению индейцев в Америке, армян — в Турции и Холокосту⁴. А другие, живописуя невзгоды, обрушившиеся на казаков со стороны Российского государства в XVIII в., не приемлют определения казачества как привилегированного (и даже полупривилегированного) сословия и утверждают, что казаки хоть и проливали кровь за Россию, но жили в ней «хуже крепостных крестьян»⁵. Сторонники подобных взглядов, похоже, имеют весьма смутное представление о положе-

¹ Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб., 2010. С. 5, 407.

² Савченко М.С. Формирование правового статуса терского казачества. С. 235.

³ Качанов И.В. Казаки — национальность, сословие или состояние души!? С. 19.

⁴ Лысенко Н.Н. Геноцид казаков в Советской России и СССР: 1918–1933 гг. Опыт этнополитического исследования. Ростов н/Д, 2017. С. 95.

⁵ Алмазов В.А. Указ. соч. 1. С. 481.

нии крепостных крестьян в России (которое в XVIII в. уже мало чем отличалось от рабского) и, кроме того, видимо, убеждены в том, что никто, кроме казаков, у нас не проливал кровь за Отечество — ни дворяне, ни тем более призванные на военную службу крестьяне... С историческими реалиями больше согласуются слова генерала А.С. Лукомского, председателя Особого совещания при А.И. Деникине: «Трудна была служба казачества, но оно пользовалось таким экономическим благосостоянием и такими льготами, которых не знала ни одна часть прочего населения России»¹.

Подчинение вольного казачества Российскому государству, бесспорно, происходило с массой «издержек» и «перегибов» (как и почти всё и всегда в России); многие из них при более продуманной, более гибкой политике центральной власти можно было бы избежать. Но это был абсолютно неизбежный и даже необходимый для дальнейшего развития как государства, так и самого казачества процесс.

Российское великодержавие было неперенным условием выживания страны: так считают сегодня не только отечественные, но и некоторые зарубежные историки², но оно дорого обошлось *всему* русскому народу, а не только казачеству. Трагические события, произошедшие при ликвидации казачьих вольностей, конечно, нуждаются в дополнительном и, главное, беспристрастном исследовании. В обстоятельной рецензии на одно крайне далекое от объективного анализа этих событий сочинение известный историк казачества А.В. Венков заметил: «Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления»³.

¹ Казачество: Мысли современников... С. 60.

² Российское государство от истоков до XIX века: территория и власть. М., 2012. С. 26–29, 39.

³ Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казачьего народа» // Новое прошлое. 2018. № 1. С. 290.

Безусловно, соглашаясь с этим замечанием, хотелось бы вместе с тем вновь заострить внимание на не раз ставившемся в нашей историографии вопросом о *цене исторического прогресса*, о старой как мир проблеме соотношения общих и частных интересов, которая давно поднималась в русской литературе. Еще В.Г. Белинский призывал признать «торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданиям этого частного»¹. А в связи с судьбами казачества ту же мысль повторил в 1928 г. белоэмигрант генерал С.А. Щепихин: «Логика истории неумолима, и она вынуждает к жертвам частного во имя целого»².

Ликвидация казачьих вольностей (как и казачьих своеобразий) рано или поздно должна была произойти, под чьим бы патронажем — России или сопредельных стран — ни оказались, в конце концов, казачьи территории. Стать привилегированным сословием сильного государства — это был отнюдь не худший вариант эволюции казачьих сообществ, и он с неизбежностью последовал в XVIII в. С тех пор казаки принимали самое широкое и активное участие во всех войнах России, и нельзя не заметить, что именно на имперский период ее истории приходятся наиболее яркие страницы в летописи казачьей воинской славы.

Н.И. Никитин

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 542.

² Щепихин С.А. Несколько мыслей о судьбах казачества // Казачество: Мысли современников... С. 329.

Глава 3

Документы Казенного двора за 1613–1624 гг. о вольном казачестве Дона, Донца, Волги, Яика и Терека: материалы к просопографии вольного казачества

Настоящая глава написана в рамках более широкого просопографического исследования российского казачества в период выхода России из Смуты начала XVII в., когда документальные источники по его истории еще весьма ограничены. Исследование нацелено на введение в научный оборот новых данных по ранней истории донского, донецкого, волжского, яицкого и терского казачества на базе тематического регестирования расходных книг Казенного двора до большого московского пожара в мае 1626 г., за каковой период данные этого слабо исследованного вида документальных источников особенно ценны, а в ряде случаев носят уникальный характер.

На рубеже XVI–XVII вв. по находящимся в „серой зоне“ Дешт-и-Кипчака великим восточноевропейским рекам — Волге, Дону, Северскому Донцу, Яику и Тереку сложились казачьи сообщества, признававшие высший авторитет государя «всёя Руси», но не законы Государства

Российского. К концу XVI в. самое раннее и многочисленное из русских сообществ Дешт-и-Кыпчака донское казачество объединилось в «Войско», что с 1614 г. получило признание в официальных документах Российского государства¹. Объединение обитавших на Дону достаточно разрозненных групп казаков в единую социально-политическую и культурную корпорацию в рамках русского народа и Православной церкви, но не Российского государства, свидетельствовало об уже сложившемся корпоративном сознании казачьих объединений вообще и донцов в первую очередь. Объединение в войско наполнивших Русскую землю казачьих сообществ не раз происходило в ходе драматических событий Смутного времени, поскольку «войском» называлось объединение нескольких казачьих станиц с выбором ими войсковых чинов — атамана и есаула, а возможно и других общевойсковых чинов типа писаря². Но эти объединения не носили постоянного характера и после завершения кампании (а иногда и ранее) распадались. Процессы интеграции донских казаков

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8–9; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 215–216; Никитин Н.И. Вольное казачество в истории России XVII века // Преподавание истории в школе. 1999. № 7. С. 11–12.

² См., например: Долинин Н. П. Подмосковные полки (казачьи таборы) в национально-освободительном движении 1611–1612 гг. Харьков, 1958. С. –; Шепелев И. С. Национально-освободительная борьба в Русском государстве в 1611 г. (первое земское ополчение) // Он же. Труды по истории России в начале XVII столетия: в 2 т. / Общ. ред. и коммент. И. О. Тюменцев, А. Л. Клейтман; предисл. Н. К. Сергеев, вступ. ст. И. О. Тюменцев. Т. 1: Национально-освободительная и классовая борьба в Русском государстве в начале XVII столетия. Волгоград, 2012. С. 15–48; Тюменцев И. О. Казаки в движении земских ополчений в России 1611–1612 годов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 9–16; Морохин А.В., Лебедев А.В. Смутное время и Вязниковский край. Н. Новгород, 2012. С. 57–63.

и признание донского Войска Российским государством указало путь и другим менее сильным и многочисленным и более молодым казачьим сообществам по превращению ситуационных войсковых объединений ради выживания и набегов в Войска, уже как постоянные корпоративные объединения. Все они пытались самостоятельно выстраивать сложные и неоднозначные отношения с Российским государством¹. Огромное значение для институализации казачества имела первая в русской истории гражданская война начала XVII в.², хотя формально ни одно из вольных казачьих сообществ в ней не участвовало.

После «очищения Москвы» и избрания Михаила Романова на царство в число первоочередных задач возрождавшегося из пепла Московского государства вышла борьба с «засевшим Астрахань» атаманом Иваном Заруцким. В ходе этой борьбы правительство постаралось привлечь волжских казаков на свою сторону, именуя их «Войском», что было большим „авансом“ в отношении не только волжских, но и яицких и терских казаков³. Однако в соединении с пришедшими в Астрахань с тушинским боярином «зарутчиками» волжские казаки могли составить достаточно многочисленное Войско, что пыталось (и вполне успешно) предотвратить русское правительство⁴. Именно просопографическое исследование этого периода в истории казачества позволило сделать обоснованные выводы о незавершенности процессов сложения войсковой организации у волжского казачества

¹ *Шепелев И. С.* Донское и волжско-терское казачество в классово-национально-освободительной борьбе в Русском государстве периода Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (первая четверть XVII в.) // Он же. Труды... Т. 1. С. 261–314.

² *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в.

³ Завьялов, конечно, совершенно необоснованно поторопился, именуя «войсками» все три группы казачества помимо Донского: *Завьялов В.* Заруцкий в Астрахани и на Урале. Уфа, 1853. С. 4.

⁴ *Шепелев И. С.* Место и характер движения И.М. Заруцкого в период Крестьянской войны и польско-шведской интервенции (1605–1614 гг.) // Он же. Труды... Т. 1. С. 217–260.

и проследить общее и различия в формировании всех названных вольных казачьих сообществ.

Основной корпус источников по этому раннему периоду истории казачества (РГАДА. Ф. 111. Донские дела) достаточно рано был введен в научный оборот и по большей части опубликован. Эти фундаментальные для своего времени публикации создали иллюзию даже у некоторых профессиональных историков, что найти значимый комплекс новых не введенных в научный оборот источников по истории казачества доимперского периода уже невозможно. Дальнейшее развитие историографии казачества раздвинуло горизонты исследовательской перспективы, что позволило уже А.Л. Станиславскому прийти к обоснованному заключению, что основной корпус письменных источников по истории вольного казачества 1-й четверти XVII в. еще не опубликован (хотя историк имел ввиду, конечно, период после 1613 г.)¹.

Но эти выводы не сопровождались публикациями новых документальных комплексов по ранней истории казачества. Следствием такого относительно слабого развития источниковой базы по происхождению и ранней истории русского казачества стал бурный рост около- и псевдоисторической мифологии и различного рода фантастических версий. Истории происхождения казачества за скудостью источниковой базы по его происхождению и ранней истории особенно отягощена сонмом мифов и фантастических версий, где полет фантазии и идеологическая предвзятость зачастую подменяет источниковедческую работу историка даже, казалось бы формально в научных публикациях. До сих пор в исторической публицистике и в научно-популярной литературе, например, встречаются указания на новгородских ушкуйников, как непосредственных предков то терских, то яицких казаков (а то — тех и других), хотя достаточно ознакомиться с посвященными им очерками В.Н. Бернадского и Л.В. Черепнина, чтобы увидеть надуманность подобных отвлеченных от источников

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 5.

концепций¹. Не пытаясь опровергнуть безостановочно плодущую мифологию, которой обросла проблема происхождения и ранней истории русского казачества, мы не ошибемся, если одной из главных причин этой «недоброкачественной опухоли» на истории казачества диагностируем острую нехватку новых письменных источников, как основного и наиболее надежного основания для научного анализа и реконструкции прошлого. Пополнение источниковой базы темы ранней истории казачества и явились целью настоящей работы.

Мы постарались ввести научный оборот новые зерна фактологии, которые удалось извлечь посредством полистного просмотра нескольких тысяч рукописных листов расходных книг Казенного двора (с середины 1620-х — Казенного приказа, далее — КД). Здесь на суд читателя представлены промежуточные итоги большой (и еще далеко не завершенной) работы по формированию просопографической базы данных по атаманам, есаулам и станицам. С другой стороны, мы стремились сделать первые шаги по формированию просопографической базы по российскому казачеству XVI–XVII вв. и показать возможности просопографических исследований как надежной альтернативы безудержному полету фантазии исторической публицистики, не имеющему отношения

¹ *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. Ч. 1. Л., 1958. С. 36–51; *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки: социально-экономическая и политическая истории Руси. М., 1960. С. 390–397; *Малов А.В.* Ушкуйничество в Великом Новгороде в XIV–XV веках (по опубликованным источникам и материалам ОР РГБ и ОР РНБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина) / Дипломная работа студента V курса ДО кафедры отечественной истории Факультета архивного дела / Историко-архивный институт РГГУ. М., 1994 (на правах рукописи) // [Личный архив автора] Л. 62–94; *Он же.* Закат ушкуйничества в XV веке и судьба его наследия. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва. 26–28 января 1995 г. М., РГГУ. 1995. С. 328–330; *Он же.* Господина Великого Новгорода ушкуйники в отечественной историографии // Постигая историю России: К 50-летию научного студенческого кружка отечественной истории средневековья и нового времени: Сб. ст. М., РГГУ. 1997. С. 91–102.

к собственно научному знанию, что актуально для самых разных областей исторического знания, включая историю казачества. Примечательно, что И.Е. Забелин, „снявший сливки“ с базового корпуса наших источников, включил в свою выборку¹ лишь две из 71-й выявленных и регестированных нами записей выдачи пожалованной донским атаманам и казакам „мягкой рухляди“ — за 29 октября 1623 и 18 марта 1624 г. (см. ниже Хронике пожалований), и ни одной — по волжским, яицким и терским казакам — из соответственно 23 пожалований.

Конечно, записи расходных книг более скупы и менее информативны, чем опубликованные в «Донских делах»² и в «Актах» А.А. Лишина³ документы Посольского приказа, но достоинства и преимущество записей расходных книг КД заключаются в их системной целостности в силу незначительности утрат этого документального комплекса.

Мы уже неоднократно освещали значение приходо-расходных книг КД для истории первых лет царствования Михаила Федоровича в целом⁴, характер, виды и типы

¹ *Забелин И. Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613–1634 гг.) Часть первая. М., 1882.

² *Донские дела* / [Ред. В.Г. Дружинин] (Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией). Кн. 1. 1594–1639 гг. — СПб., 1898. — 1081 с. и стб.

³ *Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным* / Изд. Обл. правл. Войска Дон. под ред. [и с предисл.] А.А. Карасева и Х.И. Попова. — Т. 1. (1570–1725). Новочеркасск, — 1891. — 373 с.

⁴ *Малов А.В., Смирнова О.С.* Переводчики и толмачи вне Посольского приказа в 1613–1621/22 годах: По расходным книгам Казенного двора // Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия: материалы Междунар. науч. конф. / Ред.: А.В. Беляков, А.Г. Гуськов, Д.В. Лисейцев, С.М. Шамин. — М., 2019. С. 209–229; *Малов А.В., Смирнова О.С.* Пожалования на Казенном дворе переводчиков и толмачей Посольского приказа в 1613–1621 гг. // Труды ИРИ РАН. Вып. 16. М., — 2021. С. 168–207; *Малов А.В., Тарасова Г.А.* Вопрос о выделении посольских расходов в отдельный вид книг Казенного двора в первые годы царствования Михаила Федоровича // Там же. С. 208–263.

пожалований¹, а также значение этого корпуса источников для истории военного дела², включая историю казачества³, что позволяет сэкономить место и время, адресовав к предыдущим работам.

Выявленные нами за период с августа 1613 г. по март 1624 г. 86 записей расходных книг КД о пожаловании донским, донецким, волжским, яицким и терским казакам

¹ Малов А. В. «Выход» и «выходцы» на завершающем этапе Смуты (1613–1619): определение терминологических границ (по данным расходных книг Казенного приказа) // Смутное время: итоги и уроки: Сб. мат-в второй Всероссийской научной конференции. Иваново — Кохма — Шуя, 20–22 апреля 2012 г. / отв. ред. к.и.н. А.Ю. Кабанов. Иваново, 2012. С. 157–195; *Он же*. «А пожаловал Государь их за службу»: Тканное жалованье ратным людям в 1613–1621 годах (номенклатура и цены) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции, Нижний Новгород, 28–30 сентября 2017 г. Нижний Новгород, 2018. С. 34–52;

² Малов А. В. Командиры частей нового строя в 1628–1636 гг. (от подготовки к Смоленской войне до роспуска частей нового строя после ее окончания) // АЕ за 2009–2010 г. М., 2013. С. 126–143; *Он же*. Состав и внутренняя структура отрядов служилых татар «великого Российского царствия» по записям расходных книг Казенного приказа конца Смуты. 1613–1619 гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Науч. ежегодн. Вып. 6. Казань, 2014. С. 224–232; *Он же*. Пушкин-карского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период Смутного времени (1613–1619 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. — Ч. II. — С. 159–217 <URL: <http://www.milhist.info/2016/05/20/malov>> (20.05.2016); *Он же*. Оружейные мастера в освобожденной Москве: Материалы к просопографии по данным расходных книг Казенного приказа. Ч. 1. 7122-й (1613/14) — 7127-й (1618/19) гг. // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 28. Оружейное собрание Музеев Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. М., 2018. С. 42–65;

³ *Он же*. Казачьи знамена на завершающем этапе Смуты. 1613–1619 гг. Ч. 1. 1613–1614 гг. // Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз». Вып. 50. 2012. № 6. С. 4–9; *Он же*. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские

тканей содержат имена 46 атаманов, 5 есаулов и до 393 рядовых казаков. Систематизация собранного материала наглядно показывает незавершенность стратификации, размытость и текучесть казачьих корпораций на Дону и в еще большей степени — на Волге, Яике и Тереке в первые десятилетия XVII в.¹ Собранный материал систематизирован в виде хроники пожалований донских (и донецких) казаков на КД, и краткого алфавита упоминаемых в хронике донских атаманов, есаулов и казаков с указанием лишь даты упоминания. В исключительных случаях, когда принципиально важен статус казака, или есть принципиальная разница в написании его имени, это было отражено и в алфавите. Так нам удалось с высокой степенью вероятности проследить превращение Мартына Побежимова из донского казака станицы Андрея Репчукова в есаула станицы Гаврилы Стародубова, а Матвея Данилова и Назара Иванова из казаков — в атаманы.

Свою выборку мы ограничили лишь теми атаманами и казаками, которые в документах хотя бы раз именуется донскими, донецкими, волжскими, яицкими и терскими или прибывшими с названных рек. Судя по тому, что они не всегда именуется таким образом, казаки еще могут в дальнейшем идентифицироваться среди вольных и служилых казаков как донские. Должно признать всю условность такой

чтения — 2015: Материалы Российской научной конференции: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27–29 ноября 2015 г. / отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 10. С. 157–184; Malov A. Making, Usage and Keeping of Standards, Guidons and Colours in Russia 1613–1689 according to data from the Account-Books of the „Kazennyi Prikaz“ // In hoc signo vinces: The vexillological seminar. Stockholm 2011 & 2013. Stockholm, 2016. P. 23–31, 115–116; Он же. Царицынские службы и царицынские служилые люди в расходных книгах Казенного двора. 124-й (1615/16) — 130-й (1621/22) годы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2019. — Т. 24, № 2. — С. 184–202.

¹ Малов А.В. Казаки волжские, яицкие и терские в расходных книгах Казенного двора. 1614–1623 гг. // (в печати).

выборки, поскольку в ходе углубления и расширения Смуты в Московском государстве вольные казаки пришли на Русь с Дона и Волги, в меньшей степени — с Терека и Яика, и те, которые по успокоению Смуты не стали служилыми (которых историография именует «городовыми», а иногда „приборными“) и не ушли в Речь Посполитую за «нареченным царем Владиславом Жигимонтовичем»¹, — все они, а также массы показавшегося населения Руси вернулись на те же названные реки. Разделение же их в начале XVII в. на донских, волжских, яицких и терских было более чем условно, что видно из приводимых ниже биографических данных атаманов Игнатия Бедрищева и Григория Долгово (Долгой Шеи). После Деулинского перемирия правительство далее не стало мириться с казачьими „кормлениями“ на Волге и отказалось признавать «Волское войско», определяя отныне вольных казаков на Волге исключительно как «воров». Поэтому волжским казакам постепенно пришлось покинуть берега великой русской реки и пополнить ряды донских, яицких и терских казаков. Вероятно, тогда же в ряде южных — «украинских» и «польских» — русских городов появились заметные страты «волских казаков»².

Чтобы проследить процессы перемещения и службы донских, волжских, донецких, яицких и терских казаков, мы учли и те случаи, когда в документах явно упоминаются уже

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 195–198; Яворская М.К. «Государев двор» королевича Владислава Вазы в 1617–1618 гг. // Славянский альманах 2017. Вып. 1–2 / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2017. С. 55–64.

² Например, в Путивле и Белгороде: Малов А.В. Станичная служба в начале 1620-х годов в Белгороде и Осколе (по десятиям) // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 6 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество „Ратник“»; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. — Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В., 2021. С. 160–182; *Он же*. Служилые «города» по Путивлю на 1626 год (по десятиям) // Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925) (в печати)

служилые «городовые» люди, но при этом они сохраняют и прежний статус, например, донского казака. Таковы донской есаул Микюла Иванов, служивший уже по Новгороду Северскому, утраченному Россией в результате Смуты, но продолжавшему служить с Новгород-Северской служилой корпорацией. На служилый статус намекает и запись пожалованного «за полонное терпение» донского казака Ивана Микляева, записанного с его слов еще и «сторожевым», т.е. несущим службу на отъезжих сторожах южных уездов. По Шацку служил Осип Павлов, записанный на Казенном дворе и донским казаком и «шатченином».

Также учтены нами и служившие по Белгороду представители немногочисленной группы донецких казаков Михаил Болотов и Алексей Охлябинин, которые в итоге разделили судьбу волжских казаков, либо вступив на государеву службу, либо пополнив ряды Войска Донского. Вероятно, к донецкому казачеству принадлежал и атаман Дмитрий (Митька) Сабыкин, пожалованный «за вожество», и записанный писцом как «уднецкий» (ошибка?).

Ну, а что же с вольными казаками Смутного времени, основная масса которых не называла себя и не писалась ни донскими, ни волжскими, хотя часть их пришли на Русь с этих рек? В данной работе они не рассматриваются, тем более, что в этом случае наша работа чрезмерно превысила бы формат заявленного раздела. Однако, при идентификации донских казаков, получавших жалование на КД неоднократно, такая проблема возникает с завидной регулярностью. К сожалению, здесь не обойтись без определенных допусков степени вероятности. Например, открытым остается вопрос о донском атамане Иване Москвитине: он дважды получал жалование на КД в августе — сентябре 1613 г., после чего с июня 1617 г. по февраль 1618 г. уже без упоминания донского происхождения имя атамана Ивана Москвитина 5 раз встречается среди получателей «мягкой рухляди». Имеем ли мы дело с одним и тем же лицом, или это его полный тезка? В таких ситуациях дата упоминания внесена под знаком вопроса только в алфавит напротив имени и не указана в хронике.

Еще одной проблемой, с которой неизбежно сталкиваются все составители справочников является идентификация имен, написанных обычно не в полной, а в уменьшительной форме, которую не всегда возможно однозначно определить. Конечно, с идентификацией атаманов заметно проще, но и здесь не все из них обладают такой известностью в историографии как Епифан Радилов и Смага Чертенский¹ — эта проблема касается, в первую очередь, рядовых казаков. Однако и эта ситуация проясняет в ряде случаев, какое полное имя носил казак и как оно сокращалось. Например, встречающееся имя Пронька (Созонов, ноябрь 1619 г.) может быть сокращенной формой имен Прокоп, Прокл и Протасий, но повторное пожалование в январе и в марте 1624 г. донского казака одной и той же станицы Проньки Иванова раскрывает его полное имя как Прокофия и позволяет с большой долей вероятности экстраполировать это же прочтение и в отношении Проньки Созонова. Такое же двойное пожалование казака одной и той же проезжей станицы раскрывает для исследователя, что имя Панки Иванова является производным от имени Павел.

Среди казаков, получивших жалование иногда обнаруживаются полные тѣзки, состоявшие в одной и той же станице, в связи с чем возникает закономерный вопрос: как они сами, а тем более московские приказные люди, не путались при выдаче жалования? Систематизация по алфавиту позволила выдвинуть предположение, что в описанных случаях при отсутствии у полных тѣзок по имени-отчеству личного или родового прозвища (фамилии) внутри их станицы за каждым из них закрепилась какая-то определенная форма имени. Например, в январе 1619 г. в станице Гаврилы Стародубова и Степана Щеголенка в Москве оказалось два Терентия Федорова, из которых одного дважды записали Терешкой, а другого Тренькой.

Также перекрестная систематизация по хронологии и алфавиту безальтернативно выявила, что донские атаманы Петр Вострая Сабля и Петр Вострая Игла представляют

¹ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. С. 10, 32, 70, 73, 80, 90, 167, 243.

собой одно и то же лицо. Второе прозвище представляется более ранним и может указывать на портняжное происхождение предка известного рязанского дворянского рода Востросаблевых, который, завоевав у казаков авторитет в качестве харизматичного военного вождя, смог заменить вторую часть своего прозвища на более престижную и более соответствующую его новому статусу форму.

Формат настоящего раздела не позволяет закрыть все вопросы, которые собранный здесь материал пусть не дает решить окончательно, но позволяет поставить и наметить пути и варианты их решения.

ХРОНИКА ПОЖАЛОВАНИЙ НА КАЗЕННОМ ДВОРЕ
КАЗАКОВ ДОНСКИХ, ДОНЕЦКИХ, ВОЛЖСКИХ,
ЯИЦКИХ И ТЕРСКИХ
В 1613–1624 гг.¹

7121-й г.

1613 г.

Август

27

Атаманы Иван Москвитин, Андрей Репчюков (Ретюков), Карп Иванов, по памяти из Разрядного приказа (далее — РП), получили на КД за камки добрые денгами по 5 руб.,

¹Сост. по: РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 65. Л. 1–44; Кн. 203. Л. 1–517 об.; Кн. 204. Л. 1–808 об.; Кн. 205. Л. 1–500 об.; Кн. 206. Л. 1–567 об.; Кн. 207. Л. 1–530 об.; Кн. 208. Л. 1–225 об.; Кн. 208-а. Л. 226–441 об.; Кн. 208-б. Л. 442–480 об.; Кн. 208-в. Л. 481–568 об.; Кн. 209. Л. 1–626; Кн. 277. Л. 1–355 об.; Кн. 278. Л. 1–260; Кн. 279. Л. 1–476 об.; *Забелин И. Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным (1613–1634 гг.). Часть первая. М., 1882; Приходо-расходные книги Казенного приказа / По инициативе и на средства сотр. АК *кн. Г. Д. Хилкова* // РИБ. Т. 9. / Отв. за том член АК *А. И. Тимофеев*. СПб., 1884. С. 1–381.

да казаки Иван Мещеряков, Иван Афанасьев, Михаил Афанасьев, Якуш (Яков?) Щеголев (Щоголев) за тафты по 2 руб., и всего — 23 руб. за службу и за приезд от Донского войска.

7122-й г.
Сентябрь
17

Донские атаманы Иван Москвитин, Андрей Ретюков (Репчуков), Карп Иванов по памяти из РП получили на КД 3 портища сукна настрафиля лазоревого.

Да по той же памяти с ними посланы на Дон к атаману Смаге (Чертенскому) сукна: 3 постава и 13,5 арш. сукна настрафиля лазоревого (по 19 руб. постав), 4,5 половинки сукна лятчины (по 4 руб. половинка), 3 половинки сукна розовского (по 2 руб. половинка).

1614 г.
Январь
8

Донской атаман Игнатий Бедрищев (Бедрищов) вместе с казакom своей станицы Назаром Ивановым, по памяти из Посольского приказа (далее — ПП), получили на КД жалование за то, что проводили посланников в Турцию Солового Протасьева и дьяка Михаила Данилова до Азова и вернулись в Москву (с отписками?): атаман — портище сукна багрецу, да за камку среднюю — деньгами; казак — по портищу сукна вишневого настрафиля и тафты немецкой зеленой.

Февраль
21

Волжский (волской) атаман Григорий Долгошея (Долгий, Долгово), по памяти из ПП, получил на КД вместе

с воронежскими атаманом Ларионом (Ларей) Болдырем и казаком (атаманом ?) Василием Окуроковым жалование: портище сукна багреца и за камку — портище сукна настрафиля лазоревого, а воронежцы — по портищу сукна настрафиля лазоревого, — за то, что провожали посланников в Турцию Солового Протасьева и дьяка Михаила Данилова до Стамбула и вернулись в Москву с отписками от них.

25

Атаман (донской?) Шибай Палицын и казак Матвей Остроухов, по памяти из РП, получили на КД жалование за службу и «донскую посылку»: атаман — портище сукна настрафиля лазоревого, казак — портище сукна настрафиля лазоревого.

26

Волжские (волские) казаки Потап Недоросток, Борис Кононов, Федор Константинов и Иван Андреев получили на КД по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Март

7

Волжский (волской) атаман Игнатий Бедрищев (Бердрищев) и казак (волжский, его станицы?) Назар Иванов, по памяти из ПП, получили на КД «на отпуске» по портищу сукна настрафиля лазоревого.

11

Донской атаман Григорий Долгий (Долгово, Долгошея), по памяти из ПП, получил на КД жалование «на отпуске» — портище сукна настрафиля лазоревого.

203

Донской атаман Игнатий Бедрищев и казак его станицы Назар Иванов, по памяти из ПП, получили на КД «на отпуске» по портищу сукна : атаман — настрафиль червчатый, казак — настрафиль лазоревый.

Яицкий казачий атаман Тохтамыш (Тахтамыш) Семенов и яицкие казаки Осташ (Астафий, Остап ?) Васильев и Дружина Самсонов получили на КД «за службу»: атаман — по портищу сукна багреца и камки адамашки зеленой, а казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого и по тафте немецкой зеленой .

Апрель

7

Яицкий казачий атаман Тахтамыш Семенов и яицкий казак Осташ (Астафий, Остап ?) Васильев получили на КД по портищу сукна английского лазоревого «на отпуске».
Яицкий казак Дружина Самсонов получил на КД «на отпуске» портище сукна английского лазоревого.

Май

21

6 донских казаков Семен Никифоров и Иван Мещеряков с товарищами, по памяти из РП, получили на КД жалованье за взятых языков — по портищу сукна английского лазоревого или зеленого.

Июль

14

Донской атаман Денис Иванов, по памяти из ПП, получил на КД жалованье: по портищу сукна настрафиля лазоревого и тафты желтой.

7123-й г.
Сентябрь
11

Терские станичники терский жилец Павлин Дуров, терский атаман казачий Иван (Иванка) Кондратьев, казаки его станицы Тарас Васильев, Лукьян Романов, терские стрельцы Нагай Федоров москвитин, Дмитрий Дмитриев, Василий Никифоров (Микифоров), Григорий Иванов москвитин, Андрей Яковлев москвитин, пятидесятник Иван Абросимов галичанин, Никифор (Микифорка) Филиппов сын ярославец, десятник Тихон Семенов сын москвитин, Осип (Оська) Минин, Епифан Пушкарь, Агапит Федотьев, казанские стрельцы терские годовальщики Сергей Фролов и Степан Никитин (Микитин) — получили на КД 17 портищ сукон лазоревых, голубых, зеленых — «за службу и за выход»

20

Донской атаман Денис Иванов, по памяти из ПП, получил на КД жалованье — портище сукна настрафилю зеленого, цена по четырнатцать алтын по пять денег аршин, купли прошлого сто двадесят втораго году.

30

Яицкий казак Марк Есин получил на КД портище сукна настрафиля доброго мурамно-зеленого.

Октябрь
5

Донские атаманы Карп Иванов и Петр Вострая Игла вместе с воронежским беломестным атаманом Дружиной Бобровым и с донскими казаками Иваном Путятинным и Ларионом (Ларей) Чернышовым, по памяти из ПП, получили на

КД жалованье за приезд с Дона от атаманов с отписками про посланников в Турцию Солового Протасьева и Михаила Данилова: 2 портища тафты бурской — червчатой и рудо-желтой, 2 портища сукна настрафиля лазоревого и 2 портища сукна среднего английского лазоревого.

11

Донские атаманы Карп Иванов и Петр Вострая Сабля и воронежский беломестный атаман Дружина Бобров с донскими казаками Иваном Путятиным и Ларионом (Ларей) Чернышевым, по памяти из ПП, получили на КД жалованье «на отпуске»: атаманы — по портищу сукна настрафиля светло-зеленого, казаки — по портищу сукна английского лазоревого средние земли.

24

Служащий по Шацку (шатченин) донской казак Осип Павлов вместе с ряжским казаком Авраамом Григорьевым и 6 белевскими казаками Дмитрием Кошавцовым с товарищами, по памяти из РП, как «турские полоненики» получили на КД жалованье «за выход»: первые — по портищу сукна настрафиля светло-зеленого, белевцы — по портищу сукна настрафиля сизого «средние земли».

Ноябрь

30

Донской казак Семен Никифоров (Микифоров), по памяти из РП, получил на КД жалованье «за службу и за вести» — за сукно среднее денгами 1,5 руб.

Декабрь

2

Донской казак Семен Никифоров (Микифоров), по памяти из РП, получил на КД жалование за службу и за вести — деньги за сукно среднее.

Донской атаман Григорий Долгой (Долгово, Долгошея) с 2 казаками своей станицы Иевом Басовым и Гаврилой Провоторховым, по памяти из ПП, получили на КД жалованье за сопровождение посланника Солового Протасьева — по портищу сукон: атаман — настрафиля светло-зеленого, казаки — лятчины лазоревой.

Новокрещен Савка (Савва, Савелий ?) Иванов и яицкий казак Григорий Насонов получили на КД по портищу сукна настрафиля светло-зеленого: новокрещен — за Смоленскую службу и за литовской полон», а казак — «за Яицкую службу и за выход».

1615 г.
Февраль
11

Донской атаман Мартын Быков с донскими казаками Федотом Тихоновым и Семеном Тулениным, по памяти из ПП, получил на КД жалованье за проезд к Москве отписками и вестями: атаман — портище тафты бурской рудо-желтой, и все — по портищу сукна английского мурамно-зеленого.

Донской атаман Мартын Быковский с казаками Семеном Туленином и Федотом Алановым, по памяти из ПП, получили на КД жалованье: атаман — портище сукна настрафиля лазоревоего, казаки за сукна — деньгами.

Март

1

Донские казаки Семен Туленин и Федот Оханов (Тихонов?), по памяти за приписью диака Савы Романчукова, получили на КД жалованье — деньги за сукно среднее.

Апрель

23

Донской атаман Петр Вострая Игла с казаками Ларионом Чернышовом и Семеном Кирилловым, по памяти из ПП, получили на КД жалованье за проезд с Дона с отписками и вестями: атаман — по портищу сукна настрафиля лазоревого и тафты двоеличной, шелк зеленый и вишневый, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Июнь

26

Донской атаман Семен Смурьга, по памяти из Конюшенного приказа, получил на КД жалованье за коня, взятого на царскую конюшню: по портищу камки адамашки червчатой «кругчатой» и сукна настрафиля лазоревого.

Июль

10

Донские атаманы Исай Мартемьянов, Семен Сеченово, Василий Черново, Назар Иванов и Осип Конный (Конново) с 30 казаками Федором Неклюдовым, Василием Дмитриевым, Андреем Косым, Василием Васильевым, Степаном Борисовым, Неупокоем Нелюбовым, Федором (Фетком) Ильиным, Исаем Семеновым, Максимом Григорьевым, Иваном Елизарьевым, Филькой (Филимоном, Филиппом?) Ананьиным, Матвеем Даниловым, Василием Лаврентьевым, Тимофеем Дементьевым, Мартином Назарьевым,

Томилой Малофеевым, Панкратием (Панкой) Коломниным, Михаилом Болдырем, Федором Ларионовым, Иваном Стародубовым, Иваном Еремеевым, Ефремом (Офремкой) Емельяновым (Омельяновым), Михаилом Федоровым, Степаном Павловым, Андреем Васильевым, Кузьмой (Куской) Охановым, Савелием Агафановым, Михаилом Котопиловым, Иваном Сободем, Петром Лобом, по памяти из ПП, получили на КД жалованье: атаманы — по портищу камки адамашки червчатой и сукна настрафиля лазоревого; казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Август

9

Донские атаманы Семен Окулов, Андрей Яропчиков, Буяк Татаринов (Тотаринов) с казаками Суханом Илчиным (Илгиным ?), Андреем Вологженином, Ларионом Ртищевым, Иваном Завьяловым, Кондратием Евдокимовым, Петром Мартыновым, Вавилой Кошкаровым, Богданом Алексеевым, Григорием Мироновым, Пантелеем Павловым, Семеном Абрамовым, Андреем Михайловым, Андреем Ивановым, Федором Яковлевым, Первым Изотовым, Евсеем Фроловым, Филькой (Филиппом, Филимом ?) Плужником, Степаном Васильевым по памяти из ПП, получили на КД жалованье за провозание с Дона русских посланников в Турции: атаманы — по портищу сукна настрафиля лазоревого и камки адамашки червчатой; казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого. Атаманы (донские) Мартын Быковский и Денис Иванов, по памяти из ПП, получили на КД жалованье за провозание посланников в Турции с Дона до Москвы: по портищу сукна настрафиля лазоревого.

10

Донской атаман Семен Сеченый (Сеченово, Сеченов) с казаками Максимом Григорьевым и Панкратом (Панкой)

Коломнениным, по памяти из ПП, получили на КД жалованье «для донской службы»: атаман — дараги червчатые и все трое — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

16

В числе 17 турецких пленников из служилых и тяглых людей (включая вдову Федора Воейкова Василису) 10 уездов, по памяти из ПП, получил на КД жалованье за службу и «полонское терпение» донской казак Никита (Микитка) Калинин — портище сукна настрафиля лазоревого.

20

Донской казак Федор Полуэктов (Полухтов), по памяти из ПП, получил на КД жалованье за турецкий плен и за «выход» — портище сукна настрафиля лазоревого.

31

52 донских атамана Исай Мартемьянов, Василий Черный, Назар Иванов, Осип Конный (Конново), Семен Окулов (Акулов), Андрей Репчуков, Мартын Быковский, Денис Иванов с товарищами, по памяти из ПП, получили на КД жалованье на отпуске — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7124-й г.
Сентябрь
2

Донской казак Наум Иванов получил на КД жалованье за турецкий плен — портище сукна настрафиля лазоревого.

Октябрь
10

Астраханские и терские станичники астраханский сын боярский Василий Аристов, терский атаман Родион Черный

(Чорной), казаки его станицы Михаил Юрьев, Богдан Петров, Борис Иванов, Матвей Иванов, Иван Иванову, Иван Иевлев, Емельян Борисов, Матвей Якимов (Екимов), Левка (Лев, Леонтий ?) Никифоров (Микифоров), Афанасий Елисеев, терский вож Иван (Иванка) Петров, казанский пятидесятник Дружина Калужанин, астраханский пушкарь Василий Федоров и вышедший из «черкасского» плена мценский сын боярский Томила Мишков получили на КД жалованье «за службу»: астраханец — портище тафты двоеличной, шелк таусинный и червчатый; атаман — по портищу сукна настрафиля лазоревого и тафты двоеличной, шелк вишневый и зеленый; 14 остальных станичников — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Декабрь

3

Атаманы (донской,) Григорий Долгошея (Долгово) и Артемий Плохово получили на КД по портищу сукна настрафиля лазоревого и по дарагам (рудо-желтые и червчатые) «за выход».

1616 г.

Январь

21

Донской атаман Григорий Долгой (Долгово) получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого «за рану и за изрон».

Февраль

23

Атаманы (донские) Григорий Долгой (Долгово) и Артемий Плохово (Плохой) получили на КД по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Июнь

22

Донской казак Елистрат Савельев получил на КД жалованье — по портищу тафты немецкой лазоревой и сукна английского темно-синего.

Июль

10

Донской атаман Дружина Трубников вместе с казаками Иваном Левонтьевым, Андреем Ивановым, Иваном Тимофеевым, Абрамом Пыхановым, Насоном Ивановым получили на КД жалованье: атаман — портище камки немецкой, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревоего.

«Уднетцкий» (донецкий ?) атаман Дмитрий (Митька) Сабыкин получил на КД жалованье «за вожество» — по портищу сукна настрафиля лазоревоего и тафты немецкой желтой.

20

Донской атаман Дружина Трубников с казаками Иваном Левонтьевым, Андреем Ивановым, Иваном Тимофеевым, Насоном Ивановым, Абрамом Пыхановым, Василием Левонтьевым, Ильей Семеновым получили на КД жалованье — по портищу сукна настрафиля лазоревоего.

22

Донской атаман Матвей Данилов получил на КД жалованье — портище сукна настрафиля лазоревоего.

Август

5

Донские атаманы Иван Мокринский, Василий Ворохобин (Ворохибин) и запорожский атаман Максим Михайлов

с 7 донскими казаками Федором Максимовым, Карпиком Анисимовым, Климом и Иваном Максимовым, Самойлом Девесиловым, Тарасом Афанасьевым, Олфимом (Ефимом) Мартиновым получили на КД жалованье «за запорожскую службу»: атаманы — по портищу камки адамашки червчатой да по дарагам, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого, да все 10 — по портищу сукна английского темно-зеленого и темно-синего.

18

Донские атаманы Иван Мокринский и Василий Ворохобин да запорожский атаман Максим Михайлов с казаками (донскими) Федором Максимовым, Карпом Анисимовым, Тарасом Яковлевым, Иваном и Климом Максимовыми, Ефимом (Олфимкой) Мартиновым и Самойлом Девесиловым, по памяти от 15 августа, получили на КД жалованье — по портищу сукна английского багрового.

21

Донские атаманы Иван Мокринский, Василий Ворохобин и запорожский атаман Максим Михайлов получили на КД жалованье «за лошади и за изрон»: по сороку куниц, по 10 руб. сорок.

7125-й г.

1617 г.

Апрель

27

Терский казак Иван (?) получил на КД «за взятых трех литвинов» портище сукна английского багрового.

213

Май

6

Терский атаман Селиван Пирогов получил на КД портище сукна настрафиля лазоревого за нагайский плен и «за выход».

Август

11

Атаман (донской) Андрей Репчюков и казаки его станицы Василий Хоперский, Неупокон Ефимьев, Михаил Пещеров, Мартын Побежимов, Федор Кондратьев, Клим Усачов, Гаврила Иванов получили на КД жалованье: атаман — дороги зеленые и все шестеро — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7126-й г.

1618 г.

Январь

30

Донской казак Поздняк (Позняк) Рудаков вместе с воронежскими беломесными атаманами Карпом Мунатцким и Дружиной Бобровым получили на КД жалованье — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Февраль

12

Донецкие казаки, служащие по Белгороду Алексей Охлябинин (Охлебинин) и Михаил Болотов получили на КД жалованье за плен и выход из него: первый за турецкий, второй за нагайский — по портищу сукна лятчны лазоревой, а А. Охлябинин еще и за «белгородскую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

Май

25

Терские станичники сын боярский Иван Киреев и пятидесятник конных стрельцов Богдан Емельянов (Омельянов), пятидесятник пеших стрельцов Иван Кузьмин, служилый казак Терентий (Тренька) Борисов получили на КД за службу и «за станичной выход»: сын боярский — дараги червчатые и портище сукна настрафила лазоревого, остальные станичники — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Июнь

5

Донской казак Тит Мигулин вместе с елецким сыном боярским Михаилом Кирилловым, по памяти от 31 мая, получили на КД жалованье за плен и выход из него — по портищу сукна настрафила багрового.

7127-й г.

Ноябрь

9

Донской атаман Андрей Ряпчюков и 27 чел. его станицы есаул Иван Гаврилов сын Камарицкий, казаки Найденов сын Рябой, Иван Филиппов, Семен Иванов, Василий Пешеходов, Семой Ушаков, Григорий Макаров, Федор Яковлев, Павел Вепринцов, Федор Грановитый, Богдан Прокофьев, Ананий Иванов, Лукьян Петров, Семен Семенов, Семен Федоров, Петр Яковлев, Ерофей Чеботов, Лаврентий Иванов, Парфений Микулин, Анисим Сергеев, Русин Иванов, Поликарп Анисимов, Федор Дементьев, Кирилл Иванов, Клементий Гаврилов, Фома Кузьмин, Тимофей Данилов, по царскому имянному приказу, получили на КД жалованье за службу: «что они сидели на Ворожеве от полских и от литовских людей и от черкас

в осаде»: атаман — по портищу сукна английского темно-синего и камки двоеличной, шолк алый и белый, а есаул и 26 казаков — по портищу сукна настрафиля лазоревского.

Декабрь

28

Атаман (донской) Мартын Егорский получил на КД за взятого языка жалованье — портище сукна настрафиля лазоревского.

30

Донской атаман Мартын Егорский и казаки его станицы Михаил Мельшин и Федор Резвый (Резвово) получили на КД жалованье «на отпуске»: атаман — вместо камки желтый «отласец» и портище сукна настрафиля лазоревского, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревского.

1619 г.

Январь

20

Донские атаманы Гаврила Стародубову и Степан Щеголенок, есаул Мартын Побежимов и 28 казаков их станиц Стрига Бритвин, Юрий Иванов, Федор Степанов, Федор Накапкин, Ермолай Борисов, Гаврила Васильев, Василий Федоров, Терентий Федоров, Василий Сабакин, Федор Гайдук, Ананья Терентьев, Иван Ливенец, Ян Федоров, Ларион Ананьин, Терентий Иванов, Назар Кандауров, Сергей Кожехов, Федор Варобьев, Иван Пятой (Пятово), Левонтий (Лев) Архипов, Мирон Татаринов, Иван Попов, Терентий Федоров, Осип Титов, Иван Подшивалин, Харлам Слепой (Слепово), Фрол Фомин, Онуфрий (Оношка) Голубенин, по памяти от 19 января, получили на КД жалованье за службу, «что они по государеве грамоте приехали з Дону

к Москве»: атаманы — по портищу камки адмашки зеленой мелкотравной, есаул — дараги червчатые, и все 31 чел. — по портищу сукна настрафиля лазеревого.

Июль

5

Служивший по Новгородку Северскому донской есаул Миккула Иванов вместе с 5 детьми боярскими Новгородка Северского Василием, Федором, Исаем и Любимом Андреевыми детьми Люшиными, по памяти от 4 июля, получили на КД жалованье за взятых языков: есаул за пленного шляхтича — портище сукна настрафиля лазеревого.

7128-й г.

Ноябрь

16

Донские атаманы Семен Кутузов, Аггей Иванов, Воин Захарьев и 18 казаков их станицы Иван Мяжкой (Мяжково), Владимир Кобузов, Иван Темрин, Проня (Пронька — Прокопий, Прокл, Протасий, Прохор — ?) Сазонов (Созонов), Петр Иванов, Григорий Афанасьев, Михаил Кузмин, Меркурий Иванов, Панкрат Степанов, Василий Григорьев, Ян Никитин (Микитин), Мирон Софонов, Митрофан Иванов, Петр Ильин, Дементей Савельев, Иван Семенов, Максим Михайлов, Панкрат Назарьев, да донские атаманы Андрей Репчюков и Гаврила Стародуб и 14 казаков их станицы Василий Дмитриев, Семен Булатов, Семен Иванов, Федор Грановитый, Федор Иванов, Богдан Прокофьев, Семен Абрамов (Обрамьев), Василий Ермолин, Василий Афанасьев, Сергей Стародубов, Василий Васильев, Алексей Орефьев (Арефьев), Иван Абрамов, Спиридон Афанасьев, да донской атаман Иван Олферьев (Алферьев) и 8 казаков его станицы Иван Савельев, Михаил Харитонов, Тимофей Данилов, Семен Моисеев, Алпат

(Олпатка) Федоров, Никита (Микитка) Иванов, Дмитрий Ермолаев, Тимофей Афанасьев получили на КД жалованье за провожание «з Дону» российских посланников в Турции Петра Мансурова и дьяка Семена Самсонова: атаманы С.Кутузов, А. Иванов и В. Захарьев — по портищу сукна английского темно-синего и камки двоеличной, шелк червчатый и желтый; А. Репчюков и Г. Стародуб — по портищу камки двоеличной, шелк червчатый и желтый; И. Олферьев — по портищу сукна английского темно-синего и тафты виницейки; 40 казаков всех станиц — по портищу сукна настрафила лазоревого.

18

Донские атаманы Андрей Репчюков и Гаврила Стародуб получили на КД жалованье за провожание российских посланников в Турции Петра Мансурова и дьяка Семена Самсонова с Дона до Москвы — по портищу сукна английского темно-синего.

Декабрь

1

Донские казаки Федор Антипов (Онтипов) и Онаш (Анаш — Онуфрий, Ананий ?) Дегтярев (Дехтерев), вместе с ряжским казаком Алексеем Хириным и пронским и михайловским стрельцами получили на КД жалованье за турецкий плен и за выход — по портищу сукна лятчины лазоревой.

1620 г.

Июня

21

Яицкий атаман Тохтамыш Семенов и казаки его станицы Павел Леонтьев, Меркурий Романов, Дементий Трофимов

получили на КД «за яицкой выход» по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7129-й
Ноябрь
4

Донской атаман Исай Мартемьянов и 25 казаков его станицы во главе с Василием Левонтьевым, по памяти от 31 октября, получили на КД жалованье за приезд к Москве: атаман — по портищу камки адамашки лазоревой и сукна аглинсково тмо-синего, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Декабрь
30

Донской сторожевой казак Иван Микляев вместе с ливенским сыном боярским Федором Неустроевым, по памяти от 31 декабря, получили на КД жалованье за плен и выход (казак — из Турции, ливенец — из Крыма): по портищу сукна настрафиля лазоревого.

1621 г.
Февраль
25

Донской атаман Исай Мартемьянов и 28 казаков его станицы Василий Левонтьев, Федор Андреев, Филипп Степанов, Сила Семенов, Иван Бахтеяров, Матвей Андреев, Моисей Казаринов, Василий Столбовский, Булгак Панкратьев (Понкратьев), Иван Сысоев, Максим Михайлов, Артемий Васильев, Яков Лащиллов, Иван Федоров, Петр Исаев, Андрей Столбовский, Казарин Михайлов, Любим Иванов, Тихон Иванов, Нестер Лукин,

Иван Татаринов, Кузьма Степанов, Дружина Петров, Михаил Полянский, Ларион Григорьев, Никифор (Микифор) Ермолаев, Родион Гаврилов, Савва Романов получили на КД жалованье «на отпуске»: атаман — по портищу камки адамашки лазоревой и сукна настрафиля лазоревого, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7130-й год

Сентябрь

29

Донской атаман Епифан (Епиха) Радиллов, есаул Селиван Петров и 33 казака его станицы Максим Фомин, Петр Долгий (Долгово), Осип Панкратьев (Понкратьев), Федор Старик, Никон Спиридонов, Семен Авраамьев, Булгак Панкратьев, Максим Матвеев, Андрей Степанов, Игнат Сысоев, Юрий (Юшка) Михайлов, Савва Кузмин, Степан Васильев, Клим Иванов, Афанасий Иванов, Первой Никитин, Юрий (Юшка) Алифанов (Олифанов), Тимофей Яковлев, Данила Матвеев, Иван Мяжкой (Мяхково), Григорий Иванов, Карп Антонов, Никита (Микита) Васильев, Фома Алексеев, Федор Федоров, Андрей Колюпанов, Степан Кондауров, Яков (Якуш) Агеев, Иван Старечский, Иван Фомин, Мартын Иванов, Иван Новокрещен, Андрей Болдырь получили на КД жалованье за провожание с Дону до Москвы «турского посла и чеушей»: атаман — по портищу камки кармазина червчатой и сукна лундышу белого; есаул — портище сукна английского темно-синего; казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Донской атаман Андрей Репчюков и казаки его станицы Василий Сенечаев, Семен Болдырь, Антон Ермолаев, Михаил Степанов, Михаил Чернушка, Истома Григорьев, Иван Федоров, Иван Савельев получили на КД жалованье за провожание со станицей атамана Епифана Радилова

с Дона до Москвы «турского посла и чаушей» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

1622 г.
Февраль
17

Терские атаманы Артемий Иванов и Леонтий Толстой и казаки их станиц Григорий Артемьев и Иван Иванов получили на КД по портищу сукна настрафиля лазоревого «за Шибутцкую и за всякие за терские службы и за посылки».

Март
24

Донские казаки Булгак Кобузов, Иван Костеревский, Семен Слепой (Слепово) получили на КД жалованье «на отпуске» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Донской атаман Епифан Радилов, есаул Селиван Петров и 27 казаков их станицы Никон Спиридонов, Осип Калинин, Максим Фомин, Афанасий Иванов, Мартын Рыковский, Федор Федоров, Тимофей Яковлев, Ян Агеев, Иван Фомин, Савва Кузмин, Иван Мягкой (Мяхково), Фома Алексеев, Юрий Лиханов, Андрей Степанов, Степан Васильев, Григорий Иванов, Карп Антонов, Степан Данилов, Клим Иванов, Юрий Михайлов, Игнат Сысоев, Максим Матвеев, Петр Долгий (Долгово), Иван Копылов, Андрей Колупанов, Федор Зиновьев, Первой Никитин (Микитин), да атаман Андрей Репчюков (Репчуков) и 7 казаков его станицы Истома Григорьев, Семен (Семунка) Болдырь, Михаил Степанов, Антон Ермолин, Михаил Чернушкин, Иван Федоров, Василий Нечаев получили на КД жалованье «на отпуске»: Е. Радилов — по портищу сукна английского мурамно-зеленого и камки адамашки двоеличной, шолк алый и дымчатый; есаул и казаки станицы

Е. Радилова и атаман А. Репчюков — по портищу сукна кострыша темно-синего; казаки А. Репчюкова — по портищу сукна лятчины лазоревой.

Май

19

Донской казак Онуфрий (Оношка) Иванов, по памяти от 18 мая, получил на КД жалованье за службу — за приезд «з Дону» и за вести — по портищу сукна лундыша вишневого и тафты виницейки лазоревой.

Июль

30

Донские атаманы Василий Кульнев и Филипп Молодой и 19 казаков их станицы Первой Панов, Василий Прокофьев, Федор Андреев, Мещеряк Родивонов, Селиван Федоров, Алексей Петров, Василий Григорьев, Максим Иванов, Игнат Семенов, Кузьма Григорьев, Роман Семенов, Кирилл Богданов, Федор Семенов, Клим Карпов, Михаил Олферов (Алферов?), Дятел Гаврилов, Михаил Полукарпов (Поликарпов?), Иван Семенов, Тимофей Филиппов, по памяти от 26 июля, получили на КД жалованье за службу — за приезд «з Дону с вестовыми языки»: атаманы — по портищу камки адамашки двоеличной и сукна настрафилю лазоревое, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревое.

7131-й г.

Ноябрь

17

Донской казак Василий Григорьев получил на КД жалованье за плен и выход из «Литвы» — портище сукна настрафиля лазоревое.

1623 г.
Март
29

Донской атаман Григорий Пушкин и 4 казака его станицы во главе с Максимом Андреевым, по памяти из ПП, получили на КД жалованье за службу и за приезд к Москве: атаман — портище камки адамашки мелкотравной зеленой, и все пятеро — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7132-й г.
Октябрь
29

Донские атаманы Воин Несветаев (Несвитаев) и Карп Горожанкин и 15 казаков их станиц во главе с Богданом Конинским, по памяти из ПП, получили на КД жалованье за приезд «ото всего Войска Донского» с вестовыми отписками о российских посланников в Турцию Иване Кондыреве и Тихоне Бормосове: атаманы — по портищу камки адамашки двоеличной и сукна английского темно-синего, казаки — по портищу сукна настрафиля лазоревого¹.

Ноябрь
29

Донские атаманы Воин Несветаев (Несвитаев) и Карп Горожанкин и 15 казаков их станиц во главе с Богданом Конинским, по памяти из ПП, получили на КД жалованье «на отпуске»: атаманы — по дарагам разных цветов, и все 17 чел. — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

¹ Запись процитирована И.Е. Забелиным с ошибочной датировкой 29 октября: ДДР. Стб. 354.

Декабрь

1

Терские жильцы дети боярские Селиван Пирогов, Иван Селин, стрелецкий сотник Родион Горбатый (Горбатов) и 3 толмача Карп Володимиров, Лукьян Волошенин и Семен Цыбызга получили на КД жалованье: дети боярские — по портищу сукна английского лазоревого, да 2-м человеком — по дарагам гиянским (по 2 руб.), а третьему в место дараг — тафту немецкую зеленую; а 3-м толмачам — по портищу сукна настрафиля лазоревого — за службу и сопровождение из Терков до Москвы в качестве приставов черкесских и кумыцких мурз.

5

Подьячий ПП Алексей Никитин забрал с КД в ПП жалованье на донских казаков Семена Старкова, Михаила Полянского и Томилу Долгого (Долгово), по памяти из ПП, за их службу: «что они гребли з Дону под посланники, да они же ехали степью» — по портищу сукна настрафиля лазоревого и тафты виницейки дымчатой.

10

Донские казаки Семен Старков, Михаил Полянский и Томила Долгий (Долгово), по памяти из ПП, получили на КД жалованье «на отпуске» за приезд к Москве с толмачами Семеном Лежневым и Никоном Наумовым — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

1624 г.

Январь

31

Донские атаманы Иван Васильев и Федор Коневец (Конищев), есаул Степан Шах и 72 «рядовых» казака их

станец Третьяк Юдин, Абросим (Обросим) Матвеев, Поздняк (Позняк) Аликеев (Оликеев), Абакум (Обакум) Софонов (Сафонов?), Федор Грановатый, Иван Никитин (Микитин), Первой Никитин (Микитин), Сергей Басов, Наум Новокрещен, Максим Наумов, Григорий Березкин (Берескин), Иван Шатров, Прокофий Иванов, Матвей Нос, Павел Иванов, Семен Яковлев, Ефим Григорьев, Дементий Караулов, Меркул (Меркурий?) Иванов, Михаил Иванов, Томила Иванов, Матвей Кузмин, Богдан Клементьев, Савва Шарапов, Никита (Микита) Хоперский (Хаперский), Сидор Комар, Максим Тихонов, Иван Фомин, Иван Суетин, Кондратий Деревягин, Потап Онуфриев, Парфен Иванов, Артем Бочаров, Лукьян Ознобихин (Ознобишин?), Игнатий Быков, Данила Софонову (Сафонов?), Савва Зенин, Григорий Позняков, Карп Кузмин, Поликарп Скороиков, Петр Михайлов (сын) Немен (?), Семен Андреев, Анисим Провоторьев (Провоторов?), Сергей Кузмин, Прокофий Слепой, Осип Сергеев, Григорий Кренин, Степан Парфеньев, Игнатий Резвиков, Селиверст Васильев, Дружина Антиптев (Онтипьев), Семен Болдырь, Кирей Авдеев (Овдеев), Нестер Никитин (Микитин), Матвей Евсеев, Иван Борисов, Иван Клементьев, Прокофий Савельев, Софон Омелянов (Емельянов?), Григорий Алексеев, Дементий (Дема) Филиппов, Тит Григорьев, Василий Петров, Михаил Степанов, Степан Михайлов, Федор Григорьев, Никита (Микита) Наумов, Анисим (Онисим) Васильев, Емельян (Омельян) Клементьев, Артемий Пахомов, Иван Болдырь, по памяти из ПП, получили на КД жалование за провожание «от Войска» с Дона до Москвы российских посланников в Турции Ивана Кондырева и подьячего Тихона Бормосова: атаманы — по портищу камки адамашки двоеличной, шелк червчатый и лазоревый, и сукна английского темно-синего; есаул и рядовые — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Донской есаул Степан Шах и казаки Абросим (Обросим) Матвеев, Поздняк (Позняк) Алексеев, Наум Новокрещен, Иван Шатров и Семен Бодырь, по памяти из ПП, получили на КД жалованье «за то, — посылаемы они на Дон з государевою грамотою к донским атаманом и х казаком наперед государевых посланников наскоро», — по портищу сукна настрафила лазоревого¹.

Донские атаманы Иван Васильев и Федор Конищев (Коневец) и 68 казаков их станиц Федор Грановитый, Абакум (Обакум) Софонов (Сафонов?), Третьяк Юдин, Иван Никитин (Микитин), Первой Никитин (Микитин), Сергей Басов, Максим Наумов, Григорий Березкин (Берескин), Прохор (Пронька) Иванов, Матвей Конос, Панкрат (Панка) Иванов, Семен Яковлев, Ефим Григорьев, Дементий (Демка) Караулов, Томила Иванов, Яков (Якунка) Иванов, Матвей Кузмин, Богдан Клементьев, Савва Шарапов, Никита (Микитка) Хоперский (Хаперский), Сидор Комар, Максим Тихонов, Иван Фомин, Иван Суетин, Кондратий Деревягин, Потап Андреев, Парфен Иванов, Артем Бочаров, Лукьян Ознобихин, Игнат Быков, Данила Софонов (Сафонов), Савва Зекин, Меркул (Меркурий?) Иванов, Григорий Поздняков, Михаил Иванов, Карп Кузмин, Поликарп Скориков, Петр Михайлов, Семен Андреев, Анисим Проторьев, Сергей Кузмин, Прокофий (Пронька) Слепой (Слепово), Осип Сергеев, Григорий Кренин, Степан Парфеньев, Игнат Резвилов, Селиверст Васильев, Дружина Антипов (Онтипов), Кирей Авдеев (Овдеев), Нестер Никитин (Микитин), Матвей Евсеев, Иван

¹ Запись процитирована И.Е. Забелиным: ДДР. Стб. 372–373.

Борисов, Иван Клементьев, Прохор (Пронька) Савельев, Софоний Емельянов (Омельянов), Григорий Алексеев, Фома Алексеев, Дементий (Демка) Филиппьев, Тит Григорьев, Василий Петров, Михаил Степанов, Степан Михайлов, Федор Григорьев, Никита (Микита) Наумов, Анисим Васильев, Емельян (Омельянка) Клементьев, Артем (Ортюшка) Пафомов (Пахомов?), Иван Болдырь (Бордырь), по памяти из ПП от 25 марта, получили на КД жалованье «на отпуске»: атаманы — по портищу камки адамашки двоеличной и сукна кострыша вишневого; казаки — по портищу сукна настрафилю лазревого.

АЛФАВИТ
КАЗАКОВ ДОНСКИХ, ДОНЕЦКИХ, ВОЛЖСКИХ,
ЯИЦКИХ И ТЕРСКИХ,
УПОМИНАЕМЫХ В РАСХОДНЫХ КНИГАХ
КАЗЕННОГО ДВОРА (КД)
В 1613–1624 ГГ.

Атаманы

Бедрищев (Бедрищов, Бердрищев) Игнатий, донской и волжский атаман. 8 января 1614 г. как донской атаман Игнатий Бедрищов, 7 марта 1614 г. как волжский (волской) атаман Игнатий Бердрищев, 18 марта 1614 г. как донской атаман Игнатий Бедрищев.

Быковский (Быков) Мартын, донской атаман. 11 и 20 февраля, 9 и 31 августа 1615 г.

Васильев Иван, донской атаман. 22 февраля 1617 г. (?)¹, 31 января, 30 марта 1624 г.

Ворохобин (Ворохибин) Василий, донской атаман. 5, 18 и 21 августа 1616 г.

¹ Некий атаман Иван Васильев (он же?) и 3 есаула других станиц получили на КД жалование «за полонское терпение».

Вострая Сабля (Вострая Игла) Петр, донской атаман. 5 октября 1614 г. как донской атаман Петр Вострая Игла, 11 октября 1614 г. как донской атаман Петр Вострая Сабля, 23 апреля 1615 г. как донской атаман Петр Вострая Игла.

Горожанкин Карп, донской атаман. 29 октября, 29 ноября 1623 г.

Данилов Матвей, донской атаман. 10 июня 1615 г., 22 июля 1616 г.

Долгий (Долгово, Долгошея, Долгая Шея) Григорий, донской и волжский атаман. 21 февраля 1614 г. как волжский (волской) атаман Григорий Долгошея, 11 марта 1614 г. как донской атаман Григорий Долгой, 11 декабря 1614 г. как донской атаман Григорий Долгой, 3 декабря 1615 г. как атаман Григорий Долгошея, 21 января 1616 г. как донской атаман Григорий Долгой, 23 февраля 1616 г. как атаман Григорий Долгой.

Егорский (Ягорский) Мартын, (донской?) атаман. 28 декабря, 30 декабря 1618 г.

Еропчиков (Яропчиков) Андрей, донской атаман. 9 августа 1615 г.

Захарьев Воин, донской атаман. 16 ноября 1619 г.

Иванов Аггей, донской атаман. 16 ноября 1619 г.

Иванов Артемий (Ортем), терский атаман. 17 февраля 1622 г.

Иванов Денис, донской атаман. 14 июля 1614 г., 20 сентября 1614 г., 26 января, 9 и 31 августа 1615 г., 3 декабря 1617 г. (?)¹.

Иванов Карп, донской атаман. 27 августа, 17 сентября 1613 г., 5 октября 1614 г.

Иванов Назар (Назарий), донской атаман. 8 января 1614 г. как донской казак, 7 марта 1614 г. как волжский казак, 18 марта 1614 г. как донской казак, 10 июля 1615 г. как донской атаман, 31 августа 1615 г. как донской атаман.

¹ Некие атаманы Мурза Елисеев и Денис Иванов получили на КД ткань на 2 знамени.

Кондратьев Иван (Иванка), терский атаман казачий. 11 сентября 1614 г.

Конищев (Коневец) Федор, донской атаман. 31 января 1624 г. как донской атаман Федор Коневец, 30 марта 1624 г. как донской атаман Федор Конищев.

Конный (Конново) Осип, донской атаман. 10 июля, 31 августа 1615 г.

Кульнев Василий, донской атаман. 30 июля 1622 г.

Кутузов Семен, донской атаман. 16 ноября 1619 г.

Мартемьянов Исай, донской атаман¹. 10 июля, 31 августа 1615 г., 25 февраля 1621 г.

Мокринский Иван, донской атаман. 5, 18 и 21 августа 1616 г.

Молодой (Молодово) Филипп, донской атаман. 30 июля 1622 г.

Москвитин Иван, донской атаман. 27 августа, 17 сентября 1613 г. 25 июня 1617 г. (?)², 9 июля 1617 г. (?)³. 3 августа 1617 г. (?)⁴. 7 сентября 1617 г. (?)⁵. 8 октября 1617 г. (?)⁶. 7 февраля 1618 г. (?)⁷.

Несветаев (Несвитаев) Воин, донской атаман. 29 октября, 29 ноября 1623 г.

Окулов (Акулов) Семен, донской атаман. 9 и 31 августа 1615 г.

¹ См. биографическую справку о нем: Исай Мартемьянов // *Астапенко М.* Донские казачьи атаманы. Исторические очерки-биографии (1550–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 2012. С. 48–51.

² Казак станицы некоего атамана Ивана Москвитина получил на КД жалованье за выход из плена.

³ Атаман Иван Москвитин получил на КД ткань на знамя.

⁴ Казак станицы Ивана Москвитина получил на КД жалованье за плен и выход.

⁵ Атаман И. Москвитин и 3 казака его станицы получили на КД жалованье за взятых языков.

⁶ Казак станицы Ивана Москвитина получил на КД жалованье за плен и выход.

⁷ Атаманы Иван Москвитин и Дружина Белов получили на КД жалованье за взятых языков.

- Олферьев (Алферьев) Иван**, донской атаман. 16 ноября 1619 г.
- Палицын Шибай**, атаман (донской?). 25 февраля 1614 г.
- Пирогов Селиван**, терский атаман, потом — терский жалец сын боярский. 6 мая 1617 г., 1 декабря 1623 г.
- Плохово (Плохой) Артемий (Артем, Ортем)**, донской атаман. 3 декабря 1615 г., 23 февраля 1616 г.
- Пушкин Григорий**, донской атаман. 29 марта 1623 г.
- Радилов (Родилов) Епифан (Епиха) Иванов сын**, донской атаман¹. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Ряпчуков (Репчуков, Репчуков, Ретюков) Андрей**, донской атаман. 27 августа, 17 сентября 1613 г., 31 августа 1615 г., 11 августа 1617 г., 9 ноября 1618 г., 16, 18 ноября 1619 г., 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Сабыкин Дмитрий (Митька)**, «уднецкий» (донецкий ?) атаман. 10 июля 1616 г.
- Семенов Тохтамыш (Тахтамыш, Токтамыш)**, яицкий казачий атаман. 23 марта 1614 г., 7 апреля 1614 г., 21 июня 1620 г.
- Сеченый (Сеченово, Сеченов) Семен**, донской атаман. 10 июля 1615 г.
- Смага, см.: Чертенский
- Смурыга Семен**, донской атаман. 26 июня 1615 г.
- Стародуб (Стародубов) Гаврила**, донской атаман. 20 января, 16 ноября 1619 г.
- Татаринов (Тотаринов) Буяк**, донской атаман. 9 августа 1615 г.
- Толстой Леонтий (Левонтий)**, терский атаман. 17 февраля 1622 г.
- Трубников Дружина**, донской атаман. 10 и 20 июля 1616 г.
- Черный (Черново, Чернов) Василий**, донской атаман. 10 июля, 31 августа 1615 г.
- Черный (Черной) Родион**, терский атаман. 10 октября 1615 г.

¹См. биографическую справку о нем: Епифан Иванович Родилов // *Астапенко М.* Донские казачьи атаманы. Исторические очерки-биографии (1550–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 2012. С. 44–48.

Чертенский Смага Степанов сын, донской атаман¹. 17 сентября как донской атаман Смага.

Щеголенок Степан, донской атаман. 20 января 1619 г.

Ягорский, см: Егорский

Яропчиков, см.: Еропчиков

Есаулы

Иванов Николай (Микула), донской есаул, служивший по Новгородку Северскому. 5 июля 1619 г.

Камарицкий (Комаритский ?) Иван Гаврилов сын, донской есаул станицы атамана Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.

Петров Селиван, донской есаул станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 21 марта 1622 г.

Побежимов Мартын, казак станицы Андрея Репчукова, потом — донской есаул станицы Гаврилы Стародубова. 11 августа 1617 г. как казак, 20 января 1619 г. как есаул.

Шах Степан, донской есаул станицы Ивана Васильева. 31 января, 18 марта 1624 г.

Казак

Абрамов (Обрамов) Иван, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.

Абрамов (Обрамов) Семен, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.

Абрамьев (Обрамьев, Абрамов?) Семен, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.

¹ См. биографическую справку о нем: Иван Степанович Чершенский (Чертенский) // *Астапенко М.* Донские казачьи атаманы. Исторические очерки-биографии (1550–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 2012. С. 37–40.

- Авдеев (Овдеев) Кирей**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Авраамьев (Аврамьев, Абрамов?) Семен**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Агафанов Савелий**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Агеев Яков (Якуш)**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Агеев Ян**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.
- Алексеев Богдан**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Алексеев Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Алексеев (Аликеев, Оликеев) Поздняк (Позняк)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?) и есаула Степана Шаха. 31 января, 18 марта 1624 г.
- Алексеев Фома**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта 1624 г.
- Алексеев Фома**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Аликеев Поздняк, см.: Алексеев
- Алифанов (Олифанов) Юрий (Юшка)**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Ананьин Ларион**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Ананьин Филька (Филимон, Филипп?)** донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

- Андреев Иван**, волжский («волской») казак. 26 февраля 1614 г.
- Андреев Максим**, донской казак станицы Григория Пушкина. 29 марта 1623 г.
- Андреев Матвей**, донской казак станицы Исаея Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Андреев Потап**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта 1624 г.
- Андреев Семен**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Андреев Федор**, донской казак станицы Исаея Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Андреев Федор**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Анисимов Карп (Карпик)**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 и 18 августа 1616 г.
- Анисимов Поликарп**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Антипов (Онтипов) Федор**, донской казак. 1 декабря 1619 г., как «турецкий полоняник».
- Антипьев (Онтипьев) Дружина**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Антонов Карп**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Арефьев, см.: Орефьев
- Артемьев Григорий**, терский казак станицы Артемия Иванова или Леонтия Толстого. 17 февраля 1622 г.
- Архипов Леонтий (Левонтий, Лев)**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Афанасьев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.

- Афанасьев Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Афанасьев Иван**, казак донской проезжей станицы атаманов Ивана Москвитина, Андрею Репчюкова, Карпа Иванова. 27 августа 1613 г.
- Афанасьев Михаил**, казак донской проезжей станицы атаманов Ивана Москвитина, Андрею Репчюкова, Карпа Иванова. 27 августа 1613 г.
- Афанасьев Спиридон**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Афанасьев Тарас**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 и 18 августа 1616 г.
- Афанасьев Тимофей**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Басов Иев**, донской казак станицы Григория Долгого. 11 декабря 1614 г.
- Басов Сергей**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Бахтеяров Иван**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Березкин (Берескин) Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Богданов Кирилл**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Болдырь Андрей**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Болдырь (Бордырь) Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта, 31 января 1624 г.
- Болдырь Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

- Болдырь Семен (Семунка)**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Болдырь Семен**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?) и есаула Степана Шаха. 31 января, 18 марта 1624 г.
- Болотов Михаил**, донецкий казак, служащий по Белгороду. 12 февраля 1618 г., «как ногайский полоненик».
- Борисов Емельян**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Борисов Ермолай**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Борисов Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Борисов Степан**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Борисов Терентий (Тренька)**, терский «служилый казак». 25 мая 1618 г.
- Бочаров Артем**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Бритвин Стрига**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Булатов Семен**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Быков Игнатий (Игнат)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта, 31 января 1624 г.
- Васильев Андрей**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Васильев Анисим (Онисим)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Васильев Артемий**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.

- Васильев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Васильев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Васильев Гаврила**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Васильев Никита (Микита)**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Васильев Остап (Астафий, Остап ?)**, яицкий казак станицы Тохтамышы Семенова. 23 марта, 7 апреля 1614 г.
- Васильев Селиверст**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Коницева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Васильев Степан**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Васильев Степан**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Васильев Тарас**, терский казак станицы Ивана Кондратьева. 11 сентября 1614 г.
- Вепринцев (Вепринцов) Павел**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Вологженин Андрей**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Воробьев (Варобьев) Федор**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Гаврилов Дятел**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Гаврилов Клементий**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Гаврилов Родион**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Гайдук Федор**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

- Голубенин Онуфрий (Оношка)**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Грановитый (Грановатый) Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Грановитый Федор**, донской казак проезжей станицы Андрея Репчукова. 9 ноября 1618 г., 16 ноября 1619 г.
- Григорьев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Григорьев Василий**, донской казак. 17 ноября 1622 г., как «литовский полоняник».
- Григорьев Василий**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Григорьев Ефим**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Григорьев Истома**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Григорьев Кузьма**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Григорьев Ларион**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Григорьев Максим**, донской казак станицы Семена Сеченого. 10 июля и 10 августа 1615 г.
- Григорьев Тит**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Григорьев Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Данилов Матвей**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Данилов Степан**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.

- Данилов Тимофей**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г., 16 ноября 1619 г.
- Девясилов (Девесилов) Самойла**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 и 18 августа 1616 г.
- Дегтярев (Дехтерев), Онаш (Анаш — Онуфрий, Ананий?)**, донской казак. 1 декабря 1619 г., как «турецкий полоняник».
- Дементьев Тимофей**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Дементьев Федор**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Деревягин Кондратий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Дехтерев, см.: Дегтярев
- Дмитриев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Дмитриев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Долгий (Долгово) Петр**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Долгий (Долгово) Томила**, донской казак. 5 и 10 декабря 1623 г.
- Евдокимов Кондратий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Евсевьев Матвей**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Елизарьев Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

Елисеев Афанасий, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.

Емельянов (Омельянов) Ефрем (Офремка), донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

Емельянов (Омельянов) Софоний (Софон), донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Еремеев Иван, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

Ермолаев Антон, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г.

Ермолаев Дмитрий, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.

Ермолаев Никифор (Микифор), донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.

Ермолин Антон, донской казак станицы Андрея Репчукова. 24 марта 1622 г.

Ермолин Василий, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.

Есин Марк, яицкий казак. 30 сентября 1614 г.

Ефимьев Неупокой, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.

Завьялов Иван, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.

Зекин Савва, см.: Зенин

Зенин (Зекин) Савва, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Зиновьев Федор, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.

Иван (?), терский казак. 27 апреля 1617 г.

- Иванов Ананий**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Иванов Андрей**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Иванов Андрей**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Иванов Афанасий**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Иванов Борис**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Иванов Гаврила**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.
- Иванов Григорий**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Иванов Иван**, терский казак станицы Артемия Иванова или Леонтия Толстого. 17 февраля 1622 г.
- Иванов Иван**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Иванов Кирилл**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Иванов Клим**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Иванов Лаврентий**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Иванов Любим**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Иванов Максим**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Иванов Мартын**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Иванов Матвей**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Иванов Меркул (Меркурий?)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

- Иванов Меркурий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Иванов Митрофан**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Иванов Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Иванов Назар**, донской и волжский казак станицы Игнатия Бедрищева. 8 января, 7 и 18 марта 1614 г.
- Иванов Насон**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Иванов Наум**, донской казак. 2 сентября 1615 г. как «турецкий полоненик».
- Иванов Никита (Микитка)**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Иванов Онуфрий (Оношка)**, донской казак. 19 мая 1622 г.
- Иванов Павел (Панка)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Иванов Парфен**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Иванов Петр**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Иванов Прокофий (Пронька)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Иванов Русин**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Иванов Семен**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г., 16 ноября 1619 г.
- Иванов Терентий**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

- Иванов Тихон**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Иванов Томила**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Иванов Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Иванов Юрий**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Иванов Яков (Якунка)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта 1624 г.
- Иевлев Иван**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Изотов Первый**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Илчин (Илгин?) Сухан**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Ильин Петр**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Ильин Федором (Фетком)**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Исаев Петр**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Казаринов Моисей**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Калинин Никита (Микита)**, донской казак. 16 августа 1615 г., как «турецкий пленник».
- Калинин Осип**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.

Кандауров (Кондауров) Назар, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

Кандауров (Кондауров) Степан, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.

Караулов Дементий (Демка), донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Карпов Клим, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.

Кашкаров, см.: Кошкаров

Кириллов Семен, донской атаман станицы Петра Вострой Иглы. 23 апреля 1615 г.

Клементьев Богдан, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Клементьев Емельян (Омельян, Омельянка), донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Клементьев Иван, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Кобузов Булгак, донской казак. 24 марта 1622 г.

Кобузов Владимир, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.

Кожехов Сергей, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

Коломнин Панкрат (Панкратий, Панка), донской казак станицы Семена Сеченого. 10 июля 1615 г., 10 августа 1615 г.

Колупанов (Колюпанов) Андрей, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.

Комар Сидор, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Кондауров, см.: Кандауров

- Кондратьев Федор**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.
- Конинский Богдан**, донской казак станицы Воина Несвитаева или Карпа Горожанкина. 29 ноября 1623 г.
- Кононов Борис**, волжский («волской») казак. 26 февраля 1614 г.
- Конос Матвей, см.: Нос
- Константинов Федор**, волжский («волской») казак. 26 февраля 1614 г.
- Копылов Иван**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.
- Косой Андрей**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Костеревский Иван**, донской казак. 24 марта 1622 г.
- Котопилов Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Кошкарров (Кашкарров) Вавила**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Крнев Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Кузмин Карп**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Кузмин Матвей**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Кузмин Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Кузмин Савва**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.

- Кузмин Сергей**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Кузмин Фома**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Лаврентьев Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Ларионов Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Лацилов Яков**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Леонтьев (Левонтьев) Василий**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 4 ноября 1620 г., 25 февраля 1621 г.
- Леонтьев (Левонтьев) Иван**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Леонтьев (Левонтьев) Павел (Павлик)**, яицкий казак станицы Тохтамыша Семенова. 21 июня 1620 г.
- Ливенец Иван**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Лиханов Юрий**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.
- Лоб (Лобов) Петр**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Лукин Нестер**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Макаров Григорий**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Максимов Иван**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина, у него брат Клим. 5 и 18 августа 1616 г.
- Максимов Клим**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина, и него брат Иван. 5 и 18 августа 1616 г.

- Максимов Федор**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 и 18 августа 1616 г.
- Малофеев Томила**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Мartiнов Ефим (Олфим, Олфимка)**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 и 18 августа 1616 г.
- Мартынов Петр**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Матвеев Абрoсим (Обросим)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?) и есаула Степана Шаха. 31 января, 18 марта 1624 г.
- Матвеев Данила**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Матвеев Максим**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Мельшин Михаил**, донской казак станицы Мартына Егорского. 30 декабря 1618 г.
- Мещеряков Иван**, казак донской проезжей станицы атаманов Ивана Москвитина, Андрею Репчюкова, Карпа Иванова. 27 августа 1613 г., 21 марта 1614 г.
- Мигулин Тит**, донской казак. 5 июня 1618 г., как «полоняник». Микитин, см. Никитин
- Микляев Иван**, донской казак, служивший «сторожевым». 30 декабря 1620 г., как «турский полоняник».
- Микулин Парфений**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Миронов Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Михайлов Андрей**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.

- Михайлов Казарин**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Михайлов Максим**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Михайлов Максим**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Михайлов Петр**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 30 марта 1624 г.
- Михайлов Степан**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Михайлов Юрий (Юшка)**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Моисеев Семен**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Мягкой (Мяхково) Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Мягкой (Мяхково) Иван**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Назарьев Мартин**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Назарьев Панкрат**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Накапкин Федор**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Насонов Григорий**, яицкий казак. 13 декабря 1614 г.
- Наумов Максим**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Наумов Никита (Микита)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

- Недоросток Потап**, волжский («волской») казак. 26 февраля 1614 г.
- Неклюдов Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Нелюбов Неупокой**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Немен Петр Михайлов (сын)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января 1624 г.
- Нечаев Василий**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 24 марта 1622 г.
- Никитин (Микитин) Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Никитин (Микитин) Нестер**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Никитин (Микитин) Первой**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Никитин (Микитин) Первой**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Никитин (Микитин) Ян**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Никифоров (Микифоров) Левка (Лев, Леонтий ?)**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Никифоров (Микифоров) Семен**, донской казак. 21 марта, 30 ноября, 2 декабря 1614 г.
- Новокрещен Иван**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Новокрещен Наум**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?) и есаула Степана Шаха. 31 января, 18 марта 1624 г.

Нос (Конос) Матвей (Матюшка), донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Ознобихин (Ознобишин?) Лукьян, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.

Оликеев Позняк, см.: Алексеев

Олферов (Алферов?) Михаил, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.

Омельнов, см.: Емельянов

Омельянов, см.: Емельянов

Онтипов, см.: Антипов

Онуфриев Потап, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января 1624 г.

Орефьев (Арефьев) Алексей, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.

Остроухов Матвей, казак (донской ?) станицы Шибая Палицына. 25 февраля 1614 г.

Оханов Кузьма (Куска), донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

Оханов Федот, см.: Тихонов

Охлябинин (Охлебинин) Алексей, донецкий казак, служащий по Белгороду. 12 февраля 1618 г., как «турецкий полоненик».

Павлов Осип, донской казак, служащий по Шацку («шатчанин»). 24 октября 1614 г.

Павлов Пантелей, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.

Павлов Степан, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.

- Панкратьев (Понкратьев) Булгак**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Панкратьев (Понкратьев) Булгак**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Панкратьев (Понкратьев) Осип**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Панов Первой**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Парфеньев Степан**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Пахомов (Пафомов) Артемий (Артем, Ортюшка)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Петров Алексей**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Петров Богдан**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Петров Василий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Петров Дружина**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Петров Лукьян**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Пешеходов Василий**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Пещеров Михаил**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.
- Плужник (Плужников) Филька (Филипп, Филимон?)**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татаринова. 9 августа 1615 г.
- Побежимов Мартын**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.
- Подшивалин Иван**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

- Поздняков (Позняков) Григорий**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Поликарпов (Полукарпов) Михаил**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Полуэктов (Полуехтов) Федор**, донской казак. 20 августа 1615 г.
- Полянский Михаил**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г., 5 и 10 декабря 1623 г.
- Попов Иван**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Провоторхов Гаврила**, донской казак станицы Григория Долгого. 11 декабря 1614 г.
- Првоторьев (Проторьев, Провоторов?) Анисим**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Прокофьев Богдан**, донской казак станицы атаманов Андрея Репчукова. 9 ноября 1618 г., 16 ноября 1619 г.
- Прокофьев Василий**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Проторьев, см. Провоторьев
- Путятин Иван**, донской казак проезжей станицы Карпа Иванова и Петра Вострой Иглы. 5 и 11 октября 1614 г.
- Пыханов Абрам**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Пятой (Пятово) Иван**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Резвиков Игнатий (Игнат)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Резвый (Резвово) Федор**, донской казак станицы Мартына Егорского. 30 декабря 1618 г.
- Родивонов, см.: Родионов
- Родионов (Родивонов) Мещеряк**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.

- Романов Лукьян**, терский казак станицы Ивана Кондратьева. 11 сентября 1614 г.
- Романов Меркурий (Меркушка)**, яицкий казак станицы Тохтамыша Семенова. 21 июня 1620 г.
- Романов Савва**, донской казак станицы Исаея Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Ртищев Ларион**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Рудаков Поздняк (Позняк)**, донской казак. 30 января 1618 г.
- Рыковский Мартын**, донской казак станицы Епифана Радилова. 24 марта 1622 г.
- Рябой Найден Родионов сын**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Савельев Дементий**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Савельев Елистрат**, донской казак. 22 июня 1616 г.
- Савельев Иван**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г.
- Савельев Иван**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Савельев Прокофий (Пронька, Проня)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Сазонов (Созонов) Прокофий (Пронька, Проня)**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Самсонов Дружина**, яицкий казак станицы Тохтамыша Семенова. 23 марта, 7 апреля 1614 г.
- Сафонов, см.: Софонов
- Семенов Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Семенов Иван**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.

- Семенов Игнат**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Семенов Илья**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Семенов Исая**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Семенов Роман**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Семенов Семен**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Семенов Сила (Силантий, Силуан?)**, донской казак станицы Исая Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Семенов Федор**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Сенечаев Василий**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г.
- Сергеев Анисим**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Сергеев Осип**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Скориков Поликарп**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Слепой (Слепово) Прокофий (Пронька)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Слепой (Слепово) Семен**, донской казак. 24 марта 1622 г.
- Слепой (Слепово) Харлам**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Собакин (Сабакин) Василий**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Соболь Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Исая Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Созонов, см.: Сазонов

- Софонов (Сафонов) Абакум (Обакум)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Софонов (Сафонов) Данила**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Софонов (Сафонов) Мирон**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Спиридонов Никон**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Старечский Иван**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Старик Федор**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г.
- Старков Семен**, донской казак. 5 и 10 декабря 1623 г.
- Стародубов Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаия Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Стародубов Сергей**, донской казак проезжей станицы атаманов Андрея Репчукова и Гаврилы Стародуба. 16 ноября 1619 г.
- Степанов Андрей**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Степанов Кузьма**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Степанов Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Степанов Михаил**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Степанов Панкрат**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Степанов Федор**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.

- Степанов Филипп**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Столбовский Андрей**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Столбовский Василий**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Суетин Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Сысоев Иван**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Сысоев Игнат**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Татаринов Иван**, донской казак станицы Исаия Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Татаринов Мирон**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Темрин Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Кутузова, Аггея Иванова и Воина Захарьева. 16 ноября 1619 г.
- Терентьев Ананий (Ананья)**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Тимофеев Иван**, донской казак станицы Дружины Трубникова. 10 и 20 июля 1616 г.
- Титов Осип**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Тиханов, см.: Тихонов
- Тихонов (Тиханов) Максим**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Тихонов (Тиханов, Оханов) Федот**, донской казак станицы Мартына Быкова (Быковского). 11 и 20 февраля, 1 марта 1615 г.
- Трофимов Дементий**, яицкий казак станицы Тохтамышша Семенова. 21 июня 1620 г.
- Туленин Семен**, донской казак станицы Мартына Быкова (Быковского). 11 и 20 февраля, 1 марта 1615 г.

- Усачов Клим**, донской казак станицы Ивана Мокринского или Василия Ворохобина. 5 августа 1616 г.
- Ушаков Семей (Семый, Семен?)**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Федоров Алпат (Олпатка)**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Федоров Василий**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Федоров Иван**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Федоров Иван**, донской казак станицы Исаея Мартемьянова. 25 февраля 1621 г.
- Федоров Михаил**, донской казак проезжей станицы атаманов Исаея Мартемьянова, Семена Сеченого, Василия Черного, Назара Иванова и Осипа Конного. 10 июля 1615 г.
- Федоров Селиван**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Федоров Семен**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Федоров Терентий (Терешка)**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Федоров Терентий (Тренка)**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Федоров Федор**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Федоров Ян**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Филиппов Дементий (Демка, Дема)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Филиппов Иван**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Филиппов Тимофей**, казак станицы Василия Кульнева или Филиппа Молодого. 30 июля 1622 г.
- Филиппьев, см.: Филиппов

- Фомин Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Фомин Иван**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Фомин Максим**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Фомин Фрол**, донской казак станицы Гаврилы Стародубова или Степана Щеголенка. 20 января 1619 г.
- Фролов Евсей**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Харитонов Михаил**, донской казак станицы Ивана Олферьева. 16 ноября 1619 г.
- Хоперский Василий**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 11 августа 1617 г.
- Хоперский (Хаперский) Никита (Микита)**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Чеботов Ерофей**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Чернушка (Чернушкин) Михаил**, донской казак станицы Андрея Репчукова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Чернышов Ларион (Ларя)**, донской казак проезжей станицы Карпа Иванова и Петра Вострой Иглы (!). 5 и 11 октября 1614 г., 23 апреля 1615 г.,
- Шарапов Савва**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Шатров Иван**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?) и есаула Степана Шаха. 31 января, 18 марта 1624 г.
- Щеголев, см.: Щоголев
- Щоголев (Щеголев) Яков (Якуш)**, казак донской проезжей станицы атаманов Ивана Москвитина, Андрею Репчукова, Карпа Иванова. 27 августа 1613 г.

- Юдин Третьяк**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Юрьев Михаил**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Якимов (Екимов) Матвей**, терский казак станицы Родиона Черного. 10 октября 1615 г.
- Яковлев Петр**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.
- Яковлев Семен**, донской казак проезжей станицы атаманов Ивана Васильева и Федора Коневца (Конявца, Конищева?). 31 января, 30 марта 1624 г.
- Яковлев Тимофей**, донской казак станицы Епифана Радилова. 29 сентября 1621 г., 24 марта 1622 г.
- Яковлев Федор**, донской казак проезжей станицы атаманов Семена Окулова, Андрея Яропчикова и Буяка Татарина. 9 августа 1615 г.
- Яковлев Федор**, донской казак станицы Андрея Ряпчукова. 9 ноября 1618 г.

А.В. Малов

ЧАСТЬ II

Казачество в движении России на восток в конце XVI–XVII вв.

В этом разделе речь пойдет об одной из групп не вольного, а *служилого* («городового») казачестве — особой категории населения России XVI–XVII вв., составлявшей вместе со стрельцами и пушкарями группу «чинов», получивших в историографии наименование служилых людей «по прибору» (в отличие от служилых «по отечеству» — детей боярских, дворян и прочих представителей господствующего класса Московского государства).

Терминология в исторической науке часто бывает довольно условной, требующей определенных оговорок и разъяснений. Необходимы они и в данном случае. За Уралом в конце XVI–XVII вв. вооруженные силы состояли не только из городских казаков: там были также стрельцы, пушкари и представители других воинских «чинов». В совокупности все они в документах того времени назывались «служилыми людьми», так что в делопроизводственной документации XVI–XVII вв. как «служилый человек» мог фигурировать любой казак, стрелец или дворянин.

Однако в литературе по истории Сибири того времени все служилые категории нередко объединяются термином «казаки», «казачество», и в этом упрощении есть свой резон. Во-первых, казаки являлись самой многочисленной группой военно-служилого населения Сибири. Во-вторых, после 1701 г., когда официально был упразднен «чин» стрельцов,

казаками постепенно стали называть «оптом» самые разнообразные «чины» в сибирских гарнизонах¹.

На итог этих преобразований обратил внимание в середине XIX в. известный историк, географ и путешественник П.И. Небольсин, отметивший, что «под словом „казаки“... без различия отделов русского войска в Сибири стали называть вообще всех тех, кто по своему положению обязан был с оружием в руках защищать и охранять пределы империи...»².

Но подобные тенденции были заметны в Сибири и раньше. Как уже отмечалось, в отряде Ерофея Хабарова, действовавшем в середине XVII в. на Амуре, все называли себя «казаками», «войском казачьим», хотя в его состав входили и «промышленные», и «гулящие» люди, и «служилые» самых разных чинов и званий³. Видимо, со словом «казаки» у русского человека постепенно стали ассоциироваться наиболее славные, «героико-романтические» страницы своей истории. Примечательна эволюция былинных киевских богатырей, о чем у нас тоже уже шла речь выше: в народном поэтическом творчестве и они превратились в «казаков». По-видимому, зваться «казакom» стало с течением времени более престижно (и более понятно для окружающих), чем служилым другого «чина».

Некоторых обращающихся к истории Сибири исследователей такая терминологическая неопределенность несколько дезориентирует, и они начинают воспринимать сибирских «казаков» и сибирских «служилых людей» XVII в. как два совершенно разных понятия, следствием чего может

¹Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 13; Недбай Ю.Г. Казачество Западной Сибири в эпоху Петра Великого. Омск, 1998. С. 168–169; Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 242–243.

²Небольсин П. Заметки по пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 135.

³Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1841. С. 365–366.

быть, например, появление такой фразы: «За первопроходцами — казаками и промышленниками — во вновь открытые земли Сибири приходили служилые люди...»¹. Во избежание подобных недоразумений, необходимо подчеркнуть, что в данной главе понятия «служилые люди» и «казаки» являются синонимами. Условность такого «терминологического синтеза» в данном случае оправданна как эволюцией служилых «чинов» в Сибири, так и литературной традицией. Такой терминологический подход в принципе не нов: например под «дворянством» в работах по истории России XVI–XVII вв. часто объединяются, помимо собственно дворян («думных», «московских», «городовых»), и дети боярские («дворовые» и «городовые»), и жильцы, и стольники, и другие категории служилых людей «по отечеству»².

* * *

Формирование сибирского казачества происходило на рубеже XVI и XVII вв., а к концу первой четверти XVII в. оно уже представлено в источниках как вполне сложившийся социальный институт со всеми присущими ему атрибутами и компонентами.

Состав этого войска, определяясь источниками комплектования, был довольно пестрым. Прежде всего надо отметить присутствие в нем уцелевших соратников Ермака. К концу его сибирской экспедиции из полутысячной казачьей дружины в живых осталось лишь около сотни человек, которые после гибели своего атамана ушли «на Русь», а в 1586 г. вновь оказались в Сибири, но уже в составе царской

¹ Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2012. С. 26. — Разделение «служилых людей» и «казаков» Сибири характерно и для А.В. Головнёва (*Головнёв А.В. Феномен колонизации. Новосибирск, 2015. С. 505 и др.*)

² См., например: Буганов В.И. Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–33.

рати, отправленной «по государеву указу» продолжать начатое Ермаком дело. Вместе с другими служилыми людьми они ставили за Уралом первые русские города-крепости (Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару, Томск), участвовали в последних боях с ханом Кучумом. Жизнь разметала ермаковых казаков по разным сибирским городам; кое-кому из сподвижников знаменитого атамана пришлось повоевать и «на Руси» — во время событий Смутного времени они сражались против интервентов и «русских воров». А дети и внуки некоторых участников «сибирского взятия» покоряли Восточную Сибирь.

Ряд ермаковых сподвижников добился высоких (для Сибири) чинов и званий — вплоть до получения фактического дворянства, однако большинство так и осталось в рядовом статусе, некоторые вообще кончали свои дни в монастыре или казенной богадельне. Но все они сохраняли высокий авторитет в Сибири. Так, если кому-то из служилых доводилось сражаться вместе с ермаковыми казаками, то в своих челобитных на царское имя они считали необходимым указать на это, а присутствие соратников Ермака среди монастырских постриженников отмечалось даже в официальных документах¹. И этот авторитет еще более возрос с тех пор, как по распоряжению прибывшего в Тобольск в 1621 г. первого сибирского архиепископа Киприана, ознакомившегося с настроениями своих прихожан, Ермака и его павших соратников стали регулярно поминать во время богослужений².

Соратники Ермака, разумеется, не были в Сибири единственными выходцами из вольного казачества. Там

¹ *Никитин Н.И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2001. С. 51–87; *Каменецкий И.П.* Сподвижники Ермака и их потомки на «государевой службе» в Сибири в XVII в. // URL:<http://ruskline.ru>>Архив>...ermaka_i_ih_potomki_na... (Дата обращения — 24.02.2021).

² *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 19–20.

встречались, пожалуй, представители всех казачьих областей. Например, среди строителей Пелыма в 1592 г. был назван донской казак Докучай Иванов, а в «наказе» сургутским воеводам от 1598 г. упоминаются атаман Темиръ Иванов и «его прибору» казаки «терские», «вольские» и «донские». В первой из дошедших до нас «именных книг» Березова (за 1627/28 г.) 19 человек тоже обозначены как «донские казаки», но это, видимо, были лишь остатки той группы донцов, что была направлена в Березов в 1607 г., о чем может свидетельствовать следующая запись в «именной книге» другого города — Тары — за 1625/26 г.: «Казаки пешие ж, которые переведены з Березова, донские, четыре человека...». В 1619 г. в Сибирь были отправлены 19 пленных казаков, ранее вступивших в войско королевича Владислава; их было велено определить в Тобольске в пешие казаки. Там же в 1618–1619 гг. был поверстаны в казачью службу более 40 запорожцев — тоже, видимо, участников уже отгремевшей в России Гражданской войны...¹

Украинские (запорожские и проч.) казаки в документах того времени чаще назывались «черкасами», но могли фигурировать и как «литва», «литвины». Последним термином в Сибири XVII в., однако, обозначали не только и даже не столько украинцев (и тем более литовцев), сколько белорусов, а также других выходцев с территории Речи Посполитой (в просторечии — «Литвы»), в том числе, конечно, и поляков, иногда, правда, выделяемых особо.

Бывшие жители «Литвы» сыграли заметную роль в формировании сибирского казачества. Они упоминаются уже

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. Приложения. № 11; Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 3. С. 122–123; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 4 об.; Кн. 14. Л. 632; Кн. 458. Л. 117; Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII — первая половина XIX вв.) // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 205; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 201.

в числе самых первых «сведенцев», направленных из Европейской России в Сибирь после похода Ермака¹.

Большинство «литвинов», «черкас» и прочих «иноземцев» западного происхождения попадало в Сибирь, конечно, не по своей воле, а в качестве ссыльных. Частые войны с Польшей и в особенности события Смуты начала XVII в. давали много пленных, среди которых оказывались не только представители самых различных социальных слоев Речи Посполитой (шляхта, «челядники»), но и «немцы» из числа наемников. Как правило, хорошо знающие военное дело, они были особенно ценны на далекой восточной окраине Московского государства, откуда и при большом желании было трудно совершить успешный побег, а потому охотно направлялись царской администрацией на службу в Сибирь². Эта прослойка, к началу второй четверти XVII в. местами могла охватывать от 8 до 18 процентов сибирского «войска», но, правда, быстро ассимилировалась, обрусевала. Несколько процентов к общей численности сибирских служилых дали так называемые новокрещены — крестившиеся и поверстанные в службу (а потому тоже быстро обрусевавшие) представители коренных народов Сибири.

Основную же массу воинской силы за Уралом составляли, естественно, «государевы служилые люди» русского происхождения. Самый первый их контингент складывался путем перевода на постоянное или временное житье тех ратных людей, что несли службу в различных (прежде всего ближайших к Сибири) городах Европейской России. Известно,

¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. I. Приложения. № 1; Т. 2. М.; JL., 1941. Приложения. № 72; Акты исторические, собранные и изданные Археологическою комиссиею Т. 2. № 1, 4. Т. 3. № 5; Собрание государственных грамот и договоров..хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1819. Ч. 2. № 85, 197; Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII в. М., 1982. № 1, 3, 8, 155.

² Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 84–85.

например, что Пелым «ставили» пермские городовые казаки (в числе которых, однако, оказались и новоторжцы, и можаитин), а служить в нем остались холмогорцы, вятчане, угличане и даже москвичи¹. Город Березов основали вятчане, пермичи, вымичи и усольцы, Тару — казанцы, пермичи и все те же вятчане...²

Преобладание среди первых «сведенцев» ратных людей из северных гарнизонов несомненно. И в дальнейшем сибирские войска пополнялись прежде всего жителями Русского Севера. На втором же месте здесь обычно находились выходцы из городов Среднего Поволжья. Особенно усилил зауральские гарнизоны перевод в 1630-е гг. примерно тысячи служилых из Великого Устюга, Каргополя, Холмогор, Вологды и Нижнего Новгорода³.

Перевод на службу из Европейской России в Сибирь нередко рассматривался как ссылка — «за вины и прослужки», «в опале», иногда «вместо смертные казни», — и такие ссыльные попадали за Урал из самых различных регионов. Обычной практикой стал также перевод служилых людей по «государеву указу» из «старых» сибирских городов в новопостроенные. Однако уже на начальном этапе формирования сибирского казачества правительство широко использовало для укрепления обороны восточной окраины страны вольнонародную колонизацию, которая в конце XVI–XVII вв. в Сибири тоже была представлена прежде всего и главным образом жителями Русского Севера. Именно там из «вольных гулящих людей» формировали крупные отряды специально для службы в Сибири, и именно из северных, поморских городов и уездов происходило большинство переселявшихся за Урал «своею охотою» лиц, которые

¹ Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 1. Приложения. № 11. Т. 2. Приложения. № 207.

² Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. М., 1987. Ч. I. С. 139–140.

³ Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892.

верстались на «государеву службу» непосредственно на месте¹. Вольные переселенцы были самым важным источником комплектования сибирского казачества до тех пор, пока у служилых людей за Уралом не подрастали собственные дети, которые могли не только заполнить «убылые места» (вакансии) в «войске», но и широко использоваться для формирования новых воинских подразделений.

Итак, сложившееся в конце XVI — начале XVII в. ядро казачества Сибири представляло собой довольно сложный сплав. Численно в нем преобладали служилые люди, либо переведенные за Урал «по государеву указу», в том числе в качестве ссыльных, либо набранные на месте (главным образом из гулящих людей). Абсолютное большинство представителей этой, основной части сибирского «войска» составляли выходцы с Русского Севера и городов Среднего Поволжья. Видную роль в формировании российских вооруженных сил за Уралом в конце XVI — начале XVII в. сыграли и вольные казаки — выходцы с Волги, Яика, Дона, Терека, — а также «литва» и «черкасы», среди которых было много запорожцев. Оказавшись волей или неволей на «государевой службе» в Сибири, вольные казаки, разумеется, утрачивали прежний социальный статус и в правах и обязанностях практически ничем не отличались от основной массы служилого населения региона. Гораздо меньшим был вклад в формирования казачества Сибири со стороны коренных народов края. Все эти источники и принципы комплектования сибирских войск сохранились до XVIII в., не претерпели принципиальных изменений и в более поздние времена, хотя каждый исторический этап и каждый регион, конечно, привносили в способы формирования вооруженных сил за Уралом свою специфику.

¹Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 56–118; Колесников А.Д. С.В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. 1973. С. 166–181; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 89–90.

Военная организация казачества Сибири длительное время была самым непосредственным образом связана с административным делением края, с его управлением. В Москве русской Сибирью вначале по старой памяти «ведал» Посольский приказ, с 1599 г. — Приказ Казанского дворца, а в 1637 г. для управления обширной восточной «украиной» было создано новое центральное учреждение, просуществовавшее до 1763 г. — Сибирский приказ.

Основой административного деления Сибири до XVIII в. являлись, как и по всей России, уезды. Ими управляли воеводы, назначаемые от имени «государя» соответствующим приказом и подотчетные ему же. В крупные административные центры обычно назначали по двое воевод, в небольшие — по одному. Воевода и считался главным начальником для расположенных на территории его «присуда» войск, управлял ими с помощью своей канцелярии («съезжей избы») и «приказных», или «начальных», людей.

Для более оперативного решения дел территория Сибири была постепенно поделена еще и на «разряды», возглавляемые, соответственно, разрядными воеводами — теми, кто «сидел» в главном городе разряда. К концу XVII в. в Тобольский разряд входили Березовский, Верхотурский, Пелымский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский уезды. Томский разряд состоял из Кетского, Кузнецкого, Нарымского, Томского уездов. В Енисейский разряд были объединены Енисейский, Иркутский, Красноярский, Мангазейский (с центром в Туруханске) и Нерчинский уезды. Наиболее же обширный разряд — Ленский — состоял всего из двух уездов — Якутского и Илимского. Самым главным городом Сибири на протяжении всего XVII в. тем не менее оставался Тобольск, и его воеводы «ведали» всеми находившимися за Уралом войсками. Впрочем, четкого разграничения функций тобольского, разрядных и уездных воевод на практике добиться не удалось, и многое в субординации высших должностных лиц на далекой восточной окраине

России зависело от их знатности (родовитости) и просто волевых качеств¹.

При всех сложностях в соподчиненности отдельных сибирских уездов Москве, Тобольску и друг другу, основой объединения служилых людей Сибири и главным звеном в их управлении являлся уездный центр — «город» (или «острог»). Показательно, что в московской делопроизводственной документации редко употребляется выражение «сибирские служилые люди» или «сибирские казаки»: при обобщении чаще писали о «розных сибирских городов служилых людях». Самый же обычный способ локализации служилых людей в XVII в. — по тому городу, в гарнизон которого они входили: «тобольские», «енисейские», «томские» и т.д.

Уездный центр в Сибири XVI — начала XVIII в. был немыслим без гарнизона — пусть даже очень небольшого. Численность этих гарнизонов бывала самой различной — от нескольких десятков человек до двух с лишним тысяч (в Тобольске). Хотя в некоторых городах в течение XVII в. количество служилых людей неуклонно уменьшалось (в Туринске, Сургуте), общей тенденцией до конца столетия было увеличение сибирского войска. Так, в период с конца первой четверти XVII в. до рубежа XVII и XVIII вв. гарнизоны Тобольска, Тюмени, Томска и Кузнецка увеличились примерно в 3 раза, Тары и Верхотурья — в 2 раза. Более чем вдвое к концу столетия возросла с 1628 г. численность служилых людей Красноярска и с 1641 г. — Якутска. В Енисейске (с 1626 г.) гарнизон к концу XVII в. вырос в 5 раз, а в Нерчинске (с 1665 г.) в 8 раз.

Всего на рубеже XVII и XVIII ст. за Уралом насчитывалось более 10 тыс. служилых. При этом в Тобольске к этому времени числилось свыше 2 тыс. ратных людей, в Тюмени, Томске и Якутске — примерно по тысяче, в Таре — около 800; в красноярском гарнизоне было около 650 чел., в енисейском — около 500, в иркутском — около 450, в нерчинском и березовском — более 300, в кузнецком — свыше 250,

¹История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 127.

в сургутском — около 200, в верхотурском — около 150, в илимском — около 100, а совсем мелкие и сравнительно безопасные в военном отношении уездные центры располагали в конце XVII в. и соответственно совсем небольшими гарнизонами — например, в Пельме, Туринске и Нарыме числилось всего по 5–6 десятков ратных людей. В начале же XVIII ст. происходит некоторое сокращение численности казачьего войска Сибири — особенно в удаленных от южной границы гарнизонах¹.

¹ О численности гарнизонов Сибири см.: *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I. С. 478; *Бояришинова З.Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953. С. 34; Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 309–312; *Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А.* Иркутск. (Очерки по истории города). Иркутск, 1958. С. 19; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 49, 69; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С. 31; *Сергеев В.И.* Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 301; *Христовенко Г.А.* К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 159–160; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М., 1978. С. 49–55; *Емельянов Н.Ф.* Военно-административный аппарат Сибири в первой четверти XVIII в. и средства по его содержанию // Из истории Сибири. Вып. 3. Томск, 1971. С. 30–42; *он же.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1982. Ч. 2. С. 187–189; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 29; *Ивонин А.Р.* Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 115–131; *Бродников А.* Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. [Красноярск], 1994. С. 68–74; *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 323; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 37, 55–56; *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2016. С. 18.

За Уралом до XVIII в. служилые люди подразделялись на довольно значительное количество «чинов», в совокупности составлявших вполне определенную иерархию. Высшим для Сибири «чином» считались дворяне и дети боярские — единственная сибирская категория служилых «по отечеству». Первые из них появились (как местный «чин») только к концу XVII в., далеко не во всех городах и в очень незначительном количестве (больше всего дворян в начале XVIII в. имел Тобольск — 18 чел. в 1702 г.). Дети боярские уже исчислялись сотнями (в Тобольске на рубеже веков их было около 270)¹. Несмотря на свое громкое название, это был низший слой господствующего класса, к боярам уже давно не имевший никакого отношения, а близкий дворянам и впоследствии в значительной своей части слившийся с ними. В Европейской России дети боярские по своему положению, случалось, мало чем отличались от рядовой служилой массы (на юге, например, они, не имея крестьян, часто сами обрабатывали свою землю). В Сибири же это, как правило, была «служилая аристократия», занимавшая высшие посты в гарнизонах и выполнявшая наиболее ответственные поручения.

Основная масса сибирских ратных людей являлась служилыми «по прибору» — туда входили казаки, стрельцы, пушкари.

Казаки подразделялись на «конных» и «пеших». Первые в свою очередь делились еще на несколько категорий — собственно «конные казаки», казаки «литовского» («литва») и «новокрещеного» («новокрещены») списков. Впрочем, последние в качестве самостоятельного подразделения встречаются только в Тобольске (30 чел. в 1630, 48 — в 1699 г.), а в других сибирских городах их объединяли в общий список вместе с «литвой» и другими «иноземцами».

В числе «новокрещенов» могли оказаться представители самых различных народов, но преобладали татары.

¹ *Ивонин А.Р.* Численность и состав городских казаков Западной Сибири. С. 130.

Большинство же принятых на «государеву службу» представителей местного тюркского населения, за которым закрепилось название «татары», оставалось в «своей вере». Общая численность «юртовских служилых татар» к концу XVII ст. составляла в Сибири более 500 чел. Они в основном несли конную службу и, сохраняя свои родовые земли, были приписаны к гарнизонам таких городов, как Тобольск, Тюмень, Тара, Томск, Кузнецк, Красноярск.

Наличие специальных «иноземческих» формирований было вообще характерно для этих, «южных» гарнизонов. «Литовские списки» там просуществовали до конца XVII в. — в отличие от некоторых северных городов (Пельма, Сургут, Березова), где были крайне немногочисленны и исчезли еще в первой половине XVII в. — и несли именно конную службу. Численность «литовских списков» и там, разумеется, не была постоянной в течение столетия. В Тобольске конная «литва» насчитывала 116 чел. в 1630 г. и 219 — в 1699 г., в Тюмени соответственно 42 и 115 чел., в Таре — 72 и 222 чел. и т.д. Этнической однородностью эти формирования, однако, при всей своей специфичности не отличались, о чем красноречиво свидетельствуют полные их названия, встречающиеся в приказной документации некоторых городов: «литва и немцы и черкасы и новокрещенные татаровья и черемисы и литовского списку конные казаки» (Тюмень), «литва и черкасы и немцы и новокрещенные и русские люди» (Тара)¹.

«Иноземческие» подразделения могли называть и «списками», и «сотнями», и «станциями», а часто и на иноземный лад — «ротами». С течением времени пестрота наименований здесь уменьшается, ясно отражая ассимиляцию служилых «иноземцев» Сибири: к концу XVII в. их все чаще называли «литовского списка казаками» — так же как русских, которыми из-за отсутствия вакансий в «обычных» подразделениях разбавляли (случалось — до половины) «литовские» и «черкасские» сотни и «роты» практически с момента их оформления за Уралом.

¹ РГАДА. Ф: 214. Кн. 30. Л. 248 об.; Кн. 148. Л. 95.

Собственно «конные казаки», т.е. русские ратные люди конной службы, объединялись в специальные подразделения лишь в гарнизонах, примыкавших в той или иной степени к южной границе Сибири — в тобольском, тюменском, тарском, томском, кузнецком, енисейском, красноярском, иркутском, нерчинском... Назывались эти подразделения либо «станицами», либо «сотнями», а иногда и «приказами», причем связь названий с реальной численностью «списков» прослеживается не всегда. В Тобольске, например, было 70 конных казаков в 1630 г. и 196 — в 1699 г., в Тюмени соответственно, 60 и 151, в Таре — 72 и 101, в Красноярске к концу столетия их число увеличилось с одной сотни до двух и т.д.

Больше и быстрее всего в Сибири в течение XVII в. увеличивалась категория ратных людей пешей службы, наиболее подходящая для сибирских условий в силу своей универсальности и состоявшая из пеших казаков, стрельцов и пушкарей. Последних, правда, насчитывалось мало: на город в зависимости от размеров его гарнизона и стратегического значения приходилось от 1–2 до 10–12 пушкарей. Разновидностью их были «затинщики», состоявшие при особых (крупнокалиберных и очень тяжелых) ружьях — «затинных пищалях», использовавшихся при обороне крепостей и городов. Стрельцы в некоторых (как правило, небольших) гарнизонах — верхотурском, пелымском, туринском, мангазейском — составляли абсолютное большинство служилых людей, в других — тобольском, тюменском, тарском, енисейском — значительную часть (до 30–40 %), но в большинстве сибирских городов не было стрельцов совсем, поэтому в целом по Сибири наиболее многочисленной категорией служилых людей в XVII в. оказались пешие казаки. Стрельцы концентрировались в основном в Западной Сибири, но даже там их к началу XVIII в. было в 2,5 раза меньше, чем пеших казаков. А тех и других в западносибирских гарнизонах на 1702 г. насчитывалось 3 386 чел., в том числе: 1157 — в Тобольске, 509 — в Томске, 486 — в Тюмени, 330 — в Таре,

295 — в Березове, 182 — в Сургуте, 132 — в Кузнецке, 104 — в Верхотурье...¹

Организационно пешие казаки обычно подразделялись на «станции», а стрельцы — на «сотни»; если в гарнизоне насчитывалось несколько станиц или сотен, из них могли составить «приказ». «Полный приказ» должен был насчитывать 500 чел., но точного соответствия десятичной системе, положенной в то время в основу управления войсками, не наблюдалось ни на высшем, ни на низшем уровне. В «сотне», как и в обычно соответствующей ей (по крайней мере у пеших казаков) «станции» в реальности редко бывало ровно 100 чел. «Пятидесятни» («полусотни») и «десятки» также далеко не всегда состояли из 50 и 10 служилых.

Хотя подразделения конных казаков, пеших казаков и стрельцов как бы считались «русскими», принцип этнической однородности и там, разумеется, не соблюдался, и те «иноземцы», что не попали по какой-то причине в «литовские списки» (например, из-за отсутствия в нужный момент вакансии), могли оказаться как в конных казаках, так и в пеших или в стрельцах. Правда, как показывают «перечневые списки» сибирских гарнизонов, «иноземцев» в «русских» подразделениях бывало очень мало (в отличие от русских людей, оказавшихся в «литовских списках») — обычно по несколько человек. «Литвины» и «немцы» встречались и среди пушкарей. Некоторым из ссыльных «иноземцев» вследствие их неблагонадежности вообще предписывалась только «пешая служба» — чтобы затруднить возможность побега². Вероятно, именно по этой причине Красноярск, испытывавший острую нужду в конных служилых, имел пешую «черкасскую полусотню» (в дальнейшем, правда, пополнявшуюся не только «черкасами»)³.

¹ Ивонин А.Р. Численность и состав городских казаков Западной Сибири. С. 116, 130.

² РГАДА. Ф 214. Стб. 25. Л. 91–94.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 70.

Сибирских стрельцов и пеших казаков в делопроизводственной документации часто объединяли, а то и путали друг с другом. И в жизни эти два «чина» нередко сливались, в том числе и организационно — например, в общий «приказ» под единым командованием. Все это отражает фактическое тождество положения казаков и стрельцов в Сибири XVII в.: они не различались ни в служебных обязанностях, ни в жалованье, ни в вооружении, ни в порядке верстания.

В исторической литературе не раз предпринимались попытки объяснить, чем сибирские казаки отличались от сибирских стрельцов (утверждалось, например, что у них было разное вооружение, что стрельцы, в отличие от казаков, были регулярным войском и т.д.)¹, но объяснения эти в основном носили умозрительный характер и противоречили конкретно-историческому материалу, давно введенному в научный оборот².

А материал этот однозначно свидетельствует, что различное наименование двух практически во всем одинаковых служилых «чинов» — городских казаков и стрельцов — в XVII в. явилось, главным образом, данью традиции и было практически лишено реального содержания.

Вполне возможно, что при учреждении стрелецкого войска в середине XVI в. предполагалось большее единообразие в его вооружении и экипировке, а также более строгая дисциплина, чем у казаков, и лишь на практике это оказалось невыполнимым — во всяком случае в провинциальных гарнизонах. Существовало и некоторое различие официально-правового положения обеих групп (по Уложению 1649 г., стрельцов, в отличие от казаков, пушкарей и затинщиков, запрещалось в случае неуплаты долга выдавать головой истцу³).

¹Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1982. С. 66–67; Белов М.И. Мангазея. Л., 1969. С. 113; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. М., 1981. Ч. 2. С. 6.

²Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 34–38.

³Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 62 (Гл. X. С. 265, 266).

Однако главные причины существования в приборном войске двух по-разному называвшихся, но совершенно одинаковых по способам комплектования, окладам жалованья и служебным обязанностям групп, находились прежде всего в ментальной сфере — в традиции, уходящей корнями в те времена, когда только начинала складываться такая категория приборных служилых, как городовые казаки. Тогда в гарнизоны русских городов могли разом включаться целые станицы вольных казаков, и царская администрация поначалу сохраняла за ними их прежнюю войсковую организацию, но позднее стала распространять и на них принятые у «государевых служилых людей» порядки, оставив, однако, специфически казачью терминологию в названиях как должностей («атаманы», «есаулы»), так и самих подразделений, что в дальнейшем стало просто привычкой, хотя, наверняка, долгое время имело для городских казаков и какое-то морально-психологическое значение.

В пользу последнего предположения свидетельствует тот факт, что при комплектовании новых подразделений найти желающих стать казаками обычно бывало легче, чем набрать добровольцев на стрелецкую службу. Видимо, в этом проявлялось еще сохранявшееся в народе представление о более свободном, по сравнению со стрельцами, положении казаков в гарнизонах¹.

* * *

«Начальные люди», с помощью которых воеводы должны были управлять подведомственными гарнизонами, имели, несмотря на однородность своих функций, тоже самые различные наименования — «головы», «сотники», «атаманы», «ротмистры»... Термин «голова» был довольно многозначным. Прежде всего так называли лиц, стоявших во главе казачьих и стрелецких «приказов», объединявших несколько сот человек. В крупных гарнизонах имелись также

¹ Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд. С. 190.

«письменные головы» — чиновники для особых поручений. Кроме того, в документах встречается выражение «сотенные головы» — для обозначения следующего командного звена — сотников, атаманов, ротмистров.

У «голов» имелись свои канцелярии («приказы») с собственными («войсковыми») подьячими и дежурившими там «денщиками». Низший и средний командный состав гарнизонов был представлен «пятидесятниками» (которые у казаков могли называться «есаулами») и «десятьниками».

Судя по сохранившимся «наказным памятям» (инструкциям), «головы» имели право судить подчиненных в небольших исках, контролировали выдачу жалованья, обязаны были «наряжать» служилых людей своего «приказа» на «всякие службы», а «за огурничества (отлынивание от работы. — *Н.Н.*) и за караульное оплошество и по челобитниковым делам и унимая от всякого дурна... чинить наказанье»¹.

Система дисциплинарных наказаний в XVII в. не была четко разработана и, случалось, открывала простор самому необузданному произволу воевод и «начальных людей». Но и в обычной практике управления гарнизонами Сибири преобладали типично феодальные методы дисциплинарного воздействия: заключение на короткий срок в тюрьму, кнут, батоги и просто рукоприкладство².

Строгой разграниченности в правах и обязанностях высших должностных лиц в гарнизонах Сибири (как и других регионов Московского государства) не существовало. Статьи инструкций казачьим и стрелецким «головам» входили основной своей частью в «наказные памяти» воеводам тех же городов (а в небольших гарнизонах воеводы и исполняли все функции «голов»). Эти документы, в частности, предусматривали, чтобы «прибор» казаков на «убылые места» производился «головами» с ведома воевод, фактически же роль

¹ РГАДА. Ф 214. Стб. 977. Л. 2.

² *Никитин Н.И.* О практике управления сибирскими гарнизонами в XVII // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XIX в. М., 1987. С 103–115.

«голов» здесь обычно сводилась к представлению в съезжую избу «сказок» о необходимости заполнения тех или иных вакансий и к подбору на них кандидатов, что могли самостоятельно делать (и делали) не только воеводы, но и нижестоящие представители местной администрации — дьяки и даже подьячие...

Официально брать на службу разрешалось с 15 лет, и хотя на практике бывали случаи верстания с более раннего возраста¹, чаще всего, как показывают «разборные книги», казаками становились в 18–25 лет. Новоприборных казаков следовало «приводить по чиновной книге к вере» (присяге). Необходимым условием верстания являлось поручительство. Казаки обязывались «не изменить», «не сбежати», «никаким воровством не воровати», не проигрывать жалованья и оружия, «над государевою казною поруки никоторой не учинить» и т.д., а поручители отвечали за благонадежность новоприборного служилого своим имуществом. Во вновь образованных станицах и сотнях обычной была круговая порука казаков одного десятка, претенденты же на «выбылые места» находили себе поручителей сами — как правило, среди представителей самых различных «чинов»².

«Государева служба» в Сибири конца XVI — начала XVIII в. была нелегка, опасна, но проблемы с пополнением гарнизонов у воеводской администрации возникали лишь в отдаленных и, как правило, «новых» городах, малопривлекательных для вольных переселенцев из-за хозяйственной неустроенности, суровых климатических условий или военной опасности. В достаточно обжитых уездах недостатка в желающих поступить в казаки обычно не наблюдалось, ибо статус служилого человека в русском обществе той поры был выше, чем крестьянина или посадского. Закономерно поэтому, что всякого рода «разборы» и «сыски», участвовавшие

¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 931, л. 7 об., 31, 38.

² Там же. Стб. 340. Л. 53, 59, 430; Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. № 53 — 1,11; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 262 — I–IV.

в Сибири во второй половине XVII в., вскрывали довольно много фактов верстаний в казачью службу из тяглых и вообще неслужилых слоев населения, но вместе с тем случаи добровольного перехода казаков в крестьяне или посадские люди были крайне редки.

В большей части сибирских городов к концу XVII в. уже имелся большой резерв для пополнения гарнизонов — из neverстанных казачьих детей вполне «служивого» возраста. Их число иногда даже превышало численность самого гарнизона (в таких, например, городах, как Туринск или Пелым). Временами, правда, обстановка вокруг вакансий разряжалась — когда производились массовые наборы во вновь создаваемые воинские подразделения или на какую-нибудь «дальнюю службу». Так, в 1684 г. в связи с начинавшейся русско-китайской войной для отправки в «Дауры» было набрано в одних только городах Тобольского разряда сразу 500 чел. — главным образом из казачьих «детей, братьи и племянников»¹.

В XVI–XVII вв. военная служба не ограничивалась ни количеством отданных ей лет, ни возрастом. В сибирских гарнизонах поэтому встречались казаки старше 70 и даже 80 лет². Отставка следовала в случае потери трудоспособности из-за старости, болезни, увечий, но иногда казаки бывали «со службы выметаны» и «за пьянство», не говоря уже о более серьезных проступках. «Вины и прослуги» могли повлечь за собой и понижение в чине. Одной из причин перевода в «меньшие статьи» (например из конных казаков в пешие) и даже полной отставки порой становилась «скудость» (бедность) служилого человека³. Однако движение по служебной лестнице в сибирских гарнизонах чаще все-таки

¹ Леонтьева Г.А. Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 94, 104–105).

² РГАДА. Ф. 214. Кн. 931.

³ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч 1. С. 123, 135–136; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1169. Л. 34, 46 об., 133 об.

происходило снизу вверх. За заслуги перед «государем» казаков не только переводили в десятники и пятидесятники, но верстали и в атаманы, и даже в дети боярские. При этом последовательность (очередность) прохождения командных должностей от низшей к высшей была не обязательной, так что рядовой казак мог попасть в «служилую аристократию» гарнизона, минуя все «промежуточные» чины. И хотя высшие должности в казачьем войске со временем вообще становились по сути дела наследственными, в XVII в. состав гарнизонной верхушки за Уралом был, пожалуй, самым «демократичным» в Московском государстве, при этом в Восточной Сибири даже в начале XVIII в. большинство детей боярских происходило из казаков¹.

Заслуги служилого человека могли быть отмечены и при неизменности «чина» — установлением повышенного оклада жалованья. Казаки Сибири считались находящимися на государственном обеспечении, и большинству их полагались три вида жалованья — деньги, хлеб и соль. Оклады варьировались в зависимости от гарнизона (в дальних и «непашенных» городах жалованье было выше), вида службы (конной или пешей), должности и даже семейного положения (женатые получали прибавку к хлебным и соляным окладам). Но у рядового и низшего командного состава различия эти были несущественны.

У большинства конных казаков (включая «литовские спски») денежное жалованье колебалось в пределах 7–8 руб. в год, у большинства пеших казаков — от 4 руб. 25 коп. до 5 руб. 25 коп. Хлебные оклады конных и пеших казаков Сибири в XVII в. различались уже не так сильно, как денежные (более значимым здесь было различие между «пашенными» и «непашенными» городами), и у большинства составляли от 30 до 50 пудов муки в год. Сохранившиеся в основном со

¹ *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 9.

второй четверти XVII в. окладные книги исчисляли хлебное жалованье сибирских служилых в определенном количестве четвертей ржи и овса, но на практике один вид хлеба часто заменялся другим, и расчеты производились также пшеницей, крупами, ячменем.

В XVII в. хлебопашество было возможно далеко не во всех сибирских уездах, но и там, где казаки брались за соху, государство пыталось извлечь из этого максимальную выгоду для себя, и с конца первой четверти XVII в. за каждую десятину пашни служилого человека из его жалованья стали вычитать определенную (в разных уездах разную) часть хлебного оклада, вследствие чего часть казаков вообще потеряла право на казенный хлеб¹.

По сравнению с денежным и хлебным жалованьем, градация соляных окладов была минимальной — в пределах от 1 с четвертью до 2 с четвертью пудов — и уже совсем не зависела от принадлежности к конным или пешим казакам.

Если десятники и даже пятидесятники в жалованье мало чем отличались от рядовых служилых (а бывало, и не отличались), то головы, сотники, атаманы и большинство детей боярских существенно выделялись на общем фоне размерами своих окладов (например, денежное жалованье у них, обычно составляя от 10 до 20 руб., доходило и до 30 руб.). Однако в результате придач за «службы» отдельные казаки могли иметь годовые оклады на уровне «средних статей» представителей «служилой аристократии (до 9–13 руб.)².

Чтобы понять, насколько «государево жалованье» обеспечивало служилого человека, надо прежде всего обратиться к данным о сибирских ценах. А они были таковы.

Во второй половине XVII в. в наиболее обжитых районах Западной Сибири самый дешевый холст стоил 2–3 коп.

¹Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 568; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956. С. 136, 364.

²Подробнее о жалованье см.: Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 72–78; Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. С. 103–115.

за аршин, сермяжное сукно — от 4 до 10 коп. за аршин, кафтан из овчины — до 1 руб. В то же время в Якутском уезде (где цены на товары первой необходимости были «перед сибирскими городами вдвое и втрое») тот же овчинный кафтан стоил 3 руб., сермяжный зипун — 4 руб., холщовая рубаха — рубль, нож — 50 коп., топор — рубль и т.д. Лошадь обходилась в Западной Сибири в сумму от 5 до 15 руб., в Забайкалье — от 6 до 7 руб., а в Якутии в 40 и более руб. И поскольку казаки должны были «подыматься на службы» за свой счет, денежные оклады для покупки продовольствия не могли широко использоваться, особенно в дальних «непашенных» городах, где цена пуда муки порой доходила до 4 или 5 руб.¹ Хлебные оклады также не могли полностью решить проблемы продовольственного обеспечения казачьих семей. Исходя из прямых указаний самих служилых и общепризнанных норм потребления хлеба одним едоком за год (от 23 до 27 пудов), можно констатировать, что у подавляющего большинства казаков Сибири жалованья едва хватало на пропитание двух человек даже при условии бесперебойной выдачи окладов².

Но выплата жалованья сибирским служилым людям в конце XVI — начале XVIII в. не была регулярной. Перебои с государственным обеспечением сибирских гарнизонов

¹О ценах см.: Акты исторические... Т. 3. № 86. С. 85; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сборник документов. М., 1951. С. 26; Якутия в XVII в. С. 323; Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 70–73; Курилов В.Н. Наемные работники в Сибири в XVII в., их социальное положение и борьба // Промышленность Сибири в феодальную эпоху. Новосибирск, 1982. С. 65.

²Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 569; Бояришинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII в. // Труды Томского ун-та. 1950. Т. 112. С. 187; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 191–192, 271; Никитин Н.И. Государственное обеспечение гарнизонов Тобольского разряда в XVII в. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985. С. 52–53.

были обычным явлением — особенно для дальних городов и особенно с конца 60-х — начала 70-х гг. XVII в. Даже в ближайшем «к Руси» Тобольском разряде с этого времени в казне для расчетов со служилыми людьми не хватало наличности, и деньги там часто заменяли тканями, иногда — мехами или какими-то другими «товарами» и «припасами».

Но несмотря на такую замену казна оставалась должна все большему числу служилых не только за текущие, но и за прошлые годы. Менее гарантированным становилось в последней трети XVII в. при несомненных успехах сибирского земледелия и продовольственное снабжение гарнизонов, численный рост которых, видимо, сильно опережал возможности их материального обеспечения. Какую-то часть положенных служилым людям окладов присваивали себе различными путями представители воеводской администрации — вымогая взятки, обсчитывая и т.д.

Из-за перебоев в государственном обеспечении и недостаточности его размеров казаки, снаряжаясь во всякого рода «дальние посылки», вынуждены были влезать в долги. Понятна поэтому заинтересованность сибирских служилых людей в «торгах и промыслах», хлебопашестве, в поисках «новых земель», в экспедициях, напоминавших походы донцов и запорожцев «за зипунами».

Материальное положение казаков Сибири в известной мере облегчалось системой льгот, полагавшихся служилым людям, а также некоторыми единовременными выплатами сверх окладов. Сибирские служилые могли, например, торговать «от полтины и от рубля» и провозить «на Русь» и обратно товары на сумму до 50 руб. «бестаможенно и беспошлинно»¹. При обустройстве на новом месте

¹ Александров В.А., Чистякова Е.В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // Вопросы истории, 1959. № 2. С. 136; Полное собрание законов Российской империи (Собрание первое). СПб., 1830. С. 161, 511; РГАДА. Ф. 214. Стб. 645. Л. 59–60. Стб. 340. Л. 57, 76.

казакам могли выдать «подмогу на дворы»; за успешные боевые действия полагалось наградное жалованье («за явственный бой» — по полтине человеку, «за побитых и взятых мужиков» — по рублю и т.д.); «для посылок» казаки могли получать «прогонные деньги» на подводы и гребцов. По прибытии «со всякими великого государя дела» в Москву сибирским служилым людям выдавали деньги на «поденный корм» (из расчета 3–4 коп. на день человеку), определенную сумму «за выход» (в зависимости от города и «чина 2–6 руб.) и «по сукну по доброму»¹.

Следует, однако, иметь в виду, что сверхокладные «пожалования» часто имели не столько материальное, сколько моральное значение. Они нередко едва возмещали те затраты, которые сибирские казаки должны были нести в ходе выполнения разного рода заданий. В Сибири XVII в. служилые люди бывали вынуждены приобретать на свои деньги фураж, лошадей, нарты и прочие транспортные средства, оплачивать временное жилье или нанимать «работных людей» для выполнения тех или иных поручений²⁸. Незначительными выглядят в этой связи и податные привилегии служилых, особенно если учесть, что сибирские казаки платили такие налоги и сборы, как «выдельный хлеб» (с пахоты, превышавшей окладные нормы), «десятую деньгу» со своих «торгов и промыслов», оброк с лавок, мельниц, кузниц, рыбных ловель. В этом особенно наглядно проявлялась особенность социального положения приборных служилых людей — промежуточное по отношению к господствующему классу и тяглым слоям, но при всей своей двойственности, несомненно, более близкое к народным низам, чем к социальной верхушке.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Прилож. № 28. Т. 2. Прилож. № 416, 422; Газенвинкель К.Б. Государево жалованье послужникам сибирским. Тобольск, 1892; Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900. Ч. 3. С. 223; М., 1901. Ч. 4. С. 167; РГАДА. Кн. 62. Л. 75–76. Кн. 220. Л. 241–280 об. Кн. 1059. Л. 96–96 об. Стб. 6. Л. 5–41, 96–344. Стб. 46. Л. 52–73, 127–377.

Еще первые историки казачества Сибири справедливо отмечали, что в отличие от донского или яицкого оно никогда не было «вольным», а всегда — исключительно «служилым»¹. Весьма категоричен в этом вопросе был советский исследователь В.И. Петров: «...Ни о каком сравнении сибирского казачества... с казачеством Дона, Запорожья и Яика.. не может быть и речи...»². Однако столь решительное противопоставление казаков по ту и эту сторону Урала вряд ли правомерно.

Конечно, применительно к XIX ст., ознаменованному официальным учреждением на востоке России новых казачьих войск, вряд ли можно говорить об их принципиальном отличии от «старых» центров формирования казачества: Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское казачьи войска создавались по образу и подобию Донского, уже давно к тому времени утратившего былую вольность и автономию. Но и применительно к более ранним историческим периодам военная организация казаков в европейской и азиатской частях страны не дает оснований для их резкого противопоставления. В XVII в. сибирские войска тоже имели определенную автономию.

Так, у них широко практиковалась выборность «начальных людей» (окончательно утверждаемых на своих должностях местной или центральной администрацией). Служилые люди имели собственную («войсковую») казну, которой пользовались с общего согласия и ведома. В каждом гарнизоне казаки сами осуществляли разверстку особо обременительных поручений и контроль за очередностью их выполнения. Обычными в сибирской служилой среде были общие сходы для

¹ Катанаев Г.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908. С. 1; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т. 1. Прилож. С. 24.

² Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 217.

обсуждения текущих дел, проводившиеся под «войсковым» знаменем. Важнейшей заботой казаков являлся контроль за доставкой и выдачей «государева жалованья», сводивший к минимуму воеводские злоупотребления в этой сфере.

Жизнь служилых людей в Сибири отчасти регламентировалась властями. Казаки должны были время от времени являться на смотры, стрельбы, отпрашивались у своего начальства при отъездах на промыслы, в деревни и т.д. Однако жесткая регламентация казачьего быта за Уралом была невозможна: ее затруднял прежде всего характер расселения служилых. Хотя в сибирских городах и предпринимались попытки учредить слободы, отдельные для каждой категории населения, тенденция эта не получила повсеместного и широкого развития. Дворы представителей служилого и неслужилого населения перемешивалась как за городскими стенами, так и вне их, что создавало помехи властям даже при сборе войск в «сполошное» время.

Когда же казаки оказывались предоставленными самим себе — например, находясь в длительной экспедиции — их неофициальная воинская организация выходила на первый план, оттесняя, а порой и вовсе исключая организацию официальную. Сибирские казаки имели обыкновение отстаивать собственное мнение о таких вопросах, как выбор места для сооружения крепости или будущего города, целесообразность, сроки и маршруты военных походов. Глава экспедиции в затруднительных ситуациях обычно «держал совет» со всем «войском», но в Сибири были нередки случаи, когда служилые во время походов собирались для решения возникших проблем «на круг» сами — либо помимо воли начальных людей, либо даже вопреки ей. «Войско» могло и открыто «отказать» своему предводителю в подчинении, и не только местная, но и центральная администрация бывала вынуждена мириться с подобным самоуправством. В случае смерти своего предводителя казаки в походе выбирали себе («до указу») нового военачальника. Добыча — военная и промысловая — поступала в общий «кошт» и делилась затем между всеми «полчанами» на паи, исходя из ее

стоимости, т.е. — аналогично тому, как происходил «дуван» у вольных казаков.

Историки уже давно обратили внимание на неофициальную сторону военной организации сибирского войска¹. Она обычно рассматривалась ими как проявление в приборной служилой среде порядков, занесенных за Урал вольными казаками. Более широкий взгляд по этому вопросу, как выше уже отмечалось, нашел отражение в работах В.А. Александра и Н.Н. Покровского, поставивших неофициальную организацию служилых в один ряд с нормами общинного («мирского») самоуправления, бытовавшими в XVII в. на Русском Севере, но оказавшимися особенно живучими за Уралом, где позиции государственной власти были тогда еще слабы, а условия жизни переселенцев крайне трудны².

О силе земских «миров» в XVII в. свидетельствует материал, относящийся к самым различным районам Сибири³. И силе этой есть вполне логичное объяснение: формы социальной организации, восходящие к древнерусским традициям, наиболее подходили для выживания в суровых сибирских условиях и потому были за Уралом еще долго востребованы. А поскольку, как было показано выше, «вольные» казачьи «войска» тоже строились на архаичных принципах общинного самоуправления, в значительной мере

¹ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 620; *Александров В.А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 308; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 359; *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей... С. 98–100; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 230.

² *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991.

³ См., например: *Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; *Вершинин Е.В.* Воеводская власть и урало-сибирское население в XVII в. // Власть, право и народ на Урале в эпоху феодализма. Свердловск, 1991. С. 18–35.

обусловленных экстремальными условиями жизни в «Диком поле», то неудивительно, что в социальной организации «вольного» и сибирского «служилого» казачества обнаруживается немало общего...¹

Важно отметить, что корпорации служилых людей обычно представляли собой наиболее влиятельные «мирские» организации Сибири, а случавшиеся за Уралом народные возмущения вообще выдвигали казацье самоуправление на первый план. Как подчеркивалось целым рядом исследователей, в Сибири во время антивоеводских выступлений организующая роль местных служилых была подобна той, которую играли вольные казаки в Европейской России в ходе массовых антифеодалных движений². Поэтому глубоко неверным представляется мнение некоторых дореволюционных историков, полагавших, будто «отличительной особенностью сибирского служилого казачества, резко выделяющей его из рядов прочего», являлось «многообразие всякого рода послуг, соединенное с безропотностью их выполнения»³. Страдая, быть может, более других слоев населения от воеводского произвола, сибирские казаки вместе с тем не были склонны к «безропотности»; их, по замечанию В.А. Александрова, как правило, отличала «активная жизненная позиция, исключавшая безусловное подчинение замыслам и приказам воеводской власти...»⁴.

¹ *Никитин Н.И.* О традициях казацкого и общинного самоуправления в России XVII в. // Известия Сибирского отделения РАН. История, филология и философия. Новосибирск, 1992. № 3 С 3–8.

² *Александров В.А.* Материалы о народных движениях в Сибири в конце XVII в. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 346; *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Народные движения в России XVII–XVIII вв. и абсолютизм // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 66; *История Сибири с древнейших времен до наших дней.* Л., 1968. Т. 2. С. 138–139.

³ *Катанаев Г.Е.* Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1 (Конец XVI и начало XVII столетий). СПб., 1908. С. 7.

⁴ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 101.

Вместе с тем, как люди военные и в массе своей здраво-мыслящие сибирские казаки прекрасно понимали, что без тесного взаимодействия с государственными структурами (а их за Уралом представляла прежде всего воеводская власть) надолго и прочно закрепиться на сибирской земле невозможно. Это, впрочем, в той или иной мере осознавали и другие категории русского населения Сибири. Как подметила Л.Р. Павлинская, «в какие бы земли ни двигались русские... за ними всегда стояло государство. И самое главное — они всегда ощущали себя людьми государственными, даже когда убегали от этого государства в Сибирь или поднимали бунт»¹.

Не приходится поэтому удивляться ситуациям, когда служилые люди, хоть и страдали от административного произвола, но шли на тесное сотрудничество с воеводской властью², а приезжая в Москву, прямо говорили в Сибирском приказе при «допросах»: «Во всех сибирских городех без воевод... править никоими мерами невозможно...»³. Такой вот исторический парадокс, такое проявление закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей...

* * *

При всех противоречиях и разногласиях служилых «миров» с воеводами и их административным аппаратом все они делали за Уралом одно и то же дело — присоединяли к России обширные, богатейшие «землицы» и обустроивали их, налаживая на присоединенной территории привычную

¹ Павлинская Л.Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.): сборник научных статей. СПб., 2014. С. 33–34.

² Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII вв. (Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири). Омск, 2005. С. 226–227, 259.

³ Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 147.

для переселенцев жизнь. А это в сибирских условиях было труднейшей задачей, часто требовавшей от ее исполнителей предельного напряжения сил.

Чтобы пройти всю Сибирь от Урала до Тихого океана казакам потребовалось чуть более 50 лет (1586 г. — основание Тюмени, 1639 г. — выход экспедиции И. Москвитина на Охотское побережье), но трудности, которые им пришлось преодолевать на этом поражают воображение.

Уже переход через Урал был сопряжен с серьезными испытаниями — с преодолением безлюдных лесных пространств, каменистых перевалов, «тесных» и бурных рек, одни из которых постоянно разбивали суда, другие из-за своей маловодности вынуждали проталкивать их вперед, сооружая ниже по течению временные плотины (обычно из парусов), как это, по преданию, делал еще Ермак. На сухопутной же Верхотурской дороге предстояло преодолеть «грязи и болота непроходимые», лесные завалы, трудный перевал через «Камень», на котором «снеги... падут рано...»¹. Даже во второй половине XVII в. на, казалось бы, наезженном пути в Сибирь путников подстерегали серьезные опасности, о чем можно судить по запискам сосланного в Тобольск в 1661 г. хорватского философа, богослова и писателя Ю. Крижанича, который вместе со своими конвоирами и попутчиками сначала едва избежал участи быть растерзанными волками, а затем едва не был заживо погребен под снегом во время пурги².

В самой Сибири сложность передвижения в первую очередь определялась необходимостью преодоления волоков. Вот условия перехода по одному из них — Маковскому.

Для его преодоления требовалось 2–3 дня, но это был путь «через грязи великие», «через болота и речки», «а на иных местах, — сообщает очевидец, — есть на волоку и горы, а леса везде темные». Для переброски грузов там, кроме

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3. Ч. 1. С. 84–106.

² Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 116–120.

людей, могли использовать лишь вьючных лошадей или собак, «а телегами через тот волок ходу за грязьми и болоты никогда не бывает».

Не легче был переход на Енисей и по северному, Туруханскому волоку. Здесь «сложность пути заключалась в неоднократных перегрузках клади, так как на разных участках могли проходить суда различной грузоподъемности». Из кочей или дощаников грузы переносили в лодки, на них двигались по озерам и протокам («режмам») непосредственно к волоку, по нему грузы переносили уже «на себе» или «волокли» на тележках, затем снова передвигались на лодках через систему озер, торопясь пройти их до летнего спада воды, когда через протоки не могли пройти даже на лодках и вынуждены были поднимать уровень воды с помощью парусных и земляных запруд¹.

К востоку от Енисея волоки, как правило, представляли собой горные перевалы; переправить через них лодки и струги обычно не удавалось, всю кладь приходилось переносить на себе, а суда строить заново. Такие сухопутные «вставки» в речные маршруты были довольно значительными, а к трудностям их преодоления добавлялась еще и сложность плавания по самим рекам, изобиловавшим порогами².

С «великим трудом и большой нужою» было сопряжено, например, передвижение по Верхней Тунгуске (Ангаре); «судовой ход» там был «тяжел и нужен, река Тунгуска быстрая и пороги великие». На них дощаники приходилось выгружать и переносить весь груз «на себе» либо сплавать на небольших лодках, а пустые суда тянуть «канатами, человек по 70 и больше» по «небольшим проезжим местам, где камней нет». На Илимее плавание опять затрудняли многочисленные пороги, через которые «взводили суды» таким же образом, а грузы «обносили на себе».

¹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т.3. Ч. 1. С. 112, 119; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в.: (Енисейский край). М., 1964. С. 26–27.

² *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С. 42, 48.

Еще труднее был путь через «Ленский волок», особенно по рекам Муке, Купе и Куте. Летом по ним можно было идти лишь на небольших плотах, «а в малых де судах и в стружках отнюдь... итить немочно, потому что... реки каменные и малые, ходят по ним судами только в одну вешнюю пору, как половодье бывает... а плотишка... делают малы, только поднимают пуд с 20, и везде, бродя, с камени те плотишка сымают стегами, а те де речки, идучи, перед собою прудят парусы».

Главная сложность плаваний по северным рекам определялась крайне коротким периодом навигации, часто вынуждавшим зимовать в пустынных, непригодных для жилья местах.

Проложенные во второй половине 1630-х годов казачьими ватагами сухопутные дороги на северные «заморские» реки были сопряжены с трудностями уже другого рода. Ехать приходилось «о два кони» по безлюдным и диким гористым местностям, в пути лошади нередко погибали, «а иных... сами с голоду съедаем», заявляли служилые люди, прибавляя, что в дороге «голод великий терпят, едят сосновую кору и траву, и корень, и всякую едь скверную».

Однако, пожалуй, самые тяжкие испытания выпадали на долю тех, кто избирал морские пути. Особенностью омывающих Сибирь океанов является прежде всего негостеприимность берегов, а сильные ветры, частые туманы и тяжелый ледовый режим создают на редкость трудные навигационные условия. Чрезвычайно трудным был, например, «Мангазейский ход» — плавание по бурному «Мангазейскому морю» (Обской губе). «Путь нужен и прискорбен и страшен от ветров» — так характеризовали его в XVII столетии. Редкий год обходился там без «морского розбою», когда не успевшие укрыться от непогоды в устьях рек кочи (суда, приспособленные именно для морского плавания) выбрасывало на берег, а находившиеся в них грузы топило или «разметывало» на расстояние в несколько верст. Многие из выброшенных «душою да телом» мореплавателей погибали в бесплодной тундре от голода и стужи. Случалось, что в течение нескольких лет из-за подобных катастроф ни одно судно не могло добраться до Мангазеи.

Свирепые бури часто разбивали кочи и при плавании вдоль восточносибирского побережья; подолгу задерживали полярных мореходов и «прижимные» ветры, вынуждая идти «бечевое и греблю, мучая живот свой». Однако главную опасность в этих плаваниях представляли льды. Сохранилось немало рассказов о том, как «льды ходят и кочи ломают», как «затирает теми льды заторы большие»; иной раз лишь «с великой нужею» удавалось провести коч «промеж льды»: через них мореплаватели «выбивались и проникались»,плыли, с трудом выбирая свободные ото льда места, двигались «по заледью возле земли... по протокам». Через тонкий лед пробивались «о парусе», «испротирая» нашивки и «прутье» у кочей, замерзали в открытом море, подолгу оставаясь «в заносе» вдали от берегов без дров, и без «харчу», и без воды; в таких случаях, оставив вмерзшие в лед кочи, «волочились» пешком на берег, «перепихиваясь с льдины на льдину», при этом далеко не всегда удавалось захватить с собой из кочей «запасы». «Морем идучи, оцинжали, волочь не в мочь», — так, случалось, объясняли казаки гибель своего груза. «Помимо опасностей плавания, — писал С.В. Бахрушин, — полярные мореходы много страдали от недостатка свежей воды и продовольствия, и среди них очень часто свирепствовала цинга, «от морского духу и дальнего нужного пути»¹.

Положение сибирских мореходов осложнялось и трудностью устройства для них опорных пунктов непосредственно на побережье: остроги и зимовья на севере Сибири прятались в глубине устьев рек и «губ»; только на гористых берегах тихоокеанских морей, где таких устьев мало, при защищенных от ветра бухточках русские со временем смогли построить небольшие острожки².

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 115–128. См. также: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Л.; М., 1952. С. 270; Покишишевский В.В. Заселение Сибири. С. 48.

² Покишишевский В.В. Указ. соч. С. 48.

Рассматривая чисто внешние «условия обитания» в Сибири XVII в., нельзя не остановиться и на такой общей особенности, как чрезвычайная суровость климата. Долгая сибирская зима страшит своими морозами жителя Европейской России и в настоящее время, между тем в XVII столетии холода были более жестокими, чем в XX в. (период с конца XV по середину XIX в. обозначен палеогеографами как «малый ледниковый период»)¹. Короткое, но жаркое лето до сих пор изводит не столько зноем, сколько невыносимо кроважными и многочисленными полчищами гнуса — этого «бича таежных и тундровых пространств», способного довести до иступления непривычного человека².

Нельзя не учесть также, что при невероятной протяженности переходов раннее замерзание рек и позднее их освобождение ото льда не только замедляло передвижение по главным транспортным артериям, но и сильно осложняло снабжение первых переселенцев. Почти все они, не имея возможности сразу же приспособиться к новой обстановке, испытывали периоды как хронического недоедания, так и острого голода, постоянно ощущали недостаток в самом необходимом. Казаки подолгу вынуждены были служить «великому государю» без жалованья — «с травы и воды»; в походах им нередко приходилось питаться «сосновой и лиственной корой» и «всякою скверною».

Малейший просчет в организации военно-промысловых экспедиций в столь экстремальных условиях мог привести к трагическим последствиям, как это было, например, во время похода В. Пояркова на Амур, когда лишь от голода и сопутствовавших ему болезней за одну зиму умерли свыше 40 человек (из 132). В случае же «морского розбою» у пустынных берегов «голодную смертью» и «цингой» нередко умирали все, кому удавалось спастись

¹ Очерки истории СССР: XVII в. М., 1955. С. 105; Дулов А. В. Географическая среда и история России. Конец XV — середина XIX в. М., 1983. С. 15–18.

² Кальянов В. Вдали океан. М., 1957. С. 82–83.

от разбушевавшейся стихии. Но и вышедшие живыми из подобных испытаний еще длительное время должны были ощущать последствия недоедания, тяжелой изнурительной работы и страдать от заболеваний, вызванных переохлаждением, долгим пребыванием в дымных, тесных и переполненных жилищах¹.

И при всем этом Сибирь была пройдена русскими вдоль и поперек за полвека. Один этот факт вызывал и вызывает изумление у людей, знакомых с Сибирью не понаслышке. Вот как, в частности, оценивал движение землепроходцев известный писатель-сибиряк В.Г. Распутин: «Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды ни воду струги и тяжелые грузы, зимуя в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведя, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи «распросных речей» и опыт общения с туземцами, и пашни, и солеварни, и просто затеси, указывающие путь, — для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну. И сейчас, когда каждый шаг и каждое дело сибирских строителей и покорителей мы без заминки называем подвигом, нелишне бы помнить нам и нелишне бы почаще представлять, как доставались начальные шаги и дела нашим предкам... Для осознания их изнурительного подвига не хватает воображения, оно, воображение наше,

¹ *Огородников В. И.* Из истории покорения Сибири: Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922. С. 53–55; Якутия в XVII в. С. 16–33; Русские старожилы Сибири. М., 1973. С. 165.

не готово следовать теми долгими и пешими путями, какими шли сквозь Сибирь эти герои»¹.

Но не меньшие трудности, чем суровая сибирская природа, для казаков представлял еще один, лишь вскользь упомянутый В.Г. Распутиным фактор — воинственность сибирских народов. А между тем большинство коренных обитателей Сибири в XVI–XVII вв. вовсе не представляли собой кротких и беззащитных «туземцев», какими их по сей день рисуют некоторые историки и литераторы.

Широко, например, известны по описаниям современников воинственные наклонности тунгусов. «Люди воисты, боем жестоки», — отзывались о них в XVII в. казаки. «Они очень воинственны, ведут частые войны с соседями», — отмечал в конце того же столетия западноевропейский наблюдатель. «Все это здоровые и смелые люди, — писал он, в частности, о конных эвенках. — Нередко до полусотни тунгусов, напав на четыре сотни монгольских татар, доблестно разбивают их по всем правилам». «Воистыми» в глазах русских людей в XVII столетии были и якуты, и енисейские киргизы². В лице бурят русские, по словам А.П. Окладникова, также столкнулись с «владельцами киштымов (данников. — Н.Н.), организаторами походов на другие племена, богатым и воинственным народом». Они нередко не только не уклонялись от сражений, но сами же бросали вызов казакам — «звали де их, служилых людей, к себе битца»³.

«Дух воинственности» отмечался исследователями и у ханты-мансийских князцов, для которых, как подметил еще С.В. Бахрушин, «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования»⁴. Воинственностью и крайней жестокостью отличались некоторые из обитавших

¹ *Распутин В.* Сибирь без романтики // Роман-газета. 1984. № 17(999). С. 67–68.

² *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М, 1967. С. 150, 289; Якутия в XVII в. С. 29, 209.

³ *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 36, 65.

⁴ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 112–134.

в сибирской тундре самодийских племен — особенно юрацкая «кровавая самоедь», не признававшая русской власти в течение всего XVII в. Начавшийся у ненцев к тому времени процесс выделения племенной знати ознаменовался усилением типичных для данного этапа общественного развития грабительских набегов; их объектами становились остяцкие и русские поселения, партии промышленников и служилых, следовавшие северным «чрезкаменным» путем. Немало русских людей при этом бывало убито и ранено; иной раз они по нескольку дней «сидели от той самоеди в осаде». Грабеж перевозимых через Урал продовольственных запасов и «соболиной казны» стал для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом, как и охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами¹.

В качестве активной, нападающей стороны, «промышленявшей» грабежом казенных грузов, выступали и некоторые другие сибирские народы, например коряки. «Геройский дух» и «ужасающая жестокость», по свидетельству европейских наблюдателей, были присущи и камчадалам (ительменам). Даже одни из наиболее «кротких» и далеких от классового общества коренных обитателей Сибири — юкагиры представляли собой «воинственное, на войне жестокое племя»².

Вместе с лютыми морозами, морскими и речными «розбоями», голодом и болезнями военные столкновения уносили немало жизней первопроходцев. Достаточно вспомнить потери в людях некоторых из наиболее известных сибирских экспедиций, чтобы убедиться в полной несостоятельности утверждений авторов некоторых легковесных работ о «легкости завоевания Сибири».

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 85–118. Ч. 2. С. 6–12, 95; Очерки истории СССР: Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 654; Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 433–447.

² Коцебу О. Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 181; Павлов П.Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974. С. 31; Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 130.

Из полутысячной дружины Ермака к концу экспедиции в живых осталось около 100 человек. Из 132 казаков, принявших участие в походе В. Пояркова на Амур, погибло около 80. Из сотни человек, отправившихся с С. Дежневым и Ф. Алексеевым вокруг Чукотского полуострова, благополучно добрались до цели лишь 12. Из 50 человек отряда М. Стадухина во время перехода от Анадыря к Охотску погибли 37. Из 60 ходивших в поход с В. Атласовым на Камчатку казаков уцелела лишь половина...

* * *

Присоединение Сибири дорого обошлось русскому народу, но первоначальный этап ее *освоения* был также крайне тяжел и требовал немало усилий со стороны всех заселявших «новую государеву вотчину» и в первую очередь — от служилых людей.

Порядок освоения новых земель вырабатывался в Московском государстве веками и предполагал прежде всего постройку на присоединенной территории опорного пункта — «города» или «острога» (разница между ними определялась главным образом конструкцией крепостных стен). В нем сразу же размещался гарнизон из служилых людей, переведенных туда либо на время, либо на постоянное житье. С их помощью воеводская администрация налаживала на новом месте систему налогового и таможенного сбора, транспорта и связи, заводила, если было возможно, пашню, осуществляла оборонные и иные мероприятия, укрепляющие в новом крае позиции государственной власти. И если место для поселения было выбрано удачно (в благоприятных для экономического развития условиях), то вскоре в нем разными путями собиралось и неслужилое население из числа добровольных переселенцев — «вольные гулящие люди», промысловики, посадские, крестьяне. Они пополняли его гарнизон, вместе со служилыми людьми обустроивали город и обживали его окрестности, создавая прочную базу для дальнейшего продвижения на новые земли, где «по

государеву указу» возникал новый город или острог и ситуация повторялась, демонстрируя тесное переплетение двух форм колонизации — правительственной и вольнонародной.

Таким способом в XVI–XVII вв. осваивались южные окраины Московского государства, и так же в принципе осваивалась Сибирь, однако за Уралом этот процесс имел большую специфику, определявшуюся не столько более суровыми природными условиями и гигантскими размерами края, сколько его крайним «малолюдством». Там русским властям приходилось постоянно и широко маневрировать более чем скудными людскими ресурсами, а успешному решению колонизационных задач, стоявшим перед сибирской администрацией, способствовала ее возможность опираться на казачьи войска, главным и общепризнанным преимуществом которых перед другими родами войск была *универсальность*.

В XVI–XVII вв. круг обязанностей служилых людей в России вообще не регламентировался, регулируясь традицией, а ограничиваясь лишь физическими возможностями исполнителей. Вместе с тем, в различных гарнизонах в разные хронологические периоды на первый план могли выдвигаться и разные «службы». Сибирь с ее региональной спецификой и в этом плане не была исключением. Например, сбор ясака стал важнейшей функцией казачьего войска далеко не во всех сибирских уездах, и гарнизоны таких городов, как Верхотурье, Туринск или Тюмень если и занимались сбором ясака, то в неизмеримо меньшей степени, чем гарнизоны Березова, Сургута, Мангазеи и тем более Якутска. В Верхотурском и Илимском уездах, имевших крупные верфи, служилым людям приходилось выполнять множество поручений, связанных с организацией судебного дела, а также с отправкой «хлебных запасов» в другие города. Последний род деятельности являлся важнейшим и для небольшого гарнизона Туринска и того же Верхотурья; тот и другой, кроме того, сближала и необходимость контроля за «заповедными» дорогами.

Будучи в XVII в. главными «воротами» в Сибирь, Верхотурье требовало от своего гарнизона много сил и для обеспечения «таможенного дела» (служилых прикрепляли

к таможням «для розсылок и выимки», «для ослушников» и т.д.). В тех городах, где не было посадских людей (в Березове, Сургуте, Таре и т.п.) казакам приходилось нести и специфические посадские «службы», в том числе в качестве «верных целовальников».

На гарнизонах южной полосы Сибири — тюменском, тарском, томском, кузнецком, красноярском — лежала постоянная забота о «сторожевой и станичной службе», т.е. о системе разъездов и караулов, обеспечивавших своевременное оповещение о набегах кочевников. Главным образом силами тех же южносибирских гарнизонов предпринимались и походы в степь, в то время как экспедиции «для поиску новых неясачных землиц» в северном и восточном направлениях осуществлялись прежде всего служилыми людьми из Мангазеи, Енисейска и Якутска. Из казаков Тобольского разряда формировались ежегодные караваны вверх по Иртышу за самоосадочной солью на оз. Ямыш и т.д.

Гарнизон сибирской столицы был, пожалуй, знаком со всеми видами осуществляемых за Уралом «служб». Тобольск рассылал своих служилых по всей Сибири, и им приходилось выполнять самые различные поручения «в ряд» с представителями местных гарнизонов. Но у гарнизона главного города Сибири были и специфические обязанности. Тобольчанам, например, чаще, чем представителям других городов, поручались почетные и ответственные «службы», и в первую очередь — посольская. Главным образом силами тобольского гарнизона осуществлялась транспортировка морским путем всякого рода «припасов» в заполярную Мангазею.

В целом же сходства в характере служебной деятельности в различных сибирских гарнизонах было гораздо больше, чем отличий. Во всех городах казаки стояли на караулах — на крепостных башнях, у ворот, у «зелейного» (порохового) погреба и прочих административных зданий, сопровождали казенные грузы и партии ссыльных, выполняли полицейские функции. Кроме того, казаки всюду использовались и как рабочая сила, хотя, разумеется, и здесь каждый регион мог иметь свою специфику, выдвигая в тех или иных гарнизонах

на первый план в разное время разные виды работ. Служилым людям приходилось ловить рыбу на казенные нужды, разгружать суда, возить лес для «городового дела», строить суда, крепостные сооружения и административные здания, делать прочие «государевы изделия», не оставляя вместе с тем сугубо ратные дела. Отсюда и заинтересованность местной администрации именно в иррегулярных, казачьих войсках. Примечательно замечание одного из сибирских губернаторов XVIII в.: «Без казаков никак обойтись невозможно, [так] как оные употребляются в такие службы, в каковые никакие чины способны быть не могут»¹.

Наиболее обременительными являлись «дальние посылки», а из них — «годовая служба». Она организовывалась для укрепления малочисленных (а по «опасным вестям» и крупных) гарнизонов или для несения службы там, где своих ратных людей вообще не было — либо во вновь построенных городах и острогах, либо в мелких крепостях, прикрывавших южную границу Сибири от кочевников. По году такая служба длилась, как правило, лишь в близко расположенных от своего гарнизона местах, а при «дальних посылках» служилые люди оставались в «годовальщиках» обычно по несколько (до 6, 8 и более) лет, иные и вовсе не возвращались, будучи зачисленными в гарнизоны других городов.

Конные казаки, казаки «литовского» и «новокрещеного» списков прежде всего, естественно, выполняли поручения, связанные с конной службой: использовались в качестве гонцов, направлялись в военные походы в степь, несли на южных рубежах Сибири караульно-сторожевую службу, охраняли «по временам» некоторые острожки в лесостепной полосе и т.д. В южной Сибири ратных людей конной службы вообще часто использовали в том случае, когда было трудно или попросту невозможно обойтись без лошади: они оповещали уездных жителей о военной опасности, сопровождали хлебные обозы, искали беглых колодников и т.д. Из конных

¹Цит. по: *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири в XVIII — первой четверти XIX в. Барнаул, 1996. С. 32.

казаков составлялись посольства для переговоров со степными правителями, а также охрана для следовавших степью дипломатических миссий в Китай.

Обязанности, выполнение которых не требовало быстрого передвижения на лошадях, возлагались, естественно, на пеших казаков. Поэтому эта категория служилых несла на себе основную тяжесть всякого рода «дальних посылок». Именно пешие казаки главным образом и посылались на дальнюю «годовую службу» в чужие города и остроги, перевозили на судах казенные грузы, собирали ясак в таежных волостях. Вследствие этого ратные люди пешей службы проводили вдали от дома гораздо больше времени, чем конные казаки; у последних лишь «посольская служба» часто требовала длительного — до нескольких лет — отсутствия в своем гарнизоне.

Во главе посольств и других отрядов, рассылавшихся по Сибири с различными целями, обычно ставили детей боярских (а затем и дворян), которые, как уже отмечалось, вообще выполняли самые ответственные и сложные поручения. Такую же службу нередко приходилось нести за Уралом и «начальным людям» — головам, сотникам, атаманам, ротмистрам, причем они могли возглавлять лиц, до «посылки» никак им не подведомственных. Представителей «служилой аристократии» Сибири, определяли также «приказчиками» в слободы или небольшие остроги, где они оказывались как бы «воеводами в миниатюре», а иногда назначали прямо исполняющими воеводские должности — на освобождавшиеся «до сроку» (из-за смерти и других непредвиденных обстоятельств) места¹. Вместе с тем, в некоторых гарнизонах

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. Прилож. № 273, 437; Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 3. С. 206, 227, 231; Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб. 632; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1862. Т. 8. № 48. С. 210; РГАДА. Ф. 214. Стб. 340. Л. 563. Стб. 663 Л. 40–41. Кн. 83. Л. 276. Кн. 103. Л. 144 об., 145 об. Кн. 220. Л. 51, 100–101 об., 193. Кн. 1255. Л. 7–8 об., 74–77 об.

«малолюдство» вынуждало администрацию возлагать весьма ответственные «службы» и на низшие «чины», вследствие чего даже рядовые казаки, случалось, становились «приказными» в отдаленных зимовьях, «дозирали» земли и устраивали слободы, «прибирали» в них крестьян и т.д.¹

Поручения, не соответствовавшие официально обозначенному в «чине» характеру службы, были вообще довольно обыденным явлением в гарнизонах Сибири. Например, там, где не было конных казаков, в случае особой необходимости (для организации разъездов и т.п.) на коней, взятых на время у местных жителей, могли посадить пеших казаков и стрельцов. В Якутском уезде особая категория конных казаков не прижилась, но тем не менее многие «службы» там требовали лошадей. Поэтому, отправляясь, например, в дальние походы на «захребетные» реки, казаки вынуждены были приобретать вьючных и верховых лошадей за свой счет (так же, впрочем, если требовалось, и оленей, собак, нарты, лыжи), затрачивая в итоге на снаряжение в «дальние посылки» по 150 и более руб. Такими суммами в гарнизоне, конечно, мало кто располагал, и чтобы «подняться» в поход, казакам приходилось «должиться у торговых людей... в дорогую цену и кабалы на себя давать вдвое и втрое...»². Это в немалой степени объясняет большую продолжительность «отъезжих служб» в Восточной Сибири: бывало так, что казаки затягивали возвращение до тех пор, пока не набирали нужного количества мехов или «рыбьего зуба» (моржовых клыков) для расчетов с кредиторами.

Если пеших казаков на «конных службах» в Сибири использовали довольно часто, то конных казаков к «пешим службам» хотя и привлекали, но гораздо реже.

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Прилож. № 49; Т. 2. Прилож. № 187, 223; Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 76; Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. I. С. 140; Никитин Н.И. Землепроходец Дежнёв и его время. М., 1998. С. 79–130.

² Якутия в XVII в. С. 317, 323; Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии. С. 75.

Военно-административный аппарат Сибири работал в конце XVI — начале XVIII в. с большим напряжением. Загруженность гарнизонов «отъезжими службами» и, как следствие, опасное снижение в период пиковых нагрузок обороноспособности подведомственных городов и уездов вызывали постоянную обеспокоенность сибирской администрации и неизменные сетования на то, что «за службами» ратных людей остается малое число и даже «на караулы не доставает». Особенно тяжелое положение из-за «великого малолюдства» складывалось в дальних острожках и зимовьях северо-восточной Сибири, где и к концу XVII в. число казаков порой не превышало числа находившихся под их охраной заложников-аманатов. В воеводских «отписках» сообщалось, что вследствие этого «служилым людям в тех острожках и зимовьях чинитца от иноземцев утеснение великое, и жить страшно, и аманатов оберегать некем»¹.

В сибиреведческой литературе можно найти немало примеров того, как «закинутая на несколько лет в безлюдную пустыню северной тайги или в тундру, в жалкое зимовье... кучка смельчаков голодала... с трудом отсиживалась за полуразрушенным острогом от нападений «немирных иноземцев»». Как отмечал С.В. Бахрушин, до начала XVIII в. «особенно тяжелы были условия службы на крайнем северо-востоке и на Тихоокеанском побережье, где местные племена продолжали оказывать сопротивление и при малолюдстве ясачных сборщиков нередко ставили под угрозу их жизнь»².

¹ Сафронов Ф.Г. Указ. соч. С. 54.

² Якутия в XVII веке. С. 324. О том, насколько реальна была эта угроза, можно судить по следующим примерам. В 1665 г. ламугами был полностью истреблен отряд ясачных сборщиков в 50 чел. В 1670 г. тунгусы убили 66 русских. В 1674/75 г. тунгусы с реки Май убили 17 служилых людей. В 1677 г. на пути из Охотска в Якутск тунгусы уничтожили отряд из 60 казаков, захватили их товары, прожитки, провиант, «государеву казну», пушку и ружья (Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 215–218).

Порядок несение службы в Московском государстве предполагал чередование трудных поручений (типа «дальних посылок») с более легкими, а также полное освобождение на некоторое время от каких-либо «служб». Но в Сибири этот порядок нарушался, пожалуй, чаще, чем где бы то ни было. Сохранилось множество документов, содержащих жалобы казачков на внеочередные «посылки» с воеводскими «отписками» и «казной», «за хлебными запасами», на назначения «не в очередь» в «денщики» и «целовальники», на «годовую службу», в военные походы... Однако расследование этих жалоб, как правило, показывало, что нарушение сложившейся в гарнизонах практики поочередного несения службы менее всего было связано со злой волей воевод и «приказных», а объяснялось главным образом все тем же «малолюдством». Установившийся порядок легко нарушался какой-нибудь «государевой грамотой» или тобольской «отпиской», предписывавшей, например, организацию карательного похода на кочевников или отправку «годовальщиков» в новый острог¹.

Некоторые казаки несли дополнительные нагрузки постоянно (причем далеко не всегда за повышенное жалование) всего лишь потому, что обладали специфическими навыками: одним была «за обычаем» степная служба, и их чаще обычного отправляли в походы на кочевников; другие имели опыт «морской службы», и их «без счету» посылали «в провозатых и жожах» на «заморские реки»; третьи хорошо знали татарский язык, и на них вне всякой очереди возлагалась «посольская служба»².

Поскольку с отъездом части казаков объем традиционных «служб» у оставшегося «войска» не уменьшался, то и массовые экстраординарные, и отдельные внеочередные

¹РГАДА. Ф. 214. Стб. 76. Л. 195–198, 200–203. Стб. 186. Л. 117. Стб. 977. Л. 17–24, 30–33, 48.

²Миллер Г.Ф. Указ. соч. Т. 2 Прилож. № 299. С. 391–392; Дополнения к Актам историческим... Т. 3. № 105. С. 375; Русская историческая библиотека. Т. 8. № 11. Стб. 583; РГАДА. Ф. 214. Стб. 76. Л. 200–203.

«посылки» прямо или косвенно затрагивали весь гарнизон. Единственным законным способом избежать в таких условиях «разоренья» часто оказывался наем посторонних лиц. Официально он допускался лишь в отношении больных, но и тем предписывалось выставлять вместо себя «стрельцов же и казаков» или в крайнем случае их ближайших родственников, но не гулящих людей и тех, кому служба «не за обычай». Однако администрация была вынуждена мириться с широким вовлечением в наемничество самых различных слоев населения. Среди «наемщиков», конечно, встречались и служилые люди, но преобладали, как правило, неверстанные казачьи дети, братья и племянники¹.

Такой состав воинских отрядов, разумеется, не мог радовать ни воеводскую администрацию, ни тем более поставленных над ними «начальных людей», кровно заинтересованных в опытных, владеющих воинским ремеслом кадрах. Но, сознавая, что при ограничении найма только служилой средой на малолюдной окраине «встанут» важнейшие «службы», власти предпочитали активно не вмешиваться в сложившуюся практику наемничества. Она к тому же имела и небесполезные для обороны края последствия: подменяя казаков на «службах», к ратному делу приобщались самые широкие слои населения, что в Сибири XVII — начала XVIII в. часто оказывалось совсем не лишним...

* * *

В конце XVI–XVII вв. за Уралом русский человек нигде не чувствовал себя в полной безопасности, но более всего угроз для жизни он испытывал в самых благоприятных для

¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 511. Л. 7–8. Стб. 977. Л. 44, 46. Кн. 27. Л. 66. Кн. 131. Л. 162 об.. Кн. 228. Л. 33–37 об.. Кн. 220. Л. 355 об.–356 об. Кн. 262. Л. 328 об.–329. Кн. 591. Л. 275 об.. Кн. 608. Л. 375 об.–378. Стб. 84. Л. 714–719; Якутия в XVII в. С. 316; *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 95; *Сафронов Ф.Г.* Указ. соч. С. 59.

хозяйственного освоения районах Сибири — тех, что располагались вдоль ее наиболее плодородной южной полосы. Там русским переселенцам противостояли сильные объединения кочевников, претендовавших на единоличное господство над всей территорией лесостепи.

Население южной Сибири постоянно подвергалось нападениям различных кочевых «орд». С начала XVII в. постоянную угрозу российским владениям за Уралом создавали калмыки (ойраты), продвинувшиеся далеко к северу от занимаемых ранее кочевий и часто объединявшиеся для набегов с «кучумовичами» — не покорившимися потомками последнего сибирского «царя». Нередки были вторжения ногайских, башкирских, а к концу XVII в. казахских и каракалпакских «воинских людей». В Восточной Сибири серьезные помехи русской колонизации до середины XVII в. чинили своими набегами бурятский князь Оилан и его родственники. Наибольший же урон «сибирский украине» вплоть до начала XVIII в. наносили енисейские киргизы, опиравшиеся в своей антирусской борьбе сначала на монгольских алтынханов и затем на джунгар.

Из года в год степные налетчики убивали русских людей и принявших российское подданство «ноземцев», застигнутых на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях, захватывали «полон» для продажи в рабство, отгоняли или уничтожали скот, вытаптывали и выжигали посевы, сжигали деревни, «приступали накрепко» к укрепленным поселениям — городам, острогам, слободам и монастырям. Некоторые из них бывали сожжены (Канский, Ачинский остроги, Рождественский, Далматов монастыри), другим, включая столь крупные, как Красноярск, едва удавалось отбиться¹. В этом

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 197–198, 202; Александров В.А. Русское население Сибири (Енисейский край). М., 1964. С. 42–46; Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв. // Ученые записки Курганского пед. ин-та. 1964. Вып. 6. С. 57–59; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 2. С. 44–46; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010. С. 78–103.

изнурительном противоборстве особенно тяжело приходилось красноярскому, кузнецкому, тарскому и тюменскому гарнизонам, однако к оборонительным мероприятиям постоянно привлекались войска из расположенных севернее городов, а также местное неслужилое население.

В подкрепление к «годовальщикам», направляемым главным образом на весенне-осенний период в южносибирские острожки как из ближайших, так и отдаленных городов, по распоряжениям правительства близ «опасных мест» спешно расселялась особая категория ратных людей — слободские и беломестные казаки, которые служили «с пашни» (т.е. с сильно урезанным жалованьем, а то и практически без него), но зато имели более ограниченный круг обязанностей и были освобождены («обелены») от главных налогов и повинностей¹.

«Для обережи» слобод и острогов таких сил, может быть, и хватало, но оказалось явно недостаточным, чтобы «воинским людям приход перенять». В этой связи большие надежды сибирская администрация некоторое время возлагала на войска «нового строя» — солдатские (пешие) и рейтарские (конные), которые стали формироваться за Уралом с 1660-х гг. (было набрано 696 рейтар и 844 солдата) и размещаться по деревням и слободам Тобольского, Тюменского и Тарского уездов.

Надежды эти, однако, не оправдались. Содержание «новой» пехоты и конницы обходилось казне очень дорого, а нужной отдачи от этих войск не получалось. И не только потому, что сибиряков плохо учили «иноземному строю». Учиться им, как оказалось, было некогда да в общем-то и незачем. Для сражений с кочевниками (к «татарскому бою») более подходил бой «по-казацки», ибо, по словам

¹ Александров В.А. Русское население Сибири... С. 54; Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 310–324; РГАДА. Ф. 214. Кн. 342. Л. 79–83.

сибирских служилых, «рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет». Вместо рейтар и солдат в 1667 г. было набрано 720 чел. в «полк драгунского строя»; их решили устроить «домами» все в той же южносибирской полосе. Драгуны, конечно, являлись более универсальным войском, так как одновременно владели навыками и конного, и пешего боя, и мнение служилых людей здесь было однозначным: «К осаде и в посылках драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее»¹.

Но и о драгунах в Сибири вскоре не стало слышно: в 1689 г. в большинстве своем они были переведены в беломестные казаки (новый драгунский полк был сформирован в Тобольске только в 1698 г.), а в приказной документации появились «книги имянные беломесным казаком, *которые вместо драгун*»².

Цепь крепостей вдоль южной границы Сибири и живой щит из постоянно находящихся при них профессиональных воинов сыграли важную роль в обеспечении безопасности южных уездов и волостей, однако для прекращения вражеских набегов этого было недостаточно: коренным образом переломить ситуацию могла лишь *активная оборона*. Она предусматривала не только отражение или преследование отступавшего противника, но и карательные походы в степь, а также нанесение превентивных ударов. Они вначале обычно осуществлялись по предписаниям из центра объединенными силами нескольких гарнизонов, затем инициатива и здесь все более переходила к местным

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 277–278. — О драгунах и других войсках «нового строя» в Сибири XVII в. см.: Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 334–373; Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 170, 177–179, 185; Никитин Н.И. Военные реформы в Сибири XVII века: полный провал или относительный успех? // Российская история. 2011. № 1. С. 121–128; он же. Военные реформы в Сибири XVII–XVIII вв. Спорные вопросы // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 74–79.

² РГАДА. Ф. 214. Кн. 1044. Л. 30–58. Кн. 1104. Л. 25–63.

властям. Походы в степь были тяжелы и дорогостоящи, далеко не всегда оканчивались для русских удачно, но неизменно рассматривались и воеводской администрацией, и населением Сибири как самая надежная мера по предотвращению вражеских набегов¹.

Высокая результативность наступательной тактики дала себя знать. В конце XVII в. в затянувшемся противоборстве со степью за Уралом произошел коренной перелом, а в начале XVIII в. успех был развит и закреплен строительством на юге Сибири новых опорных пунктов, прежде всего Абаканского (1707 г.) и Саянского (1709 г.) острогов². В первой четверти XVIII в. Россия так же прочно закрепилась в верховьях Оби и Иртыша. Там были построены Чаусский и Бердский остроги, Бикатунская, Ямышевская, Омская, Железинская, Семипалитинская, Усть-Каменогорская крепости, а затем и форпосты между ними. Образовавшаяся таким образом новая оборонительная линия прикрывала от набегов кочевников российские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и на Алтае³.

* * *

Причины столь убедительных побед нередко трактовались в литературе весьма упрощенно, объяснялись монопольным обладанием русских в Сибири огнестрельным оружием, и даже крупные, талантливые историки позволяли себе заменять анализ конкретно-исторического материала по этому вопросу чисто умозрительными построениями. Поэтому «покорение Сибири» изображалось в некоторых работах как истребление «дикарей», из-за

¹ Дополнения к Актам историческим... СПб., 1851. Т. 4. С. 187; РГАДА Ф. 214. Стб. 100. Л. 69.

² Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 221; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 50–58.

³ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 39–41.

страха перед ружейной и пушечной пальбой державшихся в бою далеко от казаков и потому не способных причинить им серьезный вред¹.

Такие представления расходятся с комплексом выявленных к настоящему времени фактов. Заметим, что в XVI–XVII вв. и в европейской части страны отсутствие огнестрельного оружия у крымских, казанских и ногайский татар не слишком мешало им совершать успешные набеги на русские земли (вплоть до сожжения в 1571 г. Москвы). Огнестрельное оружие, конечно, давало важное преимущество (и не столько дальностью стрельбы, сколько большей убойной силой, позволяющей пробивать любые доспехи), однако из-за его конструктивных недостатков и из-за «малолюдства» русских за Уралом в XVI–XVII вв. «огненный бой», по мнению большинства современных исследователей, не был определяющим фактором русских побед и чаще всего лишь позволял поддерживать определенный паритет противоборствующих сторон, так что военный перевес казаков в Сибири в то время редко где был постоянным и решающим благодаря «огненной стрельбе». К ней быстро приспособлялись даже жившие практически в каменном веке народы крайнего северо-востока Азии, и порой они сами обстреливали казаков из захваченных у них ранее пищалей². А кочевые народы южной Сибири — в частности енисейские киргизы и калмыки — во второй половине XVII в. вообще имели на

¹ Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 296; Фирсов Н.Н. Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. С. 15; Халитов М.Х. Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5. С. 75; Измайлов И. Письмо с историей, или Счеты и просчеты имперских историков // Мирас. 1992. № 11–12. С. 3–8; он же. Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–33; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41; Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., [2007]. С. 236–237.

² Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, Ч. 2. С. 99; Якутия в XVII в. С. 54; Зувев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 301.

вооружении много ружей разных видов и широко применяли их против русских¹.

К тому же степнякам Евразии к XVII в. удалось так усовершенствовать лук, что у них не было смысла отказываться от него до конца столетия. Таким луком охотно пользовались и казаки, поскольку он, по мнению некоторых исследователей, «представлял на то время техническую вершину эволюции данного вида оружия» и в руках опытного лучника мог «конкурировать с пищалью и мушкетом», превосходя их в скорострельности, меткости и практически не уступая в дальности стрельбы, что было особенно важно в условиях конного боя². Например, в Забайкалье, как отмечает Е.А. Багрин, русские «активно использовали луки вплоть до первых десятилетий XVIII в., они позволяли вести перестрелку в высоком темпе, характерном для боя в степи»³. И не только в степи: в Зауралье в XVII даже при обороне слобод луки иногда оставались у русских единственным оружием во время нападения кочевников⁴. Служилые люди не пренебрегали «лучным боем» и в сражениях с «иноземцами» на крайнем северо-востоке Азии⁵.

¹ *Главацкая Е.М.* Торговля с «государевыми ясачными людьми» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Мат-лы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 124. См. также: *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего Средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2009. Т. 15. С. 223; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 109; *Багрин Е.А.* Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 203.

² *Марков В.И.* О возникновении украинского козачества. СПб., 2014. С. 52–53.

³ *Багрин Е.В.* Военное дело русских на восточном пограничье России. С. 182.

⁴ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4. С. 283–284.

⁵ *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей (середина XVII — начало XX в.). СПб., 2003. С. 220–250.

Кроме того, в Сибири XVII в., как уже не раз отмечалось историками, типичной была ситуация, когда для успешного ведения боевых действий русским катастрофически не хватало ни огнестрельного оружия, ни боеприпасов¹.

В полном противоречии с фактическим материалом находится и утверждение о том, будто стрелы «сибирских инородцев» «не причиняли никакого вреда русским»². В «отписках» служилых людей часто говорится о ранах, полученных в сражениях с «иноземцами»; иные в одном бою получали «ран по пяти, по семи и по восьми»; ранено нередко бывало большинство участвовавших в схватке (а то и абсолютно все). Ранения эти могли иметь самые роковые последствия, поскольку и в Сибири некоторые племена умели отравлять стрелы смертельным ядом³. Стрелками же сибирские аборигены были, как правило, отменными. О самоедах, например, известно, что они попадали из лука в едва различимую (из-за дальности расстояния) монету. «Стрельцы скоры и горазды», — так отзывались о них русские⁴. Хорошо владели некоторые сибирские народы и таким оружием, как праща. О его убойной силе можно судить по следующему примеру: в 1661 г. служилые люди рассказывали, что чукчи, осыпав-

¹ Бродников А.А. Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 90–93; Зувев А.С. Присоединение Чукотки к России. С. 270; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. С. 328, 359; Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке // Ойкумена. 2009. № 2. С. 100–109; он же. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII. С. 28, 92–93 и др.

² Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быть первых ее насельников. С. 296.

³ Якутия в XVII в. С. 34–35; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 843.

⁴ Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 261; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6.

шие их суда с берега градом камней, «щиты дощаные пробивали и котлы»¹.

Что же могли противопоставить оружию дистанционного боя сибирских аборигенов казаки?

Русская артиллерия была представлена за Уралом в весьма ограниченном количестве. Так, главный сибирский город — Тобольск — в 1684/85 г. имел всего 20 орудий, Тара — 18, Березов — 10, Сургут — 6; аналогично обстояло дело и в 1698/99 г.² Использовать пушки русским в Сибири приходилось в основном для обороны городов, а также для салютов; в походы с собой казаки если и брали одно-три орудия, то, во-первых, редко (из-за трудностей с их перевозкой по сибирским дебрям) и, во-вторых, малого калибра. Русский «огненный бой» в Сибири долгое время олицетворяли главным образом казачьи пищали.

Это были тяжелые однозарядные ружья, эффективно действовавшие на расстоянии не более 100–120 метров, заряжаемые шомполом с дула и требовавшие для обращения с ними немалого опыта и сноровки. В дождь из них стрелять было практически невозможно (и он, случалось, являлся причиной полного поражения углубившегося в степь русского войска, как это, например, произошло в 1693 г. с отрядом тобольского дворянина Василия Шульгина³), да и при нормальной погоде скорострельность пищалей была невелика⁴.

¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Л.; М., 1952. С. 269.

² Дополнения к Актам историческим... Т. 11. № 100; РГАДА Ф. 214. Кн. 1354. Л. 250, 277, 365 об., 370, 372, 386, 389 об., 393 об.

³ Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся. 2-изд. М., 1788. Ч. 3. С. 283–285.

⁴ *Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI-XVII вв. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 272; *Марголин С.Л.* Вооружение стрелцкого войска // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. 2 (Военно-исторический сборник). С. 98; *Багрин Е.А.* Военное дело русских на восточном пограничье России. С. 80–96.

Отсюда неизбежность рукопашных («съемных») боев, где преимущества русских обычно сводились на нет многочисленностью противника. А в оружии ближнего боя, как и в защитном снаряжении, сибирские «иноземцы» часто не только не уступали русским служилым людям, но и превосходили их. Так, у якутов, бурят, енисейских киргизов, калмыков имелись прекрасные доспехи (в том числе и для коней), о которых большинству казаков приходилось только мечтать, и при случае они охотно пользовались этими изделиями местного ремесла¹. У не имевших развитого железоделательного промысла народов наряду с металлическими были распространены «костяные куюки и шишаки», которыми также при случае не пренебрегали русские служилые люди. Так, из описаний вооружения тунгусов видно, что их воины выступали «в куюках и в шишаках, и в нарышнях, и с щитами», «збруйны и оружейны», «с луки и копыи, в куюках и шишаках, в железных и костяных». Вооруженные копьями, в шишаках, одетые в куюки, с неизменным боевым луком и с колчанами стрел, тунгусские воины производили внушительное впечатление на русских².

Вполне закономерно, что сибирские «иноземцы» в ряде случаев наносили «государевым ратным людям» серьезные поражения, причем не только при неожиданных нападениях, когда на стороне коренных жителей могли быть и лучшее знание местности, и фактор внезапности. «А в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и иных землиц люди побивали», и «от иноземцев, новых землиц проведываючи, великое позорство терпим», — жаловались енисейцы в Москву в конце 1620-х годов. Характерное объяснение

¹ *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 37; *Степанов Н.Н.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России // Вопросы истории. 1952. № 7. С. 76; Якутия в XVII в. С. 54, 84; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 99, 182–183; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 47, 50–57; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 225.

² Якутия в XVII в. С. 209–210.

причин своего ухода с Тихоокеанского побережья дали служилые люди после того, как эвены сожгли Охотский острожек: «Жить де на Охоте от иноземцев не в силу»¹.

Но особенно трудно приходилось «государевым ратным людям» при столкновениях с кочевыми народами Южной Сибири. По описаниям очевидцев, южносибирские кочевники «являются быстрым и опасным врагом»; они «очень ловко обращаются с луком и стрелами», «никогда не идут в набег без кольчуги и пик», «выходят в бой прекрасно вооруженными т.е. в шлемах, с копьями и в кольчугах»². Быт скотовода-кочевника вырабатывал навыки профессионального воина практически у всего мужского населения степной и лесостепной полосы, что в сочетании с неизменно присущей кочевникам воинственностью делало их многочисленное, высокоманевренное и хорошо вооруженное войско сильным и чрезвычайно опасным противником.

Однако в столкновениях как с ним, так и с ополчениями других народов и родо-племенных объединений Сибири верх чаще всего все-таки брали русские, и это побуждает нас к поискам причин казачьих побед не только в вооружении, но и в стратегии и тактике воюющих сторон.

* * *

С самого начала «покорения Сибири» русские прибегли к весьма выигрышному для них способу ведения боевых действий — «судовой войне». Казаками он успешно применялся и в европейской части страны (в частности — в борьбе с ногайцами), и ему в немалой степени было обязано своими победами еще войско Ермака³. По мнению известного историка и этнолога А.В. Головнёва, речные походы — это

¹ Там же. С. 64.

² Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. С. 356–359; *Идес Избрант*, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай. С. 281.

³ Никитин Н.И. Атаман Ермак как фигура раздора // Проблемы новой и новейшей истории России: сборник. М., 2022. С. 12–13.

вообще «стратегическое средство русской колонизации»¹, и он, безусловно, прав, особенно в отношении Сибири. За Уралом развитого речного флота не было ни у степных кочевников, ни у таежных охотников, поэтому казаки в своих «плавающих крепостях» были вездесущи и непобедимы (только на Амуре они столкнулись с сильным вражеским флотом Китая, что сразу же крайне осложнило их положение).

Победы русским в Сибири в немалой степени обеспечивало и то обстоятельство, что казаки в бою «держали строй», т.е. не сражались в беспорядке². Правда, и такой серьезный противник, как кочевники юга Сибири, действовал в бою тоже отнюдь не хаотично. Тактика кочевников по обе стороны Урала была традиционной: массированный обстрел из луков в ходе следовавших друг за другом «напусков» — конных атак с быстрым в случае сильного отпора отступлением — и завершающий удар «в копья» по расстроенным рядам деморализованного, измотанного непрерывными атаками врага³.

Русские обычно противопоставляли этой тактике, во-первых, интенсивную встречную стрельбу с последующей контратакой, позволявшей навязать в подходящий момент столь нелюбимый степнякам ближний бой, и, во-вторых, быстрое сооружение укрытий от ливня вражеских стрел. И если, например, казаки успевали занять в степи круговую оборону, «укрепясь табором» (т.е. оградившись телегами или лишь воткнутыми в снег лыжами и нартами), то даже многократно превосходящий по численности противник не мог их ни «копьем смешать», ни «давом задавить», а нес во время атак большие потери⁴. Этот прием отнюдь не был сибирским

¹ Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 491.

² Никитин Н.И. Военные реформы в Сибири XVII–XVIII вв. Спорные вопросы // Военно-исторический журнал, 2013. № 6. С. 76.

³ Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 119, 161–162; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации западной Сибири. С. 73.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 203–205.

изобретением: его русские широко использовали с давних времен и в европейской части страны¹.

Как выяснили военные историки, русские ратники в XVI–XVII вв. вообще чувствовали себя неуверенно без опоры в случае осложнения обстановки на какое-либо защитное сооружение — будь то стены острога, борта струга или всего лишь поставленные вокруг телеги. Но за Уралом ввиду постоянного численного превосходства противника эта тенденция была особенно сильна. Поэтому понятно стремление сибирских служилых на каждой более или менее длительной стоянке «срубить» себе какую-нибудь «крепь». Удачно выразился в этой связи историк забайкальского казачества А.П. Васильев: «Тактика и стратегия казаков может быть сформулирована словами: стратегически наступать, тактически обороняться»².

При обороне городов русские явили миру, пожалуй, наивысшие образцы ратного мастерства, что признавали даже враги. Как отметил польский король Стефан Баторий, «московиты превосходят все прочие народы мужеством и пылом в защите крепостей»³. В Сибири русским также не раз приходилось демонстрировать свое умение не только быстро строить вполне надежные оборонительные сооружения, но и эффективно отражать вражеские «приступы», что особенно ярко было продемонстрировано во время столкновений с маньчжурами на Амуре — при защите Ачанского, Кумарского и Албазинского острогов⁴.

Казачья обычная вели из-за своих укреплений интенсивный и меткий огонь, нанося врагу большой урон, но разгром

¹ История внешней политики России. От свержения Ордынского ига до Северной войны. М., 1999. С. 319–321; Белов Л.А. Московская Русь: от Средневековья к Новому времени. М., 2005. С. 154–155.

² Васильев А.П. Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т. I. Прилож. С. 39.

³ Цит. по: Пенской В.В. Героическая оборона Полоцка в августе 1579 г. // Военно-исторический журнал. 2013. № 6. С. 68.

⁴ Никитин Д.Н., Никитин Н.И. Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI — начала XVIII века. М., 2016. С. 50, 55–56, 70–72.

осаждавшего их противника чаще всего решала не стрельба со стен и башен, а неожиданная вылазка, навязывание противнику ближнего боя. Именно такие вылазки и ожесточенные «съемные» бои обращали в бегство и маньчжуров, штурмовавших с пушками и всякими «приступными хитростями» русские крепости на Амуре, и киргизов, осаждавших Красноярск и другие русские остроги на юге Сибири, и воинов различных племен сибирской таежной зоны, «приступавших накрепко» к казачьим зимовьям¹.

Умение русских вести рукопашный бой отмечалось давно; теперь, однако, стали все более четко проявляться глубоко народные истоки этого умения, а именно: его тесная связь с широко бытовавшими в России вплоть до XX в. традициями «кулачного боя», особенно такой его разновидности как бой «стенка на стенку», приучавший чувствовать строй и действовать согласованно. Последние исследования практически забытого ныне «русского боевого стиля» показывают длительное существование на Руси специфической «боевой культуры», уходящей корнями еще в языческую древность, да и позднее носившую во многом характер магического обряда и, несомненно, способствовавшей выработке у основной массы мужского населения России высоких бойцовских качеств².

Отметим, что сибирские казаки зарекомендовали себя не только как мастера рукопашного боя и стойкие «градодержцы». Приемами *штурма* крепостей они также неплохо владели, будучи, таким образом, и умелыми «градоимцами». «Иноземческие городки» бывали так хорошо укреплены, что казакам приходилось их брать по всем правилам военного искусства того времени — с использованием специальных подвижных «щитов» или сооружая на подступах к вражеской

¹ Якутия в XVII в. С. 52–53, 63–64; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 45, 55–56.

² Лукашев М.И. И были схватки боевые... М., 1990. С. 92–98; Русский стиль. Боевые искусства. М., 1992; Терешонок А., Адашкевич Ю. Рукопашный бой в русском стиле // Москва. 1992. № 11–12. С. 183–186.

крепости особые «осадные» острожки и башни, откуда можно было обстреливать ее внутреннее пространство и т.д.¹

Но, разумеется, не одни лишь «приступные хитрости», «огненный бой», умелые тактические приемы или навыки рукопашного боя были той основой, которая в конечном итоге обеспечила русским военное преимущество на территории Сибири. По мнению ряда как дореволюционных, так и современных исследователей, главная (или «одна из главных») причина большинства казачьих побед — высокий боевой дух и отчаянная храбрость самих казаков, их, как принято теперь говорить, «пассионарность»². Именно эти качества в сочетании с ратным мастерством, предприимчивостью, упорством, неприхотливостью и удивительной выносливостью позволяла им выходить с минимальными потерями из разных злоключений и одерживать верх даже над намного превосходящим по численности и не уступающим в вооружении врагом. Отчаянная храбрость этих отчаянных, «бедовых» и «рисковых», закаленных невзгодами и тяжелыми испытаниями людей удесятрляла их силы в бою и сразу же бросалась в глаза противнику, парализуя его волю, сковывая его действия.

Чукчей, судя по их фольклору, проанализированному В.И. Кузьминых, в русских поражали и устрашали, помимо внешнего вида, «бешеная храбрость и непредсказуемость, а отнюдь не гром выстрелов»³. «Храбрые как тигры

¹ Якутия в XVII в. С. 38, 53–54; *Баландин С.Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1074. С. 15.

² *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 630–631; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд. Л., 1990. С. 289; *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 86; *Каменецкий И.П.* «Сражались умело, отчаянно...». Русская военная тактика при освоении Сибири в XVII веке // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 6.

³ *Кузьминых В.И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков: Тезисы докл. научн. конф. Томск, 1994. С. 35.

и искусные в стрельбе...» — такие отзывы русские казаки получали в XVII в. в Китае¹, и слова эти вполне раскрывают причины казачьих побед в столкновениях как с подчинившими Поднебесную маньчжурами, так и с другими, не менее воинственными народами Северной Азии.

* * *

Отношение казачества к сибирским аборигенам — одна из самых острых и часто обсуждаемых историками тем. Суть связанных с ней проблем четко сформулировал в своей последней книге известный сибиревед Д.Я. Резун: «Было время, когда о первых русских землепроходцах... было принято говорить только в положительных тонах и словах... Наступили другие времена, и в печати можно встретить уже другие характеристики, низводящие казаков-землепроходцев до фигур криминального мира»².

Действительно, каких только оценок и эпитетов не удаивались казаки Сибири в ходе «переосмысления» нашего прошлого, отражая ясно обозначившуюся в последнее тридцатилетие тенденцию к «дегероизации» нашей истории: «профессиональные убийцы», «конкистодоры, привыкшие убивать всякого, кто попадетсЯ», «бродяги, авантюристы и разбойники» и т.д. и т.п.³

По наблюдениям А.С. Зуева, особенно часто подобные эмоции «перехлестывают через край» в популярных работах и в публицистике. Там действия русских все чаще характеризуются не иначе как «преступление», «кровавые похождения», рисуются жуткие картины «зверств» и «насилий» пришельцев над коренным населением⁴.

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3, Ч. 1. С. 155.

² Резун Д.Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49.

³ См., например: Родина. 1990. № 5. С. 75; 1994. № 8. С. 28–33.

⁴ Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007. С. 106–107.

Приводимые в подкрепление подобных характеристик факты в большинстве случаев, действительно, могли иметь место. Война — всегда крайне жестокая вещь, а в XVI–XVII вв. — тем более. Нравы в эпоху покорения Сибири были весьма суровые — под стать эпохе.

Вопрос о допустимости подхода к событиям далекого прошлого с позиций современной морали и этики тоже с давних пор является дискуссионным и по сей день актуальным. Еще Н.М. Карамзин призывал «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени»¹. От подхода к поступкам людей прошлого с современными мерками предостерегал Проспер Мериме. В современной литературе этот вопрос тоже активно обсуждается. Например, Ю.А. Поляков считал, что «плох историк, не соблюдающий принципов историзма в оценке событий минувшего... Нельзя судить близких и далеких предков наших по нынешним меркам», — заключил он². А.В. Головнёв призывал своих читателей «смотреть на события не с высоты сегодняшнего дня»³. И эти исследователи, безусловно, правы.

Казачьи XVII в. были, разумеется, детьми своего сурового времени, и оценивать их поступки с позиций сегодняшней морали нелепо. Этические представления той эпохи во многом отличались от декларируемых ныне, и, в частности захват силой оружия «чужих» территорий считался вполне заурядным событием и даже рассматривался как проявление к победителю милости «высших сил». И человеческая жизнь не ценилась в те времена так, как ценится ныне. Однако такие человеческие качества, как отвага, решительность,

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. М., 1989. Т. 1. С. 122.

² Московские новости. 03.04.88. — Подробнее о проблеме см.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 45–46.

³ Головнёв А.В. Феномен колонизации. С. 10.

предприимчивость, любознательность, стойкость и мужество, воинская доблесть и товарищеская верность, ценились и будут цениться всегда, а их казачество Сибири проявило воочию и особенно — в самый первый, «героический» период своей истории, что тоже должно бы отмечаться исследователями, претендующими на объективность

Вообще же, Сибирь знала два основных типа казака-землепроходца. Первый — это типичный конкистадор, смыслом жизни которого были военные походы и военная добыча. Люди эти были, как правило, не просто храбрые и выносливые, а часто еще и авантюрного склада, отчаянные, нахрапистые, не останавливающиеся ни перед чем для достижения поставленной цели. Типичными представителями этого типа землепроходцев являлись такие хорошо известные фигуры, как Иван Галкин, Михаил Стадухин, Ерофей Хабаров. Поступки их, мягко говоря, далеко не всегда укладываются в современные представления об этике и морали, но нельзя не признать, что без таких «удальцов» покорение Сибири вряд ли бы состоялось. Люди подобного склада были востребованы своим временем и порождены им же, после чего (с наступлением других времен) они довольно быстро сошли с исторической арены.

Землепроходцев второго типа отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность. При необходимости они неплохо проявляли себя в ратном деле, но предпочитали решать все вопросы мирным путем. Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых различных племен и народов. Именно за такими людьми было будущее русской Сибири, и они тоже были порождены и востребованы не только *своим* временем, но и тем, что наступило в Северной Азии *после* ее присоединения к России. Самым известным и общепризнанным представителем сибирских служилых такого типа являлся Семён Дежнёв. К числу близких ему по духу и поведенческим стандартам людей можно отнести еще ряд широко известных персонажей сибирской истории

XVII в. — Петра Бекетова, Максима Перфильева, Якова Тухачевского¹.

То, что деятельность служилых людей «конкистадорного» типа получила в источниках гораздо большее отражение, объясняется спецификой приказной документации XVII в., менее всего нацеленной на фиксирование обыденного, и в частности мирных, «человеческих» взаимоотношений русских и аборигенов. Но о достаточно широком распространении в Сибири именно таких взаимоотношений ясно говорят пусть и отдельные, случайно выявляемые, но весьма показательные и по большей части давно известные факты. Они свидетельствуют, что у русских за Уралом среди аборигенов в XVII в. имелись «старые друзья и знакомцы», что для улаживания конфликтов сибирские «иноземцы» просили присылать к ним знающих их обычаи служилых, пользующихся у коренного населения особым доверием, что, отправляясь в поход, казак мог оставлять свое хозяйство и семью на попечение знакомого «иноземца» (как это сделал, например, Дежнёв), что «иноземцы» часто ходят к русским в гости и предупреждают их о готовящихся нападениях, что в момент смертельной опасности «иноземец» закрывает русского друга своим телом (эпизод из похода Атласова), что порой казакам удается отбиться от неприятеля лишь благодаря помощи ясачных якутов, тунгусов или бурят².

¹ *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1998; *Курилов В.Н., Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 33–37; *Полевой Б.П.* Изветная челобитная С.В. Полякова // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Т. 2. Владивосток, 1995. С. 26; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.

² *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 332–334; *Курилов В.Н., Люцидарская А.А.* Указ. соч. С. 37; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 74; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. С. 47–49; *Зув А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 386.

Историки в последнее время всё чаще пишут об отсутствии у казаков в XVII в. ксенофобии, о в целом «толерантном» их отношении к «иноземцам»¹. Это перекликается с наблюдениями, сделанными еще дореволюционными сибиреведами, отмечавшими такое качество русского народа, как «необыкновенная способность... уживаться с людьми». «Русский человек, — писал П.Н. Буцинский, — легко ориентируется в каждой новой местности, умеет приспособиться ко всякой природе, способен перенести всякий климат и вместе с тем умеет ужиться со всякою народностью...»². По мнению ряда исследователей, одной из отличительных черт русского национального характера являлось «отсутствие высокомерного презрения и вражды к населению колонизируемых стран» и «житейская уступчивость». Не раз отмечалось, что «духом нетерпимости по отношению к инородцам русские переселенцы в Сибири никогда не были проникнуты», что «они смотрят на вогула, самоеда, остяка и татарина прежде всего как на человека и только с этой стороны определяют к ним свои жизненные отношения»³.

Способность русских «находить почву для сближения с другими народами» поражала и иностранных наблюдателей, обращавших внимание на отсутствие у русского человека «снобизма» в отношении населения колонизируемых территорий, обычно столь свойственного западноевропейским переселенцам⁴.

Так что вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической

¹Зуев А.С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. С. 23; *он же*. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 88–89, 151–152.

²Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 334–335.

³Там же. С. 332. См. также: *Замысловский Е.* Занятие русскими Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. 1882. Октябрь. С. 245; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 246, 271.

⁴Скалон В.Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII в. М., 1951. С. 151–152.

справке о гарнизоне Сургута особо подчеркнули свое умение приводить «в спокойствие» ясачные народы «ласковостью» — «черз знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»...¹

Конечно, хотя мародерство и прочие проявления жестокости являлись во все времена неизбежными спутниками войны, поведение сибирских казаков в XVII в. порой могло выходить «за рамки» свойственных той эпохе представлений об этике и морали — это вполне реальная вещь, официально называвшаяся в приказной документации того времени «воровством» и поступками «лихих людей». А в XVII в. среди служилых людей Сибири встречалось немало ссыльных уголовников и прочих маргиналов — особенно в наиболее удаленных регионах, где слабый контроль за ними со стороны администрации не мог не способствовать беззаконию и произволу, от которых, кстати, страдали не только аборигены: грабежи «новоприборными» служилыми людьми встречавшихся на пути следования русских торговцев и крестьян довольно часто становились предметом расследования московской и местной власти².

Соответствующим образом она реагировала и на случаи всякого рода «насильств» по отношению к коренному населению. Они решительно противоречили общей политике Москвы, крайне заинтересованной в сохранении и приумножении численности ясачных людей» — поставщиков драгоценной пушнины, главного в ту пору богатства Сибири. Даже приводить «иноземцев» в российское подданство московские власти предписывали «ласкою и приветом», а в случае неудачи мирных способов принуждения к ясаку рекомендовали служилым «тех непослушных людей смирять небольшим разореньем... чтоб их смирить слегка»³. Было бы наивно

¹ Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.

² См., например: Бродников А.А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки из истории XVII века). Новосибирск, 2019. С. 196, 211, 212, 312–324.

³ Цит. по: Якутия в XVII в. С. 276.

предполагать, что такие предписания всегда неукоснительно исполнялись, но свое воздействие на казаков они, безусловно, оказывали. Показательно, что в своих отчетах и челобитьях о наградном жалованье служилые люди, указывая число убитых в бою «мужиков» из числа «немирных иноземцев», порой добавляли: «потому что живыми их было взять немочно»¹.

Усилия властей по наведению порядка в отношениях между служилыми людьми и аборигенами — вполне очевидный факт, подтверждаемый источниками, давно введенными в научный оборот. Хрестоматийную известность приобрели случаи, когда за «обиды и налоги», чинимые ясачным людям, казаков подвергали «жестоким наказаниям»: били «кнутом на козле и в проводку безо всякие поноровки», а затем ссылали в дальние остроги².

Это, несомненно, приносило свои результаты. Кроме того, немалую роль в налаживании и нормализации русско-аборигенных отношений за Уралом сыграло качественное изменение самого состава сибирских гарнизонов. По мере выбывания казаков, набранных из «гулящих» и ссыльных людей, их места занимались людьми семейными и благонадежными, обзаводившимся своим хозяйством и стремившимся избежать конфликтов с аборигенами. Да и у «иноземцев» постепенно происходили перемены по отношению к российской власти и, соответственно, к пришлому населению. Они вскоре оценили выгоду мирных (и прежде всего торговых) отношений с русскими, а общая стабилизация обстановки в Сибири сопровождалась вполне естественными изменениями и в менталитете всех его обитателей³.

¹ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6.

² Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 4. С. 57–58; Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 115; Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов... С. 50; Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 219.

³ Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 137–138; он же. Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири. С. 154; он же. Присоединение Чукотки к России. С. 384–385.

С течением времени казачий менталитет мог, конечно, меняться. Так, некоторые исследователи отмечают проявления высокомерного, презрительного отношения сибирских казаков к «туземцам» в конце XIX в.¹ Но ведь таковым оно было тогда у казаков (причем не только сибирских) и по отношению к *русскому* «мужику» (см. выше, главу первую), и потому должно рассматриваться как проявление не столько национальной вражды, сколько элементарного сословного чванства, столь, к сожалению, свойственного казакам в XIX и в начале XX вв.

Но и чванство это не следует абсолютизировать: далеко не все казаки Сибири были заражены им. Тому есть немало свидетельств, но, пожалуй, наиболее красноречивое из них оставил знаменитый русский писатель И.А. Гончаров. В 1854 г. он возвращался в Петербург через Сибирь после своего путешествия на фрегате «Паллада». Многим удивил его этот край, в том числе тем, что русские поселенцы на Амге даже между собой часто говорили по-якутски (объяснив, что это у них «обычай такой»)². И уж никак не мог он пройти мимо весьма любопытной сцены, детально им описанной. «Я... увидел двух человек, сидевших верхом на обоих концах толстого бревна... — пишет Гончаров, — Один, высокого роста, красивый, с покойным, бесстрастным лицом: это из наших. Другой, невысокий, смуглый, с волосами, похожими, и цветом и густотой, на медвежью шерсть, почти с плоским лицом и с выражением на нем стоического равнодушия, это — из туземцев... Русский делал вырубку на бревне, а туземец сидел на другом конце, чтоб оно не шевелилось, и курил трубку. Щепки и осколки, как дождь, летели ему в лицо и в голову: он мигал мерно и ровно, не торопясь, всякий раз, когда горсть щепок попадала в глаза, и не думал отворотить головы... Русский рубил сильно и глубоко вонзал топор в дерево... Он кончил

¹ Ремнев А.В., Суворова Н.Г. «Обрусение» азиатских окраин Российской империи: оптимизм и пессимизм русской колонизации // Исторические записки. М., 2008. Вып. 11. С. 157.

² Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. М., 1976. С. 514.

и передал топор туземцу, а тот передал ему трубку. Русский закурил и сел верхом на конец, а туземец стал рубить. Щепки и осколки полетели в глаза казаку; он, в свою очередь, стал мигать»¹. Ну никак не укладывается эта бытовая зарисовка в представления о колонизаторах и поработанных туземцах...

Примечательны и некоторые свидетельства иностранных наблюдателей более позднего времени. Американский сенатор Бэверидж, проехавший в 1901 г. всю Сибирь, увидел главную причину прочности позиций России на Дальнем Востоке прежде всего в том, что русский народ не проявляет «никакого оскорбительного способа обращения с расами, с которыми превосходно уживается». Даже у «русского солдата» (читай — казака) Бэверидж подметил «свойственную всем русским» «поразительную характерность» — это способность «дружиться с народом», которого победил»².

В последнее время в исторической литературе всё чаще проводятся сравнения русской колонизации Сибири и западноевропейской — Америки, и некоторые любители таких сопоставлений акцентируют внимание не на положительных последствиях вхождения сибирских народов в состав России (как это обычно делалось в советские времена), а лишь на «негативе», не видят принципиальной разницы между западноевропейской и русской колонизациями, а казаков уподобляют конкистадорам, беспощадно уничтожавшим коренное население Нового Света³.

В освоении европейцами новых территорий, разумеется, можно найти много общего, а массовые миграции на любых континентах обычно несут их коренным обитателям как «негатив», так и «позитив», пусть и в разном соотношении. А каким оно было в нашем случае красноречивее всего свидетельствует статистика: если в Северной Америке с XVI по

¹ Там же. С. 487.

² Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 287–288.

³ См., например: Измайлов И. Счеты и просчеты имперских историков. Родина. 1994. № 8. С. 28–33.

конец XIX в. общая численность коренного населения *сократилась* в несколько раз, то в Северной Азии она за тот же период в несколько раз *увеличилась*¹. И к таким итогам демографических процессов в Сибири служилые люди имели, конечно же, не последнее отношение...

* * *

Приведенные выше материалы однозначно свидетельствуют, что служилый человек был самой заметной и значимой фигурой в Сибири на раннем, самом трудном этапе ее русской колонизации. Правда, такие представления утвердились в нашей историографии сравнительно недавно. Долгое время — с 1950-х до 1980-х гг. — главную роль в освоении зауральских территорий даже на его раннем этапе сибиреведы отводили крестьянству — как «основному производительному классу феодального общества». Однако вводимые в научный оборот новые документальные материалы и деидеологизация исторической науки привели к тому, что в конце концов положение о доминирующей роли казачества в присоединении и освоении Сибири в конце XVI–XVII вв. стало фактически общепризнанным².

¹ *Аверкина Ю.П.* Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 8–10; *Коренное население Северной Америки в современном мире.* М., 1990. С. 335; *Дамешек Л.М.* Историко-типологические модели инкорпорации нерусских народов в состав Российской империи: сибирский вариант // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 41–42; *Скобелев С.Г.* Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998; *Кузнецова Е.В., Скобелев С.Г.* Изучение демографии коренного населения Сибири в XVII–XXI вв. в контексте аналогичных мировых процессов как вклад в создание положительного образа России // URL: <http://image-of-russia.livejournal.com/15582.html> (2008 г.)

² *Никитин Н.И.* Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // *Российская история.* 2014. № 3. С. 72–90.

В самом деле. Именно казаки совершили за Уралом основную часть географических открытий и в первую очередь усилиями служилых людей были присоединены к России новооткрытые «землицы». Первые города в Сибири были основаны и построены тоже главным образом казаками. До конца XVII в. служилое население превосходило по численности все остальные социальные группы Сибири (кроме аборигенов), да и в начале XVIII в. крестьянское население хоть уже и превысило по общей численности служилое, но размещалось преимущественно на сравнительно небольшой территории Верхотурско-Тобольского земледельческого района.

Но казаки не только «проведали» и присоединили к России гигантские пространства на Севере Азии, не только защищали восточные рубежи государства Российского от нападений извне, обеспечивая тем самым возможность мирно трудиться за Уралом и пахарю, и кузнецу, и плотнику. Огромен и непосредственный вклад казаков в развитие сибирской экономики. И хотя из-за крайней загруженности «службами» большинство их не могло на постоянной основе заниматься ни хлебопашеством, ни «торгами и промыслами», та часть сибирских гарнизонов, которая смогла включиться в хозяйственную жизнь своего региона, долго занимала там сильные позиции. Даже к началу XVIII в. в крупнейших ее уездах — в Тарском, Красноярском, Томском, Нерчинском казачьи семьи преобладали среди местных хлебопашцев и составляли немалую часть земледельческого населения в таких уездах, как Тюменский и Тобольский. В результате не только города, но и множество сельских поселений было основано за Уралом служилыми людьми и по сей день носит имена своих основателей — казаков.

Еще более сильными были позиции казачества в ремесле и торговле. В тех уездных центрах, где до конца XVII в. по существу не сложилось посадского населения (в Нерчинске, Якутске, Березове, Сургуте и т.д.), практически все виды местной торгово-ремесленной деятельности долгое время были сосредоточены в руках служилых людей и их родственников. В крупных и, по сибирским понятиям, экономически

развитых городах (Тобольске, Тюмени, Верхотурье) служилые люди в XVII в. занимали либо равные с посадом, либо даже более сильные позиции. А, например, в Томске и к 20-м гг. XVIII в. казаки составляли абсолютное большинство местных ремесленников¹.

В XVIII–XIX вв. на территории Азиатской России в казаки в массовом порядке записывали не только потомков первопроходцев, но и тех, кто никакого отношения к ним не имел и через суровый «естественный отбор» в ходе присоединения Сибири не проходил. Но подобно тому, как в свое время «ермаковы казаки» стали, по выражению Г.Е. Катанаева, «тем цементом, который связал между собою традициями первых покорителей вновь образованные казачьи станицы»², служилые люди сибирских гарнизонов XVII в., являясь ядром образованных за Уралом казачьих войск, оказались тем «ферментом», который очень быстро позволил и в Сибири сложиться полноценному казачьему сословию с его традиционно крепкой хозяйственной хваткой, предприимчивостью и воинской доблестью.

Н.И. Никитин

¹ *Леонтьева Г.А.* Роль служилых людей в экономическом становлении и развитии сибирского города в XVII — первой четверти XVIII в. (историография) // *Историография городов Сибири конца XVI — начала XX в.* Новосибирск, 1984. С. 100–124; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 141–194.

² *Катанаев Г.Е.* Западно-Сибирское служилое казачество... С. 58.

**Сибирские служилые
и жилецкие люди
в документах архива
Казенного двора
за 1613–1624 гг.**

Оформившееся лишь в 1808 г. Сибирское казачье войско берет свое начало от городского сибирского казачества конца XVI–XVIII вв., поэтому столь важно изучение персонального состава не только казачества, но и других служилых людей сибирских городов. На материалах сибирских служилых людей блестяще показана абсолютная условность механически перенесенной за Урал социальной структуры московского общества¹. За то прослеживаются принципы практической целесообразности в суровых условиях выживания на бескрайних просторах Сибири — чем дальше от Замосковского края, тем более смягчается строгость социальной иерархии служилого московского общества, тем условнее сама социальная структура, тем более размытыми оказываются сословные границы. По той же причине достаточно поздно оформляется войсковая организация сибирского казачества, отделившая казаков от других категорий

¹ Александров В.А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94–113.

сибирских служилых людей и оформившая сословные границы сибирского казачества. На протяжении всего XVII в. переход сибирских служилых людей из одной категории в другую массово фиксируется историками, особенно в рамках своей городской корпорации.

Продвижение России в Сибирь осуществлялось посредством системы фортов-острогов, возводившихся с конца XVI в. Возводившиеся русскими города и остроги стали основой удержания и закрепления под рукой московских самодержцев присоединенных и осваиваемых за Уралом земель и создания базы для продвижения дальше — на восток¹. Практические оценки русской колонизации Сибири не входят в число задач настоящей работы, однако нельзя не отметить в современной историографии некоторой тенденции идеализации предшествующей ей татарской колонизации Сибирского ханства², чему кроме умозрительных гипотез не находится никаких фактологических подтверждений. Тот факт, что на севере Западной Сибири расселившиеся вдоль рек и дорог татары с закреплением здесь России либо ушли на юг, либо (что вероятно было чаще), приняв православие, влились в ряды русского служилого сословия³, свидетельствует об определенной наследственности и на раннем этапе определенной схожести этих двух

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. С. 261–303; Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб., 2008 (репр. с изд.: 1849). С. 132–133; Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. М., 2010 (репринт: СПб., 1902). С. 36–37; Никитин Н. И. Формирование восточных границ России (конец XVI — начало XX вв.) // Формирование территории Российского государства XVI–XX в. (границы и геополитика) / Отв. ред. Е.П. Кудрявцева. М., 2015. С. 204–208.

² Файзрахманов Г.Л. История татар Западной Сибири: с древнейших времен до начала XX века. Казань, 2007.

³ Там же. С. 204–205, 212–216.

колонизаций¹. Это объясняет и тот факт, что смена татарской власти русской в таежной зоне прошла относительно легко и бескровно в отличие от степной и тундровой зон Сибири. В то же время в начале XVII в. сравнительно недавно утвердившаяся власть России над Сибирью еще далеко не всеми воспринималась как незыблемая и окончательная: последняя попытка (хоть и обреченная на поражение) реставрации Сибирского ханства была предпринята еще в конце 1620-х — начале 1630-х гг.²

Настоящая глава построена в форме хронологического регеста с предисловием и комментарием. Абсолютное большинство регистрируемых записей посвящено пожалованиям сибирских служилых людей за их приезды в Москву, преимущественно для доставки «мягкой казны». Впервые предпринята попытка составить хронологический регест важного и мало изученного сегмента истории Российского государства и освоения Сибири — доставки ясака из сибирских городов в Москву. Записи о пожаловании казаков и других сибирских служилых и «жилецких» людей, которые организовывали и осуществляли этот процесс, не только важнейший фиксирующий источник, но

¹ *Тычинских З.А.* К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 180–181; *Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А.* Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 104–105, 107–109; *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство Кучума царя. Некоторые вопросы государственного устройство // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 114 — с учетом большей эффективности победившей ср.: 33; 34; 35; 41.

² *Худяков Ю.С.* Взятие Чингисова городка (эпизод борьбы за восстановление Сибирского ханства в XVII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 53–56; *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 66–114.

в исследованный период порой являются единственными свидетельствами персонального состава гарнизонов сибирских острогов. В просопографическом изучении сибирских служилых людей уже сделано немало¹, но базовый для нас комплекс документов еще не привлекался историками Сибири, кроме вторичного использования введенного нами в научный оборот материала². Исследование охватывает наименее исследованный в истории служилых корпораций Сибири период выхода России из Смуты и первые послесмутные годы 1613–1624 гг.

В условиях выхода России из Смуты — первой в русской истории гражданской войны, чрезвычайно большое значение имело восстановление государственной казны и армии — две неразрывно связанных составляющих выживания России как суверенного государства. Вклад в восстановление государственного бюджета России сибирской «мягкой казны» еще ждет своего исследователя, но несомненно его сложно переоценить.

Собственно гражданская война в России оказалась осложнена войнами с соседями: с Речью Посполитой

¹[Резун Д.Я.] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. Ред. И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. — М.; СПб., 2020. — 992 с.

²Малов А.В. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613–1619 гг. (По данным приходо-расходных книг Казенного приказа) // Меншиковские чтения — 2015: Материалы Российской научной конференции: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра), 27–29 ноября 2015 г. / отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 10. С. 157–184; Солодкин Я.Г. Два березовских казака (из ранней истории гарнизона первого русского города Нижнего Приобья) // Материалы и исследования по истории России. Вып. 2 / Отв. Ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2017. С. 21–23; Он же. Михаил Кашмылов (к ранней истории казачества «Березова города») // Там же. С. 24–26; Он же. Истома (Савва) Аргунов — один из первых атаманов «Березова города» // Альманах «Казачество». № 26. 2017 (2). С. 62–69.

в 1609–1619 гг.¹ и со Швецией в 1610–1617 гг., — как водится, поспешившими воспользоваться глубоким социально-политическим кризисом Русского государства и общества нач. XVII в., которые на начальном этапе носили характер неприкрытой интервенции. После освобождения Москвы в 1612 г. и избрания в 1613 г. новой династии в лице Михаила Федоровича Романова начинается восстановление государственного аппарата России. С этого момента в распоряжении историка — даже с учетом позднейших потерь московских архивов от пожаров — имеется достаточно репрезентативная источниковая база, позволяющая выстроить хронику приездов в Москву ратных людей Сибири с «мягкой казной» в 1613–1619 гг.

Сохранившиеся документы архивов Сибирского приказа² и местного управления³ дают систематический материал по

¹ Верхняя хронологическая рамка связана не только с разницей григорианского и юлианского календарей, когда подписанное перемирие вступало в силу по юлианскому календарю 25 декабря 1618 г., которое соответствовало 4 января 1619 г. по григорианскому календарю (*Majewski A. A. Moskwa. 1617–1618. Warszawa, 2006. S. 183–184; 27. С. 43–72*). На протяжении всех переговоров и позже после вступления в силу только что подписанного Деулинского перемирия запорожцы и лисовчики не прекращали разграбления и опустошения страны. Поэтому мы отодвигаем дату окончания войны вплоть до выхода из страны в феврале 1619 г. последних отрядов этих двух служилых корпораций Речи Посполитой.

² РГАДА. Ф. 130. Сибирские дела. Оп. 1. 13 е.х. 1618–1720, коп. — 1570, 1597; 161858 — только о кучумовичах; Ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 1.; Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 1, 3. березовская таможня с 1634 в 214 ф.; *Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. I. М., 1895*; Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель в четырех томах. Т. 1. М., 1991. С. 59–61, 159–167.

³ РГАДА. Ф. 833. Березовская приказная изба. Оп. 1. № 1–2. 1634, 1637 гг.; Грамоты 1556–1635 гг. // *Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. С. 324–450*; Российский государственный архив древних актов. Путеводитель в четырех томах. Т. 3. Ч. 1–2. М., 1997. С. 70, 165, 197.

истории городов и служилых людей Сибири не ранее 1625 г., а для некоторых острогов лишь с 1630-х гг. В.Д. Пузанов, наиболее обстоятельно исследовавший этот вопрос в обоих изданиях своей монографии, для Березовской крепости приводит данные с 1627/28 г.¹ Единственным историком, успевшим поработать с сохранявшимся до его времени архивом Березова города остается Г. Ф. Миллер². В то же время из скопированных и опубликованных историком сибирских документов к периоду 1613–1619 гг. относятся 13 — по всем сибирским острогам, по Березову — ни одной³. Скопированная Миллером «Опись Березовской архивы» за прослеженный нами период сохранила упоминания 8 документов⁴. Однако столбцы и книги Казенного приказа (РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1, 2), которые еще ни разу не привлекались исследователями истории Сибири, позволяют хотя бы отчасти восполнить существующие пробелы сибирской истории, связанные с документальными утратами архива Казанского дворца и местными сибирскими архивами⁵.

¹ Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010. С. 188–200; Он же. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут, 2011.. С. 109–121.

² Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера по истории Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. С. 66–149; Бакланова Н.А., Андреев А.И. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящихся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. С. 540–567; Бахрушин С.В. Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. С. 17–65.

³ Грамоты 1556–1635 гг. // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. Т. I. М., 1999. Приложения. С. 324–450. № 84–96. С. 432–444.

⁴ Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Т. 1 / Отв. ред. Н.Н. Покровский; изд. подгот. Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун. Новосибирск, 1993. № 42–48, 69. С. 209, 210.

⁵ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. М.; СПб., 2015. С. 74–78, 172–174.

Наиболее информационны и ценны здесь расходные книги товаров и вещей¹. Относительно березовских служилых людей это 27 пожалований в Казенном приказе «за сибирский приезд», осуществленные в 25 дней, начиная с 29 декабря 1613 г. по 28 декабря 1619 г. березовских детей боярских, атаманов, служилой литвы, казаков, стрельцов и целовальников. Предлагаемый материал создает хорошую базу как для исследования состава сибирских гарнизонов, так и для проопографических исследований сибирских служилых людей, который за период до московского пожара 1626 г. приобретает уникальный характер.

Одной из важнейших служб сибирских служилых людей наравне со сбором ясака — «мяжкой казны» — была своевременная доставка собранной «пушной валюты» в Москву в приказ Казанского дворца (позже — в Сибирский приказ). Подобная дальняя инкассаторская служба сибирских служилых людей всегда носила характер небольшой военной экспедиции, а в условиях гражданской войны превращалась в настоящую военную операцию. За свои приезды в Москву «за сибирский приезд» — сибирские служилый люди награждались деньгами и сукном. Но деньги они получали в финансовых четвертных приказах как правило без указания за что,

¹ *Викторов А.Е.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. 1584–1725 г. М., 1877. С. 99–112, 126–129; Приходо-расходные книги Казенного приказа: Расходная книга денежной казне (1613, июля 13 — августа 31); Приходная книга денежной казне (1613, сентября 1 — 1614, августа 12); Приходная книга товарам и вещам (1613, сентября 2 — 1614, августа 30); Расходная книга денежной казне (1613, сентября 1 — 1614, августа 31); Расходная книга товарам и вещам (1613, сентябрь — 1614, июль). / По инициативе и на средства сотр. АК кн. Г.Д. Хилкова. // РИБ. Т. 9. / Отв. за том член АК А.И. Тимофеев. СПб., 1884. С. 1–381; РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 1–355 об.; Кн. 278. Л. 1–260; Кн. 279. Л. 1–476 об.; Кн. 203. Л. 1–517 об.; Кн. 204. Л. 1–808 об.; Кн. 205. Л. 1–121; Кн. 206. Л. 1–567 об.; Кн. 207. Л. ; Кн. 208. Л. 1–225 об.; Кн. 208-а. Л. 226–441 об.; Кн. 208-б. Л. 1–80 об.; Кн. 208-в. Л. 481–568 об.; Кн. 209. Л. 1–626.

а вот жалованное сукно на кафтан получали только в одном приказе — Казенном (в рассматриваемый период — Казенный двор), расходные книги которого хорошо сохранились с небольшими лакунами с 1613 г. за весь XVII век. Архив Казенного приказа за XVII в. сравнительно мало пострадал от огня московских пожаров, особенно губительными из которых для московских документальных собраний стали пожары 1626 и 1812 гг. Архив Казенного приказа был влит в 1726 г. в Архив Оружейной палаты Московского Кремля, в 1918–1925 гг. вошел в состав Дрeвлехранилища (III отделения) Центрального исторического архива РСФСР, с 1941 г. — ЦГАДА (Фонд 396. Архив Оружейной палаты). Здесь, благополучно пережив сибирскую эвакуацию в годы Великой Отечественной войны, фонды его стали доступны широкому кругу исследователей. В целом, на сегодня следует признать сравнительно высокую степень сохранности названного документального комплекса. Архив его состоял из столбцов и книг, в определенной степени дублирующих информацию столбцов. Значение книг повышает сохранение в них информации, не дошедших до нас оригиналов документов в столбцовой форме. Таким образом, расходные книги Казенного приказа содержат ценнейшую информацию о пожалованиях сукном, тафтой, камкой, серебряными ковшами, etc — на протяжении всего XVII в. Этот тип источников был относительно рано введен в научный оборот — уже в середине XIX в. (И.Е. Забелин, Л. Яковлев). Подробное описание книг из Архива Оружейной палаты, включая книги Казенного приказа, А.Е. Викторова¹ должно было в еще большей степени способствовать введению названных книг в научный оборот. Вскоре по инициативе и на средства князя Г.Д. Хилкова под руководством А.И. Тимофеева было осуществлено издание хронологически первых книг приказа за 121-й (1613) — 122-й (1613/14) годы². Однако,

¹ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. Вып. 1. 1584–1725 г. М., 1877.

² Приходо-расходные книги Казенного приказа // РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 1–381.

дальнейшего исследования данных приходо-расходных книг приказа осуществлено не было. Не была продолжена и их публикация. Приходо-расходные книги Казенного приказа использовались историками весьма ограниченно, эпизодически — в рамках иллюстративного метода. К сожалению, это классическая ситуация в отношении массовых документальных источников. Полистный просмотр с целью выявления всех сибирских служилых людей, получивших на Казенном дворе за выезд суконное (и не только) жалование с 1613 по 1624 гг., дал нам объективную картину масштаба и динамики столичных экспедиций служилых людей Сибири.

Приезды «сибирян» в Москву фиксируют расходные книги Казенного приказа при выдаче сибирским служилым людям сукон «за сибирский проезд». Под этой формулой как правило скрывалась доставка в Москву «мягкой рухляди» (пушнины), что в условиях опустошенной и только возрождаемой казны имело первостепенное значение как для обеспечения армии, так и для посольских «поминков» при титанической работе Посольского приказа по возрождению международных связей и восстановлению дипломатических и установлению союзнических отношений со стратегически значимыми партнерами России.

Второй причиной путешествия в столицу, которая может скрываться за формулой «сибирского приезда» были дипломатические миссии к правителям калмыков, Бухары, Монголии и Китая, отношения с которыми Боярская дума приговором от 31 декабря 1616 г. возложила на Приказ Казанского дворца и конкретно на тобольского воеводу¹. Хотя в этом

¹ Материалы по истории русско-монгольских отношений. [Т. 1.] Русско-монгольские отношения 1607–1636: Сб. док-в / Сост. Л.М. Гатауллиной, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М., 1959. № 19. С. 55; Русско-китайские отношения в XVII веке. Мат-лы и док-ты в 2-х тт. Т. 1. 1608–1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Ист. введение, коммент. — В.С. Мясников; Археограф. введение — Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думин. М., 1969. № 10. С. 54.

случае жаловались диппредставители «за службу» или «за службу и приезд».

В 1615 г. в Тобольске на воеводстве князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского сменил боярин кн. Иван Семенович Куракин, до того судействовавший во Владимирском судебном приказе: «**а преж тово в Сибири, в Тобольску бояр не бывало**» (выделено — А.М.), — в товарищи которому назначили кн. Григория Ивановича Гагарина¹. Кн. И.С. Куракин († 1632 г.)², еще стольником в 1604 г. участвовал в походе на Лжедмитрия I во главе личной дружины в 32 всадника³, а в 1605 г. получил из его рук боярство⁴, воеводствовал в Тобольске по одним данным до 25 мая 1620 г.⁵, по другим — по 1619 г.⁶ Назначение на воеводство в Тобольск боярина неслучайно совпало с повторной после правления царя Бориса Федоровича попыткой английской Московской кампании

¹ Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия: по напечатанным правительственным актам. М., 2010 (репринт: СПб., 1902). С. 274–275.

² [Павлов А.П.] Правящая элита Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб., 2006. Ч. III. С. 315.

³ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году / А.Л. Станиславский // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 380.

⁴ По Маршалл. Т. Российская элита в 17-ом веке. Хельсинки, 2004. Т. 1. С. 84 — А.П. Павлов ранее писал, что И.С. Куракин пользовался доверием царя Бориса Федоровича, почему был сослан при Лжедмитрии [44. С. 78]), однако позже также указал, что пожалован боярством князь Иван Семенович был в 1605 г. при Лжедмитрии I: [[Павлов А.П.] Правящая элита Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. // Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. С. 310].

⁵ Барсуков А.П. Списки городских воевод... С. 275.

⁶ Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель в четырех томах. Т. 1. М., 1991. С. 322. — Однако в июле 1619 г. он все еще воеводствовал в Тобольске: 13. С. 225.

через посредство английского посла Джона Меррика добиться права транзитной торговли с Ираном, а также поиска путей в Китай и Индию через территорию России¹. На пути к Китаю с конца XVI в. возникло северомонгольское кочевое государство Алтын-ханов, которым к 1615 г. еще правил его основатель Шолой Сайн Убаши-хунтайджи (1567–1627)². Консолидация маньчжурских племен и создание Нурхаци в 1616 г. маньчжурского государства Цзинь привели к грандиозным геополитическим сдвигам в регионе, спровоцировав рождение в Западной Монголии централизованного и милитаризованного Джунгарского ханства³. Не пожелавшие подчиниться центральной власти ойратские тайши начали откочевку на запад вдоль линии русских владений в Южной Сибири, обрушившись на подданных России ногаев Большой орды⁴. В этих то сложных политических условиях на Казанский дворец и тобольского воеводу лично возлагался комплекс весьма ответственных задач, в условиях когда метрополия не могла оказать своим колонистам «сибирянам» существенной военной помощи⁵.

Применительно к Березову помимо сбора и доставки в Москву ясака задачи воеводы и ратных людей сводились к обеспечению «Мангазейского хода» и мангазейского

¹История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 42; Русско-китайские отношения в XVII веке. Мат-лы и док-ты в 2-х тт. Т. 1. 1608–1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников; Ист. введение, коммент. — В.С. Мясников; Археограф. введение — Н.Ф. Демидова; Отв. ред. С.Л. Тихвинский; Ред. Л.И. Думин. М., 1969. № 2–4. С. 40–44 и др.; 31. С. 7.

²Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.) / Под ред. В.П. Никонорова. СПб., 2008. С. 552–553, 558–559.

³[Чернышев А.И.] Монголы в XVI–XVIII вв. История Востока. Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI–XVIII вв. / Отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян, Н.И. Иванов. М., 2000. Гл. 33. С. 565–566.

⁴Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 411–413.

⁵Подробнее об этом см.: Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.) СПб., 2010. С. 70–80.

гарнизона, а также в распространении ясака на ненцев с постепенным превращением их из «иноземцев» в «ясачных» подданных России. Развитие южносибирского направления русской колонизации в конце концов привело к падению значения мангазейского хода и оставлению Мангазеи. В рассматриваемый же период и Мангазея и подчинение ненцев были актуальной задачей освоения Россией Западной Сибири и продвижении все далее на Восток. Заметно увеличившаяся интенсивность приездов 1617–1619 гг. сравнительно с предыдущим периодом наглядно показывает и укрепление центральной власти и активную работу правительства по наполнению государственной казны.

Выявленные материалы были нами зарегистрированы в виде хроники пожалований сибирских служилых и жилецких людей. В ходе регистрации информации в хронике опущены указания статьи пожалования «за сибирский проезд» кроме отличных от данной статьи случаев, например: «за мангазейскую службу». Материалы пожалований в КП сибирских служилых людей выявили в составе городских служилых корпораций абсолютное количественное доминирование городских казаков во главе со своими атаманами и есаулами подобно Ивану Бобарыкину. Хроника пожалований позволила проследить и случаи аноблирования, например, служившего по Березову Андрея Тутолмина в дети боярские из казаков между январем 1616 и февралем 1619 гг. Этот случай в очередной раз показывает, что применительно к Сибири служилой корпорацией в целом являлась совокупность служилых людей — «войско»¹,

¹ *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988; *Он же.* К вопросу о социальной природе приборного войска // История СССР. 1990. № 1. С. 44–59; *Он же.* Тобольская «Литва» в XVII в. // Город и горожане России в XVII — первой половине XIX в. Сб. ст. М., 1991. С. 47–73; *Никитин Н.И.* Казачье «войско» в Сибири и общинные традиции в «новый период» истории России // Общности и человек в средневековом мире. Материалы межреспубликанской конференции. М.; Саратов, 1992. С. 148–150; *Никитин Н.И.* Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. № 1. С. 77–83.

разделенное по территориальному (городовому) признаку на локальные корпорации, а не на социальные страты, как в европейской части России. О том же говорят и аккуратное отделение в пожалованиях даже таких ответственных уважаемых лиц как целовальники от приехавших вместе с ними ратных людей. В то же время принадлежность казаков к станице конкретного атамана ни разу не отмечена в документах, что также подтверждает территориальную корпоративность всей совокупности сибирских служилых людей конкретного города или острога. Зафиксировали документы и чиновный рост с 1616 г. другого березовского казака Васьки Деева, ставшего к 1619 г. казачьим десятником Василием Деевым, что указывает на традиционную и для дворян и детей боярских, и для казаков, и для стрельцов десятично-сотенную организацию березовских казаков, уходящую своими корнями, как минимум, в золотоордынскую эпоху¹.

Дальнейшие выводы и наблюдения требуют, с одной стороны, расширения регестов до таких важных для истории России, Сибири и Березова хронологических вех как 1626, 1628, 1630, 1637 гг. С другой стороны, изучение служилой корпорации Березова города, организации доставки в Приказ Казанского дворца ясачной меховой казны и иных приездов в Москву березовских служилых людей требует более широкого контекста приездов в Москву сибирских служилых и жилецких людей иных сибирских городов и острогов.

¹ В Сибирском ханстве см: *Тычинских З. А.* К вопросу об административно-политическом и территориальном устройстве сибирских татар в XVI–XVIII вв. // *Средневековые тюрко-татарские государства.* Вып. 1. Казань, 2009. С. 180–181.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕГЕСТ
ПОЖАЛОВАНИЙ НА КАЗЕННОМ ДВОРЕ (КД)
СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ И ЖИЛЕЦКИХ ЛЮДЕЙ
И КЛИРИКОВ
В 1613–1624 ГОДАХ¹
«ЗА СИБИРСКИЙ ПРИЕЗД» И ДРУГИЕ СЛУЖБЫ²

1613 г.
7122-й г.
Декабрь
29

- 8 сибирских служилых людей Тарского города: «литва» Иван (Иванка) Сатковский и Иван (Ивашка) Васильев, конные казаки Аника (Оничка) Черкасов и Богдан (Богдашка) Анисимов (Онисимов), стрельцы десятник Ермолай (Ермолка) Михайлов и Федор (Федька) Сума, пешие казаки десятник Андрей (Ондрюшка) Семенов и Иван (Ивашка) Ламанов получили на КД жалованье за сибирский приезд — 10 портищ сукна настрафиля лазоревого .
- 3 сибирских служилых человека Березова города сын боярский Неведом (Неведамка) Пухов и казаки Михаил (Михалка) Кашмылов и Гаврила (Гаврилка) Чеглоков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

¹ Составлены по расходным книгам КП за 1613–1619 гг.: Приходо-расходные книги Казенного приказа / По инициативе и на средства сотр. АК кн. Г.Д. Хилкова // РИБ. Т. 9. / Отв. за том член АК А.И. Тимофеев. СПб., 1884. С. 149–381; РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 1–355 об.; Кн. 278. Л. 1–260; Кн. 279. Л. 1–476 об.; Кн. 203. Л. 1–517 об.; Кн. 204. Л. 1–808 об.; Кн. 205. Л. 1–121; Кн. 206. Л. 1–567 об.; Кн. 207. Л. 1–530 об.; Кн. 208. Л. 1–225 об.; Кн. 208-а. Л. 226–441 об.; Кн. 208-б. Л. 1–80 об.; Кн. 208-в. Л. 481–568 об.; Кн. 209. Л. 1–626.

² Во всех иных случаях пожалования статья, по которой был пожалован березовский человек, оговорена особо.

1614 г.
Январь
6

6 сибирских казаков Томского города Иван (Ивашка) Белоголов, Бажен (Баженка) Константинов, Василий (Васька) Свяяга, Богдан (Богдашка) Кизил, Федор (Федька) Дека, Иван (Ивашка) Желваков получили на КД жалованье (за сибирский приезд ?) — по портишу сукна синогорки.

19

2 сибирских стрельца Пельымского города Семен (Семейка) Васильев и Сидор (Сидорка) Трофимов получили на КД жалованье «за приезд» — по портишу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский Туринского острога пушкарь Иван (Ивашка) Семенов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

20

Сибирский десятник пеших казаков Тарского города Трофим (Трофимка) Силуянов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля вишневого.

26

2 сибирских служилых людей Тарского города сын боярский Андрей Шарыгин и пеший литвин Семен (Семейка) Шарыгин получили на КД жалованье (за сибирский приезд ?) — по портишу сукна настрафиля лазоревого.

28

Сибирский голова татарский Тюменского города Бесчастный Малышев получил на КД жалованье (за сибирский приезд ?) — портище сукна кострыша кирпичного цвета.

Февраль

2

2 сибирских казака: Тобольского города Иван (Ивашка) Куницын и Березова города Смирной (Смирка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

12

4 сибирских казака Березова города Иван (Ивашка) Никифоров (Микифоров), Андрей (Ондрюшка) Гаврилов, Трофим (Трофимка) Семенов, Василий (Васька) Юрьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских стрельца Сургутского города Афанасий (Офона) Лызлов, Федор (Федька) Аменов (Аминов ?), Давыд (Давыдка) Данилов получил на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

23

19 сибирских служилых и жилецких людей: атаман Березова города Иван Мокринский и мангазейские целовальники Игнатий (Игнашка) Важенин и Михаил (Михалка) Владимиров (Володимеров) во главе сибирской проезжей станции получили на КД жалованье — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Март

5

11 сибирских служилых людей Тарского города: татарский голова Богдан Петров, «литва» Давыд (Давыдка) Никифоров, Никита (Микитка) Аксенов (Оксенов), казаки Павел (Павлик) Григорьев, Иван (Ивашка) Кузмин, Борис (Бориска) Агапитов, Михаил (Мишка) Велиженин, Неустрой

(Неустройка) Степанов, Иван (Ивашка) Зубчанин, Иван (Ивашка) Никитин (Микитин), Тимофей (Тимошка) Ворошилов получили на КД жалованье (за сибирский приезд?) — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

9

5 сибирских служилых людей Тюменского города: «литва» Герасим (Герасимка) Яцкой (Яцково), Иван (Ивашка) Петров, казаки Андрон (Ондронка) Сидоров, Алексей (Олешка) Афанасьев, Утеш (Утешка) Захаров получили на КД за сибирский приезд по четыре аршина без чети человеку настрафилю лазоревого, цена по два рубли портище,

11

Сибирский служилый немчин Тарского города Клаус Юнт получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

25

8 сибирских служилых людей Пелымского города: сын боярский Исаак (Исай) Албычев, черкашенин Василий (Васька) Петров, стрельцы Терентий (Тренька) Захаров, Василий (Васька) Афанасьев, Федор (Федька) Пантелеев, Пахом (Пахомка) Богданов, Ждан (Жданка) Зыков, Поздей (Поздянка) Данилов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафилю: 7 лазоревого и 1 багрового.

Май

8

13 сибирских служилых людей Тюменского города: литвин Яков (Якунка) Щегловский, казаки Терентий (Тренька)

Полынский и Семен (Семейка) Кулаков с 10 товарищами получили на КД жалованье (за сибирский приезд ?) — по портищу сукна английского тёмно-лазоревого.

11

Сибирский стрелец Тюменского города Терентий (Тренька) Логинов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

7123-го г.

Ноябрь

25

4 сибирских служилых людей: Тобольского города литвин Гаврила Клячевский, толмач Иван (Ивашка) Тенебяков; Тюменского города конный казак Перво (Первушка) Иванов, стрелец Богдан (Богдашка) Токарев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила светло-зеленого.

Декабрь

28

17 сибирских служилых людей: Тобольского города «литва» Бартош Станиславов, Григорий (Гриша) Черный; Тарского города сын боярский Малафей Мокшеев, литовский десятник Иван (Ивашка) Тимофеев, Андрей Шарыгин; Верхотурского города сын боярский Василий Тырков, литвин Иван (Ивашка) Арап, конные казаки Богдан (Богдашка) Щека, десятник Григорий (Гришка) Старичанин, стрелецкий десятник Архип (Архипка) Афанасьев, десятник пеших казаков Бажен (Баженка) Дементьев, Петр (Петрушка) Юрьев, стрельцы Меньшой (Меньшинка) Мокеев (Макеев ?), Нечай (Нечайка) Еремеев, Василий (Васька) Кокшара, Яков (Якушка) Берсенева, Гаврила (Гаврилка)

Панкратьев получили на КД жалованье на сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля светло-зеленого.

1615 г.
Январь
17

2 сибирских служилых людей: литвин Василий Петров и казак Иван Дмитриев подучили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля светло-зеленого.

22

6 сибирских казаков Березова города Степан (Степанка) Рябой, Федор (Фетька) Лопаткин, Степан (Степанка) Попов, Нечай (Нечайка) Федоров, Иван (Ивашка) Андреев, Семен (Семейка) Федоров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

27

2 сибирских служилых людей Томского города стрелец Тихон (Тихонка) Галиченин и казак Герасим (Герасимка) Анфимов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна английского темно-зеленого.

Февраль
3

8 сибирских служилых людей Тобольского города «литва» Иван (Иванка) Поступинский, Томила (Томилка) Петров, конные казаки Иван (Ивашка) Зайцев, Смирной (Смирка) Горяинов, пешие казаки Постник (Посничка) Муромцев, Осташ (Осташка) Антонов, стрельцы Василий

(Васька) Мутурин, Тарас (Тараска) Нефедьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

5

13 сибирских служилых и жилецких людей: тобольские и березовские — атаман Истома Аргунов, пятидесятник Алгаза Афанасьев, стрельцы и казаки Парфен (Парфенка) Терентьев, Терентий (Тренька) Кирилов (тобольский казак), Иван (Иванька) Андреев, Василий (Васька) Мокееву (Макеев ?), Завьял (Завьялка) Иванов, Василий (Васька) Капустин, Бажен (Баженка) Какоулин (Кокоулин) (березовский казак), Степан (Степанка) Емельянов (Омельянов), Томила (Томилка) Лукьянов; да целовальники Никита (Микитка) Казаков и Яким (Якимка) Губин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: 8 настрафила лазоревого, 3 английского гвоздичного, да по одному — багрового и аглийского мурамно-зеленого.

9

Сибирский Мангазейского города («малгазейской») самоединский толмач Василий (Васька) Андреев получил на КД за сибирский приезд жалованье — портище сукна английского темно-зеленого.

14

Целовальник Богдан Васильев забрал с КД в Казанский дворец на жалованье сибирскому мангазейскому самоедину Тюреме: однорядку из сукна багреца с золото-серебряным круживом и с шелковыми завязками; да кафтан атласный разноцветный золотный (тканый по червчатому полю белым и «празеленым» шелком и золотом) со втычной нашивкой.

Июнь

23

Сибирский стрелец Верхотурского города Богдан (Богдашка) Бедняга получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Август

26

2 сибирских служилых людей Тобольского города голова татарский Данила Низовцев и конный казак Иван (Ивашка) Мамеев получили на КД «за приезд» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7124-го г.

Сентябрь

29

5 сибирских людей: Пелымского города стрелецкий десятник Богдан (Богдашка) Федоров и стрелец Яков (Якушка) Иванов; Тобольского города казак Калинка Григорьев; Томского города казаки Инай (Инайка) Путилов и Ждан (Жданка) Куркин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Ноябрь

29

9 сибирских служилых и жилецких людей: Тобольского города литвин Матвей Вишневский, казак Леонтий (Левка) Васильев; Томского города атаман Бажен Корташев (Корташев ?), казаки Дементий (Демка) Орлик, Иван (Ивашка) Белоголов, Проня (Пронька) Семенов, Иван (Ивашка) Владимирец (Володимерец), Первой (Первушка) Вилеженин, да целовальник Мартемьян (Мартемьянка)

Гордынин получили на КД по памяти от 12 ноября жалование за «приезд» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

1616 г.
Январь
12

Сибирский пеший казак Гордей (Гордеюшка) Матвеев получил на КД по памяти от 11 января жалование за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

7 сибирских служилых и жилецких людей: Верхотурского города сын боярский Путила Есюков (Евсюков ?); тобольские литвин Иван Вергун, немчин Анц Яковлев, казаки Лука (Лучка) Васильев и Богдан (Богдашка) Леонтъев (Левонтъев); пелымские стрелец Михаил (Михалка) Вискунов и целовальник Емельян (Омелька) Васильев получили на КД жалование (за сибирский приезд ?) — по портищу сукна: служилые — настрафила лазоревого, целовальник — английского зеленого.

23 сибирских служилых человека: Сургутского города сотник стрелецкий Молчан Лавров и 13 казаков Григорий (Гриша) Морж, Иван (Ивашка) Кайдалов, Василий (Васька) Важенин, Осип (Осипко) Леонтъев (Левонтъев), Федор (Фетка) Григорьев, Яков (Якушка) Васильев, Пятой (Пятунка) Яковлев, Панкрат (Панка) Григорьев, Шестой (Шестачко) Григорьев, Потап (Потапка) Третьяков, Артемий (Ортюшка) Родионов, Василий (Васька) Матвеев; Березовского города «литва» Ананий (Онашка) Коптев и Тимофей (Тимошка) Мелещонков, казаки Андрей Тутолмин, Василий (Васька) Деев, Яков (Якушка) Фролов, Первой (Первушка) Яковлев, Гаврила (Гаврилка) Чеглоков, Ждан (Жданка) Борисов, Антип (Онтипка) Никифоров (Микифоров), Федор (Фетка) Кокушкин, — получили на КД, по памяти от 10 января, жалование за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские целовальники: Сургутского города Дементий (Демка) Приезжий и Березовского города Борис (Бориска) Исаков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

5 сибирских служилых людей Тарского города служилый литвин Томас (Томос) Иванов, казаки Семен (Семейка) Бутаков, Степан (Степанка) Скуратов, Трофим (Трофимка) Солуянов, Афанасий (Офонька) Матвеев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

13

Сибирский Тарского города пеший казак Григорий (Гришка) Сидоров получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский подьячий Степан Карпов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

17

Сибирский Сургутского города казак Данила (Данилка) Еремеев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

18

Сибирские служилые люди: Тюменского города казаки Григорий (Гришка) Данилов, Терентий (Тренька) Прокофьев, Василий (Васька) Трубачев, Григорий (Гришка) Романов, Иван (Ивашка) Курбатов, Яков (Якушка) Карпов; Туринского острога стрельцы Григорий (Гришка) Оржанику и Трофим (Трафимка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские Тюменского города ямские охотники Семен (Семейка) Ефимьев (Еуфимьев), Семен (Семейка) Шешуков; Туринского острога ямщик Павел (Пашка) Ушаков получили на КД, по памяти от 22 января, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна лятчины лазоревой.

Февраль

4

Сибирский Нарымского острога толмач новокрещен Нагай (Нагайка) Кочаев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревое.

7

10 сибирских служилых людей: Березовского и Тобольского городов служилые люди литвин Войтех Муравский, козаки Плохий (Плохунка) Леонтьев (Левонтьев), Гаврила (Ганка) Ильин, Иван (Ивашка) Соловьев, Иван (Ивашка) Лукьянов, Ерманка (Герман или Ермак/Ермолай) Астафьев (Остафьев), Фома (Фомка) Нестеров, Дмитрий (Митька) Клепиков (тобольский казак), Иван (Ивашка) Дядя, Мартынка Васильев, Афанасий (Офонька) Форафонов получили на КД жалованье (за сибирский приезд ?) — по портищу сукна настрафила лазоревое.

Февраль

15

Мангазейские целовальники Федор (Фетка) Терентьев и Яков (Якушка) Тарамшин получили на КД, по памяти от 12 февраля, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна английского темно-синего.

Сибирские стельцы: Тюменского города Антон (Онтонка) Тимофеев и Верхотурского города Богдан (Богдашка) Федоров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Март

6

Сибирские березовские казаки Василий (Васька) Алферьев (Олферьев) и Сергей (Серешка) Михайлов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

22

Сибирский Тобольского города литвин Федор Янов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

29

Сибирский Березова города казак Иван (Ивашка) Лихачев получил на КД жалованье «за приезд» — портище сукна настрафиля лазоревого.

Май

3

Отослано в Казанской дворец по памяти от 28 апреля, «что дать жалованье сибирским Тарского города» за сибирский приезд:

Байтугану-мурзе князь Багилдееву: однорядка червчатого аглинского сукна с золотно-серебряным круживом и с золотно-шелковыми завязками с «лопатками» и с кистями; кафтан рудо-желтый тафты немецкой с червчатой

зенденинной подпушкой и с золотно-шелковой нашивкой («кляпыши»); шапка червчатая багрецового сукна с лисьей «з душкою».

Татарину Бельку Янбучеву: однорядка червчатого сукна настрафила с круживом полузолотным и с золотно-шелковыми завязками; кафтан лазоревой немецкой тафты с червчатой зенденинной подпушкой и с шелково-золотной нашивкой («кляпыши»); шапка червчатая багрецового сукна с лисьим околлом.

9 сибирским Тарского города служилым людям: атаману Еремею Пружинину да литве Ивану (Ивашку) Салковскому, Григорью (Гришке) Иванову, казакам Константину Пантелееву (Понтелееву), Первому (Первушке) Спиридонову, Федору (Фетке) Григорьеву, Томилу (Томилку) Минееву, Ивану (Ивашку) Баженову, Ивану (Ивашку) Родионову — по портищу сукна настрафила лазоревого.

18

Сибирский Тарского города сын боярский Савва Болдырь получил на КД жалованье «за приезд» — портище камки адамашки лазоревой.

7125-го г.

Сентябрь

28

9 сибирских городовых служилых людей: Тарского города атаман Алексей Романов, Тобольский казак Никифор (Микифорка) Васильев; березовские казаки Гаврила (Гаврилка) Чоглоков, Василий (Васька) Алферьев (Олферьев); сургутский казак Иван (Ивашка) Яковлев; томские казаки Посник Аверкиев (Оверкеев) и Ларион (Ларка) Алексеев; тюменские казаки Лазарь (Лазорка) Васильев и Ерофей (Ерофейка) Яковлев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские кетские годовальщики Сургутского города казаки Давыд (Давыдка) Городчиков и новокрещен Степан (Степанка) Иванов получили на КД, по памяти от 18 ноября, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

8 сибирских казаков Березова города Никифор (Микифорка) Лопухин (Лапухин), Валентин (Валка) Юрьев, Иван (Ивашка) Никифоров (Микифоров), Иван (Ивашка) Андреев, Исаак (Исачка) Иванов, Терентий (Тренька) Григорьев, Ждан (Жданка) Михайлов, Кирей (Кирейка) Семенов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

14 сибирских служилых людей мангазейских годовальщиков: Березова города атаман Иван Бобарыкин, казаки Росляк (Рослянка) Андреев, Воин (Воинка) Иванов, Яков (Якушка) Никифоров (Микифоров), Семен (Семейка) Данилов, Василий (Васька) Юрьев, Ефим (Ефимка) Ларионов; Тобольского города стрельцы и казаки Михаил (Михалка) Смолнянин, Андрей (Ондрюшка) Петров, Гаврила (Гаврилка) Васильев, Михаил (Михалка) Алексеев, Семен (Семейка) Семенов, Богдан (Богдашка) Васильев, Семен (Семейка) Смиреников получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила червчатого и лазоревого — пополам.

Сибирские мангазейские целовальники Семен (Семейка) Клевунову, Терентий (Тренка) Пиминов; Березова города целовальник Семен (Семейка) Яковлев получили на КД, по памяти от 23 ноября, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Декабрь

1

Сибирские Тобольского города десятник стрелецкий Михайла Смолнянин, пеший казак Андрей (Ондрюшка) Петров, Богдан (Богдашка) Васильев; Березова города казак Росляк Андреев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

21

Сибирские Пелымского города стрельцы Семен (Семейка) Васильев и Пахом (Пахомка) Богданов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

31

Целовальник Мирон Гаврилов отнес в Казанский дворец на дачу жалованья сибирскому Пелымского города Табаринские волости ясачному татарину Елагаю-мурзе Кудашеву: однорядка сукна лундыша песочного цвета с полузолотным круживом и золотно-шелковыми лазоревыми завязками; кафтан зеленый тафты немецкой с червчатой зенденинной подпушкой со втычными золотно-шелковыми пуговицами; шапка сукна багрецы с лисьим околom.

1617 г.

Январь

2

7 сибирских служилых людей Тобольского города литвин Томила (Томилка) Петров, казак Иван (Ивашка) Куницын; Тюменского города литвин Иван (Ивашка) Воинов (Войнов), казаки Федор (Фетка) Яковлев, Гаврила (Гаврилка) Иванов, Семен (Семейка) Поскочин, Карп (Карпунка) Леонтьев (Левонтьев) получили на КД жалованье

за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

15

Из Сибири Тобольского города литвин Томила (Томилка) Петров сын Угренин, казак Иван (Ивашка) Михайлов получили на КД жалованье «за службу» — по портищу сукна настрафиля лазоревого, да по дарагам (зеленые и желтые).

17

Сибирские Тюменского города атаман Приезжий Резанов (Рязанов?), литвин Андрей Угренин, десятник стрелецкий Некрас (Некраска) Клементьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские Туринского острога десятник стрелецкий Григорий (Гриша) Марков и стрелец Василий (Васька) Онцыфоров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский Тобольского города казак Иван (Ивашка) Куницын получил на КД, по памяти от 14 января, жалованье «за сибирскую за мелескую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

18

9 сибирских служилых и жилецких людей Томского города: казаки Бурнаш Никонов, Посник Терентьев, Герасим (Герасимка) Олфимов (Ефимов?), Дмитрий (Митька) Рудаков, Истома (Истомка) Терентьев, Тит (Титка) Захаров, Алексей (Олешка) Сидоров, Ерофей (Ерошка) Парамонов (Порамонов), целовальник Павел (Павлик) Щепоткин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

- 14 сибирских служилых и жилецких людей Сургутского города: атаман Третьяк Деев, казаки Никита (Микитка) Семенов, Иван (Ивашка) Кобыляков, Гаврила (Гаврилка) Федоров, Роман (Ромашка) Бобаев (Бабаев?), Василий (Васька) Прокофьев, Анисим (Онисимка) Мартьянов, Василий (Васька) Шерапов, Терентий (Тренька) Деев, Степан (Степанка) Башмаков, Василий (Васька) Долгая Рожа, Степан (Степанка) Коровин, Федор (Фетка) Вепрев, целовальник Меньшик Анисимов (Онисимов) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
- 6 сибирских служилых и жилецких людей: Тюменского города ямские охотники Павел (Пашка) Тимофеев, Никита (Микитка) Андреев, пашенный крестьянин Иван (Ивашка) Яковлев; Туринского острога ямские охотники Пимен (Пиминко) Денисов, Родион (Родка) Иванов, пашенный крестьянин Федор (Фетка) Родионов получили на КД, по памяти от 19 января, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна шебединского зеленого.

- 3 сибирских служилых людей: Тобольского города пеший казак Юрий (?) (Ючка) Степанов, верхотурские стрелецкий десятник Юрий (Юшка) Александров и стрелец Василий (Васька) Каргапол получили на КД, по памяти от 24 января, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Февраль

- 3 сибирских стрельцов Туринского острога Смирной (Смирка) Амосов, Иван (Ивашка) Терентьев, Первой (Первушка) Иевлев получили на КД, по памяти от 7 февраля,

жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

16

9 сибирских служилых людей Тарского города литвин Федор Лавринов, казаки Десятой (Десятка) Ефимов, Андрей (Ондрюшка) Семенов, Поспел (Поспелка) Емельянов (Омельянов), стрелец Семен (Семейка) Маслов; Березова города казаки Трофим (Трофимка) Семенов и Тихон (Тихонка) Фролов; Тюменского города казак Федор (Фетка) Якимов; да Тюменского города ямщик Игнат (Игнашка) Порозов получили на КД жалованье за сибирский приезд: ратные — по портищу сукна настрафила зеленого и лазоревого, ямщик — шебединсково зеленого.

23

6 сибирских служилых и жилецких людей Верхотурского города атаман Савва Михайлов, казаки Ларион (Лара) Путьников, Осип (Оска) Кирилин, Степан (Степанка) Дьяконов, Тимофей (Тимошка) Ворошилов и целовальник Василий (Васька) Лаптев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: служилые — настрафила лазоревого, целовальник — шебединского зеленого.

28

Сибирский Тарского города конный казак Ананий (Онашка) Тимофеев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Март

4

Сибирские Верхотурского города ямские охотники Владимир (Волотка) Андреев, Гаврила (Гаврилка) Иванов

получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна шебединского лазоревого.

10

Сибирский Тобольского города пеший казак Григорий (Гришка) Честюнке (Чистюнка, Частюнка ?) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирский Тюменского города казак Северьга (Северешка) Сидоров получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

27

7 сибирских служилых людей Пелымского города: сын боярский Константин Албычев и стрельцы Иван (Ивашка) Кузмин, Худяк Андреев, Смирной (Смирка) Васильев, Федор (Фетка) Пантелеев, Тит (Титка) Иванов, Терентий (Тренка) Евдокимов (Овдокимов) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна еренку темно-синего.

29

Подьячий Афанасий Панин отнес в Казанский дворец на дачу жалованья сибирским служилым мурзам Пелымского города Елину-мурзе Тонаеву и Янгурче-мурзе Чюгарову: 2 однорядки — зеленая и червчатая — с круживом мишурным и полузолотным; 2 кафтана тафты немецкой, со втычными пуговицами; 2 шапки лисьи.

Сибирский Пелымского города толмач Семен (Семейка) Дмитриев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Апрель

1

Сибирский Тюменского города казак Андрей (Ондрюшка) Гаврилов получил на КД жалованье «за приезд» — портище сукна настрафиля зеленого.

3

7 сибирских служилых людей Тарского города литвин Жаден Иванов, конный казак Павел (Павлик) Седельников, Григорий (Гриша) Стариченин, Степан (Степанка) Федоров, стрельцы Поспел (Поспелка) Васильев, Сума Михайлов, пеший казак Лука (Лучка) Иванов получили на КД жалованье, по памяти от 2 апреля, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля червчатого.

4

Сибирский Тюменского города казак Иван (Ивашка) Степанов сын Чура (Чюра) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля червчатого.

8

Сибирские Тюменского города казаки Богдан (Богдашка) Терский и Андрей (Ондрюшка) Губа получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

13

Сибирский Тобольского города подьячий Иван Хапугин получили на КД жалованье, по памяти от 7 апреля, за сибирский приезд — портище сукна настрафиля червчатого.

Отослано в Посолский приказ на дачу жалованья сибирскому царевичу Алтанаяу Кучумому (Кучюмову): по портищу бархата червчатого кизылбашского, атласа лазоревого, камки куфтера зеленого, сукна лундышу темно-зеленого, да ковш серебряный в 3 гривенки без 9 золотников, сорок соболей в 30 руб.

Май

12

4 сибирских служилых людей Тюменского города стрелецкий десятник Богдан (Богдашка) Григорьев, казачий десятник Василий (Васька) Трухна; Томского города казаки Василий (Васька) Ананьин (Онаньин), Лука (?) (Лунка) Васильев получил на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазоревого.

17

Сибирские Томского города казаки Богдан (Богдашка) Терский и Лунка (Лука?) Новокрещен получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия червчатого.

Сибирские атаманы Тарского города Василий Тюменец да Тюменского города Иван Петров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия червчатого.

18

7 «сибирян»: Тарского города атаман Василий Тюменец и литовский десятник Иван Петров, толмач Лунка (Лука?) Новокрещен; да сибирские казаки Томского города Василий (Васька) Ананьин, Василий (Васька) Абросимов (Обросимов), Богдан (Богдашка) Григорьев, Алексей (Олешка)

Карпов получили на КД жалованье «за то, что ходили они из Сибири в Золотую Орду к золотому к Олтыну царю в посланниках»: тарские атаман и литвин — по портищу камки немецкой, по чарке серебряной (2,25 и 2 руб.), по портищу тафты дымчатой широкой по 2 портища сукна английского темно-синего; тарский толмач и томский казак В. Ананьин — по портищу тафты широкой дымчатой и по портищу сукна английского муромно-зеленого; томские казаки В. Абросимов и Б. Григорьев — по 2 портища сукна английского муромно-зеленого; А. Карпов — 1 портище того же сукна¹.

20

Сибирские служилые люди Тобольского города голова татарский Данила Низальцов и новокрещен Юрий (Юшка) Ненкулуев получили на КД жалованье «за приезд» — по портищу сукна настрафия лазоревого.

22

Сибирский Томского города казак Андрей (Ондрюшка) Иванов сын Губа получил на КД жалованье «за сибирскую за мелескую службу» — портище сукна настрафия червчатого.

Июль

4

Сибирский Томского города казак Василий (Васька) Ананьин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафия червчатого.

¹Эта запись учтена в выборке Константина Борисовича Газенвинкеля из выписок И.Е. Забелина, почему здесь и далее мы будем ссыдаться на эту выборку, а не на т.н. «Дополнения к Дворцовым разрядам» Забелина: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье по-служникам сибирским. К истории Сибири XVII века. Тобольск, 1892. С. 16–17.

Сибирский Тобольского города казак Петр (Петрушка) Филипов и толмач Семен (Семейка) Юалин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазеревого.

Август

17

Сибирские Верхотурского города казаки Яков (Якушка) Берсенев и Завьял (Завьялка) Важенин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазеревого.

21

9 сибирских служилых и жилецких людей Березова города: казаки Иван (Ивашка) Кольцов, Андрей (Ондрюшка) Гаврилов, Иван (Ивашка) Рунов, Лев (Левка) Кузмин, Устин (Устинка) Дулов, Давыд (Давыдка) Родюков, Антон (Онтонка) Пахомов, Влас (Власка) Кузмин, целовальник Савва (Савка) Степанов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия червчатого.

7126-го г.

Сентябрь

6

Сибирский Березова города казак Семен (Семейка) Давыдов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафия червчатого.

17

4 сибирских служилых и жилецких людей Нарымского (Нерымского) острога казаки Тихон (Тиханка) Филиппов, Яким (Якимка) Антонов, новокрещен Никита (Микитка)

Осипов, целовалник Пospel (Пospelка) Леонтьев (Левонтьев) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила червчатого.

Октябрь

17

36 сибирских служилых и жилейких людей: Томского города сотник стрелецкий Иван Пущин, сын боярский Бажен Карташов, атаманы Иван Белоголов, Леонтий (Левонтий) Алпатов (Олпатов), казаки Иван (Ивашка) Тихонский, Василий (Васька) Свяженин, Иван (Ивашка) Тимофеев, Яким (Екимка) Захаров, Иван (Ивашка) Теплинский, Кирей (Кирейка) Федоров, Матвей (Матюшка) Белкин, Василий (Васька) Седельников, Тимофей (Тимошка) Иванов, целовальник Кузьма (Куземка) Юрьев, Астафий (Осташка) Тимофеев, Петр (Петрушка) Старловский, Иван (Ивашка) Недомолков; Сургутского города казаки десятник Богдан (Богдашка) Евдокимов (Овдокимов), Петр (Петрушка) Михайлов, Девятой (Девятка) Андреев, литвин Иван Вергун, Андрей (Ондрюшка Петров), Гаврила (Гаврилка) Дмитриев, Василий (Васька) Федоров, Василий (Васька) Моисеев, Филипп (Филька — Филимон?) Афанасьев, Заня (Занка) Федоров, Ждан (Жданка) Дмитриев, Дмитрий (Митька) Игнатъев, целовальник Софоний (Софонка) Терентьев; Сургутского города казаки кетские годовальщики Юрий Данилов, Меньшой (Меньшичка) Макеев, Новик (Новичок) Иванов, Степан (Степанка) Игнатъев, Осип (Осипка) Григорьев, целовальник Арист (Аристку Матвееву получили на КД жалованье, по памяти от 15 октября, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила червчатого.

22

Сибирский Тарского города казак Кузьма (Куземка) Васильев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила червчатого.

370

Ноябрь

8

6 сибирских служилых людей Верхотурского города сын боярский Гаврила Лаврентьев, сотник стрелецкий Савва Михайлов, казаки Василий (Васька) Федоров (сын) Коновал и Василий (Васька) Алферьев (Олферьев), стрелец Федор (Фетька) Никитин (Микитин), ямщик Павел (Павлик) Степанов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля червчатого.

18

Сибирский Томского города казак Василий (Васька) Свяженнин получил на КД жалованье «за сибирскую за меленскую службу» — портище сукна настрафиля червчатого.

26

Сибирский Тобольского города казак Клим (Климка) Бобошин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля червчатого.

Декабрь

7

Сибирские Томского города казак Тимофей (Тимошка) Иванов и целовальник Кузьма (Куземка) Юрьев получили на КД жалованье «за службу, что они ходили к Алтыну-царю», — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

14

Сибирский Тобольского города литвин Яков (Якушка) Васильев Васильев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля червчатого.

- 3 сибирских служилых людей: Тюменского города десятник Федор (Фетька) Яковлев, конный стрелец Семен (Семейка) Поскочин; Туринского острога десятник стрелецкий Семен (Семейка) Соснин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

- 6 сибирских служилых людей Березова города: казаки Семен (Сенька) Павлов, Дмитрий (Митька) Бахтин, Поспел (Поспелка) Иванов, Данила (Данилка) Семенов, Михаил (Мишка) Алексеев, литвин Яков (Якушка) Ревнецкий получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

- 5 сибирских служилых людей Верхотурского города: казачий десятник Василий (Васька) Какшара, казаки Василий (Васька) Каргапол, Юрий (Юшка) Александров, стрелец Анисим (Оничка) Зиновьев, пушкарь Иван (Ивашка) Кропива (Крапива?) получили на КД жалованье «за выход» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.
- 16 сибирских служилых и жилецких людей Тобольского и Березова городов мангазейских годовальщиков: стрельцы Михаил (Михалка) Кошсылов, Иван (Ивашка) Торлопов, Иван (Ивашка) Ананьин, Иван (Ивашка) Лукьянов, Исаак (Исачка) Михайлов, Шестой (Шестачка) Симанов (Симонов?), Копос (Копоска) Григорьев, Федор (Фетька) Ананьин, Василий (Васька) Makeев, Федор (Фетька) Марков, Симон (Симанка) Фофонов, Иван (Ивашка) Аникеев (Оникеев), Петр (Петрушка) Мурзин, Осип (Осипка) Федоров, целовальники Иван (Ивашка) Самойлов, Ларион (Ларка) Андреев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

9 сибирских служилых людей Тарского города: литвин Гудима (Гудимка) Семенов, Иван (Ивашка) Черкасов, казаки Богдан (Богдашка) Гаврилов, Василий (Васька) Семенов, стрельцы Иван (Ивашка) и Данила (Данилка) Тимофеевы, Бажен (Баженка) Дементьев, Петр (Петрушка) Красноусов, Андрей (Ондрюшка) Ларионов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

1618 г.
Январь
4

Сибирский Томского города сотник стрелецкий Иван Пуцдин получил на КД жалованье «за киргисскую службу» — портище сукна английского багрового, цена по тридцати алтын аршин.

9

3 сибирских служилых людей Тобольского города казаки Василий (Васька) Тарасов, Иван (Ивашка) Семенов; Тарского города толмач Алексей Мосалитин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

10

4 сибирских служилых людей: Тобольского города стрелец Михаил (Михалка) Симанов (Симонов?), Тарского города казаки Петр (Петрушка) Давыдов и Анисим (Оничка) Андреев, стрелец Матвей (Матюшка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

27

3 сибирских служилых людей: Тарского города казак Воин (Воинка) Кирилов, Пельымского города стрельцы Михаил

(Мишка) Вискунов и Петр (Петрушка) Аврамов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

29

Сибирские служилые люди Тарского города атаман Влас (Власка) Колачников и Тобольского города казак Федот (Федотка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Февраль

8

Сибирские служилые люди березовские казаки Семен (Семейка) Спиридонов и Исаак (Исачка) Астраханец (Астароханец) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

19

Сибирский сургутский казак Федор (Фетька) Петров получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

21

6 сибирских служилых людей: Тюменского города литвин Василий (Васька) Егунов, конный казак Семен (Семейка) Вязмин, стрелец Михей (Михейка) Иванов, пеший казак Петр (Петрушка) Яковлев; Туринского острога десятник стрелецкий Григорий (Гришка) Ржаник, стрелец Харитон (Харка) Григорьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские Тюменского города ямские охотники Дружина (Дружинка) Мартемьянов и Феофил (Фефилка) Петров получили на КД жалованье, по памяти от 21 февраля, за сибирский приезд — по портищу сукна шебединского лазоревого.

Март

2

5 сибирских служилых людей Тобольского города литвин Богдан (Богдашка) Оршинский, казаки Павел (Пашка) Выходец и Терентий (Тренка) Монастырщина, пушкарь Исаак (Исачка) Пошехона, стрелец Меньшой (Меньшинка/Меньшичка) Михайлов получили на КД жалованье, по памяти от 28 февраля, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4

5 сибирских служилых людей Туринского острога стрелецкий голова Андрей Шарыгин, сын боярский Семен (Семейка) Шарыгин, пушкарь Борис (Бориска) Андреев, стрелец Иев (Иевка) Петров и ямщик Семен (Семейка) Гарлан получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: ратные люди — настрафиля лазоревого, ямщик — шебединского червчатого.

3 сибирских служилых людей Тюменского города Ждан (Жданка) Мальцов, Семен (Семейка) Сапожников и Иван (Ивашка) Михайлов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

11

4 сибирских служилых людей Верхотурского города: сын боярский Неудача Мальцов (Мальцев?), казаки Иван (Ивашка) Григорьев, Осип (Осипка) Сумороков, Терентий (Терешка) Малгин, Федосей (Федоска) Бархотов

(Бархатов?) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

28

6 сибирских служилых людей Пелымского города: сын боярский Перфилий Албычев, стрельцы Андрей (Ондрюшка) Крестюков, Пахом (Похомка) Богданов, Михаил (Мишка) Иванов, Калина (Калинка) Вискунов (Винкунов), Степан (Степанка) Сухачев (Сухочев) получили на КД жалованье, по памяти от 27 марта, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

Апрель

29

Сибирские Тобольского города атаман Иван Савельев Дурыня (Дурына?) и литвин Первой (Первушка) Петров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

30

сибирских служилых людей Тарского города сын боярский Третьяк (Третьяк) Харламов, казаки Тимофей (Тимошка) Афанасьев, Ермак (Ермачка) Михайлов, Самсон (Самсонка) Обросимов (Абросимов?), Степан (Степанка) Скуратов, Ерофей (Ерошка) Тимофеев, Борис (Бориска) Дементьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

Май

8

3 сибирских служилых людей: Тобольского города стрелец Григорий (Гришка) Богданов, Сургутского города литвин Яков (Якушка) Шпаковский, казак Ерофей (Ерофейка)

Самострелов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
Сибирские служилые люди Тобольского города литвин Андрей (Ондрюшка) Попков, конный казак Михаил (Михалка) Пядышев получили на КД жалованье, по памяти от 6 мая, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

16

Сибирские Сургутские служилые литвин Яков (Якушка) Шпаковский и казак Ерофей (Ярошка) Самострелов получили на КД жалованье «за то, что они государю челом ударили лисицею черною» — по портищу камки куфтера зеленого и по портищу сукна лундыша шафранного цвета.

20

Сибирский Тарского города сын боярский Третьяк Харламов — получил на КД жалованье «за колмацкую службу» — портище сукна еренка темно-синего.

7127-го г.

1619 г.

Январь

29

20 сибирских служилых и жилецких людей: Тарского города конная «литва» десятник Иван (Ивашка) Тимофеев, Петр (Петрушка) Венгренин, Семен (Семейка) Кропотка, конные казаки Антип (Онтипка) Тарасов, Семен (Сенька) Кипреянов, стрельцы десятник Михаил (Мишка) Велижанин, Степан (Степанка) Уразов, Томила (Томилка) Минеев, Мартын (Мартынка) Машинский; Тобольского города «житнишный» приказчик Неустрой (Неустройка) Иванов, пятидесятник Осташ (Осташка — Остап/Остафий) Антонов, десятник Постник Муромец, Василий

(Васька) Савин; Сургутского города казак Яков (Якушка) Федоров (сын) Мезень; Березова города казаки Иван (Ивашка) Смагин, Пятой (Пятунка) Иванов, Первой (Первушка) Яковлев, Павел (Пашка) Иванов; Пелымского города литвин Богдан (Богдашка) Волошенин, пашенный крестьянин Богдан (Богдашка) Назарьев получили на КД жалование за сибирский приезд — по портищу лазоревго сукна: служилые и приказчик — настрафиля, крестьянин — лятчины.

Февраль

4

Сибирские казаки Березова города Степан (Степанка) Федосеев и Иван (Ивашка) Моисеев получили на КД жалование за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревго.

17

Сибирский Пелымского города десятник литовский Богдан Волошенин получил на КД жалование «за службу, что он пашню завел на Пелыми в таборах Государевыми пашеными крестьяны вновь» — портище сукна настрафиля лазоревго¹.

26

25 сибирских служилых и жилецких людей: мангазейские годовальщики Березова города сын боярский Андрей Тутолмин, десятник казачий Василий Деев, казаки Бажен (Баженка) Какоулин, Семен (Семейка) Трофимов, Тимофей (Тимошка) Елизарьев, Анисим (Онисимка) Кузмину, Мартын (Мартынка) Васильев; Тобольского города

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалование... С. 14.

казаки Андрей (Ондрюшка) Петров, Богдан (Богдашка) Васильев, Артемий (Ортышка) Родионов (Родивонов), Ермолай (Ерманка — Ермак?) Иванов, Михаил (Мишка) Пиминов, Григорий (Гришка) Иванов, Гаврила (Гаврилка) Селиверстов; мангазейские целовальники Андрей (Ондрюшка) Иванов, Кондратий (Кондрашка) Пылайкин; Сургутского города десятники (стрелецкие?) Афанасий (Офонка) Лызлов, Ждан (Жданка) Никитин, Панкрат (Панка) Кудаленский; Кетского острога казаки Митрофан (Митрошка) Павлов, Калина (Калинка) Федоров, целовальник Яков (Якушка) Семенов; Нарымского (Нерымского) острога казаки Аксен (Оксенка — Авксентий?) Андреев, Федор (Фетька) Павлов, Терентий (Тренька) Яковлев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

28

4 сибирских служилых людей Тюменского города: литвин Юрий Петров, казаки Северьга Сидоров и Максим (Максимка) Фомин и ямской охотник Семен (Семейка) Шешуков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу лазоревого сукна: ратные — настрафиля ямщик — лятчины.

Март

7

3 сибирских казаков Тарского города атаман Василий Тюмонец, казаки Воин (Войка) Кирилов и Гурий (Гурка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

13

3 сибирских служилых людей Тобольского города сын боярский Дмитрий Черкасов, литвин Гаврила Ключевский,

казак Насон (Насонка) Дементьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

14

Сибирский Тобольского города сын боярский Герасим Оболнянинов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

16

Сибирский конный казак Тобольского города Безсон (Безсонка) Иванов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

17

Сибирский казак (Березова города) Бажен (Бажен) Какоулин (Кокоулин) получил в КП жалованье «за мангазейскую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

31

Сибирский казак Березова города Томила (Томила) Лукьянов получил на КД жалованье, по памяти от 4 марта, за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Апрель

4

3 сибирских служилых людей Туринского острога: стрелецкие пятидесятник Григорий (Гриша) Ржаник и десятник Юрий (Юшка) Фомин да ямской охотник Павел (Пашка) Ушаков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: ратные — настрафиля лазоревого, ямщик — «глюдцкого» (?).

- 3 сибирских казаков Томского города конные Дмитрий (Митька) Рудаков и Богдан (Богдашка) Терский и пеший Данила (Данилка) Анисимов (Онисимов) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
- 8 сибирских служилых людей Пелымского города: сын боярский Исаак (Исайка) Албычев (Абычев), стрельцы Иван (Ивашка) Векшин, Яков (Якушка) Васильев, Федор (Федька) Пыльников, Яков (Якушка) Иванов, Тит (Титка) Иванов, Нефед (Нефедка) Рошков (Рожков?), Ждан (Жданка) Зыков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

- 12 сибирских служилых людей Тарского города: атаман Поспел Федоров (сын) Голубин, «литва» Федор (Фетька) Лавринов, Иван (Ивашка) Лихвинец, Назар (Назарка) Григорьев, Алферий (Олферка) Федоров, Игнатий (Игнатка) Аксенов (Оксенов), казаки десятник Богдан (Богдашка) Кузмин (сын)м Казанец, Васька Федоров (сын) Зборщиков (Сборщиков), Иван (Ивашка) Григорьев (сын) Ершов, Борис (Бориска) Колашников (Калашников?), Федор (Федька) Григорьев, плотник Дмитрий (Митька) Васильев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

- 3 сибирских служилых людей Туринского острога: голова стрелецкий Андрей (Ондрюша) Рыгин, стрельцы Степан (Стенька) Артемьев (Ортемьев) и Кубас (Кубаска) Федоров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

11 сибирских служилых людей: Верхотурского города десятник стрелецкий Чудин (Чюдинка) Двинянин, Василий (Васька) Кошкара, Аникий (Аника) Зиновьев, Василий (Васька) Чесноков, Алексей (Олешка) Никитин (Микитин), Василий (Васька) Каргапол, ямские охотники Иван (Ивашка) Рогоилов, Михаил (Мишка) Голомолгин; Тюменского города стрельцы Никита (Микитка) Тимофеев, Иван (Ивашка) Осипов, Василий (Васька) Кошкара получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: ратные — настрафиля лазоревого, ямщики — «глодцкого».

Май

7

4 сибирских служилых людей: Томского города казаки десятник Дмитрий (Митька) Рудаков, казак Данила (Данилка) Анисимов (Онисимов); тюменские и верхотурские стрельцы Чудин (Чюдинка) Никитин и Дмитрий (Митька) Тимофеев получили на КД жалованье «за Кузнецкую службу и за острожное ставленья и за терьпенье» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

22

Сибирские верхотурские вогульский (вагульский) сотник Копчик Емашев и толмач Терентий (Тренька) Кабылкин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Июнь

4

6 сибирских служилых людей Тобольского города: «литва» Иван (Ивашка) Поступинский, Денис (Дениска)

Рачковский, конные и пешие казаки и стрельцы Митрофан (Митрошка) Елизаров, Игнатий (Игнашка) Павлов, Первой (Первушка) Минин, Ждан Ефимьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7

Сибирский конный казак Тобольского города Парфен (Парфенка) Терентьев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

22

9 сибирских служилых людей Тарского города: «литовского списку» Харитон (Харка) Нефедьев, Тимофей (Тимошка) Иванов, конные казаки десятник Григорий (Гриша) Плотник, пешие казаки десятник Бажен (Баженка) Дементьев, пешая «литва» Иван (Ивашка) Софронов, стрельцы Терентий (Тренька) Михайлов, Дмитрий (Митька) Донской, Петр (Петрушка) Яковлев, Кузьма (Куземка) Галиченин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский Тарского города стрелецкий десятник Ермак (Ермачька) Михайлов получил на КД жалованье, по памяти от 18 июня, за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский Тюменского города ямщик Игнатий (Игнашка) Порозов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна лятчины лазоревой.

27

Сибирский Верхотурского города стрелец Василий Фефилов (сын) Голоболзин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Июль

3

Сибирский верхотурский стрелец Василий (Васька) Феофилов (Фефилов) получил на КД жалованье «за Кузнецкую службу и за осторожное ставлень» — портище сукна настрафила лазоревого.

6

Сибирский Тарского города казак Кузьма (Куземка) Иванов получил на КД жалованье — 2 портища сукна настрафила лазоревого: одно — «за Борабинскую службу», другое, по памяти от 6 июля, — «за сибирскую службу».

13

Целовальник Аверкий Стригальник, по памяти от 11 июля, отнес в Казанский дворец 70 портищ сукон настрафильных лазоревых на дачу 71-му сибирскому конному казаку Томского города «за сибирскую за Кузнецкую службу».

7 сибирских стрельцов Верхотурского города получили на КД жалованье, по памяти от 11 июля, «за сибирскую за Кузнецкую службу», — по портищу сукна настрафила лазоревого.

19

Целовальник Матвей, по памяти от 18 июля отнес в Казанский дворец 25 портищ сукон настрафильных лазоревых на дачу 25 сибирским пешим казакам Томского города Федору (Фетьке) Родюкову с товарищами «за Кузнецкую службу».

7128-го г.

Октябрь

23

Сибирские казаки Томского города Иван (Ивашка) Петлин и Пятой (Пятулька) Кизыл получили на КД жалованье за

сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Ноябрь

7

Сибирский казак Томского города казаку Пятой (Пятунка) Кизыл получили на КД жалованье «за Кузнецкую службу» — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

11

3 сибирских служилых людей: Тобольского города атаман Третьяк Юрлов и Березова города казаки Андрей (Ондрюшка) Андреев и Тимофей (Тимошка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

29

Сибирские Томского города казаки Ларион (Ларка) Алексеев и Степан (Степанка) Ядринский получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Декабрь

26

Сибирские казаки Томского города Иван (Ивашка) Нифантьев, Фалалей (Фалька) Тупылев, Малюта (Малютка) Яковлев; Нарымского (Нерымского) острога Дмитрий (Митька) Иванов, Вахрамей (Вахрамейка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

6 сибирских березовских казаков: Иван (Ивашка) Нестульцов, Ждан (Жданка) Борисов, Меншик (Меньшичка) Иванов, Ждан (Жданка) Михайлов, Федор (Фетька) Александров, Петр (Петрушка) Данилов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирского поляка Христофора Станковского человек Хриштоп (Хриштопка) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирский поляк Степан («а руское имя» Григорий) Барташевский получил на КД жалованье за сибирский приезд: портище сукна лундыша светло-багрового, цки куньи с рукавами, кутня багровая, да по портищу камки адамашки лазоревой и тафты зеленой.

1620 г.

Январь

2

Сибирский верхотурский казак Иван (Ивашка) Терентьев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

16 сибирских служилых людей мангазейские годовальщики Тобольского города казаки десятник Григорий (Гриша) Коряков, Наум (Наумка) Пахомов, Шестой (Шестачка) Симанов (Симонов?), Артемий (Ортюшка) Онуфриев, Иван (Ивашка) Коковка; березовские казаки Марк Дмитриев, Федор (Фетька) Тучков, Василий (Васька) Антонов, Мартын (Мартинка) Яковлев; Тобольский конный казак

Гаврила (Гаврилка) Ильин; сургутские казаки кетские годовальщики Василий (Васька) Прокофьев, Тимофей (Тимошка) Вятка, Кудаш (Кудашка) Федоров; пелымские стрельцы Пахомий (Пахомка) Богданов и Семен (Семейка) Васильев; верхотурский стрелец Иван (Ивашка) Терентьев, получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

5 сибирских служилых и жилецких людей: Тобольского города стрелец Степан (Степашка) Филиппов; Томского города казаки Терентий (Тренка) Вершинин, Матвей (Матюшка) Алексеев, Матвей (Матюшка) Васильев, целовальник Нехороший (Нехорошка) Леонтьев (Левонтьев) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

6 сибирских казаков Сургутского города Савва (Савка) Иванов, Меркурий (Меркушка) Шибанов, Насон (Насонка) Александров, Пятой (Пятунка) Яковлев, Харитон (Харка) Никитин (Микитин), Ларион (Ларка) Семенов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

17

Мангазейские целовальники Григорий (Гришка) Почекут и Афанасий (Офонька) Верещагин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

18

4 сибирских казаков Томского города Бурнаш (Бурнашка) Никонов, Яков (Якушка) Куркин, Андрей (Ондрюшка) Гаврилов, Никита (Микитка) Васильев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

5 сибирских служилых людей Томского города сын боярский Лука Васильев, атаман Иван Белоголов, казаки Артемий

(Ортюшка) Матвеев, Василий (Ваське) Афанасьев, Семен (Сенька) Пантелеев (Пателеев) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

20

Сибирские служилые люди Туринского острога пушкарь Борис (Бориска) Андреев и стрелец Иван (Ивашка) Терентьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

22

9 сибирских служилых людей Тарского города: «литва» Томас Иванов, Сидор (Сидорка) Борисов, конные казаки Аникий (Оничка) Черкасов, Семен (Семейка) Серебренник, стрельцы Федор (Фетька) Софронов, Осип (Осипка) Кузнец, пешие казаки Трофим (Трофимка) Силуянов, Андрей (Ондрюшка) Семенов, Афанасий (Офонька) Матвеев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

28

Сибирские казаки Томского города Захарий (Захарка) Кузмин и Тобольского города Андрей (Ондрюшка) Трофимов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Февраль

4

Сибирский казак Томского города Степан (Степанка) Ядринский получил на КД жалованье «за кузнецкую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские служилые люди Тобольского города казак Иван (Ивашка) Михайлов и толмач Аблай Айдаров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Март

2

4 сибирских служилых людей Тюменского города: атаман Приезжий Резанов (Рязанов?), литвин Иван (Ивашка) Войнов, есаул Федор (Фетька) Яковлев, стрелец Степан (Степанка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

3

Сибирский сын боярский Тобольского города Михаил Харламов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

12

Сибирские березовские казаки Василий (Васька) Мещеряков и Иван (Ивашка) Смагин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

16

Сибирский конный казак Томского города Гаврила (Гаврилка) Модов получил на КД жалованье, по памяти от 16 февраля, «за службу» — портище сукна английского лазоревого.

Сибирские Верхотурского уезда чюсовские вогуличи сотник Копчик Емашев и Баим Ратка Кудабердеев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские служилые люди Томского города атаман Иван Белоголов и сын боярский Лука (Лунка) Васильев получили на КД жалованье «за службу» — по портищу сукна настрафиля лазоревого и по портищу тафты двоеличной.

Сибирский атаман Тарского города Алексей Романов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский казак Березова города Петр (Петрушка) Горлицев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский атаман Тарского города Алексей Романов получил на КД жалованье «за колмацкую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого и портище тафты немецкой лазоревой.

Сибирский казак Томского города Ларион (Ларка) Алексеев (сын) Кисель получил на КД жалованье «за колмацкую службу» — по портищу сукна настрафиля зеленого и тафты виницейки желтой.

6 сибирских стрельцов Пелымского города: пятидесятник Михаил (Михалка) Вискунов, Михаил (Мишка) Иванов,

Демьян (Демка) Герасимов, Никифор (Микифорка) Иванов, Дружина (Дружинка) Никифоров (Микифоров), Семен (Сенька) Худяков получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Апрель

4

Сибирский березовский казак Петр (Петрушка) Горлищев получил на КД жалованье «за службу, что он, будучи в Тунгусах и на Енисей, государю служил и остроги ставлел» — портище сукна настрафила лазоревого.

6

10 сибирских служилых людей: Верхотурского города атаман Савва Михайлов, стрельцы Василий (Васька) Коновал, Федор (Фетька) Вагин, Андрей (Ондрюшка) Кузнецов, Савва Кузмин; Тюменского города казаки Афанасий (Офонька) Семенов, Осип (Оська) Тарасов, Давыд (Давыдка) Семенов; казаки Туринского острога Максимка Дмитриев, Еремей (Еремка) Кондратьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

13

8 сибирских служилых людей Тобольского города немчин Анц Яковлев, литвин Дружина (Дружинка) Кулагин, Степан (Степанка) Банщик, Путила (Путилка) Рындин, Иван (Ивашка) Бородулин, Сергей (Серешка) Афанасьев, Ларион (Ларка) Сысоев, Кирилл (Кирилка) Семенов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Толмач Посольского приказа Безсон Булгаков отнес в Посольский приказ аршин тафты виницейки червчатой, «а обертывать в той тафте грамоты, что послать к юргенскому Арап-хану да к Олтыну, царю».

Май

26

Сибирские казаки Томского города Иван (Ивашка) Петлин и Андрей (Ондрюшка) Модов получили на КД жалованье «за службу» — по портищу камки адамашки зеленой и сукна настрафиля лазоревого.

Июнь

15

7 сибирских служилых людей Тарского города: толмач Алексей (Олешка) Мосалитин, литвин Кузьма (Куземка) Иванов; казаки Моисей (Мосейка) Спиридонов, Яким (Якимка) Иванову, Иван (Ивашка) Хлупин, Торопа (Торопка) Васильев, Терентий (Тренька) Федоров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

16

Сибирский литвин Тобольского города Семен (Семейка) Слонский получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

21

Сибирский Тарского города казак Иван (Ивашка) Уткин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский тюменский казака Степан (Степанка) Иванов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Июль

12

Сибирский литвин Тобольского города Семен (Семейка) Слонский получил на КД жалованье «а пожаловал государь ево за Тунгускую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

7129-й г.

Октябрь

16

Сибирский казак Сургутского города Павел (Пашка) Клепиков получил на КД жалованье, по памяти от 12 октября, за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Ноябрь

14

16 сибирских мангазейских годовалщиков: атаман Иван Барыкин, казаки Смирной (Смирка) Григорьев, Терентий (Тренька) Исаев, Василий (Васька) Сергеев, Антипа (Онтипка) Иванов, Иван (Ивашка) Юдин, Богдан (Богдашка) Ленивцов, Павел (Пашка) Иванов, Моисей (Мосейка) Кочкаров (Качкаров?), Федор (Фетька) Марков, Иван (Ивашка) Иванов, Никифор (Микифорка) Галкин, Савва (Савка) Еремин, Кирилл (Кирюшка) Семенов, Фома (Фомка) Смолнянинов, Поздей (Поздейка) Лукьянов получили на КД жалованье, по памяти от 10 ноября, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

3 сибирских служилых и жилецких людей Тобольского города: казак Терентий (Тренька) Микин и целовальники Юрий (Юрка) Коткин и Федор (Фетька) Заборцов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Декабрь

5

Сибирский житничий приказчик Тобольского города Неустрой Иванов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский березовский казак Семен (Семейка) Исаев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

10

На КД записали казенный расход на поставление патриархом Филаретом и «всем вселенским собором» в сибирские архиепископы игумена Хутынского монастыря Киприана¹.

30

Сибирский казак Березова города Терентий (Тренька) Серебренник получил на КД жалованье, по памяти от 17 декабря, «а пожаловал государь ево за Тунгускую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

Возница Корнила Васильев, по памяти от 14 декабря, взял с КД и отнес в Конюшенный приказ для архиепископа

¹Запись процитирована И.Е. Забелиным (*Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам, по поручению графа Д.Н. Блудова собранные из книг и столбцов преждебывших Дворцовых приказов архива Оружейной палаты Ив. Забелиным. (1613–1634 гг.) Часть первая. М., 1882. Стб. 223–239) и по Забелину упомянута и у Газенвинкеля (*Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 16).

Киприана сукна настарфили лазоревые и английские темно-зеленые и зендени синие «во отдачу сибирскому архиепископу к санем на полсть и на щит и на вожди и на узду».

1621 г.
Январь
5

15 сибирских служилых людей тунгусских годовальщиков Тобольского города литвин Андрей (Ондрюшка) Савицкий, стрелец Дмитрий (Митька) Жареник; березовские казаки Росляк (Рослячка — Ростислав?) Андреев, Аникий (Оничка) Тимофеев; тюменские казаки Федор (Фетька) Трофимов, Завьял (Завьялка) Семенов; томские казаки Василий (Васька) Анисимов (Онисимов), Григорий (Гришка) Щербаков, Григорий (Гришка) Семенов, томский целовальник Ждан (Жданка) Григорьев; Тарского города литовского списка Герасим (Герасимка) Широкий, Аникий (Оничка) Колуваров, десятник казачий Бажен (Баженка) Дементьев; Пelyмского города стрельцы десятник Богдан (Богдашка) Курень, Иван (Ивашка) Федоров получили на КД жалованье, по памяти от 10 ноября, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

9

Сибирские служилые люди Сургутского города литвин Павел (Павлик) Дулепский и казак Филипп (Филька — Филимон?) Белозерец получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

13

6 сибирских служилых людей Тобольского города литвин Андрей (Ондрюшка) Савицкий, стрелец Дмитрий

(Митька) Евдокимов (Овдокимов); Тюменского города казаки Федор (Фетька) Трофимов, Завьял (Завьялка) Семенов; березовские казаки Росляк (Рослячка) Андреев, Аникий (Оничка) Тимофеев получили на КД жалованье «за Тунгускую службу и за осторожное ставленье» — по портищу сукна настрафила лазеревого.

14

Сибирский конный казак Томского города Василий (Васька) Анисимов получил на КД жалованье «за службу за киргитцкую» — портище сукна настрафила лазеревого.

17

Сибирский казак Тюменского города казак Завьял (Завьялка) Семенов получил на КД жалованье «за сибирскую за кузнецкую службу» — портище сукна настрафила лазеревого.

18

Сибирские служилый люди Тобольского города сын боярский Михаил Бамкашин и казак Семен (Семейка) Неустроев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна: сын боярский — английского вишневого, казак — настрафила лазеревого.

Певчие дьяки Самойла Евтихеев, Иван Ищейкин, Василий Харитонов, Сергей Мисюрев получили на КД годовые сукна «для сибирские посылки» с архиепископом Киприаном — по портищу сукна английского темно-синего.

19

Сибирский протопоп Иван получил на КД портище английского сукна.

Уфимский («уфинец») сын боярский Василий Шатой (Шатый) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских служилых людей Тобольского города: литвин Богдан (Богдашка) Оршинский (Аршинский), казаки Никита (Микитка) Кочет (Кочат) да Астафий (Осташка) Антонов, Прибытка Андреев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Февраль

9

8 сибирских служилых людей Тарского города пятидесятник стрелецкий Еремей (Ерема) Пружинин, литвин Андрей Семенов, конные казаки литовского списка Павел (Павлик) Григорьев, Меркурий (Меркушка) Михайлов, Яков (Якунка) Савельев, десятник стрелецкий Сума Михайлов, стрелец Иван (Ивашка) Тимофеев, пеший казачий десятник Петр (Петрушка) Юрьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

17

Сибирский мангазейский годовальщик березовский казак Василий (Васька) Какоулин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

20

8 сибирских служилых людей: князь Василий Кондинский (Кандинской), сын боярский Константин Албычев, стрельцы Пахом (Пахомка) Богданов, Федор (Фетька) Пантелеев, Иван (Ивашка) Неверов, Семен (Сенька) Ярославцов, Первой (Первушка) Григорьев, Логин (Логинка) Матвеев получили на КД жалованье за сибирский приезд: князь — по портищу тафты виницейки двоеличной

и сукна настрафила лазоревого; остальные — по портищу сукна настрафила лазоревого.

22

3 сибирских стрельцов Туринского острога Харитон (Харка) Онуфриев, Иев (Иевка) Петров, Василий (Васька) Онцыфоров получили на КД жалованье, по памяти от 21 февраля, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

26

Сибирские служилые люди Нарымского острога подьячий Богдан Попов и казак Федор (Фетька) Павлов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

27

Сибирские казаки Тарского города Поспел (Поспелка) Емельянов (Омельянов) и Роман (Рамашка) Клементьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

4 сибирских служилых людей Тюменского города: литвин Герасим (Гарасимка) Яцкой, конный казак Лазарь (Лазорка) Васильев, стрелец Гаврила (Гаврилка) Васильев, пеший казак Завороша (?) (Заворошка) Петров получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Март

5

Сибирский дьякон Тюменского города Василий получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирские стрельцы: Туринского острога Иев (Иевка) Петров и Пельымскоо города Первой (Первушка) Григорьев получили на КД жалованье «за Тунгускую службу и за острожное ставленья» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский верхотурский вож Артемий (Ортюшка) Софонов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирский конный казак Томского города Пятой (Пятунка) Кизыл (Кызыл/Кизил ?) получили на КД жалованье, по памяти от 8 марта, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого. А пожаловал Государь ево за сибирской приезд.

Сибирская «литва» Тарского города литвин Кузьма (Куземка) Иванов и (казак) «литовского списка» Петр (Петрушка) Давыдов получили на КД жалованье, по памяти от 19 марта, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские служилые люди Верхотурского города сын боярский Василий Тырков и казаки Ульян (Ульянка) Шаханов, Андрей (Ондрюшка) Кузнец Мизга, Панкратий (Панкратка) Нефедьев получили на КД жалованье, по памяти от 22 марта, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

- 3 сибирских служилых людей Туринского острога: стрельцы Первой (Первушка) Савельев и Лазарь (Лазорка) Кузмин и ямской охотник Семен (Сенька) Кирилов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна лазорего: стрельцы — настрафиля, ямщик — лятчины.
- 6 сибирских служилых людей: Березова города литвин Санах Копот (Копоть?) и казаки Первой (Первушка) Яковлев, Терентий (Тренька) Иванов; Сургутского города казаки Иакинф (Окинфейка) Фомин, Иван (Ивашка) Яковлев, пушкарь Ждан (Жданка) Тарасов (Торасов) получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазорего.

- 3 сибирских казаков Тюменского города Семен (Семейка) Поскочин, Иван (Ивашка) Курбатов, Михаил (Мишка) Антонов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазорего.

- 3 сибирских служилых людей Тобольского города сын боярский Михаил Харламов, казаки Иван (Ивашка) Астраханец и Дюна (Дюнка) Степанов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазорего.

Апрель

- 9 сибирских служилых людей Тарского города подьячий Пятой Петров и служилые люди литовского списка Матвей (Матюшка) Иванов, казаки Невежа (Невежка) Федоров, Семен (Семейка) Кипреянов, Максим (Максимка)

Наумов, Василий (Васька) Зборщик, Григорий (Гришка) Сулов, Григорий (Гришка) Изотов, Федор (Фетька) Клементьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

20

Сибирский стрелец Туринского острога Лазарь (Лазорка) Кузмин получил на КД жалованье, по памяти от 30 марта, «за Тунгускую службу и за осторожное ставлень» — портище сукна настрафила лазоревого.

Май

2

Сибирский стрелец Туринского острога Лазарь (Лазорка) Кузмин получили на КД жалованье, по памяти от 30 марта, «за Тунгускую службу и за осторожное ставлень» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

6 сибирских служилых людей Тобольского города литвины Гаврила (Гаврилка) Ключевский, Ян (Янка) Куча, Иван (Ивашка) Мамеев, Иван (Ивашка) Фефилов, Михаил (Мишка) Кочет, Неупокой (Неупокойка) Семенов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские служилые люди Тарского города сын боярский Третьяк Харламов и атаман Василий Тюменец получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

11

4 сибирских казаков Томского города Дмитрий (Митька) Копылов, Иван (Ивашка) Семенов, Яков (Якунка) Афанасьев, Завьял (Завьялка) Ларионов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

401

Сибирский верхотурский казак Иван (Ивашка) Григорьев сын Сафьян получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирские служилые люди подьячий Тарского города Пятой-Яков Петров и казак Томского города Яков (Якушка) Афанасьев получили на КД жалованье — по портищу сукна настрафила лазоревого «за службу»: подьячий «за то, — в прошлом во 125-м, и во 128-м году в татарских ясачных волостях сыскал вновь ясачных тотар 104 человека, и ясак с них взят»; казак — «за Кузнецкое острожное ставлень»¹.

Сибирские казаки Тобольского города конный Иван (Ивашка) Мамеев и пеший Дмитрий (Митька) Кочет (Кочат) получили на КД жалованье «за Тунгускую службу и за острожное ставлень» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские казаки Томского города Дмитрий (Митька) Копылов и Иван (Ивашка) Кизыл (Кызыл/Кизил) получил на КД жалованье «за Колмацкую службу и за изрон» — по портищу сукна настрафила лазоревого и по портищу тафты виницейки дымчатой.

Июль

25

Сибирский казак Тюменского города Михаил (Мишка) Антонов получил на КД жалованье «за Тунгускую службу и за острожное ставление» — портище сукна английского багрового.

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 8.

Август

4

Сибирский стрелец Пелымского города Заворот (Заворошка) Вискунов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна кострыша темно-синего.

28

Сибирский казак Томского города Меркурий (Меркушка) Леонтьев (Левонтьев) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

7130-й г.

Сентябрь

14

Сибирский казак Томского города Меркурий (Меркушка) Леонтьев (Левонтьев) получил на КД жалованье «за кузнецкую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

25

Сибирские стрельцы Верхотурского города Завьял (Завьялка) Матвеев и Моисей (Масейка) Бажин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Октябрь

6

3 сибирских казаков Нарымского (Нерымского) острога Еремей (Еремка) Федоров, Артемий (Ортюшка) Григорьев, Филимон (Филимонка) Тимофеев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский казак Томского города Григорий (Гришка) Иванов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирский ямской охотник Верхотурского города Гаврила (Гаврилка) Стрижков получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна шебединского червчатого.

Сибирский казак Томского города Яков (Якушка) Андреев получил на КД жалованье «за Кузнецкую службу» — портище сукна настрафила лазоревого.

Ноябрь

Сибирские казаки Сургутского города десятник Григорий Морж, Иван (Ивашка) Петров, Анисим (Онисимка) Мартемьянов, Захар (Захарка) Федоров, Иван (Ивашка) Топчила, Степан (Степанка) Давыдов, Чудин (Чюдинка) Федоров, Семен (Семейка) Кондратьев, Михаил (Мишка) Давыдов, Иван (Ивашка) Федоров, Артемий (Ортюшка) Игнатъев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

5 сибирских казаков Томского города Василий (Васька) Борисов, Василий (Васька) Бурков, Дементий (Демка) Орлик (Орлин?), Клим (Климка) Иванов, Еремей (Еремка) Степанов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

12 сибирских служилых и жилецких людей Березова города: Иван Мокринский, казаки Никифор (Микифорка) Лопухин, Меньшой (Меньшик) Иванов, Смирной (Смирка) Иванов, Иван (Ивашка) Рунов, Исаак (Исачка) Иванов, Лев (Левка) Качкаров, Нехороший (Нехорошка) Смирной (Смирново), Василий (Васька) Антонов, Федор (Фетька) Кузмин, Иван (Ивашка) Никифоров (Микифоров), целовальник Савва (Савка) Бобов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских служилых людей Тобольского города: литвин Григорий (Гриша) Черный, казаки Петр (Петрушка) Филиппов, Василий (Васька) Федоров, Терентий (Тренка) Кирилов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7 сибирских служилых людей: Тобольского города сын боярский Вахромей Ляхов; Тобольского города казак Родион (Ротка) Григорьев; березовские казаки Андрей (Ондрюшка) Никифоров (Микифоров), Василий (Васька) Семенов; Тобольского города Семен (Семейка) Соснин; Томского города литвин Тимофей (Тимошка) Мелещенок, целовальник Федор (Фетька) Иванов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский служилый человек Верхотурского города Ульянов (Ульянка) Шаханов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Декабрь

1

Сибирские мангазейские целовальники Иван (Ивашка) Брусницын и Яков (Якушка) Малой получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

12

Сибирский казак Тобольского города Алексей (Олешка) Пименов (Пиминов) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

16 сибирских тобольских и березовских казаков Супона (Супонка) Васильев, Богдан (Богдашка) Васильев, Гаврила (Гаврилка) Селуянов (Салуянов), Шестой (Шестачка) Симанов, Иван (Ивашка) Богомол, Бажен (Баженка) Какоулин (березовский), Семен (Семейка) Оболтин, Дмитрий (Митька) Береза, Семен (Семейка) Спиридонов, Петр (Петрушка) Куркин, Семен (Семейка) Змеев, Симон (Симанка) Фофонов, Иван (Ивашка) Москвин, Андрей (Ондрюшка) Игнатъев, Семен (Семейка) Савин, Макар (Мокарка) Павлов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

20

Сибирский казак Тобольского города Родион (Ротка) Григорьев получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлом во 129-м году государю служил — новую Опалскую землю проведаль» — портище сукна настрафиля лазоревого.

23

5 сибирских казаков Тобольского города конные Мокий (Мокейка) Кирилов, Федот (Федотка) Владимиров

(Володимеров); Сургутского города казаки Артемий (Ортюшка) Григорьев, Ларион (Ларка) Семенов, Трофим (Трофимка) Федоров — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские казаки Томского города Дмитрий (Митька) Игнатьев и Кузнецкого острога Петр (Петрушка) Дорофеев (Дарофеев) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

31

Сибирский казак Тобольского города Иван (Ивашка) Богомоллов получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлом 129-м г в Сибири государю служил — в Небуканском зимовье от гуляшских людей в осаде сидел пять недель и трех человек гуляшей в полон взял и привел их в Мангазейской городок к воеводам» — портище сукна настрафила лазоревого¹.

1622 г.
Январь
4

4 сибирских служилых людей Туринского острога: пушкарь Алексей (Олешка) Фролов, стрельцы Харитон (Харка) Брагин, Степан (Степанка) Степанов, Иван (Ивашка) Терентьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский казак Сургутского города Иван (Ивашка) Петров получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлых во 127-м и во 128-м году государю служил с Сургутскими с ызменники с Кинемою Бардаковым с товарищи и с

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б. Государево жалованье...* С. 8–9.

кунною самоедью бился явственно, взял мужика» — портище сукна настрафила лазоревого¹.

Сибирские казаки Томского города Петр (Петрушка) Дорофеев и Дмитрий (Митька) Кашин получили на КД жалование за сибирский приезд, а П. Дорофеев и «за кузнецкую службу» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

5

Сибирский казачий атаман Томского города Степан Молчанов получил на КД жалование за сибирский приезд — портище сукна английского темно-синего.

13

4 сибирских служилых людей Тарского города десятник литовского списка Харитон (Харка) Нефедьев и десятник конных казаков Григорий (Гриша) Стариченин, стрелецкий пятидесятник Григорий (Гриша) Поланников, пятидесятник пеших казаков Степан (Степанка) Скуратов — получили на КД жалование за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

3 сибирских казаков Тобольского города Богдан (Богдашка) Выходцов, Семен (Семейка) Леонтьев (Левонтьев), Клим (Климка) Бобошин, Василий (Васька) Витезев — получили на КД жалование за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские Тобольского города архиепископа Кипреяна дети боярские Иван (Ивашка) Максимов и Меркурий (Меркулий) Борзой — получили на КД жалование за сибирский приезд — по портищу сукна английского лазоревого.

¹ Учена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалование... С. 9.

Сибирский архиепископа Киприана сын боярский Иван Васильев — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна английского лазоревого.

Сибирские служилые люди Пелымского города литвин Федор (Фетька) Ворон и стрелец Терентий (Терешка) Михайлов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Тобольского города соборной церкви Софии, Премудрости Божьей, протопоп Иван и протодьякон Матвей получили на КД жалованье, по памяти от 14 января, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля вишневого, цена по два рубли с полтиною портище. А пожаловал Государь их за сибирской приезд.

Сибирские казаки Березова города Михаил (Мишка) Алексеев и Иван (Ивашка) Лихачев получили на КД жалованье, по памяти от 16 января, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

3 сибирских служилых людей Тюменского города литвин Андрей Угренин, конный казак Силантий (Силка) Елисейев, стрелецкий десятник Тит (Титка) Васильев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские ямские охотники Тюменского города Марк Андреев и Байдана (Бойданка или Богданка/Богдан?) Обросимов (Амвросиев?) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна шебединского лазоревого.

Февраль

5

Сибирский казак Тарского города Богдан (Богдашка) Сафронов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

6

Сибирский подьячий Верхотурского города Андрей Ермолин — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

7

4 сибирских служилых людей Тобольского города литвин Федор (Фетька) Быховский (Быковский?), конный казак Иван (Ивашка) Алексеев, пеший казак Афанасий (Офонька) Федоров, туринский стрелецкий десятник Степан (Степанка) Артемьев (Ортемьев) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

КД отпустил к патриарху Филарету шапочный вершок из английского сукна на жалованье племяннику сибирского архиепископа Киприана.

9

Дьяк Афанасий Максимов взял с КД к патриарху Филарету «в прибавку» к монатье сибирскому архиепископу Киприану портище камки куфтера лазоревого да на подкладку оплечья к манатье 2,5 арш. тафты виницейки зеленой и 6 верш. Камки куфтера темно-синей на скрижали.

Посошник Тимофей (Тимоха) взял с КД в Серебряный и Оружейный приказ червчатого барана и пол арш. сукна шебединского «на оболочку» и «внутри» влагалища к серебряному чеканному кадилу «что делают в Сибирь».

Сибирский стрелец Верхотурского города Богдан (Богдашка) Степанов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Отослано с КД для отправки в Сибирь к архиепископу Киприану: «послано в Казанской дворец к боярину ко князю Ивану Михайловичу Воротынскому да к дьяку Ивану Болотникову да к Федору Опраксину, что послать в Сибирь сибирскому архиепископу Кипреяну: понагея в окладе серебряном золочена резана на кипарисе Живоначальная Троица в главе по сторонам три виниски да жемчужек, посередине главы — камень литой голуб, да по сторонам около понагеи восемь смазней червчатых, назади у понагеи вырезан Архангел Михаил да апостал Ондрей Первозванной, на ней же на окладе назади резаны святые Николай, да Сава, да Анастасея, да Илья-пророк; в понагее мощи святого Пантелеймона, мощи святых безсребреник Козмы и Домияна, мощи святого Ивана Милостиваго Олександрейскаго, мощи Ивана Златаустаго, весу в ней во всей дватцать семь золотник с четью, взята у крестового диака Ивана Семионова; да амфор — камка куфтерь бела, опушка — отлас червчат, по опушке круживо кованое золотное немецкое, подзор — тафта виницейка зелена, подклатка — миткали, у амфора — тритцать восемь кистей шелковые з золотом, ворворки низаны жемчюгом поверх ворворок и внизу трубки серебряны золочены, источники низаны жемчюгом по бархату по червчатому с конителью, на омфоре вышито: на кресте роспятие Господня, у Господня образа венец низан жемчюгом, под роспятием вышито Воскресение Господне, у Воскресения по главе и у риз по швом низано жемчюгом, на середине на кругу вышито снятие со Креста, на нижнем Кресте вышито Успение,

Успения под венцом и по швом низано жемчюгом, цена амфору оприч крестов, и источников, и ворворок, и трубок, дватцать один рубль тритцать один алтын полпяты денги, кресты и источники принесены от государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны; а ворворки и трубки сняты з грузинсково амфора, что прислал к государю в поминках кизылбаской ш(ах) Аббас; да полица: середина камка червчата, на ней шита Троица Живоначальная золотом и серебром с розными шолки, около лиц и риз и подписи — веревочка в один жемчюг, да по углом по отласу зеленому шиты херувими и серафими золотом крылье низаны жемчюгом, поля у полицы по камке лазоревой низано жемчюгом, на поли слова низаны жемчюгом, тропарь: Благословен еси Христе Боже наш, да Сын человеческий, да Кегда швед, языки розмеси; — около середины и около поль по веревочке жемчюжной в обвод около их по веревочке золотной пряденой; подклатка у полицы — камка адамашка лазорева, цена камке одинатцать алтын четыре денги, полица принесена от государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны; да к той же полице дан крюк серебрян глаткой, весу и за дело четырнатцать алтын; да к полице ж дан поясок — шолк лазорев, цена два алтына четыре денги; да порамант — шит по камке таусинной травки золоты, около в дву местех шито серебром: крест и копие и трость и подпись, низано жемчюгом; подклатка — камка адамашка лазорева; у пораманта крест золот тощей, на нем резано распятие Господне, в главе Спасов образ, назади резана подпись, в нем животворящее древо; риза Спасова, мощи Спиридония Чюдотворца да Оверкея Ераполсково, да Стефана Нового, в поцепке плетенок золот, порамант, и крест, и плетенок прислан от государыни и великой старицы иноки Марфы Ивановны; да два орлеца, шиты в розных сукнех, в ростилке войлоки подложены крашениною, цена им три рубли тритцать алтын; да кадило серебряное, весу шесть гривенок тритцать два золотника, взято ис Серебреново

приказу. Да по памяти ж велено послати в Сибирь воздухи и з архангелы, — и воздухов государь посылати не велел потому, что воздухи даны архиепископу на отпуске, как отпущен с Москвы».

Сибирский протопоп Тобольского города Иван Осипов получил на КД, по памяти от 31 января, жалованье: шубу в камке адамашке лазоревой кружчатой, на куницах, с пухом, нашивки — торочки тафтяные в 15 королков; охабень в зуфи темно-зеленой с подпушкой в тафте вилицейке зеленой с нашивкой тафтяной и ожерельем в бархате лазоревом на зендени; кафтан в камке адамашке лазоревой, с подпушкой в тафте немецкой зеленой, с зенденинной подкладкой, с нашивкой шелковой гвоздичной; шапка бархатная синяя с исподом собольим и тулеей из собольих пупков, опушка пуховая с нашивкой тафтяной; однорядка в сукне лундыше вишневом с подпушкой камки немецкой, с нашивкой хамянной с корольками.

15

Сибирский стрелецкий пятидесятник Тарского города Григорий (Гришка) Калашников (Колачников) получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлом во 129-м году государю служил в Сибири государевых изменников литовских людей, которые государю изменили, и он их переимал и привел на Тару» — портище сукна английского лазоревое.

Март
10

3 сибирских казаков: Березова города Федор (Фетька) Игнатьев и Максим (Максимка) Майков; Тюменского города конный казак Иван (Ивашка) Федоров, — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портишу сукна настрафила мурамно-зеленого.

413

4 сибирских служилых людей Тобольского города: новокрещен Яков (Якушка) Боголаков, конный казак Безсон (Безсонка) Жуков, служилые татары Кутук князь Ембулатову и Баян (Баянка) Енгучюков — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля мурамно-зеленого.

3 певчих дьяка, «которые были в Сибири в Таболску у сибирсково архиепискупа Кипреяна», Иван Ищейкин, Сергей Васильев и Василий Харитонов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна английско-го багрового.

Сибирского архиепископа Киприана дьяк Семен Никифоров (Микифоров) и сын боярский Макарий Галасейн получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

6 сибирских служилых и жилецких людей: Тобольского города конный казак Богдан (Богдашка) Колмагор (Холмогор?), пеший казак Пимен (Пиминка) Саблин, стрелец Степан (Степанка) Филиппов, Тарского города казаки Вторый (Вторышка) Полуехтов, Василий (Васька) Емельянов, Тобольского города пашенный крестьянин Василий (Васька) Суборьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна лазоревого: служилые — настрафиль, крестьянин — лятчину.

Сибирский Тобольского города татарский голова Данила Низовцев (Низавцов) — получил на КД жалованье, по памяти от 26 марта, за сибирский приезд — портище сукна на кострыша темно-синего.

5 сибирских стрельцов Верхотурского города Чудин (Чюдинка) Никитин (Микитин), Яков (Якушка) Петров, Иван (Ивашка) Панкратьев (Понкратьев), Богдан (Богдашка) Нефедьев; Туринского острога десятник Фадей (Фадейка) Перфильев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

6 сибирских стрельцов Пелымского города Петр (Петрушка) Авраамов (Абрамов?), Савва (Савка) Денисов, Филипп (Филька — Филимон?) Иванов, Логин (Логинка) Матвеев, Мелентий (Мелешка) Фомин, Герасим (Гарасимка) Вискунов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Апрель

2

Сибирский Пелымского города князь Федор Кондинский (Кандинский) получил на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу тафты виницейки дымчатой и сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский пашенный крестьянин Пелымского города Богдан (Богдашка) Назарьев — получил на КД жалованье за сибирский приезд — 3 арш. сукна лятчины лазоревой.

3 сибирских стрельцов Туринского острога Кубас (Кубаска) Федоров, Иван (Ивашка) Луженин, Второй (Вторышка) Григорьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна еренка лазоревого.

Сибирским служилым людям Тобольского города юртовский служилый татарин князь Кутук Енбулатов и новокрещен Яков (Якушка) Богалаков — получили на КД жалованье «за колмацкую службу» — по портищу сукна еренка лазоревого.

5 сибирских служилых людей Тюменского города сын боярский Семен Поскочин, казаки Терентий (Тренька) Гарионов, Антон (Онтонка) Тимофеев, Патрикей (Патрейка) Филипов, Иван (Ивашка) Мальцов — получили на КД жалованье, по памяти от 10 апреля, за сибирский приезд — по портищу сукна: сын боярский — английского темно-синего, казаки — еренка голубого.

Сибирский туринский ямской охотник Павел (Пашка) Ушаков получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна лятчины лазоревой.

Сибирские служилые люди Тобольского города литвин Гаврила Ключевский и казак Архип (Архипка) Федоров — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

6 сибирских служилых людей Тарского города десятник литовского списка Бажен (Баженка) Дементьев, стрелецкий десятник Семен (Семейка) Софронов, казаки Иван (Ивашка) Родионов, Иван (Ивашка) Фомин, Полиевкт (Полунка) Богданов, Иван (Ивашка) Никитин (Микитин) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Июль

18

5 сибирских служилых людей Туринского острога голова стрелетцкий Андрей Шарыгин, Тобольского города литвин Лука (Лучка) Урманов, конный казак Андрей (Ондрюшка) Кречатник, пеший казак Дмитрий (Митька) Клепиков, стрелец Алексей (Олешка) Афанасьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Август

9

Сибирский стрелец Верхотурского города Зиновий (Зиновка) Никифоров (Микифоров) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

30

Сибирские служилые люди Тобольского города дворский Неустрой Иванов и литвин Дмитрий Ядровский — получили на КД жалованье, по памяти от 30 августа, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

7131-й г.
Октябрь
(до 27)

Сибирский казак Томского города Федор (Федька) Дека- получил на КД жалованье «за мелескую службу» — портище сукна настрафила лазеревого.

Ноябрь
13

Сибирский стрелец Тюменского города Трофим (Трофимка) Токарев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазеревого.

16

Сибирские Тобольского города архиепископа Кипреяна дети боярские Иван Максимов и Меркурий (Меркулий) Борзой (Борзово) получили на КД жалованье, по памяти от 12 ноября, за сибирский приезд — портище сукна английского темно-синего и портище сукна кострыша темно-синего.

23

Сибирский голова татарский Томского города Осип Кокорев получил на КД жалованье «за кузнецкую службу и за острожное ставление и за колмацкую службу» — по портищу тафты виницейки лазеревой и сукна кострыша темно-синего¹.

25

16 сибирских служилых людей Сургутского города Роман (Ромашка) Немчин, Анисим (Анисимка) Яковлев, Никита

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государевое жалованье... С. 13.

- (Микитка) Колмогор, Иван (Ивашка) Алексеев, Первой (Первушка) Иванов, Михаил (Мишка) и Иуда (Юдка) Анисимовы, Гуляй (Гуляйка) Терентьев, Еремей (Еремка) Букалов, Дружина (Дружинка) Никитин (Микитин), Тимофей (Тимошка) Еремеев, Насон (Насонка) Александров, Лев (Левка) Столбов; Кетские годовальщики литвин Матвей (Матюшка) Дамашев, Петр (Петрушка) Федулов, новокрещен Парус (?) (Паруска) Осипов, — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
- 14 сибирских служилых и жилецких людей Березова города казаки Василий (Васька) Мещеряк, Василий (Васька) Юрьев, Данила (Данилка) Семенов, Пятой (Пятунка) Антонов, Федор (Фетька) Лопаткин, Семен (Семейка) Аксенов (Оксенов), Агафон (Агафонка) Иванов, Алексей (Олешка) Петров, Филипп (Филька — Филимон?) Тимофеев, Ян (Янка) Новоселов, Семен (Семейка) Исаев, Андрей (Ондрюшка) Михайлов, Шумила (Шумилка) Семенов, целовальник Федор (Фетька) Ермолин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
- 6 сибирских служилых людей Тобольского города литвин Федор (Фетька) Быховский, пеший казак Семен (Семейка) Леонтьев; Нарымского острога казаки Вахрамей (Вахрушка) Иванов, Матвей (Матюшка) Тихонов; Томского города казак Фалалей (Фалька) Туполев (Тупылев); Кузнецкого острога казак Алексей (Олешка) Карпов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.
- 12 сибирских казаков мангазейских годовальщиков Андрей (Ондрюшка) Петров, Василий (Васька) Деев, Михаил (Михалка) Кашмылов, Федор (Федька) Кокушкин, Артемий (Ортюшка) Ерлов, Фома (Фомка) Смолянин, Данила (Данилка) Рагозинник, Василий (Васька — ?) Какоулин (Кокоулин), Мартын (Мартынка) Васильев, Чмута (?) (Чмутка/Гмутка?) Петров, Иван (Ивашка) Какоулин (Кокоулин, Какаулин), Авксентий (Оксенка) Кулебака

(Кулибяка?) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

26

Сибирский казак Тобольского города мангазейский годовалщик Иван (Ивашка) Бровка — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

30

4 сибирских казаков Сургутского города казаки Лев (Левка) Столбов, Тимофей (Тимошка) Еремеев, Гуляй (Гуляйка) Терентьев, Иуда (Юдка) Анисимов — получили на КД жалованье «за сибирскую за лугунскую службу и за осторожное ставлень» — по портищу сукна настрафила лазоревого¹.

Декабрь

4

Сибирский казак Кузнецкого острога Алексей (Олешка) Карпов получил на КД жалованье — портище сукна настрафила лазоревого: «за службу — в прошлом во 128-м г. послан он с служилыми людьми ис Кузнецкого острогу навстречу против государевых запасов, которые посланы были в Кузнецкой острог ис Тобольска, и на дороге приходили на них государевы изменники многие кузнецкие люди, и с ними был бой, и на том бою он, Олешка, взял мужика»².

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 9.

² Учтена в выборке Газенвинкеля, но записана Забелиным под 3 декабря: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 9.

Сибирский казак Сургутского города Петр (Петрушка) Федулов получил на КД жалованье «за службу — послан он был в Тюлкину землю и ясак с тюлкиных людей взял» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские мангазейские целовальники Михаил (Мишка) Каргапол и Владимир (Володька) Щипунов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Подьячий Казанского дворца Мокей Савельев, по памяти от 14 января, взял в Казанский дворец платье, сшитое для сибирских ясачных служилых людей Сургутского города для «князька» Югры Локчакова и остяков Мусы Булатова, Утума Кунчеева, Кулука Юганского «за сибирской приезд и за то, что они в нынешнем во 131-м году ноября в 21 день государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии челом ударили: сорок соболей, цена 40 рублей, шуба соболя с пухом, сибирское дело, цена 15 рублей»:

«князку» Ю. Локчакову — однорядка сукна английского червчатого с шелковыми гвоздичными завязками и полусеребряным пояском (5 руб.); кафтан камки немецкой желтой (3 руб. 6 алт.); шапка бархатная червчатая клетчатая «з душкою» и полусеребряной нашивкой (2 руб.).

Остякам:

М. Булатову — однорядка червленая из сукна кострыша с завязками (3 руб. 28 алт. 4 ден.); кафтан тафты лазоревой немецкой (2,5 руб.); шапка суконная черкаская с лисьим околлом (1 руб.);

- К. Кунчеву — однорядка сукна кострыша червчатая с завязками (3 руб. 28 алт. 4 ден.); кафтан из тафты немецкой лазоревой (2,5 руб.); шапка суконная черкасская с лисьим околлом (1 руб.);
- К. Юганскому — однорядка сукна кострыша с завязками (3 руб. 28 алт. 4 ден.); кафтан из тафты двоеличной немецкой (2 руб. 14 алт. 4 ден.); шапка суконная черкасская с лисьим околлом (1 руб.).

1623 г.

Январь

3

Сибирский стрелец Туринского острога Степан (Степанка) Степанов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

4

4 сибирских казаков Тарского города Иван (Ивашка) Зубчанин, Богдан (Богдашка) Казанец, Иван (Ивашка) Тимофеев, Десятой (Десятка) Ефимьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

5 служилых людей «сибирских городов»: Тобольского города Иван (Ивашка) Выченда (Вычегда?), Богдан (Богдашка) Ерохов, Дементий (Демка) Сметанин; Туринского острога Степан (Степанка) Осеев; Сургутского города Мартын (Мартынка) Евдокимов (Овдокимов) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских служилых людей Тобольского города: ротмистр Бартош Станиславов, казаки Никита (Микита) Кочет (Кочат), Прибылой (Прибытка) Андреев, Богдан (Богдашка) Мокринский — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские казаки Томского города Томила (Томилка) Григорьев и Ерофей (Ерошка) Парамонов (Порамонов) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский казак Березова города Максим (Максимка) Телицын получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

Сибирские стрельцы Пелымского города Богдан (Богдашка) Курень и Грязной (Грязнушка) Васильев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские стрельцы Верхотурского города Иван (Ивашка) Панкратьев (Понкратьев) (сын) Разумчик, Дмитрий (Митька) Яковлев (сын) Шебунин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

4 сибирских служилых людей Тюменского города: конные казаки десятник Гаврила (Гаврилка) Иванов, литвин Андрей (Ондрюшка) Степанов, стрелецкий десятник Семен (Семилка) Кондратьев, пеший казак Михаил (Мишка) Антонов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский толмач Тобольского города Семен (Семейка) Кисель получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

20

3 сибирских служилых людей Тобольского города: сын боярский Богдан Оршинский (Аршинский), литвин Томила (Томилка) Петров, конный казак Савва (Савка) Измайлов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила голубого.

25

Отпущено в Казанский дворец на дачу жалованья сибирскому Сургутского города «князьку» Таназаку Ваксанову и остяку Мунжеяку платье «за сибирской приезд и за то, что они в нынешнем во 131-м году генваря в 17 день государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси челом ударили: сорок соболей, московская цена 30 рублей, да шуба соболя, московская цена 15 рублей»:

«князьку» — однорядка в сукне червчатом английском, с круживом полусеребряным с шелковыми багрово-золотными завязками (5,5 руб.); кафтан в немецкой желтой камке и шелковой червчатой нашивкой и лазоревой крашенинной подпушкой (3 руб. 6 алт.); шапка бархатная червчатая «з душкою» и полусеребряными петлями (3 руб.);

остяку — однорядка в сукне английском червчатом с круживом полузолотным, с шелковыми багровыми завязками с ткаными полусеребряными лопатки (3 руб. 28 алт. 4 ден.); кафтан дорогильный желтый с нашивкой втычной шелковой, и с подпушкой киндячной лазоревой

(3 руб. 28 алт. 4 ден.); шапка в сукне багреце «з душкою», с полусеребряными петлями (2 руб.)

Отпущено в Казанский дворец на дачу жалованья сибирскому Сургутского города «князьку» Таназаку Ваксанову и остяку Мунжеляку платье «за то, что они в нынешнем во 131-м году генваря в 23 день великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии челом ударили, 30 соболей в 15 руб., шуба пупчата соболя, московская цена 9 рублей»:

«князьку» — однорядка в сукне английском червчатом с полусеребряным круживом, с завязками шелковыми зелеными, с «лопатками» (3 руб. 28 алт. 4 ден.); кафтан в тафте немецкой червчатой со втычной шелковой червчатой нашивкой и киндячкой лазоревой опушкой (2 руб. 9 алт. 5 ден.); шапка в сукне багреце червчатом, «з душкою», с получеребряными петлями;

остяку — однорядка в сукне английском светло-зеленом, с полусеребряным круживом, с завязками (2 руб. 25 алт. 1,5 ден.); кафтан в тафте немецкой зеленой со втычной шелковой нашивкой и киндячной лазоревой опушкой (2 руб. 9 алт. 5 ден.); шапка суконная червчатая с лисьим околлом, с полусеребряными петлями (1 руб.).

Март

7

Сибирские служилые люди Тобольского города литвин Томила (Томилка) Петров и казак Савва (Савка) Измайлов получили на КД, по памяти от 5 марта, жалованье «за службу, что они в прошлом во 130-м году колматцких тайшей Талай-тайшу, Курлю Кочокура, Байбагишу Табыная и иных тайшей под государеву руку привели» — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский конный казак Тюменского города Ермак (Ермачка) Митрофанов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафила лазоревого.

2 иконописца («иконники») Богдан (Богдашка) Соболев и Второй (Фторышка) Матвеев и иконостасный мастер («деревщик») Иван (Ивашка) Дмитриев, «которые были в Сибири в Тоболском городе с архиепископом с Киприяном для иконново дела», получили на КД, по памяти от 18 марта, жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого¹.

3 сибирских стрельцов Туринского острога Иван (Ивашка) Калуга (Колуга), Иван (Ивашка) Шалга, Григорий (Гришка) Митрофанов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

6 сибирских служилых людей Тарского города: «литовского списка» десятнику Трофим Селуянов, рядовые литвины Адам (Адамка) Шульт, Макар (Макарка) Елисеев, конные казаки Терентий (Тренька) Михайлов, Яков (Якушка) Ерофеев, стрелец Григорий (Гришка) Рудаков — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Апрель

1

6 сибирских служилых людей Верхотурского города: казак Иван (Ивашка) Сафьян, стрелец Иван (Ивашка) Похолуй, Федор (Федька) Вага, Андрей (Ондрюшка) Кузнецов,

¹Учтена в выборке Газенвинкеля, но по выпискам Забелина неверно датирована 19 марта: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 15.

Михаил (Мишка) Лисицын, Родион (Родка) Анисимов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

17

8 сибирских служилых людей Пелымского города сын боярский Константин Албычев, пятидесятник стрелецкий Пахом (Пахомка) Богданов, стрелец Яков (Якушка) Иванов, Дмитрий (Митька) Богданов, Кузьма (Куземка) Матвеев, Первой (Первушка) Семенов, Иван (Ивашка) Осипов, Кузьма (Куземка) Никифоров (Микифоров) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

20

6 сибирских служилых людей Тюменского города атаман казачий Приезжий Резанов, казаки Томила (Томилка) Никифоров (Микифоров), Иван (Ивашка) Курбатов, Василий (Васька) Федоров, Гаврила (Гаврилка) Иванов, Бажен (Баженка) Васильев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

22

4 сибирских казаков Верхотурского города Иван (Ивашка) Ларионов, Василий (Васька) Олферьев, Фрол (Фролка) Бутаков, Василий (Васька) Юрьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирские юртовские татары Тюменского города Милбай (Милбайка) Абыз Бигилдеев и Куркай (Куркайка) Исенгилдеев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский конный казак Тарского города Второй (Вторышка) Полуектов получили на КД жалованье, по памяти от 26 апреля, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

Май

5

Сибирский стрелец Верхотурского города Степан (Степанка) Похалуй получил на КД жалованье «за острожное ставление» — портище сукна настрафила лазеревого.

Июль

25

Сибирские стрельцы Верхотурского города Степан (Степанка) Иванов и Пельымского города Семен (Семейка) Васильев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазеревого.

Август

6

Сибирский ямской охотник Верхотурского города Гаврила (Гаврилка) Стришков (Стрижков?) получил на КД жалованье за сибирский приезд — 3 арш. сукна лятчины лазеревой.

16

Сибирский архиепископа Киприана сын боярский Ларион Ефремов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна английского темно-синего.

7 сибирских служилых людей: Тобольского города немчин Сергей (Сергушка) Яковлев, конный казак Афанасий (Офонька) Котин, пешие казаки Фома (Фомка) Игнатъев, Василий (Васька) Макеев (Мокеев), Ждан (Жданка) Олфимов (Алфимов?), новокрещен Илья (Илейка) Девлеев, Березова города казак Иван (Ивашка) Лихачев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазоревого.

3 сибирских служилых людей Нерчинского острога новокрещен Иван (Ивашка) Боярка, казаки Федор (Фетька) Афанасьев, Алексей (Олешка) Романов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазоревого.

Сибирский сын боярский Тобольского города Михаил (Михайла) Байкашин (Балкашин ?) — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафия лазоревого.

7132-й г.
Сентябрь

Сибирский дьякон Лука получил на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна лундыша вишневого и тафты виницейки зеленой.

9 сибирских служилых и жилецких людей Березова города: атаман Истома Аргунов (Оргунов), казаки Степан

(Степанка) Рябой, Иван (Ивашка) Нестольцов, Петр (Петрушка) Иванов, Меньшой (Меншичка) Орефьев (Арефьев?), Иван (Ивашка) Фофонов (Фафонов?), Иван (Ивашка) Дружинин, Алексей (Олешка) Борисов, целовальник Илья (Илюшка) Дмитриев — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

29

10 сибирским Сургутского города казаком Таганай (Таганашка) Анфилофьев, Осип (Осипка) Фатеев, Меньшой (Менщик) Филимонов, Андрей (Ондрюшка) Шелевский, Андрей (Ондрюшка) Неронов, Аникий (Аничка) Ананьин, Калина (Калинка) Кузмин, Семен (Семейка) Серебряник, Иван (Ивашка) Иванов, Завьял (Завьялка) Шестаков — получили на КД жалованье, по памяти от 28 сентября, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Октябрь

6

3 сибирских казаков Томского города Пятой (Пятунка) Кизылов (Кизиллов/Кызылов?), Иван (Ивашка) Ватолин (Ватолин?), Абрам (Обрамка) Обросимов (Абросимов?) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

7

Сибирские служилые люди Тобольского города сын боярский Афанасий Черкасов и Пелымского города стрелецкий десятник Пятой (Пятунка) Рожин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафила лазоревого.

Сибирский целовальник казак Сургутского города Михаил (Михалка) Андреев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

11

Сибирский подьячий Сургутского города Иван Афанасьев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

14

Сибирский стрелец Пельымского города десятник Пятой (Пятунка) Федоров получил на КД жалованье «за службу и за городовое дело» — портище сукна настрафиля лазоревого.

17

Сибирский казак Томского города Пятой (Пяток) Кизылов (Кизилов/Кызылов?) получил на КД жалованье «за колматцкую службу, что он посылан в прошлом во 131-м году приводить под государеву царскую высокую руку колмацкого Карагулу-тайшу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

21

4 сибирских казаков: Сургутского города десятник Акинфий (Окинфейка) Фомин, Тобольского города Иван (Ивашка) Фефилов (Феофилов?), Енисейского острога Иван (Ивашка) Казанец, целовальник березовский казак Иван (Ивашка) Галкин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

431

Сибирский конный казак Тюменского города Лазарь (Лазарка) Васильев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

3 сибирских служилых людей Сургутского города кетские годовальщики Яков (Якушка) Мезенец, Терентий (Тренка) Иванов, Андрей (Ондрюшка) Иванов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

14 сибирских казаков Томского города: голова казачий Молчан Лавров, казаки Бурнаш (Бурнашка) Никонов, Андрей (Ондрюшка) Черкашенин, Андрей (Ондрюшка) Губа, Федор (Фетька) Максимов, Михаил (Мишка) Рожеев, Иван (Ивашка) Петрушев, Григорий (Гришка) Кайдалов, Федор (Фетька) Суботка, Мартемьян (Мартьяшка) Щитов, Фома (Фомка) Кожевников, Петр (Петрушка) Моисеев, Федор (Фетька) Пермитин, Петр (Петрушка) Давыдов — всего четырнатцети человеком — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский кузнец Томского города Федор (Фетька) Еремеев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Ноябрь

11 сибирских служилых людей: Березова города сын боярский Андрей Тутолмин, казаки Бажен (Баженка) и Семен (Семейка) Какоулины (Кокоулины), Иван (Ивашка)

Иванов, Анкудин (Онкудинка) Вязмитин; Тобольского города казаки Григорий (Гришка) Коряков, Иван (Ивашка) Жук, Михаил (Мишка) Котельник, Яков (Якушка) Исаков, Ларион (Ларка) Иванов, Дементий (Демка) Тимофеев — получили на КД жалованье, по памяти от 9 ноября, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

14

Сибирские мангазейские целовальники Григорий (Гришка) Савельев (сын) Тарамшин и Григорий (Гришка) Юрьев получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский конный казак Томского города Андрей (Ондрюшка) Иванов (сын) Губа получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлом во 127-м году посылан был в черные колмаки х Каракуле-тайше, и ево под государеву высокую руку призвал и к шерти привел» — портище сукна настрафиля лазоревого¹.

25

Сибирские казаки Кузнецкого острога Владимир (Володька) Оверкиев (Аверкиев ?) и Осип (Осиповка) Филипов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский казак Томского города Пятой (Пятунка) Кизыл (Кизылов — Кизил/Кызыл?) получил на КД жалованье «за службу, что он сыскал в Сибири в Томском городе железную руду и камень» — портище сукна настрафиля лазоревого².

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 9.

² Учтена в выборке Газенвинкеля, но помечена 1673 г. (опечатка): *Газенвинкель К.Б.* Государево жалованье... С. 14.

Подьячий Ефим Пуколов забрал в Казанский дворец, по памяти от 18 ноября, на дачу жалованья сибирскому Томского города кузнецу Федору (Федьке) Еремееву «за то, что он сыскал в Сибири в Томском городе в горе камня и руду», — портище сукна английского темно-зеленого¹.

Декабрь

14

Сибирский пеший казак Томского города Иван (Ивашка) Мухин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафия лазоревого.

23

Сибирский голова конных казаков Томского города Молчан Лавров получил на КД жалованье «за сибирскую за Кузнецкую да за Киргискую да за Басаргаскую службу» — по портищу тафты широкой виницейки дымчатой и сукна настрафия лазоревого.

31

Сибирские казаки мангазейские годовальщики Тобольского города Семен (Семейка) Семенов (сын) Кобылка и Березова города Первой (Первушка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафия лазоревого.

4 сибирских клириков и служилых людей Тобольского города архиепископа Киприана поп Михаил, дьякон Илья, дети боярские Приезжий Матвеев и Василий

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государевое жалованье... С. 14–15.

Данилов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

1624 г.
Январь
1

Сибирский казак Томского города Кирилл (Кирилка) Афанасьев — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские казаки Енисейского острога атаман Поздей Фирсов и Тобольского города енисейский годовальщик конный казак Филипп (Филька — Филимон ?) Вяткин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

2

Сибирские служилые люди Сургутского города литвин Яков (Якуш) Вергунов и казак Михаил (Мишка) Спиридонов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

11

Сибирский сын боярский Тобольского города Василий Тырков — получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

18

Целовальник Иван Подошевник, по памяти от 16 января, взял в Казанский дворец 7 руб. на дачу жалованья сибирскому новокрещену Тарского города князю Григорию Утюгенову «за крещение и за выход, и по ево, Григорьеву, челобитью, за платье».

Сибирские служилые люди Тобольского города казак Дементий (Демка) Сметанин и Березова города литвин Григорий (Гришка) Куликов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские служилые люди Тюменского города сын боярский Михайла Волжин и казак Василий (Васька) Поскочин получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский атаман Енисейского острога Поздей Фирсов получил на КД жалованье «за службу, что он в прошлом во 131-м году привел под государеву царскую высокую руку ваганских дву князков князь Каконделя да князь Каяндегу» — портище сукна настрафиля лазоревого¹.

Сибирский казак Верхотурского города Федор (Фетька) Дегтярев получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Сибирские служилые люди Туринского острога стрелец Первой (Первушка) Савельев и ямской охотник Бажен (Баженка) Терентьев — получили на КД жалованье за сибирский приезд по портищу лазоревого сукна: стрелец — настрафиля, ямщик — лятчины.

¹ Учтена в выборке Газенвинкеля: *Газенвинкель К.Б.* Государевое жалованье... С. 9–10.

Февраль

3

Сибирский казак Тюменского города Василий (Васька) Иванов сын Поскочин — получил на КД жалованье «за Кузнецкое осторожное ставление и за службу, что он в прошлом во 126-м году з государевыми изменники с чоинскими и горними людьми дрался, и убили пять человек князьков и юрты их погромили» — портище сукна настрафиля лазоревого.

12

Сибирский стрелец Верхотурского города Иван (Ивашка) Разумчик получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

14

Сибирские казаки Томского города Богдан (Богдашка) Кизылов (Кизилев/Кызылов) и Григорий (Гришка) Иванов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

19

Сибирские казаки Тобольского города Терентий (Тренька) Семенов сын Горнастай и Березова города Степан (Степанка) Гаврилов получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

28

Сибирский конный казак Томского города десятник Бурнаш Никонов получил на КД жалованье «за службу, что в прошлом во 129-м году посылан он был ис Томского города с служилыми людьми на черных колмаков на князька

Коксе-Шаина ево людей» — портище сукна настрафиля лазоревого.

Март
12

Сибирский сын боярский Тарского города Петр Ахмаров получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

19

Сибирский стрелец Тобольского города Михаил (Мишка) Иванов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

8 сибирских служилых людей Пельымского города: сын боярский Константин Албышев, пятидесятник стрелецкий Пахом (Пахомка) Богданов, стрельцы десятник Алексей (Олешка) Зуев, Федор (Федька) Пыльников, Иван (Ивашка) Лучников, Первой (Первушка) Григорьев, Дружина (Дружинка) Никифоров (Микифоров), Дорофей (Дорожка) Порошин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских служилых людей Туринского острога: конный казак Максим (Максимка) Дмитриев, стрельцы Иван (Ивашка) Терентьев, Никита (Микитка) Казанец, Алексей (Олешка) Галактионов (Голохтионов) — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

20

Сибирский стрелец Тюменского города Проня (Пронька — Прокл/Прокопий/Прохор?) получил на КД жалованье, по памяти от 13 марта, «за кузнецкую службу» — портище сукна настрафиля лазоревого.

3 сибирских служилых людей Тобольского города сын боярский Василий Лутовинин, литвин Гаврила (Гаврилка) Ключевский, Семен (Семейка) Соснин — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Апрель

9

Упоминаются в Казне 5 золотых угорских по 30 алт. золотой, «которыми золотыми государю челом ударил сибирской архиепископ Кипреян за то, что он при государе от сибирского архиепископа объявлял дары, а сибирскому архиепископу в тех золотых место дано пять ж золотых угорских из государевы казны с Казенного двора; а что от сибирского архиепископа от Кипреяна было даров, и те дары государь велел к нему отослать на подворье».

13

Сибирский сын боярский Тобольского города Богдан Аршинский (Оршинский?) получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Май

4

5 сибирских служилых людей Тарского города: литовского списка десятник Бажен (Баженка) Дементьев, конный казак Гурий (Гурка) Иванов, стрельцы Михаил (Михалка) Петров, Михаил (Михалка) Кирилов, Роман (Ромашка) Кирилов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

4 сибирских клириков и служилых людей сибирского и тобольского архиепископа Киприана: протодьякон Матвей, поп Яков, дети боярские Ларион Ефремов и Степан Протопопов — получили на КД жалованье, по памяти от 17 мая, за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский казак Тобольского города Семен (Семейка) Шохтин получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Июнь

Сибирский стрелец Верхотурского города Андрей (Ондрюшка) Васильев сын Кузнецов получил на КД жалованье за сибирский приезд — портище сукна настрафиля лазоревого.

Август

3 сибирских служилых людей Тобольского города: литвин Тугарин (Тугаринка) Максимов, казаки Путила (Путилка) Рындин и Ермак (Ермачка) Иванов — получили на КД жалованье за сибирский приезд — по портищу сукна настрафиля лазоревого.

Сибирский стрелец Пелымского города десятник Богдан (Богдашка) Курень получил на КД жалованье — портище сукна настрафиля лазоревого.

АЛФАВИТ
СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ И ЖИЛЕЦКИХ ЛЮДЕЙ
И КЛИРИКОВ,
ПОЖАЛОВАННЫХ С КАЗЕННОГО ДВОРА
В 1613–1624 ГОДАХ
«ЗА СИБИРСКИЙ ПРИЕЗД» И ДРУГИЕ СЛУЖБЫ¹

Абросимов, см.: Обросимов

Абычев, см.: Албычев

Аверкиев (Оверкиев) **Владимир** (Володька), казак Кузнецкого острога². 1623 г., ноября 25.

Аверкиев (Оверкиев) **Постник** (Посник), томский казак. 1616 г., сентября 28.

Аврамов (Абрамов/Авраамов?) **Петр** (Петрушка), стрелец Пелымского города. 1618 г., января 27; 1622 г., марта 31.

Агапитов Борис (Бориска), казак Тарского города. 1614 г., марта 5.

Айдаров Аблай (Абла), толмач Тобольского города. 1620 г., февраля 5.

Аксенов (Оксенов) **Игнатий** (Игнатка), служилая «литва» Тарского города³. 1619 г., апреля 11.

¹ Составлены по расходным книгам КП за 1613–1619 гг.: Приходо-расходные книги Казенного приказа / По инициативе и на средства сотр. АК кн. Г.Д. Хилкова // РИБ. Т. 9. / Отв. за том член АК А.И. Тимофеев. СПб., 1884. С. 149–381; РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 277. Л. 1–355 об.; Кн. 278. Л. 1–260; Кн. 279. Л. 1–476 об.; Кн. 203. Л. 1–517 об.; Кн. 204. Л. 1–808 об.; Кн. 205. Л. 1–121; Кн. 206. Л. 1–567 об.; Кн. 207. Л. 1–530 об.; Кн. 208. Л. 1–225 об.; Кн. 208-а. Л. 226–441 об.; Кн. 208-б. Л. 1–80 об.; Кн. 208-в. Л. 481–568 об.; Кн. 209. Л. 1–626.

² В справочнике Д.Я. Резуна упоминается как Володька Оверинев (Оверкин, Аверинев) с 1629 г.: [Резун Д.Я.] Служилые люди Сибири конца XVI — начала XVIII века: библиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост.: Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. — М.; СПб., 2020. (далее — Служилые люди Сибири) — С. 633.

³ В справочнике Д.Я. Резуна — тарский конный казак литовского списка Оксенов Игнат, с 1630 г.: Служилые люди Сибири. С. 636.

- Аксенов** (Оксенов) **Никита** (Микитка), служилая «литва» Тарского города¹. 1614 г., марта 5.
- Аксенов** (Оксенов) **Семен** (Семейка), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.
- Албычев Исаак** (Исай), сын боярский Пелымского города². 1614 г., марта 25, 1619 г., апреля 9.
- Албычев** (Албышев) **Константин**, сын боярский Пелымского города³. 1617 г., марта 27; 1621 г., февраля 20; 1623 г., апреля 17; 1624 г., марта 19.
- Албычев Порфирий** (Перфилий), сын боярский Пелымского города⁴. 1618 г., марта 28.
- Албышев, см.: Албычев
- Александров Насон** (Насонка), казак Сургутского города⁵. 1620 г., января 16; 1622 г., ноября 25.
- Александров Федор** (Фетка), березовский казак⁶. 1619 г., декабря 28.
- Александров Юрий** (Юшка), верхотурский стрелецкий десятник⁷. 1617 г., января 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна — участник похода на Яныш-озеро в 1608 г., а в апреле 1614 привез из Верхотурья денежное жалование тарским служилым людям (Служилые люди Сибири. С. 636).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. в 1608–1634 гг., в частности, — один из лидеров выступления служилых людей против воеводы И.М. Годунова в 1608 г., но следующее упоминание — в 1625 г. проходил по сыску о непослушании воеводе И.М. Вельяминову (1616–1620) (Служилые люди Сибири. С. 13).

³ В справочнике Д.Я. Резуна Константин Лев Албычев, уп. в 1630–1641 гг. (Служилые люди Сибири. С. 13).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в 1622–1630 гг., в т.ч. в 1622 г. — нес на тобольского воеводу по фактам коррупции при строительстве Тобольской крепости, в 1625 г. был одним из лидеров выступления против воеводы (Служилые люди Сибири. С. 13).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в 1636 г. (Служилые люди Сибири. С. 14).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в 1625/26 г. — томский пеший казак, переведенный из Березова (Служилые люди Сибири. С. 15).

⁷ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. в 1609 г. — привез из Перми на Верхотурье списки с царских грамот о прибытии в Россию наемного корпуса Делагарди (Служилые люди Сибири. С. 14).

- Александров Юрий** (Юшка), казак Верхотурского города (бывший стрелецкий десятник?). 1617 г., декабря 19.
- Алексеев Иван** (Ивашка), конный казак Тобольского города¹. 1622 г., февраля 7.
- Алексеев Иван** (Ивашка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.
- Алексеев Ларион** (Ларка), казак Томского города. 1616 г., сентября 28; 1619 г., ноября 29.
- Алексеев Матвей** (Матюшка), казак Томского города. 1620 г., января 16.
- Алексеев Михаил** (Мишка), казак Березова города². 1617 г., декабря 16; 1622 г., января 20.
- Алексеев Михаил** (Михалка), казак или стрелец Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1616 г., ноября 23.
- Алпатов** (Олпатов) **Леонтий** (Левонтий) (Иванов сын), атаман Томского города³. 1617 г., октября 17.
- Алферьев** (Олферьев) **Василий** (Васька), березовский казак. 1616 г., марта 6; 1616 г., сентября 28.
- Алферьев** (Олферьев) **Василий** (Васька), казак Верхотурского города. 1617 г., ноября 8; 1623 г., апреля 22.
- Аменов** (Аминов ?) **Федор** (Федька), стрелец Сургутского города. 1614 г., февраля 12.
- Амосов Смирной** (Смирка), стрелец Туринского острога. 1617 г., февраля 9.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. в 1624 г. — имел в Тобольске двор на улице от Казачьих ворот (Служилые люди Сибири. С. 16).

² В справочнике Д.Я. Резуна, уп. в 1625–1637 гг. — в 1625 г. на обеде у воеводы Ф. Козловского, в 1630 г. имел казачий оклад в 8,25 руб., в 1637 г. — енисейский пятидесятник «березовской присылки» (Служилые люди Сибири. С. 17).

³ В справочнике Д.Я. Резуна, расписан на 2 разных статьи: как Алпатов — в 1608–1609 гг. как конный казак (в 1608 г. — участник коллективной челобитной на казачьего голову С.Бартенева, в 1609 г. его станица (3 чел.) была ограблена в кузнецких волостях ясачными людьми), и как Олпатов, казачий десятник, который в 1615 г. вместе с И.Тихонковым возглавил посылку «на басагаров, кизылов и киргизов» (Служилые люди Сибири. С. 20, 637).

- Ананьин** (Онаньин) **Аника** (Аничка), казак Сургутцкого города. 1623 г., сентября 29.
- Ананьин** (Онаньин) **Василий** (Васька), казак Томского города¹. 1617 г., мая 12, 18, июля 4.
- Ананьин** (Онаньин) **Иван** (Ивашка), мангазейский стрелец². 1617 г., декабря 19.
- Ананьин** (Онаньин) **Федор** (Фетька), сибирский служилый человек Тобольского или Березова города на годовой службе в Мангазее в декабре 1617 г. или мангазейский стрелец. 1617 г., декабря 19.
- Андреев Аксен** (Оксенка — Авксентий?), казак Нарымского острога³. 1619 г., февраля 26.
- Андреев Андрей** (Ондрей), казак Березова города. 1619 г., ноября 11.
- Андреев Анисим** (Оничка), (конный) казак Тарского города⁴. 1618 г., января 10.
- Андреев Борис** (Бориска), пушкарь Туринского острога⁵. 1618 г., марта 4; 1620 г., января 20.
- Андреев Василий** (Васька), самоединский толмач Мангазейского города. 1615 г., февраля 9.
- Андреев Владимир** (Волотка), ямской охотник Верхотурского города. 1617 г., марта 4.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. в 1616–1617 гг.: как сборщик ясака в стычках с «черными калмыками», как посланник к киргизам и участник посольства к Алтын-хану (Служилые люди Сибири. С. 23).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи — прописаны 2 мангазейских стрельца Ананьиных Ивана — под 1633 и 1640 гг. (Служилые люди Сибири. С. 23).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1644 г. как гонец „низложенного“ воеводы И Скобельцына (Служилые люди Сибири. С. 25).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618–1619 гг.: в 1618 как стрелец — «в колмацком походе бился явственно», в 1619 как конный казак, пожалован за поход на Ишим-царевича (Служилые люди Сибири. С. 25).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. с окладом в 5 руб. (Служилые люди Сибири. С. 25).

- Андреев Девятый** (Девятка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Андреев Иван** (Иванько, Ивашка), казак Березова города. 1615 г., января 22, февраля 5; 1616 г., ноября 23.
- Андреев Ларион** (Ларка), целовальник Тоболского или Березова городов, мангазейский годовальщик. 1617 г., декабря 19.
- Андреев Марк**, ямской охотник Тюменского города. 1622 г., января 28.
- Андреев Михаил** (Михалка), казак Сургутского города и сибирский целовальник. 1623 г., октября 7.
- Андреев Никита** (Микитка), ямской охотник Тюменского города. 1617 г., января 21.
- Андреев Прибылой** (Прибытка), казак Тобольского города¹. 1621 г., января 26; 1623 г., января 4.
- Андреев Росляк** (Рослянка, Рослячка — Ростислав?), казак Березова города, тунгусский годовальщик (1621 г.)². 1616 г., ноября 23, декабря 1; 1621 г., января 5, 13.
- Андреев Худяк**, стрелец Пельымского города. 1617 г., марта 27.
- Андреев Яков** (Якушка), казак Томского города. 1621 г., октября 10.
- Аникеев** (Оникеев) **Иван** (Ивашка), сибирский служилый человек Тобольского города, мангазейский годовальщик (декабрь 1617 г.)³. 1617 г., декабря 19.
- Анисимов** (Онисимов) **Богдан** (Богдашка), конный казак Тарского города. 1613 г., декабря 29.
- Анисимов** (Онисимов) **Василий** (Васька), конный казак Томского города, тунгусский годовальщик 1621 г. 1621 г., января 5, 14.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. под 1624 г. — имел в Тобольске двор на улице от Казачьих ворот (Служилые люди Сибири. С. 29).

² В справочнике Д.Я. Резуна, уп. под 1630 г. — приехал в Березов с Дона, оклад — 6,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 29).

³ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. как тобольский стрелец и сапожник, под 1624 г., — имел двор на Пермской ул., но расписан на 2 статьи: как Аникиев, и как Оникеев (Служилые люди Сибири. С. 31, 638).

Анисимов (Онисимов) **Данила** (Данилка), пеший казак Томского города. 1619 г., апреля 9, мая 7.

Анисимов (Онисимов) **Иуда** (Юдка), казак Сургутского города. 1622 г., ноября 25, 30.

Анисимов (Онисимов) **Меньшой** (Меньшик), целовальник Сургутского города. 1617 г., января 21.

Анисимов (Онисимов) **Михаил** (Мишка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.

Анисимов (Онисимов) **Родион** (Родка), стрелец Верхотурского города¹. 1623 г., апреля 1.

Анофреев, см.: Онуфриев

Антонов Астафий (Осташка — Осташ/Остап/Остафий/Евстафий?), пеший казак, пятидесятник пеших казаков (1619 г.) Тобольского города². 1615 г., февраля 3; 1619 г., января 29; 1621 г., января 26.

Антонов Василий (Васька), казак Березова города, мангазейский годовальщик³. 1620 г., января 16; 1621 г., ноября 18.

Антонов Михаил (Мишка), пеший казак Тюменского города. 1621 г., марта 27, июля 25; 1623 г., января 31.

Антонов Остап, см.: Антонов Астафий

Антонов Пятой (Пятунка), казак Березова города⁴. 1622 г., ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна, уп. под 1630 г., женат, но расписан на 2 статьи: как Анисимов — с окладом в 5,25 руб., получивший 11 алт., 2 пуда соли, и как Онисимов — с окладом в 4 руб. 8 алт., 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 33, 639).

² В справочнике Д.Я. Резуна указан как тобольский казачий атаман из «ермаковцев» в 1607–1646 гг. — уп. под 1607 и 1610 гг. как пеший казак, в 1624, 1626 и 1628 гг. как пятидесятник пеших казаков, часто ездивший в Москву и конвоировавший в ссылку Меньшого Ремезова; в 1639/40 после смерти атамана Г. Ильина назначен на его место и в 1641 был в Москве, а в 1646 вместе с Г. Черницыным отвечали за оборону стен Тобольска от Быкасовской башни до Воскресенских ворот (Служилые люди Сибири. С. 35–36).

³ В справочнике Д.Я. Резуна указан как казачий пятидесятник под 1630 и 1647 гг. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 35).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна указан под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири). С. 36.

Антонов Яким (Якимка), казак Нарымского острога¹. 1617 г., сентября 17.

Ануфриев, см.: Онуфриев

Анфилофьев Таганай (Таганашка), казак Сургутского города². 1623 г., сентября 29.

Анфимов Герасим (Герасимка), казак Томского города³. 1615 г., января 27.

Арап Иван (Ивашка), служилый литвин Верхотурского города⁴. 1614 г., декабря 28.

Аргунов (Оргунов) **Истома (Савва)**, атаман Березова города⁵. 1615 г., февраля 5; 1623 г., сентября 16.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна указан под 1643 г. как служилый человек, поддерживавший казачьего голову Ю. Данилова в его конфликте с воеводой М. Скобельцыным (Служилые люди Сибири. С. 37).

² В справочнике Д.Я. Резуна указан как под 1619–1630 гг. как березовский казак и сургутский стрелецкий десятник (оклад 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли), служивший также и в Верхотурье, женат (Служилые люди Сибири. С. 37).

³ В справочнике Д.Я. Резуна разделен на 3 статьи — указаны 3 томских одноименных (2 из них пеших) казака (Герасим и Герасим Анфимовы и Герасим Онфимов): первый под 1625/26 г., умерший в 1626 г., второй — под 1619–1626 гг. как казачий десятник с окладом в 4 руб. 25 алт., приводивший к шерти калмыцкого Каракул-тайшу, третий — под 1622 г. (Служилые люди Сибири. С. 37, 640).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна указан Иван Сергеев сын Арап (Арапов), как сургутский стрелецкий десятник, потом — казак в 1630–1650-х гг. (оклад 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли), которого автор предположил «арапского» происхождения — данных для идентификации, равно как и для ее отрицания с верхотурским Иваном Арапом на данный момент не располагаем (Служилые люди Сибири. С. 39).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна указан под 1602–1630 гг. (по мнению Е.В. Вершинина, он же — Савва): в 1602 г. в посылке в Пегую Орду, где брал городок и ясырь, в 1607 г. оборонял Березов, к 1630 г. имел жалованную грамоту и оклад в 10 руб. (Служилые люди Сибири. С. 40). См. о нем подробнее: Солодкин Я. Г. Истома (Савва) Аргунов — один из первых атаманов «Березова города» // Альманах «Казачество». № 26. 2017 (2). С. 62–67.

Артемьев (Ортемьев) **Степан** (Стенька), стрелец 1619 г., стрелецкий десятник 1622 г. Туринского острога¹. 1619 г., апреля 25; 1622 г., февраля 7.

Аршинский (Оршинский?) **Богдан** (Богдашка), служилый литвин (сын боярский он же?) Тобольского города. 1618 г., марта 2; 1621 г., января 26.

Аршинский (Оршинский?) **Богдан**, сын боярский Тобольского города (служилый литвин он же?)². 1623 г., февраля 20; 1624 г., апреля 13.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна указаны 2 туринских стрельца Степана Артемьева: первый — десятник под 1622–1623 гг. с окладом в 4,25 руб.; второй — под 1630 г. с окладом в 4 руб. (Служилые люди Сибири. С. 45).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. 2 сына боярских Богдана Аршинских: Павлов сын, голова пеших казаков, под 1618–1654 гг., и Богданов сын под 1640–1652 гг. Б.П. был назначен головой «старой сотни», но казаки не приняли это назначение и потребовали «не голову, а атамана»; имел двор на 3-й улице от Воскресенской церкви Тобольска; правил посольство к цапевичу Ишиму (1625); доставил наряд в Енисейский острог из-за киргизской угрозы (1626); послан в Енисейск сыскать о злоупотреблениях воеводы А. Ошанина и смуте атамана В. Алексеева (1626/27); вел сыск о нападении калмыков на тарских ясачных и русских служилых людей (1628); возглавлял 2 посылки на Ямышозеро за солью (1628 и 1638) и для передачи калмыкам отбитых у барабинских татар пленных калмыков (1628); вместе с Ф. Елагиным и Н. Жадобским возглавил поход из Тары в Барабинскую степь, где на оз. Чаны разбили мятежных татар, а потом провел сыск по конфликту в Таре русских служилых людей с калмыками (1629); участвовал в походе тобольских и тарских служилых людей на калмыков и их разгроме на р. Ишим у урочища Кош Карагай (1631); как казачий атаман стоял со служилыми татарами в Ирбитской слободе (1644); провозжал монгольское посольство Седика от Москвы до Тобольска (1649); с 1630 по 1654 его оклад вырос с 29 руб. до 25 руб., 22 чети ржи, 8 чети овса, 3 пуда соли; к 1654 служил с пашни, в додачу к окладу получал 12 чети ржи, 3 чети овса; у него сыновья — Богдан и Данила. Богдан Богданов сын продал в Томске привезенную от калмыков мягкую рухлядь сольвычегодскому торговцу (1640); описал церковно-монастырские владения в Тобольском у. (1641/42); вместе с У.М. Ремезовым собирал судные пошлины в Тобольске (1645–1647); в осадное время вместе с С. Выходцевым отвечал за стены от Пермских до Базарных ворот; имел оклад в 10 руб. (1652). — Служилые люди Сибири. С. 47.

- Астафьев** (Остафьев) **Ерманка** (**Герман** или **Ермак/Ермолай**), тобольский казак¹. 1616 г. февраля 7.
- Астраханец Иван** (Ивашка) (**Федоров сын**), казак Тобольского города². 1621 г., марта 31.
- Астраханец** (Астраханцев) **Исай** (Исачка — Исаак?) **Иванов сын**, березовский казак³. 1618 г., февраля 8.
- Афанасьев Алгаза**, тобольский или березовский стрелецкий пятидесятник. 1615 г., февраля 5.
- Афанасьев Алексей** (Олешка), казак Тюменского города. 1614 г., марта 9.
- Афанасьев Алексей** (Олешка), стрелец Тобольского города⁴. 1622 г., июля 18.
- Афанасьев Архип** (Архипка), стрелецкий десятник Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.
- Афанасьев Василий** (Васька), стрелец Пелымского города. 1614 г., марта 25.
- Афанасьев Василий** (Ваське), казак Томского города. 1620 г., января 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 3 статьи: 1) тобольский пеший казак Ермак (Ермачко) Остафьев, под 1624 г.; 2) красноярский атаман Ермак Астафьев из тобольских казаков под 1625–1628 гг.; 3) красноярский казачий атаман Ермолай (Ермачко) Остафьев под 1628–1630 гг. — участвовал в походе воеводы А.А. Дубенского, основании Красноярска и возведении крепости, ставил Канский острог (1628): Служилые люди Сибири. С. 49, 646.

² В справочнике Д.Я. Резуна указан под 1624–1654 гг. как тобольский казак «литовского списка» (1624); тобольский казачий атаман (1628); за красноярский поход и возведение острога пожалован в тобольские дети боярские (1629/30); наконец, сын боярский архиепископа Нектария (1636); в 1652–1654 гг. имел оклад в 13 руб., 10 чети ржи, 8 чети овса, 3 пуда соли: Служилые люди Сибири. С. 50.

³ В справочнике Д.Я. Резуна указан как Исаак Иванов сын Астраханцев с окладом в 5,25 руб., под 1630 г.: Служилые люди Сибири. С. 51.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. — имел двор на Зырянской ул.: Служилые люди Сибири. С. 53.

Афанасьев Иван, подьячий Сургутского города¹. 1623 г., октября 11.

Афанасьев Кирилл (Кирилка), пеший казак Томского города². 1624 г., января 1.

Афанасьев Сергей (Серешка), служилый человек Тобольского города. 1620 г., апреля 13.

Афанасьев Тимофей (Тимошка), казак Тарского города. 1618 г., апреля 30.

Афанасьев Федор (Фетька), казак Нерчинского острога. 1623 г., августа 20.

Афанасьев Филипп (Филька — Филимон ?), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.

Афанасьев Яков (Якунка, Якушка — Якун), казак Томского города³. 1621 г., мая 11, 31.

Ахмаров (Ахмуров/Ахмеров) **Петр**, сын боярский Тарского города⁴. 1624 г., марта 12.

Бабаев, см.: Бобаев

Бабарыкин, см.: Боборыкин

Багилдеев Байтуган-мурза, князь, служилый князь Тарского города. 1616 г., мая 3.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1630 гг.: возглавлял успешную посылку на «заворовавших» остяцких «князьцов» Кинему и Суету Бардаковых; имел оклад в 17 руб. 5 ден (1630): Служилые люди Сибири. С. 54–55.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как томский пеший казак под 1625/26 г. с окладом в 5 чети с осминой муки и по осмине круп и толокна; холост: Служилые люди Сибири. С. 55.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г. как пожалованный по 2-й указанной у нас статье: Служилые люди Сибири. С. 57.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна указан как Петр Ахмуров (Ахмеров) под 1620/21–1628 гг.: в 1629 г. «збрел ... своей волей» в Сибирь на Тару из-за «литовского разоренья»; в 1624/25 как конный казак ходил с С. Французениным и Т. Юрловым в посылку на Ямыш-озеро; как сын боярски имел оклад в 9 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна, женат (1626/27); по челобитью от 18 января 1628 г. из-за болезни отпущен с женой на родину к Москве, вместо него поверстан его служащий уже 7 лет брат Яков Харламов на вакансию десятника (конных казаков). — Служилые люди Сибири. С. 57.

Баженов Иван (Ивашка) (Михайлов сын), казак Тарского города¹. 1616 г., мая 3.

Бажин Моисей (Масейка), стрелец Верхотурского города. 1621 г., сентября 25.

Байкашин Михаил (Михайла) **Осипов сын**, сын боярский Тобольского города². 1621 г., января 18; 1623 г., августа 23.

Байтуган-мурза, см.: Багилдеев,

Бамкашин, см.: Байкашин

Банщик Степан (Степанка), служилый человек Тобольского города. 1620 г., апреля 13.

Бардаков Кинема, сургутский ясачный самоедин, вождь мятежной «кунной самоеди». 1622 г., января 4.

Барташевский (Бартошевский?) **Степан** («а руское имя» Григорий), сибирский поляк. 1619 г., декабря 29.

Бархатов (Бархотов) **Федосей** (Федоска — Феодосий), казак Верхотурского города³. 1618 г., марта 11.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна на 2 статьи: тарский пеший казак И.Б. под 1630 г. с окладом 4,25 руб.; и тарский пеший (1626) затем конный (1652) казак И.М.Б. под 1626 и 1652 гг. с окладом 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, (по?) 2 чети круп и толокна, женат (1626). — Служилые люди Сибири. С. 60.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1644/45 гг.: приказчик в Енисейске (1621/22); имел двор на Устюжской ул. Тобольска (1624); переписывал ясачных людей в Тарском у. (1624); на допросе записан его рассказ о «Тюлкиной земле» (1625/26); ходил в мангазейскую посылку на р.Тунгусску охранять торговцев и промысловиков (1626/27); оклад 1630 г. — 15 руб.; заселял (основал?) Верхнюю Ницынскую слободу (1632); написан по Верхотурью с двором в Ницынской слободе, погорелец (1634); во главе тобольских вместе со служилыми людьми Тюмени и Тары участвовал в походе на кучумовичей и калмыков (1634); возглавил поиск пашенных земель под Самаровскими горами (1639/40); приказчик Киргинской слободы (1641); привез из Нарыма в Тобольск попа Якова по делу нарымского воеводы Л. Скобельцына (1643); переписал Кодскую вол. (1644/45). — Служилые люди Сибири. С. 63–64.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как верхотурский стрелец под 1630 г. с окладом 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли; женат. — Служилые люди Сибири. С. 72.

- Бахтин Дмитрий** (Митька), казак Березова города. 1617 г., декабря 16.
- Башмаков Степан** (Степанка), казак Сургутского города. 1617 г., января 21.
- Бедняга Богдан** (Богдашка), стрелец Верхотурского города¹. 1615 г., июня 23.
- Белкин Матвей** (Матюшка) **Тимофеев сын**, (конный) казак Томского города². 1617 г., октября 17.
- Белоголов** (Белоголовов) **Иван** (Ивашка), конный казак (по 1615), атаман (не позже 1617) Томского города³. 1614, января 6; 1615 г., ноября 29; 1617 г., октября 17; 1620 г., марта 17, января 18.
- Белозерц Филипп** (Филька — Филимон?), казак Сургутского города. 1621 г., января 9.
- Береза Дмитрий** (Митька), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.
- Берсенеv Яков** (Якушка), стрелец (1614), казак (1617) Верхотурского города⁴. 1614 г., декабря 28; 1617 г., августа 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1598–1615 гг. как стрелец (1598), ямской охотник (1600–1601), стрелецкий десятник (1614–1615) в Верхотурье. — Служилые люди Сибири. С. 78.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1609–1635 гг.: подписант коллективных челобитий на воеводу и письменного голову С. Бартенева (1609) и о даче казенных панцырей служилым людям (1635); давал показания в Тобольске о князе Ишее (1622–1624); имел оклад в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна (1626, 1630 гг.); судился с Т. Серебренниковым (1633); женат. — Служилые люди Сибири. С. 84.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг. как казак во главе посольской миссии к Алтын-хану (1608), член посольства казаков М. Кутына и Ф. Ходыкина в Китай (1608–1609); сопровождал послов калмыцкого тайши Каракулы от Москвы до Тары (1620); пристав калмыцкого посла Анугая от Москвы до Сибири (1623); ездил в посланниках к телеутскому князьку Абаку (1624); ограблен при набеge калмыков на Томск (1625); атаман конных казаков с окладом 10 руб., 10 чети муки, четь круп и толокна, 2 пуда соли (1626, 1630). — Служилые люди Сибири. С. 85.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1607 г. стрелец в посылке в Туринск помощи от нападения татарского царевича Алея. — Служилые люди Сибири. С. 93.

Бигильдеев Милбай (Милбайка) Абыз, юртовской татарин Тюменского города. 1623 г., апреля 22.

Бобаев (Бабаев?) **Роман** (Ромашка), казак Сургутского города. 1617 г., января 21.

Бобарыкин, см.: Боборыкин

Боборыкин (Бобарыкин, Бабарыкин) **Иван**, атаман Березова города, мангазейский годовальщик (1620 г.)¹. 1616 г., ноября 23; 1620 г., ноября 14.

Бобов Савва (Савка). целовальник Березова города. 1621 г., ноября 18.

Бобошин Клим (Климка — Климентий) **Данилов сын**, казак (не позже 1591), атаман пеших казаков (не позже 1638), сын боярский (с 1648/49) Тобольского города². 1617 г., ноября 26; 1622 г., января 13.

Богалаков Яков (Якушка), новокрещен Тобольского города. 1622 г., апреля 7.

Богданов Григорий (Гришка), стрелец Тобольского города³. 1618 г., мая 8.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1625–1636 гг. уп. тобольский сын боярский И. Бабарыкин, бывший березовский атаман: был на обеде у воеводы с игуменом Игнатием (1625); вместе с И. Пустозерцем собирали ясак с пустозерской самояди, ходили на 2 кораблях до Карской губы (1625/26); стоял на заставе ниже устьей рр. Мути и Зеленой (1628); его оклад 1630 г. — 15 руб.; конвоировал пленных «литовских людей» от Москвы до Верхотурье (1632–1633); подписант коллективной челобитной о хлебном жалованье (1636). — Служилые люди Сибири. С. 58.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1619–1652 гг.: конвоировал из Москвы в Тобольск «беглых клириков» (1622); жил на дворе у служилого литвина С. Черкашенина рядом с калмыцким двором за острогом за р. Курдюмкой; как атаман конвоировал в Томск ссыльного служилого поляка Павла Хмелевского (1638); в 1649 г. подал челобитье о пожаловании в дети боярские за свои сибирские службы, которые перечислил с 1591 г., включая взятие Аблай-Герима и Кучума; в 1654 г. имел оклад в 12 руб. — Служилые люди Сибири. С. 97.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616 г. — ходил на лыжах на разведку по слухам дороги в Мангазею через Сургут: Служилые люди Сибири. С. 98.

Богданов Дмитрий (Митька), стрелец Пелымского города. 1623 г., апреля 17.

Богданов Пахом (Пахомка), стрелец, пятидесятник стрелецкий (с 1623 г.) Пелымского города¹. 1614 г., марта 25; 1616 г., декабря 21; 1618 г., марта 28; 1620 г., января 16; 1621 г., февраля 20; 1623 г., апреля 17; 1624 г., марта 19.

Богданов Полиевкт (Полунка, Полуйко, Полуянко), (конный) казак Тарского города². 1622 г., мая 21.

Боголаков Яков (Якушка), новокрещен Тобольского города. 1622 г., марта 16.

Богомол, см.: Богомол

Богомолов (Богомол) **Иван** (Ивашка), казак Тобольского города³. 1621 г., декабря 12, 31.

Болдырь Савва Сазонов сын, ермаковский атаман, сын боярский Тарского города⁴. 1616 г., мая 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1612–1625 гг.: его мать во дворе новокрещена Семена Назимова узнала о планах нападения вогулов на Пелым, благодаря сообщению П.Б. воеводе, нападение удалось предотвратить; вместе с сыном боярским П. Албычевым привезли из Москвы церковную службу для ц.Преображения в Таборинской слободе (1621); во главе с детьми боярскими В. Кондинским и И. Албычевым подписал коллективное челобитье служилых людей на воеводу П. Вельяминова «об обидах и насильствах» (1625). — Служилые люди Сибири. С. 99.

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи под 1626, 1630 гг.: 1) Полуйко Богданов с окладом 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1626); 2) Полунка Болданов с окладом в 7,25 руб. (1630). — Служилые люди Сибири. С. 99, 101.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г. — сидел в осаде 5 недель в Небуканском зимовье, привел в Мангазею 3 языков. — Служилые люди Сибири. С. 99.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1586 г. (Служилые люди Сибири. С. 99) по публикации Н.И. Никитина (*Никитин Н.И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4: Евразийское пограничье: сб. науч. тр. С. 61): 12 февраля 1586 г. дал в Чудов монастырь 80 соболей (50 руб.) за запись в синодик его родителей; 9 мая дал 3 руб. на молебен за упокой родителей. Его внебрачных детей от татарок называли «Болдыренки».

Борзой (Борзово) **Меркурий** (Меркулий), архиепископа Кипреяна сын боярский Тобольского города¹. 1622 г., января 13, ноября 16.

Борисов Алексей (Олешка), казак Березова города². 1623 г., сентября 16.

Борисов Василий (Васька), казак Томского города³. 1621 г., ноября 17.

Борисов Ждан (Жданка), березовский казак. 1616 г., января 12; 1619 г., декабря 28.

Борисов Сидор (Сидорка), служилая «литва» Тарского города⁴. 1620 г., января 22.

Бородулин Иван (Ивашка), служилый человек Тобольского города⁵. 1620 г., апреля 13.

Боярка Иван (Ивашка), служилый новокрещен Нерчинского острога⁶. 1623 г., августа 20.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1626 гг. — неоднократно ездил в Москву гонцом в проезжих станицах: Служилые люди Сибири. С. 103.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб.: Служилые люди Сибири. С. 105.

³ В справочнике Д.Я. Резуна прописаны 2 томских казака В.Б.: конный под 1626–1634/35 гг. и пеший под 1625–1643 гг. — пока мы не можем сказать, кто из них был в Москве в 1621 г. Первый служил в десятке И.Д. Володимерца с окладом 6 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна (1626); потом — затинщиком, участвовал в заговоре служилой «литвы» 1634 г., казнен. Пеший служил с окладом 7 руб. 8 алт. 2 ден. (1626, 1630), потом — 4,25 руб. (1643); владел кузнечным ремеслом (Служилые люди Сибири. С. 104).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625/26 г. как конный казак «литовского списка» с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат: Служилые люди Сибири. С. 105.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. его двор на улице у Казачьих ворот Тобольска: Служилые люди Сибири. С. 108.

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. И.Б. как служилый новокрещен (1628) и сын боярский (1638) Нарымского острога: в 1628 г. ловил беглых кузнечных служилых людей и крестьян; к 1638 г. служил с пашни с окладом в 8 чети ржи, 4 чети овса с «додатком» в 6 чети ржи, 4 чети овса. (Служилые люди Сибири. С. 110).

- Брагин Харитон** (Харка), стрелец Туринского острога¹. 1622 г., января 4.
- Бровка Иван** (Ивашка), казак Тобольского города, мангазейский годовалщик². 1622 г., ноября 26.
- Брусницын Иван** (Ивашка), мангазейский целовальник. 1621 г., декабря 1.
- Букалов Еремей** (Еремка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.
- Булатов Муса**, ясачный служилый остяк Сургутского города. 1622 г., декабря 18.
- Бурков Василий** (Васька) **Ларионов сын**, казак Томского города³. 1621 г., ноября 17.
- Бутаков Семен** (Семейка) **Юрьев сын**, казак Тарского города⁴. 1616 г., января 12.
- Бутаков Фрол** (Фролка), казак Верхотурского города⁵. 1623 г., апреля 22.
- Быховский** (Быковский?) **Федор** (Фетька), служилый литвин Тобольского города. 1622 г., февраля 7, ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. Б.Х. как стрелец (1622–1630), потом — казак (1640): на годовой службе в Енисейске с годовым жалованьем 2 руб. 4 алт. 1 ден. (1622–1623); имел оклад в 4 руб. (1630); ездил гонцом на Верхотурье (1640) (Служилые люди Сибири. С. 111).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. тобольский пеший казак Иван Бровка под 1624 г., который имел двор на 3-й улице от Воскресенской церкви. Вопрос об идентификации обоих Иванов пока остается открытым (Служилые люди Сибири. С. 112).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как казак с окладом в 6 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна (1626) и казачий десятник с жалованьем 7 руб. 25 алт, 6 чети ржи, по чети муки и толокна (1630); женат (Служилые люди Сибири. С. 122).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1648 гг.: участвовал в походах на калмыков, как пеший казак — головы Воина Волконовского 1608 г., и как конный — в походе 1618 г.; к 1626 г. получал жалованье 7,25 руб. 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 125).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. Ф.Б. как верхотурский стрелец под 1628 и 1630 гг. с окладом в 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 125).

Вага, см.: Вагин

Вагин (Вага) Федор (Фетька), стрелец Верхотурского города¹. 1620 г., апреля 6; 1623 г., апреля 1.

Важенин Василий (Васька), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.

Важенин Завьял (Завьялка), казак Верхотурского города². 1617 г., августа 17.

Важенин Игнатий (Игнашка), мангазейский целовальник. 1614 г., февраля 23.

Ваксанов Таназак, остяцкий «князек», ясачный служилый князь Сургутского города. 1623 г., февраля 25.

Василий, дьякон Тюменского города. 1621 г., марта 5.

Васильев Богдан (Богдашка), пеший казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1616 и 1619 гг.)³. 1616 г., ноября 23, декабря 1; 1619 г., февраля 26; 1621 г., декабря 12.

Васильев Бажен (Баженка), казак Тюменского города. 1623 г., апреля 20.

Васильев Гаврила (Гаврилка), казак или стрелец Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1616 г., ноября 23.

Васильев Гаврила (Гаврилка), стрелец Тюменского города⁴. 1621 г., февраля 27.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 134).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1602/3 г. — обвинялся в краже денег из порохового погреба, который охранял, но вины не признал; а в 1604 г. отвозил в Пелым казенное вино и привез обратно вести о мятеже вогуличей (Служилые люди Сибири. С. 135).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. Б.В. как приказчик пашенных крестьян, который в 1625 г. описал земли тобольского Софийского дома по северной стороне р.Курдюмки, вопрос его идентификации с нашим казаком пока остается открытым (Служилые люди Сибири. С. 139).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тюменские 1) служилый человек Гаврила В., под 1623–1631 гг., как владелец деревни «по Туре вниз от города» (1623) и как стрелец десятка С. Иванова с окладом в 4 руб. 8 алтю 2 ден. (1630); 2) стрелец Ганка (Гаврила) В., под 1624 г., имевший двор за Тюменским острогом. Вопрос об идентификации их обоих или одного из них с нашим стрельцом пока остается открытым (Служилые люди Сибири. С. 139).

- Васильев Грязной** (Грязнушка), стрелец Пелымского города. 1623 г., января 20.
- Васильев Дмитрий** (Митька), плотник (казак) Тарского города¹. 1619 г., апреля 11.
- Васильев Емельян** (Омелька), пелымский целовальник. 1616 г., января 12.
- Васильев Иван** (Ивашка), казак литовского списка («литва») Тарского города². 1613 г., декабря 29.
- Васильев Иван**, архиепископа Кипреяна сын боярский в Тобольске³. 1622 г., января 17.
- Васильев Кузьма** (Куземка), казак Тарского города. 1617 г., октября 22.
- Васильев Лазарь** (Лазарка), конный казак Тюменского города⁴. 1616 г., сентября 28; 1621 г., февраля 27; 1623 г., октября 28.
- Васильев Леонтий** (Левка), казак Тобольского города. 1615 г., ноября 29.
- Васильев Лука** (Лучка), тобольский (конный) казак⁵. 1616 г., января 12.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарский казак Д.В., участник посольства к калмыкам уфимца В. Волкова, сопровождавший ответных калмыцких послов до Владимира (1623). Вопрос его идентификации с нашим плотником-казаком пока остается открытым (Служилые люди Сибири. С. 140).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: как тарский казак, литвин, и как тарский конный казак, — участник калмыцких походов 1608 и 1618 гг. (Служилые люди Сибири. С. 141).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский «тобольского Софийского двора» архиепископа Макария (1641 г.) (Служилые люди Сибири. С. 141).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616–1630 гг.: информировал калмыцких послов о планах похода на калмыков (1616); с сыном боярским Д. Черкасовым ездил в посланниках к калмыкам (1623); подписант коллективного челобитья против назначения И. Воинова атаманом (1626); его оклад — 7 руб. (Служилые люди Сибири. С. 143).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1625 гг.: имел двор недалеко от Казачьих ворот (1624); в 1625 г. вместе с сыном боярским О. Михалевским ходил на Белое Городище (Служилые люди Сибири. С. 143).

Васильев Лука (Лунка), казак Томского города (томский сын боярский он же?). 1617 г., мая 12.

Васильев Лука (Лунка), сын боярский Томского города¹. 1620 г., января 18, марта 17.

Васильев Мартын (Мартынка), казак Березова города, мангазейский годовальщик (1622)². 1616 г. февраля 7; 1619 г., февраля 26; 1622 г., ноября 25.

Васильев Матвей (Матюшка), казак Томского города³. 1620 г., января 16.

Васильев Никита (Микитка), казак Томского города⁴. 1620 г., января 18.

Васильев Никифор (Микифорка), тобольский казак. 1616 г., сентября 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1615/16–1641 (ум.) как томский сын боярский, бывший толмач Лука Новокрещен, который знал монгольский: сопровождал калмыцких послов из Москвы в Томск (1619, 1620) и обратно (1635–1636); неоднократный участник различных дипломатических поездок к Алтын-хану (дворянина Я. Тухачевского 1634–1635, 1636); имел оклад в 8 руб., 8 чети муки, по чети круп, толокна и овса, 2 пуда соли (1626, 1630, 1634); к 1636 г. сын боярский, с пашни, в додачу к окладу — 7 чети овса, 7 чети ржи, 5 чети овса; женат; у него шурин — томский казак Василий Бурнашев (Служилые люди Сибири. С. 143). Вопрос о его возможной идентификации с одним из двух или обоими Лунками Новокрещеными, томским казаком и тарским толмачом (см. настоящий алфавит) пока останется открытым.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1629–1642 гг. как казачий пятидесятник: участник ясачного похода на р.Лену С. Новацкого и А. Добрынского (1629); основал на р. Лене на усте р. Куленги Верхоленский острог (1641); в ходе якутской смуты 1642 г. в. П. Головиным брошен в тюрьму и пытан (Служилые люди Сибири. С. 144).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. томский служилый человек «из черкас» Матфей В. под 1624 г. (Служилые люди Сибири. С. 144), вопрос его идентификации с нашим М.В. остается открытым.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи под 1642 г.: 1) как казачий пятидесятник Микита В., допрошенный в Москве о смуте в отряде Я. Тухачевского; 2) как томский служилый человек Н.В. в проезжей станице Д. Копылова (Служилые люди Сибири. С. 144).

Васильев Пospel (Поспелка), стрелец Тарского города. 1617 г., апреля 3.

Васильев Семен (Семейка), стрелец Пелымского города¹. 1614 г., января 19; 1616 г., декабря 21; 1620 г., января 16; 1623 г., июля 25.

Васильев Сергей, певчий дьяк, который ездил в Тобольск с архиепископом Киприаном. 1622 г., марта 21.

Васильев Смирной (Смирка), стрелец Пелымского города². 1617 г., марта 27.

Васильев Супона (Супонка, Супоня), тобольский казак³. 1621 г., декабря 12.

Васильев Тит (Титка), стрелецкий десятник Тюменского города⁴. 1622 г., января 26.

Васильев Торопа (Торопка), казак Тарского города⁵. 1620 г., июня 15.

Васильев Яков (Якушка), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.

Васильев Яков (Якушка), служилый литвин Тобольского города⁶. 1617 г., декабря 14.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. — посылался с товарищем в Верхотурье прибирать 20 крестьян «в новое усадище на Гари» (Служилые люди Сибири. С. 146).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г. — гонец из Пельма в Тобольск (Служилые люди Сибири. С. 147).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как стрелец имел двор на Воскресенской ул. Тобольска (1624); и как стрелецкий десятник посылался в Москву для допроса в 1626/27 г. (Служилые люди Сибири. С. 146).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1596 и 1623 гг.: как стрелец и новокрещен пожалован за «городовое строение» (1596); как стрелецкий десятник, имел двор за лстрогом и дер. по Туре «вниз от города» (Служилые люди Сибири. С. 147).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1630 гг. как пеший казак литовского списка с окладом в 7,25 руб., после сокращения окладов — 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 147).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна под 1638 г. уп. Якимко Васильев, енисейский казак «тобольской присылки» (Служилые люди Сибири. С. 148), — вопрос его идентификации с нашим тобольским литвином Якушкой В. открыт.

Васильев Яков (Якушка), стрелец Пелымского города¹.
1619 г., апреля 9.

Ватолин (Ватулин, Вотолин?) **Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1623 г., октября 6.

Векшин Иван (Ивашка), стрелец Пелымского города².
1619 г., апреля 9.

Велижанин (Велиженин, Вележенин, Вилежанин) Михаил (Мишка), стрелецкий десятник Тарского города (казак 1614 г. он же?). 1619 г., января 29.

Велижанин (Велиженин, Вележенин, Вилежанин) Михаил (Мишка), казак Тарского города (стрелецкий десятник 1619 г. он же?). 1614 г., марта 5.

Велижанин (Велиженин, Вележенин, Вилежанин, Виляжанин) Первой (Первушка) (**Семенов сын**), (пеший) казак Томского города³. 1615 г., ноября 29.

Венгренин (Венгринов ?) **Петр** (Петрушка), конная «литва» Тарского города⁴. 1619 г., января 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как пелымский казак литовского списка с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 148).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1608 г. уп. служилый человек Иван Векша, который привез грамоту из Тобольска в Пелым (Служилые люди Сибири. С. 150–151), — вопрос его идентификации с пелымским стрельцом И. Векшиным открыт.

³ В справочнике Д.Я. Резуна расписан в 3 статьи: 1) П.С. Вележенин — под 1626 и 1643 гг. с окладами в 5 руб. и в 4,25 руб. 2) П.С. Вилежанин — под 1623–1636 гг. в десятке А. Иванова с окладами в 4,25 руб., 5 чети с осминой муки, четь круп и толокна (1625); 4,25 руб., 5 чети ржи, 4 чети овса, 2 чети круп, служил с пашни с дачей 4 чети ржи, 2 чети овса (1636); в 1625 г холост, в 1636 г. женат. 3) П.С. Виляжанин — под 1623–1634 гг. пеший казак десятка А. Иванова (1630) с окладом в 4,25 руб.; годовальщик в Кузнецке в 1631 г. (Служилые люди Сибири. С. 151, 159, 160).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна на 2 статьи — П. Венгренина с окладом в 7,25 руб. и П. Венгринова с хлебным окладом в 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна, женат, — под 1625/26 г. и под 1626 г., соответственно (Служилые люди Сибири. С. 153).

- Вепрев Федор** (Фетька) (**Иванов сын**), казак Сургутского города¹. 1617 г., января 21.
- Вергун Иван**, служилый литвин Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Вергун Иван**, тобольский служилый литвин. 1616 г., января 12.
- Вергунов Яков** (Якуш) (**Юрьев сын**), служилый литвин Сургутского города². 1624 г., января 2.
- Верещагин Афанасий** (Офонька), мангазейский целовальник. 1620 г., января 17.
- Вершинин Терентий** (Тренка) (**Юрьев сын**), (конный) казак Томского города³. 1620 г., января 16.
- Вилеженин, см.: Велижанин
- Вискунов Герасим** (Герасимка), стрелец Пелымского города⁴. 1622 г., марта 31.
- Вискунов Заворот** (Заворошка), стрелец Пелымского города⁵. 1621 г., августа 4.
- Вискунов** (Винкунов) **Калина** (Калинка), стрелец Пелымского города⁶. 1618 г., марта 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 153).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1627–1636 г. как сургутский казак (1627) с окладом в 5,5 руб., женат (1630); как березовский старожил подал сказку в Тобольске о возведении Березова (1636) (Служилые люди Сибири. С. 154).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1604–1634 гг. как томский конный казак из Сургута; как плотник рубил Томский острог (1604); ездил гонцом из Кетска в Томск (1605); имел оклад в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети муки, по чети круп и толокна (1626–1630); у него жена Марфа (Служилые люди Сибири. С. 157).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 161).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. — гонец с отпиской о возведении нового острога в Пелыме (Служилые люди Сибири. С. 161).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630–1638 гг. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 161).

Вискунов Михаил (Михалка), стрелец, стрелецкий пятидесятник (не позже 1618 г.) Пелымского города¹. 1616 г., января 12; 1618 г., января 27; 1620 г., марта 28.

Витязев (Витезев) **Василий** (Васька), казак, потом — пятидесятник Тобольского города². 1622 г., января 13.

Вишневский Матвей, служилый литвин Тобольского города (ум. не позже 1624 г.)³. 1615 г., ноября 29.

Владимирец (Володимерец, Володимерцов) **Иван** (Ивашка), казак Томского города⁴. 1615 г., ноября 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. с окладом в 4,25 руб. (1610); а в 1618 г. как пятидесятник послан в Таборы с товарищами для устройства пашни (Служилые люди Сибири. С. 161).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как казак (1622) и как пятидесятник в походе К. Иванова на р. Лену, после которого сообщил о земледелии у «братских людей» (1640); в 1641 г. участник похода В. Васильева в «Братскую землю» (Служилые люди Сибири. С. 162).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616 и 1624 гг.: в 1616 г. ездил гонцом из Тобольска в Тюмень с калмыцкими вестями; а в 1624 г. уп. его вдова Мария во дворе на 3-й ул. от Воскресенской церкви (Служилые люди Сибири. С. 162).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как томский пятидесятник конных казаков, но расписан на 2 статьи: 1) как И. Володимерец под 1626–1653 гг.: десятник конных казаков с окладом в 7 руб. 25 алт., 6 чети с осминой ржи, четь круп, женат (1626); пятидесятник без пашни с окладом 7 чети ржи, 4 чети овса (1636); один из лидеров «хлебного бунта» против воеводы кн. И. Ромодановского (1637); активист восстания 1648/49 г.; в 1653 г. сослан с женой Феодосией в Якутск в службу; 2) Как И. Володимерцов под 1622–1653 гг.: как конный казак дал сказку о строительстве Кузнецкого острога (1622); казачий десятник с окладом 7 руб. 25 алт. (1626, 1635); подписант челобитной о выдаче казенных панцырей служилым людям (1635); повтор с 1-й статьёй под 1637, 1648/49 гг.; в 1640 г. участвовал в походе В. Васильева на бурят; как пятидесятник отвозил в Москву в проезжей станции коллективную челобитную (1647) и возглавил делегацию челобитчиков после томской смуты (1648); в ходе сыска в Москве был обвинен в неповиновении воеводам Ф. Бабарыкину (1616–1620), кн. Ромодановскому (1633–1639) и кн. О.И. Щербатову (1647–1649), в «воровстве и бунтовстве»; к 1653 г. имел землю по берегам р. Ушайки; у них с женой пасынок Стенька (Служилые люди Сибири. С. 170, 172).

Владимиров (Володимеров) **Михаил** (Михалка), мангазейский целовальник. 1614 г., февраля 23.

Владимиров (Володимеров) **Федот** (Федотка), конный казак Тобольского города¹. 1621 г., декабря 23.

Воинов (Войнов) **Иван** (Ивашка), служилый литвин Тюменского города². 1617 г., января 2; 1620 г., марта 2.

Волжин (Волжанин?) **Михаил**, сын боярский Тюменского города³. 1624 г., января 24.

Волошенин (Волошанинов) **Богдан** (Богдашка), служилый литвин, десятник литовский (с февраля 1619 г.) Пелымского города⁴. 1619 г., января 29, февраля 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625/26 г. как тобольский казак «литовского списка» с окладом 7 руб. (Служилые люди Сибири. С. 171–172).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1624–1654 гг. уп. тюменский сын боярский, литвин И.В., воевода кн. Ю.Я. Сулешев назначил его атаманом конных казаков по его челобитью, но войско не признало назначения, но «Сибирский приказ поддержал это решение» (1624); в 1625 г. возглавил поход на Ямыш-озеро и дважды отражал набеги калмыков; в 1626 г. как сын боярский и атаман; переписывал татар в ленских волостях (1629); вместе с И. Бакшеевым возглавлял поход на калмыков на р. Тобол «выше ласе Каш Карагай» и бились с ними в 12 днях пути в ур. на р. Тогузак (1632); ходил на разведку на р. Пышму (1648); дозировал десятинную пашню в Тюмени (1654); у него двор в остроге на посаде (Служилые люди Сибири. С. 166).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1663 гг.: участник конфликта с «митрополитом» Киприаном (1621), к 1663 г. имел оклад в 13 руб., у него жена и сын Иван (Служилые люди Сибири. С. 167).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Б. Волошанинов, пелымский ссыльный литвин, сын боярский, под 1596–1629/30 гг.: ходил за яском в Большую Конду (1596); отвозил грамоту в Верхотурье (1599); укреплял Пелым под угрозой нападения вогулов (1612); ездил в Табаринскую волость устраивать пашню (1618); уп. как десятник (1619); приказчик пашенных крестьян в Табаринской слободе (1621–1630); в 1629/30 г. отставлен за старость (Служилые люди Сибири. С. 173).

Ворон Федор (Фетька), служилый литвин Пелымского города¹. 1622 г., января 20.

Ворошилов Тимофей (Тимошка), казак Верхотурского города². 1617 г., февраля 23.

Ворошилов Тимофей (Тимошка), казак Тарского города. 1614 г., марта 5.

Выходец, см.: Выходцев

Выходцев (Выходцов) **Богдан** (Богдашка), казак Тобольского города³. 1622 г., января 13.

Выходцев (**Выходец**) **Павел** (Пашка), казак Тобольского города⁴. 1618 г., марта 2.

Выченда (Вычегда?) **Иван** (Ивашка), служилый человек Тобольского города⁵. 1623 г., января 4.

Вязмин Семен (Семейка), конный казак Тюменского города⁶. 1618 г., февраля 21.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 176).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. Т.В., как верхотурский стрелец с окладом в 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 178).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. (Служилые люди Сибири. С. 182).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616–1654 гг. как конный казак литовского списка с окладом в 9 руб. 8 алт. 2 ден. (1616); дал вклад в тобольский Софийский собор (1625); ездил к киргизам с миссией П. Сабанского (1625); к 1642 г. — десятник конных казаков с окладом в 9,25 руб.; в 1643–1654 гг. служил с пашни с придачей 4 чети ржи и 2 чети овса (Служилые люди Сибири. С. 183).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. как сборщик ясака в «Тюлкиной земле». Там же под 1624–1626 гг. уп. тобольский конный казак Иван Вычегжанин, который имел двор на Зырянской ул. Тобольска (1624) и перемерял хлеб в Софийском доме (1626), который также может быть идентичен нашему И. Выченде (Служилые люди Сибири. С. 184, 185).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1596–1624 гг.: вместе со служилыми татарами пытались вернуть беглых ясачных татар, но на о.Килдемане на р.Исети были разбиты и пленены, но отпущены (1596); име двор на посаде в остроге Тюмени вместе с братьями Андреем, Ермолаем и Григорием (Служилые люди Сибири. С. 185).

- Вязмитин Анкудин** (Онкудинка) (**Кузмин сын**), казак Березова города¹. 1623 г., ноября 12.
- Вятка** (Вяткин) **Тимофей** (Тимошка), сургутский казак, кетский годовальщик. 1620 г., января 16.
- Вяткин Филипп** (Филька — Филимон ?), конный казак Тобольского города, енисейский годовальщик². 1624 г., января 1.
- Гаврилов Андрей** (Ондрюшка), казак Березова города. 1614 г., февраля 12; 1617 г., августа 21.
- Гаврилов Андрей** (Ондрюшка), казак Томского города³. 1620 г., января 18.
- Гаврилов Андрей** (Ондрюшка), (пеший) казак Тюменского города⁴. 1617 г., апреля 1.
- Гаврилов Богдан** (Богдашка), казак Тарского города⁵. 1617 г., декабря 19.
- Гаврилов Степан** (Степанка), казак Березова города⁶. 1624 г., февраля 19.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620–1638 гг.: поручился в Москве за верхотурских ямщиков (1620); в 1637 г. — «енисейский казак березовской присылки» с окладом в 5 руб.; вернулся в Березов с окладом в 5,25 руб., 5 чети ржи, 4 чети овса (Служилые люди Сибири. С. 186).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 г., как участник посольства в Монголию и к калмыкам; переписывал движимое имущество служилых татар (Служилые люди Сибири. С. 188).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1621 г. уп. томский толмач А.Г. как участник посольства Б. Карташова и М. Расторгуева к «князю» белых калмыков Абаку (Служилые люди Сибири. С. 190), вопрос об идентичности одноименных казака и толмача на данный момент открыт.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 и 1630 гг. как пеший казак десятка П. Яковлева с окладом 4 руб. 8 алт. 2 ден. и двором в Тюменском остроге (Служилые люди Сибири. С. 190).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как участник походов на Ямышозеро в 1608 г. и на калмыков в 1617 г. (Служилые люди Сибири. С. 190).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 192).

Гагаринов (Гагарин) Терентий (Тренька), казак Тюменского города¹. 1622 г., апреля 11.

Галактионов (Голохтионов) Алексей (Олешка), стрелец Туринского острога². 1624 г., марта 19.

Галасеин (Голосеин?) Макарий Исаков сын, сын боярский сибирского архиепископа Киприана, у него брат Иван³. 1622 г., марта 23.

Галечанин, см.: Галиченин

Галиченин (Галечанин, Галеченин?) **Кузьма** (Куземка) (Иванов сын), стрелец Тарского города⁴. 1619 г., июня 22.

Галиченин (Галечанин, Галеченин?) **Тихон** (Тихонка), стрелец Томского города. 1615 г., января 27.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Гагарин под 1624–1646 гг. как конный казак во дворе на посаде вместе с братьями Сергеем и Петром (1624); десятник конных казаков с окладом 7 руб. 16 алт. 4 ден.; подписант челобитной против назначения воеводой кн. Ю. Сулешевым казачьи атаманом И. Воинова; послан к приказчику ясачных волостей Ф. Воронову с вестью о набеge царевича Будая, внука Кучума (Служилые люди Сибири. С. 193).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 и 1630 гг. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 193–194).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1636–1675 гг.: имел двор на Софийском дворе Тобольска и оклад в 6 руб., 8 чети ржи, 8 чети овса (1636) и 17 руб., 17 чети ржи, 17 чети овса, 3 пуда соли (1656); межвал земли Мурзинской и Краснопольской слобод, вел сыск о приказчике Б. Черкасове и беглых мурзинских крестьянах (1653–1654); с Е. Хабаровым конвоировал в Якутск ссыльных (1656); строил новую слободу в Томском у. и переписывал крестьянскую пашню (1668); в составе посольства Н. Спафария в Китай (1675) (Служилые люди Сибири. С. 194).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг. как конный казак, участник похода В. Волконовского на Ямыш-озеро (1608); и как стрелецкий десятник с окладом в 4,75 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625, 1630); женат (Служилые люди Сибири. С. 195). Вопрос об идентичности нашего стрельца 1619 г. и стрелецкого десятника с 1625 г. не вызывает сомнений, в отличие от идентификации конного казака Кузьмы 1608 г. со стрельцом и стрелецким десятником Куземкой, каковой вопрос следует считать открытым.

- Галкин Иван** (Ивашка), березовский казак и целовальник. 1623 г., октября 21.
- Галкин Никифор** (Микифорка), сибирский казак, мангазейский годовальщик¹. 1620 г., ноября 14.
- Гарлан Семен** (Семейка), ямщик Туринского острога. 1618 г., марта 4.
- Герасимов** (Гарасимов) **Дементий** (Демка — Демьян), стрелец Пелымского города². 1620 г., марта 28.
- Голоболзин Василий Фефилов сын**, стрелец Верхотурского города. 1619 г., июня 27.
- Голомолгин Михаил** (Мишка), ямской охотник Верхотурского города. 1619 г., апреля 25.
- Голубин Пospel Федоров сын**, атаман Тарского города³. 1619 г., апреля 11.
- Гордынин Мартемьян** (Мартемьянка), целовальник Томского города. 1615 г., ноября 29.
- Горлицев** (Горлицев?) **Петр** (Петрушка), казак Березова города. 1620 г., марта 19, апреля 4.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 196).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618 г. как Демин Г., участник посылки остяцкого кн. Ф. Кондинского, (казачьего?) десятника Б. Волошенина и стрелецкого пятидесятника М. Вискунова в Табаринскую волость для расчистки и распашки десятинной пашни (Служилые люди Сибири. С. 199).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1596–1626 гг.: как конный казак ходил походы — с литвином М. Федоровым за ясаком «в Чаты» (1598), на калмыков (1607), с В. Волконовским на Ямыш-озеро (1608); сопровождал калмыцких послов (1609); как атаман отвез с Москвы в Верхотурье новоприборных казаков для Тарского острога (1610); ходил в поход на калмыков с В. Волконовским, Г. Кутузовым, Б. Байгачевым и А. Романовым (1612), отвозил в Москву калмыцкие трофеи на 58 верблюдах (1619); годовальщик в 1625–1628 гг. в Барабинском острожке, организовал неудачные посылки на калмыцкие улусы Табытая и Сенгула между р.Омью и Чан-озером и руководил обороной острожка при осаде калмыками (1626); имел оклад в 8 руб., 8 чети ржи, 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 206–207).

- Горноста́й** (Горнаста́й) **Терентий** (Тренька) Семенов сын, казак Тобольского города¹. 1624 г., февраля 19.
- Городчиков Давы́д** (Давы́дка — Давид), казак Сургутского города, кетский годовальщик². 1616 г., ноября 19.
- Горяинов Смирной** (Смирка), конный казак Тобольского города. 1615 г., февраля 3.
- Григорьев Артемий** (Ортюшка), казак Нарымского острога. 1621 г., октября 6.
- Григорьев Артемий** (Ортюшка), казак Сургутского города³. 1621 г., декабря 23.
- Григорьев Богдан** (Богдашка), казак Томского города⁴. 1617 г., мая 18.
- Григорьев Богдан** (Богдашка), стрелецкий десятник Тюменского города. 1617 г., мая 12.
- Григорьев Вторый** (Вторышка, Вторко), стрелец Туринского острога⁵. 1622 г., апреля 5.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 г. как сопровождающий из Устюжны Железопольской в Томск кузнецов Ивана Бармина и Вихорку Иванова с семьями и «кузнечной снастью» для плавки в Томске руды (Служилые люди Сибири. С. 211).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617 и 1619 гг. как участник посылок: 1617 г. — с казаком С. Неустроевым и промышленником Ф. Тимофеевым на р. Енисей «проводывать тунгусские дороги» и место под острог; из Кетского острога на князьца Намака, собрал сведения о путях сообщения на Енисее и населении Тюлькиной волости, с которой взял первый ясак; 1619 г. — из Маковского острога во главе с Ч. Рукиным за тунгусским ясаком. (Служилые люди Сибири. С. 212).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1630 гг. как кетский годовальщик, возил отписку в Тобольск (1617); с атаманом Е. Астафьевым возвел в «Котовской» земле Канский острог, ходил в посылку за ясаком к князьцу Тымге (1629); имел оклад в 5 руб. (1630) (Служилые люди Сибири. С. 218).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. по той же указанной у нас статье с отсылкой на выборку Газенвинкеля (Служилые люди Сибири. С. 218).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Вторко Г. с окладом в 4 руб. (1630, 1641); на годовой службе в Енисейске в отряде С. Артемьева (1623) (Служилые люди Сибири. С. 218).

- Григорьев Ждан** (Жданка), томский целовальник, тунгусский годовальщик. 1621 г., января 5.
- Григорьев Иван** (Ивашка), казак Верхотурского города. 1618 г., марта 11.
- Григорьев Калина** (Калинка), (конный) казак Тоболского города¹. 1615 г., сентября 29.
- Григорьев Копос** (Копоска, Копотко), пеший казак литовского списка Березова города, мангазейский годовальщик (декабрь 1617 г.)². 1617 г., декабря 19.
- Григорьев Назар** (Назарка), конный казак литовского списка («литва») Тарского города³. 1619 г., апреля 11.
- Григорьев Осип** (Осипка), казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Григорьев Павел** (Павлик), конный казак литовского списка Тарского города⁴. 1614 г., марта 5; 1621 г., февраля 9.
- Григорьев Панкрат** (Панка), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Григорьев Первой** (Первушка), сибирский стрелец (пелымский стрелец он же?). 1621 г., февраля 20.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. во дворе Тобольска на одной улице с сыном боярским С. Француженином — (Служилые люди Сибири. С. 220).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1639 гг.: его сказка в Тобольске об основании Березова (1621); его оклад — 8,25 руб.; конвоировал денежное и хлебное жалованье из Тобольска в Тару (1630); наряжен на годовую службу на Лену в отряде Б.Л. Литвинова (Служилые люди Сибири. С. 221).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1636 гг. с окладом в 7,25 руб. (1626/27); участник калмыцкого похода 1617 г. и посольства к калмыцкому контайше (хунтайджи) 1636 г. (Служилые люди Сибири. С. 222).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарский казак 1614 г. (наряжен с агаманом Б. Петровым на Верхотурье за жалованьем) и пятидесятник пеших казаков на 1625/26 г. (с окладом в 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна) Панка Григорьев (Служилые люди Сибири. С. 222). Вероятность идентичности нашего конного казака-литвина 1614 и 1621 гг. с казаком 1614 г. и пешим казачьим пятидесятником 1625/26 г. высока, но вопрос этот пока следует считать открытым.

Григорьев Первой (Первушка), стрелец Пелымского города (пожалованный 20 февраля сибирский стрелец он же?)¹. 1621 г., марта 6; 1624 г., марта 19.

Григорьев Родион (Ротка), казак Тобольского города². 1621 г., ноября 21, декабря 20.

Григорьев Смирной (Смирка), сибирский казак, мангазейский годовальщик³. 1620 г., ноября 14.

Григорьев Терентий (Тренка), казак Березова города. 1616 г., ноября 23.

Григорьев Томила (Томилка), казак Томского города⁴. 1623 г., января 16.

Григорьев Федор (Фетька, Федька) (Плотник?), (конный) казак Тарского города⁵. 1616 г., мая 3; 1619 г., апреля 11.

Григорьев Федор (Фетька), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.

Григорьев Харитон (Харка), стрелец Туринского острога⁶. 1618 г., февраля 21.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 (оклад 4,25 руб.) и 1638 гг. (Служилые люди Сибири. С. 222).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620–1621 гг. как сборщик ясака Тюлькиной земел Енисейского у., вместе с нарымскими служилыми людьми (Служилые люди Сибири. С. 223).

³ В справочнике Д.Я. Резуна внесен березовский казак, родом с Дона, Смирка Г. уп. под 1621–1630 гг., который был на скандальном обеде у воеводы с игуменом Тарасием и попом Василием (1625) (Служилые люди Сибири. С. 223). Вопрос об идентичности двух однопименных казаков остается открытым.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1630 гг. с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети с осминой муки, 2 чети круп и толокна, 2 чети соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 224).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1652 гг. как участник калмыцкого похода (1617); с окладом в 8,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26) (Служилые люди Сибири. С. 224).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1663 гг.: как стрелец (1622), верстаный в 1623 г. в подьячие съезжей избы в место А. Вавилина (оклад 4 руб.); в 1641 г. с сыном боярским С. Шарыгиным ездили в Ощепкову и в Ирбитскую слободы для выбора места под острожек; межевал земли туринских и верхотурских слобод (1646); к 1663 г. верстан в дети боярские с окладом в 8 руб. (Служилые люди Сибири. С. 224).

- Григорьев Шестой** (Шестачко), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Губа Андрей** (Ондрюшка) **Иванов (сын)**, конный казак Томского города, посланник к черным калмыкам Каракулы-тайши (1623 г.)¹. 1617 г., мая 22, 1623 г., октября 29, ноября 14.
- Губа Андрей** (Ондрюшка), казак Тюменского города. 1617 г., апреля 8.
- Губин Яким** (Якимка), тобольский или березовский целовальник. 1615 г., февраля 5.
- Давыдов Михаил** (Мишка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Давыдов Петр** (Петрушка), казак «литовского списка» Тарского города. 1618 г., января 10, 1621 г., марта 20.
- Давыдов Петр** (Петрушка), (конный) казак Томского города². 1623 г., октября 29.
- Давыдов Семен** (Семейка), казак Березова города. 1617 г., сентября 6.
- Давыдов Степан** (Степанка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Дамашев, см.: Домашев

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620–1641 гг.: как десятник конных казаков провожал джунганских посланников и ездил в посольстве к Алтын-хану (1620) и в черным калмыкам (1623); имел оклад в 7 руб. 25 алт, 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1627, 1630); к 1630 г. пятидесятник, подписант войсковой челобитной о выдаче казенных панцырей служилым людям (1635); встречал послов Алтын-хана, проходил свидетелем по сыску о посольстве Я. Тухачевского, ручался за толмача Л. Васильева (1635); ук 1637 г. служил с пашни без хлебного жалованья; член комиссии по переписи казачьих земель (1637); один из лидеров смуты 1638 г. и составителей коллективной челобитной; ходил в посылку за чсаком «в Киргизы» (1638); участник похода И. Верхотурцева в Ячинскую волость (1641). (Служилые люди Сибири. С. 228).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 г. с окладом 7 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 236).

- Данилов Василий**, сын боярский архиепископа Киприана Тобольского города. 1623 г., декабря 31.
- Данилов Григорий** (Гришка), (конный) казак Тюменского города¹. 1616 г., января 18.
- Данилов Давыд** (Давыдка), стрелец Сургутского города. 1614 г., февраля 12.
- Данилов Петр** (Петрушка), березовский казак. 1619 г., декабря 28.
- Данилов Поздей** (Поздянка), стрелец Пелымского города. 1614 г., марта 25.
- Данилов Семен** (Семейка), казак Березова города². 1616 г., ноября 23.
- Данилов Юрий**, казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Двинянин Чудин** (Чюдинка), десятник стрелецкий Верхотурского города. 1619 г., апреля 25.
- Девлеев Илья** (Илейка), новокрещен Тобольского города. 1623 г., августа 18.
- Дегтярев Федор** (Фетька), казак Верхотурского города³. 1624 г., января 26.
- Деев Василий** (Васька), казак (1616 г.), казачий десятник (1619 г.) Березова города, мангазейский годовальщик (1622 г.)⁴. 1616 г., января 12; 1619 г., февраля 26; 1622 г., ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1627 гг.: имел двор в остроге на посаде Тюмени, у него сын Никита (1623–1624); как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 16 алт. 4 ден. (1627–1630); подписант коллективной челобитной против назначения И. Воинова казачьим атаманом (Служилые люди Сибири. С. 237).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 238).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г. как верхотурский служилый человек, владевший деревней (Служилые люди Сибири. С. 242).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как березовский казак, родом с Дона с окладом 6 руб. (Служилые люди Сибири. С. 242).

- Деев Терентий** (Тренька), казак Сургутского города¹. 1617 г., января 21.
- Деев Третьяк**, атаман Сургутского города. 1617 г., января 21.
- Дека Федор** (Федька) (**Борисов сын**), (конный) казак Томского города². 1614, января 6; до 27 октября 1622 г.
- Дементьев Бажен** (Баженка), десятник пеших казаков Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.
- Дементьев Бажен** (Баженка), стрелец, десятник пеших казаков литовского списка Тарского города³. 1617 г., декабря 19; 1619 г., июня 22; 1621 г., января 5; 1622 г., мая 21; 1624 г., мая 4.
- Дементьев Борис** (Бориска), (пеший) казак Тарского города⁴. 1618 г., апреля 30.
- Дементьев Насон** (Насонка), казак Тобольского города. 1619 г., марта 13.
- Денисов Пимен** (Пиминко), ямской охотник Туринского города. 1617 г., января 21.
- Денисов Савва** (Савка — Савелий), стрелец Пелымского города⁵. 1622 г., марта 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. Тренка Деев под 1602–1611 гг.: как казачий пятидесятник сопровождал князьцов Пегой Орды (1602); в 1609 г. назначен атаманом у служилых «литвы и черкас» с окладом 8 руб., 8 чети муки, четь круп и толокна; выбирал место для нового острога, забраковав Тогурское устье и выбрав устье р. Кети (1611) (Служилые люди Сибири. С. 242–243).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. в походах в Кузнецкую землю с атаманом В. Константиновым (1614/15) и на Баштаков улус (1615/16) и в посылках на киргизов (Служилые люди Сибири. С. 243).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1640 гг.: как пеший казак участвовал в калмыцком походе (1617); к 1617 г. — десятник с окладом в 7,5 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; отвозил ден. казну из Тобольска в Тару (1625) (Служилые люди Сибири. С. 244).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в 1625 г. с окладом 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, четь круп и толокна, и в 1630 г. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 244).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в посылке на тунгус 1618 г. (Служилые люди Сибири. С. 247).

- Дмитриев Гаврила** (Гаврилка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Дмитриев Ждан** (Жданка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Дмитриев Иван**, сибирский служилый казак. 1615 г., января 17.
- Дмитриев Иван** (Ивашка), «деревщик» (иконостасный мастер), который был «в Сибири в Тоболском городе с архиепископом с Кипреяном для иконново дела». 1623 г., марта 20.
- Дмитриев Илья** (Илюшка), целовальник Березова города. 1623 г., сентября 16.
- Дмитриев Максим** (Максимка), конный казак Туринского острога¹. 1620 г., апреля 6; 1624 г., марта 19.
- Дмитриев Марк**, березовский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., января 16.
- Дмитриев Семен** (Семейка), толмач Пелымского города². 1617 г., марта 29.
- Долгая Рожь Василий** (Васька), казак Сургутского города. 1617 г., января 21.
- Домашев (Дамашев) Матвей** (Матюшка) (Матвеев сын), служилый литвин Сургутского города, кетский годовальщик³. 1622 г., ноября 25.
- Донской Дмитрий** (Митька), стрелец Тарского города. 1619 г., июня 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620–1623 гг.: привез в Москву челобитье турирских ясачных татар на Артемия Бабинова (1620); имел лавку (1622–1623); в 1623 г. в пелымской посылке строил новый острог (Служилые люди Сибири. С. 250).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1594 г. уп. одноименный стрелец десятка Т. Евтюгина «в Таборех» (Пелыме). (Служилые люди Сибири. С. 251). Вопрос о его идентификации с одноименным толмачом 1617 г. остается открытым.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как стрелецкий десятник с складом 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 чети соли. (Служилые люди Сибири. С. 255).

Дорофеев (Дарофеев) **Петр** (Петрушка), (конный) казак Кузнецкого острога¹. 1621 г., декабря 23.

Дорофеев (Дарофеев) **Петр** (Петрушка), казак Томского города. 1622 г., января 4.

Дружинин Иван (Ивашка), казак Березова города². 1623 г., сентября 16.

Дулеский (Дулеский) **Павел** (Павлик), служилый литвин Сургутского города. 1621 г., января 9.

Дулов Устин (Устинка), казак Березова города³. 1617 г., августа 21.

Дурыня (Дурына?) **Иван Савельев** (сын), атаман Тобольского города⁴. 1618 г., апреля 29.

Дьяконов Степан (Степанка), казак Верхотурского города. 1617 г., февраля 23.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна приведена его богатая биография за период 1624–1653 гг.: 1628 г. — десятник; 1638 г. — пятидесятник; 1640 г. — атаман с окладом 8 руб. 25 алт., 6 чети ржи, 2 чети овса, служил с пашни, основал деревню Атаманово в 16 верст. от города; участник ряда коллективных челобитий, обороны Кузнецка, многих посылок и походов 1627 (его отряд впервые достиг верховьев Бии), 1629, 1634, 1639, 1643, 1653; активный участник внутренних конфликтов в Кузнецке в 1648/49 и 1653 гг. (Служилые люди Сибири. С. 257).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 260).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 5,25 руб., и под 1637 г. уже как енисейский (казачий?) десятник «березовской присылки» с окладом в 5,5 руб., 5 чети ржи, 4 чети овса (Служилые люди Сибири. С. 263).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи — тобольских казачьих атаманов: 1) И.Д., уп. под 1601–1624 гг. как тобольский стрелец (1601, 1604, 1610), занимавшийся в т.ч. доставкой денежной казны из Соли Вычегодской и закупкой в Верхотурье хлеба для Тобольска; к 1612 г. — казачий атаман; привез в Москву описание мангазейского морского хода (1618); постригся в Знаменский монастырь, ум. в начале 1620-х; уп. его жена (вдова?) Марьица во дворе «позади Новой улицы против острога» (1624). 2) И.С., ездивший в посланниках к калмыцкому Талай-тайше и сопровождавший ответное посольство Буга и Коодана до Москвы (1617–1618) (Служилые люди Сибири. С. 264–265, 766).

- Дядя** (Дяда, Дядь?) **Иван** (Ивашка) (**Родионов сын**), березовский казак¹. 1616 г. февраля 7.
- Евдокимов** (Овдокимов) **Богдан** (Богдашка), казачий десятник Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Евдокимов** (Овдокимов) **Дмитрий** (Митька), стрелец Тобольского города. 1621 г., января 13.
- Евдокимов** (Овдокимов) **Мартын** (Мартынка), служилый человек Сургутского города. 1623 г., января 4.
- Евдокимов** (Овдокимов) **Терентий** (Тренка), стрелец Пелымского города. 1617 г., марта 27.
- Евтихеев Самойла**, певчий дьяк, послан с архиепископом Киприаном в Сибирь. 1621 г., января 18.
- Егупов Василий** (Васька), служилый литвин Тюменского города. 1618 г., февраля 21.
- Елгай-мурза, см.: Кудашев
- Елизаров Митрофан** (Митрошка), (конный) казак Тобольского города². 1619 г., июня 4.
- Елизарьев Тимофей** (Тимошка), казак Березова города. 1619 г., февраля 26.
- Елина-мурза, см.: Тонаев
- Елисеев Макар** (Макарка), казак «литовского списка» Тарского города³. 1623 г., марта 31.
- Елисеев Силантий** (Силка), конный казак Тюменского города. 1622 г., января 26.
- Емашев Копчик**, сотник ясачных чюсовских вогулич Верхотурского уезда. 1619 г., мая 22; 1620 г., марта 17.
- Емельянов** (Омельянов) **Василий** (Васька), (пеший) казак Тарского города⁴. 1622 г., марта 24.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 266).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 г. как вкладчик тобольского Софийского дома (Служилые люди Сибири. С. 274).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625/26 г. с окладом 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и участник тунгусского похода толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 275).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617 г. как участник похода на калмыков (Служилые люди Сибири. С. 278).

- Емельянов** (Омельянов) **Поспел** (Поспелка), (конный) казак Тарского города¹. 1617 г., февраля 16; 1621 г., февраля 27.
- Емельянов** (Омельянов) **Степан** (Степанек, Степанка), тобольский или березовский служилый человек (казак или стрелец). 1615 г., февраля 5.
- Ембулатов Кутук, князь**, юртовский служилый татарин Тобольского города. 1622 г., марта 16; апреля 7.
- Енгучюков Баян** (Баянка), служилый татарин Тобольского города. 1622 г., марта 16.
- Еремеев Данила** (Данилка), казак Сургутского города. 1616 г., января 17.
- Еремеев Нечай** (Нечайка), стрелец Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.
- Еремеев Тимофей** (Тимошка), казак Сургутского города². 1622 г., ноября 25, 30.
- Еремеев Федор** (Федька), кузнец Томского города, рудознавец³. 1623 г., октября 31, ноября 29.
- Еремин Савва** (Савка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Ерлов** (Юрлов?) **Артемий** (Ортюшка), сибирский казак мангазейский годовальщик. 1622 г., ноября 25.
- Ермолин Андрей**, подъячий Верхотурского города. 1622 г., февраля 6.
- Ермолин Федор** (Фетька), целовальник Березова города. 1622 г., ноября 25.
- Ерофеев Яков** (Якушка), конный казак Тарского города. 1623 г., марта 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1629 гг. с окладом 8,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат; в 1621 г. привез из Москвы церковное строение (Служилые люди Сибири. С. 278).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 (участник тунгусского похода и возведения острога) и 1645 гг. (Служилые люди Сибири. С. 282).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как томский кузнец под 1626 и 1629/30 гг. с окладом 10,25 руб., 5 чети муки, четь круп и толокна с 1629/30 г. — додача 6,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 282).

Ерохов Богдан (Богдашка), служилый человек Тобольского города. 1623 г., января 4.

Ершов Иван (Ивашка) **Григорьев** (сын), (конный) казак Тарского города¹. 1619 г., апреля 11.

Есюков (Евсюков ?) **Путила**, сын боярский Верхотурского города. 1616 г., января 12.

Ефимов, см.: Ефимьев

Ефимьев (Еуфимьев, Ефимов) **Десятой** (Десятка, Десятко), (конный) казак Тарского города². 1617 г., февраля 16; 1623 г., января 4.

Ефимьев (Еуфимьев, Ефимов) **Ждан**, казак (литовского списка) Тобольского города³. 1619 г., июня 4.

Ефимьев (Еуфимьев, Ефимов) **Семен** (Семейка), ямской охотник Тюменского города. 1616 г., января 30.

Ефремов Ларион, сын боярский сибирского и тобольского архиепископа Киприана⁴. 1623 г., августа 16; 1624 г., мая 22.

Жареник Дмитрий (Митька), стрелец Тобольского города, тунгусский годовальщик. 1621 г., января 5.

Желваков Иван (Ивашка), казак Томского города. 1614, января 6.

Жук Иван (Ивашка), казак Тобольского города. 1623 г., ноября 12.

Жуков Безсон (Безсонка), конный казак Тобольского города⁵. 1622 г., марта 16.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625/26 и 1630 гг. с окладом в 8,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 288).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг. как участник похода кн. В. Волконовского на Ямыш-озеро (1608); имел оклад 8,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26) и 7,25 руб. (1630); женат (Служилые люди Сибири. С. 290).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1634/35, 1640 и 1642 гг. с окладом 10 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 290).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1623 гг. (Служилые люди Сибири. С. 290–291).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1639 гг.: имел двор за острогом под горой на лугу р.Курдюмки, на котором воевода М.А. Вельяминов принимал калмыцких послов Чокур-тайши (1625); к 1639 г. — атаман пеших казаков (Служилые люди Сибири. С. 299).

- Заборцов Федор** (Фетька), целовальник Тобольского города. 1620 г., ноября 15.
- Зайцев Иван** (Ивашка) (Иванов сын), конный казак (литовского списка) Тобольского города¹. 1615 г., февраля 3.
- Захаров Терентий** (Тренька), стрелец Пелымского города². 1614 г., марта 25.
- Захаров Тит** (Титка), казак Томского города³. 1617 г., января 18.
- Захаров Утеш** (Утешка) казак Тюменского города. 1614 г., марта 9.
- Захаров (Захарьев) Яким** (Екимка — Аким), казак Томского города⁴. 1617 г., октября 17.
- Зборщикова (Зборщикова) Василия (Васька) Федорова** (сын), (конный) казак Тарского города⁵. 1619 г., апреля 11; 1621 г., апреля 9.
- Зиновьев Аникий** (Аника), стрелец Верхотурского города⁶. 1619 г., апреля 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. с окладом в 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1636); и — 6 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1644) (Служилые люди Сибири. С. 307).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. — искал землю под пашню по р.Елышу (Служилые люди Сибири. С. 314).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620/21 и 1626 гг. с окладом 2 руб. 25 алт., 5 чети с осминой муки, четь круп и толокна у него жена и сын Иван, в конных казаках (Служилые люди Сибири. С. 314).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Еким Захарьев, томский казак конный (1614/15) и пеший (1626, 1630, 1638): участник вылазки против енисейских киргизов (1614/15); имел оклад 4 руб., 5 чети с осминой муки, четь круп и толокна (1626); 4,25 руб., 5 чети ржи, 2 чети овса (1630, 1638); женат (Служилые люди Сибири. С. 315).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1606–1626 гг.: участник походов на калмыков (1606) и В. Волконовского на оз. Ямыш (1608); как десятник в проезжей станице конвориовал от Тобольска до Тары хлеб и ссыльных (1624, 1626); имел оклад — 4,75 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26); женат (Служилые люди Сибири. С. 315).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1602 г. (Служилые люди Сибири. С. 319).

- Зиновьев Анисим** (Оничка), стрелец Верхотурского города. 1617 г., декабря 19.
- Змеев Семен** (Семейка), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.
- Зубчанин Иван** (Ивашка), казак Тарского города¹. 1614 г., марта 5; 1623 г., января 4.
- Зуев Алексей** (Олешка), десятник стрелецкий Пелымского города. 1624 г., марта 19.
- Зыков Ждан** (Жданка), стрелец Пелымского города². 1614 г., марта 25; 1619 г., апреля 9.
- Иван, протопоп Тобольского города, см.: Осипов
- Иванов Агафон** (Агафонка), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.
- Иванов Андрей** (Ондрюшка), мангазейский целовальник. 1619 г., февраля 26.
- Иванов Андрей** (Ондрюшка), служилый человек Сургутского города, кетский годовальщик. 1623 г., октября 28.
- Иванов Антипа** (Онтипка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Иванов Безсон** (Безсонка, Бессон), конный казак Тобольского города. 1619 г., марта 16.
- Иванов Вахрамей** (Вахрамейка, Вахрушка), казак Нарымского острога. 1619 г., декабря 26; 1622 г., ноября 25.
- Иванов Воин** (Воинка), казак Березова города³. 1616 г., ноября 23.
- Иванов Гаврила** (Гаврилка), казак (1617), десятник конных казаков (1623 г.) Тюменского города⁴. 1617 г., января 2; 1623 г., января 31, апреля 20.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 16225/26 г. с окладом 4,75 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 324).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 325).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 332).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. как пеший казак, у которого двор в Тюменском остроге (Служилые люди Сибири. С. 332).

- Иванов Гаврила** (Гаврилка), ямской охотник Верхотурского города. 1617 г., марта 4.
- Иванов Григорий** (Гришка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1619 г.). 1619 г., февраля 26; 1621 г., октября 9; 1624 г., февраля 14.
- Иванов Григорий** (Гришка), (конный казак) литовского списка («литва») Тарского города¹. 1616 г., мая 3.
- Иванов Гурий** (Гурка), конный казак (литовского списка) Тарского города². 1619 г., марта 7; 1624 г., мая 4.
- Иванов Дмитрий** (Митька), казак Нарымского острога. 1619 г., декабря 26.
- Иванов Ермак** (Ерманка, Ермачка — Ермолай), (пеший) казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1619 г.)³. 1619 г., февраля 26; 1624 г., августа 4.
- Иванов Жаден (Ждан?)**, служилый литвин Тарского города⁴. 1617 г., апреля 3.
- Иванов Завьял** (Завьялка), тобольский или березовский служилый человек (казак или стрелец). 1615 г., февраля 5.
- Иванов Иван** (Ивашка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1625/26 гг.: участник походах В. Волконовского на Ямыш-озеро (1608); против калмыков (1617); имел оклад 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26); женат (Служилые люди Сибири. С. 333).

² В справочнике Д.Я. Резуна указаны 2 одноименных тарских конных казака (с отсылкой к одному источнику): 1) Гурий И. под 1625/26 гг. с окладом 6 чети с осминой ржи, 2 чети овса и круп; женат; 2) Гурко И. с окладом 7,25 руб. (1625/26) (Служилые люди Сибири. С. 333).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. как пеший казак, у которого двор возле Воскресенской церкви Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 334).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарский казак литовского списка Ждан И. под 1609–1630 гг.: был заложником у калмыцких тайшей (1609); участник похода на калмыков и на царевича Ишима (1617); имел оклад в 9,5 руб.; в станице конвоировал от Тобольска до Тары ссыльных свиязцев (Служилые люди Сибири. С. 334). Нельзя исключать его идентификации с нашим литвином Жаденом И.

- Иванов Иван** (Ивашка), казак Сургутцкого города. 1623 г., сентября 29.
- Иванов Иван** (Ивашка), казак Березова города, 1623 г., ноября 12.
- Иванов Исай** (Исачка), казак Березова города. 1616 г., ноября 23; 1621 г., ноября 18.
- Иванов Клим** (Климка), казак Томского города. 1621 г., ноября 17.
- Иванов Кузьма** (Куземка), (конный) казак (литовского списка?) Тарского города (литвин он же?)¹. 1619 г., июля 6.
- Иванов Кузьма** (Куземка), служилый литвин Тарского города (казак он же?). 1620 г., июня 15; 1621 г., марта 20.
- Иванов Ларион** (Ларка), казак Тобольского города². 1623 г., ноября 12.
- Иванов Лука** (Лучка), пеший казак Тарского города. 1617 г., апреля 3.
- Иванов Матвей** (Матюшка), служилый человек литовского списка Тарского города. 1621 г., апреля 9.
- Иванов Матвей** (Матюшка), стрелец Тарского города³. 1618 г., января 10.
- Иванов Меньшой** (Меньшик, Меншик; Меншичка), казак Березова города⁴. 1619 г., декабря 28; 1621 г., ноября 18.
- Иванов Михаил** (Мишка), стрелец Пелымского города⁵. 1618 г., марта 28; 1620 г., марта 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. участник походов на калмыков (1617) и на царевича Ишима (1618) (Служилые люди Сибири. С. 337).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. тобольский городничий Л.И. под 1649 г. (Служилые люди Сибири. С. 337). Вопрос его идентификации с нашим казаком 1623 г. остается открытым.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как участник похода на калмыков (1617) (Служилые люди Сибири. С. 338).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1607 г. как участник обороны Березова от остяков и делегации челобитчиков в Москву (Служилые люди Сибири. С. 338).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 339).

- Иванов Михаил** (Мишка), стрелец Тобольского города¹. 1624 г., марта 19.
- Иванов Михей** (Михейка — Михаил), стрелец Тюменского города. 1618 г., февраля 21.
- Иванов Неустрой** (Неустройка), «житнишный» приказчик, потом — дворский Тобольского города². 1619 г., января 29; 1620 г., декабря 5; 1622 г., августа 30.
- Иванов Никифор** (Микифорка), стрелец Пелымского города³. 1620 г., марта 28.
- Иванов Новик** (Новичок), казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Иванов Павел** (Пашка), казак Березова города. 1619 г., января 29.
- Иванов Павел** (Пашка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Иванов Первой** (Первушка), казак Березова города, мангазейский годовальщик. 1623 г., декабря 31.
- Иванов Первой** (Первушка), конный казак Тюменского города⁴. 1614 г., ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616 г. как мангазейский годовальщик; ходил 9 дней по морю на коче разведать дорогу в Енисейское устье (Служилые люди Сибири. С. 338).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как тобольский служилый под 1619 г., участник похода на царевича Ишима (Служилые люди Сибири. С. 339).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. Н.И., пелымский служилый литвин или немчин с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 339). Нельзя исключить их идентичности с нашим одноименным стрельцом.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. трое тюменских конных казаков Первых Ивановых: 1) под 1630 г. — рядовой десятка Данилова с окладом 8 руб.; 2) под 1630 г. — рядовой десятка М. Кулакова с окладом 4 руб. 8 алт. 2 ден.; 3) под 1623 г. — рядовой стрелец, 1633 г. — десятник конных казаков (Служилые люди Сибири. С. 340). Идентификация одного или двоих из названных с нашим конным казаком 1614 г. вероятно, но остается под вопросом.

- Иванов Первой** (Первушка), служилый человек Сургутского города¹. 1622 г., ноября 25.
- Иванов Петр** (Петрушка), казак Березова города². 1623 г., сентября 16.
- Иванов Поспел** (Поспелка), казак Березова города³. 1617 г., декабря 16.
- Иванов Пятой** (Пятун; Пятунка), казак Березова города. 29 января 1619 г.
- Иванов Родион** (Родка), ямской охотник Туринского города. 1617 г., января 21.
- Иванов Савва** (Савка), казак Сургутского города⁴. 1620 г., января 16.
- Иванов Смирной** (Смирка), казак Березова города. 1614 г., февраля 2; 1621 г., ноября 18.
- Иванов Степан** (Степанка), новокрещен, казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1616 г., ноября 19.
- Иванов Степан** (Степанка), стрелец Верхотурского города. 1623 г., июля 25.
- Иванов Степан** (Степанка), стрелец Тюменского города⁵. 1620 г., марта 2.
- Иванов Степан** (Степанка), тюменский казак. 1620 г., июня 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1617 г. уп. одноименный сургутский казак кетский годовальщик, ездивший гонцом в Тобольск (Служилые люди Сибири. С. 340). Вопрос его идентификации с нашим служилым 1622 г. остается открытым.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 г. (Служилые люди Сибири. С. 340).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1610 г. как обвиняемый с 2 поделниками остяками в кощунственном разграблении остячих могил (Служилые люди Сибири. С. 341).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна под 1609–1610 гг. уп. как сургутский стрелец кетский годовальщик; участник похода за ясаком вверх по р.Кети на Енисей (Служилые люди Сибири. С. 342).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. как стрелецкий десятник с кладом в 4 руб. 16 алт. 8 ден., имел двор в Тюменском осторге (Служилые люди Сибири. С. 344).

Иванов Терентий (Тренка), служилый человек Сургутского города, кетский годовальщик. 1623 г., октября 28.

Иванов Терентий (Тренька), казак Березова города. 1621 г., марта 24.

Иванов Тимофей (Тимошка), казак Березова города. 1619 г., ноября 11.

Иванов Тимофей (Тимошка), (пеший) казак Томского города¹. 1617 г., октября 17, декабря 7.

Иванов Тимофей (Тимошка), казак «литовского списку» Тарского города². 1619 г., июня 22.

Иванов Тит (Титка), стрелец Пелымского города³. 1617 г., марта 27; 1619 г., апреля 9.

Иванов Томас (Томос), (конный) казак литовского списка («литва») Тарского города⁴. 1616 г., января 12; 1620 г., января 22.

Иванов Трофим (Трафимка), стрелец Туринского острога. 1616 г., января 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. 2 томских пеших казака Тимошки Иванова (расписан на 2 статьи?): 1) под 1638 г. имел оклад 6 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, холост; 2) участник похода Я. Тухачевского на пелымского князьца Аблегерима и чатского мурзу Тарлачку, разбитых под Чингис-городком (1640); в с.б. вел сыск в Нарыме о злоупотреблениях воеводы И. Скобельцына; имел оклад в 4 руб. 8 алт. (1643) (Служилые люди Сибири. С. 344, 345). Идентичность обоих с нашим казаком 1617 г. представляется весьма вероятной.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как конный казак из черкас, с окладом 7,25 руб. (1619), участник похода на царевича Ишима (1617) (Служилые люди Сибири. С. 344).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1612 г. по его жене Олене Яковлевой дочери, сообщившей о подготовке остяками и вогулами мятежа с походом на Пелым (Служилые люди Сибири. С. 345).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1606–1630 гг.: как конный казак литовского списка участвовал в походах на калмыков (1606, 1617) и В. Волконовского на Ямыш-озеро за солью (1608); участник похода на царевича Ишима (1617); имел оклад в 7,5 руб., 6 чети ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1626/26); в 1630 г. — десятник литовского списка (Служилые люди Сибири. С. 345).

- Иванов Федор** (Фетька), целовальник Томского города. 1621 г., ноября 21.
- Иванов Федот** (Федотка), казак Тобольского города. 1618 г., января 29.
- Иванов Филипп** (Филька — Филимон?), стрелец Пелымского города¹. 1622 г., марта 31.
- Иванов Яким** (Якимка), казак Тарского города. 1620 г., июня 15.
- Иванов Яков** (Якушка), стрелец Пелымского города². 1615 г., сентября 29; 1619 г., апреля 9; 1623 г., апреля 17.
- Игнатъев Андрей** (Ондрюшка), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.
- Игнатъев Артемий** (Ортюшка), казак Сургутского города³. 1621 г., ноября 14.
- Игнатъев Дмитрий** (Митька), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Игнатъев Дмитрий** (Митька), казак Томского города. 1621 г., декабря 23.
- Игнатъев Степан** (Степанка), казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Игнатъев Федор** (Фетька), казак Березова города⁴. 1622 г., марта 10.
- Игнатъев Фома** (Фомка), пеший казак Тобольского города⁵. 1623 г., августа 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1623 и 1630 гг. уп. одноименный казак с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 346). Вопрос его идентификации с нашим стрельцом 1622 г. открыт.

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. стрелец Якунка Иванов с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 347). Вопрос о его индетификации с нашим Якушкой И. остается открытым.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1637 г. (Служилые люди Сибири. С. 349).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. приказчик и с.б. Федор И. под 1625–1642 гг. (Служилые люди Сибири. С. 350–351). Нельзя исключить его идентификации с нашим казаком 1622 г.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624 г. уп. как отставной пеший казак во дворе на ул. от Воскресенской церкви Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 351).

- Иевлев Первой** (Первушка), стрелец Туринского острога¹. 1617 г., февраля 9.
- Измайлов Савва** (Савка), конный казак Тобольского города, приводил к шерти калмыцких тайшей Талай-тайшу, Курлю Кочокура, Байбагишу Табыная с товарищами (7131-й г.)². 1623 г., февраля 20, марта 7.
- Изотов Григорий** (Гришка), казак Тарского города³. 1621 г., апреля 9.
- Ильин Гаврила** (Гаврилка, Ганка), тобольский конный казак, мангазейский годовальщик (1620 г.)⁴. 1616 г. февраля 7; 1620 г., января 16.
- Илья**, дьякон архиепископа Киприана Тобольского города. 1623 г., декабря 31.
- Исаев Семен** (Семейка), казак Березова города. 1620 г., декабря 5; 1622 г., ноября 25.
- Исаев Терентий** (Тренька), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 и 1630 гг. с окладом 4 руб. (Служилые люди Сибири. С. 352).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1641 гг.: как конный казак ездил с посольством к калмыкам (1622); в отряде Б. Аршинского в поход на наследников царевича Ишима (1625); конвоировал ясачную и денежную казну в пересылке между Тобольском и Москвой; 1641 г. — по коллективной челобитной пеших казаков «назначен» атаманом в место умершего Ж. Архипова. (Служилые люди Сибири. С. 353).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарские 1) Г. Изохта как десятник пеших казаков (1625/26) и как рядовой казак (1630); 2) тарский пеший казак Г. Изохтин под 1624 г. (Служилые люди Сибири. С. 352). Их взаимная идентификация весьма вероятна, но нельзя исключить и идентификации их с нашим казаком Г. Изотовым 1621 г.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1639 гг.: казак «старой сотни», сподвижник Ермака, по челобитью всей сотни «назначен» атаманом на место умершего Б. Аршинского (1621); участвовал в возведении Тюмени, Тобольска, Пелыма, Тары, Томска; его сотня разбила ойратов под Тарой и сняла осаду (1635); ездил посланником к Талай-тайше, которого сопровождал в его походе на казахов («Казачью орду»), в ходе чего надерзил тайше (1636); ум. ок. 1639 г., на его место был «назначен» Остафий Антонов (Служилые люди Сибири. С. 355–356).

- Исаков Борис** (Бориска), березовский целовальник¹. 1616 г., января 12.
- Исаков Яков** (Якушка), казак Тобольского города. 1623 г., ноября 12.
- Исенгилдеев Куркай** (Куркайка), юртовской татарин Тюменского города. 1623 г., апреля 22.
- Ищейкин Иван**, певчий дьяк, послан с архиепископом Киприаном в Сибирь. 1621 г., января 18; 1622 г., марта 21.
- Кабылкин** (Кобылкин?) **Терентий** (Тренька), верхотурский толмач. 1619 г., мая 22.
- Казакон Никита** (Микитка), тобольский или березовский целовальник. 1615 г., февраля 5.
- Казанец Богдан** (Богдашка) **Кузьмин** (сын), казачий десятник (казак) Тарского города². 1619 г., апреля 11; 1623 г., января 4.
- Казанец Иван** (Ивашка), казак Енисейского острога³. 1623 г., октября 21.
- Казанец Никита** (Микитка), стрелец Туринского острога⁴. 1624 г., марта 19.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. одноименный казак с окладом 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 359). Его идентификация с целовальником 1616 г. вполне возможна, но вопрос о ней открыт.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг.: как конный казак участвовал в походе на калмыков (1608); как десятник в походе на царевича Ишима (1617); командир (десятник?) конных казаков литовского списка, с окладом 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26–1630) (Служилые люди Сибири. С. 363).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. 2 енисейских стрельца Ивана Казанца: 1) Микитин сын, переведенный из Тобольска с окладом 6 руб., 5 чети ржи, 4 чети овса (1637); 2) Михайлов сын, стрелецкий десятник в сотне атамана И. Галкина, из ссыльных, с окладом в 6 руб., 5 чети ржи, 4 чети овса (1625, 1637); участвовал в неудачной попытке разведывательного отряда пройти в Тубинскую землю (1625) (Служилые люди Сибири. С. 363).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. как участник строительства Пельымского острога, с окладом 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 364).

Кайдалов Григорий (Гришка) (**Федоров сын**), (конный) казак Томского города¹. 1623 г., октября 29.

Кайдалов Иван (Ивашка), казак Сургутского города². 1616 г., января 12.

Какаулин, см.: Кокоулин

Какондель, «ваганский князек», шертовал Михаилу Федоровичу перед тюменскими служилыми людьми. 1624 г., января 24.

Какоулин, см.: Кокоулин

Какшара (Кокшара) **Василий** (Васька), казачий десятник Верхотурского города. 1617 г., декабря 19.

Калачников, см.: Калашников

Калашников (Колачников, Калачников, Колашников) **Борис** (Бориска), (конный) казак Тарского города³. 1619 г., апреля 11.

Калашников (Колачников, Калачников, Колашников) **Влас** (Власка) (Богданов сын), атаман Тарского города⁴. 1618 г., января 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625, 1626 и 1630 гг. с окладом 7 руб., 8 алт. 2 ден., 6 чети муки, четь круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 367).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. 2 сургутских казака И.К. под 1630 г. (со ссылкой на 1 источник): 1) женатый с окладом 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; 2) холостой Павлов сын, с окладом 6 чети ржи, 2 чети овса, пуд соли (Служилые люди Сибири. С. 367). Вероятность идентификации одного из них с нашим казаком 1616 г. весьма высока, но на данный момент не разрешима.

³ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) Б. Калашников, под 1625/26 г. с окладом 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат; 2) Б. Колашников, уп. под 1608 г. как участник калмыцкого похода (Служилые люди Сибири. С. 368, 414).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) В.Б. Колашников, под 1608–1630 гг.: как конный казак, участник 2 калмыцких походов (1608, 1617); к 1630 г. сын боярский с окладом в 9,25 руб.; 2) как В. Калачников под 1615–1648 гг.: как конный казак, посланник к калмыцким тайшам (1615, 1616); как атаман ходил в поход Б. Байгачева и В. Волконовского на Сегилу-гайшу (сентябрь 1616); возглавил 2 посылки на калмыков в Барабу и на Терень (1623) и в Барабу (лето 1626); имел оклад 9,25 руб., 8 чети ржи, 2 чети круп и толокна (1625/26);

Калашников (Колачников, Калачников, Колашников) **Григорий** (Гришка) (Богданов сын), стрелецкий пятидесятник Тарского города¹. 1622 г., февраля 15.

Калуга (Колуга) **Иван** (Ивашка), стрелец Туринского острога². 1623 г., марта 23.

Капустин Василий (Васька) (**Алексеев сын**), березовский пеший казак³. 1615 г., февраля 5.

Карагула, см.: Каракула-тайша

Каракула-тайша (**Карагула-тайша**), тайша черных калмыков, шертовавший Михаилу Федоровичу перед его посланником из Томска. 1623 г., октября 17, ноября 14.

Каргапол Василий (Васька), стрелец Верхотурского города⁴. 1617 г., января 25, декабря 19; 1619 г., апреля 25.

ездл посланником к тайше Ирки Ильдену, потом участвовал в походе на калмыков . Заболоцкого, В. Дементьева и Байбакова (1631); в проезжей станице привез из Москвы 1500 самопалов (1635) (Служилые люди Сибири. С. 368, 414).

¹ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) Г. Калачников, под 1618–1648 гг.: как конный казак, участник похода на царевича Ишима (1618), с окладом 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1625/26); ездил гонцом в Ишимский осторг к Ю. Воеводскому (1631); 2) Г.Б. Колашников, под 1608 г. как конный казак, участник калмыцкого похода (Служилые люди Сибири. С. 368, 414).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) И. Калуга, как стрелец с окладом 4 руб. (1622, 1634) и как стрелецкий десятник (1641); 2) И. Колуга под 1622–1641 гг.: как стрелец с окладом 4,25 руб. (1622); как стрелецкий десятник описывал дворы и пашню по р. Нице в Ермолаевой вол. (1640) (Служилые люди Сибири. С. 370, 423).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1639 гг. как томский пеший казак, переведенный из Березова, из донских казаков: пеший казак с окладом 7 руб. 16 алт. 4 ден. (1626); десятник с окладом 7 руб. 25 алт., 6 чети с осминой муки, четь круп и толокна (1630, 1638); в 1638 г. произведен в пятидесятники, вместе с товарищами не позволил воеводе арестовать преихавших из Москвы челобитчиков; принес вести об угоне скота киргизами (1639) (Служилые люди Сибири. С. 375).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как стрелецкий десятник под 1624–1636/37 гг.: имел двор в подгородной деревне и пашню, оклад — 4 руб. 16 алт. 4 ден., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли; женат (1624) (Служилые люди Сибири. С. 378).

- Каргапол Михаил** (Мишка), мангазейский целовальник. 1622 г., декабрь 13.
- Карпов Алексей** (Олешка), казак Кузнецкого острога. 1622 г., ноября 25, декабря 4.
- Карпов Алексей** (Олешка), казак Томского города¹. 1617 г., мая 18.
- Карпов Степан**, сибирский подьячий. 1616 г., января 13.
- Карпов Яков** (Якушка), казак Тюменского города. 1616 г., января 18.
- Карташов Бажен**, атаман, сын боярский Томского города (ум. 1638)². 1615 г., ноября 29; 1617 г., октября 17.
- Качкаров** (Кочкаров) **Лев** (Левка), казак Березова города. 1621 г., ноября 18.
- Качкаров** (Кочкаров) **Моисей** (Мосейка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Кашин Дмитрий** (Митька), казак Томского города. 1622 г., января 4.
- Кашмылов** (Кошсылов, Кошмылов) **Михаил** (Михалка), казак Березова города, мангазейский годовальщик (1622 г.)³. 1613 г., декабря 29; 1617 г., декабря 19; 1622 г., ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. по той же указанной у нас статье с отсылкой на выборку Газенвинкеля (Служилые люди Сибири. С. 380).

² В справочнике Д.Я. Резуна приведена развернутая биографическая справка за 1619–1638 гг. о его службе и жизни: как кузнецкий годовальщик, участвовал в переносе на новое место Кузнецкого острога с выступлением против первого кузнецкого воеводы Т. Бобарыкина с избиением одного (1619); многократно ездил с дипломатическими миссиями (Служилые люди Сибири. С. 382). Приведенные у нас факты его ранней биографии (в т.ч. поверстание из атаманов) не учтены ни И.Е. Забелиным (соответственно, и у К.Б. Газенвинкеля), ни Д.Я. Резуном.

³ В справочнике Д.Я. Резуна этот березовский казак расписан на 2 статьи: 1) М. Кашмылов, как мангазейский годовальщик 1607 г., первым объясачил 19 тунгусов на р.Ниж.Тунгуске; 2) М. Кошмылов, как гонец из Березова на Верхотурье с московской грамотой (12.04.1608) (Служилые люди Сибири. С. 385, 451). См. о нем подробнее: *Солодкин Я.Г. Михаил Кашмылов (к ранней истории казачества «Березова города») // Материалы и исследования по истории России. Вып. 2 / Отв. Ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2017. С. 24–26.*

Каяндега, «ваганский князек», шертовал Михаилу Федоровичу перед тюменскими служилыми людьми. 1624 г., января 24.

Кизилов, см.: Кизыл

Кизыл (Кизил/Кызыл, Кизылов/Кызылов/Кизилов) **Богдан** (Богдашка) (**Афанасьев сын**), (конный) казак (литовского списка) Томского города¹. 1614, января 6; 1624 г., февраля 14.

Кизыл (Кизил/Кызыл, Кизылов/Кызылов/Кизилов) **Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1621 г., мая 31.

Кизыл (Кизил/Кызыл, Кизылов/Кызылов/Кизилов) **Пятой** (Пятунька, Пяток), конный казак Томского города, посланник к калмыцкому Карагуле-тайше (1623 г.)². 1619 г., октября 23; ноября 7; 1621 г., марта 10; 1623 г., октября 6, октября 17, ноября 25.

Кизылов, см.: Кизыл

Кипреянов (Киприанов?) **Семен** (Сенька, Семейка), конный казак Тарского города³. 1619 г., января 29; 1621 г., апреля 9.

Киприан, игумен Новгородского Спасо-Хутынского монастыря (1611–1620), 8 сентября 1620 г. хиротонисан

¹ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 3 статьи: 1) как Б.А. Кизылов уп. под 1630–1641 гг.: десятник конных казаков с окладом 8 руб. 25 алт., 7 чети муки, 0,5 осмины круп и толокна; 2) как Б.А. Кызыл, конный казак литовского списка, уп. под 1620 г. с окладом 8,25 руб., 6 чети муки, осмина круп и толокна, ездил гонцом в Енисейский острог; 3) как Б.А. Кизыс (явная ошибка прочтения выносной при публикации), томский служилый человек, поручитель казака Л. Васильева в 1635 г. (Служилые люди Сибири. С. 387, 485).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. тобольский конный казак Пятунка Кизылов под 1619–1630 гг. и томский конный казак Пятко Афанасьев сын Кызымов, почему-то прочтенный как Петр, под 1615–1629 гг. (Служилые люди Сибири. С. 387, 486). Для идентификации кого-то из них (или обоих) с нашим томским казаком П.К. требуется дополнительное исследование.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как С. Киприянов под 1625/26 г. с окладом в 7,25 руб., 6 чети ржи, 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 388).

в архиепископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан архиепископа (1620–1624), по его распоряжению были записаны рассказы последних живых ермаковцев, которые положили начало сибирскому летописанию. 1620 г., декабря 10, 30; 1622 г., февраля 9, 11; 1624 г., апреля 9.

Киприанов, см.: Кипреянов

Кириллин (Кирилин) **Осип** (Оска), казак Верхотурского города. 1617 г., февраля 23.

Кирилов Воин (Войка, Воинка), казак Тарского города¹. 1618 г., января 27; 1619 г., марта 7.

Кирилов Михаил (Михалка), стрелец Тарского города². 1624 г., мая 4.

Кирилов Мокий (Мокейка, Макушка), конный казак Тобольского города³. 1621 г., декабря 23.

Кирилов Роман (Ромашка), Тарского города. 1624 г., мая 4.

Кирилов Семен (Сенька), ямской охотник Туринского острога. 1621 г., марта 24.

Кирилов Терентий (Тренка), казак Тобольского города. 1615 г., февраля 5; 1621 г., ноября 20.

Кисель Ларион (Ларка) **Алексеев** (сын), казак Томского города. 1620 г., марта 27.

Кисель Семен (Семейка), толмач Тобольского города. 1623 г., февраля 5.

Клеунов Семен (Семейка), мангазейский целовальник. 1616 г., ноября 24.

Клементьев Некрас (Некраска), стрелецкий десятник Тюменского города⁴. 1617 г., января 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617 и 1630 гг. как рядовой казак в походе на царевича Ишима (1617) и сын боярский к 1648 г. (Служилые люди Сибири. С. 389).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624/25 и 1630 гг. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 390).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Макушка К. под 1624 г., имел двор на Устюжской ул. Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 390).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как стрелец под 1627 г., подписант войсковой челобитной против назначения И. Воинова казачьим атаманом (Служилые люди Сибири. С. 395).

Клементьев Роман (Рамашка), казак Тарского города¹.
1621 г., февраля 27.

Клементьев Федор (Фетька), казак Тарского города. 1621 г.,
апреля 9.

Клепиков Дмитрий (Митька), пеший казак Тобольского го-
рода². 1616 г. февраля 7; 1622 г., июля 18.

Клепиков Павел (Пашка), казак Сургутского города³. 1620 г.,
октября 16.

Ключевский (Клячевский/Кличевский) **Гаврила** (Гаврилка),
служилый (конный) литвин Тобольского города⁴. 1614 г.,
ноября 25; 1619 г., марта 13; 1621 г., мая 2; 1622 г., мая 3;
1624 г., марта 26.

Кобылка Семен (Семейка) **Семенов (сын)**, казак Тобольско-
го города, мангазейский годовальщик. 1623 г., декабря 31.

Кобыляков Иван (Ивашка), казак Сургутского города.
1617 г., января 21.

Кожевников Фома (Фомка), (конный) казак Томского горо-
да⁵. 1623 г., октября 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1630 гг.: как казак, при-
ез в проезжей станице из Москвы церковное строение (1621); как
стрелец с окладом в 4,25 руб., 5 чети муки, 2 чети круп и толокна
(1625); как конный казак с окладом в 7,25 руб. (1630) (Служилые
люди Сибири. С. 395).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1650–1671 гг. уп. тобольский сын
боярский Д.К., строивший тострог «за Уральским камнем» и искав-
ший руду (1671) (Служилые люди Сибири. С. 390), но его иденти-
фикация с казаком 1616–1622 гг. сомнительна.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб.,
7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 399).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1628 гг. в роте В. Ста-
нислава с окладом 12,25 руб., подписал челобитную о производстве
в ротмистры И. Черного (1628); конвоировал колодников (1626)
(Служилые люди Сибири. С. 402).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625/26 г. как конный казак,
один из основателей Томска, с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети
с осминой муки, по чети круп и толокна; у него жена и сын Степан
(Служилые люди Сибири. С. 407).

Коковка Иван (Ивашка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1620 г., января 16.

Кокорев Осип, голова татарский Томского города (ум. 1637)¹. 1622 г., ноября 23.

Кокоулин (Какоулин, Какаулин) **Бажен** (Баженка) (**Гаврилов сын**), казак Березова города (у него братья Василий и Семен?), мангазейский годовальщик (1619 г.)². 1615 г., февраля 5; 1619 г., февраля 26, марта 17; 1621 г., декабря 12; 1623 г., ноября 12.

Кокоулин (Какоулин, Какаулин) **Василий** (Васька) (**Гаврилов сын**), березовский казак, мангазейский годовальщик 1621 и 1622 гг. (у него братья Бажен и Семен)³. 1621 г., февраля 17; 1622 г., ноября 25.

Кокоулин (Какоулин, Какаулин) **Иван** (Ивашка), сибирский казак мангазейский годовальщик. 1622 г., ноября 25.

Кокоулин (Какоулин, Какаулин) **Семен** (Семейка) (**Гаврилов сын**), казак Березова города (у него братья Бажен и Василий?)⁴. 1623 г., ноября 12.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский и татарский голова под 1618–1637 гг.: вместе с казачьим головой М. Лавровым ходил ниже устья р.Кондомы строить Кузнецкий острог (1618); вместе пешими казаками Б. Карташова на годовой службе в Кузнецке (1620); строил Мелеский острог (1621); награжден за кузнецкую и калмыцкую службы (1622); сидел с тюрьме по извету (1625); к 1637 г. его оклад — 13 руб., 10 чети ржи, 7 чети овса, четь круп, четь толокна (Служилые люди Сибири. С. 411).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как казак с окладом в 5,25 руб. и в 1641 г. как атаман, ходивший в Обдорск за ясаком (Служилые люди Сибири. С. 412).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1627–1658/59 гг.: как казак с окладом в 5,25 руб. конвоировал соболиную казну из Обдорска (1627); собирал ясак в Обдорской вол., где сидели в осаде в Обдорске от остяков, взяв в аманаты трех лучших князьцов, пока отряд атамана И. Аргунова не снял осаду (1649); как сын боярский конвоировал из Тобольска в Березов казенное «вино» (1658/59) (Служилые люди Сибири. С. 412).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1628–1647 гг. с окладом в 5,25 руб.: ездил в Мангазею (1628), Якутск (1641); в Сибирском приказе записана его сказка о мангазейском морском ходе (1647) (Служилые люди Сибири. С. 412).

Кокушкин Федор (Фетька, Федька) (**Васильев сын**), березовский казак, мангазейский годовальщик¹. 1616 г., января 12; 1622 г., ноября 25.

Кокшара (Какшара?) **Василий** (Васька) (**Михайлов сын**), стрелец Верхотурского города². 1614 г., декабря 28.

Колачников, см.: Калашников

Колашников, см.: Калашников

Колмогор (Колмагор, — Холмогор?) **Богдан** (Богдашка), конный казак Тобольского города³. 1622 г., марта 24.

Колмогор (Колмагор, — Холмогор?) **Никита** (Микитка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.

Колуваров Аникий (Оничка), служилый человек литовского списка Тарского города. 1621 г., января 5.

Кольцов Иван (Ивашка), казак Березова города. 1617 г., августа 21.

Кондинский (Кандинский) **Василий**, сибирский (пелымский) князь, (пелымский сын боярский)⁴. 1621 г., февраля 20.

Кондинский (Кандинский) **Федор**, князь, служилый князь Пелымского города⁵. 1622 г., апреля 2.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1627 и 1630 гг. с окладом в 5,25 руб.: как гонец привез грамоту на Верхотурье, конвоировал жалованье из Тобольска в Тару (Служилые люди Сибири. С. 413).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1615–1633 гг. как первопоселенец дер. Кокшаровой (Служилые люди Сибири. С. 413).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как гонец на Верхотурье (1609) и вкладчик Софийского дома (1625) (Служилые люди Сибири. С. 416).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617 и 1624–1625 гг., как пелымский князь и сын боярский: вместе со своим племянником кн. Андреем Пелымским ездили в Большую Конду к вогуличам торговать и на рыбную ловлю (1624); с А. Пелымским и с И. и П. Албычевыми составил заговор против воеводы (1625) (Служилые люди Сибири. С. 427).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618 и 1625 гг., как пелымский князь: ездил в «Табары» искать землю под пашню (1618); вместе с кн. А.А. Пелымским и с И. и П. Албычевыми составил заговор против воеводы (1625) (Служилые люди Сибири. С. 427).

- Кондратьев Еремей** (Еремка), казак Туринского острога¹. 1620 г., апреля 6.
- Кондратьев Семен** (Семейка), казак Сургутского города². 1621 г., ноября 14.
- Кондратьев Семен** (Семилка), стрелецкий десятник Тюменского города³. 1623 г., января 31.
- Коновал Василий** (Васька) **Федоров (сын)**, казак Верхотурского города. 1617 г., ноября 8.
- Коновал Василий** (Васька), стрелец Верхотурского города. 1620 г., апреля 6.
- Константинов Бажен** (Баженка), казак Томского города⁴. 1614, января 6.
- Копот** (Копоть/Копоц?) **Санах**, служилый литвин Березова города. 1621 г., марта 24.
- Коптев Ананий** (Онашка), березовский служилый литвин. 1616 г., января 12.
- Копылов Дмитрий** (Митька), казак Томского города. 1621 г., мая 11, 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. одноименный стрелец; в 1639 г. основал Благовещенскую слободу (1639) на р.Сусатке в 144 верстах от Туринска по Верхотурской дороге, в 1640 г. отставлен из стрельцов и назначен приказчиком у пашенных крестьян (Служилые люди Сибири. С. 427). Для решения вопроса об идентификации с казаком 1620 г. требуется дополнительное исследование.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г., когда с 4 товарищами открыл новую землю на р.Тым и на Сымском волоке (Служилые люди Сибири. С. 428).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. с окладом в 4 руб. 16 алт. 4 ден., имел двор в остроге, у него сын Алексей (1624); подписант челобитья с.б. И. Воинова казачьим атаманом (1627) (Служилые люди Сибири. С. 428).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1615 гг.: ездил посланником к телеутскому кн. Абаку (1608); с товарищами Л. Алпатовым и И. Шокуровым ездил за ясаком в «Кузнецкую землю»; подписант коллективного челобитья о пашнях томским служилым людям (1609); как атаман ходил за ясаком в Абинскую вол., где несколько недель был осажден калмыками, но вырвался из окружения (1615) (Служилые люди Сибири. С. 429).

Коровин Степан (Степанка), казак Сургутского города.
1617 г., января 21.

Корташев, см.: Карташов

Коряков Григорий (Гриша, Гришка), казачий десятник (казак) Тобольского города, мангазейский годовальщик.
1620 г., января 16; 1623 г., ноября 12.

Котельник Михаил (Мишка), казак Тобольского города¹.
1623 г., ноября 12.

Котин Афанасий (Офонька), конный казак Тобольского города, соратник Ермака². 1623 г., августа 18.

Коткин Юрий (Юрка), целовальник Тобольского города.
1620 г., ноября 15.

Кочаев (Качаев?) **Нагай** (Нагайка), новокрещен, толмач Нарымского острога. 1616 г., февраля 4.

Кочет (Кочат) **Дмитрий** (Митька), пеший казак Тобольского города. 1621 г., мая 31.

Кочет (Кочат) **Михаил** (Мишка), (пеший) казак литовского списка (литвин) Тобольского города³. 1621 г., мая 2.

Кочет (Кочат) **Никита** (Микита), казак Тобольского города⁴.
1621 г., января 26; 1623 г., января 4.

Кочкаров, см.: Качкаров

Кочокур Курля, калмыцкий тайша, шертовал царю в 7131-м (?) г. вместе с другими тайшами перед тобольскими служилым литвином Томилой Петрвом и казаком Саввой Измайловым.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как тобольский стрелец и «котельник» (мастер по котлам?) под 1624 г. — имел двор на улице от Воскресенской церкви (Служилые люди Сибири. С. 447).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 и 1637/38 гг. (Служилые люди Сибири. С. 448) по публикации Н.И. Никитина: имел двор на Никольской ул. и деревню «вверх речки Сибирки в дубраве» (*Никитин Н.И.* Соратники Ермака... С. 70).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. как пеший казак, имел двор на Зырянской ул. Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 450).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. как сын боярский и «ушник» воеводы — один из зачинателей мятежа в Софийском соборе (Служилые люди Сибири. С. 450).

- Кошкара** (Какшара?) **Василий** (Васька), стрелец Верхотурского города. 1619 г., апреля 25.
- Кошкара** (Кошкарев?) **Василий** (Васька), стрелец Тюменского города¹. 1619 г., апреля 25.
- Кошсылов, см.: Кашмылов
- Крапива** (Кропива) **Иван** (Ивашка), пушкарь Верхотурского города². 1617 г., декабря 19.
- Красноусов Петр** (Петрушка) (Федоров сын), стрелец Тарского города³. 1617 г., декабря 19.
- Крестюков Андрей** (Ондрюшка), стрелец Пелымского города. 1618 г., марта 28.
- Кречатник Андрей** (Ондрюшка), конный казак Тобольского города. 1622 г., июля 18.
- Кропотка** (Кропоткин) **Семен** (Семейка), конная служилая «литва» Тарского города⁴. 1619 г., января 29.
- Кропоткин Семен, см.: Кропотка
- Кудабердеев Баим Ратка**, ясачный чюсовской вогулич Верхотурского уезда. 1620 г., марта 17.
- Кудаленский Панкрат** (Панка), десятник (стрелецкий?) Сургутского города. 1619 г., февраля 26.
- Кудашев (Кудашов) Елагай-мурза**, ясачный татарин Табаринской волости Пелымского города. 1616 г., декабря 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624 г. уп. конный казак В.К., имевший двор за острогом Тюмени (Служилые люди Сибири. С. 451). Нельзя исключить его идентификации с нашим стрельцом 1619 г., но вопрос этот требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624, 1630 и 1632 гг. как верхотурский стрелец И. Кропива с окладом 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 457).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг. как конный казак, участник походов на калмыков (1608, 1617); на царевича Ишима (1618); имел оклад 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1625–1630) (Служилые люди Сибири. С. 453).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1619 г. как тарский литвин С. Кропоткин (Служилые люди Сибири. С. 457).

- Кузмин Анисим** (Онисим, Онисимка), казак Березова города¹. 1619 г., февраля 26.
- Кузмин Власий** (Власка), казак Березова города. 1617 г., августа 21.
- Кузмин Захарий** (Захарка), казак Томского города. 1620 г., января 28.
- Кузмин Иван** (Ивашка), казак Тарского города. 1614 г., марта 5.
- Кузмин Иван** (Ивашка), стрелец Пелымского города. 1617 г., марта 27.
- Кузмин Калина** (Калинка), казак Сургутцкого города². 1623 г., сентября 29.
- Кузмин Лазарь** (Лазорка), стрелец Туринского острога³. 1621 г., марта 24, апреля 20, мая 2.
- Кузмин Леонтий** (Левка), казак Березова города. 1617 г., августа 21.
- Кузмин Савва**, стрелец Верхотурского города. 1620 г., апреля 6.
- Кузмин Федор** (Фетька), казак Березова города. 1621 г., ноября 18.
- Кузнец Мизга Андрей, см.: Мизга
- Кузнец** (Кузнецов?) **Осип** (Осипка), стрелец Тарского города⁴. 1620 г., января 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1653 гг. как томский пеший казак, переведенный из Березова в 1626 г. с окладом 5 чети с осминой муки, по чети круп и толокна; в 1630 г. — в десятке А. Дорохова с окладом 4,25 руб., 5 чети муки, 2 чети круп и толокна; холост (1630); 1638–1653 — женат; в проезжей станице возил войсковую челобитную в Москву (1648) (Служилые люди Сибири. С. 464).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. в ноябре 1639 г., сопровождал в Москву ясачных остяков (Служилые люди Сибири. С. 465).

³ В справочнике Д.Я. Резуна в 1652 г. уп. тарский конный казак Осип Богданов сын Кузнецов (Служилые люди Сибири. С. 465). Идентификация его с нашим стрельцом О. Кузнецом 1620 г. не исключена, но требует дополнительного исследования.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. в ноябре 1639 г., сопровождал в Москву ясачных остяков (Служилые люди Сибири. С. 470).

- Кузнецов Андрей** (Ондрюшка) **Васильев сын**, стрелец Верхотурского города. 1620 г., апреля 6; 1623 г., апреля 1; 1624 г., июня 30.
- Кулагин Дружина** (Дружинка), служилый (конный) литвин Тобольского города¹. 1620 г., апреля 13.
- Кулаков Семен** (Семейка) (**Терентьев сын**), (конный) казак Тюменского города². 1614 г., мая 8.
- Кулебака** (Кулибяка/Кулебакин?) **Авксентий** (Оксенка), сибирский казак мангазейский годовальщик. 1622 г., ноября 25.
- Куликов Григорий** (Гришка), литвин Березова города. 1624 г., января 20.
- Куницын Иван** (Ивашка), казак Тобольского города³. 1614 г., февраля 2; 1617 г., января 2, 17.
- Кунчев Утума**, ясачный служилый остяк Сургутского города. 1622 г., декабря 18.
- Курбатов Иван** (Ивашка), (пеший) казак Тюменского города⁴. 1616 г., января 18; 1621 г., марта 27; 1623 г., апреля 20.
- Курень Богдан** (Богдашка), десятник стрелецкий Пелымского города⁵. 1621 г., января 5; 1623 г., января 20; 1624 г., августа 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как конный служилый литвин (иноземец) под 1624–1652 гг.: имел двор на Пермской ул. (1624); в роте Б. Станислава с окладом 8,25 руб., 6 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1627, 1652); ездил посланником к калмыцкому койтайше с жалованьем (1638) (Служилые люди Сибири. С. 473).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 и 1630 гг. в десятке Ильина с окладом в 7 руб.; ездил посланником к (монгольскому?) Батур-контайше (1624) (Служилые люди Сибири. С. 475).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616 г. как бывший астраханский казак, член посольства к монгольскому тайше Батыру (Батур-контайша он же?) (Служилые люди Сибири. С. 477).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1663 гг. как казак с двором в остроге (1624); подписант челобитья против назначения сына боярского И. Воинова атаманом (1627); как десятник с окладом 5 руб. 8 алт. 2 ден. (1630); казак сотни И. Некрасова (1663) (Служилые люди Сибири. С. 475).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1633 г., конвоировал ссыльных из Москвы; у него сын Алексей (Служилые люди Сибири. С. 479).

Куркин Ждан (Жданка), казак Томского города¹. 1615 г., сентября 29.

Куркин Петр (Петрушка), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.

Куркин Яков (Якушка), казак Томского города. 1620 г., января 18.

Куча Ян (Янка), служилый литвин Тобольского города². 1621 г., мая 2.

Кучумов (Кучюмов) **Алтанай**, сибирский царевич. 1617 г., апреля 17.

Кызыл, см.: Кызыл

Кызылов, см.: Кызыл

Лаврентьев Гаврила, сын боярский Верхотурского города. 1617 г., ноября 8.

Лавринов Федор (Фетька), служилая «литва» Тарского города³. 1617 г., февраля 16; 1619 г., апреля 11.

Лавров Молчан, сотник стрелецкий Сургутского города. 1616 г., января 12.

Лавров Молчан, голова конных казаков Томского города. 1623 г., октября 29, декабря 23.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. конные казаки Михаил (1630, 1642) и Степан (1642–1672) Ждановы дети Куркины — дети нашего казака 1615 г.? (Служилые люди Сибири. С. 480).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1613–1619 гг.: поверстан на место литвина Семена Слонского с окладом в 12 руб., 7 чети ржи, по 6 чети круп и толокна, 2 пуда соли; служил с пашни, пока его землю не отнял П. Хмелевский; участник многих походов и по сольств: с Б. Станиславовым за солью на Ямыш-озеро (1613), вместе с томскими людьми бился с киргизами и «багасарскими людьми» (1614); с А.В. Воронцовым ходил на царевича Ишима (1618); посланником ездил к тайше Каракуле (1619) (Служилые люди Сибири. С. 484).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618–1630 гг., как участник похода на царевича Ишима (1617); десятник литовского списка с окладом в 9 руб., 7 чети ржи, 2 чети круп и толокна (1625–1630) (Служилые люди Сибири. С. 490).

- Ламанов Иван** (Ивашка), пеший казак Тарского города¹. 1613 г., декабря 29.
- Лаптев Василий** (Васька) (Яковлев сын?), целовальник Верхотурского города². 1617 г., февраля 23.
- Ларионов Андрей** (Ондрюшка), стрелец Тарского города. 1617 г., декабря 19.
- Ларионов Ефим** (Ефимка), казак Березова города. 1616 г., ноября 23.
- Ларионов Завьял** (Завьялка), казак Томского города. 1621 г., мая 11.
- Ларионов Иван** (Ивашка), казак Верхотурского города. 1623 г., апреля 22.
- Ленивцов Богдан** (Богдашка), сибирский (тобольский?) казак, мангазейский годовальщик³. 1620 г., ноября 14.
- Леонтьев (Левонтьев) Богдан** (Богдашка), тобольский (пеший) казак⁴. 1616 г., января 12.
- Леонтьев (Левонтьев) Карп** (Карпунка), казак Тюменского города⁵. 1617 г., января 2.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1602 г., как гонец привезший грамоту из Москвы о переводе С.Ю. Бутакова из Верхотурья в Тару (Служилые люди Сибири. С. 493).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1623, 1630 и 1651 гг., уп. верхотурский служилый человек Василий Яковлев сын Лаптев: имел деревню на р. Шайтанке (1623); как пушкарь имел оклад в 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли (1630); как стрелец поменялся землей с братом Степаном, крестьянином (1651); неграмотен (Служилые люди Сибири. С. 495).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1639–1666 гг. уп. тобольский пеший казак и казачий десятник Богдан Осипов сын Ленивцев-Литвин (Служилые люди Сибири. С. 500). Вопрос о его идентификации с нашим казаком 1616 г. требует дополнительного исследования.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. — имел двор за острогом под горой на лугу у р. Курдюмке (Служилые люди Сибири. С. 500).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как казак имел двор в остроге на посаде вместе с братом Исааком (1624); как десятник конных казаков подписал войсковую челобитную против назначения сына боярского И. Воинова казачьим атаманом (1627) (Служилые люди Сибири. С. 501).

- Леонтьев** (Левонтьев) **Меркурий** (Меркушка), казак Томского города. 1621 г., августа 28, сентября 14.
- Леонтьев** (Левонтьев) **Нехороший** (Нехорошка) целовальник Томского города¹. 1620 г., января 16.
- Леонтьев** (Левонтьев) **Осип** (Осипко), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Леонтьев** (Левонтьев) **Плохой** (Плохунка; Плохий?), березовский или тобольский казак. 1616 г. февраля 7.
- Леонтьев** (Левонтьев) **Поспел** (Поспелка), целовальник Нарымского острога. 1617 г., сентября 17.
- Леонтьев** (Левонтьев) **Семен** (Семейка), пеший казак Тобольского города². 1622 г., января 13, ноября 25.
- Лисицын Михаил** (Мишка), стрелец Верхотурского города³. 1623 г., апреля 1.
- Лихачев Иван** (Ивашка) (Иванов сын), казак Березова города, у него сын Алексей⁴. 1616 г. марта 29; 1622 г., января 20; 1623 г., августа 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как подьячий Томской приказной избы (1634); в 1647 г. отставлен по слепоте, на его место верстан казак В. Бубенный (Служилые люди Сибири. С. 501).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. как «тобольский служилый» — записана его сказка о малых озерах под Тобольском, отошедших под рыбные ловы Софийского дома (Служилые люди Сибири. С. 502).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1629–1630 гг., служил с пашни с додачей по 3,5 чети и четвериком ржи, 3 чети овса; сопровождал до Тобольска сосланных в службу; холост (Служилые люди Сибири. С. 504).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1632 гг.: как казак сидел в осаде от остяков (1608); в проезжей станице отвозил из Москвы в Тобольск в Софийский собор колокол (1622); в 1624–1630 гг. — сын боярский с окладом в 8 руб.; 1632 г. — как казак бил челом в Сибирском приказе о поверстании его сына Алексея «в место» С. Струшинского (Служилые люди Сибири. С. 507–508). См. об этом подробнее: *Солодкин Я.Г.* Два березовских казака (из ранней истории гранизона первого русского города Нижнего Приобья) // *Материалы и исследования по истории России. Вып. 2 / Отв. Ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2017. С. 21–23.*

- Лихвинец Иван** (Ивашка), служилая «литва» Тарского города. 1619 г., апреля 11.
- Логинов Терентий** (Тренька), стрелец Тюменского города. 1614 г., мая 11.
- Локчаков Югра**, остяцкий «князек», ясачный служилый человек Сургутского города. 1622 г., декабря 18.
- Лопаткин Федор** (Фетька) (Юрьев сын), казак (литовского списка) Березова города¹. 1615 г., января 22; 1622 г., ноября 25.
- Лопухин** (Лапухин) **Никифор** (Микифорка) (Андреев сын), казак Березова города². 1616 г., ноября 23; 1621 г., ноября 18.
- Луженин Иван** (Ивашка), стрелец Туринского острога. 1622 г., апреля 5.
- Лука**, сибирский дьякон. 1623 г., сентября 5.
- Лукьянов Иван** (Ивашка), казак Тобольского или Березова города. 1616 г. февраля 7; 1617 г., декабря 19.
- Лукьянов Поздей** (Поздейка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Лукьянов Томило** (Томилка), казак Березова города. 1615 г., февраля 5; 1619 г., марта 31.
- Лутовинин Василий**, сын боярский Тобольского города. 1624 г., марта 26.
- Лучников Иван** (Ивашка), стрелец Пелымского города. 1624 г., марта 19.
- Лызлов Афанасий** (Офоня, Офонька), стрелец (1614 г.), стрелецкий десятник (1619 г.) Сургутского города. 1614 г., февраля 12; 1619 г., февраля 26.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1630 гг. с окладом в 5,25 руб.; участник скандального обеда у воеводы Ф. Козловского с игуменом Тарасием и попом Василием (Служилые люди Сибири. С. 513).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 513).

- Ляхов Вахромей**, сын боярский Тобольского города. 1621 г., ноября 21.
- Майков Максим** (Максимка), казак Березова города¹. 1622 г., марта 10.
- Макеев** (Мокеев) **Василий** (Васька), пеший казак Тобольского города, годовальщик в Мангазее (1617 г.)². 1615 г., февраля 5; 1617 г., декабря 19; 1623 г., августа 18.
- Макеев** (Мокеев) **Меньшой** (Меньшичка), казак Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Макеев** (Мокеев) **Меньшой** (Меньшинка), стрелец Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.
- Максимов Иван** (Ивашка), архиепископа Кипреяна сын боярский Тобольского города. 1622 г., января 13, ноября 16.
- Максимов Тугарин** (Тугаринка), (конный) казак литовского списка (литвин) Тобольского города³. 1624 г., августа 4.
- Максимов Федор** (Фетька), (конный) казак Томского города⁴. 1623 г., октября 29.
- Малой** (Малово) **Яков** (Якушка), мангазейской целовальник. 1621 г., декабря 1.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 523).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1641 гг.: доставил в Сибирский привказ отписку о мангазейском морском ходе (1623); владел землей на р. Тальменке по Иртышу (1636); в 1638–1641 г. был на службе на р. Лене и с вестями поехал в Москву (Служилые люди Сибири. С. 578).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1627 г. с окладом в 7,25 руб.; служил в роте В. Станиславова, подписал коллективное челобитье о производстве в ротмистры И. Черного (1628); повез в Москву коллективное челобитье и послужной список «опального» атамана В. Алексеева (Служилые люди Сибири. С. 526).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1642 гг., служил с пашни и с окладом в 7,25 руб., 6 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 526).

Малышев Безчастный (Бесчастной), голова татарский Тюменского города¹. 1614 г., января 28.

Мальгин (Малгин) **Терентий** (Терешка), Верхотурского города. 1618 г., марта 11.

Мальцов (Мальцев) **Ждан** (Жданка), служилый человек Тюменского города². 1618 г., марта 4.

Мальцов (Мальцев) **Иван** (Ивашка) (**Иванов сын**), (пеший) казак Тюменского города³. 1622 г., апреля 11.

Мальцов (Мальцев) **Неудача**, сын боярский Верхотурского города. 1618 г., марта 11.

Мамеев Иван (Ивашка), конный казак литовского списка (литвин) Тобольского города⁴. 1615 г., августа 26; 1621 г., мая 2, 31.

Марков Григорий (Гриша), стрелецкий десятник Туринского острога⁵. 1617 г., января 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1649 гг. — в челобитной 1649 г. он указал 65 лет службы в Сибири: участвовал во взятии царевича Алея (внука Кучума) и конвоировал его в Москву (1608); участвовал в походе корпуса М.В. Скопина-Шуйского из Новгорода на деблокаду Москвы (1609–1610); сражался под Москвой в составе 1-го Ополчения, у Кремля раненым попал в плен и был выменен на 3 литвинов (1611); за службы послан в Тюмень татарским головой (1616/17), в 1622 г. ему на смену из Москвы прислан И. Шипилов, а он произведен в сотники пеших стрельцов с окладом в 8 руб., в каковом чине служил по 1648 г.; имел двор на посаде (1624); участвовал в посылке на Ямыш-озеро (1626/27) (Служилые люди Сибири. С. 531).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. с окладом в 7 руб., у него двор в остроге на посаде (Служилые люди Сибири. С. 531).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623/24 и 1630 гг. в десятке А.Сергеева с окладом в 4 руб. 8 алт. 2 ден., имел двор в остроге и полку в гостином ряду; основал починок на р. Кармаке (Служилые люди Сибири. С. 531–532).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1644 г. как посланец к «князьцу» белых калмыков Абдулаю-тайше (Служилые люди Сибири. С. 532).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г., как стрелецкий пятидесятник с окладом в 4,5 руб. (Служилые люди Сибири. С. 535).

- Марков Федор** (Фетька), (конный) казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1617 и 1620 гг.)¹. 1617 г., декабря 19; 1620 г., ноября 14.
- Мартемьянов Дружина** (Дружинка), ямской охотник Тюменского города. 1618 г., февраля 22.
- Мартьянов (Мартемьянов ?) Анисим** (Онисимка), казак Сургутского города². 1617 г., января 21; 1621 г., ноября 14. Масалитин, см.: Мосалитин
- Маслов Семен** (Семейка) (**Софонов сын**), стрелец Тарского города³. 1617 г., февраля 16.
- Матвеев Арист** (Аристка), целовальник Сургутского города, кетский годовальщик. 1617 г., октября 17.
- Матвеев Артемий** (Ортюшка), казак Томского города. 1620 г., января 18.
- Матвеев Афанасий** (Офонька), пеший казак Тарского города⁴. 1616 г., января 12; 1620 г., января 22.
- Матвеев Василий** (Васька), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Матвеев Второй** (Фторышка), «иконник» (иконописец), который был «в Сибири в Тобольском городе с архиепископом с Кипреяном для иконново дела». 1623 г., марта 20.
- Матвеев Гордей** (Гордеюшка), сибирский пеший казак⁵. 1616 г., января 12.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г., как тобольский конный казак (Служилые люди Сибири. С. 536).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как сургутский пушкар с окладом 5,25 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 540).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1630 гг. с окладом в 4,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; участник калмыцкого похода 1617 г.; (Служилые люди Сибири. С. 542).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617 и 1626 гг. с окладом в 4,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат; участник калмыцкого похода 1617 г. (Служилые люди Сибири. С. 543).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1630 гг., как стрелецкий десятник с окладом в 4,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1626–1630); участник калмыцкого похода 1617 г. (Служилые люди Сибири. С. 543).

- Матвеев Завьял** (Завьялка), стрелец Верхотурского города¹.
1621 г., сентября 25.
- Матвеев Кузьма** (Куземка), стрелец Пелымского города².
1623 г., апреля 17.
- Матвеев Логгин** (Логинка), стрелец Пелымского города³.
1621 г., февраля 20; 1622 г., марта 31.
- Матвеев Приезжий**, сын боярский архиепископа Киприана
Тобольского города. 1623 г., декабря 31.
- Матвей**, протодьякон сибирского и тобольского архиепи-
скопа Киприана Тобольского города соборной церкви
Софии, Премудрости Божьей. 1622 г., января 20; 1624 г.,
мая 22
- Матурин** (Мутурин) **Василий** (Васька), стрелец Тобольского
города⁴. 1615 г., февраля 3.
- Машинский Мартын** (Мартынка), стрелец Тарского города⁵.
1619 г., января 29.
- Мезенец (Мезень) Яков** (Якушка) **Федоров сын**, казак Сур-
гутского города, кетский годовальщик⁶. 1619 г., января 29;
1623 г., октября 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г., как Завьянка М., вер-
хотурский служилый человек, основал починок (Служилые люди
Сибири. С. 544).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г., уп. одноименный пелым-
ский казак литовского списка с окладом в 5 руб. (Служилые люди
Сибири. С. 536). Его идентификация с нашим стрельцом 1623 г. тре-
бует дополнительного исследования.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 и 1630 гг. с окладом
4,25 руб.; привез церковное строение для Преображенской церкви
в новопостроенной Табаринской слободе (1621); вместе с Я. Хрипуно-
вым искал серебряную руду (1630) (Служилые люди Сибири. С. 544).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как тобольский казак под
1610 г. — отвозил в Пелым оснастку для соляной варницы (Служи-
лые люди Сибири. С. 546).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1630 гг., как тарский
конный казак с окладом в 7,25 руб., 5 чети ржи, 2 чети круп и толок-
на; женат (Служилые люди Сибири. С. 547).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб., 7 чети
ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 549).

Мезень Яков, см.: Мезенец

Мелещенок (Мелешонков, Мелешонок, Мелещенков) **Тимофей** (Тимошка), служилый литвин Томского города (березовский Т. Мелешонок он же?)¹. 1621 г., ноября 21.

Мелешонков (Мелещенок) **Тимофей** (Тимошка), березовский служилый литвин (томский Т. Мелещенок он же?). 1616 г., января 12.

Мещеряк, см.: Мещеряков

Мещеряков (**Мещеряк**) **Василий** (Васька) (Якимов сын), казак Березова города². 1620 г., марта 12; 1622 г., ноября 25.

Мизга Кузнец Андрей (Ондрюшка), казак Верхотурского города. 1621 г., марта 22.

Микин Терентий (Тренька), казак Тобольского города. 1620 г., ноября 15.

Микифоров, см.: Никифоров

Минев (Минаев?) **Томила** (Томилка), казак, стрелец Тарского города³. 1616 г., мая 3; 1619 г., января 29.

Минин Первой (Первушка), казак Тобольского города⁴. 1619 г., июня 4.

Мисюрев Сергей, певчий дьяк, послан с архиепископом Киприаном в Сибирь. 1621 г., января 18.

Митрофанов Григорий (Гришка), стрелец Туринского острога⁵. 1623 г., марта 23.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1630 гг., как десятник конной «литвы» с окладом в 7 руб. 25 алт., 7 чети муки, четь круп и толокна; вместе с О. Харламовым гнался за «кузнецами беглецами» (1628) (Служилые люди Сибири. С. 551).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г., как березовский казак, «родом з Дона», с окладом 6,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 557).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 г. с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 566).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г., как отставной казак во дворе на Воскресенской улице Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 566).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1630 гг. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 567).

Митрофанов Ермак (Ермачка — Еремей?), конный казак Тюменского города¹. 1623 г., марта 7.

Михаил, поп архиепископа Киприана Тобольского города. 1623 г., декабря 31.

Михайлов Андрей (Ондрюшка), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.

Михайлов Ермак (Ермачка — Ермолай), казак Тарского города (стрелец он же?)². 1618 г., апреля 30.

Михайлов Ермак (Ермачка, Ермолка — Ермолай), стрелецкий десятник Тарского города (казак он же?)³. 1613 г., декабря 29; 1619 г., июня 22.

Михайлов Ждан (Жданка), казак Березова города. 1616 г., ноября 23; 1619 г., декабря 28.

Михайлов Иван (Ивашка), казак Тобольского города⁴. 1617 г., января 15; 1620 г., февраля 5.

Михайлов Иван (Ивашка), служилый человек Тюменского города⁵. 1618 г., марта 4.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. в десятке М. Власова с окладом в 7 руб. (Служилые люди Сибири. С. 568).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарские пушкари Ермак М. под 1626–1630 гг. с окладом в 5 чети ржи, 2 чети овса; и Ерейка (Еремей) М. под 1626 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 570). Вопрос об идентификации одного из них или обоих с нашим казаком 1618 г. остается открытым.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарские пушкари Ермак М. под 1626–1630 гг. и Ерейка (Еремей) М. под 1626 г. (Служилые люди Сибири. С. 570). Вопрос об идентификации одного из них или обоих с нашим стрельцом 1613–1619 гг. остается открытым.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. 2 тобольских конных казака И.М.: 1) под 1635–1643 гг. — ходил с обозами через Тотьму и в Мангазею, зимовал в Обдорске, бился с остяками (самоедами); 2) под 1641 г. — казак литовского списка в посылке на р. Лене (Служилые люди Сибири. С. 571). Вопрос об идентификации одного из них или обоих с нашим казаком 1617–1620 гг. требует дополнительного исследования.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. одноименный тюменский пеший казак под 1630 г. с окладом в 4 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 570). Вопрос о его идентификации с нашим служилым 1618 г. требует дополнительного исследования.

Михайлов Исай (Исачка), сибирский служилый человек Тобольского или Березова города на годовой службе в Мангазее в декабре 1617 г. или мангазейский стрелец¹. 1617 г., декабря 19.

Михайлов Меньшой (Меньшинка, Меньшичка), стрелец Тобольского города². 1618 г., марта 2.

Михайлов Меркурий (Меркушка), конный казак литовского списка Тарского города³. 1621 г., февраля 9.

Михайлов Петр (Петрушка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.

Михайлов Савва, атаман Верхотурского города (стрелецкий сотник он же?). 1617 г., февраля 23; 1620 г., апреля 6.

Михайлов Савва, сотник стрелецкий Верхотурского города (казачий атаман он же?)⁴. 1617 г., ноября 8.

Михайлов Сергей (Серешка), березовский казак. 1616 г., марта 6.

Михайлов Сума, стрелец, потом — десятник стрелецкий Тарского города. 1617 г., апреля 3; 1621 г., февраля 9.

Михайлов Терентий (Тренька), стрелец Тарского города (конный казак он же?). 1619 г., июня 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. одноименный тобольский конный казак под 1624 г. во дворе на Новой улице напротив острога (Служилые люди Сибири. С. 571). Вопрос о его идентификации с нашим служилым 1617 г. требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г., как стрелец, держал торговую полку на городской площади Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 572).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как участник похода на царевича Ишима 1617 г.; в 1626–1630 гг. имел оклад в 7,25 руб., 6 чети с осминой муки, по 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 572).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620, 1628 и 1630 гг., как стрелецкий сотник и литвин с окладом 15 руб. 20 алт., 13 чети ржи, 4 чети овса, 4 пуда соли; неоднократно конвоировал обозы с казной; женат (Служилые люди Сибири. С. 573).

Михайлов Терентий (Терешка), стрелец Пелымского города¹. 1622 г., января 20.

Михайлов Терентий (Тренька), конный казак Тарского города (стрелец он же?)². 1623 г., марта 31.

Модов Андрей (Ондрюшка), казак Томского города. 1620 г., мая 26.

Модов Гаврила (Гаврилка), конный казак Томского города. 1620 г., марта 16.

Моисеев Василий (Васька), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.

Моисеев (Мосеев) Иван (Ивашка), казак Березова города. 1619 г., февраля 4.

Моисеев (Мосеев) Петр (Петрушка), (конный) казак Томского города³. 1623 г., октября 29.

Мокеев, см.: Макеев

Мокринский Богдан (Богдашка), казак Тобольского города⁴. 1623 г., января 4.

Мокринский Иван, служилый человек Березова города⁵. 1621 г., ноября 18.

Мокшеев (Мокшиев — Макшеев?) **Малафей**, сын боярский Тарского города⁶. 1614 г., декабря 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г., как стрелецкий десятник с окладом в 5,5 руб. (1630); вместе с сыном боярским П. Албычевым ходил в тунгусскую посулку (Служилые люди Сибири. С. 574).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) под 1630 г. с окладом 7,5 руб.; 2) под 1625–1647 г. с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 574).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как П. Мосеев под 1626–1634 г. с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети с осминой муки, по чети круп и толокна, женат (Служилые люди Сибири. С. 587).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1627–1628 г. (Служилые люди Сибири. С. 579).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как атаман под 1610 г. — возил железо с Великого Устюга на Верхотурье; в 1627 г., как сын боярский, вместе с В. Кокоулиным был приказчиком на Обдоре (Служилые люди Сибири. С. 580).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как стрелецкий сотник М. Макшиев под 1629 г. — конвоировал в Москву ясачные меха (Служилые люди Сибири. С. 580).

- Молчанов Степан**, казачий атаман Томского города. 1622 г., января 5.
- Монастырщина Терентий** (Тренька), казак Тобольского города. 1618 г., марта 2.
- Морж Григорий** (Гриша) (**Родионов сын**), казак, казачий десятник Сургутского города¹. 1616 г., января 12; 1621 г., ноября 14.
- Мосалитин** (Масалитин?) **Алексей** (Олешка), толмач Тарского города. 1618 г., января 9; 1620 г., июня 15.
- Мосеев, см.: Моисеев
- Москин Иван** (Ивашка), тобольский или березовский казак². 1621 г., декабря 12.
- Мунжеляк**, ясачный служилый остяк Сургутского города. 1623 г., февраля 25.
- Муравский** (Муравской) **Войтех**, березовский служилый литвин³. 1616 г. февраля 7.
- Мурзин Петр** (Петрушка), сибирский служилый человек Тобольского или Березова города, мангазейский годовальщик (1617 г.) или мангазейский стрелец. 1617 г., декабря 19.
- Муромец** (Муромцев?) **Постник**, пеший казак, десятник (пеших казаков?) Тобольского города (у него сын Бурнаш?). 1615 г., февраля 3; 1619 г., января 29.
- Мутурин, см.: Матурин

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1599 г. как казак, гонец с грамотой в Верхотурье и в 1630 г. как стрелецкий десятник с окладом: 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 585).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп.: тобольский казачий пятидесятник Иван Гаврилов сын Москва (1655–1656); березовский казак Иван Москвитин (1607) и землепроходец казак, десятник, атаман пеших казаков Иван Юрьев сын Москвитин (1626–1648) (Служилые люди Сибири. С. 588–589). Вопрос об идентификации кого-то из них с нашим казаком И. Москвиным требует дополнительного исследования.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1599 г., как ссыльный в службу в Верхотурье, а оттуда — в Березов (Служилые люди Сибири. С. 591).

- Мухин Иван** (Ивашка) (**Герасимов сын**), пеший казак Томского города¹. 1623 г., декабря 14.
- Назарьев Богдан** (Богдашка), пашенный крестьянин Пелымского города. 1619 г., января 29; 1622 г., апреля 2.
- Наумов Максим** (Максимка), казак Тарского города. 1621 г., апреля 9.
- Неверов Иван** (Ивашка), сибирский стрелец. 1621 г., февраля 20.
- Недомолков** (Недомолвин) **Иван** (Ивашка) (**Никитин сын**), (пеший) казак Томского города². 1617 г., октября 17.
- Немчин Роман** (Ромашка) (**Матвеев сын**), служилый человек Сургутского города³. 1622 г., ноября 25.
- Ненкулуев** (Ненкулаев?) **Юрий** (Юшка), новокрещен Тобольского города. 1617 г., мая 20.
- Неронов Андрей** (Ондрюшка), казак Сургутского города. 1623 г., сентября 29.
- Нестеров Фома** (Фомка), березовский или тобольский казак. 1616 г. февраля 7.
- Нестольцев** (Нестульцев, Нестульцов, Нестольцов) **Иван** (Ивашка), казак Березова города⁴. 1619 г., декабря 28; 1623 г., сентября 16.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1630 гг. с окладом в 4 руб., 5 чети с осминой муки, 2 чети круп и толокна; женат; в 1630 г. переведен в Кузнецкий острог (Служилые люди Сибири. С. 595).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как И.Н. Недомолвин под 1615–1620/21 гг.: участвовал в походе И. Пушкина в Кузнецкую землю на Абинский улус, потом — в Сарачерский улус на калмыков (1615); в походе за Енисей в отряде А.И. Руговицина подчинили и объясачили Буклинскую волость (1616–1617); один из лидеров выступления против воеводы при возведении Кузнецкого острога на новом месте (1620); собирал ясак в Санжильских юртах (1620/21) (Служилые люди Сибири. С. 605).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г., как стрелецкий десятник с окладом 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, женат (Служилые люди Сибири. С. 610).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1606 г., как березовский служилый И. Нестульцев, обдорский годовальщик, арестовал и выслал в Березов 5 торговых пустозерцев (Служилые люди Сибири. С. 614).

Неустроев Семен (Семейка), (конный) казак Тобольского города¹. 1621 г., января 18.

Нефедьев Богдан (Богдашка), стрелец Верхотурского города². 1622 г., марта 30.

Нефедьев Панкратий (Панкратка), казак Верхотурского города. 1621 г., марта 22.

Нефедьев Тарас (Тараска), стрелец Тобольского города. 1615 г., февраля 3.

Нефедьев Харитон (Харка), десятник служилых людей «литовского списку» Тарского города³. 1619 г., июня 22; 1622 г., января 13.

Низальцев, см.: Низовцев

Низовцев (Низавцов, Низальцов) **Данила**, татарский голова Тобольского города⁴. 1615 г., августа 26; 1617 г., мая 20; 1622 г., марта 28.

Никитин (Микитин) **Алексей** (Олешка), стрелец Верхотурского города⁵. 1619 г., апреля 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616–1648 гг.: привез в Москву отписку воеводы о мангазейском морском ходе (1616); с сургутским казаком Д. Городчиковым ходил разведывать пути «в тунгусы» (1617); ходил с посольством к калмыкам (1641); сопровождал в Москву послов контайши (1648) (Служилые люди Сибири. С. 615–616).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как верхотурский пушкарь в Невьянской слободе, ум. в 1657/58 г. (Служилые люди Сибири. С. 616).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1636 гг.: как казак «литовского списка» (1622), с окладом в 7,5 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна, женат (1626, 1636); (Служилые люди Сибири. С. 616–617).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский под 1622–1630 гг.: допрашиван в Москве по делу о целовании при христосовании воеводы кн. Ю.Я. Сулешева не в губы, а в руку (1625); 28.05.1628 сменил Бабарыкина на заставе на волоке меж рек Мутная и Зеленая («все тундра, лесу нету»), сторожившей «немецких людей» (1628–1629); имел оклад в 15 руб. (1630) (Служилые люди Сибири. С. 618).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) как А. Микитин, под 1630 г. с окладом в 4 руб. 8 алт. 2 ден., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, женат; 2) как А. Никитин, под 1605–1607 гг. — в 1607 в отряде С. Устюжанина и Ф. Бархатова ходил в Туринск на усиление по калмыцким вестям (1626, 1636) (Служилые люди Сибири. С. 558, 618).

Никитин (Микитин) **Дружина** (Дружинка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.

Никитин **Ждан** (Жданка), десятник (стрелецкий?) Сургутского города. 1619 г., февраля 26.

Никитин (Микитин) **Иван** (Ивашка), казак Тарского города¹. 1614 г., марта 5; 1622 г., мая 21.

Никитин (Микитин) **Федор** (Фетька), стрелец Верхотурского города. 1617 г., ноября 8.

Никитин (Микитин) **Харитон** (Харка), казак Сургутского города². 1620 г., января 16.

Никитин (Микитин) **Чудин** (Чюдинка), стрелец Верхотурского города³. 1619 г., мая 7; 1622 г., марта 30.

Никифоров (Микифоров) **Андрей** (Ондрюшка), березовский казак⁴. 1621 г., ноября 21.

Никифоров (Микифоров) **Антип** (Онтипка), березовский казак⁵. 1616 г., января 12.

Никифоров **Давыд** (Давыдка), служилая «литва» Тарского города⁶. 1614 г., марта 5.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1652 г. уп. тарский стрелец И. Микитин (Служилые люди Сибири. С. 559). Для идентификации с нашим казаком 1614–1622 гг. требуется дополнительное исследование.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Х. Микитин под 1630 г., с окладом в 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли, женат (Служилые люди Сибири. С. 562).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Х. Микитин под 1610 г. — в проезжей станице провез в Москву ясачную казну (Служилые люди Сибири. С. 562).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как участник обороны Березова от остяков (1607) и как гонец в Москву с войсковой челобитной (1608) (Служилые люди Сибири. С. 620).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как А. Микифоров под 1630 г., с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 562).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как служилый литвин, но распisan на 2 статьи: 1) как Д. Микифоров, под 1608 г., как участник калмыцкого похода; 2) как Д. Никифоров, под 1614 г. — конвоировал из Верхотурья жалованье тарским людям за калмыцкую службу (Служилые люди Сибири. С. 563, 620).

- Никифоров** (Микифоров) **Дружина** (Дружинка), стрелец Пелымского города¹. 1620 г., марта 28; 1624 г., марта 19.
- Никифоров** (Микифоров) **Зиновий** (Зиновка), стрелец Верхотурского города². 1622 г., августа 9.
- Никифоров** (Микифоров) **Иван** (Ивашка), казак Березова города³. 1614 г., февраля 12; 1616 г., ноября 23; 1621 г., ноября 18.
- Никифоров** (Микифоров) **Кузьма** (Куземка), стрелец Пелымского города⁴. 1623 г., апреля 17.
- Никифоров** (Микифоров) **Семен**, дьяк сибирского архиепископа. 1622 г., марта 23.
- Никифоров** (Микифоров) **Томила** (Томилка), казак Тюменского города⁵. 1623 г., апреля 20.
- Никифоров** (Микифоров) **Яков** (Якушка), казак Березова города⁶. 1616 г., ноября 23.
- Никонов Бурнаш** (Бурнашка), казак, десятник конных казаков Томского города. 1617 г., января 18; 1620 г., января 18; 1623 г., октября 29; 1624 г., февраля 28.
- Нифантьев Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1619 г., декабря 26.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г., как гонец с отпиской из Тобольска в Пелым (Служилые люди Сибири. С. 620).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) как Зенонко Микифоров под 1630 г., с пашни и с окладом в 4 руб. 8 алт., 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса, 2 пуда соли; 2) как Зиновий Никифоров под 1623 г. — купил землю и рыбные ловы по р. Леле у вогулича и ямщика (10 руб.) (Служилые люди Сибири. С. 563, 620).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как И. Микифоров под 1642/43 г. — привез в Москву «обыскную» книгу Печерской заставы (Служилые люди Сибири. С. 563).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как К. Микифоров под 1630 г. — переведен из Пелыма в Тобольск, с окладом в 4,25 руб., а на его место прибран Л. Ортемьев (Служилые люди Сибири. С. 563).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Т. Микифоров: конный казак во дворе на посаде Тюмени (1624) и десятник с окладом в 7 руб. 16 алт. 4 ден. (Служилые люди Сибири. С. 564).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Якушка Микифоров под 1630 г., с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 564).

- Новокрещен Лунка** (Лука?), казак Томского города¹. 1617 г., мая 17.
- Новокрещен Лунка** (Лука?), толмач Тарского города. 1617 г., мая 18.
- Новоселов Ян** (Янка), казак Березова города². 1622 г., ноября 25.
- Оболнянинов (Обольнянинов) Герасим (Аввакумов сын)**, сын боярский Тобольского города³. 1619 г., марта 14.
- Оболтин Семен** (Семейка), березовский казак. 1621 г., декабря 12.
- Обросимов (Абросимов?) Абрам** (Обрамка), конный казак Томского города⁴. 1623 г., октября 6.
- Обросимов (Абросимов) Байдана** (Бойданка или Богданка/Богдан?), ямской охотник Тюменского города. 1622 г., января 28.
- Обросимов (Абросимов) Василий** (Васька), казак Томского города⁵. 1617 г., мая 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1629 г. уп. сын боярский Лука Новокрещен — в посылке из Томска в Чатскую вол. (Служилые люди Сибири. С. 624). Его идентификация с нашим казаком Лункой 1617 г. требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 г. уп. березовский казак Якунка Новоселов с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 625). Его идентификация с нашим казаком Яном 1616 г. требует дополнительного исследования.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1634/35 гг.: в 1623 принес вести с заставы Шанталыка о переходе калмыками р.Ишим; имел двор на Устюжской у. Тобольска (1624); имел оклад в 15 руб. (1630); послан в Мангазею для предварительного следствия по «смуте» в результате конфликта между воеводами А. Палицыным и О. Кокоревым; ум. в 1634/35 г. (Служилые люди Сибири. С. 631).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1630 гг. с в окладом в 7,25 руб., 6 чети муки, по чети круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 631).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. по той же указанной у нас статье с отсылкой на выборку Газенвинкеля (Служилые люди Сибири. С. 631).

Обросимов (Абросимов?) **Самсон** (Самсонка), пеший казак
Тарского города¹. 1618 г., апреля 30.

Овдокимов, см.: Евдокимов

Оверкиев, см.: Аверкиев

Олександров, см.: Александров

Олферьев, см.: Алферьев

Олфимов (Алфимов — Ефимов?) **Герасим** (Гарасимка), казак
Томского города. 1617 г., января 18.

Олфимов (Алфимов — Ефимов?) **Ждан** (Жданка), пеший
казак (литовского списка?) Тобольского города². 1623 г.,
августа 18.

Омельянов, см.: Емельянов

Ондреев, см.: Андреев

Онофреев, см.: Онофриев

Онофриев (Онофреев, Анофреев) **Артемий** (Ортюшка),
казак Тобольского города, мангазейский годовальщик³.
1620 г., января 16.

Онофриев (Анофреев) **Харитон** (Харка), стрелец Туринско-
го острога. 1621 г., февраля 22.

Онцыфоров (Анцыферов, Онцыферов — Анцифоров?) **Ва-
силий** (Васька), стрелец Туринского острога⁴. 1617 г., ян-
варя 17; 1621 г., февраля 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1630 гг.: 1626 — пеший казак (оклад 5 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна), 1630 — казачий десятник (оклад 5 руб. без чети). (Служилые люди Сибири. С. 632).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1634–1642 гг. уп. тобольский служилый литвин Ж. Еуфимьев с окладом в 10 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 290). Его идентификация с нашим казаком Ж. Алфимовым 1623 г. требует дополнительного исследования.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тобольский стрелец Ортюшка Онофреев под 1623–1624 гг. как гонец в Мангазее, имевший двор на Устюжской ул. Тобольска (он же?). — Служилые люди Сибири. С. 639.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Анцыферов под 1622 и 1630 гг.: посылался в Енисейский острог с жалованьем 2 руб. 4 алт. (1622); имел оклад 4 руб. (1630). — Служилые люди Сибири. С. 38.

- Орефьев** (Арефьев?) **Меньшой** (Меншичка), конный казак Березова города¹. 1623 г., сентября 16.
- Оржаник** (Аржаник/Ржаник?) **Григорий** (Гришка), стрелец Туринского острога. 1616 г., января 18.
- Орлик** (**Орлин**) **Дементий** (Демка), казак Томского города². 1615 г., ноября 29; 1621 г., ноября 17.
- Оршинский, см.: Аршинский
- Осеев Степан** (Степанка), стрелец Туринского острога³. 1623 г., января 4.
- Осипов Иван** (Ивашка), стрелец Тюменского города⁴. 1619 г., апреля 25.
- Осипов Иван**, протопоп Тобольского города соборной церкви Софии, Премудрости Божьей. 1621 г., января 19; 1622 г., января 20, февраля 11.
- Осипов Иван** (Ивашка), стрелец Пелымского города⁵. 1623 г., апреля 17.
- Осипов Никита** (Микитка), новокрещен (казак?) Нарымского острога. 1617 г., сентября 17.
- Осипов Парус** (?) (Паруска — Парамон?), служилый новокрещен Сургутского города, кетский годовальщик. 1622 г., ноября 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г.: «родом с Дона», с окладом 6,25 руб. — Служилые люди Сибири. С. 641.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1635 гг. как десятник конных казаков с окладом 7 руб. 25 алт., 6 чети с осминой муки, по чети круп и толокна (1626, 1630); получал деготь для мельницы (1630), продавал мясо, пушнину и калачи (1625, 1630); участник коллективного челобитья о даче из казны панцырей служилым людям. — Служилые люди Сибири. С. 641.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1635 гг. с жалованием в Москве — 2 руб. 4 алт., и додачей в Туринске 2 руб. 4 алт. — Служилые люди Сибири. С. 642.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. одноименный тюменский конный казак под 1624–1641 гг., который имел двор «в остроге на посаде» (1624), служил «по литовскому списку» (1630). Вопрос о его идентификации с нашим стрельцом 1619 г. пока остается открытым. — Служилые люди Сибири. С. 644.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4,25 руб. — Служилые люди Сибири. С. 643.

Остафьев, см.: Астафьев

Павлов Игнатий (Игнашка), казак или стрелец Тобольского города. 1619 г., июня 4.

Павлов Макар (Мокарка), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.

Павлов Митрофан (Митрошка), казак Кетского острога. 1619 г., февраля 26.

Павлов Семен (Сенька), казак Березова города. 1617 г., декабря 16.

Павлов Федор (Фетька), казак Нарымского острога¹. 1619 г., февраля 26; 1621 г., февраля 26.

Панкратьев Гаврила (Гаврилка), стрелец Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.

Панкратьев (Понкратьев) **Иван** (Ивашка), стрелец Верхотурского города. 1622 г., марта 30.

Пантелеев (Понтелеев) **Константин**, казак Тарского города². 1616 г., мая 3.

Пантелеев (Пателеев) **Семен** (Сенька), казак Томского города. 1620 г., января 18.

Пантелеев Федор (Федька), стрелец Пелымского города³. 1614 г., марта 25; 1617 г., марта 27; 1621 г., февраля 20.

Парамонов (Порамонов) **Ерофей** (Ерошка), (конный) казак Томского города⁴. 1617 г., января 18; 1623 г., января 16.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г. — привез грамоту из Москвы в Тобольск (Служилые люди Сибири. С. 653–654).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг.: как десятник конных казаков, участвовал в походе на Ямыш-озеро и бое с калмыками (1608); как стрелецкий пятидесятник имел оклад 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, 2 чети крупы и лотокна, женат (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 657).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1641 г. как член проезжей в Москву станицы К. Албычева (Служилые люди Сибири. С. 658).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618–1653 гг.: как гонец отъез в Тобольск отписку (1618); имел оклад в 7,25 руб., 6 чети муки, 2 чети крупы и толокна (1630), 6 чети с осминой ржи, 4 чети овса (1653); женат (Служилые люди Сибири. С. 659).

Пателеев, см.: Пантелеев

Пагрушев, см.: Петрушев

Пахалуев, см.: Похалуй

Пахалуй, см.: Похалуй

Пахомов Антон (Онтонка), казак Березова города¹. 1617 г., августа 21.

Пахомов Наум (Наумка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1620 г., января 16.

Пермитин Федор (Фетька) (**Иванов сын**), казак Томского города². 1623 г., октября 29.

Перфильев Фадей (Фадейка), стрелецкий десятник Туринского острога. 1622 г., марта 30.

Петлин Иван (Ивашка), казак Томского города³. 1619 г., октября 23; 1620 г., мая 26.

Петров Алексей (Олешка), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.

Петров Андрей (Ондрюшка), пеший казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1616, 1619, 1622 гг.). 1616 г., ноября 23, декабря 1; 1619 г., февраля 26; 1622 г., ноября 25.

Петров Андрей (Ондрюшка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 662).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 г. с окладом в 5 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 667).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1609–1626 гг. как конный казак, потом сын боярский: с И. Коломной и В. Малентьевым ходил послом к телеутскому князю Абаку (1609); возглавил посольскую миссию в Китай и привез грамоту китайского императора Вань Ли (1618); ходил с посольством к Алтын-хану, по возвращении повез в Москву отписку о мангазейском морском ходе (1619); к 1626 г. имел оклад в 5 чети с осминой муки, 2 осмины круп и толокна; погиб на вылазке при осаде Томска калмыками; у него сын Дмитрий (Служилые люди Сибири. С. 674).

Петров Богдан, татарский голова Тарского города¹. 1614 г., марта 5.

Петров Василий (Васька), служилый черкашенин Пелымского города. 1614 г., марта 25.

Петров Василий, сибирский служилый литвин. 1615 г., января 17.

Петров Завороша (?) (Заворошка, Заворожа), пеший казак Тюменского города². 1621 г., февраля 27.

Петров Иван (Ивашка), казак Сургутского города³. 1621 г., ноября 14; 1622 г., января 4.

Петров Иван (Ивашка), служилая «литва» Тюменского города⁴. 1614 г., марта 9.

Петров Иван, атаман Тюменского города. 1617 г., мая 17.

Петров Иван, литовский десятник Тарского города⁵. 1617 г., мая 18.

Петров Иев (Иевка), стрелец Туринского острога⁶. 1618 г., марта 4; 1621 г., февраля 22, марта 6.

Петров Михаил (Михалка), стрелец Тарского города⁷. 1624 г., мая 4.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как тарский голова под 1613–1624 гг.: возглавил поход на калмыков (1613); вместе с В. Волконовским и Т. Кутуковым возглавили поход на калмыков и бой «на реке Камышкове выше Чеканбаша» (1623) (Служилые люди Сибири. С. 676).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. Заворожа П. под 1624 г., у него двор за острогом (Служилые люди Сибири. С. 677).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. по той же указанной у нас статье с отсылкой на выборку Газенвинкеля (Служилые люди Сибири. С. 677).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как служилый немчин литовского списка с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 677).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608 г. как конный казак, участник калмыцкого похода (Служилые люди Сибири. С. 677).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Иов (Иевко) Петров под 1623 и 1630 гг. с окладом в 2,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 677).

⁷ В справочнике Д.Я. Резуна уп. тарский пеший казак М.П. под 1630 г. с окладом в 4,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 678). Идентификация с нашим стрельцом 1618–1621 гг. требует дополнительного исследования.

Петров Первой (Первушка), служилый литвин Тобольского города. 1618 г., апреля 29.

Петров Пятой-Яков, подьячий Тарского города¹. 1621 г., апреля 9, мая 31.

Петров Томила (Томилка), служилый литвин Тобольского города приводил к шерти калмыцких тайшей Талай-тайшу, Курлю Кочокура, Байбагишу Табыная с товарищами (7131-й г.)². 1615 г., февраля 3; 1617 г., января 2; 1623 г., февраля 20, марта 7.

Петров Федор (Фетька), сургутский казак. 1618 г., февраля 19.

Петров Феофил (Фефилка), ямской охотник Тюменского города. 1618 г., февраля 23.

Петров Чмута (?) (Чмутка/Гмутка?), сибирский казак мангазейский годовальщик. 1622 г., ноября 25.

Петров Юрий, служилый литвин Тюменского города. 1619 г., февраля 28.

Петров Яков (Якушка), стрелец Верхотурского города. 1622 г., марта 30.

¹В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1630 гг. с окладом 10,25 руб., 10 чети ржи, 2 чети круп и толокна (1626); 11 руб. (1611). Под 1621 г. уп. по указанной у нас статье с отсылкой на выборку Газенвинкеля. Также у Резуна уп. тарский конный казак Пятунка Петров, идентификация которого с позднейшим подьячим не исключена, но требует дополнительного исследования. (Служилые люди Сибири. С. 678–679).

²В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский литовского списка под 1616–1647 гг.: как казак литовского списка участвовал в посольстве И. Куницына к калмыкам в верховьях Иртыша к контайше Батуру, за что 7.03.2022 поверстан в дети боярские, с окладом в 11 руб., 10 чети ржи, 8 чети овса, 3 пуда соли (1627); участник похода на Кучумовичей и разгрома их на р. Ишиме (1631); уговаривал «отпавших» тарских татар вернуться в российское подданство (1632); ловил беглецов на Собской заставе (1633); ездил с посольством к калмыцкому контайше уговаривать присягнуть царю (1636) (Служилые люди Сибири. С. 679).

- Петрушев** (Патрушев?) **Иван** (Ивашка), казак Томского города¹. 1623 г., октября 29.
- Пименов** (Пиминов) **Алексей** (Олешка), казак Тобольского города. 1621 г., декабря 12.
- Пименов** (Пиминов) **Михаил** (Мишка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1619 г., февраля 26.
- Пименов** (Пиминов) **Терентий** (Тренка), мангазейский целовальник. 1616 г., ноября 24.
- Плотник Григорий** (Гриша) (**Семенов сын**), десятник конных казаков Тарского города². 1619 г., июня 22.
- Поланников** (Посланников/Полонников?) **Григорий** (Гриша), стрелецкий пятидесятник Тарского города. 1622 г., января 13.
- Полуктов** (Полуехтов) **Второй** (Вторышка), конный казак Тарского города³. 1622 г., марта 24; 1623 г., апреля 28.
- Полынский Терентий** (Тренька), казак Тюменского города. 1614 г., мая 8.
- Попков Андрей** (Ондрюшка), служилый литвин (конный казак литовского списка) Тобольского города⁴. 1618 г., мая 8.
- Попов Богдан**, подьячий Нарымского острога. 1621 г., февраля 26.
- Попов Степан** (Степанка), казак Березова города. 1615 г., января 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1626–1637 гг. уп. конный казак И. Патрушов, без пашни, с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети с осминой муки, 2 чети круп и толокна (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 661). Идентификация с казаком И. Петрушевым требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608 г. как участник похода на Ямыш-озеро (Служилые люди Сибири. С. 686).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1630 гг. с окладом 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна, 2 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 696).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1634 гг. с окладом в 7,25 руб., у него двор на 1-й от Воскресенской церкви Гостинной ул. Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 701).

- Порозов Игнатий** (Игнашка), ямщик Тюменского города. 1617 г., февраля 16; 1619 г., июня 22.
- Порошин Дорофей** (Дорожка), стрелец Пелымского города¹. 1624 г., марта 19.
- Поскочин Василий** (Васька) **Иванов сын**, казак Тюменского города. 1624 г., января 24; февраля 3.
- Поскочин Семен** (Семейка), казак Тюменского города (конный стрелец и/или сын боярский он же?). 1617 г., января 2; 1621 г., марта 27.
- Поскочин Семен** (Семейка), конный стрелец Тюменского города (казак и/или сын боярский он же?). 1617 г., декабря 15.
- Поскочин Семен**, сын боярский Тюменского города (казак и/или конный стрелец он же?)². 1622 г., апреля 11.
- Поступинский** (Постепинский) **Иван** (Иванка, Ивашка), служилая «литва» (казак литовского списка) Тобольского города³. 1615 г., февраля 3; 1619 г., июня 4.
- Похалуев, см.: Похалуй
- Похалуй** (Пахалуй, Пахалуев, Похалуев, Похолуев) **Иван** (Ивашка), стрелец Верхотурского города. 1623 г., апреля 1.
- Похалуй** (Пахалуй, Пахалуев, Похалуев, Похолуев) **Степан** (Степанка), стрелец Верхотурского города⁴. 1623 г., мая 5.
- Похолуй, см.: Похалуй

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630–1641 гг. с окладом в 4,25 руб. (1630); в станице сына боярского К. Албычева отвозил в Москву ясачную казну (1641) (Служилые люди Сибири. С. 707).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1647 гг. с окладом в 15 руб.; имел двор на посаде; с Н. Ярославцевым прибирал новых ямщиков (1630); ездил с посольством к калмыцкому тайше Урлюку (1632); встречал на р. Пышме бухарских и калмыцких послов с торговым караваном (Служилые люди Сибири. С. 709).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1609 г., как посланник из Томска к белым калмыкам; и под 1628 г. в роте Б. Станиславова с окладом 11,25 руб.; подписант челобитной о пожаловании в новые рот-мистры Н.И. Черного (Служилые люди Сибири. С. 711).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как С. Пахалуев под 1624 г. как первопоселенец подгородной деревни, служил до 1628/29 г. (Служилые люди Сибири. С. 662).

- Почекут Григорий** (Гришка), мангазейский целовальник. 1620 г., января 17.
- Пошехона Исай** (Исачка), пушкарь Тобольского города. 1618 г., марта 2.
- Приезжий** (Приезжев) **Дементий** (Демка), целовальник Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Прокофьев** (Прокопьев) **Василий** (Васька), казак Сургутского города, кетский годовальщик (1620 г.)¹. 1617 г., января 21; 1620 г., января 16.
- Прокофьев** (Прокопьев) **Терентий** (Тренька), казак Тюменского города². 1616 г., января 18.
- Проня** (Пронька — Прокл/Прокопий/Проخور?), стрелец Тюменского города. 1624 г., марта 20.
- Протопопов Степан**, сын боярский сибирского и тобольского архиепископа Киприана. 1624 г., мая 22.
- Пружинин Еремей** (Ерема), пятидесятник стрелецкий Тарского города. 1621 г., февраля 9.
- Пружинин Еремей**, атаман Тарского города (ум. 1628)³. 1616 г., мая 3.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620 г. — в проезжей станице привез в Москву ясачную казну, по дороге сообщив енисейскому приказчику об «измене» кетского воеводы, не оказавшего помощи осажденному тунгусами Намацкому острошку (Служилые люди Сибири. С. 720).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1601 г. уп. одноименный тюменский стрелец, гонцом с отпиской ездил из Туры в Верхотурье (Служилые люди Сибири. С. 722). Идентификация с нашим тюменским казаком 1616 г. требует дополнительного исследования.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1615–1629 гг.: как атаман возглавил посылку к соляным озерам, отписав о набеге калмыков (1615); имел оклад в 10,25 руб., 8 чети хлеба, четь с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1626); привез из Москвы колокола для Софийской церкви (1627); в 1628 г. погиб: ездил с 18 казаками в верхние Барабинские волости оборонять ясачных татар от калмыков, но мятежные татары во главе с «князьцом» Когутайком сожгли Барабинский острожек и вырезали его отряд, а самого, пытав, четвертовали (1628); в 1629 г. его мать Софья, монашка Московского Вознесенского м-ря, была челом о вывозе из Тары в Москву вдовы своего сына и 2 внучек; в его место востан сын боярсий Б. Поливанов (Служилые люди Сибири. С. 726).

Путилов Инай (Инайка), казак Томского города. 1615 г., сентября 29.

Путников Ларион (Лара — Иларион), казак Верхотурского города¹. 1617 г., февраля 23.

Пухов Неведам, сын боярский Березова города. 1613 г., декабря 29.

Пущин Иван, сотник стрелецкий Томского города². 1617 г., октября 17; 1618 г., января 4.

Пылайкин Кондратий (Кондрашка), мангазейский целовальник. 1619 г., февраля 26.

Пыльников Федор (Федька), стрелец Пелымского города. 1619 г., апреля 9; 1624 г., марта 19.

Пядышев Михаил (Михалка), конный казак Тобольского города. 1618 г., мая 8.

Рагозинник (Рогозиников) **Данила** (Данилка), сибирский казак мангазейский годовальщик. 1622 г., ноября 25.

Разумчик (Разумчиков) **Иван** (Ивашка) **Панкратьев** (Понкратьев) (сын), стрелец Верхотурского города³. 1623 г., января 27; 1624 г., февраля 12.

Ратка, см.: Кудабердеев

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1604–1630 гг. как верхотурский стрелец, служил с пашни, с окладом 4 руб. 8 алт., 2 пуда соли, 5 чети с осминой ржи, 2 чети овса (1630); был на усилении в Туринске при угрозе нападения царевича Алея Кучумовича (1607); привез из Верхотурья в Пелым грамоту о приборе охочих людей на пашню в Табаринскую вол. (1609) (Служилые люди Сибири. С. 731).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский под 1609–1620 гг.: в 1609 г. послан на службу из Москвы в Томск в стрелецкие сотники; возглавил поход на енисейских киргизов, пустошивших Чухломскую волость (1610); с атаманом Б. Константиновым послан в Абинскую вол. Кузнецкой земли, где 10 недель сидели в осаде от кузнецких татар (1615); ездил с проверкой в Кузнецкий острог, но воевода не допустил ревизии (1620); у него сыновья Григорий и Федор (Служилые люди Сибири. С. 733).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как стрелец И. Разумчиков под 1630 гг., служит с пашни (Служилые люди Сибири. С. 737).

- Рачковский Денис** (Дениска), (конный) казак (литовского списка) Тобольского города¹. 1619 г., июня 4.
- Ревнецкий** (Ревнетский) **Якуш** (Якушка; Яков?), служилый литвин Березова города. 1617 г., декабря 16.
- Резанов** (Рязанов?) **Приезжий**, атаман казачий Тюменского города². 1617 г., января 17; 1620 г., марта 2; 1623 г., апреля 20.
- Ржаник** (Аржаник/Оржаник?) **Григорий** (Гришка), стрелецкий десятник, потом — пятидесятник Туринского острога. 1618 г., февраля 21; 1619 г., апреля 4.
- Рогоилов** (Рогойлов?) **Иван** (Ивашка), ямской охотник Верхотурского города. 1619 г., апреля 25.
- Родионов** (Родивонов) **Артемий** (Ортюшка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1619 г., февраля 26.
- Родионов Артемий** (Ортюшка), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Родионов Иван** (Ивашка), казак Тарского города³. 1616 г., мая 3; 1622 г., мая 21.
- Родионов Федор** (Фетка), пашенный крестьянин Туринского города. 1617 г., января 21.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624–1641 гг.: возил в Москву соболиную казну (1626/27); в роте Б. Станиславова, подписант коллективной челобитной о назначении новым ротмистром Г.И. Черного (1628); на смотре ук.: служит «старо, и колмацкое ему дело за обычай»; ездил в посольстве к калмыцкому тайше Куйше возвращать полон (1635–1636); участник киргизского похода Я.О. Тухачевского, инициатор войсковой смуты, за что бит кнутом и посажен в тюрьму (1641) (Служилые люди Сибири. С. 739).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) как П. Резанов под 1624–1633 гг.: имел двор на посаде (1624); ходил в посылку на Ямыш-озеро; подал извет на атамана И Воинова за ложный донос о заговоре казаков против воеводы кн. Ю.Я. Сулешева (1626) 2) как П. Рязанов под 1630 г. с окладом 10 руб. (Служилые люди Сибири. С. 740–741, 764).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1652 гг. с окладом 5,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна; женат (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 746).

Родюков Давыд (Давыдка), казак Березова города. 1617 г., августа 21.

Родюков Федор (Фетька), пеший казак Томского города¹. 1619 г., июля 19.

Рожеев (Рожев) **Михаил** (Мишка) (**Прокофьев сын**), (конный) казак Томского города². 1623 г., октября 29.

Рожин Пятой (Пятунка), стрелецкий десятник Пелымского города³. 1623 г., октября 7.

Рожков, см.: Рошков

Романов Алексей (Олешка), казак Нерчинского острога. 1623 г., августа 20.

Романов Алексей, атаман Тарского города⁴. 1616 г., сентября 28; 1620 г., марта 17, 26.

Романов Григорий (Гришка), казак Тюменского города. 1616 г., января 18.

Рошков (Рожков?) **Нефед** (Нефедка), стрелец Пелымского города. 1619 г., апреля 9.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1665 гг. с окладом 4 руб. 25 алт., 5 чети с осминой муки, четь круп и толокна (1626, 1630); кузнецкий годовальщик 1628–1629 гг.; годовальщик в Мелеском остроге 1629–1630 гг.; служил с пашни с dodatком в четь ржи (1637); пеший казак десятка И. Чертопруда (1665) (Служилые люди Сибири. С. 748).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как беглый из города конный казак (1625) и как пеший казак с окладом 4,25 руб., 5 чети муки, по чети круп и толокна, 2 пуда соли; послан на службу в Мелеский острог (1630) (Служилые люди Сибири. С. 748–749).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Петко Рожин, служилый человек, брат сына боярского Исаака Албычева, под 1624–1645 гг.: под 1625 г. — стрелец, 1630 г. — стрелецкий пятидесятник с окладом 4,5 руб.; держал в холопах девку Татьяну Вогулку; в 1645 г. при назначении его в Даурский поход нанял за себя пелымца В.Г. Вискулова (Служилые люди Сибири. С. 749).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1648 гг.: как конный казак литовского списка участвовал в калмыцком походе 1608 г.; 1612 г. — атаман пеших казаков в калмыцком походе В. Волконовского, Т. Кутукова, Б. Байгалева и П. Голубина и боя на оз. Кизилар; 1634 — оборонял Тару от ойратов, бился на вызазке; к 1648 г. — отставной атаман (Служилые люди Сибири. С. 750).

- Рудаков Григорий** (Гришка), стрелец Тарского города¹. 1623 г., марта 31.
- Рудаков Дмитрий** (Митька), конный казак, потом — казацкий десятник Томского города². 1617 г., января 18; 1619 г., апреля 9, мая 7.
- Рунов Иван** (Ивашка), казак Березова города³. 1617 г., августа 21; 1621 г., ноября 18.
- Рыгин Андрей** (Ондрюша), голова стрелецкий Туринского острога. 1619 г., апреля 25.
- Рындин Путила** (Путилка), (конный) казак Тобольского города⁴. 1620 г., апреля 13; 1624 г., августа 4.
- Рябой Степан** (Степанка), казак Березова города. 1615 г., января 22; 1623 г., сентября 16.
- Саблин Пимен** (Пиминка), пеший казак Тобольского города⁵. 1622 г., марта 24.
- Савельев Иван, см.: Дурыня
- Савельев Первой** (Первушка), стрелец Туринского острога⁶. 1621 г., марта 24; 1624 г., января 27.
- Савельев Яков** (Якунка), конный казак литовского списка Тарского города⁷. 1621 г., февраля 9.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 21.06.1623 г. уп. одноименный тарский конный казак, конвоировавший из Москвы колодников (Служилые люди Сибири. С. 756). Для идентификации с нашим стрельцом требуется дополнительное исследование.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1618 г. как конный казак, участник похода на царевича Ишима (Служилые люди Сибири. С. 756).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 759).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. во дворе на Устюжской ул. Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 762).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 г. как тобольский площадной подьячий, вместе с Я. Павлуцким и Ф. Вяткиным послан встречать «послов и бухарцев» (Служилые люди Сибири. С. 759).

⁶ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1630 гг. с окладом в 4 руб. (1630) (Служилые люди Сибири. С. 766).

⁷ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1619–1630 гг. с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна; женат (1626, 1630); как участник похода на царевича Ишима (1619) (Служилые люди Сибири. С. 767).

- Савин Василий** (Васька), (стрелец) Тобольского города. 1619 г., января 29.
- Савин Семен** (Семейка), березовский казак¹. 1621 г., декабря 12.
- Савицкий Андрей** (Ондрюшка), служилый литвин Тобольского города, тунгусский годовальщик (1621 г.). 1621 г., января 5, 13.
- Салковский Иван** (Ивашка), служилая «литва» Тарского города. 1616 г., мая 3.
- Самойлов Иван** (Ивашка), целовальник Тобольского или Березова городов, мангазейский годовальщик. 1617 г., декабря 19.
- Самострелов Ерофей** (Ерофейка, Ярошка) (**Леонтьев сын**), казак (литовского списка) Сургутского города². 1618 г., мая 8, 16.
- Сапожников Семен** (Семейка), служилый человек Тюменского города³. 1618 г., марта 4.
- Сатковский Иван** (Иванка), «литва» Тарского города. 1613 г., декабря 29.
- Сафронов, см.: Софронов
- Сафьян Иван** (Ивашка) **Григорьев сын**, казак Верхотурского города. 1621 г., мая 19; 1623 г., апреля 1.
- Свяга** (Свяженин) **Василий** (Васька), казак Томского города⁴. 1614, января 6; 1617 г., октября 17, ноября 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. как березовский казак и кормщик на мангазейском морском пути, с окладом в 5,25 руб. (1630) (Служилые люди Сибири. С. 768).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1630 гг. с окладом в 9,25 руб., 8 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1630) (Служилые люди Сибири. С. 776).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1623 г. уп. тюменский стрелец Семен Михайлов сын Сапожник (Служилые люди Сибири. С. 778). Вопрос о его идентификации с нашим служилым С. Сапожниковым 1618 г. остается открытым.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как В. Свяженин под 1609–1635 гг.: как стрелец, участник посылки в Мелескую вол. на Чулым (1609); как десятник с окладом в 7 руб. 25 алт., 6 чети муки, по чети круп и толокна (1626, 1630); как посланник ездил к мурзе Тарлаве в Чатский город (1629); как казачий пятидесятник привез жалованье

Свяженин Василий, см.: Свяга

Седельников (Седельник) **Василий** (Васька) (**Иванов сын**), казак Томского города¹. 1617 г., октября 17.

Седельников (Седельник) **Павел** (Павлик) (**Григорьев сын**), конный казак Тарского города². 1617 г., апреля 3.

Селивестров Гаврила (Гаврилка), (пеший) казак Тобольского города, мангазейский годовальщик³. 1619 г., февраля 26.

Селуанов (Салуянов) **Гаврила** (Гаврилка), тобольский или березовский казак. 1621 г., декабря 12.

Селуанов (Силуянов, Салуянов, Солуянов) **Трофим** (**Трофимка**), пеший казак, десятник пеших казаков литовского списка Тарского города⁴. 1614 г., января 20; 1616 г., января 12; 1620 г., января 22; 1623 г., марта 31.

Алтын-хану (1631–1632); послан на Верхотурье; конвоировал жалование в Сибирь; отговорил татар от «измены» (1632); подписант войсковой челобитной о казенных панцирях служилым людям (Служилые люди Сибири. С. 785).

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как В.И. Седельник (Сидельник) под 1626–1638 гг.: как десятник конных казаков с окладом в 7 руб. 25 алт., 6 чети с осминой муки, четь круп и толокна; женат, у него сыновья Тенька и Илья (1626, 1630); подписант войсковой челобитной о казенных панцирях (1635); как пятидесятник служил с пашни; участник конфликта с воеводой кн. И. Ромодановским (1637); объявил воеводе о приезде из Москвы челобитчиков и сравнил его с М.Б. Шеиным, который «запустил» своих служилых людей «в Литве» (Служилые люди Сибири. С. 786–787).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Павел Григорьев сын Седельник, участник калмыцкого похода на Ямыш-озеро 1608 г. и похода на царевича Ишима 1619 г. Так же в справочнике уп. тарский конный казак Паня Седельник, участник калмыцкого похода 1608 г., который также может оказаться Павлом, но этот вопрос требует дополнительного исследования (Служилые люди Сибири. С. 787).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. как Ганка Селивестров, имел двор на р. Курдюмке (Служилые люди Сибири. С. 789).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1648 гг., как Т. Селуанов/Силуянов, десятник конных казаков литовского списка, конвоировал вологодского разбойника в Тару (1623), с окладом 7,5 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (1626); неоднократно ездил в Москву (Служилые люди Сибири. С. 790).

- Семенов Андрей** (Ондрюшка), десятник пеших казаков (казак) Тарского города. 1613 г., декабря 29; 1617 г., февраля 16; 1620 г., января 22.
- Семенов Андрей**, служилый литвин Тарского города. 1621 г., февраля 9.
- Семенов Афанасий** (Офонька), казак Тюменского города. 1620 г., апреля 6.
- Семенов Василий** (Васька), березовский казак. 1621 г., ноября 21.
- Семенов Василий** (Васька), казак Тарского города. 1617 г., декабря 19.
- Семенов Григорий** (Гришка), томский казак, тунгусский годовальщик (1621 г.). 1621 г., января 5.
- Семенов Гудима** (Гудимка), служилый литвин Тарского города. 1617 г., декабря 19.
- Семенов Давыд** (Давыдка), казак Тюменского города. 1620 г., апреля 6.
- Семенов Данила** (Данилка), казак Березова города. 1617 г., декабря 16; 1622 г., ноября 25.
- Семенов Завьял** (Завьялка), казак Тюменского города, тунгусский годовальщик (1621 г.). 1621 г., января 5, 13, 17.
- Семенов Иван** (Ивашка), казак Тобольского города. 1618 г., января 9.
- Семенов Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1621 г., мая 11.
- Семенов Иван** (Ивашка), пушкарь Туринского острога. 1614 г., января 19.
- Семенов Кирей** (Кирейка; Кирилл?), казак Березова города. 1616 г., ноября 23.
- Семенов Кирилл** (Кирилка), служилый человек Тобольского города. 1620 г., апреля 13.
- Семенов Кирилл** (Кирюшка), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Семенов Ларион** (Ларка), казак Сургутского города. 1620 г., января 16; 1621 г., декабря 23.
- Семенов Неупокой** (Неупокойка), литвин Тобольского города. 1621 г., мая 2.

- Семенов Никита** (Микитка), казак Сургутского города. 1617 г., января 21.
- Семенов Первой** (Первушка), стрелец Пелымского города. 1623 г., апреля 17.
- Семенов Проня** (Пронька — Прокл/Прокопий/Прохор?), казак Томского города. 1615 г., ноября 29.
- Семенов Семен** (Семейка), казак или стрелец Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1616 г., ноября 23.
- Семенов Трофим** (Трофимка), казак Березова города. 1614 г., февраля 12; 1617 г., февраля 16.
- Семенов Шумила** (Шумилка), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.
- Семенов Яков** (Якушка), целовальник Кетского острога. 1619 г., февраля 26.
- Сергеев Василий** (Васька), сибирский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., ноября 14.
- Серебряник Семен** (Семейка), казак Сургутского города. 1623 г., сентября 29.
- Серебряник** (Серебреник) **Семен** (Семейка), конный казак Тарского города. 1620 г., января 22.
- Серебряник** (Серебреник) **Терентий** (Тренька), казак Березова города. 1620 г., декабря 30.
- Сидоров Алексей** (Олешка), казак Томского города. 1617 г., января 18.
- Сидоров Андрон** (Ондронка), казак Тюменского города. 1614 г., марта 9.
- Сидоров Григорий** (Гришка), пеший казак Тарского города. 1616 г., января 13.
- Сидоров Северьга** (Северешка), казак Тюменского города. 1617 г., марта 10; 1619 г., февраля 28.
- Силуянов, см.: Селуанов
- Симанов** (Симонов?) **Михаил** (Михалка), стрелец Тобольского города. 1618 г., января 10.
- Симанов** (Симонов?) **Шестой** (Шестачка), казак Тобольского города, мангазейский годовальщик (1617 и 1620 гг.). 1617 г., декабря 19; 1620 г., января 16; 1621 г., декабря 12.

- Скуратов Степан** (Степанка), пеший казак, пятидесятник пеших казаков Тарского города¹. 1616 г., января 12; 1618 г., апреля 30; 1622 г., января 13.
- Слонский Семен** (Семейка), служилый литвин Тобольского города, ум. 1621 г.² 1620 г., июня 16, июля 12.
- Смагин Иван** (Ивашка) (**Дмитриев сын**), казак Березова города³. 1619 г., января 29; 1620 г., марта 12.
- Сметанин Дементий** (Демка), казак Тобольского города. 1623 г., января 4; 1624 г., января 20.
- Смиреников** (Смиреников) **Семен** (Семейка), казак или стрелец Тобольского города, мангазейский годовальщик. 1616 г., ноября 23.
- Смирной** (Смирново) **Нехороший** (Нехорошка), казак Березова города⁴. 1621 г., ноября 18.
- Смолянин** (**Смолнянин**) **Михаил** (Михалка), стрелецкий десятник Тобольского города, мангазейский годовальщик (1616 г.). 1616 г., ноября 23, декабря 1.
- Смолянинов** (Смолнянинов, Смолянин) **Фома** (Фомка), сибирский казак, мангазейский годовальщик (1620, 1622 гг.). 1620 г., ноября 14; 1622 г., ноября 25.
- Соболев Богдан** (Богдашка), «иконник» (иконописец), который был «в Сибири в Тоболском городе с архиепископом с Кипреяном для иконново дела». 1623 г., марта 20.
- Соловьев Иван** (Ивашка), березовский или тобольский казак. 1616 г. февраля 7.
- Солуянов, см.: Селуанов

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1648 гг. как пятидесятник пеших казаков с окладом 5,25 руб., 6 чети ржи, 2 чети круп и толокна (1626, 1630); как атаман ездил послом к калмыкам (1636) (Служилые люди Сибири. С. 796).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г. как погибший, на чье место 3 июня верстан Ян Куга (Служилые люди Сибири. С. 797).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 798).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 799).

- Соснин Семен** (Семейка), десятник стрелецкий Туринского острога. 1617 г., декабря 15.
- Соснин Семен** (Семейка), служилый литвин Тобольского города. 1621 г., ноября 21; 1624 г., марта 26.
- Софонов Артемий** (Ортюшка), верхотурский вож. 1621 г., марта 7.
- Софронов** (Сафронов) **Богдан** (Богдашка), казак Тарского города. 1622 г., февраля 5.
- Софронов Иван** (Ивашка), пешая «литва» Тарского города. 1619 г., июня 22.
- Софронов Семен** (Семейка), стрелецкий десятник Тарского города. 1622 г., мая 21.
- Софронов Федор** (Фетька), стрелец Тарского города. 1620 г., января 22.
- Спиридонов Михаил** (Мишка), казак Сургутского города. 1624 г., января 2.
- Спиридонов Моисей** (Мосейка), казак Тарского города. 1620 г., июня 15.
- Спиридонов Первой** (Первушка), казак Тарского города. 1616 г., мая 3.
- Спиридонов Семен** (Семейка), березовский казак. 1618 г., февраля 8; 1621 г., декабря 12.
- Станислав Бартош**, служилая «литва», потом — ротмистр служилой «литвы» Тобольского города. 1614 г., декабря 28; 1623 г., января 4.
- Станковский Христофор**, сибирский поляк. 1619 г., декабря 29.
- Старичанин Григорий** (Гришка), десятник конных казаков Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.
- Старичанин** (Стариченин) **Григорий** (Гриша), конный казак, потом — десятник конных казаков Тарского города. 1617 г., апреля 3; 1622 г., января 13.
- Старловский Петр** (Петрушка), казак Томского города. 1617 г., октября 17.
- Степанов Андрей** (Ондрюшка), служилый литвин Тюменского города. 1623 г., января 31.
- Степанов Богдан** (Богдашка), стрелец Верхотурского города. 1622 г., февраля 10.

- Степанов Дюна** (Дюнка), казак Тобольского города. 1621 г., марта 31.
- Степанов Еремей** (Еремка), (пеший) казак Томского города¹. 1621 г., ноября 17.
- Степанов Неустрой** (Неустройка), (конный) казак Тарского города². 1614 г., марта 5.
- Степанов Павел** (Павлик), ямщик Верхотурского города. 1617 г., ноября 8.
- Степанов Савва** (Савка), целовальник Березова города. 1617 г., августа 21.
- Степанов Степан** (Степанка), стрелец Туринского острога. 1622 г., января 4; 1623 г., января 3.
- Степанов Юрий** (?) (Ючка), пеший казак Тобольского города. 1617 г., января 25.
- Столбов Лев** (Левка — Леонтий?) (**Григорьев сын**), казак Сургутского города³. 1622 г., ноября 25, 30.
- Стрижков** (Стришков) **Гаврила** (Гаврилка), ямской охотник Верхотурского города. 1621 г., октября 9; 1623 г., августа 6.
- Суборьев Василий** (Васька), пашенный крестьянин Тобольского города. 1622 г., марта 24.
- Суботка** (Субботка?) **Федор** (Фетька), казак Томского города. 1623 г., октября 29.
- Сума Федор** (Федька), стрелец Тарского города. 1613 г., декабря 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1620–1642 гг.: пеший казак, кузнецкий годовальщик, участвовал в «смуте» против переноса острога на новое место (1620); десятник с окладом в 4 руб. 25 алт., 5 чети круп и толокна; женат (1626, 1630, 1637); пятидесятник в проезжей станице в Москву (1642) (Служилые люди Сибири. С. 802).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг.: как конный казак, участник походов на Ямыш-озеро за солью (1608) и на царевича Ишима (1619), с окладом в 7,25 руб., 6 чети с лсминой ржи, 2 чети круп и толокна (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 803).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1608–1630 гг.: как конный казак, участник походов на Ямыш-озеро за солью (1608) и на царевича Ишима (1619), с окладом в 7,25 руб., 6 чети с лсминой ржи, 2 чети круп и толокна (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 803).

- Сумороков Осип** (Осипка), Верхотурского города. 1618 г., марта 11.
- Суслов** (Сусло?) **Григорий** (Гришка), казак Тарского города¹. 1621 г., апреля 9.
- Сухачев** (Сухочев) **Степан** (Степанка), стрелец Пелымского города. 1618 г., марта 28.
- Сысоев Ларион** (Ларка — Илларион?), пеший казак Тобольского города². 1620 г., апреля 13.
- Табынай Байбагиш**, калмыцкий тайша, шертовал царю в 7131-м (?) г. вместе с другими тайшами перед тобольскими служилым литвином Томилой Петрвом и казаком Саввой Измайловым.
- Талай-тайша**, калмыцкий тайша, шертовал царю в 7131-м (?) г. вместе с другими тайшами перед тобольскими служилым литвином Томилой Петрвом и казаком Саввой Измайловым.
- Тарамшин Григорий** (Гришка) **Савельев (сын)**, мангазейский целовальник. 1623 г., ноября 14.
- Тарамшин Яков** (Якушка), мангазейский целовальник. 1616 г., февраля 15.
- Тарасов Антип** (Онтипка), конный казак Тарского города. 1619 г., января 29.
- Тарасов Василий** (Васька), казак Тобольского города. 1618 г., января 9.
- Тарасов** (Торасов) **Ждан** (Жданка), пушкарь Сургутского города³. 1621 г., марта 24.
- Тарасов Осип** (Оська), казак Тюменского города⁴. 1620 г., апреля 6.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Г. Сусло под 1626 и 1630 гг., десятник пеших казаков с окладом в 4,75 руб. (Служилые люди Сибири. С. 813).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. во дворе на улице от Воскресенских ворот Тобольска (Служилые люди Сибири. С. 817).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб., 6 чети ржи, 2 чети овса, 1,5 пуда соли (Служилые люди Сибири. С. 822).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624 и 1630 гг. уп. одноименный стрелец во дворе за острогом (1624), в десятке Ф. Игнатьева с окладом в 4 руб. 8 алт. 2 ден. (Служилые люди Сибири. С. 822). Возможная идентификация с нашим казаком требует дополнительного исследования.

- Телицын Максим** (Максимка), казак Березова города. 1623 г., января 18.
- Тенебяков** (Тебеньков/Тенибеков?) **Иван** (Ивашка), толмач Тобольского города. 1614 г., ноября 25.
- Теплинский Иван** (Ивашка), казак Томского города¹. 1617 г., октября 17.
- Терентьев Бажен** (Баженка), ямской охотник Туринского острога. 1624 г., января 27.
- Терентьев Гуляй** (Гуляйка), казак Сургутского города (переведен в Кецкий острог)². 1622 г., ноября 25, 30.
- Терентьев Иван** (Ивашка), верхотурский казак. 1620 г., января 2.
- Терентьев Иван** (Ивашка), верхотурский стрелец. 1620 г., января 16.
- Терентьев Иван** (Ивашка), стрелец Туринского острога³. 1617 г., февраля 9; 1620 г., января 20; 1622 г., января 4; 1624 г., марта 19.
- Терентьев Истома** (Истомка), (пеший) казак Томского города⁴. 1617 г., января 18.
- Терентьев Парфен** (Парфенка), конный казак Тобольского города⁵. 1615 г., февраля 5; 1619 г., июня 7.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1616 г. — собирал ясак в Кузнецкой земле, но был ограблен абинскими татарами (Служилые люди Сибири. С. 830).

² В справочнике Д.Я. Резуна (в т.ч со ссылкой на выборку К.Б. Газенвинкеля) уп. под 1622–1640 гг.: как сургутский казак на «тунгусской службе» ставил острог (1622); женат (1633); казачий десятник в Кетском остроге с окладом в 5,5 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса (1637); (Служилые люди Сибири. С. 831).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1630 гг. с окладом 3 руб. 6 алт. (1623); 4 руб. (1630). (Служилые люди Сибири. С. 831).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна под 1626 и 1630 гг. уп. Истомка Т., томский пеший казак, «поверстанный в 1626 г. в место Н. Саламатова», холостой; мельник подгородной мельницы с окладом в 8 руб., 6 чети ржи, 6 чети овса (1630) (Служилые люди Сибири. С. 831). Идентификация с нашим стрельцом 1617 г. требует дополнительного исследования.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624 г. уп. пустое дворовое место конного казака Паршука Терентьева (Служилые люди Сибири. С. 831).

- Терентьев Постник** (Посник), (конный) казак Томского города¹. 1617 г., января 18.
- Терентьев Софоний** (Софонка), целовальник Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Терентьев Федор** (Фетка), мангазейский целовальник. 1616 г., февраля 15.
- Терский Богдан** (Богдашка) (**Семенов сын**), конный казак Томского города². 1617 г., мая 17; . 1619 г., апреля 9.
- Терский Богдан** (Богдашка), казак Тюменского города. 1617 г., апреля 8.
- Тимофеев Ананий** (Онашка), конный казак Тарского города³. 1617 г., февраля 28.
- Тимофеев Аникий** (Оничка), березовский казак тунгусский годовальщик⁴. 1621 г., января 5, 13.
- Тимофеев Антон** (Онтонка), казак Тюменского города (стрелец он же?). 1622 г., апреля 11.
- Тимофеев Антон** (Онтонка), стрелец Тюменского города (казак он же?). 1616 г., февраля 24.
- Тимофеев Астафий** (Осташка), казак Томского города. 1617 г., октября 17.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626–1635 гг. как десятник конных казаков с окладом в 8 руб. 26 алт., 7 чети муки, по чети круп и толокна; женат (1626, 1630); подписант войсковой челобитной о даче служилым людям казенных панцирей (1635) (Служилые люди Сибири. С. 831).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1614/15–1626 гг.: участник обороны Томска 1614/15 г., похода на киргизов и «в кзылы» (1616); с окладом 5 чети с осминой муки, по чети круп и толокна; женат (1626) (Служилые люди Сибири. С. 833–834).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1607–1647 гг.: как стрелец участвовал в калмыцком походе 1607 г.; как конный казак имел оклад в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна; женат (1626, 1630); в 1647 г. — пеший казак (Служилые люди Сибири. С. 835).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 835).

- Тимофеев Данила** (Данилка), стрелец Тарского города¹. 1617 г., декабря 19.
- Тимофеев Дементий** (Демка), казак Тобольского города. 1623 г., ноября 12.
- Тимофеев Дмитрий** (Митька), тюменский или верхотурский стрелец. 1619 г., мая 7.
- Тимофеев Ерофей** (Ерошка), (пеший) казак (литовского списка) Тарского города². 1618 г., апреля 30.
- Тимофеев Иван** (Ивашка), десятник конной «литвы» Тарского города³. 1614 г., декабря 28; 1619 г., января 29.
- Тимофеев Иван** (Ивашка), казак Тарского города. 1623 г., января 4.
- Тимофеев Иван** (Ивашка), стрелец Тарского города⁴. 1617 г., декабря 19; 1621 г., февраля 9.
- Тимофеев Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1617 г., октября 17.
- Тимофеев Никита** (Микитка), стрелец Тюменского города. 1619 г., апреля 25.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1617–1630 гг. уп. пеший казак литовского списка, участник калмыцкого похода 1617 г., с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна; женат (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 836). Его идентификация с нашим стрельцом требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1607–1626 гг. как участник походов к Ямыш-озеру за солью (1607) и на калмыков (1617); в проезжей станице конвоировал ясачную казну в Москву (1625); с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна (1630) (Служилые люди Сибири. С. 836).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1607–1630 гг.: участник калмыцких походов 1607 и 1617 гг., с окладом в 7,25 руб., 6 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 836).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 и 1626 гг. с окладом 5 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна; женат (1626) (Служилые люди Сибири. С. 836), — в т.ч. со ссылкой на Никитина (*Никитин Н.И.* О характере расселения и землепользования служилых людей в Сибири в XVII в. // Аграрный строй феодальной России. XV — начало XVIII в. М., 1986. С. 160).

- Тимофеев Павел** (Пашка), ямской охотник Тюменского города. 1617 г., января 21.
- Тимофеев Филимон** (Филимонка), казак Нарымского острога. 1621 г., октября 6.
- Тимофеев Филипп** (Филька — Филимон?), казак Березова города. 1622 г., ноября 25.
- Тихонов Матвей** (Матюшка), казак Нарымского острога. 1622 г., ноября 25.
- Тихонский Иван** (Ивашка), казак Томского города. 1617 г., октября 17.
- Токарев Богдан** (Богдашка), стрелец Тюменского города. 1614 г., ноября 25.
- Токарев Трофим** (Трофимка) (**Богданов сын**), стрелец Тюменского города¹. 1622 г., ноября 13.
- Тонаев Елина-мурза**, служилый мурза Пелымского города. 1617 г., марта 29.
- Топчила Иван** (Ивашка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Торлопов Иван** (Ивашка) (**Федоров сын**), служилый человек Березова города, мангазейский годовальщик (декабрь 1617)². 1617 г., декабря 19.
- Третьяков Потап** (Потапка), казак Сургутского города. 1616 г., января 12.
- Трофимов Андрей** (Ондрюшка), казак Тобольского города. 1620 г., января 28.
- Трофимов Семен** (Семейка), казак Березова города³. 1619 г., февраля 26.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г. (Служилые люди Сибири. С. 843).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1635 гг.: как пушкарь (1625) и как казак с окладом в 5,25 руб. (1630) (Служилые люди Сибири. С. 850).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как томский пеший казак, переведенный в 1626 г. из Березова, с окладом в 5 чети с осминой муки, по чети круп и толокна; холост; в 1630 г. имел оклад 4,25 руб., 5 чети муки, по чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 856).

- Трофимов Сидор** (Сидорка), стрелец Пелымского города. 1614 г., января 19.
- Трофимов Федор** (Фетька), казак Тюменского города, тунгусский годовальщик¹. 1621 г., января 5, 13.
- Трубачев Василий** (Васька) (**Безсонов сын ?**), (конный) казак (литовского списка) Тюменского города². 1616 г., января 18.
- Трухна Василий** (Васька), казачий десятник Тюменского города. 1617 г., мая 12.
- Туполев (Тупылев) Фалалей** (Фалька) (**Афанасьев сын**), (пеший) казак Томского города³. 1619 г., декабря 26; 1622 г., ноября 25.
- Тутолмин Андрей** (Ондрей), березовский казак (уп. в 1616 г.), сын боярский Березова города к февралю 1619 г.⁴ 1616 г., января 12; 1619 г., февраля 26; 1623 г., ноября 12.
- Тучков Федор** (Фетька), березовский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., января 16.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 и 1630 гг. во дворе «в остроге на посаде», в десятке С. Ильина, с окладом в 8 руб. (Служилые люди Сибири. С. 857).

² В справочнике Д.Я. Резуна под 1624–1672 гг. уп. как десятник конных казаков литовского списка Василий Безсонов сын: сопровождал в Тюмень калмыцких послов (1624); имел оклад в 7 руб. 8 алт. 2 ден. (1630); из литовской сотни П. Олсуфьева отослан в Тобольск в рейтары (1663); 7 января 1672 г. продал калмыцкого пленника (Служилые люди Сибири. С. 859). Не исключено, что под единой статьёй уп. 2 разных человека: под 1624–1630 гг. и по 1663–1672 гг., — для идентификации требуется дополнительное исследование.

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 и 1626 гг. как пеший казак Фальк/Фалка (в справочнике прочитанный как Филимон) Афанасьев сын Тупылев/Тупилев, с окладом в 4 руб., 5 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 864).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как казак, участник похода кн. М.М. Шаховского и возведения Мангазеи, бил челом о паломничестве на Соловки (1600); конвоировал колодников из Москвы в Березов (1601) (Служилые люди Сибири. С. 866).

- Тырков Василий**, сын боярский Верхотурского города¹. 1614 г., декабря 28; 1621 г., марта 22.
- Тырков Василий** (Фомин сын?), сын боярский Тобольского города². 1624 г., января 11.
- Тюменец Василий**, атаман Тарского города³. 1617 г., мая 17, 18; 1619 г., марта 7; 1621 г., мая 2.
- Тюрема**, мангазейский (ясачный или служилый?) самоедин. 1615 г., февраля 14.
- Угренин Андрей**, служилый литвин Тюменского города⁴. 1617 г., января 17; 1622 г., января 26.
- Угренин Томила** (Томилка) **Петров сын**, служилый литвин Тобольского города. 1617 г., января 15.
- Уразов Степан** (Степанка), стрелец Тарского города⁵. 1619 г., января 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1601–1609 гг.: отвозил в Москву десятинный сбор (1607); конвоировал из Москвы в Сибирь 17 «тульских сидельцев» (1609) (Служилые люди Сибири. С. 868).

² В справочнике Д.Я. Резуна расписан на 2 статьи: 1) как В.Т. под 1600–1630 гг.: привез из Москвы церковное строение для Борисоглебской церкви Туринска (1600); конвоировал в Москву сына Кучума царевича Берди-Мурата (1600–1601); привез хлеб на Верхотурье (1610); привез в Москву сыск «о насильствах» в отношении калмыцких послов тюменского воеводы Ф. Коркодинова (1616); вел сыск об «измене» кетского воеводы Ч. Чесменева (1620); имел двор на 2-й Устюжской ул. Тобольска (1624); вкладчик Софийского собора (8 десятин пустой пашни, 1625); 2) как Василий Фомин сын Т. под 1604 г. — отослан с сургутской службы строить Томский острог (Служилые люди Сибири. С. 868).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1619 г. уп. конный казак Василий Семенов сын Тюменской, участник похода на царевича Ишима (Служилые люди Сибири. С. 871). Для идентификации с нашим атаманом В. Тюменцем требуется дополнительное исследование.

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623 г. как конный казак в деревне на р. Туре ниже города (Служилые люди Сибири. С. 874).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна под 1608–1630 гг. уп. десятник пеших казаков, участник похода на Ямыш-озеро 1608 г. и калмыцкого похода и боя 1617 г.; с окладом в 4,75 руб., 5 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толочка (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 877–878).

- Урманов Лука** (Лучка), литвин Тобольского города. 1622 г., июля 18.
- Уткин Иван** (Ивашка) (**Анисимов сын**), (конный) казак Тарского города¹. 1620 г., июня 21.
- Утюгенов Григорий**, князь, новокрещен Тарского города. 1624 г., января 18.
- Ушаков Павел** (Пашка), ямской охотник Туринского острога. 1616 г., января 30; 1619 г., апреля 4; 1622 г., апреля 15.
- Фатеев Осип** (Осипка), казак Сургутцкого города. 1623 г., сентября 29.
- Федоров Алферий** (Олферка), служилая «литва» Тарского города. 1619 г., апреля 11.
- Федоров Архип** (Архипка), казак Тобольского города. 1622 г., мая 3.
- Федоров Афанасий** (Офонька), пеший казак Тобольского города². 1622 г., февраля 7.
- Федоров Богдан** (Богдашка), стрелец Верхотурского города³. 1616 г., февраля 24.
- Федоров Богдан** (Богдашка), стрелецкий десятник Пелымского города. 1615 г., сентября 29.
- Федоров Василий** (Васька), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Федоров Василий** (Васька), (пеший) казак Тобольского города⁴. 1621 г., ноября 20.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1619 г. как участник похода на царевича Ишима (Служилые люди Сибири. С. 885).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1646 г. как казак литовского списка (1626, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 891) со ссылкой на Никитина (*Никитин Н.И.* Тобольская «литва» в XVII веке // Город и горожане в России в XVII — первой половине XIX в. М., 1991. С. 65).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1598 г. — «привез из Москвы чертеж для городского и острожного строения» (Служилые люди Сибири. С. 891).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621 г. Под 1641 г. уп. также одноименный тобольский пятидесятник (Служилые люди Сибири. С. 891), но для их идентификации требуется дополнительное исследование.

- Федоров Василий** (Васька), казак Тюменского города¹.
1623 г., апреля 20.
- Федоров Гаврила** (Гаврилка), казак Сургутского города².
1617 г., января 21.
- Федоров Еремей** (Еремка), казак Нарымского острога.
1621 г., октября 6.
- Федоров Заня** (Занка), казак Сургутского города. 1617 г., октября 17.
- Федоров Захар** (Захарка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Федоров Иван** (Ивашка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Федоров Иван** (Ивашка), конный казак Тюменского города³.
1622 г., марта 10.
- Федоров Иван** (Ивашка), стрелец Пелымского города.
1621 г., января 5.
- Федоров Калина** (Калинка), казак Кетского острога. 1619 г., февраля 26.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624–1663 г. уп. тюменец В.Ф.: 1624 г. — стрелец во дворе в остроге Тюмени; в десятке Кулакова с окладом в 4 руб. 8 алт. 2 ден. (1630); конвоировал ссыльных из Москвы и Н. Новгорода до Верхотурья (1639); к 1663 г. — сын боярский с окладом в 10 руб. (Служилые люди Сибири. С. 891). Однако, вопрос идентификации стрельца 1624–1639 гг. как сына боярского 1663 г. представляется спорным и требует дополнительного исследования, впрочем, как и вопрос идентификации стрельца с нашим казаком 1623 г.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 и 1630 гг., с окладом в 5,25 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 892).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1624–1630 гг. уп. 3 тюменских казака: 1) конный казак десятка Т. Микифорова с окладом в 7 руб. (1630); 2) пеший казак десятка П. Филиппова с окладом 4 руб. 8 алт. 2 ден. (1630); 3) пеший казак, сапожник во дворе за острогом; ездил в посольстве к калмыкам Батыра-тайши (1624) (Служилые люди Сибири. С. 893–894). Идентификация кого-то из них или двоих с нашим казаком 1622 г. требует дополнительного исследования.

- Федоров Кирей** (Кирейка — Кирилл), казак Томского города¹. 1617 г., октября 17.
- Федоров Кубас** (Кубаска), стрелец Туринского острога². 1619 г., апреля 25; 1622 г., апреля 5.
- Федоров Кудаш** (Кудашка — Кудай?), сургутский казак, кетский годовальщик. 1620 г., января 16.
- Федоров Невежа** (Невежка), (конный) казак Тарского города³. 1621 г., апреля 9.
- Федоров Нечай** (Нечайка), казак Березова города. 1615 г., января 22.
- Федоров Осип** (Осипка), служилый человек (казак) Березова города, мангазейский годовальщик (декабрь 1617 г.)⁴. 1617 г., декабря 19.
- Федоров Пятой** (Пятунка), стрелецкий десятник Пелымского города. 1623 г., октября 14.
- Федоров Семен** (Семейка), казак Березова города. 1615 г., января 22.
- Федоров Степан** (Степанка), конный казак (литовского списка) Тарского города⁵. 1617 г., апреля 3.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1608 г. уп. томский подьячий Кирилл Федоров (Служилые люди Сибири. С. 894), но его идентификация с нашим казаком 1617 г. требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1628 гг.: как стрелец на годовой службе в Пелыме в отряде И. Иванова с жалованьем в 4,25 руб. (1623–1624); как пушкарь и рудознатец искал болотную железную руду на р.Невье вместе с М. Лукьяновым (1628) (Служилые люди Сибири. С. 894).

³ В справочнике Д.Я. Резуна под 1619 и 1626 гг.: участник похода на царевича Ишима 1619 г.; имел оклад 9,25 руб., 8 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна; женат (1626) (Служилые люди Сибири. С. 895).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 и 1635 гг. как казак с окладом в 5,25 руб., 10 чети ржи, 4 чети овса (Служилые люди Сибири. С. 896).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна. уп 2 тарских Степана Федорова: 1) как конный казак под 1625 г. с окладом в 6 чети с осминой ржи, по чети круп и толокна; женат; 2) как служилый литвин, участник калмыцкого похода 1627 г. (Служилые люди Сибири. С. 896). Идентификация их обоих как одного конного казака литовского списка с нашим казаком 1617 г. требует дополнительного исследования.

- Федоров Терентий** (Тренька), казак Тарского города¹. 1620 г., июня 15.
- Федоров Трофим** (Трофимка), казак Сургутского города. 1621 г., декабря 23.
- Федоров Чудин** (Чюдинка), казак Сургутского города. 1621 г., ноября 14.
- Федосеев Степан** (Степанка), казак Березова города. 1619 г., февраля 4.
- Федулов Петр** (Петрушка), казак Сургутского города, кетский годовальщик (1622 г.)². 1622 г., ноября 25, декабря 5.
- Феофилов** (Фефилов) **Василий** (Васька), верхотурский стрелец. 1619 г., июля 3.
- Феофилов** (Фефилов) **Иван** (Ивашка), казак Тобольского города. 1623 г., октября 21.
- Феофилов** (Фефилов) **Иван** (Ивашка), служилый литвин Тобольского города. 1621 г., мая 2.
- Филимонов Меньшой** (Менщик), казак Сургутского города³. 1623 г., сентября 29.
- Филиппов** (Филипов) **Осип** (Осиповка), казак Кузнецкого острога (ум. 1628)⁴. 1623 г., ноября 25.
- Филиппов** (Филипов) **Патрикей** (Патрекейка), казак Тюменского города. 1622 г., апреля 11.
- Филиппов** (Филипов) **Петр** (Петрушка), (конный) казак Тобольского города⁵. 1617 г., июля 16; 1621 г., ноября 20.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна под 1630 и 1647 гг. уп. Т.Ф. как пушкарь с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 897).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1639 г. как казачий десятник, в проезжей станице конвоировал ясачную казну в Москву (Служилые люди Сибири. С. 901).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 903).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. с окладом 7,25 руб.; погиб на р. Бие от ясачных людей в станице из 5 чел., посланной в Кумандинскую волость (1628) (Служилые люди Сибири. С. 904).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как участник похода Б. Аршинского на детей царевича Ишима 1625 г.; ездил со служилым татаринном в мятежную Барабинскую волость к мятежным татарам на разведку (Служилые люди Сибири. С. 904).

- Филиппов** (Филипов) **Степан** (Степанка) (**Козьи Ножки**), стрелец Тобольского города¹. 1620 г., января 16; 1622 г., марта 24.
- Филиппов** (Филипов) **Тихон** (Тиханка), казак Нарымского острога. 1617 г., сентября 17.
- Фирсов Поздей**, атаман Енисейского острога (ум. ок. 1627)². 1624 г., января 1, 24.
- Фомин Акинфий** (Окинфейка — Иакинф), казачий десятник Сургутского города. 1621 г., марта 24; 1623 г., октября 21.
- Фомин Иван** (Ивашка), (пеший) казак Тарского города³. 1622 г., мая 21.
- Фомин Максим** (Максимка), (конный) казак Тюменского города⁴. 1619 г., февраля 28.
- Фомин Мелентий** (Мелешка), стрелец Пелымского города. 1622 г., марта 31.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622 г. как обвиняемый и осужденный по делу о грабеже кельи архиепископа Киприана и насилии над «жонкой» Марфой Павловой (Служилые люди Сибири. С. 905).

² В справочнике Д.Я. Резуна, в т.ч. со ссылкой на выборку К.Б. Газенвинкеля (С. 11), уп. под 1624–1627 гг.: собирал ясак на Подкаменной Тунгуске (1624); с атаманом А. Тюменцевым ходил 6 недель на кочах вверх по Ангаре к тунгусам, с которыми сражался на р. Летней Россохе (1625); по дороге из Томска в Енисейск утонул в Оби, на его место служилые выбрали атаманом Максима Перфильева, но Сибирский приказ не утвердил выбор из-за вскрывшегося незаконного тайного ночного венчания новоизбранного с «женой» (вдовой?) покойного атамана немкой Аленой (Оленой) Андреевой дочерью (1627) (Служилые люди Сибири. С. 906).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 г. как пеший казак с окладом в 5,25 руб., 5 чети с осминой ржи, по 2 чети круп и толокна; под 1630 г. как конный казак с окладом в 4,25 руб.; женат (Служилые люди Сибири. С. 907).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г. во дворе за острогом и под 1630 г. в десятке Г. Данилова с окладом в 7 руб.; имел сыновей Бажена и Дружину (Служилые люди Сибири. С. 908).

Фомин Юрий (Юшка), стрелецкий десятник Туринского острога¹. 1619 г., апреля 4.

Форафонов Афанасий (Офонька), березовский или тобольский казак. 1616 г. февраля 7.

Фофонов (Фафонов/Фофанов) **Иван** (Ивашка), казак Березова города². 1623 г., сентября 16.

Фофонов (Фафонов/Фофанов) **Симон** (Симанка), служилый человек (казак) Березова города, мангазейский годовальщик (1617 г.)³. 1617 г., декабря 19; 1621 г., декабря 12.

Фролов Алексей (Олешка), пушкарь Туринского острога⁴. 1622 г., января 4.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4 руб. (Служилые люди Сибири. С. 909).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1647 г. — подал челобитную о морском ходе по Обской губе (Служилые люди Сибири. С. 909).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1643 гг.: с окладом в 5,24 руб. (1630); неоднократно ездил в Москву (1640, 1643) (Служилые люди Сибири. С. 909–910).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1622–1644 гг.: как пушкарь (1622), с окладом в 5 руб.; приказчик пашенных крестьян (1630); приказчик Ощепковой (Верхней Ницинской слободы) (1642); искал места вокруг Ощепковой и Ирбитской слобод для возведения острожков; в 1644 подал челобитную о записи в службу 3 сыновей с подробным рассказом о службах своих и предков: отец и дед служили стрельцами в Переяславле-Залесском, переведены в Казань после ее взятия; сам начал службу конным казаком г.Лаишева, участвовал в Ругодивском походе и в возведении Царева-Борисова и Уржума, в береговой службе в Серпухове и Туле; не позже 1600 г. переведен в Сибирь и участвовал в возведении Туринского острога (1600); в проезжей станице привез из Сибири ясачную казну и вошел в армию кн. М.В. Скопина-Шуйского, с которым ходил на деблокаду Москвы и участвовал в сражениях под Торжком, Переяславлем-Залесским, Александровой слободой и за Стромьинский острожек, после деблокады Москвы отпущен в Сибирь и ок. 20 лет служил в Пелыме и Туринске, в 1622 г. как туринский пушкарь отвозил из Тобольска жалованье ямщикам (Служилые люди Сибири. С. 910).

- Фролов Тихон** (Тихонка), казак Березова города¹. 1617 г., февраля 16.
- Фролов Яков** (Якушко), березовский казак². 1616 г., января 12.
- Хапугин Иван**, подьячий Тобольского города. 1617 г., апреля 13.
- Харитонов Василий**, певчий дьяк, ездил в Тобольск с сибирским архиепископом Киприаном. 1621 г., января 18; 1622 г., марта 21.
- Харламов Михаил**, сын боярский Тобольского города³. 1620 г., марта 3; 1621 г., марта 31.
- Харламов Третьяк** (Третьяк), сын боярский Тарского города⁴. 1618 г., апреля 30, мая 20; 1621 г., мая 2.
- Хлупин Иван** (Ивашка), казак Тарского города. 1620 г., июня 15.
- Хриштоп** (Хриштопка), холоп сибирского поляка Христофора Станковского. 1619 г., декабря 29.
- Худяков Семен** (Сенька) (**Артемов сын**), стрелец Пелымского города⁵. 1620 г., марта 28.
- Чглоков** (Чоглоков) **Гаврила** (Гаврилка), казак Березова города. 1613 г., декабря 29; 1616 г., января 12; 1616 г., сентября 28.
- Черкасов Аникий** (Оничка), конный казак Тарского города. 1613 г., декабря 29; 1620 г., января 22.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 911).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625 и 1630 гг. с окладом в 5,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 911).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1645 гг.: приказчик Чубаровской слободы (1625–1630, 1645), построивший острог силами местных крестьян (1625–1630), с окладом в 13 руб. (1630); в проезжей станице конвоировал ссыльных из Москвы (1633); искал земли под пашню «под Самаровыми горами» (1643); (Служилые люди Сибири. С. 915).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как посланник к калмыкам (1617); привез в Тобольск архиепископу Киприану грамоту о рассылке им по сибирским городам грамот об устройстве церквей и монастырей (1621) (Служилые люди Сибири. С. 915).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630–1664 гг. как стрелец с окладом в 4,25 руб. (1630) и как стрелецкий десятник с окладом в 4,5 руб. (1664); у него сыновья Герасим (Гарка) и Михаил (Служилые люди Сибири. С. 923).

- Черкасов Афанасий**, сын боярский Тобольского города. 16 ода. 1617 г., декабря 19.
- Черкасов Дмитрий**, сын боярский Тобольского города. 1619 г., марта 13.
- Черкасов Иван** (Ивашка), (служилый литвин) Тарского гор 1623 г., октября 29.
- Черкашенин Андрей** (Ондрюшка), казак Томского города 23 г., октября 7.
- Черный Григорий** (Гриша), служилый литвин Тобольского города. 1614 г., декабря 28; 1621 г., ноября 20.
- Чесноков Василий** (Васька), стрелец Верхотурского города¹. 1619 г., апреля 25.
- Чистюнка** (Чистюня) **Григорий** (Гришка), пеший казак Тобольского города². 1617 г., марта 10.
- Чоглоков, см. Чеглоков
- Чугаров** (Чюгаров) **Янгурчей-мурза**, служилый мурза Пелымского города. 1617 г., марта 29.
- Чура** (Чюра) **Иван** (Ивашка) Степанов сын, казак Тюменского города. 1617 г., апреля 4.
- Шалга Иван** (Ивашка), стрелец Туринского острога. 1623 г., марта 23.
- Шарыгин Андрей**, сын боярский Тарского города (служилый литвин он же?). 1614 г., января 26.
- Шарыгин Андрей**, служилый литвин Тарского города (сын боярский он же?). 1614 г., декабря 28.
- Шарыгин Андрей**, голова стрелецкий Туринского острога³. 1618 г., марта 4; 1622 г., июля 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 и 1630 гг. в деревне на р. Салде, с окладом 4 руб. 8 алт., 2 пуда соли, служил с пашни с додачей в 5 чети с осминой ржи; женат (Служилые люди Сибири. С. 934).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как Г. Чистюня под 1624 г. во дворе на Пермской улице (Служилые люди Сибири. С. 937).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как сын боярский под 1608–1630 гг.: с атаманом В. Тюменцем ездил с посольством к Алтыну-царю в 1608 г., они же пытались проехать в Монголию и Китай в 1620 г., но не были пропущены енисейскими киргизами; привез из Москвы в Тобольск грамоту о мангазейском морском ходе (1617); имел оклад в 20 руб. (1622, 1630) (Служилые люди Сибири. С. 941).

- Шарыгин Семен** (Семейка), пеший литвин Тарского города. 1614 г., января 26.
- Шарыгин Семен** (Семейка), сын боярский Туринского острога¹. 1618 г., марта 4.
- Шатой** (Шатый) **Василий**, уфимский («уфинец») сын боярский. 1621 г., января 26.
- Шаханов Ульян** (Ульянка), казак Верхотурского города. 1621 г., марта 22, ноября 21.
- Шебунин Дмитрий** (Митька) **Яковлев** (сын), стрелец Верхотурского города². 1623 г., января 27.
- Шелевский Андрей** (Ондрюшка) (**Яковлев сын**), казак Сургутского города³. 1623 г., сентября 29.
- Шерапов** (Шарапов?) **Василий** (Васька), казак Сургутского города. 1617 г., января 21.
- Шестаков Завьял** (Завьялка), казак Сургутского города. 1623 г., сентября 29.
- Шешуков Семен** (Семейка), ямской охотник Тюменского города. 1616 г., января 30; 1619 г., февраля 28.
- Шибанов Меркурий** (Меркушка), казак Сургутского города. 1620 г., января 16.
- Широкий Герасим** (Герасимка), казак литовского списка Тарского города⁴. 1621 г., января 5.
- Шохтин Семен** (Семейка), казак Тобольского города⁵. 1624 г., мая 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1623–1663 гг. с окладом в 7,25 руб. (1623, 1630); с М. Ремезовым отделя землю под новую Туринскую слободу (1643); межевал Верхотурский и Туринский уезды (1645); имел оклад в 14 руб., на его место верстан Ф. Лисицын (1663) (Служилые люди Сибири. С. 941).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 4,25 руб., 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 943).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 5,25 руб., 7 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли; женат (Служилые люди Сибири. С. 944).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 и 1638 гг. во дворе за острогом, с окладом в 7,25 руб. (Служилые люди Сибири. С. 950).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1629 г. как участник похода воеводы А. Палицына в Мангазею на кочах, в Тобольске за отказ есть сырые грибы, по приказу воеводы, его «проволочили через коч» (Служилые люди Сибири. С. 955).

- Шпаковский Яков** (Якушка) (**Иванов сын**), служилый литвин Сургутского города, (поляк)¹. 1618 г., мая 8, 16.
- Шульт** (Шулт) **Адам** (Адамка), казак «литовского списка» Тарского города². 1623 г., марта 31.
- Щегловский Яков** (Якунка), служилый литвин Тюменского города. 1614 г., мая 8.
- Щека Богдан** (Богдашка), конный казак Верхотурского города³. 1614 г., декабря 28.
- Щепоткин Павел** (Павлик), целовальник Томского города. 1617 г., января 18.
- Щербаков Григорий** (Гришка) (**Яковлев сын**), (конный) казак Томского города, тунгусский годовальщик⁴. 1621 г., января 5.
- Щипунов Владимир** (Володька), мангазейский целовальник. 1622 г., декабря 13.
- Щитов Мартемьян** (Мартьяшка), (конный) казак Томского города⁵. 1623 г., октября 29.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна (с отсылкой в т.ч. к работе: *Никитин Н.И.* Сургутские казаки в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 400-летию города Сургута: тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 1994. С. 100) уп. как Ян (Янко, Якуша, Якушко) Шпаковский под 1612–1630 гг.: кетский годовальщик (1612); собирал ясак в «Тюлкиной земле» за Енисеем (1612–1613); имел оклад в 7 руб., 8 чети ржи, 2 чети круп и толокна (1626); 9,25 руб., 8 чети ржи, 4 чети овса, 2 пуда соли (1630) (Служилые люди Сибири. С. 955).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. как казачий десятник литовского списка А. Шулт под 1626 и 1630 гг. с окладом в 7,5 руб., 6 чети с осминой ржи, 2 чети круп и толокна (Служилые люди Сибири. С. 957).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как тобольский казак, в проезжей станции привез грамоту из Москвы на Верхотурье в 1601 г. (Служилые люди Сибири. С. 962).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1625–1642 гг. с окладом в 7 руб. 8 алт. 2 ден., 6 чети с осминой муки, 2 чети круп и толокна; женат (1626, 1630, 1642) (Служилые люди Сибири. С. 964).

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1630 г. с окладом в 7,25 руб., 6 чети муки, по чети круп и толокна, 2 пуда соли; к 1637 г. служил с земли с додачей осмины ржи; женат, у него сын Иван (Служилые люди Сибири. С. 966).

- Юалин** (Юлиан?) **Семен** (Семейка), толмач Тобольского города. 1617 г., июля 16.
- Юганский Кулук**, ясачный служилый остяк Сургутского города. 1622 г., декабря 18.
- Юдин Иван** (Ивашка), сибирский казак, мангазейский годовальщик¹. 1620 г., ноября 14.
- Юнт Клаус**, служилый немчин Тарского города². 1614 г., марта 11.
- Юрлов Третьяк**, атаман Тобольского города. 1619 г., ноября 11.
- Юрьев Валентин** (Валька), казак Березова города. 1616 г., ноября 23.
- Юрьев Василий** (Васька), казак Березова города³. 1614 г., февраля 12; 1616 г., ноября 23; 1622 г., ноября 25.
- Юрьев Василий** (Васька), казак Верхотурского города. 1623 г., апреля 22.
- Юрьев Григорий** (Гришка), мангазейский целовальник. 1623 г., ноября 14.
- Юрьев Кузьма** (Куземка), целовальник Томского города. 1617 г., октября 17, декабря 7.
- Юрьев Петр** (Петрушка), пеший казак Верхотурского города. 1614 г., декабря 28.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. одноименный тобольский казак под 1625 г., конвоировал из Москвы в Тобольск ссыльного монаха (Служилые люди Сибири. С. 968). Вопрос о его идентификации с нашим казаком требует дополнительного исследования.

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. сибирский служилый немчин Долкорт Юнцов, участник полхода на Ямыш-озеро 1608 г. (Служилые люди Сибири. С. 969). Вопрос о его связи с тарским Клаусом Янтом 1614 г. требует дополнительного исследования.

³ Позднее — приказчик туринских пашенных крестьян, см. о нем подробнее: *Солодкин Я.Г.* Два березовских казака (из ранней истории гранизона первого русского города Нижнего Приобья) // Материалы и исследования по истории России. Вып. 2 / Отв. Ред. Я.Г. Солодкин. Нижневартовск, 2017. С. 21–23.

- Юрьев Петр** (Петрушка), пеший казачий десятник Тарского города. 1621 г., февраля 9.
- Ядринский Степан** (Степанка), казак Томского города¹. 1619 г., ноября 29; 1620 г., февраля 4.
- Ядровский Дмитрий**, служилый литвин Тобольского города². 1622 г., августа 30.
- Якимов Федор** (Фетка), (конный) казак Тюменского города³. 1617 г., февраля 16.
- Яков**, поп сибирского и тобольского архиепископа Киприана. 1624 г., мая 22.
- Яковлев Анисим** (Анисимка), служилый человек Сургутского города. 1622 г., ноября 25.
- Яковлев Анц**, служилый немчин Тобольского города⁴. 1616 г., января 12; 1620 г., апреля 13.
- Яковлев Ерофей** (Ерофейка), тюменский казак. 1616 г., сентября 28.
- Яковлев Иван** (Ивашка), казак Сургутского города. 1621 г., марта 24.
- Яковлев Иван** (Ивашка), пашенный крестьянин Тюменского города. 1616 г., сентября 28; 1617 г., января 21.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1619 г. (в книге опечатка — указан 1719 г.) как участник похода сына боярского Остафия Харламова (ум. 1642) в Абинскую волость для возведения острожка (Служилые люди Сибири. С. 971).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1614–1626 гг.: служилый поляк, сосланный в Тобольск в 1614 г., имел двор на улице от Воскресенской церкви (1624); в 1626 г. записали его сказку о Качинской земле (Служилые люди Сибири. С. 972).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как десятник конных казаков под 1624 и 1630 гг. во дворе за острогом, с окладом в 7 руб. 16 алт. 4 ден. (Служилые люди Сибири. С. 973).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1624 г., во дворе на улице напротив Воскресенской церкви, а также землю и двор в деревне за Иртышом «против Чюваш». Также уп. пеший казак, немчин Анца (Алфов, Вольф, Вульф, Ганс) под 1620–1626 гг. во дворе в тупике Гостиной улицы Тобольска, автор не исключал его идентичности с А.Я. (Служилые люди Сибири. С. 38, 974).

- Яковлев Малюта** (Малютка), (пеший) казак Томского города¹. 1619 г., декабря 26.
- Яковлев Мартын** (Мартинка), березовский казак, мангазейский годовальщик. 1620 г., января 16.
- Яковлев Первой** (Первак, Первушка), казак Березова города². 1616 г., января 12; 1619 г., января 29; 1621 г., марта 24.
- Яковлев Петр** (Петрушка), пеший казак Тюменского города³. 1618 г., февраля 21.
- Яковлев Петр** (Петрушка), стрелец Тарского города⁴. 1619 г., июня 22.
- Яковлев Пятой** (Пятунка), казак Сургутского города⁵. 1616 г., января 12; 1620 г., января 16.
- Яковлев Семен** (Семейка), целовальник Березова города. 1616 г.; ноября 23.
- Яковлев Сергей** (Сергушка), служилый немчин Тобольского города. 1623 г., августа 18.

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1626 г., с окладом в 4 руб., 5 чети с осминой муки, четь круп и толокна; женат (Служилые люди Сибири. С. 977).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1621–1651 гг.: в Тобольске записали его сказку, как казака, о начале Березова и его первопоселенцах (1621); собирал ясак (1637); в 1640 г. пожалован в дети боярские; доставил в Москву отписку о перемене остяцкого «князьца» Поско Хулеева «на других аманатов» (1651) (Служилые люди Сибири. С. 977).

³ В справочнике Д.Я. Резуна уп. как подписант войсковой челобитной 1627 г. против назначения воеводой б. кн. Ю.Я. Сулешевым сына боярского И. Воинова казачьим атаманом «мимо» мнения «войска»; десятник пеших казаков с окладом в 4 руб. 16 алт. 8 ден. (Служилые люди Сибири. С. 978).

⁴ В справочнике Д.Я. Резуна под 1626–1648 гг. уп. одноименный казак: как пеший казак с окладом в 5,25 руб. (1626, 1630); как конный казак (1648) (Служилые люди Сибири. С. 977). Вопрос о его идентификации с нашим стрельцом требует дополнительного исследования.

⁵ В справочнике Д.Я. Резуна (с отсылкой и на работу: *Никитин Н.И.* Сургутские казаки в XVII в. С. 108) уп. под 1635 и 1637 гг., в проезжей станице отвозил в Москву пушнину через Обдорскую заставу (Служилые люди Сибири. С. 978).

Яковлев Терентий (Тренька), казак Нарымского острога. 1619 г., февраля 26.

Яковлев Федор (Фетька), казак, (казачий) десятник, есаул Тюменского города¹. 1617 г., января 2, декабря 15; 1620 г., марта 2.

Янбучев Белык (Беляк?), служилый татарин Тарского города. 1616 г., мая 3.

Янгурчей-мурза, см.: Чугаров

Янов Федор, служилый литвин Тобольского города. 1616 г., марта 22.

Ярославцев Семен (Сенька), сибирский (пелымский?) стрелец². 1621 г., февраля 20.

Яцкой (Яцково) **Герасим** (Гарасимка), служилый литвин Тюменского города. 1614 г., марта 9; 1621 г., февраля 27.

А.В. Малов

¹ В справочнике Д.Я. Резуна уп. под 1617–1630 гг.: по его челобитью 1624 г., начал службу в Тюмени с 1608/09 г., участвовал в походе армии кн. М.В. Скопина-Шуйского из Великого Новгорода к Москве (1609–1610) и в осаде и освобождении Москвы 1-м и 2-м ополчениями (1611–1612); в отряде сына боярского С. Молчанова ходил в посылку на мятежных ясачных татар, за что пожалован в есаулы (1617); имел двор в остроге на посаде, и оклад в 8 руб. 16 алт. 4 ден. (1624, 1628, 1630); возил в Москву отписку с челобитной ясачных татар об обороне их от калмыков (Служилые люди Сибири. С. 978).

² В справочнике Д.Я. Резуна уп. пелымский стрелец, распянный на 2 статьи: 1) Семен Ярославцев под 1630 и 1637 гг. с окладом в 4 руб.; 2) Семен Ярославцев в 1618 г. на тунгусской службе из Тобольска в отряде сына боряского П. Албычева (Служилые люди Сибири. С. 978), но его идентификация с нашим одноименным сибирским стрельцом требует дополнительного исследования.

Заключение

История российского казачества насчитывает более пяти столетий. За это время оно прошло сложный и трудный путь, особенно же важная, судьбоносная часть этого пути пришлась на XVI и XVII века, которым и посвящено наше исследование. Это был период становления казачества как особой социокультурной общности, формирования его этнического ядра и уникальной социальной организации, выхода на историческую арену.

Вольно или невольно порвавшие со своим прошлым изгои, беглецы, бродяги и те лично свободные, которым претил рутинная жизнь на родине, переселялись на неосвоенные окраины страны — в «Дикое Поле», где, объединившись в независимые самоуправляемые сообщества, главным источником своего существования сделали «воинский промысел». Он понимался в ту пору очень широко — от банального разбоя и набегов на соседние народы и страны, до найма на военную службу правителям различных государств.

Они не могли не знать о ратном мастерстве казаков, приобретенном в экстремальных условиях «Дикого Поля», в противоборстве с враждебно настроенными «ордами» и во время морских походов «за зипунами» к турецким и персидским берегам. Ведь казакам был «за обычай» как «огненный», так и «лучный» бой, они уверенно чувствовали себя и «на коне», и «на челне», умели не только защищать, но и «брать» сильно укрепленные города, были непревзойденными мастерами рукопашного боя. Поэтому стремление использовать казаков в своих внешнеполитических интересах было характерно для

столиц многих граничащих с ними государств, однако успешнее всего оно было осуществлено Москвой.

И это было тоже закономерно. Являясь в большинстве своем выходцами из русских земель, казаки, несмотря на свое «вольное житье», сохраняли с ними множество связей — личных, семейных, религиозных, хозяйственных, бытовых... Поэтому судьбы казачества и России стали переплетаться едва ли не с появления самых первых казачьих ватаг в «Диком Поле» и в конце концов слились воедино.

«Вся история России сделана казаками», — такую запись оставил Л.Н. Толстой в 1870 г.¹ Буквальное восприятие этих слов, было бы, конечно, большим преувеличением, но нельзя не признать, что казаки, превосходя все категории населения России по своей социально-политической активности, сыграли выдающуюся роль в российской истории — и в войнах, которые вело государство Российское, и в смутах, которые потрясли его основы, и в присоединении к нему и освоении огромного массива земель по мере продвижения России на восток.

Отношения между вольным казачеством и Российским государством, вначале выглядевшие как союзнические, затем вассальные, а к концу XVII столетия ставшие вполне подданныческими, при всей своей взаимовыгодности далеко не всегда были безоблачны, порой даже приобретали драматический характер, но несмотря на все издержки являлись жизненно необходимыми для казачества. Сильно увеличившись численно, в XVII в. оно не могло обойтись без «припасов», регулярно поставляемых «с Руси» на «казачьи реки» — хлеба, пороха, свинца, ядер, тканей и многих других видов «государева жалованья». Московскому правительству приходилось спасать казаков и от физического уничтожения, как это было на Дону после знаменитого «Азовского сидения», и ограждать казачьи поселения от нападений воинственных соседей дипломатическим путем, как это не раз бывало на Кавказе.

Втягивание казачьих областей в орбиту влияния Российского государства и Православной церкви проходило не без

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 48. С. 123.

сложностей, но в итоге содействовало укреплению материального положения казачества, повышению его культурного уровня и оказывало в целом весьма благотворное влияние на казачьи нравы, которые неуклонно смягчались, а издревле присущие им пороки (в частности — «разбойничьи повадки») быстро изживались.

Наиболее дальновидные представители казачества (главным образом из числа обычно порицаемой нашими историками «старшины») хорошо понимали пользу и неизбежность интеграции своих областей в российское общество и потому в меру сил старались содействовать этому, хотя далеко не всегда встречали поддержку своей позиции у казачьих «низов». Неразрывность судеб казачества и России осознавалась многими образованными казаками и позднее, и им тоже пришлось отстаивать свои взгляды в спорах с носителями иной идеологии. Как писал бывший член Донского Войскового круга и Верховного круга Дона, Кубани и Терека, заведующий Донским казачьим архивом в Праге П.А. Скачков, «судьба казачества неотделима от судьбы России. Будет жива Россия, будет живо и казачество; не будет России, не станет и казачества»¹. В том же духе высказывался другой белоэмигрант — казачий поэт («донской Есенин») подъяесаул Н.Н. Туроверов: «Любовь к родному краю, гордость Доном должны только увеличивать, а отнюдь не умять, безграничную любовь к России, непреклонную гордость Российским государством <...> Без России и вне России у казачества не было, нет и не может быть дорог!»²

В современном казачестве тоже происходит столкновение мнений по поводу его дальнейшей судьбы. Позиции сторон порой диаметрально противоположны, но наиболее образованные и реалистические мыслящие казаки видят будущее казачества только в деятельности, сопряженной с общероссийскими интересами. Верховный атаман Союза казаков

¹ Казачество: Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. М., 2007. С. 270.

² Там же. С. 281.

России П.Ф. Задорожный обратил внимание на то, что после инкорпорации казачьих «войск» в социальную структуру Российской империи они вписали наиболее яркие страницы в летопись своей воинской славы. Именно «на государственной службе, — подчеркнул он, — обрели казаки расцвет, духовный взлет, проявили блеск удали и дерзкой отваги, самоотверженность и верность присяге»¹.

Востребованность патриотического и военного потенциалов казачьих организаций в современной России ощущается всё сильнее и всё чаще находит понимание и поддержку во властных структурах. Но не менее ценно для нашей страны сохранение и развитие казачьих традиций в духовно-нравственной и социальной сферах. В глазах ученых-обществоведов они, может быть, выглядят архаично, но, как справедливо заметил еще в 1928 г. бывший председатель Южно-Русского правительства и председатель Донского правительства эмигрант Н.М. Мельников, «возврат к прежним истокам не всегда означает регресс, как и новые течения далеко не всегда равнозначны с прогрессом»². «Всегда ли старое — регресс, а новое — прогресс?» — задается вопросом и современный автор — М. Чертанов³. А доктор исторических наук, профессор В.Н. Дариенко убежден, что «современное возрождение казачества представляет собой ни что иное, как восстановление лучших и наиболее глубоких традиций подлинного народоправства»⁴. И с этим трудно не согласиться.

Уместно в этой связи привести и слова А.И. Солженицына, сказанные им в сентябре 1995 г. на одной из телепередач. «У исторической России была такая характеристика, или явление такое, которого не было ни в одной стране мира, — это

¹ *Задорожный П.Ф.* Предисловие // *Союз казаков России. 1990–2010.* М., 2010. С. 3.

² *Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества.* С. 225.

³ *Чертанов М.* Степан Разин. М., 2016. С. 14.

⁴ *Дариенко В.Н.* Коллизии обычного и позитивного права в судьбах вольных казачьих общин // *Историчний архів. Наукові студії.* Миколаїв, 2008. Вип. 1. С. 59.

казачество, — заявил знаменитый писатель. У государственных деятелей других стран, у военачальников это явление вызывало зависть, а в случаях конфликтов — страх. Казачество было удивительным сочетанием — буйного своеволия, свободной выборности и потом строжайшей иерархии, строжайшего неукоснительного выполнения государственных задач. Удивительное это создание — казачество. Оно не вписывается ни в коммунизм, ни в капитализм. Не вписывается ни в какую схему». Это Солженицын считал «признаком совершенного своеобразия» и призвал не упускать «такую государственную историческую драгоценность России, как казачество» и «помочь ему развиваться и вырасти»¹.

Правдивое, научно обоснованное изложение истории казачества более других мер поможет ему в таком развитии. И это в последнее время тоже находит понимание и у здравомыслящих казачьих активистов, и в правительственных кругах. Как заметил вышеупомянутый атаман П.Ф. Задорожный, «казачество — составная часть русского народа, поэтому его история должна рассматриваться в неразрывной связи с историей России»².

Немало поводов для оптимизма дает и утвержденная в 2020 г. «Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества». В ней, в частности, предусматривается «содействие научному изучению истории российского казачества, противодействие фальсификации страниц истории России, связанных с российским казачеством»³.

Надеемся, что наша книга будет содействовать выполнению этой задачи.

Н.И. Никитин

¹Цит. по: *Степанченко В.И.* На рубеже веков. Ч. 1. СПб., 2012. С. 280–281.

²*Задорожный П.Ф.* Предисловие // *Союз казаков России.* 1990–2010. М., 2010. С. 3.

³URL: <http://kremlin.ru>acts/bank/45821>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

(подготовил к публикации А.В. Малов)

Приложение 1

**1712–1721 г. — Внутренняя опись
несохранившейся книги
Донского повытья
Коллегии иностранных дел**

(Л. I) № 6.

1721 ГОДА.
ОПИСЬ ДЕЛАМ ДОНСКАГО ПОВЫТЯ
* КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ¹,
С 1712 ПО 1721 ГОД.

(Л. 1) Опись делам Донского повытья 1712-го году.

Выписка о посылке на Дон з зимовую станицю на 1712 год обыкновенного жалованья и о даче зимовой станице для царевичева брака соболей и клейнот — лист 1-й.

Список с отписки донской о выборе атамана Василья Фролова з другими старшинами и с Войском в полк ближнего боярина Петра Матвеевича Апраксина и о отгоне у них табунов — лист 4-й.

Список с отписки о даче великого государя жалованья на подъем — лист 9-й.

¹ Над строкой вместо вымаранного: в Посолском приказе.

Грамота на Дон, что им в военном походе не быть и с подданными Порты Оттоманской никаких ссор не чинить — лист 13-й.

И об отдаче адмиралу графу Апраксину (*Л. 1 об.*) по требованию ево медных пушек.

Список с отписки донских казаков о приеме годового жалованья — лист 15-й.

Грамота на Дон, чтоб в военной поход того году им итить великий государь не указал, и с кубанцы, и с крымцы, и с нагайцы ссор им не иметь — лист 17-й.

Грамота на Дон о посылке грамоты *⁻к Аюке⁻¹-хану², чтоб отогнанной у азовских обывателей конской табун, сыскав, для отдачи прислал в Черкаской — лист 19-й.

Список с отписки о даче обыкновенного жалованья на 713-й год, и при ней допрос войскового атамана Петра Емельянова — лист 21-й³.

(*Л. 2*) Описание делам Донского повытья 1713 году.

Список з грамоты на Дон о готовности их для сопротивления неприятелю — лист 1-й.

Список з грамоты на Дон о объявлении нарушения мирного договору от турка и о готовности им к сопротивлению — лист 3-й.

Список с отписки донских казаков о ведомостях, что крымской хан пошел провожать швецкого короля въ его землю, а турки Азов крепят — лист 5-й.

Список с отписки донских казаков о посылке калмык для челобитья о жалованье — лист 9-й.

Список з дву отписок донских казаков о разных делех — лист 11.

Грамота на Дон о даче казаком, (*Л. 2 об.*) которым определено итти в поход, великого государя жалованья — лист 18-й.

¹ По исправленному.

² Над строкой.

³ Далее — нумерованный чистый лист.

Список с отписки донских казаков и з допросов атамана Тимофея Соколова и турчанина Обдула Обдалова — лист 20-й.

Грамота на Дон о посылке грамоты о даче им железа на Воронеже, и чтоб они приезжих калмык впредь не принимали — лист 27-й.

Грамота на Дон о высылке казаков в поход немедленно — лист 29-й.

Отписка з Дону от казаков о ведомостях, что король шведской с камандою взят в Царьград неволею, а салтан турецкой намерен итти войною под государевы города — лист 31-й.

Грамота на Дон о чинении им над неприятелем воинских промыслов наступательным и оборонительным образом — лист 33-й.

(Л. 3) Экстракт из отписки донских казаков о разорении их городков от Кубанской орды и о разбитии той орды от них и о взятии татар в полон и о посылке к Москве татарине и из допросу онога татарина — лист 37-й.

Грамота на Дон о не чиненной¹ им набегов на турецкие и татарские и кубанские места — лист 40-й.

Грамота на Дон о не чинении на границы турецкие набегов и воинских действий — лист 42.

Список сведения, каково послано в Сенат по челобитью Помесного приказу подьячего Степана Стерлегова² о донском казаке Борисе Мещерякове — лист 43-й.

Выписка из донских отписок, присланных зимовою станцею о разных делех — лист 51-й³.

(Л. 4) Опись донских дел 1714-го году

Список з грамоты о сыску на Дону беглых людей — лист 1-й.

Список с писма, каково послано от великого государя в Азов к полковнику к господину Долгорукову о сыску беглецов — лист 5-й.

¹ Так в ркп., вероятно д.б.: не чинении.

² Испр. из: Степанова.

³ Далее чистый л. 3 об.

Экстракт из донских отписок и из посланных грамот о отогнанных табунах — лист 7-й.

Челобитная донского казака Григорья Панфилова о даче ему для выкупу сына ево денег — лист 9-й.

Список с отписки донской о переезжем татарине Мустафе, и при ней из допросу ево Мустафина — лист 10-й.

Выписка из учиненного трактату и по ней указ, чтоб переезжих (Л. 4 об.) из турецкой области никого не принимать — лист 17-й.

Грамота на Дон о непринимании на Дону перебежиков ис турецкой области — лист 20-й.

Выписка из отписки донской и из роспросу взятого татарина — лист 22-й.

Выписка о приезде донских казаков лехкой станицы — лист 26-й.

Отписка з Дону о калмыцких обидах — лист 35-й.

Письмо к государственному канцлеру от во(й)скового атамана о даче на окуп татар — лист 37-й.

Проезжей лист донским казаком Андрею Авдееву, Никите Родионову и при них двум татариним да жонке — лист 40-й.

Список з донской отписки о разорении им (Л. 5) от кубанских татар — лист 41-й.

Список з донской отписки о обыкновенном жалованье и чтоб к тому числу что прибавить — лист 45-й.

Список з донской отписки о принятии его великого государя жалованья и о набегах калмыцких — 49-й¹.

(Л. 6) Опись делам Донского повытья 1716-го году

Выписка о посылке на Дон жалованья на 1716 год — лист 1.

Грамота на Дон о имении от приходу неприятельского осторожности — лист 7.

Письмо в Москву к секретарям о посылке выписки и указу о даче зимовой станицы, тако ж и о посылке на Дон обыкновеннаго жалованья — лист 9.

¹ Далее чистый л. 5 об.

Доношение в Сенат о посылке к азовскому паше взятого татарина и об обидах от некрасовцов, о требовании наказания, и при том грамоты к адмиралу графу Апраксину и на Дон к атаману и казаком — лист 11.

С[п...]ъ отписок [... / ... — лист] 37.

Дон[ошение ...] (Л. 6 об.) велено пришедших к ним в Черкасское с Кубани трех братьев родных, будет они подлинно родились от русской бабы, то их крестить, будет сказали ложно, то их выслать вон и впредь никаких перебежиков принимать не велено, тако ж калмыков из владенья Аюки хана, которые вновь из улусов ево перейдут, не принимать; тако ж и о розмене турков и бешлеев на русских казаков в при...ой грамоты на Дон к Войску Донскому и к адмиралу графу Апраксину — лист 46.

Копия с вышеписанного доношения в Сенат и с указу — лист 67.

Отписка з Дону о бывшем с кубанцами бою и о взятии в полон 20 человек и о посылке татарина Тудабыка¹ да отписка² от князь Дмитрея Колцова Масалского ...³ в Москву и при то[м] ... атамана Ив[ана] ..., присланного та... письмо к вороневско[му] ...пору (Л. 7) господину Колычову и допрос ево, Тударыков, писан по-татарски, и записка о отдачи ево, Тударыка, в тюрьму за караул; и памяти о даче им, донским казаком, питья, и о подводах, и грамота на Дон об отпуске ево, атамана, с Москвы на Дон, и проезжей лист им, казаком — лист 74.

Список с отписки донской и з доезду, каковы подал подъячей Федор Ключарев об отвозе жалованья на Дон — лист 98.

Список с отписки донской о привозе казака Карнила Сазонова в объявленных у него денежных семи чеканах, и при том допросы ево, Сазонова, да станичного атамана Ивана Дронова; и при том черное доношение в Сенат, и по тому доношению из Сената указ: велено з Дону казаков Андрея

¹ Испр. из: Тударыка.

² Далее вымарано слово, не читается.

³ Здесь и далее — утрата части листа.

Петрова и Никифора Леонтьева, взяв к Москве, о тех чеканах розыскивать, и о том послана на Дон грамота — лист 102.

Ведение из Адмиралтейства и по тому (*Л. 7 об.*) ведению сенатской приговор о посылке грамоты на Дон к войсковому атаману и ко всему Войску в розыску, что присланных из нового транжаменту салдат казаки били ль, и чего ради он, атаман, управу не дал — лист 120.

Грамота на Дон к Войску Донскому о розыске: каким способом явился на огородах салдат повешен — лист 123.

(*Л. 8*) Описание делам Донского повывья 1717-го году.

Выписка из отписок донских, присланных з зимовую станицю — лист 1-й.

Письмо от государственного канцлера к губернатору Азовскому о даче на будары гребцов, а сухим путем — подвод донским казаком — лист 7-й.

Письмо от государственного ж канцлера к московскому губернатору о присылке денег в положенное число с Московской губернии в донской отпуск — лист 9-й.

Копия з донских отписок, присланных лехкой станицы с атаманом Киреем Григорьевым из допросу Федора Ключарева копия о разных делах — лист 11-й.

Список с отписки донской о присылке з Дону взятого татарина Мамбетя; и при том допросы станишного атамана Даниса¹ Ильина и ясаула Леонтья Иванова и оного татарина Мамбетя — лист 19-й.

(*Л. 8 об.*) Список с той же донской отписки из допросов — лист 22-й.

Выписка из донских отписок и из допросу взятого кубанского татарина, по которой докладывано в Сенате и велено татарина до указа держать в тюрьме за караулом — лист —

Выписка о приезде з Дону в лехкой станице атамана Аксена Фролова, по которой и указ велено послать грамота

¹ *Испр. из: Данила, вероятно, при правке имели ввиду: Дениса.*

на Дон с похвалою, а впредь над кубанцами велено всякое воинское действие чинить, и при том черная на Дон грамота — лист 29-й.

Письмо в Москву в Посолской приказ к секретарям об отпуске лехкой станицы атамана Аксена Фролова паки на Дон — лист 38-й.

Ведение из Сената о посылке на Дон грамоты, чтоб донских казаков 500 человек отправить в команду брегадира Кропотова — лист 39-й.

(Л. 9) Письмо от государственного канцлера к адмиралу графу Апраксину об отпуске на Дон колоколов; тако ж и о взятых з Дону для отдачи в Азов пушек — лист 40-й.

Копия с присланной з Дону росписи взятым пушкам — лист 47-й.

Грамота на Дон об отпуске вышедшаго ис полону донского казака Андрея Чирского на Дон — лист 48-й.

Черная выписка приезду з Дону в лехкой станице атамана Аксена Фролова — лист 49-й.

* Отписка з Дону об обидах на Аюкиных калмыков — лист 62.

Черная грамота на Дон о осторожности от кубанцов — лист 64.

Указ из Сената о решении дела армянина Асподура Асканоса⁻¹

(Л. 10) Описание дел Донского повьятья 1718-го году,
а в нем:

Реэстр взятым казаком в Преображенское присланные з Дону с войсковыми отписки — лист 1.

Выписка из донских отписок о кубанских ведомостях — лист 2.

¹ Другим поч. и б. бледными черн. фамилия армянина читается предположительно. Далее чистый л. 9 об.

Челобитная донского казака Дементья Остафьева о даче ему на розмену ис полону ис Крыму брата ево полонного турченина Алея из Новагорода — лист 6.

Челобитная другая ево ж — лист 7.

К великому государю отписка донских казаков о протопопе Алимпиеве и о непостоянстве ево¹ улики — лист 8.

Допрос протопопа Федора Алимпиева против отписки донских казаков — лист 12.

(Л. 10 об.) Доношение протопопа Федора Алимпиева на донских казаков — лист 20.

Копия з дела донского протопопа Федора Алимпиева з донскими казаками, каково прислано ис Преображенского приказу — лист 50.

Память ис Преображенского о присылке протопопа и попа да казаков 6 человек в Посолской приказ — лист 124.

Извет донского попа Алексея Никитина, и выписка, и указ — велено того попа сослать всылку в Соловецкой монастырь — лист 137.

К великому государю отписка донских казаков о донском казаке воре Михайле Халимонове — лист 146.

Перевод с татарского письма крымского хана к донским казаком — лист 148.

Допрос донского казака Василья Богомолова о деле государеве — лист 150.

(Л. 11) Память ис Преображенского приказу о присылке донского казака Дьякова в Посолской приказ и ево, Дьякова, роспрос — лист 152.

Два письма к государственному канцлеру от маеора князя Юсупова, княжова, и на оные ответ — лист 158.

Отписка з Дону о неприятельских набегов в украинные места — лист 163.

Лист татарского письма и с него перевод к войсковому атаману от Бахты-Гирея — лист 165.

¹ Над строкой.

Доношение от Казанской губернии о неприятельских замыслах кубанского Бахты-Гирея, салтана, с войски и копий с листом из Азова пашей — лист 168.

Выписка из отписки донских казаков и ис переводу с листа крымского хана о Бахты-Гирея, салтане, что он ислямскому государю изменил и о других ведомостях — лист 172.

(Л. 11 об.) Список з донской отписки лехкой станицы с атаманом Титом Аверкиевым с станишники о присылке з Дону казаков в государеве деле — лист 176.

Великого государя указ о посылке грамоты на Дон, дабы им не писать на письмо Бахты-Гирея, салтана, и великого государя грамота о том — лист 184.

К великому государю отписка з Дону и съ Терку от казаков, что Терек-река от набегов бусурманских разоряется, и доношение с них в Сенат — лист 187.

Ведение из Сената о тех же яицких казаков — лист 192.

Великого государя грамота на Дон о посылке з Дону казаков на Яик для охранения от набегов бусурманских — лист 196.

Ведение из Сената для охранения о бытии брегадиру Кропотову з драгунскими (Л. 12) полками меж Саратова и Пензою — лист 197.

Ведение в Сенат о донских казаках, которые при бригадире Кропотове, что те казаки в запасех имеют скудость — лист 199.

Ведение из Сената о тех же донских казаках и великого государя грамота о том на Дон — лист 207.

Выписка и под оную указ из донской отписки о казаке Василье Богомолове, которой за собою сказал государево дело и великого государя грамота о том на Дон, дабы беглых драгун и салдат русских не принимать — лист 204.

Писма к государственному канцлеру от маеора Юсупова о взятъе в полон коликое число мужеска и женска полу взято и по них ответ — лист 232.

Ведение в Сенат ис писем Юсупова — лист 236.

(Л. 12 об.) Выписка черная о обидах и разорении от кубанских татар в Пензенском уезде и в донских городках — лист 237.

(Л. 13) Реестр Донского повытья 1719-го году

№ ¹ _	Листы ²
1. Отписка а[дмирала и] ³ ковалера, что в Черкасском моровое п[оветрее ... п]ресеклось, и об отправлении к Москве ... с о[тп]искою и с писмами, которым под тою отпискою ре-эстр и 8 копий с отписок.	– 1.
2. Выписка о посылке на Дон жалованья и под тою выпискою подписано: указ февраля 26 дня.	– 19.
3. Память черная о посылке на Дон с Воронежа хлеба и вина и протчего, марта 3-го дня.	– 29.
(Л. 13 об.) 4. Память черная * ⁻ в Адмиралтейскую коллегию ⁻⁴ о посылке на Дон годового денежного и хлебного жалованья и вина и пороху и свинцу и протчего, и о удовольствовании под те припасы бударами и кормщики и гребцы и провожатыми, марта 3-го дня.	– 33.
5. Память черная к фельцейхмейстеру о посылке из Алтилерии на Дон пороху и свинцу, марта 3-го дня.	– 36.
6. Грамота на Дон о посылке вышепомянутого годового жалованья, того ж марта 3-го дня.	– 39.
7. Указ ⁵ в Московскую губернию об отпуске ис той губернии положенного по табелю для посылки на Дон денежного жалованья, марта 4 дня.	– 43.

¹ Позже поч. 2-й пол. XVIII в., как и все проставленные ниже номера.

² Позже поч. 2-й пол. XVIII в., как и все проставленные ниже номера.

³ Здесь и далее в этой записи текст залит кляксой.

⁴ Над строкой другим поч.

⁵ Над строкой вместо вымаранного: Память.

- (Л. 14) 8. Записка о походе донского атамана Василья Фролова в 5000 на кубанского Бахты-Гирея, салтана.
– 47.
9. Грамота на Дон о бытии на работе меж Царицына и Паншина донским казаком по Паншим всем, марта 3-го.
– 48.
10. Грамота на Дон об отдаче пере(ше)дших на Дон Аюкиных калмык.
– 52.
11. Челобитная и выписка шквадронцов драгун Семена¹ Стрекалова, Игнатъя Милютина, Федора Наоумова² о беглых их крестьянах на Дон; и под тою выпискою грамота черная на Дон об отдаче тех беглых крестьян, отпущена июня в 24 день.
– 58.
- (Л. 14 об.) Копии з донских отписок и з допросу лехкой станицы атамана Алексея Селиверстова и с роспросов кубанских татар и донского козака Григорья Хохлача — лист 72.

(Л. 15) Описание делам Донского повытья 1720-го году

Копии з донских отписок, которые присланы лехкой станицы с атаманом Федором Филатьевым с товарищи в разных делех — лист 1.

Выписка о даче жалованья донским казакам лехкой станицы атаману Федору Филатову с станичники — лист 5.

Отписка з Дону об обидах на полковника Гульца — лист 15.

Отписка з Дону о прибавке в Войско пороху и при ней черное доношение в Сенат — лист 18.

Доношение из Москвы от ассесоров о посылке колодников Леонтья Глупаша, Григорья Хохлача и отсылка оным в крепость — лист 20.

Отписка с Волуек от маеора Никиты (Л. 15 об.) Есенева об отправлении в Москву донского войскового атамана Василья Фролова — лист 23.

¹ Далее вымарано: Михайлова (?).

² Так в ркп.

Отписка з Дону о посылке пойманого беглого колодника Тимофея Дьякова — лист 25.

Грамота черная, какова послана на Дон о осторожности и о посылке печатных указов — лист 27.

Доношение войскового атамана Василья Фролова о даче казаком подвод — лист 28.

Доношение и выписка и указ о выдаче издержанных ево на прогоны денег и о даче на приезде и на отпуске и кормового жалованья — лист 29-й.

Доношение войскового атамана Василья Фролова и по нем указ о даче для провозу до донских городков женке Чюхенке пропускного писма — лист 42.

(Л. 16) Доношение войскового ж атамана и по нем указ о даче ему подвод и на них прогонов — лист 43.

Доношение ево ж, войскового атамана и выписка и указ о даче ему ковша — лист 44.

Два указа из Сената о даче в Войско пороху и о посылке войсковому атаману партрета, а в Войско — грамоты с похвалою, и при том и отпуска грамотам.

Отписка з Дону об обидах на озовских бешлеев и на Аюкиных калмык и о отпуске для челобитья войскового атамана, и при том ево атаманское предложение и выписка и указ о разных делех, *⁻ и о клейнотах⁻¹, и отпуски в разные канцелярии и грамот на Дон и в Воронежскую губернию — лист 63-й.

Выписка об Оахане, мурзе калмыцком, которой кочует на Дону — лист 102.

Отписка з Дону и выписка и указы (Л. 16 об.) о посылке на Дон в Войско з зимовою станицею жалованья и о выдаче издержанных денег зимовой станицы на наем подвод — лист 120.

Память из Военной коллегии о розыске об обидах донским казаком — лист 162.

Отписка з Дону об отпуске для челобитья калмыцкого мурзы Джомбы и выписка и указ о житии и ему на Дону и о даче жалованья и отпуск грамоты на Дон — лист 164.

¹ На правом поле б. мелким поч.

Память из Военной коллегии о посылке для известия копии с писма Ивана Кикина к генералу-маеору Кропотову о походе кубанском и при том указ и отпуски указу в Военную коллегию и грамоты на Дон об опасении¹ — лист 182.

Отписка из Астрахани Ивана Кикина о разбитии от кабардинцов и гребенских и донских казаков Чеченской орды — лист 188.

(Л. 17) Отписка з Дону о посылке для охранения чеченцов из Войска старшины Ивана Матвеева с казаки и калмыки и о разбитии Заречной орды и чеченцов и при том выписка — лист 190.

Челобитье донской зимовой станицы атамана Тита Аверкиева и выписка и указ о выдаче им на зожилые дни жалованья — лист 196.

Память из Военной коллегии о осторожности от нападения каракалпаков и киргис-касаков и о пресечении от побегов русских на Кубань, и при том отпуск грамоты на Дон — лист 200.

Память из Военной же коллегии о посылке для ведения из доношения генерала-маеора Кропотова экстракта о набегах каракалпаков и киргис-касаков и других делех — лист 210.

Память ис Камор-коллегии о вывозе донским казаком, кто похочет с Маныцких озер соли до Воронежа (Л. 17 об.) и других городов и при том указ — отпуск грамоты на Дон, и память о ведении в Камор-коллегию — лист 212.

Челобитная боцмана Георгия Балатина об обидах на атамана Артемья Васильева и роспись пожиткам и отпуск о розыску на Дон грамоты — лист 221.

Выписка о даче кормовых и на приезде и отпуску жалованья старшине Петру Васильеву с товарищи и отпуск о выдаче денег в Штатс-Контор коллегию, и из той коллегии в ответ память же — лист 230.

Грамота на Дон о вотдани² Господу Богу благодарения за полученную при острове Гренгаме викторию — лист 237.

¹ В начале следующей строки вычищена недописанная фраза: от ...

² Так в ркп., вероятно д.б.: воздании.

Дело розыскное в непристойных словах донского казака Григорья Хохлача — лист¹ 238.

(Л. 18) Дело армянина Асподура Асканова в обидах с старшиною Петром Васильевым — лист 214.

Память ис Полицмейстерской канцелярии о присылке донского казака Якова Подлобошникова и отпуск ему на Дон — лист 308.

Отписка з Дону о получении и принятии жалованья — лист 319.

Дело розыскное в непристойных словах донского казака Наума Мартинова сына Жемчужникова да воронежского архиерея судьи иеромонаха Исаяя — лист 323².

(Л. 18 об.) *чист*

(Л. 18-а) 1721 года мая 28 дня

Доношение в Коллегию отомана Иван Силивантьева³ об отпуске из Москвы в С.П-бурга лехкой станицы есаула Лариона Скасирскаго с товарищи и о даче им проезжаго указа.

(Л. 19)⁴

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. 1721 г. № 6. Л. I, 1–19, 18-а.

¹ В ркп. продублировано.

² Далее чистый л. 18 об.

³ Первые две буквы — предположительно.

⁴ Вымаран заголовок обложки: дек. / 1719 году / (Черное определение) Дело о выдаче присланным с Дону к Москве в Посолской приказ с войсковыми отписками и с колодниками лехкой станицы донским казаком атаману Алексею Селиверстову с товарищи десяти человеком жалованья поденного корму и питья по отъезд их.

Приложение 2

Описание коллекции «Донских дел» из собрания РГАДА титулярного советника и кавалера Павла Михайловича Строева 1824 г.

В основе публикуемой описи фонда-коллекции 111 «Донские дела» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) лежит описание документов этой коллекции, выделенной преимущественно из архива Посольского приказа сотрудником архива МГАМИД известным российским историком и выдающимся источниковедом и археографом, одним из первых российских библиографов Павлом Михайловичем Строевым (27 июля (7 августа) 1796 — 5 (17) января 1878)¹. Последний поступил на службу в архив Министерства иностранных дел (МГАМИД) и вошел в Комиссию по печатанию государственных грамот и договоров при покровительстве канцлера Н.П. Румянцева в 1816 г. еще до окончания словесного отделения Московского университета, в 1822 г. он вышел из комиссии по изданию Собрания государственных грамот и договоров (СГПиД), а в 1823 г. избран членом Императорского общества истории и древностей российских (ИОИИДР). Еще в 1816 г. П.В. Строев объявил подписку на

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 79–95.

издание собственной «Истории о донских казаках», но дальше объявления дело не пошло¹. Ситуация изменилась, когда созданный в 1819 г. «Комитет о устройстве войска Донского» пришел в 1821 г. к заключению о необходимости помимо составления статистического описания Земли Войска Донского написания истории донских казаков, организация чего была возложена главой комитета ген.-адъютантом графом А.И. Чернышевым на хорунжего Василия Дмитриевича Сухорукова². В условиях погибшего в 1744 г. Войскового архива Чернышев и Сухоруков вынуждены были обратиться к столичным архивам и к гражданским историкам: Н.М. Карамзин обратил внимание Сухорукова на собрание МГАМИД, а также рекомендовал П.М. Строева для разбора архивных документов и поиска требуемых материалов. С этого начинается история коллекции и ее описания, продолженная архивными наследниками Строева. Ген.-адъютант Чернышев утвердил кандидатуру Строева у министра графа К.В. Нессельроде для выявления в архиве материалов по истории донских казаков для В.Д. Сухорукова и придал ему в помощники хорунжего Матвея Гордеевича Кучерова. При посредничестве Кучерова и Сухорукова генерал-адъютант Чернышев утвердил Строеву оклад, после чего работа его в архиве по истории донских казаков приняла систематический характер.

В рамках этой работы по выявлению материалов по истории Войска Донского, составлению выписок и копированию документов в 1823–1825 гг. П.М. Строев и разобрал и описал основной массив документов, составивший коллекцию «Донских дел», при этом столбцы были им расклеены, сшиты в «дела» и разложены по «картонам». Помимо связок, помеченных как «Донские дела» за 1571–1721 гг. Строев провел тематическое выявление документов в делах «дворов» Турецкого, Крымского, Персидского, в Ногайских

¹ Там же. С. 80–82.

² *Сухоруков В. К.* Жизнеописание поручика лейб-гвардии, писателя, историка Войска Донского Василия Дмитриевича Сухорукова — Мариуполь, 2011. — 380 с.

и Малороссийских делах и в некоторых других отделах архива. В итоге проведенной масштабной работы ни Сухоруков, ни Строев так и не довели до завершенного вида историю донских казаков, зато их материалами, присланными в Новочеркасск, воспользовался ген.-майор В.Б. Броневский, издавший свою «Историю Донского войска»¹, раскритикованную и Строевым, и Сухоруковым. Наконец, пространные цитаты из выписок и скопированных Строевым документов были приведены Сухоруковым в примечаниях к «Историческому и статистическому описанию земли Войска Донского», вышедшему уже после смерти автора². Член Императорского русского исторического общества Василий Григорьевич Дружинин указывал позднее на сборник Ивана Павловича Прянишникова, собравшего под одной обложкой опубликованные ранее в периодике сохранившиеся в Новочеркасске наиболее ранние документы по истории донского казачества³, в связи с тем, что отпуски опубликованных грамот сохранились в «Донских делах» МГАМИД⁴. В дальнейшем сделанные Строевым выписки и копии документов по истории донского казачества были использованы и частично вошли в сборник актов по истории Войска Донского генерал-майора Александра Андреевича Лишина⁵, который сле-

¹ *Броневский В.Б.* История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских минеральных вод / [Соч.] Владимира Броневского. Ч. 1–4. СПб., 1834.

² Историческое описание земли Войска Донского / *В. Д. Сухоруков*. Т. 1. Новочеркасск, 1869. — 324 с.; Т. 2. Новочеркасск, 1869. — 473 с.

³ *Прянишников, И.П.* Материалы для истории Войска Донского: Грамоты. — Новочеркасск: Войск. тип., 1864. — 332 с.

⁴ Донские дела / [Ред. В.Г. Дружинин]. Кн. 1. 1594–1639 гг. (Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией). — Т. XVIII. — СПб., 1898. С. V.

⁵ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным / Изд. Обл. правл. Войска Дон. под ред. [и с предисл.] А.А. Карасева и Х.И. Попова. Т. 1–3. — Новочеркасск, 1891–1894. — 4 т.

дую выпискам, обратился и в МГАМИД, воспользовавшись описью «Донских дел» Строева.

Следующий этап систематического обращения к Донским делам связан с трудами В.Г. Дружинина и с деятельностью Археографической комиссии, которая приняла постановление об издании всей коллекции «Донских дел». В 18-м, 24-м, 26-м, 29-м и 34-м томах издаваемой ИРИО Русской исторической библиотеки (РИБ) в 1898–1917 гг. Дружининым при помощи профессора Санкт-Петербургского университета Н.И. Веселовского были изданы 5 книг (томов) документов из коллекции «Донских дел» за период с 1594 по 1675 гг. На момент издания несколько грамот из коллекции «Донских дел» вышли в нескольких серийных изданиях Археографической комиссии, аккуратно указанные В.Г. Дружининым при публикации Донских дел в РИБ¹. После революции ИРИО прекратило свое существование, как и издаваемая им РИБ.

В 1925 г. Главное архивное управление (ГАУ) МВД СССР передало фонд-коллекцию «Донских дел» вместе с другими историческими материалами МГАМИД на хранение в новообразованное Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР. На март 1928 г. объем фонда «Посольский приказ и Коллегия иностранных дел. Донские дела» в Древлехранилище МО ЦИА РСФСР был учтен в 26 книгах и 96 картонах, количество дел

¹Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — М.: в типографии Н.С. Всеволожскаго, 1813–1894 (СГГид). — Ч. 3. 1822. № 108, 112, 114, 115, 126 (Ф. 111. Оп. 1. Кн. 1); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. — СПб.: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. — Т. 3. 1613–1645. СПб., 1836 (ААЭ). Т. III. № 18–29; Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею: СПб.: В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. (ДкАИ). Т. X. 1867. № 1, 2, 6, 13, 25, 26, 44, 49, 60, 82, 97, 99, 100, 109; Т. XI. 1869. № 45, 46, 47, 57, 58, 93, 99; Т. XII. 1872. № 15, 17, 22, 29, 30, 33, 63.

не указано¹. Но уже на май 1935 г. в одноименном фонде Государственного архива феодально-крепостнической эпохи единицы хранения были учтены в 26 книгах и 1166 делах². Проверка наличия на февраль 1937 г. не выявила каких-либо изменений в составе фонда³, а вот в декабре 1944 г. после возвращения архива из эвакуации по описи оказалось записано на 9 ед. хр. больше — 1175 столбцов, и вместе с тем при проверке наличия не были найдены 2 книги и 4 столбца (все №№ 1 за 1677, 1681, 1687 и 1715 гг.), причем в Акте № 111/2 от 15.12.1944 книги оказались пронумерованы погодно: № 1 1623-1652 гг. и № 1 1671 г. В примечаниях записана помета о повторной проверке сотрудником Центрального государственного архива древних актов В.Н. Шумиловым: «на месте», — но касается ли это всех перечисленных ед.хр. или части — не понятно, учитывая, что все перечисленные книги и столбцы кроме одного столбца до сих пор хранятся на своих местах⁴. Пропавший столбец (№ 7 за 1677 г.) возглавил список несостоявшихся к счастью утрат, что было подтверждено при проверках наличия фонда в 1947 и 1960 гг., на основании чего в 1961 г. исчезнувшая ед.хр. была снята с учета распоряжением директора ЦГАДА В.Н. Шумилова⁵. К тому моменту фонд насчитывал уже 1238 ед.хр., что подтвердила и проверка 1972 г.⁶

Однако, при проверке наличия в июне 1976 г. в фонде числилось уже 1239 ед.хр., а в процессе проверки сотрудником ЦГАДА И.В. Курукиным в фонде оказалось 1240 ед.хр., и впервые Дело фонда сохранило сведения о выявленной неучтенной и «незаинвентаризированной» ранее ед.хр., подключенной к описи столбцов 1673 г. под № 15-а. По итогам этой проверки наличия И.В. Курукиным был составлен

¹ РГАДА. Ф. 111. Дело фонда. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 3–3 об.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6–8 об.

⁶ Там же. Л. 9–11 об.

список непрономерованных дел (листаж), все они были пронумерованы, а нумерация листов впервые всех дел фонда карандашом внесена в опись Строева. Тем же сотрудником И.В. Курукиным был составлен перечень 29 ед.хр., требующих переплета и реставрации (за 1676–1720 гг.)¹.

В феврале 1983 г. из оставшихся неописанными неразобранных материалов фонда в опись внесена вновь описанная ед.хр. — столбец 1698 г. № 2-а, после чего общий объем фонда достиг 1241 ед.хр., что было подтверждено при следующей проверке наличия в августе-сентябре 1984 г.² При этом ряд литературных номеров дел оказались внесены в опись в качестве номеров, но не были описаны, и если в исключительных случаях речь шла о физическом разделении дела на 2 части, то чаще это оказались вновь подключенные дела из неразобранных документов, описанные на обложке минималистично как «Донские дела за XXXX год».

К ноябрю 2002 г. в ходе архивной работы сотрудников РГАДА по выделению непрофильных материалов, главным образом из неразобранных и неописанных ранее документов, были обнаружены 5 дел Донского поветья Посольского приказа, которые подключили к фонду-коллекции «Донских дел» (Ф. 111) и внесли в опись Строева: Дела 1720 г. № 19, № 20; 1721 г. № 8, № 9 и № 10, после чего общий объем фонда достиг 1246 ед.хр.³

Первые отметки о листаже описанных дел были сделаны еще пером, вероятно до 1917 г., все последующие — простым карандашом. К моменту проверки наличия 1976 г. в опись Строева также карандашом уже был частично внесен листаж дел, но очень избирательно с большими лакунами. Сегодня эти пометы отчасти дублируют друг друга по типу: «л. 1-Х» и «Х л.» Обе отметки оставлены, поскольку не всегда дублируют, но иногда уточняют друг друга, а главное — показывают работу поколений архивистов по сохранению

¹ Там же. Л. 13, 15, 21–21 об.

² Там же. Л. 13, 15, 21–21 об.

³ Там же. Л. 27–27 об.

документального культурного наследия нашей страны и совершенствованию научно-справочного аппарата к нему. Также при внесении в опись листажа несколько ед.хр. оказались пропущены, что исправлено в приведенной ниже описи и в описи Строева уже после ее дигитализации. В силу оговоренных обстоятельств отметки о листаже каждой ед.хр. не отмечены в примечаниях, поскольку оговорены здесь в предисловии.

В основе сформированного Строевым фонда-коллекции «Донские дела» лежит часть делопроизводства Посольского приказа по любым контактам с Доном: сношения с Войском Донским, отчасти — в волжскими, терскими и яицкими казаками, дела о дипломатических сношениях с Турцией при путешествии дипломатических поездов и поездках гонцов через Азов и территорию Войска Донского, наконец, большая часть документации по пребыванию на территории Войска Донского и турецко-крымского Приазовья русских войск. Строев очень точно назвал фонд-коллекцию «Донскими делами», поскольку первоначально делопроизводство Посольского приказа, занимавшееся сношениями с Войском Донским и любыми посылками на Дон дипломатов и военных именовалось донскими книгами и столбцами.

Беляков отметил, что во 2-й пол. XVII в. «принцип описания документов по государствам и народам соответствовал их системе хранения в повытьях», как «отделах, ведавших сношениями с определенными странами, а также рядом дел»¹. Он же указывает на ошибочность закрепившегося в историографии мнения Белокурова, повторенного В.И. Гальцовым о 3 европейских и 2 азиатских повытьях, поскольку и количество повытий и их компетенции исходили из насущных потребностей дипломатического ведомства в текущий момент и не были постоянными². К схожим выводам пришли и Б.А. Куненков и А.Г.

¹ Беляков, А. В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. — СПб.: Нестор-История, 2017. С. 218–219, 221.

² Там же. С. 222.

Гуськов¹. По наблюдениям Гуськова, понятие повытье становится наименованием структурной части Посольского приказа в документах последней трети XVII в., что фиксируется упоминанием повытья Василия Бобинина 1669 г., описью 1673 г. и найденным Гуськовым указом от 29 августа 1673 г., хотя отдельные части делопроизводства Посольского приказа во главе со старыми подьячими сложились чуть раньше². Гуськову удалось убедительно показать, опровергнув гипотезу Куненкова, что никаких столов в качестве структурных подразделений или каких-либо частей делопроизводства, подобно тому, как эта структура сложилась в Разрядном приказе, в Посольском приказе никогда не существовало³.

Изучение персональных карьерных практик позволило названным исследователям сделать целый ряд важных и ценных наблюдений и выводов, из которых для нашей темы особенно интересны наблюдения Куненкова об управлении Донскими делами в пучке других направлений на основании «справ» донских документов «старыми» подьячими⁴:

¹ Куненков Б.А. Структура Посольского приказа во второй четверти XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 99–120; Куненков Б.А. Персональная специализация старых подьячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию В.И. Буганова. М., 2012. С. 205–332; Гуськов А. Г. Новые данные о структуре Посольского приказа во второй половине XVII в. // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. мат-лов X Междунар. конф. (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2019. С. 66–68.

² Гуськов А. Г. Новые данные...; Он же. Структура Посольского приказа (доклад прочитан в Центре истории русского феодализма Института российской истории (ИРИ) РАН, 28.03.2023), в настоящий момент материал готовится к публикации.

³ Гуськов А. Г. Структура Посольского приказа.

⁴ Куненков Б.А. Структура Посольского приказа во второй четверти XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 99–120; Куненков Б.А. Персональная

«старый» подьячий	дата	число справ¹	направления делопроизводства „подьяческого сидения“ (повытья)
Одинцов Дорогой Петрович	1630– 1632 гг.	3	турецкие, персидские, ногайские, бухарские и запорожские дела, Касимов, переписка с астраханскими воево- дами
Юрьев Родион ²	(до апреля 1635 г.)	-	турецкие («турское»), персидские («кызыл- башское») и кумыцкие («кумытцкое») дела, донские казаки, горские черкасы, «касимовские и романовские доходы»
Корепанов Алексей Лукич	апрель-май, ноябрь 1635 — сентябрь 1636 гг.	5	турецкие («турское»), персидские («кызыл- башское»), крымские, ногайские калмыцкие («колматцкое»), гру- зинские и кумыцкие («кумытцкое») дела, донские казаки, горские черкасы, «касимовские и романовские доходы» и «касимовский царе- вич», а также сношения с монгольским Алтын- ханом

специализация старых подьячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в. // Исследования по источникововедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию В.И. Буганова. М., 2012. С. 206, 211–212, 215–218, 221.

¹ Только выявленные Б.А. Куненковым справки.

² Согласно росписи рубежа апреля/мая 1635 г. компетенций старших подьячих за 142-й (1633/34) г.

Волошенинов Михаил Дмитриевич	декабрь 1636, январь и март 1637 г.	3	датские, турецкие, персидские, польские, приказной бюджет (+ донские?)
Львов Григорий Васильевич ¹	январь 1637 г.	1	датские, голландские, польские, английские и «цесарские» дела (+ донские?)
Сахаруков Яков	февраль — июль 1638 г.	5	персидские и донские дела
Волошенинов М.Д.,	сентябрь 1639 г.	2	датские, турецкие, персидские, польские, приказной бюджет (+ донские?)
Хрипков Иван Прокофьевич	ноябрь 1639 — март 1640 г. ²	9	датские, персидские и донские дела, переписка с астраханскими воеводами
Симоновский Дмитрий	апрель 1677 г.	-	горские черкасы ³ , калмыцкие тайши ³ , «донские казаки и вся тамошняя служба», волошские дела («волошское»), мунтянские дела («мунтянское»), Мещанская слобода

В ходе своего исследования делопроизводства Посольского приказа 1630–40-х гг. Куненков особо отметил „кочевание“ донских дел — частую передачу их от одного старшего подьячева к другому, но в поисках какой-то системы нашел только сочетание подведомственности донских дел

¹ По мнению Куненкова, разовая справа в силу каких-то формальных обстоятельств.

² В 1639 г. ему же передали отписку „о донских вестях“.

³ Помета об отсылке делопроизводства (управления) в Приказ Казанского дворца.

лишь с иранским направлением. Нам же такое частое изменение управления донскими делами за этот период видится в кардинальных изменениях российской политики от ставки на антипольский военный союз с Османской империей¹ до открытой конфронтации после взятия донскими казаками Азова с выстраиванием почти союзнических отношений с Речью Посполитой вплоть до совместных антикрымских и антитурецких политических проектов².

В своих исследованиях внутренней структуры Посольского приказа, все названные историки подразумевали или прямо определяли повытье как структурную часть делопроизводства Посольского приказа, возглавляемую «старым» подьячим (подьячие «большой статьи»): «личные канцелярии старых подьячих», — и число повытий четко увязывали с количеством подьячих этого ранга в приказе. В то же время различных тематических направлений деятельности приказа было сильно больше, чем «старых» подьячих, которые руководили целыми «кустами» таких тематических направлений. Часто встречающееся в последней трети XVII и в начале XVIII в. наименование повытий по „компетенциям“ (направлениям деятельности приказа) А.Г. Гуськов объясняет

¹ *Флоря Б.Н.* Русско-османские отношения и дипломатическая подготовка к Смоленской войне // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 17–27.

² *Czermak W.* Plany wojny tureckiej Władysława IV. — Oświęcim: Napoleon V, 2015. (reedycja z r. 1895) — S. 11–116, 313–322, 327–333 та inn.; *Малов А.В.* Дикие поля и татарские перелазы: Белгородская оборонительная черта и освоение Черноземья в XVII веке // [URL]: <http://xn--80aabjhkiabkj9b0amel2g.xn--p1ai/materials/history/details.php?page=1858> [16.08.2022]; *Он же.* Земский собор 1642 года и Записка Алексея Михайловича о ратном деле в контексте военного строительства в России в 40-х годах XVII века // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 5 / Белгородская региональная общественная организация «Историческое общество „Ратник“»; [редкол.: В.М. Жигалов и др.]. — Белгород: Изд-во Сичкаревой Е.В.: КОНСТАНТА, 2020. С. 186–199.

механическим сокращением и предлагает интерпретировать встречающееся понятие, например, „донское повытье“ как: повытье, в котором ведаются донские дела (и донские дела тоже). Редкое наименование повытий по именам старших подьячих исследователь объясняет сменой руководителей и периодической передачей „компетенций“ от одного старого подьячего другому. В результате проведенного кропотливого фундированного исследования Гуськов проследил распределение компетенций между 4–5 старыми подьячими Посольского приказа с 1633/34 по 1710 г. Ссылаясь на указ от 29 января 1673 г.: „А судные дела записывать по повытьям по челобитчику, которой челобитчик у ково в повытье будет“ — Гуськов исключает иное толкование слова повытье в источниках 2-й половины XVII — начала XVIII вв.¹ Однако, при всей дотошности и скрупулезности исследователю не удалось найти наименования в делопроизводстве Посольского приказа повытий по номерам, хотя он детально проследил номерную иерархию повытий.

Историки Посольского приказа уверенно определили повытья как эти самые «кусты», объединенные руководством одного «старого» подьячего, а не составные части этих «кустов», как направления деятельности приказа (как например, «Донское повытье»). Но вопросы остаются: менялся состав каждого «староподьяческого сидения», перемещались приказные персоны, но сами направления деятельности оставались неизменными десятилетиями, — действительно ли название повытий употреблялось исключительно к кругу дел, которые ведал старый подьячий, а книги и столпы определенной тематики как важнейшей и неизменной части делопроизводства Посольского приказа никакого определения не получили? В условиях низкой кодификации терминов и понятий в московской делопроизводственной практике представляется преждевременным исключать применение служащими Посольского приказа понятия повытье и к «компетенциям» тоже. Можно привести целый ряд параллелей со

¹Цитата по: Гуськов А. Г. Структура Посольского приказа.

словами «полк», «урядники», «начальные люди» и ряд других, когда даже в условиях постепенного повышения кодификации, выразившееся в сужении смысловых границ понятия, параллельно имела место практика употребления этих слов в старом расширительном смысле.

На такое же текучее и некодифицированное и незакрепленного в наименовании сложившегося структурного подразделения, когда повытьем (частью, долей) именуется и компетенции чиновника определенного уровня, и тематическое направление деятельности конкретного чиновника или группы чиновников, указывают и дела в начале XVIII в. и Коллегии Иностранных дел, и Военной коллегии. Приведенная в 1-м приложении опись внутренней структуры не дошедшей до нас книги „Опись делам Донского повытья Коллегии иностранных дел с 1712 по 1721 год“ состоит из тетрадей, сшитых в единую книгу в 1721 г. (каждый год записан отдельным почерком), и лишь за 1714 г. называет описанный раздел „Опись донских дел“, во всех иных случаях — „Опись делам Донского повытья“. Ситуацию усложняет отсутствие отвечающего современному уровню развития науки исследование внутренней структуры наследовавшей Посольскому приказу Коллегии иностранных дел, равно и Военной коллегии, куда в 1721 г. были переданы ведомства Донским, Яицким и Терско-гребенским казачьими войсками. Хотя Опись Казачьей экспедиции Военной коллегии, в которой ведались казачьи войска, на обложке обозначена с 1717 г., но сохранившиеся в ней дела начинаются только с 1725 г.¹ Один из титульных листов оригинальной обложки описи, подписанный почерком начала XVIII в. определил содержание дел ее компетенции так: „Опись Казацкого и Яицкого повытья принятым

¹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Казачье повытье Государственной военной коллегии, 1717–1793 г. Л. IV, оригинал описи без пагинации. — См. публикацию выборки казачьих дел в т.ч. и из этой описи, которая содержит описание казачьих дел с 1723 г.: Опись казачьих дел Московского Отделения Общаго Архива Главнаго штаба / Сост. есаул И.И. Дмитренко. СПб., 1899.

делам в архив з генералным реэстром и оные в переплете в книгах“ (с пометой: „В первой полате“)¹. Складывается убедительное впечатление, что повытьем в этой ситуации коллегиальные чиновники именовали часть делопроизводства и по делопроизводителю (руководителю группы), и по тематической компетенции — по ситуации.

Оставляя на этом этапе исследования термина «повытье», теперь нужно определиться с выделением в особую часть (книги и столпы) в деятельности Посольского приказа документов по связям с вольными, в первую очередь с донскими, казаками. Вполне естественно поставить ряд вопросов: о времени выделения этого отдела архива, и соответственно делопроизводства; причине его выделения; из каких дел произошло выделение донских дел в отдельный раздел делопроизводства (повытье?) приказа. Все три вопроса органично связаны между собой и требуют обращения к сохранившимся описям архива Посольского приказа. Таковых сохранившихся в научный оборот введено 3 (не считая описи царского архива XVI в., где казаки никак не упоминаются вовсе), две из которых опубликованы, а третья весьма основательно изучена Гальцовым².

В первой из сохранившихся за XVII в. описей архива Посольского приказа, составленной после «очищения» Москвы 1612 г., избрания на царство Михаила Романова и небыстрого его прибытия в 1613 г. в царствующий град — в 1614 г., не упоминаются не только донские дела или столбцы, но и вольные казаки в заголовках описанных документов встречаются лишь один раз — в столбцах по сношениям с Ногайской ордой за 105-й (1595/97) г.: «Столп 105-го году отпуск с Москвы Василья Челищева в Самарской город с нагайскими

¹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107.

² Гальцов В.И. Переписная книга архива Посольского приказа 1632 года как исторический источник // Проблемы источниковедения и историографии: Сб. научных трудов. Калининград, 1999. С. 14–21.

лошадьми, которые лошади отогнали из Ногайских улусов казаки мимо государева указу»¹.

В описи архива Посольского приказа, составленной после большого майского пожара в Москве 1626 г. мы видим уже многочисленные столпы различных «отпусков» на Дон и отписок с Дона почти всегда в связи с русско-турецкими отношениями, часто с прямым указанием: «столпы турецкие»: «Столпы турецкие и на Дон отпуски х казаком»². Причем, самые ранние датируются 7098-м (1589/90) и 7121-м (1612/13) гг. из столпов «турских» и «крымских»: «Столп 98-го году — отпуск на Дон з государевою казною Ивана Зиновьева, а на нем помечено: о запорожских черкасах; ветх добре, изотлел и распался», «Наказ Соловова Протасьева 121-го г., каков ему дан в Царьгороде бес казачьи статьи, верх изотлел», «Выписка черная из столпов, служба к государю донских атаманов и казаков и всево Донского войска, и что к ним посылаю государева жалованья со 121-го году по 124-й год, верх поплел, а исподу нет; да тут же вверчена выписка 130-го году, что послано на Дон государева жалованья; да с 121-го году по 130-й ж год выписка перечневая о посылки на ж Дон...»³.

В описанной Гальцовым, описи архива Посольского приказа от 6 октября 1632 г., хранящейся под названием «Переписная третья книга всех делъ Посольскаго приказа, учиненная окольникимъ Долматовымъ-Карповымъ и дякомъ Переносовымъ», донские дела встречаются в 2 разделах: «Да сверх прежних переписных книг околничего Федора Левонтъевича Бутурлина да дяка Ивана Болотникова сыскано в Посольском приказе розных государств грамот

¹ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. / Подг. к печати С.О. Шмидта и С.А. Левина. Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 133.

² Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. В.И. Гальцов. Ч. 1. М., 1977. Ч. 1. С. 30, 272.

³ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. С. 3.

и книг и столпов до 135-го году» (1626/27 г.)¹ и «В Посолском же приказе переписано всяких дел со 135-го году по нынешней по 141-й год октября по 6 число» (1626/27–06.10.1632)², — т.е. среди новонайденных после составления описи 1626 г. старых дел и в числе новых дел, накопившихся в архиве после этой описи. Донские дела здесь еще не выделены в отдельный раздел, но они уверенно привязаны к турецким грамотам и столпам, исключая единственный случай упоминания донских казаков в 30-й главе, содержащей грамоты русско-крымских отношений: «Грамота ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси Алгазы-аги о поминках и об отгонных лошадях и о донских казаках, 135-го году» (1626/27 г.)³. В первом из названных разделов в главе 19 описывающей столпы турецкие, внесен: «Столпик, а в нем писан отпущ на Дон Семена Опухтина з государевым жалованьем к донским казаком 129-го году и Семеновы ж роспросные речи 130-го году» (1621/22 г.)⁴. Во втором разделе, содержащем новые документы, в главе 29-й, описывающей турецкие грамоты, учитывая неопубликованность источника, процитируем все заголовки грамот, упоминающие донских казаков:

1620/21–1621/22 — «Столпик, а в нем писан отпущ на Дон Семена Опухтина з государевым жалованьем к донским казаком 129-го году и Семеновы ж роспросные речи 130-го году»⁵;

1629/30 г. — «Грамота ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Руси азовского князя бия о донских казаках, прислана с турским послом с Фомою Кантакузиным во 138-м году»⁶;

¹РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и о служивших в нем. Оп. 3. Кн. 3. Л. 41.

²Там же. Л. 111.

³Там же. Л. 181.

⁴Там же. Л. 104.

⁵Там же. Л. 173–173 об.

⁶Там же. Л. 173 об.–174.

- 1630/31 г. — «Грамота к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии азовского князя о донских казакех, что они воюют Азов и Керчь и на Черном море турского Мурат-салтана воюют землю, прислана з гонцом с Ъваном во 139-м году»¹;
- 1630/31 г. — «Грамота ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии турского Мурат-салтана Хазан-паши, чтоб государь велел нарежатца на Литву, а он ныне наперед хочет ити на опчего недруга на литовского короля, и о донских казакех, чтоб государь велел унимать, а воевали де они на Черном море Анаталенскую сторону, писана во 139-м году»²;
- 1631 г., июля 22 — «Грамота к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии азовского Мустофы, князя, о государевых послех об Ондрее Савине да о Михаиле Олфимове, что едут они из Царягорода к Москве турского салтан Мурата с послом с Ахметьагою, и о миру донских казаков, прислана с татары с Курмашом да с Ахметем во 139-м году июля в 22-м числе»³;
- 1631 г., июля 22 — «Грамота ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии азовского имиря-князя о присылке к нему Мурат-салтановы грамоты, что велено ему с тою грамотою послать к Москве гонца и о донских казакех, чтоб им Азова и на Черном море ходить не велели, а он для миру к донским казаком посылал, и они де не мирятца, прислана с татары с Алмешем да с Лакметем во 139-м году июля в 22-м числе»⁴.

Еще большее значение для нас в описи 1632 г. имеет глава 49, в которой сношения с Доном впервые в описаниях документов Посольского приказа вынесены в заголовок: «Столпы турецкие и на Дон отпуски х казаком» (Л. 301–303), в силу названных выше причин приведем здесь эту главу полностью:

¹ Там же. Л. 175 об.–176.

² Там же. Л. 176 об.–177.

³ Там же. Л. 175.

⁴ Там же. Л. 176–176 об.

Столпы турецкие и на Дон отпуски х казаком

Столп, а в нем приезд к Москве и отпуск с Москвы турецкого посла Тома Катакузина; да тут же отпуск с Москвы государевых послов Семена Яковлева да дьяка Петра Овдокимова 136-го году.

Статейной список Семена Яковлева да дьяка Петра Овдокимова, как были во Царегороде 136-го году.

Столп о донских казаках о Олеше Старого *⁻ с товарищи⁻², как они сосланы были на Белоозеро в государеве опале 136-го году.

Столп, а в нем отпуск на Дон з государевыми грамотами Офонасья Блохина да белгородцов Данила Везенина да Сидора Маслова да жилца Ивана Порошина 136-го, и 137-го и 138-го году.

Столп, а в нем приезд к Москве и отпуск с Москвы турецкого посла Тома Катакузина; да тут же отпуск с Москвы в Царьгород государевых послов Ондreja Совина да дьяка Михаила Олфимова 138-го году.

Статейной список государевых послов Ондreja Совина да дьяка Михаила Олфимова, как у них государево дело делось во Царегороде во 138-м и во 139-м году.

Столп, а в нем сыск Ондreja Совина да дьяка Михаила Олфимова про соболщиков про Ивашка Панского да про Ондрюшку Бычка в соболях, что пропали во Царегороде у посла у Тома за приписью дьяка Михаила Олфимова 139-го году.

Столп, а в нем приезд к Москве и отпуск с Москвы турецкого посла Ахмет-аги; да тут же отпуск с Москвы государевых послов Офонасья Прончищева да дьяка Тихона Бормосова 140-го году.

¹ На правом внешнем поле напротив начала текста.

² В конце строки и над строкой схожими поч. и черн.

Столп о донских казаках, которые розсланы были по городом в тюрьмы в государеве опале 140-го году.»¹

В 178-м (1669/70) г., в связи с восстанием под предводительством Степана Разина, ведение донских дел было временно передано в Казанский дворец, откуда по разрешении государством этой проблемы вернулось в Посольский приказ 7 июня 1670 г.²

Из сохранившихся описей Посольского приказа XVII в. самостоятельный раздел описи архива под заголовком «ДОНСКИЕ» впервые появляется в описи 1673 г. Составление описи 1673 г. Гальцов соотнес с активной работой приказа по массовому «строению» рукописных книг с 1672 по 1675 гг. при новом руководителе внешнеполитического ведомства А.С. Матвееве, оговорившись, что вопрос о этом был поставлен еще в 1670 г. при прежнем руководстве А.Л. Ордина-Нащокин³. Отметив, тенденцию «к систематизации дел в зависимости от их практического использования в приказной работе»⁴, исследователь не стал давать объяснения непосредственных причин того, почему именно в 1670 г. руководство приказа пришло к заключению о необходимости нового описания архива. Это позже объяснил Беляков переездом архива приказа в связи с перестройкой приказных палат центральных приказов⁵.

В описи 1673 г. впервые из всех сохранившихся описей архива Посольского приказа четко выделен раздел

¹РГАДА. Ф. 138. Дела о Посольском приказе и о служивших в нем. Оп. 3. Кн. 3. Л. 301–303.

²Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. III. Подавление восстания, казнь С.Разина и позднейшие отголоски движения (с января 1671 г.). М., 1962 С. 164; Гуськов А.Г. Структура Посольского приказа.

³Гальцов В.И. Архив Посольского приказа в 1673 году // Опись архива Посольского приказа 1673 года / Под ред. С.О. Шмидта. Подг. к печ. В.И. Гальцов. Ч. 1. М., 1990. С. 7.

⁴Там же. С. 21.

⁵Беляков, А.В. Служащие... С. 210, 218.

донских книг и столпов: «ДОНСКИЕ» (хотя и без именованья его повытьем). Раздел «Донские» в описи 1673 г. описывает одну книгу за период со 125-го (1616/17) по 159-й (1650/51) гг. и 28 донских столпов за период с 121-го (1612/13) по 180-й (1671/72) гг.¹ С высокой долей вероятности мы можем идентифицировать единственную на 1673 г. донскую книгу («Книга, а в ней писаны донские грамоты со 125-го по 159-й год») как описанную Строевым 1-ю книгу «Донских дел», которая заканчивается 160-м (1651/52) г. Таким образом, мы можем отметить утрату 1-й части книги за период со с 121-го (1612/13) по 130-й (1621/22) гг. Но также важно, что в 1673 г. книга заканчивалась еще 159-м (1650/51) г., т.е грамоты 160-го (1661/62) г. были записаны в нее не ранее 1673 г., уже после составления описи с 20-летней задержкой.

Первый же донской столбец описи 1673 г. касался отправки в 1613 г. через Дон и Азов в Турцию посольства С. Протасьева и дьяка М. Данилова («Столп донской 121-го году и отпуск во Царьгород Солового Протасьева да дьяка Михаила Данилова»)², который отсутствует в описи «Донских дел», зато этот столбец был описан в конце XVIII в. в составе фонда 89 «Сношения России с Турцией» как столбец № 1 за 1613 г.: «Отправление в Царьград посланников Солового Протасьева и дьяка Данилова с известительною к султану грамотою о вступлении на престол царя Михаила Федоровича и о причиненных России поляками разорениях. _ тут же

¹ Опись архива Посольского приказа 1673 года / Под ред. С.О. Шмидта. Подг. к печ. В.И. Гальцов. Ч. 1. М., 1990. С. 450–452.

² Флоря Б.Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы в конце XVI — начале XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I. М., 1998. С. 59; Лисейцев Д.В. Русско-турецкие отношения в начале XVII века: от конфронтации к сближению // Отечественная история, № 5, 2002. С. 174–175; Он же. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 211, 333, 336; Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. — Т. 1. — СПб., 2018. (Studiorum slavicornum orbis. Вып. 15). С. 572–573.

1) отписки их посланников и на оныя отпуски к нам грамот,
2) Дело о окупе пленных помянутых посланников Протасьевым и турецким чеушем Алеем. [начала нет]» (Связка 13. Картон 4. № 1 — 1613, июня 18–21 июня 1615. Л. I, 1–280). Строев просто позже начал описывать донские дела, когда это столбец уже был включен в фонд-коллекцию 89 «Сношения с Турцией».

Итак, документы по сношениям с Доном — как с Войском Донским, так и по пребыванию на Дону российских и турецких диппредставителей и ратных людей теснее всего связаны с документами по русско-турецким отношениям, с которыми первоначально составляли единую часть (повыть?). Позже по мере роста актуальности Донского региона в российской политике донские дела выделились в самостоятельную часть (выть). Внесение донских дел в заголовок раздела архива Посольского приказа впервые фиксируется в описи 1632 г., а опись 1673 г. отразила выделение донских дел в самостоятельный раздел. Актуализация донских дел к началу 1630-х гг. следует связать с оформлением антипольского русско-турецкого союза с 1626 г.¹ Тогда все основные дипломатические контакты шли через Азов и Дон в условиях колоссальных потерь Россией земель на Западе, включая Чернигов и Новгород-Северский в результате первой гражданской войны и продвижением границы коронных земель Речи Посполитой на восток². К 1670 г. в стране полыхала Разинщина, а после нее, следуя условиям Андрусовского перемирия, Россия впервые вступила в открытую войну с Османской империей, объявленную царским указом 1672 г. Тогда до Чигиринской эпопеи 1676–1678 гг. основным

¹ Флоря Б.Н. Русско-османские отношения...

² Małow A. W. Dokumenty rosyjsko-polskiego rozejmu zawartego na 14,5 roku przez rosyjskich i polsko-litewskich posłów 11 (1) grudnia 1618 r. we wsi Dywilinie, w poselskich księgach litewskiego powyż'a poselskiego przykazu // Wschodni Rocznik Humanistyczny XVI (2020), № 2. S. 7–100.

ТВД стал Азовско-Донской¹, а управление и снабжение российских войск на Дону также шло не только через Белгородский стол Разрядного приказа, но и через донской отдел (повытье) Посольского приказа. Русско-турецкая война 1672–1681 гг., видимо, и закрепила выделившийся ранее донской отдел (повытье?) Посольского приказа. Особый интерес представляют донские дела, включенные Строевым в опись фонда-коллекции, за период после передачи ведения Войска Донского из Коллегии Иностранных дел в Военную коллегию в 1721 г.

* * *

При публикации мы постарались сохранить оригинальную орфографию рукописной описи XVIII в. со всеми дополнения и изменениями в ней по XX век. При подготовки текста мы руководствовались старыми «Правилами издания издания исторических документов в СССР» (М., 1990), как наиболее адекватными для публикаторов и пользователей, по которым десятилетиями издавались фундаментальные исторические публикации документов. Здесь оговорены случаи исключения из этих правил такие, как включение в опись позднее проставленного карандашом листажа дел

¹ *Максимов Н.Н.* Идея антиосманского союза в практике русской дипломатии в начале 70-х гг. XVII в. (1672–1673 гг.). // *Славянский сборник.* Саратов, 1990. Вып. 4. С. 34–81; *Он же.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676). // *Славянский сборник.* Саратов, Вып. 5. 1993. С. 77–90; *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий). // *Славянский сборник.* Саратов, Вып. 5. 1993. С. 98–116; *Лобин А.Н.* Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672–1681 годов // *Война и оружие: Новые исследования и материалы.* Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. — СПб., 2010. — Ч. II. — С. 29–4; *Великанов, В.С., Нечитайлов, М.В.* «Азиатский дракон перед Чигирином...». Чигиринская кампания 1677 г. Серия: Ратное дело. М., Фонд «Русские Витязи», 2019. С. 18–22.

без особых археографических отметок и выделений, поскольку это оговорено в предисловии. Также не действующие (неактуальные) элементы структуры фонда такие как связки и картонные в случаях сокращений не раскрывались. Также для удобства пользования и во избежание путаницы помеченный в верхней части каждого листа 2-го и 3-го разделов описи год в публикации не повторялся на каждом листе. В публикации описи заголовки и актуальные номера дел для удобства пользования выделены жирным шрифтом.

Предисловие к описи «Донских дел» в деле фонда

(л. 24) Донские дела

ф.111, 1594–1768, 1802, 1241 е.х.

Войско Донское находилось в ведении Посольского приказа, затем — Коллегии иностранных дел, с 1721 — ведалось Военной коллегией. Отдельные документы (по международным делам) продолжали поступать с Дона в КИД до 2-й трети XVIII в.

Книги Посольского приказ (1623 к. — 1718): записная царских грамот на Дон; записная делам о приездах в Москву донских казаков (1671–1719, об организации походов царских войск с участием донских казаков на Азов, Крым и на Нижнюю Волгу 1672–1696. Опись дел 1715–1716. Крестоприводная книга 1718. Книга Коллегии Иностранных дел: имеются документы о передаче донского, яицкого и гребенского казачества в ведение Военной коллегии 1721: о строительстве на Дону крепости св.Дмитрия и др. 1750–1768.

Дела Посольского приказа 1594–1719: Ведомость о выдаче хлебного жалованья волжским и яицким казакам 1594; переписка приказа с атаманами войска Донского, городскими воеводами Азова, Астрахани, Белгорода, Богородецка, Валук, Воронежа, Коротояка, Курска, Саратова, Симбирска, Тамбова, Царицына и др. и полковыми воеводами:

И.С. Большим Хитрово, П.И. Хованским, И.Ф. Волинским (1676), И.М. Кольцовым-Мосальским, кн. В.В. Голицыным (XVII — нач. XVIII вв.). Дела и документы о приездах в Москву донских казаков 1612–1719, о посылке на Дон „государева жалованья“ (денежной казны, хлеба, холста, сукон, пороха, свинца и пр.); о взаимоотношениях донских казаков с Крымом, Турцией, народами Кавказа, ногайскими и кубанскими татарами, с калмыками и запорожскими казаками («листы» гетмана Б. Хмельницкого, 1651) о событиях в Крыму, на Северном Кавказе и в Турции; о взятии казака- (Л, 25) -ми Азова и «Азовском сидении» (1637–1642); о набегах донских казаков на крымские и турецкие владения; о привлечении казаков на государеву службу под Смоленск в 1632, на «свейский рубеж» в 1658–1659, для участия в походах в Крым, в Чигиринских походах (1677–1678), в Крымских походах 1695–1696, в Северной войне; о наборе 3 тыс. «вольных людей» в донские казаки — 1646–1649; об отпуске казаков на богомолье во Владимир, Калугу, Киев, Можайск, Москву, Псков, Соловецкий монастырь. Спорные дела казаков о землях и угодиях — в т.ч. с изюмским полковником (1705–1706), с Тамбовским архиерейским домом и др.

Дела о сыске на Дону беглых холопов, дворовых людей, крестьян и посадских людей 1640–1718, о распространении и преследовании движения раскольников на Дону 1677–1691; о разбоях донских казаков на Волге в районе Астрахани, в Царицыне, Саратове, на р.Калитве 1647–1700; о волнениях на Дону накануне Крестьянской войны под руководством С.Т. Разина, о ходе (и) о подавлении Крестьянской войны 1666–1675; об Астраханском восстании 1705–1706; о ходе и подавлении восстания К.А. Булавина 1700–1711; о преследовании правительственными¹ войсками казаков-«некрасовцев» 1717.

Дела об освоении азовских и других южных земель, о заселении их, строительстве новых крепостей, городов, об устройстве почты 1697–1706.

¹ В оригинале: правительскими.

Дела Коллегии Иностраннных дел 1719–1762: о приездах донских казаков в Москву, о посылке жалованья на Дон, о производстве в Преображенском приказе дел донских казаков 1719–1720, о налоговых льготах донскому казачеству 1721:

Переписка Коллегии Иностраннных дел с Военной коллегией 1721–1744 о самоуправлении на Дону, о жалованных грамотах войску Донскому и др.

(л.26) Донесения донских войсковых атаманов в Коллегию Иностраннных дел о положении на южных границах страны 1745–1762.

Опись сост. П.Строевым в XIX в.

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Дело фонда. Л. 24–26.

Опись фонда-коллекции 111 «Донские дела»

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1.

(Л. 1) Реестры

Делам донских казаков:

- 1) старых и новых лет в книгах,**
 - 2) старых лет в столпцах, и**
 - 3) новых лет в столпцах и тетрадах**
- С 1594 по 1762 год**

Составил титулярный советник и кавалер Павел Строев
в 1824 году

(Л. 2) Реестр 1-й

**Донским делам старых и новых лет,
Закрывающимся в книгах
С 1623-го по 17 год**

№ 1 — с 7131-го/1623 по 7160/1652 — Книга, содержащая в себе списки с грамот на Дон войсковым атаманам и казакам, относительно их службы, отношений с Азовом, посылки к ним денежного и хлебного жалованья и прочаго. Всего 43 грамоты. Описание каждой из них помещено в начале книги. Л. 1–222.

- № 2 — 7179/1671 года — Приезд в Москву донского станичного атамана Корнилы Яковлева и есаула Петра Андреева. Тут же отправление на Дон стольника Григорья Косагова. *Хранится в сейфе¹.
- (Л. 2 об.) № 3 — 7180/1672 и 7181/1673 — Отписки Донского войска и разных городов воевод, грамоты к ним и к калмыцким тайшам о походе против турок и крымцев, приезды станичных атаманов и другия бумаги. Описание каждой из них находится вначале книги. Л. 1–158.
- № 4 — Книга об отправлении на Дон с ратными людьми думного дворянина и воеводы Ивана Большаго Хитрово, стольника и полковника Григорья Косагова и дьяка Ивана Васильева. (В конце повреждена) Л. 1–564.
- № 4-а — *7183 году — Донская об отправлении грамот к дворянину и воеводам и к донским казакам и от оных и из других мест получаемые отписки и роспросные турецких языков речи и докладные выписки и получаемыя в разныя приказы памяти о даче казаком жалованья на приезд и о других приказных делах, происходивших в Посолском приказе.² Л. 1–633³.
- № 5 — 7181/1673 года — Приходо-расходая книга воронежского воеводы Бориса Бухвостова деньгам, хлебным

¹ Помета синей шариковой ручкой 2-й пол. XX в.

² Списано с обложки дела (л. 2) поч. XVIII в. — На другой обложке (л. 1) титул книги конца XVII в.: Книга донского отпуску думного дворянина Ивана Болшого Савостьяновича Хитрово 182-го сентября с 16-го числа июля по 19-е число. — Ниже пометы: поч. XVII в.: искано ж, — и поч. 1-й пол. XIX в.: Сия книга пройдена и никаких данных атаманом и козакам привилегий нет, подпись неразб. — Выше помета фиолетовыми чернилами перьевой ручкой нач. XX в.: Донские книги. № 4-а. — Имеется еще ряд нечитаемых или нерасшифрованных помет XVII–XIX вв. Титульный лист 2-й пол. XVII в. сохранил оригинальное название уставом: Книга донская нынешняго 182-го году, а что в ней каких дел писано, и то в сей книге в начале во галвах обрящется. — и мелкой скорописью в правом нижнем углу владельческая запись: Думнаго дворянина Ивана Болшого Савостьяновича Хитрово.

³ По заверителю, 634 л.

запасам и другим вещам, отправленным на Дон в полк думнаго дворянина и воеводы Ивана Большаго Хитрово. Л. 1–200.

(Л. 3) № 6 — 7182/1674 года — Отправление на Дон с ратными людьми стольника и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго с товарищи. Л. 1–672.

№ 7¹ — 7183/1675, февраля 26 — августа 5 — Отправление на Дон *⁻стольника и воеводы⁻² князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго; разныя грамоты на Дон, к казакам и *⁻стоявшим там⁻³ воеводам, их отписки, челобитья и проч. (в середине многого недостает). Л. 1–267.

№ 8⁴ — 7183/1675 года — Приезды донских станиц и гонцов от стоявших на Дону воевод князя Петра Ивановича Хованскаго и князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальскаго с вестовыми отписками. Л. 1–580.

(Л. 3 об.) № 9 — 7185/1676, октября 16 — 7186/1677, октября 1 — Приезды донских станиц; дела по отпискам стоявших на Дону воевод, грамота к ним и проч. (в середине много растеряно). Л. 1–276.

№ 10 — 7191/1682, сентября 3 — 7191/1683, августа 1 — Приезды в Москву донских станиц, отправления на Дон государева жалованья, отписки бывшего на Царицыне с ратными людьми стольника Ивана Бахметева и проч. (много растеряно). Л. 1–382.

№ 11 — 7192/1683, сентября 4 — 7192/1684, *⁻декабря 17⁻⁵ — Приезды в Москву донских станиц и отправления на Дон гонцов и разнаго чина людей с государтвенными поручениями. Л. 1–279 + I + 65-а = 281 л.

(Л. 4) № 12 — 7193/1684, октября 4 — 7194/1685, сентября 6 — Приезды в Москву донских станиц, грамоты на Дон,

¹ Испр. из: 8, последовательность дел изменена в соответствии с нумерацией дел.

² Над строкой.

³ Над строкой.

⁴ Испр. из: 7, последовательность дел изменена в соответствии с нумерацией дел.

⁵ В описи внесена ошибочная дата: генваря 8.

- памяти и отписки разных приказов и мест и другия делопроизводства, относящиеся до Войска Донского. Л. 1–368.
- № 13 — 7194/1686 года — Приезды в Москву донских станиц, грамоты на Дон, отправление государева жалованья и другия бумаги. Л. 1–397.
- № 14 — 7196/1687, декабря 25 — 7196/1688, марта 5 — Приезд станичного¹ атамана Кирея Матвеева и отрывки некоторых донских делопроизводств. (много растеряно) Л. 1–154. (Л. 4 об.)
- № 15 — 7197/1689 — Приезды в Москву донских станиц, отправления на Дон разнаго чина людей с государственными поручениями, грамоты казакам и пр. (без начала и конца) Л. 1–244.
- № 16 — 7203/1695 года — Приезд донских станиц с атаманами Борисом Даниловым, Тимофеем Федоровым и Григорьем Белицким. Л. 1–314.
- № 17 — 7204/1696 года — Приезды в Москву донских станиц, отправление на Дон государева жалованья, грамоты и другия бумаги. Л. 1–218.
- (* № 17-а — 1702–1706 гг. — Книга, а в ней разные дела донских казаков. 666 л. [Записана ошибочно, см.: кн. № 22]²)
- № 18 — 1700–1705 — Приезды в Москву донских станиц и посланцев калмыцких тайшей, грамоты к ним и проч(ее). Л. 1 — 564.
- № 19. ч. 1–2. — 1703 — Книга всяких дел Донского повытья, содержащая в себе приезды донских станиц, отпуски к казакам грамот, сношения с разными местами и лицами по их делам и проч. Ч. I. Л. 1–504 +I +II +III =507 л. Ч. II. Л. 505–1026 =521 л. Л. 493 — печать.
- (Л. 5) № 20 — 1704 года — Книга Донского повытья, содержащая в себе приезды станиц, отпуски казакам грамот и всякаго рода бумаги. Л. 1–890.
- № 21 — 1704 и 1705 — Приезды³ в Москву донских станиц, отпуски к казакам грамот, жалованья и проч(ее). Л. 1–389.

¹ Над строкой.

² На левом поле синими чернилами поч. конца XIX — нач. XX вв.

³ Вымарано 1-е слово: Отрывки.

- № 22 — 1702–1705 — Книга всяких дел Донского повытья, содержащая в себе приезды станиц, грамоты и¹ другия бумаги по делам Войска Донского. 666 л.
- № 22-а² — 1707 и 1708 — Книга Донского повытья, содержащая в себе приезды и отпуски зимовых и легких станиц атаманов: 1-е Никиты Алексеева, 2-е Николая Иванова, 3-е Ивана Родионова, 4-е Дмитрея Матвеева, 5-е Ефрема Петрова, 6-е Акима Филиппова, 7-е Увара³ Иванова, 8-е Кузмы Минаева и 9-е Тимофея Федуева. Тут же посылки на Дон с жалованьем и по государеву делу подьячаго Василья Жадаева, толмача Зота Чагодаева и подьячих Бориса Баутина и Афанасья Крылова и Никиты Герасимова. Л. 1–1227, 33-а, 163-а, 432-а, 435-а, 746-а, 748-а, 791-а, 866-а, 876-а, 876-б, 1026-а, 1150-а = 1239 л.
- *-№ 22-б — 1715–1716 — Книга Донского повытья (внутренняя опись).⁴ Л. 1–241.
- № 23 — 1715–1719 годов — Книга дел Донского повытья, содержащая в себе приезды донских станиц, грамоты, памяти, отписки по делам Войска Донского. Л. 1–894.
- (Л. 5 об.) № 24 — 1718, апреля 20 — Крестоприводная книга Войска Донского на верность наследнику Всероссийского престола царевичу Петру Петровичу. Л. 1–138.
- № 25 — 1721, марта 21 — Передача по Высочайшему повелению казаков донских, яицких и гребенских от Коллегии Иностранных дел в ведомство Военной коллегии. Л. 1–217.
- № 26 — 1750–1768 — Дело о переносе крепости св. Анны на другое место и построении на Дону новой св. Димитрия. Л. 1–231.
- *-№ 27 — 1679–1680 — Записная книга донским делам Посольского приказа.⁵ 96 л.

¹ Далее вымарано: всякия.

² Тем же поч., но позже на левом поле листа.

³ В описи невнятно, можно прочесть как Яза или Юрья.

⁴ Синей шариковой ручкой на нижнем поле листа поч. XX в.

⁵ Синими чернилами на нижнем поле поч. 1-й пол. XX в.

(Л. 6) Реестр II-й
Донским делам старых лет в столпцах содержащихся,
С 1595 по 1700 год

Связка 1-я.
К. №1.

7102/1594.

№ 1 — августа 18 — Ведомость о хлебном жалованье, выданном Васильем Колтовским в Переяславле Рязанском донским, волжским и яицким казакам. Без начала. Л. 1–38.

7122¹/1613.

№ 1². — декабря 22 — Приезд в Москву донского атамана Игнатя Бедрищева с челобитьем от Войска казачьяго о жалованье; тут же обратное отправление его с грамотами на Дон и в Астрахань, к волжским казакам и Ивану Заруцкому. Л. 1–248.

***- 1618–1645 гг.**

№ 1. — Дела о донских казаках о приездах в Москву атоманов и казаков, о награждении воронежских и елецких детей боярских и стрельцов за донскую службу, об отпуске из Черкаска в Москву двух армян (л.136).⁻³ 244 л.

(Л. 6 об.) **1619 года**
Марта 15

№ 1-й — Дело по челобитню воронежца сына боярского Бориса Горожанского, бывшего на государевой службе на Дону, о даче ему жалованья. Л. 1–6.

¹ Испр. из: 7121.

² От этого дела и далее — другим каллиграфическим поч.

³ На нижнем поле листа синими черн. поч. рубежа XIX–XX вв.

Ноября 29

№ 2-й — Дело по челобитью воронежца осадного головы Прокофья Шишкина, посланного на Дон с государевою казною, о даче ему жалованья. Л. 1–9.

(Л. 7) 1621 и 1623 7129/1621, августа 8

№ 1 — Дело по челобитью воронежского сотника стрелецкаго Федота Острцова, посланного на Дон с государевою казною, о даче ему жалованье. Л. 1–6.

7132/1623, ноября 23

№ 1 — Дело по челобитью воронежцов детей боярских Никиты Абрамова и Исаея Золототрубова, посланных на Дон, по государеву указу, о даче им жалованья. Л. 1–9.

(Л. 7 об.)¹ 1625 и 1627 годов

№ 1 — 7134/1625, октября 4 — 7136/1627, ноября 23 — Приезд в Москву донских станичных атаманов Алексея Старого, Федора Коневца (Ханенева), обратный отпуск последнего из них на Дон и посылка Старого на Белоозеро в заточение. Л. 1–63.

* № 2 — 1625 — 1632 гг. — Отрывки донских дел. На 14 л.²

7136/1627.

№ 1 — сентября 20 — Дело по челобитью астраханца Степана Хотенова, присланного в Москву с отпискою, о даче государева жалованья. Л. 1–3.

¹ На верхнем поле вымарано: 1625 и 1627 годов.

² На левом поле синими черн. поч. 1-й пол XX в.

(Л. 8) 1629.

- № 1 — Дело по челобитью донского станичного атамана Ивана Кашпирова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–5.
- № 2-й — Дело по челобитью жильца Ивана¹ Порошина, посланного на Дон, о даче ему государева жалованья. Л. 1–2.
- № 3 — в июле — Дело по челобитью донского станичного атамана Ивана Косаго с товарищи о награждении их государевым жалованьем. Л. 1–14.
- № 4 — июля 6 — Дело по челобиттью донского станичного атамана Лариона Михайлова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–5.

(Л. 8 об.) 1630.

- № 1 — Дело по челобитью донского казака Никиты Семенова о награждении его государевым жалованьем. Л. 1–3.
- № 2 — февраля 16 — Дело по челобитью волуйского станичного ездока Ивана Турандина, посланного на Дон, о даче ему жалованья. Л. 1–3.

(Л. 9) 1631 и 1632
7139/1631 года

- № 1 — Отрывок распросных речей разных полонянников, присланных в Москву донскими казаками. Без начала и конца. Л. 1–5.

7140/1632, марта 27

- № 1 — Отписка царицынского воеводы князя Льва Волконского о разных вестях азовских, нагайских и казачьих. Л. 1–8.
(Л. 9 об.) К. №2.

¹Над строкой др. поч. и черн.

1633.

- № 1 — марта 12 — Отписка воронежского воеводы Матвея Измайлова о донских вестях. Л. 1–4.
- № 2 — марта 28 — Приезд в Москву станичного атамана Федора Лазаревского, ясаула Михайло Семенова с войсковыми отписками. Л. 1–31.
- № 3 — июня 5 — Отпуск из Москвы на Дон приехавшего в легкой станице атамана Михайлы Васильева, ясаула Дениса Парфеньева. Л. 1–24.
- № 4 — марта 22 — Дело по челобитью Льва Полуехтова, посланного вместе с князем Иваном Дашковым на Дон для призвания их на службу под Смоленск, о даче ему государева жалованья. Л. 1–3.
- (Л. 10) № 5 — октября 22 — Приезд в Москву донского станичного атамана Макара Степанова, ясаула Ивана Меркулова и 17 рядовых казаков. Л. 1–15.
- № 6 — ноября 19 — Дело о даче государева жалованья и поденного корма станичному атаману Нефеду Осипову, ясаулу Федору Трофимову и 8 человеком казаков. Без начала. Л. 1–10.
- № 7 — декабря 13 — Дело по челобитьям донских станичных атаманов Богдана Афанасьева и Алексея Федорова Старова, ясаула Семена Ерофеева и 104 казаков, о даче им за их службы государева жалованья. Л. 1–29.

(Л. 10 об.) 1634.

- № 1 — июля 20 — Отпуск из Москвы на Дон станичного атамана Дениса Григорьева с товарищи. Л. 1 — 9.
- № 2 — июля 25 — Дело по челобитью донского станичного атамана Ивана Тимофеева с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–8.

(Л. 11) 1635.

- № 1 — в апреле — Отправление на Дон с царскою гармотою воронежца Григорья Шеглеватаго. Без начало и конца. Л. 1–4.

- № 2 — в мае — Грамота к донским казакам, запрещающая им ходить на Черное море, под Азов и на крымские улусы. Л. 1–8.
- № 3 — мая 31 — Дело по челобитью донского станичного атамана Аввакума Софонова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–6.
- № 4 — июня 5 — Дело по челобитью донского станичного атамана Панкрата Степанова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–12.
- № 5 — *⁻июля 4⁻¹ — Дело по челобитью ливенца Онуфрия Кожухова, посланнаго на Дон с грамотами Войску казачьему² о даче ему государева жалованья. Л. 1–8.
- (Л. 11 об.) № 6 — сентября 9 — Дело по челобитью станичного атамана Ивана Васильева с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–5.
- № 7 — октября 21 — Дело по челобитью донского станичного атамана Павла Фед[орова/отова/осеева], ясаула Дрона Кондратьева о даче им государева жалованья. Л. 1–8.

(Л. 12) **1636.**

- № 1 — марта 25 — Дело по челобитью донского станичного атамана Полуекта Савельева с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–10.
- № 2 — мая 16 — Дело по челобитью донского станичного атамана Онисима Никифорова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–4.
- № 3 — июля 21 — Дело по челобитью донского станичного атамана Неустроя Федорова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–7.
- № 4 — сентября 11 — Дело по челобитью донского станичного атамана Ивана Федорова о даче им государева жалованья. Л. 1–10.

¹ Позже синими черн.

² Испр. из: казачью.

№ 5 — декабря 20 — Приезд в Москву с отпискою войскового атамана Дмитрея Катаржного с станицею. Л. 1-77, 11-а, 59-а, 68-а =80 л.

(Л. 12 об.) 1637.

№ 1 — февраля 5 — Приезд в Москву янского (донского?) казачья ясаула Поленова с вестями. Л. 1-10.

№ 2 — марта 9 — Дело по челобитью¹ донского станичного атамана Тимофея Яковлева, ясаула Петра² Иванова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1-14.

№ 3 — ноября³ — декабря 31 — Приезд в Москву и отпуск обратный на Дон станичного атамана Григорья Шатрова с 36 казаками. Без начала. Л. 1-65.

№ 4 — ноября 23 — Отправление на Дон с царскою грамотою воронежского сына боярского Трофима Михнева. Л. 1-48.
(Л. 13) К. № 3.

1638.

№ 1 — генваря 4 — Приезд и обратный отпуск на Дон Станичного атамана Антипа Устинова и ясаула Микулы Иванова.

№ 2 — апреля 4 — Приезд и обратный отпуск на Дон станичного атамана Михаила Татаринова и ясаула Петра Шадева. Л. 1-121.

№ 3 — мая 29 — Приезд сына боярского Якова Мозолевского с отпискою от воронежского воеводы Мирона Вельяминова. Л. 1-7.

№ 4 — июня 10 — Приезд в Москву станичного атамана Дениса Парфенова, ясаула Богдана Васильева с войсковым отписком. Тут же и отписки воронежского воеводы Мирона Вельяминова о разных вестях. Л. 1-96.

¹ Далее повтор: станичного.

² Над строкой.

³ Позже карандашем.

(Л. 13 об.) № 5 — августа 9 — Приезд в Москву с отпискою станичного атамана Осипа Лосева. Тут же и отписки воронежского воеводы Мирона Вельяминова о разных вестях. Л. 1–47.

(Л. 14) 1639.

№ 1 — генваря 18 — Отрывок дела о посылке на Дон к казакам государева жалованья. Л. 1–3.

№ 2 — сентября 3 — Дело по челобитьям ливенца Ануфрия Кожухова и города Корочи казачьего пятидесятника Данила Болдыря, посланных в Азов с отписками, о даче им за то государева жалованья. Л. 1–18.

№ 3 — сентября 3 — Дело по челобитью воронежцев Трофима Михнева с товарищи, посылаемых воронежской¹ воеводы на Дон и в Азов для вестей, о даче им за то государева жалованья. Л. 1–9.

№ 4 — сентября 6 — Отписка воронежского воеводы Мирона Вельяминова о донских и азовских вестях. Л. 1–17.

(Л. 14 об.) № 5 — октября 30 — Дело о даче донским казакам Кирею Степанову, Якиму Дементьеву, Степану Самсонову и Льву Иванову государева жалованья за полное терпение; тут же челобитье разных пленников и выходцев русских, гречан и арапов, бывших на [тур]ецких катаргах, о том же. Л. 1–69.

№ 6 — ноября 3 — Приезд в Москву станичного атамана Аввакума Софонова и казака Шеховского, ехавших на богомолье в Соловецкой монастырь. Л. 1–22.

№ 7 — ноября 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Сидора Елф[ее]ва и ясаула Беляя Лукьянова с войсковою отпискою. Л. 1–53.

№ 8 — декабря 16 — Приезд в Москву станичного атамана Ивана Катаржн[аго] и Нефеда Осипова в легкой станице. Л. 1–122.

(Л. 15) К. № 4.

¹ Здесь и далее сохранена грамматика оригинала.

1640.

- № 1 — генваря 30 — Приезд в Москву воронежцев сына боярского Ивана Шишкина и атамана Мартина Болдырова с отписками воронежского воеводы Мирона Вельяминова; тут же и распросные их речи об азовских вестях. Л. 1-31.
- № 2 — мая 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Григорья Бородина и ясаула Федора Федотова с войсковою отпискою. Л. 1-56.
- № 3 — июня 20 — Дело по челобитью московского торгового иноземца Павла Вестова о высылке из Воронежа беглага от него татарина Актамирки Сихметова. Л. 1-9.
- № 4 — июня 28 — Приезд в Москву воронежца Парфена Рукина с отписками воронежского воеводы Мирона Вельяминова; тут же и роспросныя его речи об азовских вестях. Л. 1-12.
- (Л. 15 об.) № 5 — сентября 29 — Приезд в Москву станичного атамана Дементья Гаврилова и ясаула Филата Селиверстова с войсковою отпискою. Л. 1-130.
- (Л. 16) Связка 2-я.

1641.

- № 1 — генваря 2-го — Дело по челобитью донских казаков Осипа Лосева и Богдана Иевлева о даче им проезжей до Азова грамоты. Л. 1-6.
- № 2 — февраля 9 — Отправление на Дон ливенца Онуфрия Кожухова с государевою грамотою к Войску Донскому. Л. 1-69.
- № 3 — апреля 7 — Отправление на Дон толмача Посольского приказа Уразая Каратаева с государевою грамотою. Л. 1-9.
- № 4 — апреля 29 — Дело по челобитьям воронежского атамана Максима Носа с товарищи о награждении их за их службу на Дону государевым жалованьем. Л. 1-13.
- (Л. 16 об.) № 5 — мая 19 — Приезд в Москву и обратное отправление войлуйского станичного атамана

- Томилы Бобырева и ездока Федора Лазарева с отписками от Войска Донского и волуйского воеводы Голенищева-Кутузова. Л. 1–49.
- № 6 — мая 26 — Приезд в Москву воронежского казачья атамана Артемья Быкова с отпискою Войска Донского верховых казаков. Л. 1–7.
- № 7 — мая 29¹ — Приезд в Москву донского станичного атамана Дениса Григорьева и ясаула Ивана Иванова в легкой станице с войсковою отпискою. Тут же отправление в Азов богослужебных книг и других церковных принадлежностей; также отправление на Дон станичного атамана Онисима Никифорова. Л. 1–88.
- (Л. 17) К. № 5.
- № 8 — июля 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Беляя Лукьянова в легкой станице с отпискою. Л. 1–29.
- № 9 — июля 21 — Приезд в Москву волуйского станичного атамана Савостьяна Князева и ездока Степана Пригарина, посланных в Азов с грамотою к донским казакам. Л. 1–40.
- № 10 — сентября 1². — Две отписки воронежского воеводы Андрея Солнцева: о донских и азовских вестях. Л. 1 — 4.
- № 11 — октября 28 — Приезд в Москву донского войск(ов) атамана Наума Васильева и ясаула Федора Порошина в легкой станице. Л. 1–45.
- (Л. 17 об.) № 12 — ноября 14 — 1-е — Отправление на Дон дворянина Афанасья Желябужского и подьячаго Арефы Башмакова с милостивым словом, государевою грамотою и жалованьем³ войску казачьеву. 2-е — Приезд их и вместе с ними донской казачьей станицы атамана Аввакума Сафонова и ясаула Романа Родионова. 3-е — Посылка дворянина Михайла Засецкого к донским казакам с убеждением, чтобы они, оставив Азов, перешли на прежние свои места. Л. 1–215.

¹ Испр. из: 26.

² испр. из: 11.

³ Испр. из: грамотою и государевым жалованьем.

(Л. 18) 1642.

- № 1 — в генваре — Извет донских казаков Юрья Маркова с товарищи о посылке на крымских татар и разбитии их на море. Л. 1-3.
- № 2 — генваря 10 Дело о даче государева жалованья вышедшему из турецкаго плена донскому казаку Онуфрию Шатрову. Л. 1-10.
- № 3 — генваря 22 — Роспросныя речи донскаго казака Петра Федорова об азовских вестях. Л. 1-3.
- № 4 — генваря 29 — Дело по челобитью воронежских полковых казаков Тихона Плотникова с товарищи, провожавших в Азов к донским казакам государеву казну и сидевших там в осаде от турок, о даче им за то жалованья. Л. 1-31.
- (Л. 18 об.) № 5 — февраля 7 — Дело по памяти из Сибирскаго приказа в Посольский о том: города Верхотурова священник Яков Сидоров был ли посылан из Москвы в Азов к донским казакам и зачем? Л. 1-5.
- № 6 — февраля 21 — Дело о даче донскому есаулу Федору Порошину государева жалованья и поденнаго корма. Л. 1-2.
- № 7 — февраля 23 — Дело по челобитью донскаго казака Алексея Седаго, вышедшаго из турецкаго плена, о даче ему государева жалованья. Л. 1-5.
- № 8 — марта 11 — Дело по памяти из Приказа Новья чети в Посольской о том: донскому атаману Денису Григорьеву с товарищи в приезде их чрез Пронск указано ли выдать жалованье. Л. 1-7.
- (Л. 19) № 9 — марта 15 — Дело по челобитью воронежца Трофима Михнева¹ о справе за ним пожалованных ему 50 четвертей за посылку его в Азов с государевым жалованьем Войску Донскому. Л. 1-5.
- № 10 — марта 28 — Дело по челобитью донскаго атамана Наума Васильева о поимке сбежавшаго от него вольнаго

¹ *Испр. из:* Михайлова.

- человека Антона Кириллова и унесшаго с собою разные пожитки. Л. 1–28.
- № 11 — апреля 1 — Дело по челобитью тамбовских сторожевых казаков Афанасья Лихачева с товарищи, провожавших в Азов дворянина Афанасья Желябужского, о даче им государеваго¹ жалованья². Л. 1–30.
- № 12 — июня 2 — Отписка белгородского воеводы Замятни Леонтьева об азовских и донских вестях. Л. 1–2.
- (Л. 19 об.) № 13 — июня 9–24 — Отписки волуйского воеводы Павла Левонтьева об азовских вестях. Л. 1–22.
- № 14 — июня 21 — Отписки воронежского воеводы Василья Домдановского об азовских вестях. Л. 1–2.
- № 15 — июня 23 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Степана Иванова и ясаула Герасима Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–17.
- (Л. 20) К. № 6.

1643.

- № 1-й — августа 28 — Отпуск из Москвы донского станичного атамана Кирея Степанова и ясаула Дмитрия Иванова с станицею. Л. 1–36.
- № 2 — сентября 22 — Дело по челобитью Шацкого города цненского Алмакая-мурзы о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки брата его Бибал-мурзу, взятаго в плен нагайцами, выкупили в Азове. Л. 1–2.
- № 3 — октября 30 — Две отписки воронежского воеводы Василья Ромодановского об отпуске из Воронежа в Москву донских казаков Льва Пушкина и Богдана Дудорова. Л. 1–2.
- (Л. 20 об.) № 4 — декабря 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Осипа Петрова и ясаула Федора Федотова. Тут же отправление на Дон государева жалованья. Л. 1–83.
- (Л. 21) К. № 7.

¹ *Испр. из:* государевым.

² *Испр. из:* жалованным.

- № 1 — февраля 11 — Дело по памяти из Приказа Казанскаго дворца в Посольской о доставлении сведений по чему дается донским атаманам и казакам, приезжающим в Москву с войсковыми отписками, государева жалованья. Л. 1-3.
- № 2 — февраля 19 — Дело по челобитью донских казаков Бориса Беседнаго с товарищи, приехавших с астраханским гонцем в провожатых, о даче им государева жалованья. Л. 1-6.
- № 3 — апреля 5 — Дело по челобитью боярина Лукьяна Стрешнева о высылке с Воронежа беглых его людей, пробирающихся на Дон к казакам. Л. 1-4.
- (Л. 21 об.) № 4 — апреля 12 — Дело по челобитным волуйскаго жителя Самойлы Деревягина, бывшего вожем у Ивана Савельева, посланнаго на Дон с государевою грамотою, о даче ему за то жалованья. Л. 1-16.
- № 5 — апреля 12 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Панкрата Степанова и есаула Потапа Семенова в легкой станице. Л. 1-43.
- № 6 — июля 4 — Приезд в Москву станичнаго атамана Филата Селиверстова и ясаула Дмитрия Павлова в легкой станице с войсковою отпискою. Л. 1-49.
- № 7 — сентября 2 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Федота Федорова и ясаула Андрея Федорова с товарищи. Тут же часть приезда атамана Устина¹ Алексеева. Л. 1-221.
- (Л. 22) № 8 — сентября 17 — Дело по челобитью вышедших из турецкаго плена донских казаков Онуфрия Артемьева с товарищи, о награждении их государевым жалованьем. Л. 1-14.
- № 9 — ноября 3 — Дело по челобитью донскаго атамана Томилы Корякина о награждении его за службу государевым жалованьем и поместным окладом. Л. 1-18.

¹ На левом поле и над строкой.

№ 10 — декабря 29 — Дело по челобитью войскового донского атамана Павла Федорова о сделании и обложении серебром икон для часовни в городке Черкасском. Л. 1-48.

(Л. 22 об.) **1645.**

№ 1 — апреля 2 — Приезды в Москву донского станичного атамана Устина Алексеева и ясаула Михайла Никитина с товарищи. Л. 1-40.

№ 2 — апреля 25 — Бытность Василья Струкова у донских казаков с жалованною государевою грамотою (без конца). Л. 1-9.

№ 3 — мая 5 — Дело по челобитью донского казака Якова Федорова, выкупленного из крымского плону о даче ему государева жалованья. Л. 1-6.

*№ 4 — сентября 15 — октября 15 — По челобитью донского атамана Осипа Никитина Лосева о назначении ему государева жалованья денежного и поденного корму против прочих же донских атаманов.¹ Л. 1-8.

(Л. 23) Связка 3-я

К. №8

1646.

№ 1 — марта 18 — августа 16 — Отправление к Войску Донскому дворян Ждана Кондырева и Михайла Шишкина с государевым жалованьем и бытность их в украинских городах для набора 3000 вольных ратных людей в пособие донским казакам. На 334 л. (без начала). Л. 1-334.

№ 2 — в мае и июне — Взаимныя поручныя записи вольных ратных людей, набранных в украинских городах для отправления на Дон в помощь Войску Донскому. На 111 л. Л. 1-111.

¹ Синими черн. поч. к. XIX — н. XX в.

№ 3 — мая 11 — Приезд в Москву и обратный отпуск на Дон к казачьему войску станичного атамана Ивана Катаржнато и ясаула Филата Федорова. На 151 л. Л. 1–151.

(Л. 23 об.) К. № 9.

№ 4 — мая 29 — Приезд в Москву и обратный отпуск на Дон казачьяго атамана Тимофея Иванова и ясаула Афанасья Антипина с станицею. На 83 л. Л. 1–83.

№ 5 — июня 28 — Приезд в Москву и обратный отпуск на Дон станичного атамана Максима Пещурова и ясаула Максима Борисова. Тут же отправление к донским казакам царского жалованья. На 211 л. Л. 1–211, I, 84-а, 118-а=214 л.

№ 6 — июля 31 — Приезды в Москву донскаго атамана Леонтья Пушкинскаго и Дементия Гаврилова с легкими станицами и обратный их отпуск. На 200 л. (Ветх в конце). Л. 1–200.

№ 7 — сентября 11 — Приезд в Москву донскаго станичного атамана Наума Васильева и ясаула Афанасья Васильева с войсковою отпискою. На 88 л. Л. 1–87.

(Л. 24) № 8 — октября 4 — Приезд в Москву донскаго станичного атамана Захара Дементьева и ясаула Прокофья Иванова с войсковою отпискою. На 121 л. Л. 1–121.

К. № 10 и 11

№ 9 — октября 11 — Дело по челобитью¹ волуйскаго станичнаго атамана Никиты Зарубина и вожа Самойлы Деревягина, посыланых на Дон с государевою грамотою, о даче им жалованья. На 32 л.

№ 10 — ноября 18 — Список вольным новоприбранным донским казакам, которые остались в Войске Донском служить государю. На 77 л.

№ 11 — ноября 21 — Разныя дела, относящиеся до набора на Дон ратных людей и о прочем. На 92 л. Л. 1–93.

(Л. 24 об.) № 12 — ноября 29 — Приезд в Москву донскаго атамана Павла Федорова и ясаула Тимофея Иванова с зимовою станицею. Тут же отпуск их на Дон и посылка к Войску Донскому дворян Ждана Кондырева и Михайлы

¹ *Испр. из:* челобитным.

Шишкина с царскою грамотою, хлебным и денежным жалованьем и военными припасами. На 314 л.

№ 13 — декабря 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Никона Крылова с товарищи. На 33 (53?) л.

(Л. 25) Связка 4-я

К. №12

1647 г.

№ 1 — в генваре — Отпуск грамоты к астраханским воеводамо сыске воров донских казаков, грабящих по Волге. Л. 1–8. (Без начала).

№ 2 — генваря 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Гаврила Веневитинова с войсковою отпискою. Л. 1–41.

№ 3 — генваря 27 — Список вольным ратным людям, прибранным на Воронеже дворянами Жданом Кондыревым, Михайлом Шишкиным и подьячим Кириллом Анфиногеновым, для отсылки на Дон в прибавку казачьему войску. Л. 1–127.

№ 4 — февраля 20 — Дело по челобитью донского казака Наума Шихотника, вышедшаго из турецкаго полону о даче ему государева жалованья. Л. 1–4.

(Л. 25 об.) № 5 — *⁻мая 7⁻¹ — Дело по отпискам и челобитным *⁻Ждана Кондырева, Ми⁻²-хайлы Шишкина и подьячаго Кириллы Анфиногенова, бывшим на Воронеже для набора вольных ратных людей в прибавку Войску Донскому. (Неполно). Л. 1–17.

№ 6 — мая 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирея Степанова с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–27.

№ 7 — июня 18 — Приезд в Москву новоприборных на Дон ратных людей атамана Андрея Покушалова с челобитьем о жалованье. Л. 1–160.

¹Над вымаранным: февраля 26.

²Над вымаранным: вышедших из турецкаго плена.

- № 8 — августа 15 — Дело по челобитью донского казака Ивана Соколова об отпуске его в Соловецкий монастырь на богомолье. Л. 1–2.
- (Л. 26) № 9 — сентября 20 — Отправление на Дон Гаврилы Стрешнева с государевою казакам грамотою. Л. 1–11.
- № 10 — ноября 15 — Приезд в Москву донского станичного атамана Андрея Васильева и ясаула Василья Мякина с войсковою отпискою. Л. 1–72.
- № 11 — ноября 16 — Дело по челобитью волуйских станичников Никиты Зарубина, Самойла Деревягина и Ивана Сала, посыленных на Дон с государевою грамотою о даче им за то жалованья. Л. 1–13.

(Л. 26 об.) **1648.**

- № 1 — февраля 2 — Приезд в Москву донского станичного атамана Степана Молодаго и ясаула Тимофея Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–28.
- № 2 — февраля 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Панкрата Степанова и ясаула Петра Дмитриева с войсковою отпискою. Л. 1–16.
- № 3 — марта 2 — Дело по челобитью донского казака Степана Старикова об отпуске его в Соловецкий монастырь на богомолье.
- К. №13
- № 4 — марта 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тита Григорьева с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–49.
- (Л. 27) № 5 — апреля 2 — Дело по челобитью донского атамана Осипа Петрова Колуженинова об отпуске его на богомолье в Соловецкий монастырь. Л. 1–13.
- № 6 — апреля 10 — Дело о наборе и отсылке на Дон на государеву службу тысячи¹ драгун под начальством дворянина Андрея Лазарева. Л. 1–219.

¹ *Далее вымарано: человек.*

- № 7 — мая 9 — Приезд в Москву донских казаков Василья Моисеева и Корнила Яковлева и их роспросные речи. Л. 1–15.
- № 8 — июля 23 — Дело по челобитью донского казака Марка Матюнина, бывшего в Москве на богомолье о даче ему государева жалованья. Л. 1–4.
- (Л. 27 об.) № 9 — сентября 12 — Приезд в Москву донских казаков Ивана Евлахова с товарищи и отпуск их в Соловецкий монастырь на богомолье. Л. 1–12.
- № 10 — октября 27 — Дело о даче вышедшему из турецкого плена донскому казаку Андрею Елисееву государева жалованья. Л. 1–7.
- № 11 — декабря 15 — Дело по челобитью донских казаков Степана Молинского с товарищи, вышедших из турецкого плена, о даче им за то государева жалованья. Л. 1–9.
- № 12 — декабря 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Павла Федорова с товарищи с войсковой отпискою. Тут же посылка на Дон соловлянина Степана Карцова с государевым жалованьем. Л. 1–158.
- № 13 — декабря 26 — Дело по челобитью донского казака Якова Жукова об отпуске его из Москвы в Новгород для свидания с родителями. Л. 1–9.
- (Л. 28) К. № 14.

1649.

- № 1 — генваря 17 — Дело по челобитью донского казака Михайлы Липовского, вышедшего из турецкого плону, о даче ему за то государева жалованья. Л. 1–8.
- № 2 — февраля 12 — Дело об отпуске из Москвы в Соловецкий монастырь на богомолье донских казаков Ивана Разина и Тимофея Григорьева. Л. 1–11.
- № 3 — февраля 13 — Дело по челобитью майора Якова Урвана, капитана Юрья Прысу¹, и поручиков Нильса Артура,

¹ *Читается:* Прысу — написано невнятно, прочесть можно как Прысу и как Прысу, — в документах дела встречаются оба варианта написания фамилии.

- Якова Стерпа и Павла Теса, бывших на Дону с дворянином Андреем Лазаревым о даче им государева жалованья. Л. 1–8.
- № 4 — февраля 15 — Дело по челобитью донского казака Федора Иванова, вышедшего из турецкого плону, о даче ему государева жалованья. Л. 1–4.
- (Л. 28 об.) № 5 — марта 3 — Дело по челобитью донского казака Трофима Григорьева, ходившего в Соловки на богомолье о даче ему поденного корма. Л. 1–5.
- № 6 — марта 4 — Дело о даче поденного корма вышедшим из крымского плена донским казакам Науму Носову с товарищи. Л. 1–31.
- № 7 — апреля 6 — Дело по челобитью дворянина Андрея Лазарева, бывшего на государевой службе на Дону о даче ему жалованья. Л. 1–6.
- № 8 — апреля 27 — Дело по челобитью донского казака Кона Нестерова, вышедшего из крымского плону о даче ему государева жалованья. Л. 1–4.
- № 9 — мая 31 — Дело об отпуске из Москвы в Соловецкий монастырь на богомолье донского казака Семена Дементьева. Л. 1–5.
- (Л. 29) № 10 — июня 4 — Дело по челобитью вышедшего из турецкого плена донского казака Прохора Федорова о даче ему государева жалованья. Л. 1–8.
- № 11 — июня 4 — Дело по памяти из Розбойного приказа в Посольский об учинении выписки: был ли сын боярской Иван Собакин на Дону в полку Андрея Лазарева? Л. 1–2.
- № 12 — июля 6 — Дело по челобитью вышедших из крымского плена донских казаков Кондратя Рязанцова с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–11.
- № 13 — сентября 13 — Возвратный приход с Дону в Москву дворянина Андрея Лазарева, посыланного туда с ратными людьми на помощь казачьему войску. Л. 1–61¹.

¹ Испр. из: 63.

- (Л. 30)¹ № 14 — октября 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Прокофья Иванова с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–39.
- № 15 — октября 31 — Дело по челобитьям подполковника Якова Урвина, майора Юрья Прюта, и капитана Ивана Фливерка с товарищи, бывших на государевой службе на Дону, о даче им жалованья. Л. 1–37.
- № 16 — ноября 7 — Следственное дело по челобитью донского казака Афанасья Григорьева о 35-ти рублях², данных им³ будто бы⁴ на сохранение Ордынской сотни тяглицу Ульяну Емельянову. Л. 1–4.
- № 17 — ноября 28 — Дело по челобитьям донских казаков Андрона Кондратьева, Ивана Яковлева и Данила Федорова, вышедших из крымского полону о посылке их в монастырь для научения православной вере. Л. 1–8.
- (Л. 30 об.) № 18 — ноября 30 — Дело по челобитью донского казака Максима Максимова об отпуске его к Николе Можайскому⁵ на богомолье. Л. 1–5.
- № 19 — декабря 19 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кузмы Титова и ясаула Николая Савостьянова с войсковою отпискою. Тут же посылка на Дон Михаила Шишкина с государевым жалованьем. Л. 1–158.
- № 20 — декабря 24 — Дело по челобитью донских казаков Конона Нестерова и Михайлы Селикариго⁶, вышедших из⁷ турецкого полону, о даче им государева жалованья. Л. 1–14.
- № 21 — декабря 24 — Дело по челобитью донских казаков Парфена Иванова и Киприян Щербачева, приехавших в Москву на богомолье, о даче им государева жалованья. Л. 1–5.

¹ Л. 29 об. — чистый.

² Над строкой.

³ Над строкой.

⁴ Далее вымарано: им.

⁵ В ркп. описка: Можвайскому.

⁶ Может быть прочитано как: Селикарего.

⁷ В ркп. вымарано или смазано.

(Л. 31) № 22 — декабря 27 — Дело об отпуске в Соловецкой монастырь на богомолье донских казаков Артемья Васильева с товарищи. Л. 1–6.

(Л. 31 об.) К. №15.

1650.

№ 1 — генваря 16 — Дело об отпуске донского казака Афанасья Борисова Аргамакова к соловецким чюдотворцам на богомолье. Л. 1–5.

№ 2 — февраля 13 — Дело по челобитьям донских казаков Артемья Васильева с товарищи, ходивших в Соловки на богомолье об отпуске их на Дон. Л. 1–5.

№ 3 — февраля 15 — Дело по челобитью Ордынской сотни тяглеца Козмы Андреева о перемещении квартирующих у него донских казаков на иные дворы. Л. 1–2.

№ 4 — февраля 21 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: лихвинец сын боярский Богдан Северов на Дону с воеводою Жданом Кондыревым был ли и где находится? Л. 1–2.

(Л. 32) № 5 — апреля 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федор Федорова и ясаула Герасима Филонова с войсковою отпискою. Л. 1–97.

№ 6 — апреля 25 — Приезд в Москву волуйчанина Никиты Зарубина и роспросныя его речи о донских вестях. Л. 1–12.

№ 7 — апреля 27 — Дело по челобитью донского казака Михайла Петрова, вышедшаго из плена из Кизылбаш, о награждении его государевым жалованьем. л. 1–13.

№ 8 — апреля 27 — Дело по памяти из Приказа Холопья суда в Посольский об учинении выправки¹: донской казак Василий Иванов в Москве в 154-м году был ли и давано ли ему государево жалованье? Л. 1–4.

(Л. 32 об.) № 9 — мая 24 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Жукова с товарищи, привезших

¹ Далее вымарано слово с предлогом: о ...

с собою войсковую отписку и листы малороссийского гетмана Богдана Хмельницкого. Л. 1–29.
(Л. 33) Связка 5/а

1652.

- № 1 — апреля 14 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Гаврилова и ясаула Софона Миронова в легкой станице. (не полно) На 10 листах. Л. 1–15.
- № 2 — октября 30 — Приезд в Москву воронежца Мины Прибыткова, посланного на Дон к казакам с государевым жалованьем. на 13 листах. Л. 1–14.
- № 3 — ноября 27 — Отписки Войска Донского войскового атамана Наума Васильева о разных предметах. На 3 листах. Л. 1–3.
- № 4 — ноября 29 — Приезд в Москву донского станичного атамана Павла Федорова Чесночихина и ясаула Григорья Афанасьева в легкой станице. Тут же * обратной их¹ от-пуск² и отправление к казаком смолянина Парамона Золотарева с государевым жалованьем³. л. 1–144.
- (Л. 33 об.) № 5 — декабря 30 — Дело по челобитью донского казака Якова Жукова, приехавшего в Москву на богомолье, о даче ему поденного корма. На 3 листах.
(Л. 34) К. №16.

1653.

- № 1 — генваря 9 — Дело по челобитью донского казака Максима Максимова, приезжавшего в Москву на богомолье о даче ему подорожной до города Волуйки. На 3 листах.
- № 2 — генваря 25 — Дело по челобитью донских казаков Григорья Петрова и Тараса Леонтьева, идущих в Соловецкий

¹ Над строкой.

² Далее вымарано: их.

³ Далее вымарано: На 143 листах.

- монастырь на богомолье, о даче им поденного корма. На 7 листах.
- № 3 — генваря 28 — Дело о донском казаке Иване Матвеева, ходившем из Москвы в Владимир на богомолье. На 2¹ листах.
- № 4 — генваря 28 — Дело по челобитью донского казака Семена Агеева Чулкова, вышедшаго из турецкаго полону, о даче ему государева жалованья. На 8 листах.
- (Л. 34 об.) № 5 — марта 5 — Дело по челобитью белых попов Иоанна Евдокимова и Михайлы Григорьева и диакона Ивана Иванова, отправлявшихся на Дон о даче им государева жалованья. На 6 листах.
- № 6 — марта 20 — Дело по челобитью Огородных слободы тяглеца Ивана Михалева о поимке бежавших от него с донскими станичниками крещенаго² татарина Александра Петрова. На 3 листах.
- № 7 — августа 23 — Приезды в Москву донского станичнаго атамана Тимофея Никитина и ясаула Ивана Савельева с войсковою отпискою³. Л. 1–35.
- № 8 — августа 31 — Дело по челобитью донского казака Емельяна Копылова, ездившаго в Соловецкий монастырь на богомолье, о даче ему подорожной. На 3 листах.
- (Л. 35) № 9 — сентября 2 — Дело по челобитью смольянина Парамона Золотарева, ездившаго на Дон к казакам с государевою казною, о даче ему за то жалованья. На 10 листах.
- № 10 — в декабре — Дело об отсылке из Посольскаго приказа в Иноземческий разнаго оружия, отобраннаго у солдат полку Андрея Лазарева, бывших на государевой службе на Дону. На 2 листа.
- № 11 — декабря 12 и 14 — Приезды в Москву с войсковыми отписками: 1-е) станичнаго атамана Семена Заварзина и ясаула Семена Заварзина и ясаула Семена Чулка; 2-е) станичнаго ж атамана Лукьяна Фомина в легких станицах.

¹ За вымаранным: 3.

² Над строкой.

³ Далее вымарано: На 39 листах.

- Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем Войску Донскому Парамона Золотарева. На 167 листах.
- (Л. 35 об.) № 12 — декабря 17 — Дело по челобитью донского Черкасского городка священника Воскресенской церкви Максима о даче ему государева жалованья. На 5 листах.
- № 13 — декабря 24 — Дело о даче поденного корма и подорожных донским казакам Григорью Золотареву, Федору Леонтьеву Дугину, Григорью Кириллову, Ивану Зуеву и Петру Дорофееву, кои прибыли в Москву на богомолье. На 19 листах.

(Л. 36) 1654.

- № 1 — генваря 18 — Дело по челобитью Войска Донского войскового атамана Наума Васильева об отдаче Воронежскому Борщеву монастырю рыбных ловель при Богатом¹ затоне, о котором происходили споры между монастырскими властями и коротоякскими жителями. На 90 листах.
- № 2 — марта 10 — Дело по челобитью донского Черкасского городка Воскресенской церкви диакона Петра Захарьева о даче ему государева жалованья. На 6 листах.
- (Л. 36 об.) № 3 — декабря 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Корнилы Черкесова с товарищи с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон с государевым денежным и хлебным жалованьем усмонца Ефима Прибыткова и разных гонцов с грамотами. На 109 листах.
- (Л. 37) К. №17.

1655.

- № 1 — июня 4 — Отписки волуйского воеводы Василья Феофилатова о разных донских вестях. На 12 листах.
- № 2 — июня 23 — Дело по челобитью донских казаков Киприана Карпова и Федора Алексеева, ездивших

¹ Далее вымарано слово.

в Соловецкий монастырь на богомолье об отпуске их из Москвы на Дон. На 2 листах.

№ 3 — июля 6 — Дело по челобитью волуйского станичного ездока Ивана Савельева, посыланного на Дон с государевою грамотою о даче ему за то жалованья. На 5 листах.

№ 4 — августа 23 — Приезд в Москву донского станичного атамана Козмы Дмитриева и ясаула Василья Никитина с войсковою отпискою. На 46 листах.

(Л. 37 об.) № 5 — декабря 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Павла Федорова и ясаула Никифора Яковлева с войсковыми отписками. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем Севастьяна Протасова. На 135 листов.

(Л. 38) **1656.**

№ 1 — марта 16 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Петра Шевырева с товарищи с войсковою отпискою. На 13 листах.

(Л. 38 об.) Связка 5/в.

1657.

№ 1 — генваря 8 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Григорья Григорьева с отпискою. На 12 листах.

№ 2 — генваря 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Понкратья Степанова и ясаула Степана Клементьева с войсковыми отписками, тут же отправление на Дон жильца Емеля Хомякова с государевым жалованьем. на 96 листах.

№ 3 — генваря 22 — Отрывок: приезд в Москву в звании станичного атамана войскового дьяка Михайлы Петрова и ясаула Леонтия Фролова с отпискою. На 27 листах.

№ 4 — мая 9 — Приезд в Москву донского станичного атамана Прокофья Иванова с товарищи с войсковою [отпискою]¹. Л. 1–11, I, II = 13 л.

¹ Текст уходит в край подрезанного листа.

(Л. 39) № 5 — октября 13 — Приезд в Москву донского станичного атамана Сергея Васильева с товарищи с войсковою отпискою. На 21 листе.

№ 6 — декабря 1 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайла Лукьянова с товарищи с войсковою отпискою, тут же отправление на Дон с государевым жалованьем воронежца Савелья Фомицкого¹. На 91 листе.

(Л. 39 об.) К. № 8.

1658.

№ 1 — февраля 1–8 — Дело по челобитьям донских казаков Григорья Онисимова, Дмитрия Иванова и Павла Григорьева, приехавших в Москву на богомолье, о даче им жалованья и подорожен. На 13 листах.

№ 2 — февраля 4 — Дело по челобитью донского казака Григорья Савельева, присланного от воеводы князя Василья Львова с отпискою об отпуске его на Дон. На 4 листах.

№ 3 — мая 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Корнея Яковлева и ясаула Ивана Медведева с войсковою отпискою. На 34 листах.

№ 4 — мая 30 — Статейный список бытности на Дону воронежца Савелья Хомицкого (?), посыланного туда с государевым жалованьем. на 6 листах.

(Л. 40) № 5 — августа 30 — Приезд в Москву донского станичного атамана Найдена Федорова с товарищи с войсковою отпискою. На 21 листе.

№ 6 — ноября 27 — Приезд в Москву атамана донского Наума Васильева и ясаула Федота Прокофьева в зимовой станице с отпискою, тут же отправление на Дон воронежца Савелья Фомицкого с государевым жалованьем. На 127 листах.

¹ *Испр. из:* Фоминицкого.

- № 1 — генваря 29 — Дело по челобитью донских казаков Артемья Чичика с товарищи шестых на богомолье в Соловецкой монастырь о даче им государева жалованья и по дорожен. На 4 листа.
- № 2 — февраля 23 — Дело по челобитью стрелецкого пятидесятника Любима Максимова о поимке бежавшего с донскими станичниками человека его Ивана Федорова. На 5 листах.
- № 3 — марта 10 — Дело об отпуске из Москвы на Дон атамана Дмитрия Свищова с товарищи, бывших на государственной службе, на свейской рубеж. На 5 листах.
- № 4 — мая 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Свешникова и ясаула Филиппа Артемьева с войсковою отпискою. Л. 1–48.
- (Л. 41) № 5 — июня 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тимофея Иванова с товарищи с войсковою отпискою. На 44 л.
- № 6 — сентября 3 — Дело по челобитью коширянина Савостьяна Протасова, посланного на Дон с государевым жалованьем, о даче ему за то жалованья. На 5 листах.
- № 7 — сентября 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирилла Петрова и ясаула Сергея Иванова в легкой станице с войсковою отпискою. На 27 листах.
- № 8 — октября 24 — Дело по памяти из Розряду в Посольской приказ: весь ли хлеб назначенного в прошлой¹ 167 году к отправлению из Танбова на Дон, дошел туда или нет? На 8 листах.
- (Л. 41 об.) № 9 — ноября 11 — Дело по отпискам² Саратовского воеводы Данилы Хитрово о воровских донских казаках³, грабивших суда на Волге. На 18 листах.
- № 10 — ноября 11 — Посылка на Дон Посольского приказа толмача Полуекта Кучумова с государевою грамотою Войску Донскому. На 17 листах.

¹ Так в ркп.

² Над строкой вместо вымаранного: челобитью.

³ Испр. из: казаков.

№ 11 — декабря 28 — Приезд в Москву в зимовой станице войскового атамана Осипа Петрова и ясаула Терентья Павлова, тут же отправление на Дон Михайли Изъединова с государевым жалованьем казакам. На 114 листах.

(Л. 42) Связка 6-я

К. №19.

1660.

№ 1 — генваря 9 — Дело по челобитью донского казака Ивана Ипатьева, бывшего в Москве на богомолье, о даче ему государева жалованья. 4 л.

№ 2 — генваря 20 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский: по чему давано было Ждану Кондыреву и при нем бывшим в Донской посылке разным начальным людям государева жалованья. 5 л.

№ 3 — февраля 15 — Дело по челобитью боярина Василья Стрешнева о присылке в Москву проживающего у донских казаков человека его Тимофея Серкова. 2 л.

(Л. 42 об.) № 4 — февраля 26 — Дело по челобитью Романа Киреева о присылке в Москву проживающих¹ на Дону² людей его, взятых в плен татарами. 3 л.

№ 5 — апреля 14 — Дело по челобитью князя Петра Дулова об отпуске его на Дон для окупа в Азове брата его, взятого крымскими татарами под Конотопом. 3 л.

№ 6 — апреля 14 — Приезд в Москву донского станичного атамана Леонтия Фролова и ясаула Ивана Васильева с войсковою отпискою. 21 л.

№ 7 — мая 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Будана в легкой станице с войсковою отпискою. Л. 1-19, I, II =21 л.

(Л. 43) № 8 — мая 23 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фрола Минаева с товарищи с войсковою отпискою. 41 л.

¹ *Испр. из: проживающего.*

² *Далее вымарано слово в 2-3 буквы.*

- № 9 — июля 28 — Приезд в Москву донского станичного атамана Григорья Афанасьева и ясаула Григорья Петрова с войсковою отпискою. 33 л.
- № 10 — августа 3 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Игнатъя Серебряника и ясаула Петра Федорова с татарскими языками. 6 л.
- № 11 — августа 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайлы Петрова и ясаула Артемья Михайлова с войсковою отпискою. 24 л.
- (Л. 43 об.) № 12 — сентября 14 — Три грамоты на Дон к Войску казачьему о разных предметах. 20¹ л.
- № 13 — декабря 7 — Приезд в Москву донского станичного атамана Логина Семенова и ясаула Исаяя Осипова с войсковыми отписками. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем ельчанина Воина Лазарева. 99 л.
- № 14 — декабря 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Степанова и ясаула Свирида Герасимова в легкой станице с войсковою отпискою. 23 л.

(Л. 44) **1661.**

- № 1 — апреля 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Свищова и ясаула Марка Иванова с войсковою отпискою. 37 л.
- № 2 — апреля 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Парфена Федорова и ясаула Максима Федорова с войсковою отпискою. 19 л.
- № 3 — июня 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайла Самаренинова и ясаула Ивана Григорьева с войсковою отпискою. 26 л.
- № 4 — июня 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Савельева и ясаула Якова Васильева с высокою отпискою. 40 л.
- (Л. 44 об.) № 5 — в ноябре — Приезд в Москву донских казаков Степана Разина, Прокофья Кондратьева, Андрея Федорова и Андрея Серебреника на богомолье. 5 л.

¹ *Вместо вымаранного:* 18.

№ 6 — декабря 27 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Фрола Минаева с товарищи. 9 л.
(Л. 45) К. №20.

1662.

- № 1 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Федота Прокофьева с товарищи. Л. 1–34
- № 2 — ноября 1 — Статейный список бытности на Дону кашинца Алексея Огорокова, посыланного туда с государевым жалованьем казакам. 8 л.
- № 3 — ноября 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Семена Ванина и ясаула Парфена Еремеева с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон воронежца Леонтия Павлова с государевым денежным и хлебным жалованьем. 56 л.
- (Л. 45 об.) № 4 — декабря 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Свищова с товарищи с войсковою отпискою. 13 л.
- № 5 — декабря 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Осипа Галактионова и ясаула Сидора Дорофеева с войсковою отпискою. 34 л.

(Л. 46) 1663.

- № 1 — Дело по челобитью донских казаков Григорья Филиппова, Максима Абрамова, Ефима Тарасьева и Афанасья Самсонова, шедших в разные монастыри на богомолье о даче им государева жалованья. 5 л.
- № 2 — генваря 4 — Дело по челобитью донского казака Андрея Шумейки, бывшего в Москве у стругового дела *⁻ о даче⁻¹ ему государева жалованья и поденного корма. 6 л.
- № 3 — генваря 20 — Приезд в Москву Донского станичного атамана Тимофея Павлова и ясаула Максима Федорова с войсковою отпискою. 20 (л.).

¹ Над строкой.

№ 4 — марта 9 — Дело по челобитью донского казака Артемья Осипова, вышедшего из Турецкого плена о даче ему государева жалованья. 3 л.

(Л. 46 об.) № 5 — мая 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Гаврилова и ясаула Прокофья Герасимова в легкой станице с войсковою отпискою. 19 л.

№ 6 — ноября 5 — Грамота царская на Дон о содействии посланным на крымские украинны ратным людям в военных действиях против крымцев. 3 л.

(Л. 47) **1665.**

№ 1 — февраля 20 — Дело по челобитью донского казака Карпа Григорьева на бельскаго шляхтича Артемья Яковлева о неотдаче им посланной к нему на время оным казакон купленной полоненой женки и разных вещей. 21 л.

№ 2 — сентября 14 — Отрывок реестра разным памятям, челобитьям, отпискам и тому подобных, касающихся до дел донских казаков. 8 л.

№ 3 — ноября 5 — Память из Приказа Большаго дворца в Посольский о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки воровских грамот не слушали. 3 л.

(Л. 47 об.) № 4 — декабря 18 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Родиона Осипова и ясаула Петра Билдина с войсковою отпискою. Тут же отправление воронежца Клима Синицына с государевым жалованьем донским казакам. Л. 1–58 + I = 59 л.

(Л. 48) **1666.**

№ 1 — марта 1 — Приезда в Москву донскаго станичнаго атамана Тимофея Иванова с товарищи с войсковою отпискою¹. 47 листов.

¹Л. 45–46 *опубл.*: 1666 г., мая 30. — Царская грамота войску Донскому с требованием предоставить посланному из Тамбова писцу возможность переписать беглых из дворцовых сел, поселившихся близ казачьих городков по рекам Хопру и Вороне и с запрещением принимать впредь беглых в казачьи городки // Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья. С. 485.

- № 2 — в августе — Память из Розряду в Посольский приказ о воровских донских казаках, о коих писали в Москву воронежские воеводы. 9 л.
- № 3 — сентября 1 — Приезд в Москву донского станичного атамана Григорья Филиппова Трубачева и ясаула Матвея Ивана с войсковою отпискою. 16 л.
- № 4 — сентября 25 — Дело по челобитью воронежца Клина Синицына, ездившаго на Дон с государевою казною, о награждении его поместным окладом и денежным жалованьем. 5 л.
- (Л. 48 об.) № 5 — ноября 5 — Дело по челобитью донских казаков атамана Володимира Мещеряка с товарищи, вывезенных из турецкаго полону александрийскаго и антиохийскаго патриархами, о награждении их государевым жалованьем. 19 л.
- № 6 — декабря 10 — Приезды в Москву донского войсковаго атамана Михайлы Самаренинова и ясаула Филиппа Васильева с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон усмонца Григорья Прибыткова с государевою казною. 57 л.
(Л. 49) К. №21.

1667.

- № 1 — марта 20 и апреля 13 — Дело по памятям из Приказа Казанскаго дворца в Посольский о посылке к донским казакам государевой грамоты, чтобы они собирающихся на Волгу для грабежа стругов от того унимали. 9 л.
- № 2 — апреля 19 — Дело по челобитью донских казаков Лазара Останина с товарищи, вышедших из турецкаго полону, о награждении их государевым жалованьем. 10 л.
- № 3 — июля 17 — Отправление на Дон Посольскаго приказа толмача Алексея Кокорина с грамотою донским казакам, чтобы они собирающихся на Волгу воров от того унимали. 7 л.
- (Л. 49 об.) № 4 — в июне — Грамота на Дон атаману Корнею Яковлеву и всему Войску о том, чтобы казаки государевых

посланников Богдана Ушакова и подъячаго Петра Долгова к себе в юрты приняли и к переговорам с крымскими уполномоченными доставили им всякое удобство. 6 л.

№ 5 — июля 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ефима Павлова и ясаула Ивана Васильева с войсковою отпискою. 23 л.¹

(Л. 50) 1668.

№ 1 — в июне — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Никифора Яковлева и ясаула Якова Данилова с товарищи. 13 л.

№ 2 — августа 2 — Отрывок приезда донского станичного атамана Леонтия Петрова с товарищи с войсковою отпискою. 19 л.

№ 3 — августа 11 — Отрывок отправления на Дон жилца Герасима Овдокимова с государевым жалованьем казачьему войску. 14 л.

№ 4 — августа 28 — Отрывок приезда донского станичного атамана Исаия Осипова и ясаула Артемья Иванова с отпискою. 10 л.

№ 5 — сентября 3 — Дело об отправлении на Дон государевой грамоты о разных предметах. 10 л.

(Л. 50 об.) № 6 — октября 28 — Приезд на Волуйку и обратный оттуда за моровым поветрием отпуск донского станичного атамана Леонтия Васильева и ясаула Василья Сергеева с товарищи. 22 л.

№ 7 — ноября 2 — Обратный приезд в Москву воронежца сына боярского Василья Титова, возившаго к донским казакам годовичное государево жалованье. 8 л.

№ 8 — декабря 2 — Приезды на Волуйку и обратный за моровым поветрием отпуск на Дон их станичного атамана Родиона Осипова с товарищи. 7 л.

¹ *Далее вымаро:* № 6 — октября 2 — Подорожня донским ...ся атаманам.

№ 9 — декабря 8 — Приезды на Волуйку и обратный за моровым поветрием отпуск на Дон станичного атамана Григорья Кузмина и ясаула Алексея Самсонова с товарищи. 6 л.

(Л. 51) Связка 7-я

1669.

№ 1 — в январе — Дело о присылке с Дону в Москву находящихся там выходцев из турецкаго полону Василья Лихачева, жильца Герасима Овдокимова и подъячаго Василья Никитина с товарищи. 5 л.

№ 2 — февраля 14 — Приезд в Москву донскаго войсковаго атамана Корнилы Яковлева и ясаула Максима Федорова с войсковою отпискою. Тут же отправление воронежца Герасима Веневитинова с годичным жалованьем Войску Донскому. 77 л.

№ 3 — февраля 17 — Обратный приезд в Москву жильца Герасима Овдокимова, посыланнаго на Дон с государевою казною. 15 л.

(Л. 51 об.) № 4 — марта 12 — Дело по челобитью донскаго казака Антропа Требухина об отпуске его во Псков на богомолье. 2 л.

№ 5 — марта 24 — Дело по челобитью ельчан Епифана и Евсевья Бахтеевых о беглом их человеке Романе Пуговченкове, приехавшем в Москву в зимовой донской станице. 6 л.

№ 6 — марта 26 — Дело по челобитью донскаго казака Пахома Сергеева о выдаче ему занятых¹ у него курмышанином Федором Шахматовым десяти рублей и отпуск в Козлов для свидания с родственниками. 5 л.

№ 7 — в апреле — Дело по челобитью донских казаков Матвея Антонова и Лариона Петрова о награждении их за службу государевым жалованьем. 3 л.

¹ Далее вымарано: ему.

- (Л. 52) № 8 — августа 7 — Роспросныя речи донских казаков Федора Иванова и Якова Андреева, приезжавших в Москву на богомолье. 3 л.
- № 9 — августа 26 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Якова Веневитинова и ясаула Потапа Жукова с войсковою отпискою. 33 л.
- № 10 — сентября 5 — Грамота государя царя Алексея Михайловича на Дон о чинении поисков над крымцами т нагаями. 3 л.
- № 11 — октября 15 — Возвратный приезд в Москву воронежца Лаврентья Веневитинова, посыланнаго на Дон с государевым жалованьем Войску Донскому. 21 л.
- (Л. 52 об.) № 12 — декабря 14 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Ивана Аверкиева и ясаула Артемья Михайлова с войсковыми отписками. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем жильца Герасима Овдокимова. 94 л.
- (Л. 53) К. №22.

1670.

- № 1 — мая 2 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Михайлы Самаренинова и ясаула Степана Игумнова с отпискою. 23 л.
- № 2 — декабря 5 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Логина Семенова и ясаула Григорья Кузмина с войсковою отпискою. 24 л.

(Л. 53 об.) 1671.

- № 1 — июня 8 — Отрывок приезда в Москву донскаго станичнаго атамана Корнилы Яковлева и отправление на Дон с стольником Григорьем Косаговым государева жалованья. 43¹ (л).

¹ *Вместо вымаранного:* 46.

- № 2 — в июне — Отрывок приговора к смертной казни донских¹ казаков² бунтовщиков³ Степана * и Фрола⁴ Разиных. 8 листов.
- № 3 — июня 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Федорова и ясаула Дмитрия Луганцова с войсковою отпискою. (ветх). 25 л.
- № 4 — июля 10 — Возвращение из города Архангельского и отпуск на Дон бывших там в ссылке атамана Ивана Аверкиева с станичниками. 15 л.
- (Л. 54) № 5 — июля 12 — Дело по отписке симбирских воевод Петра Шереметева с товарищи о воровских донских казаках, находившихся под Самарою. 12 л.
- № 6 — июля 25 — Приезды в Москву донского станичного атамана Поздея Степанова и ясаула Федора Клементьева с войсковою отпискою. 25 л.
- № 7 — августа 18 — Дело по челобитью князя Ивана Дашкова о поимке беглых его людей Петра Маслова и Михайлы Кривцова, пробиравшихся к донским казаком. 4 л.
- № 8 — августа 18 — Дело по отписке воронежского воеводы Бориса Бухвостова о москвитине Садовой слободы тяглице Ульяне Патокине (Патакине)⁵, ехавшем на Дон для торгового промысла. 12 л.
- (Л. 54 об.) № 9 — августа 22 — Приезд в Москву донского станичного атамана Анфиногена Иванова с товарищи с войсковою отпискою. 31 л.
- № 10 — октября 7 — Отписки воронежских⁶ воевод⁷ Бориса Бухвостова и Михайлы Самарина о донских вестях и отправлении к первому из них госуджаревых грамот. 23 (л.)

¹ *Испр. из:* донского.

² *Испр. из:* казака.

³ *Испр. из:* бунтовщика.

⁴ *На левом поле к началу строки.*

⁵ *В описи невнятно, возможно прочтение: Патакин, — в документах дела встречаются оба варианта написания фамилии.*

⁶ *Испр. из:* воронежского.

⁷ *Испр. из:* воеводы.

- № 11 — октября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Федотова и ясаула Володимира Прокофьева с войсковою отпискою. 31 л.
- № 12 — ноября 1 — Отписка волуйского воеводы Ермолая Баскаков о донских вестях. 6 листов.
- (Л. 55) № 13 — ноября 8 — Роспросныя речи стольника Григорья Косагова и дьяка Андрея Богданова, посланных на Дон с государевым поручением к войску казачьему. 16 л.
- № 14 — декабря 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Логина Семенова и ясаула Григорья Кузмина. Тут же посылка на Дон дворянина Иван Крюкова с государевым жалованьем Войску казачьему. 127 л.
- (Л. 55 об.) К. №23.

1672.

- № 1 — генваря 12 — Дело по челобитью донских казаков Василья Чеботарева и Наума Кузмина об отпуске их в Гороховец в Фролищеву пустынь на богомолье. 2 л.
- № 2 — февраля 14 — Дело по отписке волуйского воеводы Ермолая Баскакова о том, из каких доходов следует давать жалованье казакам, приезжающим на Волуйку с отписками. 4 л.
- № 3 — апреля 20 — Дело по отпискам воронежского воеводы Бориса Бухвостова о беглых людях, ушедших из Москвы с донским станичным атаманом Анфиногеном Ивановым. 12 л.
- № 4 — мая 2 — Дело по челобитью думного дворянина Андрея Толтова о даче проезжей грамоты на Дон гречаном Ивану Максимову и Дмитрию¹ Кириллову, с коими он уговорился о выкупе из крымского плена сына его Михайлы. 3 л.
- (Л. 56) № 5 — мая 14 — Дело по челобитьям думного дворянина Семена Полтева о поимке беглых его людей, ушедших к донским казакам. на 7 л.

¹ Над строкой вместо вымаранного: Ивану.

- № 6 — июня 12 — Следственное дело о семи беглых людях, ушедших из Москвы в 177-м году с донским атаманом Корнилом Яковлевым и присланным из Воронежа воеводою Борисом Бухвостовым. На 21 листе¹.
- № 7 — июня 18 — Грамота на Дон атаману Корниле Яковлеву и всему войску о чинении промысла над крымскими улусами. На 4 листах.
- № 8 — июля 5 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Ивана Кучумова с государевою грамотою казакам. 9 листов.
- (Л. 56 об.) № 9 — в августе — Отправление на Дон к Войску казачьему и калмыцким тайшам Леонтья Копнина с государевыми грамотами. На 40 листах.
- № 10 — августа 7 — Дело по отписке саратовского воеводы Федора Леонтьева о воровских казаках, собиравшихся для грабежа на Волгу. На 10 листах.
- № 11 — декабря 26 — Приезды в Москву донской зимовой станицы атамана Фрола Минаева и есаула Ивана Семенова с войсковыми отписками. Тут же отправление на Дон с государевою казною полуголовы московских стрельцов Василья Волжинского. На 123 листах.
- (Л. 57) Связка 8-я

1673.

- № 1 — февраля 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Матвея Антонова с товарищи с войсковою отпискою. 20 л.
- № 2 — февраля 28 — Приезд в Москву Посольского приказа толмача Ивана Кучумова, посыланного на Дон с грамотою. 9 л.
- № 3 — марта 1 — Дело по отписке воронежского воеводы Бориса Бухвостова о беглых людях, хотевших пробраться на Дон к казакам, и пойманных им, воеводою. 9 л.

¹ Начиная с этой записи по № 11 на л. 56 об. отметки о листаже идут черными черн., но другим поч.

- № 4 — марта 19 — июня 24 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод думного дворянина Ивана Хитрово и стольника Григорья Косагова. 138 л.
(Л. 57 об.) К. №24.
- № 5 — марта 19 — июля 24 — Отпуски грамот к¹ бывшим² на Дону с ратными людьми воеводам думному дворянину Ивану Большому Хитрово, посылка памятей в разные приказы и грамот по городам и другия делопроизводства к сему ж относящиеся. Л. 1–250.
- № 6 — в марте — Похвальная грамота Войску Донскому за успешное содействие воеводе Хитрово при осаде Каланчинских башен под Азовом. 9 л.
- № 7 — в апреле и мае — Книги разным военным³, съестным⁴ и другим припасам, принятым в полк думного дворянина Иванам Хитрово, бывший на государевой службе на Дону. 48 л.
(Л. 58) № 8 — в июне — Грамота воронежскому воеводе Борису Бухвостову о поимке дворовых людей Афанасия Нестерова, бежавших на Дон. 3 л.
- № 9 — июня 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Еремеева и ясаула Ивана Иванова с войсковою отпискою. 29 л.
- № 10 — сентября 16 — Приезд в Москву и обратное отправление на Дон с государевыми грамотами московского стрельца Ильи Сергеева. 16 л.
- № 11 — сентября 21 — Дело по челобитьям разных лиц, служивших на Дону в полках думного дворянина и воеводы Ивана Хитрово о даче им жалованья. 24 л.
(Л. 58 об.) № 12 — сентября 24 — Приезд в Москву инженера-полковника Албрехта Шневенца с отписками от⁵ воеводы думного дворянина⁶ Ивана Хитрово, и с ним

¹ Над строкой.

² Испр. из: бывших.

³ Далее вымарано: и.

⁴ Далее вымарано: пр-(очим).

⁵ Над строкой.

⁶ В ркп. было продублировано, дубль вымаран.

донского станичного атамана Ивана Харитонова и ясаула Фомы Болдыря с войсковою отпискою. 97 листов.

*-№ 12-а — 1673 г. — Донесение царю Алексею Михайловичу атамана Войска Донского К. Яковлева о походе казаков под Азов, о розыске по делу о своевременном поступке станичного атамана Ф. Минаева и об отпуске к Москве полковника Л. Копнина с атаманом И. Харитоновым и с казаками.⁻¹ Л. 1–4.

К. №25.

№ 13 — октября 4 — ноября 7 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод думного дворянина Ивана Хитрово с товарищи и ответныя к ним грамоты. Л. 1–161.

№ 14 — ноября 7 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод Ивана Хитрово с товарищи; ответныя к ним грамоты и другия бумаги. Л. 1–136.

(Л. 59) № 15 — ноября 26 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод Ивана Большого Хитрово и князя Петра Хованскаго с товарищи. Л. 1–48.

*-№ 15-а — 1673, сентябрь — 1674, июль — Дело об аресте и допросе в Черкасской приказной избе головой московских стрельцов Матвеем Сипягиным участника разинского восстания стрельца Василия Дьяволкова.⁻² Л. 7–28, л. 29–32 — чистые.

№ 16 — декабря 27 — декабря 27 — Приезд в Москву донскаго станичного атамана Михайла Самаренина и ясаула Леонтья Петрова с войсковою отпискою. Л. 1–91.

№ 17 — Приходныя и расходныя книги съестным припасам, отпущенным на продавольствие ратных людей, стоявших на Дону с воеводами Хитровыми. Л. 1–164.

(Л. 59 об.) № 18 — в декабре — Выписки из отписок бывшего на Дону с полками думного дворянина Ивана Большаго Хитрово. Л. 1–10.

(Л. 60) К. 27.³

¹ На правом поле синими черн. поч. 1-й пол. XX в.

² На правом поле черн. шариковой авторучкой поч. 2-й пол. XX в.

³ Вместо вымаранного: Связка 9-я.

- № 1 — Дело по челобитью посланного на Дон Ивана Лобкова о даче ему государева жалованья. Л. 1–5.
- № 2 — генваря 17 — Следственное дело о саадаке, проданном донским казаком Герасимом Михайловым, князя Михайла Яковлевича Черкасского человеку Якову Долгово. Л. 1–7.
- № 3 — генваря 29 — Дело по челобитью донского казака Трофима Никифорова о дозволении ему взять с собою на Дон жену его Аграфену Дмитриеву, проживающую в городе Романове. Л. 1–3.
- № 4 — генваря 31 — Дело по памяти из Стрелецкого приказа в Посольский о присылке сведений: сколько в полку думного дворянина Хитрово на Дону московских стрельцов. Л. 1–4.
- (Л. 60 об.) № 5 — февраля 3 — Отрывок дела по челобитью донского станичного атамана Михайлы Самаренина о посылке на Дон к Войску государева жалованья. Л. 1–3.
- № 6 — февраля 10 — Дела, относящиеся до бытности на Дону с ратными людьми думного дворянина и воеводы Ивана Большого Хитрово с товарищи. Л. 1–19.
- № 7 — марта 1 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Родиона Колуженинова с товарищи. Л. 1–16.
- № 8 — в марте — Челобитные разных чинов служилых людей, бывших на государевой службе на Дону с воеводою Иваном Большим Хитрово, о даче им причитающегося жалованья. Л. 1–43.
- (Л. 61) № 9 — марта 9 — Роспросные речи валуйского станичного атамана Терентья Корякина о течении рек Миуса, Тора и Донца. Л. 1–3.
- № 10 — марта 9–31 — Отправление на Дон с ратными людьми воевод князя Петра Ивановича Хованского, думного дворянина Якова Хитрово и Павла Языкова. Л. 1–284.
- № 11 — марта 24 — Отписка воронежского воеводы Бориса Бухвостова с приложением росписи о хлебных запасах,

отправленных в 181 году из Воронежа в полк воеводы Ивана Хитрово. Л. 1–21.

№ 12 — апреля 1 — мая 7 — Дела, касающиеся отправления на Дон с ратными людьми воевод князя Петра Ивановича Хованского и Якова Хитрово с товарищи. Л. 1–148¹.

(Л. 61 об.) № 13 — мая 4 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Полуекта Кучумова с государевою грамотою казакам. Л. 1–9.

№ 14 — мая 7 — августа 17 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод стольника князя Петра Хованского с товарищи, грамоты к ним и другия бумаги. Л. 1–230.

№ 15 — мая 13 — Приезды в Москву донского станичного атамана Афанасия Наумова и ясаула Ивана Степанова с войсковою отпискою². Л. 1–47.

К. 29.

№ 16 — июля 7 — августа 17 — Отписки бывших на Дону воевод князя Петра Ивановича Хованского с товарищи; грамоты к ним и другия до сего предмета касающиеся бумаги. Л. 1–117.

(Л. 62) № 17 — июля 19 — Дело по челобитью Посольского приказу толмача Тараса Иванова о награждении его за посылку на Дон государевым жалованьем. Л. 1–4.

№ 18 — августа 26 — Приезд в Москву с Дону Ивана Каржавина и стрельца Федора Иванова с отписками стоявших там воевод князя Хованского и Хитровых. Тут же отпуски грамот отправленным воеводам. Л. 1–29.

¹ *Вместо вымаранного*: 158.

² *Л. 4–9 оубл.*: Роспись, привезенная в Москву станичным атаманом Алексеем Наумовым 13 мая 1674 г. «Роспись, что в казачьих городках от низу до верху по Дону и Хопру калмыков от Аюкины люди по городкам казаков порезали и сколка коней и всякого рогатого скоту коров и быков отогнали и х ко(торым город)кам приступали и казаков побивали (...и) в полон побрали, а городки пожгли и в про(шлом во 181-м году) и в нынешнем во 182-м году в розных месяцах и (числех)» // *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху Позднего Средневековья. Приложения. с. 472–476.

- № 19 — сентября 16 — Отписки с Дону от Войска казачьяго и воевод князя Петра Ивановича Хованскаго с товарищи; отпуски к ним государевых грамот; челобитныя разных лиц, служивших на Дону и другия бумаги. Л. 1–206.
- № 20 — октября 13 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Федора Самойлова и ясаула Сергия Кондратьева с войсковою отпискою; тут же отпуск их на Дон и с ними прежней станицы атамана Петра Билина с товарищи. Л. 1–37, I = 38 л.
- (Л. 62 об.) № 21 — ноября 4 — Приезд с Дону с отписками стольника и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго, капитана рейтарскаго строя Гаврилы Ананьина. Л. 1–7.
- № 22 — ноября 4 — Отрывок приезда в Москву донскаго станичнаго атамана Фомы Савостьянова и ясаула Ивана Осипова. Л. 1–19.
- № 23 — декабря 24 — Приезды в Москву донскаго станичнаго атамана Родиона Колуженинова в зимовой станице с челобитьем о годичном жалованье войску. Л. 1–52.
- (Л. 63) Связка 10-я
К. №30.

1675.

- № 1¹ — февраля 9 — Отправление на Дон Савелья Мусина-Пушкина с государевым жалованьем казакам. Тут же обратный отпуск из Москвы станичнаго атамана Родиона Колуженина — с товарищи. Л. 1–83, I, II, 59-а = 86 л.
- *№ 1-а — генваря с 10-го — Допрос пленному азовскому жителю Джолайке Тарагулову. — Выписка из отписки богородскаго воеводы Степана Нелединскаго о воре Сенке Буянке, и грамота на Дон о присылке онаго в Москву. — Отправление на Дон с грамотами толмача Терентья Фролова.² Л. 1–4.

¹ Первоначально был № 1-б.

² На правом поле другими черн. поч. XIX в.

- № 2 — февраля 28 — Отправление на Дон стольника¹ князя Ивана Михайловича Кольцова²-Масальского в товарищи воеводе³ князю Петру Ивановичу Хованскому. Л. 1–16.
- № 3 — марта 1 — Дело по челобитью донского казака Ильи Васильева о позволении ему взять с собою на дон жену⁴ его Евфросинью⁵ Михайлову⁶ с сыном, проживающих⁷ в⁸ Воронеже⁹. Л. 1–2.
- № 4 — марта 4 — Дело по челобитью Федора и Ивана Вердеревских о поимке бежавших¹⁰ с донскими казаками людей их¹¹ Прокофья Кибасова с товарищи. Л. 1–2.
- № 5 — марта 4 — Отписки воронежского воеводы Бориса Бухвостова о разных предметах до ...¹²Л. 1–19.
- (Л. 63 об.) № 6 — апреля 12 — Отправление на Дон с государевою грамотою Посольского приказа толмачей Ивана Кудрова и Ивана Иванова. (без начала и конца). Л. 1–6.
- № 7 — мая¹³ 14 — июня 9 — Дела, относящиеся до пребывания ратных государевых людей на Дону. Л. 1–26.
- № 8 — июля 9– Приезд с Дону¹⁴ от стольника и воеводы князя Петра Ивановича Хованского с отписками¹⁵ Малороссийского приказа¹⁶ пристава Кирилы Слободского. Л. 1–9.

¹ *Испр. из:* стольнику.

² *Испр. из:* Кольцева.

³ *Испр. из:* воеводы.

⁴ *Испр. из:* жены.

⁵ *Испр. из:* Евфросиньи.

⁶ *Испр. из:* Михайловой.

⁷ *Испр. из:* проживающие.

⁸ *Над строкой вместо вымаранного:* на.

⁹ *Испр. из:* Воронеж.

¹⁰ *Испр. из:* бежавшего, —
далее вымарано: от них.

¹¹ *Над строкой.*

¹² *Далее текст уходит в подрезанный край листа.*

¹³ *Вместо вычищенного:* марта.

¹⁴ *Над строкой вымарано:* с Дону.

¹⁵ *Испр. из:* отпиской.

¹⁶ *По вычищенному.*

- № 9 — в августе — Отписки воронежского воеводы Бориса Бухвостова об отправлении на Дон к ратным государевым людям съестных припасов. Л. 1–12.
- № 10 — августа 26 — Дело о даче государева жалованья стрельцам в¹ полку стольника князя Ивана Кольцова-Мосольского, находившимся на службе на Дону². Л. 1–7.
- (Л. 64) № 11 — сентября 10 — Дело по челобитью рейтарского строя ротмистра Ивана Швана, прибывшего³ с Дону от воеводы князя Хованского, о даче ему государева жалованья. Л. 1–3.
- № 12 — сентября 13 — Приезд в Москву с отписками от стоявших на Дону воевод князя Петра Хованского с товарищи московского стрелца Василья Ярцова. Л. 1–40.
- № 13 — сентября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Артемья Иванова и ясаула Василья Сергеева с товарищи. Л. 1–33.
- № 14 — сентября 21 — Дело по челобитью донского казака Василья Сергеева о награждении его за службу государевым жалованьем. Л. 1–7.
- № 15– сентября 23 — октября 29 — Дела, относящиеся к бытности на Дону с ратными людьми воевод князя Петра Ивановича Хованского с товарищи. Л. 1–30.
- (Л. 64 об.) № 16 — октября 1 — Приезд в Москву с Дону от воевод князя Петра Хованского с товарищи московского стрелца Дмитрия Павлова. Л. 1–22.
- № 17 — ноября 28 — Отрывки дел по отпискам бывших на Дону воевод князя Петра Ивановича Хованского с товарищи. Л. 1–22.
- № 18 — ноября 28 — Приезд в Москву с Дону сотника московских стрельцов Якова Григорьева с отписками стольника и воеводы князя Петра Ивановича Хованского. Л. 1–22.
- № 19 — декабря 2 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Ивана Кучумова с государевою грамотою казакам. Л. 1–13.

¹ Над строкой.

² Ниже вымарано: сентября 10.

³ при- — над строкой.

- № 20 — декабря 6 — Приезд в Москву с отписками бывших на Дону в осаде князя Петра Ивановича Хованского с товарищи московских стрельцов Ивана Шишиги и Алексея Турчина. Л. 1–16.
- (Л. 65) № 21 — декабря 2 — Память из Разряда в Посольский приказ о беглых стрельцах из полков князя Петра Ивановича Хованского, стоявших на Дону. Л. 1–4.
- № 22 — декабря 13 — Приезд в Москву донского станичного атамана Корнилы Яковлева и ясаула Максима Лощенаго с войсковою отпискою (неполное). Л. 1–47.
- № 23 — декабря 15 — Дело о донских казаках, сообщниках Степана Разина Григорье Яцком, Петре Суслом, Игнатье Иванове, Григорье Козлове, Василье Кастыре¹ и Ивашке Ионе с товарищи. Л. 1–7, I = 8 л.
- № 24 — декабря 17 — Дело по челобитью соборной Воскресенской церкви на Дону в Черкасском архимандрита Иония Азарнского и священника Иоанна Ефремова, прибывших в Москву с станицею атамана Корнилы Яковлева о даче им поденного корма. Л. 1–7.
- (Л. 65 об.) К. №31

1676.

- № 1 — генваря 10 — Присылка в Москву от воеводы князя Петра Ивановича Хованского и обратное к нему отправление на Дон молсковского стрельца Ивана Степанова. 19 л.
- *№ 1-а — генваря 1-го — Доклад о надбавке пошлин с Дорогобужской конской² площадки.³ Л. 1–29, I, II = 31 л.
- № 2 — генваря 17 — Приезды в Москву донского станичного атамана Ивана Семенова и ясаула Артемья Рыжаго с войсковою отпискою. Л. 1–28.

¹ *Может быть прочитано как:* Костыре.

² *В описи:* конной.

³ *На правом поле другими черн. поч. XIX в.*

- № 3 — генваря 19 — Возвратный приезд в Москву Посольскаго приказа толмача Ивана Кучумова, посланнаго на Дон с государевою грамотою. 9 л.
- № 4 — генваря 30 — Отправление на Дон стольника Семена Колтовскаго для привода ратных людей в полку князя Петра Ивановича Хованскаго и донских казаков к крестному целованью. Л. 1-69, I = 70 л.
- *№ 5 — февраля 3 — Дело о посылке к Донскому войску стольника Семена Колтовскаго для приводе казаков к присяге в¹ верности вступившему на Российский престол царю Феодору Алексеевичу.² Л. 1-27.
- (Л. 66) № 5-а³ — февраля 21 — Дела, относящиеся к бытности на Дону с ратными людьми воевод⁴ князя Петра Ивановича Хованскаго с товарищи. (гнило) Л. 1-80.
- *№ 5-б — с 29 февраля — О выдаче голове московских стрельцов Борису Нетесову жалованья. — О приеме у головы московских стрельцов Федора Мещеринова данных ему на мешки денег. — О бытии у воеводы Волынскаго в товарищах с Воронежа Парфену Сомову, а на Воронеже вместо его — Гавриле Волкову. — О даче жалованья и на подъем денег воеводе Ивану Волынскому и товарищу его Парфену Сомову. — Отправление для службы на Дон толмача Федора Биборисова⁵ о наряженных туда московских дворянах и стрельцах.⁶ Л. 1-20.
- № 6 — марта 2 — апреля 10 — Отписки бывших на Дону с ратными людьми воевод⁷ стольника князя Петра Ивановича Хованскаго с товарищи. Л. 1-41.
- № 7 — марта 3 — Дело по челобитью полуголов московских стрельцов Якова Золотарева с товарищи, отправленных

¹ Над строкой.

² На нижнем поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

³ Испр. из: 6.

⁴ Испр. из: воеводы.

⁵ может быть прочитано как: Баборисова.

⁶ На левом поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

⁷ Далее вымаран предлог: с.

- на Дон с воеводою князем Кольцовым-Мосальским: о даче им государева жалованья. Л. 1-7.
- № 8 — марта 6 — Дело по челобитью боярина князя Никиты Ивановича Одоевского о сыске людей его, бежавших из Москвы с донскими казаками. Л. 1-6.
- *№ 9 — Отправление на Дон к стольнику князю Петру Хованскому человека его Петра Антипьева с грамотою об обратном его приезде в Москву.¹ 8 л.
- (Л. 66 об.) № 9-а² — марта 9 — Дело о посылке на Дон дворянина Якова Свищова с государевым жалованьем казакам. Л. 1-29.
- № 10 — марта 10 — апреля 12 — Отписки воуйскаго воеводы Елисея Зиновьева о разных отпусках в полки князя Петра Ивановича Хованскаго на Дон. 16 л.
- № 11 — марта 12 — апреля 13 — Дела по челобитьям разных лиц, бывших на службе на Дону, о награждении их жалованьем; памяти в приказу о разных выдачах и отпусках, и другия подобныя сему бумаги. 36 л.
- № 12 — в мае — Дело о раздаче жалованья ратным людям, бывшим на Дону в полку князя Петра Ивановича Хованскаго. Л. 1-25, I = 26 л.
- К. №32.
- № 13 — июня 15 — Отправление на Дон с полком стольника и воеводы Ивана Федоровича Волынского с товарищи на смену князю Хованскому. Л. 1-248.
- *№ 13-а — с 2-го июня — Грамоты к стольнику Парфенью Сомову о бытии ему в готовности к походу на Дон с стольником Иваном Волынским. — К воронежскому воеводе Волкову о немедленном отправлении на Дон посланнаго с Яковом Свищевым и атаманом Карнилоу Яковлевым жалованья и хлебных запасов. — Отписки воеводы князя Петра Хованскаго о наказании головы московских стрельцов Петра Безстужева за учиненное ему безчестье, о беглых рейтарах и стрельцах.³ Л. 1-15.

¹ На нижнем поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

² Испр. из №: 9.

³ На левом поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

- *-№ 13-б — июля 14 — Отправление для службы на Дон с войском стольника Ивана Федорова сына Волынского с товарищи на смену стольника Петра Иванова сына Хованского с его товарищи и с первой половиною войск, посланных на Дон в 1673 году.⁻¹ Л. 1-9.
- (Л. 67) № 14 — августа 23 — октября 21 — Бытность на Дону стольника и воеводы Ивана Волынского с ратными людьми; отписки его о разных предметах службы; посылка по оным в разные места грамот и т(ому) под(обныя). Л. 1-104.
- № 15 — сентября 26 — Посылка на Дон Посольского приказа толмача Полуекта Кучумова с государевыми грамотами. Л. 1-9.
- *-№ 15-а — сентября 21 — О даче атаману Василью Сергееву за его службу жалованья. — Грамота на Дон ко князю Петру Хованскому о посылке на Дон князя Ивана Кольцова-Масальского с ратными людьми для помощи в прокопании Ерека и постройке городков и отписки от князя Хованского о походе князя Каспулата Черкасского на Крым.⁻² Л. 1-25.
- № 16 — сентября 28 — Дело по челобитью стольника Парфена Сомова об отсрочке в тяжбных его³ делах до тех пор, пока он с государевой службы с Дону прибудет в Москву. 18 л.
- *-№ 16-а — октября 2 — Опись всего принятого в Черкасском городке стольником и воеводою Иваном Федоровичем Волынским от прежняго воеводы князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского.⁻⁴ Л. 1-18.
- № 17 — октября 6 — Дело по челобитью донских казаков Михайлы Самаренина о даче сыну его Степану государева жалованья и поденного корма. — 3 л.
- *-№ 17-а — октября 7 — Об отправлении сотника Василья Ярцова с стрельцом Павловым на Дон с Грамотами

¹ На нижнем поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

² На левом поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

³ Над строкой.

⁴ На левом поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

о сыске беглых стрельцов. — О приезде на Дон Аптекарской полаты ученика Тимофея Гарасимова на место Якова Точинского. — О взыскании с дьяка Сидара? Поплавского недочетных денег и о произведении розыска в оных деньгах над подьячим Калинниковым.¹ Л. 1–9, I = 10 л.

(Л. 67 об.) № 18 — октября 27 — Дело по челобитью иноземцов Александра Олехнова, Константина Лукса, Дмитрия Доморацкаго, Степана Трепизонова и Прокофья Кушевскаго, бывших на государевой службе на Дону поручиками и прапорщиками, о даче им жалованья. — 7 л.

№ 19 — ноября 1 — Дело по челобитью рейтаров полков Петра Фрейлиха и Андрея Гулица о смене их с государевой службы с Дону и роспуске по домаю. Л. 1–10, I = 11 л.

№ 19-а — ноября 2-го — Отправление на Дон толмача Кучумова с похвальною грамотою к Донскому войску за его службу и приезд зимовой станицы Корнила Яковлева с товарищами с отпискою о присылке оному годового жалованья. Л. 1–72.

№ 20 — декабря 2 — Дело по челобитью инженерного дела майора Юрья Лимова, бывшего на службе на Дону, о даче ему государева жалованья. 7 л. — не нумеровано.

№ 21 — декабря 21 — Дело по челобитью толмача Григорья Путятина, посыланнаго на Дон с государевою грамотою, о даче ему жалованья. 5 л.²

(Л. 68) Связка 11-я

К. №33.

1677.

№ 1 — февраля 6 — Дело по челобитью московских стрельцов Федора Игнатъева с товарищи, бывших на государевой службе на Дону, о даче им жалованья. Л. 1–11.

№ 2 — в марте — Дело по челобитью донскаго казака Пахома Сергеева о выдаче ему за выкупленного им в Азове

¹ На нижнем поле другими черн. и более убористым поч. XIX в.

² Листаж проставлен нами по счету, дело не нумеровано.

- миропольского полкового казака Семена Никонова 95 рублев. Л. 1–39.
- № 3 — марта 30 — Дело по памяти из Оружейной палаты в Посольский приказ о том: ствольнаго дела кузнецам Кондратию Ларионову и Андрею Степанову в бытность их на службе на Дону в полку князя Петра Ивановича Хованского кормы даваны ль и почему? Л. 1–7.
- (Л. 68 об.) № 4 — апреля 7 — Дело по челобитью сотничьей жены московских стрельцов Авдотьи Ивановой о выдаче больному ей мужу Ивану Березовскому за его на Дону службу государева жалованья. Л. 1–9.
- № 5 — апреля 9 — Дело по отписке из Иноземскаго приказа в Посольский об учинении справки, кто именно из 1-го приказа с 185-го года полковники и всяких чинов начальные люди посланы на Дон в полки к воеводам? Л. 1–78.
- № 6 — апреля 24 — Дело по челобитью воеводы Ивана Волынского, бывшего на Дону с ратными людьми, о даче с Воронежа стругов и гребцов для доставления к нему привезенных туда его крестьянами разных запасов. Л. 1–7.
- (№ 7 — апреля 26 — Память из Посольскаго приказа в Розряд о высылке на Дон в полк воеводы Ивана Волынского не явившихся туда дворян.)¹
- (Л. 69) № 8 — мая 2 — Дело по отписке посланнаго с государевым жалованьем на Дон Степана Титова о немедленном отправлении его из Воронежа к Войску Донскому. Л. 1–12.
- № 9 — мая 7 — Память из Посольскаго приказа в Иноземский о жалованье посланным на Дон в полк воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго сотникам Петру Колягину с товарищи, 20 человекам. Л. 1–3.
- № 10 — мая 7 — Дело, по отписке бывшего на Дону стольника и воеводы Ивана Волынскаго, о стрельцах разных городов, бежавших из его полка. Л. 1–13.
- № 11 — мая 9 — Приезд в Москву и обратный отпуск на Дон войсковаго атамана Корнилы Яковлева м ясаула Ивана Семенова с станицею. Л. 1–61.

¹ *Дело вымарано, на левом поле синими чернилами: Выбыло, см. акт о недостатке № 111-1 от 10 июня 1960 г.*

- (Л. 69 об.) № 12 — мая 8 — августа 10 — Дело о воровских казаках, пограбивших на Волге государеву казну и шедших из Астрахани торговых людей. Л. 1–10.
- № 13 — мая 19 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о том: Родион Тютчев на государевой службе на Дону в полку стольника и воеводы князя Хованского был ли и когда¹ отпущен? 5 л.
- № 14 — мая 19 — Отправление на Дон толмача Григорья Путьтина с грамотами к Войску казачьему и воеводе Ивану Федоровичу Волынскому относительно тех воров, кои на Камышенских водах ограбили государеву казну. Л. 1–25.
- (Л. 70) № 15 — июля² 7– Приезд в Москву донского станичного атамана Потапа Панкратьева и ясаула Назара Захарьева в³ легкой⁴ станице⁵ с войсковою отпискою. Тут же посылка в Каширский уезд стольника Степана Ловчикова для изследования, кто в⁶ селе Липицах тех казаков бил и грабил. Л. 1–173.
- № 16 — июля 8 — Дело по отписке бывших на Дону воевод стольника Ивана Волынского и стольника Парфена Сомова об умерших и бежавших из полков их ратных людях. Л. 1–44.
- № 17 — июля 19⁷ — Дело *⁻ о посылке на⁻⁸ Дон царской грамоты, чтобы казаки на калмыцкие Аюкая и Солом-Сереня тойшей улусы войною не ходили и жили с ними смирно. Л. 1–13.
- (Л. 70 об.) К. №34
- № 18 — июля 24 — Отпуск царской грамоты стольнику и воеводе Ивану Волынскому с товарищи, бывшему на

¹ Далее вымарано: с оной.

² Испр. из: в июле.

³ Испр. из: с.

⁴ Испр. из: легкою.

⁵ Испр. из: станицею.

⁶ Далее вымарано: том уезде.

⁷ 9 по исправленному.

⁸ Над строкой вместо вымаранного: по челобитью.

- Дону с полком, о походе к Москве и роспуске того полка. Л. 1–13.
- № 19 — июля 31 — Дело по памяти¹ из Розрядного приказа в Посольский о том: Игнатий Петров Ретюнской на Дону, в полку князя Хованского был ли и сколько времени. Л. 1–5.
- № 20 — августа 13 — Дело по памяти из Рейтарского приказа в Посольский о том: рейтарского стоя трубачи и литаврщики Исай Черкасов, Борис Свистунов, Петр Абрамов, Федор Волков и Афанасий Шулт на Дону в полку князя Петра Ивановича Хованского были ль или нет? Л. 1–11.
- № 21 — августа 24 — Дело по отписке стольника и воеводы Ивана Волинского о раскольниках в Иевской пустыни близ казачьяго городка Чира. Л. 1–36.
- (Л. 71) № 22 — августа 24 — Отписки бывшего на Дону стольника и воеводы Ивана Федоровича Волинского о разных предметах. Л. 1–16.
- № 23 — августа 27 — Дело по челобитью рейтарского строя майоров Максима Беклемишева, Якимя Теплова и ротмистров Василья Орельского, Трофима Жукова и Ивана Мальшкина, служивших на Дону, о даче им жалованья. Л. 1–15.
- № 24 — сентября 2 — Приезд в Москву с Дону московскаго стрельца Степана Аверкиева с отпискою от воеводы Ивана Федоровича Волинского. Л. 1–9.
- № 25 — сентября 4–8 — Дело по памятям из Приказа Казанскаго дворца в Посольский о ссорах донских казаков с калмыками и других предметах. Л. 1–19.
- (Л. 71 об.) № 26 — сентября 11 — Дело по челобитью ротмистра Ивана Чаморса, бывшего на государевой службе на Дону, о даче ему жалованья. Л. 1–10.
- № 27 — сентября 11 — Дело по челобитью сотника Сидора Угрюмова, бывшего на свадьбе на Дону, о выдаче ему жалованья. Л. 1–4.
- № 28 — сентября 16 — Приезд в Москву с Дона сотника московских стрельцов Василья Поддубскаго с отпискою

¹ Над строкой вместо вымаранного: отписке.

- от стольника и воеводы Ивана Федоровича Волинского. Л. 1-14.
- № 29 — октября 5 — Памяти из разных приказов в Посольский относительно стоявших на Дону ратных людей под начальством стольника им воеводы Ивана Федоровича Волинского; тут же и ответы на некоторые из них. Л. 1-54.
- № 30 — октября 9 — Дело по памяти из Стрелецкого приказа в Посольский о том: сколько стрельцов в котором году отправлено на Дон с полуголовою Васильем Далевым, Иваном Бугайским и другими. Л. 1-17.
- (Л. 72) № 31 — в ноябре — Дело по челобитью Леонтия Копнинского, посланного на Дон к Войску казачьему и калмыкам для восстановления между ними миролюбия, о награждении его государевым жалованьем. Л. 1-14.
- № 32 — ноября 27 — Дело по памяти из Иноземского приказа в Посольский о том: салдацкого строя прапорщик Осип Соболевский на Дону был ли и следует ли ему выдать жалованье? Л. 1-6.
- № 33 — декабря 14 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фрола Минаева и ясаула Любима Архипова с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон воронежца Никиты Пещурова с государевым жалованьем Войску казачьему. Л. 1-196.
- № 34 — декабря 15 — Дело по памяти из Приказа *⁻княжества Смоленского⁻¹ в Посольский о том: сотник московских стрельцов Гур Сосновский с товарищи на службе на Дону был ли? Л. 1-9.
- (Л. 72 об.) № 35 — декабря 17 — Дело по челобитью сотников московских стрельцов Гаврилы Есипова с товарищи, прибывших² по службы с Дону, об отводе им квартир. л. 1-2.
- № 36 — декабря 22 — Отрывок дела о воровских людях на Волге, называвшихся донскими казаками. Л. 1-3.

¹ Над строкой вместо вымаранного: Казанского дворца.

² при- — позже над строкой.

№ 37 — декабря 28 — Дело по челобитью полголов московских стрельцов Льва Бoryкова с товарищи, бывших на Дону в полку князя Кольцова-Мосальскаго, о даче им жалованья. Л. 1-6, I = 7 л.

(Л. 73) Связка 12.

К. №35.

1678.

№ 1 — генваря 1 — Дело по памяти из Стрелецкаго приказа в Посольский о том: московским стрельцам, посыланым на службу на Дон в 182 году все ли выдано жалованье? Л. 1-7, I = 8 л.

№ 2 — генваря 2 — Дело по памяти из Стрелецкаго приказа в Посольский о том: сотникам московских стрельцов Любиму Шагинову с товарищи, бывшим на службе на Дону выдано ль жалованье? Л. 1-19.

№ 3 — генваря 3 — Дело об отсылке из Посольскаго приказа в Стрелецкий знамен, барабанов, протазанов и всякаго ратнаго строя, бывших у стрельцов, стоявших на Дону в 181 и 182 годах. Л. 1-34.

№ 4 — генваря 5 — Отправление на Дон белгородца Ивана Маслова с государевою грамотою, чтобы казаки помирились с калмыками и шли в полки князя Ромодановскаго. Л. 1-51.

(Л. 73 об.) № 5 — генваря 26 — Дело по челобитью донскаго татарина Бурапка Татлина об освобождении брата его Цынбулата из тюрьмы в Москве. Л 1-14. — 488.

№ 6 — февраля 25 — Дело по памяти из Иноземскаго приказа в Посольский о том: орловские драгуны Ларион Бакин с товарищи на службе на Дону был ли и сколько давано им жалованья? Л. 1-4. — 489.

№ 7 — февраля 25 — Дело по памяти из Приказа Казанскаго дворца в Посольский о присылке в оный именнаго списка касимовских, кадомских и проч. мурз и татар, бывших на службе на Дону в 182-185 годах. Л. 1-11.

- № 8 — марта 1 — Дело по челобитью боярина князя Григорья Семеновича Куракина дворового его человека Алексея Истомина, бежавшего с донскими казаками. Л. 1–3.
- № 9 — марта 8 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки помирились с калмыками. Л. 1–16.
- (Л. 74) *№ 9-а — апреля 11-го — Отрывок дела об отправлении на Дон жалованья, разных припасов и военных снарядов¹ Л. 1–12, I = 13 к.
- № 10² — *марта 20³ — Дело по⁴ *челобитью капитана Авдея Лыкова⁵ об увольнении его со службы с Дону и награждении государевым жалованьем. Л. 1–5.
- № 11 — июля 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Петра Евдокимова и ясаула Ивана Федорова с отпискою от походного атамана Конона Кирилова. Л. 1–32.
- № 12 — августа 5 — Приезд в Москву донских казаков Ивана Семенова и Алексея Наумова с челобитьем о жалованье казачьему отряду, находившемуся в полках князя Ромодановского. Л. 1–12.
- (Л. 74 об.) № 13⁶ — августа 7 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: сколько кузодемьянских стрелцов было на государевой службе на Дону и почему дано им жалованья? Л. 1–10.
- № 14⁷ — сентября 8⁸ — Приезда в Москву донского станичного атамана Никифора Яковлева и ясаула Володимира Дмитриева с войсковою отпискою. Л. 1–44.

¹ На левом поле другими черн. и поч. 1-й пол. XIX в. вместо вымаранного: № 22 — августа 24 — Отписки бывшего на Дону стольника и воеводы Ивана Волынского о разных предметах.

² Вместо вымаранного: 23.

³ Вместо вымаранного: декабря 22.

⁴ Испр. из: о.

⁵ Над строкой вместо вымаранного: воровских людях на Волге, называвшихся донскими казаками.

⁶ Испр. из: 1.

⁷ Испр. из: 2.

⁸ Испр. из: 2.

- № 15¹ — сентября 25 — Дело по челобитью донских казаков Афанасья Наумова и Ивана Григорьева, бывших на государственной службе в калмыцких улусах, о даче им жалованья. Л. 1–5.
- № 16² — октября 7 — Приезды в Москву донского станичного атамана Григорья Яицкого и ясаула Ивана Иванова с товарищи. Л. 1–29.
- (Л. 75) № 17³ — октября 8 — Дело по памяти из Иноземческого приказа в Посольский о том: майору Григорью Янковскому в бытность его на службе на Дону давано ль жалованье и почему? 3 л.
- № 18⁴ — октября 14 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: были ль шацкие мурзы Акмаммет Кинмамметев и Бегишь Сунчалеев на государственной службе на Дону? Л. 1–3.
- № 19⁵ — октября 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Павла Никифорова и ясаула Игнатья Карамышева с товарищи. Л. 1–50⁶.
- № 20⁷ — ноября 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайлы Костяева с товарищи с войсковой отпиской. Л. 1–20.
- (Л. 75 об.) № 21 — ноября 20 — Дело по памяти из Иноземческого приказа в Посольский о том: майору Давиду Борковскому, ротмистру Григорью Янковскому и капитанам Меркулу Толкачевскому и Артемию Янковскому в бытность их на государственной службе на Дону по сколько давано жалованья? Л. 1–15.
- № 22 — декабря 1 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: привезенному с Дону князю

¹ Испр. из: 3.

² Испр. из: 4.

³ Испр. из: 5.

⁴ Испр. из: 6.

⁵ Испр. из: 7.

⁶ Испр. из: 51.

⁷ Испр. из: 8.

Андрею Канбулатовичу Черкасскому давано ль жалованье и поместной оклад? Л. 1–3.

№ 23 — в декабре — Список с росписи, присланной в Посольский приказ запорожским гетманом Иваном Самойловичем, о донских казаках, бывших в его полках под Чигириным. Л. 1–16, I = 17 л.

(Л. 76) № 24 — декабря 11 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский приказ о том: бывшим на Дону полуголовам Ивану Бугайскому с товарищи выдано ль жалованье за 181 год. Л. 1–5.

К. №36.

№ 25 — декабря 14 — Приезд в Москву донского войскового атамана Михайлы Самаренина и ясаула Ивана Лопатина с товарищи. Тут же посылка на Дон государева годичного жалованья. Л. 1–178.

№ 26 — декабря 16 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: донским казакам, отправляющимся в полк князя Черкасского на Днепр, по скольку давать жалованья? Л. 1–11.

№ 27 — декабря 27 — Дело по челобитью донского казака Михайлы Дмитриева, приехавшего в Москву на богомолье, о даче ему поденного корма. 7 л.

(Л. 76 об.) № 28 — декабря 30 — Приезд в Москву донского станичного атамана Максима Лощенного и ясаула Афанасья Захарьева с войсковою отпискою. Л. 1–48.

(Л. 77) К. №37.

1679.

№ 1 — генваря 29 — Дело по челобитью донского казака Андрея Лупы о награждении его государевым жалованьем. Л. 1–12.

№ 2 — генваря 31 — Дело по памяти из Приказа Большого дворца в Посольский о том: был ли Максим Беклемишев на государевой службе на Дону? Л. 1–4.

№ 3 — февраля 17 — Дело по челобитью московских стрельцов Трофима Полуехтова с товарищи, провожавших на Дон государеву казну, о даче им жалованья. Л. 1–3.

- № 4 — в марте — Отпуск из Москвы на Дон атамана Михайлы Самаренина и ясаула Ивана Лопатина. Тут же посылка к Войску Донскому Иывана Митрофанова с денежным и хлебным жалованьем. Л. 1–37.
- (Л. 77) № 5 — марта 5 — Приезд в Москву с войсковыми отписками донского станичного атамана Федота Клементьева Щепетка и ясаула Федора Фарукина. Л. 1–24.
- № 6 — апреля 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Федотова и ясаула Федора Семенова с станицею. Л. 1–22.
- № 7 — мая 24 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о выписке государских узаконенных относительно служилых и посадских людей, кои из украинских городов перебегают на Дон и живут у казаков. Л. 1–4.
- № 8 — июня 15 — Дело о посылке в полки к князю Каспулату Черкасскому и воеводе Козме Козлову 6000 рублей на жалованье будущим к ним донским казакам. Л. 1–45.
- (Л. 78) № 9 — июля 22 — Дело по отписке из Ямского приказа в Посольский о том: стольник Парфений Сомов на службе великого государя на Дону был ли¹ и в котором году? Л. 1–2.
- № 10 — августа 9 — Дело по челобитью новгородских пеших казаков ясаула Семена Вязмича с товарищи, бывших на службе на Дону, о даче им жалованья. Л. 1–4.
- № 11 — августа 12 — Приезды в Москву донского станичного атамана Лариона Федорова и ясаула Емельяна Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–44.
- № 12 — августа 19 — Приезд в Москву с войсковою отпискою и обратная посылка с царскою грамотою донских казаков Якова Ивана² и Петра Дмитриева. Л. 1–11.
- (Л. 78 об.) № 13 — августа 24 — Приезд в Москву с войсковою отпискою донского станичного атамана Самойла Лаврентьева и ясаула Кирея Матвеева. Тут же посылка

¹ Над строкой.

² Так в описи.

к Войску Донскому с государевым жалованьем подьячаго Ивана Быхова. Л. 1–88.

(№ 14 — декабря 31 — Дело по челобитью донских казаков, приехавших с атаманом Корнеем Яковлевым и ясаулом Прокофьем Турчаниновым о выдаче им жалованья соболями.)¹

*-№ 14-а — 1679 г. — Дело о награждении донских казаков за поход против турок.² Л. 1–4.

(Л. 79) № 14 — декабря 5 — Приезд в Москву донского войскового атамана Корнилы Яковлева и ясаула Прокофья Турчанинова с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон воронежца Григорья Прибыткова с государевым жалованьем. Л. 1–138.

№ 15 — декабря 28 — Обратный приезд в Москву воронежца Ивана Митрофанова³, посланнаго на Дон с государевым жалованьем. Л. 1–20.

(Л. 79 об.) К. №38.

1680.

№ 1 — генваря 6 — июля 11 — Наряд стольника и воеводы князя Козмы Козлова с низовою ратью, яицкими, гребенскими и донскими казаками и калмыками под Киев. Тут же отправление на Дон астраханца Дмитрия Голочанова и подьячаго Михайла Гнезникова с государевым казакам жалованьем. Л. 1–86.

№ 2 — генваря 11 — Дело по челобитью донского казака Дмитрия Чернышева на романовского воеводу Степана Козлова в насильственном заключении его⁴ в тюрьму, побоях и грабежах. —

№ 3 — генваря 19 — Приезд в Москву донского казака Степана Игумнова с товарищи с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье. Л. 1–4.

¹ Похерено теми же чернилами, какими писалась опись.

² На левом поле синими черн. и поч. 1-й пол. XX в.

³ Испр. из: Мартынова, -фа- — над строкой.

⁴ Над строкой.

- (Л. 80) № 4 — генваря 24 — Приезд в Москву донского станичного атамана Любима Архипова и ясаула Афанасья Алексеева с войсковою отпискою. Л. 1–49¹.
- № 5 — генваря 26 — Дело по памяти из Казанского дворца в Посольский приказ о том: поскольку давано государева жалованья донским атаманам и казакам, бывшим на службе и приезжавшим² в станицах в Москву. 7 л.
- № 6 — генваря 26 — Дело по отписке Войска Донского об уменьшении земских повинностей на слободских жителей при Воронежском Борщеве монастыре, издавна зависевшем от казаков. Л. 1–17.
- № 7 — февраля 22 — Дело по челобитью Максима Сунбулова о поимке дворовых его людей Фомы Евсевьева и Ивана Федорова, бежавших с донскими казаками. Л. 1–3.
- (Л. 80 об.) № 8 — в марте — Три отписки донского войскового атамана Фрола Минаева и всего Войска о разных предметах. Л. 1–7.
- № 9 — марта 28 — Дело по челобитью донского казака Федора Чавкина на белоколцкаго вонводу Петра Наркеева во взятую у него насильно денег и пожитков. Л. 1–4.
- № 10 — апреля 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Наумова и есаула Фомы Алексеева с войсковою отпискою. Л.–31.
- № 11 — июня 1 — Дело по отпискам коротоякского воеводы Тимофея Опухтина об остановленном им дощанике с вином донского казака Лазаря Скулябнаго. Л. 1–4.
- № 12 — июня 17 — Отправление Посольскаго приказа толмачей Абрама Павлова на Дон с государевою грамотою Войску казачьему и Никифора Турченинова в Новой Оскол к боярину Петру Васильевичу Шереметеву. Л. 1–17.
- (Л. 81) Связка 13-я³
К. №39.

¹ Испр. из: 50.

² Испр. из: приезжим: -авш- — над строкой.

³ Испр. из: 12-я?

- № 1 — в августе — Выписка, учиненная в Посольском приказе о соболях, посланных вместо денег в полк думного дворянина Ивана Хитрова, стоящий на Дону. 9 л.
- № 2 — в августе — Грамота на Дон Войску казачьему о воровских казаках, грабивших по Волге. (без конца) Л. 1–3.
- № 3 — октября 2 — Возвратный приезд с Дону толмача Никифора Тургенева, посыланного туда с государевою грамотою. 21, I = 22 л.
- № 4 — октября 24 — Приезд в Москву донского станичного атамана Нама Григорьева и ясаула Любима Григорьева с войсковою отпискою. Л. 1–27.
- № 5 — октября 26 — Обратный приезд в Москву ельчанина Афанасья Перцова, посыланного на Дон с государевым жалованьем казакам. Л. 1–38.
- (Л. 81 об.) № 6 — ноября 7 — Дело по челобитью донских станичников атамана Ивана Лопатина с товарищи о даче им государева жалованья. Л. 1–3.
- № 7 — декабря 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Самойлы Лаврентьева и ясаула Матвея Антонова с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем жильца Лаврентья Пасынкова. Л. 1–172.
- № 7-а — *7190/1681, декабря 6 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Самойлы Лаврентьева с товарищи¹ — Л. 1–32 + I = 33² л.
- № 8 — декабря 7 — Приезд в Москву с Дону вышедших из крымского полону Ивана Стародубова и Кузмы Иванова. Л. 1–30.
- (Л. 82) К. №40³

¹ В описи отсутствует, списан с обложки дела, поч. 1-й пол. XIX в.

² По заверителю.

³ Ниже вымарано: Связка 12-я.

- № 1 — января 30 — Следственное дело по тяжбе властей Троицкого Борщова монастыря (принадлежавшего Войску Донскому) с воронежскими и коротоякскими жителями о землях и угодьях (без начала). Л. 1–347.
- № 2 — февраля 1 — Приезды в Москву донского станичного атамана Любима Архипова и ясаула Ильи Григорьева с войсковою отпискою. Л. 1–62¹.
- № 3 — апреля 7 — Отправление на Дон с государевым жалованьем белгородца Ивана Маслова. Л. 1–25.
- № 4 — апреля 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Пахома Сергеева и ясаула Афанасья Захарьева с войсковою отпискою. Л. 1–69.
- № 5 — апреля 26 — Отправление на Дон с государевою грамотою Войску казачьему Посольского приказа толмача Терентья Флорова. Л. 1–34.
- (Л. 82 об.) № 6 — мая 3 — Отправление на Дон стольника Егора Ивановича Янова для привода к крестному целованию казаков на² верность воцарившемуся³ государю⁴ Петру Алексеевичу⁵. Л. 1–48.
- № 7 — мая 6 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о воровских донских казаках, пойманных на речке Калитве и в других местах. Л. 1–13.
- *-[№ 7-а — 1681 г. — «Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Самойла Лаврентьева с товарищи»)
Записано ошибочно] См.: 1681 г. № 7-а.⁻⁶
- № 8 — мая 23 — Возвратной приезд в Москву белгородца Ивана Маслова, посланного на Дон с выговором за сбор воровских казаков. Л. 1–23.

¹ Испр. из: 63.

² Вместо вымаранного: в.

³ Испр. из: воцарившимся.

⁴ Испр. из: государем. — далее вымарано: Иоанну и.

⁵ В ркп.: Алексеевичам.

⁶ На левом поле синими черн. поч. XX в., после квадратной скобки помета карандашом, заголовок похерен простыми красным карандашом.

- № 9 — мая 27 — Дело по запросной памяти из Ямского приказа в Посольский о том: заплачено ль на Волуйке за ямские подводы, даванные оттуда¹ на Дон станичному атаману Леонтию Зерщику с товарищи. Л. 1–8.
(Л. 83) К. № 41.
- № 10 — июня 27 — Отправление на Дон стряпчего Василья Жолобова для привода казаков к крестному целованью в верности воцарившимся государем Иоанну и Петру Алексеевичам. Л. 1–61.
- № 11 — июля 4 — Приезд в Москву донского казака Григорья Лаврентьева на богомолье. Л. 1–18.
- № 12 — августа 10 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Полуекта Кучумова с государевою грамотою. Л. 1–33.
- № 13 — августа 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кириллы Матвеева и ясаула Федора Дмитриева с войсковою отпискою. Л. 1–92.
- № 14 — августа 14 — Дело по челобитью жены прапорщика Ивана Волкова, бывшего на Дону на государевой службе, о выдаче следующего мужу ее жалованья. Л. 1–4.
(Л. 83 об.) К. № 42.
- № 15 — августа 15 — Следственное дело, произведенное по отпискам Войска Донского, о землях, состоящих в спорном владении Воронежского Троицкого Борщева монастыря и коротоякских жителей. Л. 1–66².
- № 15-а — *⁻7191/1682, сентября 13 — Отрывок спорного дела о землях между Воронежским Борщевым монастырем и коротоякскими жителями.⁻³ Л. 10–22.
- № 16 — сентября 17 — Обратный приезд в Москву толмача Полуекта Кучумова, посланного на Дон с государевою грамотою. Л. 1–6.
- № 17 — октября 11 — Приезды в Москву донских станичных атаманов: 1-е) Семена Сибиряка и ясаула Василья

¹ Далее вымарано: до-.

² Испр. из: 68.

³ В описи отсутствует, списан с обложки дела, поч. 1-й пол. XIX в.

- Гаврилова; 2-е) Фомы Савостьянова и ясаула Емельяна Иванова и 3-е) Кирея Матвеева с товарищи. Л. 1–82.
- № 17-а — *7191/1682, октября 11 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Семена Сибирского с товарищи.¹ Л. 1–8.
- № 18 — октября 14 — Отрывок дела о награждении жалованьем ельчанина Афанасья Перцова, посыланного на Дон по государеву указу. Л. 1–8.
- (Л. 84) № 19 — октября 20 — Дело по челобитью донского казака Саввы Семенищева на воронежца сына боярского Митрофана Прибыткова в причиненных ему убытках и разорении. Л. 1–19.
- № 20 — ноября 4 — Отправление стольника Ивана Бахметева в Астрахань к донскому походному атаману Любиму Архипову. Тут же грамоты вскоре после того отправленные к Войску Донскому. Л. 1–82.
- № 21 — ноября 13 — Дело по челобитью донского станичного ясаула Федора Васильева об изследовании по случаю купленных им в Москве краденых пожитков. Л. 1–6.
- № 22 — декабря 4 — Памяти из разных приказов в Посольский о делах до донских казаков относящихся. Л. 1–19.
- (Л. 84 об.) № 23 — декабря 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Семена Степанова и ясаула Федора Фролова с войсковою отпискою. Л. 1–6.
- № 23-а — *7191/1682, декабря 21 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Семена Степанова с товарищи.² Л. 1 + I-II = 3³ л.
- № 24 — декабря 24 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фрола Минаева и ясаула Якима Филипова с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье. Тут же отправление на Дон воронежца Алексея Литвинова с государевым жалованьем — деньгами, сукнами и прочим. Л. 1–213.

¹ В описи отсутствует, списан с обложки дела, поч. 1-й пол. XIX в.

² В описи отсутствует, списан с обложки дела, поч. 1-й пол. XIX в.

³ По заверителю.

(Л. 85) Связка 14-я¹.

К. №44.

1683.

- № 1 — генваря 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Павла Степанова и ясаула Петра Никифорова с войсковою отпискою. Л. 1–32
- № 2 — генваря 5 — Дело по челобитью донского казака Осипа Семенова, бывшего в Москве на богомолье, о награждении его государевым жалованьем. 5 л.
- № 3 — генваря 19 — Дело по челобитью донского казака Артемья Попова о неотдаче его в холопство стольнику Петру Головину. Л. 1–5.
- № 4 генваря 20 — Дело по челобитью донского казака Иуды Золотарева о награждении его за калмыцкую службу государевым жалованьем. 10 л.
- № 5 — генваря 24 — Отправление на Дон с государевою грамотою Посольского приказа толмача Степана Масаковского. Л. 1–12.
- (Л. 85 об.) № 6 — генваря 31 — Дело по челобитью донского татарина Буразка Татлина, взятого в плен под Азовом, о выпуске его из тюрьмы и отпуске на Дон. 5 л.
- № 7 — февраля 3 — Дело по челобитью донского станичного атамана Кирея Матвеева с товарищи о даче им государева жалованья. —
- № 8 — в феврале — Дело по челобитью донских казаков Василья Ветошникова с товарищи о даче им поместий в Псковском уезде. Л. 1–8.
- № 9 — февраля 12 — Дело по челобитью донского казака Степана Волненка о даче ему на розмену татарина Сююнка Нагаймамботева². 23, I = 24 л.
- № 10 — февраля 21 — Дело по челобитью донского Донецкого городка станичного атамана Никифора Чернушкина

¹ Испр. из: 13-я.

² Может быть прочитано как: Нагаймамботева.

- с товарищи об отдаче отнятого у них скарба воровскими черкасами. Л. 1–4.
- (Л. 86) № 11 — марта 5 — Дела по челобитью донского казака Трофима Ботурина, приехавшего в Москву на богомолье, о награждении его государевым жалованьем. 4 л.
- № 12 — апреля 2 — Возвратный приезд в Москву Посольского приказа толмача Степана Масаковского, посыланного на Дон для призыву казаков на государеву службу в Царицын. Л. 1–11.
- № 13 — апреля 3 — Дело по челобитью сына боярского Петра Головина, выкупленного в Азове донским казаком Прокофьем Турчениновым, о даче за него окупных денег. 12 л.
- № 14 — апреля 6 — Дело о торговом человеке, греке Евстафьи Зотове, взятом на речке Калитве с воровскими казаками и присланным в Москву землянским воеводою. Л. 1–15.
- (Л. 86 об.) № 15 — апреля 14 — августа 8 — Отписки бывшего в Царицыне с ратными людьми воеводы Ивана Бахметева и другая бумага до сего ж относящаяся. Л. 1–44.
- № 16 — мая 3 — Дело по челобитью донского казака Ивана Рыбенца о награждении его за службу государевым жалованьем. 5 л.
- № 17 — мая 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Мухина и ясаула Ивана Рябинина с войсковою отпискою. Л. 1–31.
- № 18 — мая 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Лукьянова и ясаула Ивана Афанасьева с войсковою отпискою. Л. 1–22.
- № 19 — мая 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Тимофеева и ясаула Антона Васильева с войсковою отпискою. 35 л.
- (Л. 87) № 20 — мая 14 — Приезд царицынца сына боярского Ильи Протопопова с отпискою от воеводы стольника Ивана Бахметева. Л. 1–8.
- № 21 — 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Калины Родионова и ясаула Алексея Юрьева с отпискою. Тут же отправление на Дон подьячаго Никиты Гаврилова. Л. 1–69.

- № 22 — мая 17 — Дело по отписке Войска Донского атамана Фрола Минаева о сукнах, посланных в число государева жалованья без сорочек. 16 л.
- № 23 — июля 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Петра Билдина с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–29.
- (Л. 87 об.) № 24 — августа 1 — Приезд в Москву донского станичного атамана Леонтия Петрова и ясаула Михайлы Дементьева с войсковою отпискою. Л. 1–50, I = 51 л.
- № 25 — августа 11 — Дело по челобитью донского казака Федора Чекунова о награждении его за службу против неприятеля государевым денежным жалованьем. 6 л.
- К. №45.
- № 26 — сентября 4 — Отправление на Дон стольника Михайла Арсеньева с государевою грамотою и жалованьем войсковым старшинам. Л. 1–45.
- № 27 — сентября 17 — Дело по памяти из Приказа Большого дворца в Посольский о донском казаке Савелье Боброве и вышедшем¹ из крымского плону Емельяне Михайлове. Л. 1–15.
- № 28 — сентября 21 — Обратный приезд посыланного на Дон с государевою грамотою Посольского приказа толмача Тараса Иванова. Л. 1–19, I = 20 л.
- (№ 29 — сентября 23 — Отписки бывшего в украинских городах для розыску о воровских донских казаках стольника Ивана Образцова).²
- (Л. 88) № 29³ — сентября 23 — Отправление⁴ в украинные польские города стольника Ивана Образцова для последования об оказавшихся⁵ там⁶ воровских донских казаках. Л. 1–23.

¹ *Испр. из: вышедших.*

² *Вымарано теми же чернилами.*

³ *Испр. из: 30.*

⁴ *Окончание было вымарано, -ление — над строкой, далее вымарано: посылка.*

⁵ *О- поверх исправленного от-.*

⁶ *Над строкой.*

- № 30¹ — сентября 30 — Дело по челобитью жильца Лаврентья Пасынкова, посланного на Дон с государевою казною, о даче ему² жалованья. Л. 1–4.
- № 31³ — октября 1 — Возвратный приезд в Москву посланного на Дон с государевою казною Поместного приказа подьячего Алексея Батурина. 16 л.
- № 32⁴ — октября 4⁵ — Дело по челобитью стольника Ивана Бахметева, посланного в Астрахань к походным донским казакам с выговором, о даче ему государева жалованья. Л. 1–10.
- № 33⁶ — октября 30 — Памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о разных делах, относящихся к Войску Донскому. Л. 1–52.
- (Л. 88 об.) № 34⁷ — октября 26 — Приезд в Москву острогожского пушкаря Федора Памфилова с отпискою от воеводы и распросныя его речи о донских вестях. Л. 1–13.
- № 35⁸ — октября 20 — Дело по челобитью донского казака Григорья Лоба об отпуске его с Москвы и награждении государевым жалованьем. Л. 1–6.
- № 36⁹ — октября 22 — Отправление на Дон капитан-поручика Осипа Бешенцова с государевою грамотою Войску казачьему. Тут же и обратный¹⁰ приезд его¹¹ в Москву. Л. 1–38.
- № 37¹² — октября 28 — декабря 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Чернаго и ясаула Василья Голаго с войсковою отпискою. Л. 1–109.

¹ *Испр. из:* 31.

² *Далее вымарано:* за...-

³ *Испр. из:* 32.

⁴ *Испр. из:* 33.

⁵ *По исправленному.*

⁶ *Испр. из:* 34.

⁷ *Испр. из:* 35.

⁸ *Испр. из:* 36.

⁹ *Испр. из:* 37.

¹⁰ *Над строкой.*

¹¹ *Далее вымарано:* обратно.

¹² *Испр. из:* 38.

- № 38¹ — октября 30 — Отправление капитана Шпанеева в Нижний Новгород для сыску донского раскольника Савелья Грешнаго. Л. 1–16.
- (Л. 89) № 39² — декабря 15 — Дело по челобитью волуйчанина рейтарского строя Григорья Логинова, приехавшего в Москву с Дону с отписками, о даче ему государева жалованья. 6 л.
- № 40³ — декабря 17 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Семенова и ясаула Леонтья Давыдова с войсковыми отписками. 101 л.
- № 41⁴ — декабря 20 — Дело по отписке Войска Донского войскового атамана Фрола Миняева о солдате рейтарского строя Якове Авдееве, выкупленном из плена донским казак Федором Семеновым. Л. 1–15.
- (Л. 89 об.) Связка 15-я
(К. №46)

1684.

- № 1 — генваря 12 — Дело по челобитью Войска Донского войскового атамана Фрола Миняева о пошлинах, кои царицынские воеводы берут излишне с приезжающих в Царицын донских казаков. Л. 1–13.
- № 2 — генваря 20 — Дело по отпискам коротоякского воеводы МИхайлы Опухтина о том, что донские казаки проезжают⁵ мимо коротоякских⁶ застав, устроенных для предохранения от заразы. Л. 1–62.
- № 3 — февраля 6 — Дело по челобитью донских казаков Савы Карпова и Никиты Андреева об отпуске их

¹ Испр. из: 39.

² Испр. из: 40.

³ Испр. из: 41.

⁴ Испр. из: 42.

⁵ Испр. из: приезжают.

⁶-тоякских — над строкой вместо вымаранного после исправления: -тоякской.

- из Москвы в Романов для свидания с уродственникам.
Л. 1–3.
- № 4 — в феврале — Дело по челобитью донского казака Пирта Мурзенка о награждении его за посылку к калмыкам (с) государевым жалованьем. Л. 1–7.
- (Л. 90) № 5 — февраля 15 — Отпуск на Дон зимовой станицы войскового атамана Ивана Семенова и ясаула Леонтия Давыдова. *Тут же¹ отправление с государевым жалованьем дворянина Ивана Борнякова и подъячего Ивана Каменского. 106 л.
- № 6 — февраля 24 — Возвратный приезд в Москву подъячего Петра Ахматова посланного на Дон с государевою грамотою и милостивым словом. 10 л.
- № 7 — марта 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Розмачеева и ясаула Федора Родионова с отпискою от² походного атамана Ивана Беркула. Л. 1–91, I = 92 л.
- № 8 — марта 5 — Дело по челобитью елчанина Афанасья Перцова, проважавшего на Дон государеву казну, о даче ему жалованья. 8 л.
- № 9 — марта 9 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайла Сергеева с товарищи. 38 л.
- (Л. 90 об.) № 10 — марта 13–18 — Отписки разных воевод украинских городов о денежной казне, отправленной на Дон с подъячим Иваном Каменским. Л. 1–4.
- № 11 — в марте — Докладная выписка³ о жалованье казакам, приезжающим в Москву в станицах. 8 л.
- № 12 — марта 18 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о посылке государевой грамоты на Дон, чтобы казаки никаких задоров калмыкам не чинили. Л. 1–5.
- № 13 — марта 18 — Дело по челобитью донского казака Архипа Дубинского о даче ему пленного татарина на выкуп брата его Емельяна. 5 л.

¹Над строкой вместо вымаранного: и.

²Над строкой.

³Первоначально было: Выписка докладная — составитель цифрами поменял слова местами.

- № 14 — марта 20 — Дело по челобитью донского казака Степана Самарина об отпуске его на Дон и награждении жалованьем. 4 л.
- (Л. 91) № 15 — марта 26 — Дело по челобитью донского казака Терентья Хромаго о награждении его за службу под Чигириным государевым жалованьем. 5 л.
- № 16 — марта 26 — Выписка, учиненная в Посольском приказе о зимовых и легких станицах донских казаков, приезжавших в Москву с 17-го мая 1682 года. Л. 1–9.
- № 17 — марта 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Афанасья Наумова и ясаула Дементья Башмакова с войсковою отпискою. 17 л.
- № 18 — апреля 8 — Дело по челобитью волуйских станичных вожей Кириллы Санеева с товарищи, посланных для провожания государевой казны на Дон, о даче им жалованья. 5 л.
- (Л. 91 об.) № 19 — апреля 11 — Дело по челобитью стольника Ивана Бахметева о даче ему государева жалованья за службу его на Дону против калмыцкого Аюки-тайши. Л. 1–10.
- № 20 — апреля 25 — Приезд в Москву донского казака Федора Фролова по делу о розмене в Азове Симона Языкова и с вестями. 8 л.
- № 21 — мая 24 — Дело по челобитью донских казаков Иуды Золотарева с товарищи о награждении их государевым жалованьем. 9 л.
- № 22 — мая 27 — июля 24 — Памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о разных делах, относящихся к Войску Донскому. Тут же ответы на некоторые из них. 56 л.
- № 23 — июня 10 — Отправление на Дон с государевою грамотою Посольского приказа пристава Андрея Башмакова. Л. 1–8, I = 9 л.
- (Л. 92) К. №47.
- № 24 — июня 19 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Романова и ясаула Игнатья Тимофеева с войсковою отпискою. Л. 1–29.
- № 25 — июля 16 — Отправление на Дон и возвратный приезд в Москву стольника Михайлы Самарина, посланного за государевым делом к Войску казачьему. Л. 1–46.

№ 26 — июля 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Володимира Дмитриева и ясаула Иева Васильева с войсковою отпискою. Л. 1–117.

№ 27 — августа 17 — Возвратный проезд в Москву подъячего Ивана Каменского, посыланного на Дон с государевым жалованьем. Л. 1–15.

(Л. 92 об.) № 28 — сентября 3 — Отправление в Коротояк дворянина Митрофана Левашева для изследования по жалобам Войска Донского на коротоякского воеводу Михаила Опухтина. Тут же и следственное дело им произведенное. Л. 1–409.

К. №47-а

№ 29 — сентября 30 — Приезд в Москву в легкой станице донского атамана Пахома Сергеева и ясаула Федора Фролова с войсковою отпискою. Л. 1–129.

№ 30 — ноября 30 — Приезды в Москву с войсковыми отписками¹: 1-е — зимовой станицы атамана Павла Никифорова и ясаула Осипа Михайлова; 2-е — легкой атамана Софона Семена и ясаула Осипа Федорова; и 3-е — легкой же атамана Иуды Золотарева и ясаула Якова Афанасьева. Тут же отправление на Дон Антона Веневитинова с государевым жалованьем денежным, хлебным и пушечным. Л. 1–399.

(Л. 93) Связка 16².

К. №48

1685.

№ 1 — июля 8 — Дело по челобитью волуйского воеводы Василья Дмитриева о выдаче ему денег, передержанных им на покупку лошадей для отпуска донских казаков. 6 л.

№ 2 — сентября 1 — Дело по отписке киевского воеводы окольного князя Василья Жироваго-Засекина о донском казаке Петрушке Мурзенке, бывшем на богомолье в Киевопечерском монастыре. Л. 1–7.

¹ Над строкой вместо вымаранного: грамотами.

² Испр. из: 15.

- № 3 — сентября 15 — Отписки курских воевод князя Михаила Голицына с товарищи о донских казаках, шедших в Запороги и пойманных в Соляном Торском городке. Тут же розыскное о том дело и ссылка некоторых казаков в Сибирь. Л. 1–80.
- (Л. 93 об.) № 4 — сентября 15 — Память из Приказа Казанского дворца в Посольский о донских вестях, сообщенных в оным саратовским воеводою Матвеем Вешняковым. Л. 1–12.
- № 5 — сентября 28 — Дело по отписке тамбовского воеводы стольника Ивана Нарышкина о раскольниках, приезжающих с Дона в Тамбовской уезд и чинимом ими тамо соблазне. Л. 1–14.
- № 6 — октября 2 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о том: стольнику Ивану Бахметеву за калмыцкую службу 191 году сколько доводится государева жалованья. Л. 1–4.
- № 7 — октября 15 — Отправление на Дон с государевою грамотою Посольского приказа толмача Ивана Никитина. Тут же и роспросные его речи. Л. 1–20.
- (Л. 94) № 8 — октября 17 — Дело по памяти их Розряда в Посольский приказ о том: Афанасий Паюсов на государевой службе на Дону в 182–184 годах был ли, и у кого в полку? —
- № 9 — ноября 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Данилова и ясаула Никифора Нефедова в легкой станице с войсковою отпискою и листом, присланным от польского короля Яна III тайшам калмыцким. Л. 1–28.
- № 10 — ноября 28 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фомы¹ Савостьянова и ясаула Василья Тимофеева с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–22.
- № 11 — декабря 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Лариона Федорова и ясаула Федора Семенова в зимовой станице. Тут же отправление ельчанина Саввы Лопухина с государевым жалованьем. Л. 1–204.

¹Над строкой вместо вымаранного: Федора.

(Л. 94 об.) № 12 — декабря 19 — Дело по челобитью капитана московских стрельцов Мины Перфильева о даче ему за донскую службу государева жалованья. Л. 1–4.
(Л. 95) К. №49.

1686.

- № 1¹ — января 31 — Дело по челобитью новосильских² ямщиков Степана Терехова с товарищи о даче им прогонных денег за отвоз из Новосила до Тулы донской станицы атамана Сафона Семенова с товарищи. Л. 1–7.
- № 2 — в январе — Выписка, учиненная в Посольском приказе о жалованье донским станицам, приезжавшим в Москву в 190–193 годах. (неполна) Л. 1–14.
- № 3 — февраля 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Алексеева и ясаула Тита Филиппова с войсковою отпискою. Л. 1–35.
- № 4 — февраля 24 — Дело по челобитью воронежца Ивана Митрофанова о даче ему государева жалованья за отвоз к донским казакам хлебных и пушечных запасов. Л. 1–10.
- (Л. 95 об.) № 5 — марта 2 — Дело по челобитью окольного Федора Хилкова жены вдовы Федоры о бежавших от нея дворовых людях к донским станичникам. 8 л.
- № 6 — марта 8 и 11 — Две отписки из Курска от боярина и воеводы Михайлы Голицына о донских делах. Тут же отпуск к нему грамоты. Л. 1–9.
- № 7 — марта 12 — Дело о посылке в город Архангельской донских казаков Емельяна Туму и Андрея Иляшенка. Л. 1–7.
- № 8 — марта 12 — Дело по челобитью стольника Ивана Головина о поимке беглых его людей, ушедших из Москвы с донскими казаками. Л. 1–3.
- № 9 — апреля 29 — Посылка на Дон с государевою грамотою дворянина Дивея Уколова и Посольского приказа толмача Ивана Кизылбашенина. Л. 1–45.

¹ Далее перед датой вымарано: Дело.

² Испр. из: новосильского, — далее вымарано: яма.

- (Л. 96) № 10 — мая 31 — Приезд в Москву донских казаков Степана Самарина и Филона Карпова с войсковою отпискою. Л. 1–11.
- № 11 — мая 31 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о раскольниках, оказавшихся в донских казачьих городках по реке Медведице. Л. 1–9.
- № 12 — июня 2 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о казаке Дмитрие Чеснокове. Л. 1–6, I, пропущен л.3 = 6 л.
- № 13 — июня 17 — Дело по отписке Войска Донского донского войскового атамана Фрола Минаева о повсеместном в украинских городах запрещении вывозить хлеб и гонять скот в Крым и Азов на продажу. Л. 1–17.
- № 14 — июня 29 — Приезд в Москву с Дона попов Ермолая и Ивана и казаков Онисима Яковлева с товарищи; тут же и роспросы их о раскольниках. Л. 1–23.
- (Л. 96 об.) № 15 — июня 29 — Приезд в Москву донского станичного атамана Михайлы Андреева и ясаула Емельяна Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–40.
- № 15-а — *7194/1686, июля 10 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Михайлы Андреева и есаула Емельяна Иванова с товарищи.¹ Л. I, 1–30 = 31 л.
- № 16 — сентября 7 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ильи Григорьева и ясаула Семена Михайлова с войсковою отпискою. Л. 1–49.
- № 17 — октября 5 — Приезд в Москву Донского войска священника Ивана и казаков Онисима Яковлева с товарищи и ропросныя их речи о раскольниках. Л. 1–10.
- № 18 — ноября 5 — Дело по челобитью ельчанина Саввы Лопухина о даче ему государева жалованья за отвоз денег, съестных и военных запасов к Войску Донскому. Л. 1–7.
- (Л. 97) № 19 — декабря 3 — Приезд в Москву в зимовой станице войскового атамана Фрола Минаева и ясаула Бориса Данилова. Тут же челобитная казаков сей станицы о разных предметах и отправление на Дон воронежца Ивана Лосева с государевым жалованьем. Л. 1–373.

¹ В описи отсутствует, списан с обложки дела, поч. 1-й пол. XIX в.

- № 20 — декабря 8 — Дело по отписке Войска Донского войскового атамана Фрола Минаева о выдаче из Казны казаку Петру Емельянову окупных денег за выкупленного им в Азове ряшанина сына боярского Мартына Соседова. Л. 1–22.
- № 21 — декабря 24 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Пахома Сергеева и ясаула Федора Фролова. 2 л.
(Л. 97 об.) К. №51.

1687.

- № 1 — генваря 7 — Дело по челобитью донского казака Артемья Максимова о награждении его за поимку раскольников на реке Медведице. Л. 1–11.
- № 2 — генваря 12 и 13 — Две отписки Войска Донского войскового атамана Фрола Минаева: 1-я с жалобой на царьцынского воеводу Никиту Полуектова и 2-я — о пожаловании Войску нового знамя. Л. 1–12.
- № 3 — февраля 18 — Дело по памяти из Поместного¹ приказа в Посольский о том: Никифор Акинин на Дону в полку князя Петра Ивановича Хованского была ли? Л. 1–2.
- № 4 — марта 5 — Дело по челобитью козловцев детей боярских Лазаря Матвеева с товарищи о награждении их за поимку донских казаков раскольников. Л. 1–3.
- (Л. 98) № 5 — мая 23 — Отрывок приезда в Москву легкой станицы атамана Семена Максимова и ясаула Василья Зацнаго с войсковою отпискою. Л. 1–24, I = 24 л.
- № 6 — сентября 20 — Память из Розряду в Посольский приказ с приложением роспросных речей вышедшего с Дону Дивногорского Успенского монастыря черного попа Германа. Л. 1–7.
- № 7 — сентября 13 — Приезд в Москву донского войскового атамана Ивана Семенова и ясаула Фомы Савостьянова с станицею. Л. 1–74.

¹ *Испр. из: Посольского.*

- № 8 — сентября 22 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Ивана Кизылбашенина с государевою грамотою. 21 л.
- № 9 — сентября 22 — Приезды в Москву донского станичного атамана Петра Кондратьева и ясаула Иуды Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–26.
- (Л. 98 об.) № 10 — октября 3 — Дело по челобитью донского казака Ивана Евсевьева, проезжавшего в Москву на богомолье, о даче ему государева жалованья. 3 л.
- № 11 — октября 4 — Дело по челобитью назначенного на Дон священником к церкви Воскресения Христова в Черкасский Василья Иванова о даче ему подорожной. 4 л.
- № 12 — ноября 25 — Дело по челобитью донского казака Ивана Евсевьева об отпуске его в Калужский Лаврентьев монастырь на богомолье. Л. 1–2.
- № 13 — декабря 25 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирея Матвеева и ясаула Ивана Рябинина в зимовой станице; возвратный отпуск на Дон поступивших на их места атамана Якова Черного и ясаула Якова Савельева; и отправление к казакам с царским жалованьем воронежца сына боярского Перфилья Михнева. Л. 1–320.
- № 13-а — *7196 (1687/88) г.¹ — Отправление на Дон к атаманам и всему Войску Донскому воронежца Перфилья Лаврентьева сына Михнева с² денежным жалованьем, хлебными запасами и прочим. — Отпуск на Дон станичного атамана Якова Чорного да ясаула Якова Савельева с товарищами. — Прошении: козловцов Ивана Козюлина с товарищами в посылке в Козлов к воеводе вторичной грамоты о нечинении им налоги по ложному челобитью; — козака Ивана Афонасьева о присылке к нему на Дон из Нового Оскола дочери его Прасковьи; — определенного на Дон в соборную церковь священника Михайла Иванова³ о даче

¹ Дата на обложке вымарана: 7196/1688, с 5-го апреля, — начисто не вписана, датировано нами по документам дела.

² Далее вымарано: жалованной.

³ Далее вымарано: на.

ему на Воронеже струга с гребцами и кормщиком. — Подорожная донскому козаку Моисею Егупову с женою его Феклою. Без начала и конца.¹ Л. 1–33.

(Л. 99) Связка 17-я

К. №52.

1688.

№ 1 — генваря 5 — Отписки воевод разных понизовых и польских городов о донских раскольниках; отписки к ним грамот и другия акты до сего предмета относящиеся. Л. 1–134.

№ 2 — генваря 13 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Якима Филиппова и ясаула Василья Мартынова с войсковою отпискою. Л. 1–62.

№ 3 — Отрывок доноса на донских старшин Самойлу Лаврентьева и Кирилла, склонявших казаков к расколу ложными чудесами и словами, не исполнявших церковных установлений и прочем. (без начала и конца) Л. 1–11.

№ 4 — в генваре — Опись имущества донскаго станичнаго атамана Кирея Матвеева, ясаула Ивана Рябинина с товарищи. Л. 1–8.

(Л. 99 об.) К. №53.

№ 5-а² — Следственное дело над бывшим войсковым атаманом Самойлом Лаврентьевым, роспомом Самойлом же и другими, с Дону привезенными раскольниками. (без начала) Л. 1–309.

№ 5-в — Продолжение предыдущего дела. Л. 310–700.

№ 6 — февраля 8 — Дело по запросной памяти из Иноземскаго приказа в Посольский о том: кормовой иноземец Павел Иванов Колвинской у какого дела на Дону был, и сколько выдано ему жалованья? 4 л.

¹Заголовок внесен в опись нами с обложки дела, написан поч. 1-й пол. XIX в.

²Помета под № на левом поле наискось в 2 строки другими поч. и черн.: Разделено на 2 связки.

- *-№ 7 — марта 1 — Дело по отписке казанского митрополита Адриана о беглых священниках, ушедших к раскольником *- в земли¹ яицких и донских казаков. Л. 1–13.²
- № 8³ — марта 19 — Отписки в Посольский приказ царицынского воеводы Ильи Дмитриева-Мамонова о воровских донских казаках раскольниках и других предметах; тут же отпуски царских к нему грамот и другия бумаги. Л. 1–351.
- № 9⁴ — апреля 12 — Приезды в Москву донского станичного атамана Бориса Данилова и ясаула Ивана Родионова с войсковою отпискою. Л. 1–50.
- (Л. 100) № 10 — мая 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Назара Захарова и ясаула Любима Григорьева с войсковою отпискою. Л. 1–102.
- № 11 — мая 23 — Перечень отписки царицынского воеводы о раскольниках, в Войске Донском явившихся. (без начала) Л. 1–5.
- № 12 — июня 9 — Дело по отписке царицынского воеводы Никиты Полуехтова о воровских донских казаках, собирающихся на Волгу. Л. 1–2.
- К. №55-а⁵
- № 13 — июля 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Петра Мурзенка и ясаула Кузмы Ерофеева в легкой станице с войсковыми отписками. Л. 1–140.
- (Л. 100 об.) № 14⁶ — июля 26 — Дело по отпискам саратовского воеводы Максима Кологривова о донских казаках раскольниках, замышляющих грабить по Волге государевы отчины. Л. 1–16.
- (Л. 99) *-№ 14-а⁷ — июля 27 — Приезд и отпуск присланных от Войска Донского станичного атамана Осипа Михайло-

¹ Над строкой вместо вымаранного: живущих.

² На левом поле другими поч. и черн.

³ Испр. из: 7.

⁴ Испр. из: 8.

⁵ Синим карандашом.

⁶ Ниже на левом поле отсылка с листажом дела: № 14-а (см. стр. 99).

⁷ Испр. из: 12; помета сверху наискось: Находится в картоне 55-а.

- ва и ясаула Василья Аханова с отпиской о явившихся по рекам Медведице и Куме раскольниках и о походе Донского войска под Азов.¹ Л. 1–64, I, II = 66 л.
- (Л. 100 об.) № 15 — июля 31 — Отправление на Дон с государевыми грамотами Посольскаго приказа толмачей Полуекта Кучумова и Ивана Никитина. Л. 1–14.
- № 16 — августа 20 — Отписка саратовскаго воеводы Максима Кологривова с приложением челобитной саратовцев Тихона Шихматова с товарищи. 3 л.
- № 17² — августа 31 — Следственное дело о явившихся на Дону раскольниках; отписки Донскаго войска и царицынскаго воеводы Ильи Дмитриева-Мамонова о том же. Тут же приезд станичнаго атамана Филиппа Тимофеева и ясаула Якова Прокофьева с легкою станицею. Л. 1–186.
- (Л. 101) № 18 — октября 20 — Приезд в Москву саратовских конных стрельцов сотника Кузмы Нечаева с отпискою от тамошняго воеводы о донских вестях. Л. 1–28.
- № 19 — ноября 30 — Дело по памяти в Посольский приказ о посылке преосвященным Митрофаном, епископом Воронежским, к донским казакам священника. 4 л.
- № 20 — декабря 9 — Приезды в Москву: 1-е) донской зимовой станицы атамана Матвея Антонова и ясаула Василья Иванова с войсковыми отписками; 2-е — легкой станицы атамана Афанасья Зерщика и ясаула Ивана Яковлева с отпискою ж. тут же отправление на Дон государева жалованья. Л. 1–283.
- (Л. 101 об.) № 21 — декабря 14 — Отрывок бытности на Дону воеводы Семена Тобольскаго для преследования раскольников. Л. 1–4.
- № 22 — декабря 25 — Отправление на Дон подъячаго Степана Часовникова с государевым жалованьем Войску казачьему. Тут же и статейный его список. Л. 1–47.
- (Л. 102) Связка 18-я.

¹ На левом поле другими поч. и черн. напротив № 2. 1688 г.

² Напротив вымарано синим карандашом отметка чернилами: К. №55.

- № 1 — февраля 11 — Отправление на Дон жильца Никиты Шишкина с государевым жалованьем казачьему войску. Л. 1–45.
- № 2 — в феврале — Дело по челобитью донского казака Остафья Веры о даче ему жалованья за обиды и страданье, нанесенные ему раскольниками. Л. 1–6.
- № 3 — в марте² — *Грамота царей³ Иоанна и Петра Алексеевичем князю Василью Васильевичу Голицыну, бывшему на Дону Большаго полка дворовым воеводою о промысле над раскольниками и взятии городка их. Л. 1–7.
- № 4 — марта 12 — Отрывок приезда зимовой станицы атамана Матвея Антонова и ясаула Василья Иванова. 17 л.
(Л. 102 об.) № 5 — марта 15 — Дело по памяти из Розряднаго приказа в Посольский о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки шли в полк боярина князя Василья Васильевича Голицына. Л. 1–12.
- № 6 — марта 15 — Приезд в Москву донского станичного атамана Филиппа Тимофеева и ясаула Якова Прокофьева с войсковою отпискою. 24 л.
- № 7 — марта 16 — Дело по отписке казанскаго воеводы князя Данилы Борятинскаго о раскольниках донских и яицких. Л. 1–4.
- № 8 — марта 21 — Память из Розряда в Посольский приказ о хлебных запасах, назначенных к отсылке к Донскому казачьему войску. 8 л.
(Л. 103) № 9 — марта 26 — Посылка в Козлов и на Дон толмача Андрея Щербинина с грамотою о преследовании казаков — раскольников. Л. 1–10.
- № 10 — апреля 12 — Дело по челобитьям воронежских ямщиков Константина Пугачева с товарищи о даче им прогонных денег за отвоз пушечной⁴ меди на Дон. Л. 1–9.

¹Ниже на левом поле вымарано: К. №56.

²Над строкой вместо вымаранного: февраля 28.

³Над строкой вместо вымаранного: Дело по челобитьям..

⁴-ой — над строкой вместо вымаранного: -ых.

- № 11 — апреля 15 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о хлебных запасах, отправленных на Дон и в пути погнивших. Л. 1–7.
- № 12 — апреля 16 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о немедленном делании в Лебедяни стругов для водяного хода донским казакам. Л. 1–6.
- (Л. 103 об.) № 13 — апреля 28 — Приезд царицынца сына боярского Григорья Пугачевского с отписками от тамошнего воеводы Дмитриева-Мамонова относительно донских раскольников. Л. 1–4.
- № 14 — мая 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Горбунова и ясаула Остафья Иванова с отпискою от походного атамана Ивана Аверкиева. Л. 1–53.
- № 15 — в мае — Грамота государей царей Петра и Иоанна Алексеевичей на Дон к казачьему войску о преследовании явившихся там раскольников. Л. 1–5.
- № 16 — мая 26 — июня 8 — Отписки царицынского воеводы Ильи Дмитриева-Мамонова о разных донских вестях. Л. 1–39.
- (Л. 104) № 17 — мая 30 — Приезд в Москву донского станичного атамана Матвея Жиловатого и ясаула Ивана Самарина с войсковою отпискою. Л. 80.
- № 18 — июня 7 — Приезд в Москву донского станичного атамана Амвросия Савельева и ясаула Андрея Фектистова в легкой станице с отпискою. 83 л.
- № 19 — июня 10 — Дело по челобитью капитана московских стрельцов Никиты Селецкого о даче ему жалованья за провод государевой казны, посланной на Дон. 17 л.
- № 20 — июня 30 — Память из Розряда в Посольский приказ о донских вестях, сообщенных тамбовским воеводою Лаврентьем Дуловым. Л. 1–4.
- К. №57.
- № 21 — декабря 13 — Приезд в Москву донского войскового атамана Фрола Минаева и ясаула Григорья Матвеева с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем Евсевья Бехтеева. Л. 1–369.

(Л. 104 об.)¹

(Л. 105) 1690.

- № 1 — генваря 25 и 28 — Дело по челобитью донских казаков Кириллы Сулова и Тимофея Федорова на тамбовского воеводу Алексея Лутохина во взятые с них пошлин в противность государевых жалованных грамот Войску Донскому. Л. 1–20.
- № 2 — февраля 9 — Дело по отписке донскаго войсковаго атамана Фрола Минаева и всего Войска о недостатке разных припасов из числа посланных к ним с дворянином Никитою Шишкиным. Л. 1–8.
- № 3 — февраля 18 — Дело по памяти из Стрелецкаго приказа в Посольский о том: Воронежскаго уезд Борщева и Карасунскаго монастырей с крестьян стрелецкий хлеб почему отпускается на Дон и весь ли по окладу сполна? Л. 1–7.
- № 4 — февраля 27 — Дело по челобитью донскаго казака Бориса Данилова о награждении его государевым жалованьем за участие поимке раскольников. Л. 1–11.

(Л. 105 об.) 1690.

- № 5 — февраля 27 — Дело по челобитьям донских казаков Василья Федорова² и Кириллы Сулова о награждении

¹ *Весь лист вымаран схожими чернилами: 1690.*

№ 10 — сентября 20 — Отправление на Дон с государевыми грамотами Посольскаго приказа толмача Ивана Сидорова.

№ 11 — октября 19 — Возвратный приезд в Москву дворянина Евсевья Бехтеева, посыланнаго на Дон с государевым жалованьем Войску казачьему.

№ 12 — октября 30 — Отправление на Дон с государевою грамотою воронежца Агея Лосева.

№ 13 — декабря 15 — Приезд в Москву донской зимовой станицы атамана Ивана Семенова и ясаула Степана Михайлова Самарина. Ту уже отправление на Дон Дмитрия Бабынина с государевым жалованьем.

² *Над строкой вместо вымаранного: Сулова.*

их государевым жалованьем за поиск над раскольниками. Л. 1–10.

№ 6 — марта 2 — Дело по челобитью донского казака Василья Лобанова о награждении его государевым жалованьем за содействие в поимке раскольников. Л. 1–4.

№ 7 — марта 22 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Федорова и ясаула Леонтия Поздеева с войсковою отпискою. Л. 1–60.

К. №58-а.

№ 8 — апреля 24 — августа 16 — Памяти из разных приказов в Посольский о разных предметах до Войска Донского относящихся. Л. 1–18.

№ 9 — июня 13 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Андрея Щербинина с государевою грамотою. 8 л.

* № 10 — сентября 20 — Отправление на Дон с государевыми грамотами Посольского приказа толмача Ивана Сидорова. Л. 1–34.⁻¹

* № 11 — октября 19 — Возвратный приезд в Москву дворянина Евсевья Бехтеева, посланного на Дон с государевым жалованьем Войску казачьему. Л. 1–24.

№ 12 — октября 30 — Отправление на Дон с государевою грамотою воронежца Агея Лосева. Л. 1–10.

№ 13 — декабря 15 — 9 марта 1691. — Приезд в Москву донской зимовой станицы атамана Ивана Семенова и ясаула Степана Михайлова Самарина. Тут же отправление на Дон Дмитрия Дмитриевича Бобослина с государевым жалованьем. Л. 1–403.⁻²

(Л. 106) Связка 19-я.

К. №58-в

1691.

№ 1 — в январе — Грамота Войску Донскому о раскольниках, бежавших на реку Аграхань во владения шевкала Будая. Л. 1–3.

¹ На нижнем поле другими поч. и черн.

² На левом поле другими поч. и черн.

- № 2 — генваря 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Аверкиева и ясаула Семена Терентьева с войсковою отпискою. Л. 1-54.
- № 3 — генваря 12 — Отправление на Дон, а оттуда на реку Аграхань дворянина Ивана Басова для уговору ушедших туда донских казаков раскольников. Л. 1-58.
- № 4 — апреля 15 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Афанасьева и ясаула Ефрема Петрова в легкой станице с войсковою отпискою. Л. 1-100.
- (Л. 106 об.) № 5 — июня 27 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирея Игнатьева и ясаула Федора Иванова с войсковою отпискою. Л. 1-76.
- № 6 — июля 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Зацнаго и ясаула Меркула Иванова с войсковою отпискою. Л. 1-157.
- К. №58-с
- № 7 — ноября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Леонтья Поздеева и дело о посылке к горскому князю Будаю-шевкалу дворянина Ивана Басова с требованием выдачи бежавших с Дону и в его владениях проживающих казаков-раскольников. 91 л.
- № 8 — декабря 12 — Приезд в Москву в зимовой станице донского атамана Володимира Дмитриева и ясаула Якова Татаркина. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем дворянина Епифана Бехтеева. Л. 1-312.
- (Л. 107) К. №59.

1692.

- № 1 — марта 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Филиппа Тимофеева и ясаула Кондратья Васильева с войсковою отпискою. Л. 1-138.
- № 2 — августа 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фомы Алексеева и ясаула Якова Иванова с войсковою отпискою и двумя пленными азовскими енычарами. Л. 1-60.
- № 3 — октября 28 — Отпуск грамот на Волуйку воеводе Сильвестру Иевлеву и Войска Донского атаману Фролу

Минаеву о предосторожности от мороваго поветрия, свирепствовавшего около Астрахани; отписки воеводы и атамана по делу сему и приезд в Москву станичного атамана Лукиана Максимова с товарищи. Л. 1–284.

(Л. 107 об.) 1693.

- № 1 — генваря 7 — Дело по челобитью Посольскаго приказа толмача Данилы Левшина, ездившаго на Дон с государевою грамотою о невзыскивании с него прогонов. 3 л.
- № 2 — генваря 13 — Дело по челобитью донскаго казака Ивана Павлова, приезжавшаго в Москву на богомолье о даче ему жалованья и поденнаго корма. 3 л.
- № 3 — генваря 20 — Дело по челобитью донскаго казака Афанасья Золтгарева об освобождении его из тюрьмы в городе Романове и отпуске на Дон с женою и детьми. Л. 1–16, I = 17 л.
- *№ 4 — февраля 11 — Отпуск на Дон зимовой станицы атамана Лукьяна Максимов и ясаула Афанасья¹ Захарова и с ними дворянина Якова Кулешева с государевым жалованьем. 46 л.⁻²
- № 5 — марта 7 — Дело по челобитью донскаго казака Исая Кирилова Корнеева о³ заплате ему денег, занятых Епифаном Бехтеевым. 2 л.
- № 6 — марта 2 — Грамота на Дон подтвердительная, чтобы в присылаемых в Москву зимовых станицах было не более 70, а в легких 5 или 6 человек. Л. 1–6, I = 7 л.
- (Л. 108) № 7 — марта 9 — Грамота на Дон относительно казаков Ивана Гущина с товарищи задержанных в Ельце Епифаном Бехтеевым. 15 л.
- *№ 8 — июля 28 — Отправление на Дон Посольскаго приказа толмача Юрья Суханова с государевою грамотою. Л. 1–7.⁻⁴

¹ Над строкой.

² На левом поле другими поч. и черн.

³ Далее вымарано: пр..з..

⁴ На левом поле другими поч. и черн.

- № 9 — августа 18 — Дело по челобитью донских казаков атамана Матвея Антонова и ясаула Еремея Познеева с товарищи о даче им проезжей грамоты и подвод до Воронежа. 8 л.
- № 10 — сентября 19 — Приезд в Москву донского станичного атамана Андрея Фролова и ясаула Ивана Самаренинова с войсковою отпискою. Л. 1–64.
- № 11 — декабря 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Фрола Минаева и ясаула Ильи Григорьева с войсковою отпискою. Тут же разныя челобитныя казаков его станицы и отправление на Дон дворянина Павла (Тимофеева сына) Хлусова с государевым казаком жалованьем¹. Л. 1–421, I, 200-а, 238-а = 424 л.
- (Л. 108 об.) № 12 — декабря 14 — Приезды в Москву донских казаков Леонтия Поздеева и Ивана Андреева с войсковою отпискою. 28 л.
- № 13 — декабря 14 — Дело о даче жалованья прибывшему с Дону священнику Богородичной церкви в верховом городе Кагальнике Иоанну Гаврилову. 4 л.
- (Л. 109) Связка 20².
- К. №61.

1694.

- № 1 — июня 11 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Степана Самарина и ясаула Василья Зацного с товарищи. 10 л.
- № 1-а — * 1694 г., июня 11 — Приезд в Москву донских казаков станичного атамана Степана Самаренинова да ясаула Василья Зацного с отписками и с языками.³ Л. 1–40.
- № 2 — августа 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Горбунова и ясаула Игнатья Ефимова с войсковою отпискою. Л. 1–59.

¹Челобитенные дела.

²Вместо вымаранного: 19-я.

³Заголовок внесен в опись нами с обложки дела, написан поч. 1-й пол. XIX в., карандашные пометы поч. рубежа XIX–XX вв.: неразобранные / к Донским делам / Св. сия добр... (неразборчиво).

- № 3 — октября 2 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тимофея Федорова и ясаула Наума Михайлова с войсковою отпискою. 42 л.
- № 4 — декабря 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Бориса Данилова и ясаула Амвросия Савельева. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем жильца Ануфрия Коширянинова. 292 л.
- (Л. 109 об.) № 5 — декабря 27 — Дело по челобитью донских казаков Ильи Васильева и Петра Иванова, прибывших в Москву на богомолье, о даче им государева жалованья. 4 л.
- (Л. 110) К. №62.

1695.

- № 1 — генваря 5 — Дело по челобитью донских казаков Кондратя Савельева и Мартына Филипова об отобранных у них в Тамбове разных товарах. Л. 1–5.
- № 2 — генваря 8 — Дело по челобитью донских казаков Тита Семенова с товарищи о даче им прогонов от Москвы до Воронежа. 4 л.–
- № 3 — марта 29 — Приезд в Москву донского станичного атамана Григорья Белицкого и ясаула Осипа Чирского с войсковою отпискою. Л. 1–57¹.
- № 4 — апреля 11 — Дело по памяти из Стрелецкого приказа в Посольский о поимке бежавших на Дон мецнян Ивана Ашихмина с товарищи. Л. 1–5, I = 6 л.
- (Л. 110 об.) № 5 — июня 14 — Приезд в Москву донских казаков Семена Попова с товарищи с отпискою от паншинского атамана² Агея Тихонова. Л. 1–21.
- № 6 — июля 2 — Отправление на Дон на государеву службу инженера Альбрехта Морлота, выехавшего в Россию из города Берна. Л. 1–13.

¹ Вместо вымаранного: 4 л.

² Первоначально: атамана Паншинского — исправлено цифрами.

- № 7 — июля 4 — *⁻Отрывок отправления⁻¹ стольника² Ивана³ Тараканова⁴ на государеву службу на Дон. 16 л.
- № 8 — июля 20 — Дело о высылке в Москву гостя Василья Горезина с товарищи, подрядившихся на поставку в казачий городок Паншин съестных припасов для ратных людей. 7 л.
- № 9 — августа 24 — Отправление на Волуйку Посольского приказа подъячего Никифора Иванова. 4 л.
- (Л. 111) № 10 — ноября 23 — Приезд в Москву донского станичного атамана Якова Данилова и ясаула Якова Прокофьева с войсковою отпискою. 18 л.
- № 11 — декабря 12 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о посылке на Дон грамоты чтобы казаки стольнику Ржевскому оказывали нужное вспоможение. 8 л.
- № 12 — декабря 12 — Дела по памятям из Розряда и других мест в Посольский приказ о разных предметах, касающихся до разных людей на Дону и под Азовом. Л. 1–336.⁵
(Л. 111 об.) К. №63.
- № 13 — декабря 19 — Приезд в Москву донского станичного атамана Яким Филипова и ясаула Якова Данилова с войсковыми отписками. Тут же разныя челобитныя казаков их станицы и отправление на Дон с государевым жалованьем стольника Афанасья Неплюева. Л. 1–304.
(Л. 112) К. №64.

1696.

- № 1 — генваря 2 — Приезд в Москву донского казака Леонтия Познеева с войсковою отпискою. Л. 1–41.

¹ Над строкой вместо вымаранного: Выписка о жалованье.

² Испр. из: стольнику.

³ Испр. из: Ивану.

⁴ Испр. из: Тараканову — далее вымарано: отправленному на Дон.

⁵ Ниже вымарано теми же чернилами: № 13 — декабря 17 — Дело по челобитью Михайлы Романова Воейкова ж.

- № 2 — генваря 8 — Приезд в Москву донских казаков Петра Лукьянова с войсковою отпискою, Осипа Иванова и Ивана Андропова на богомолье. Л. 1–26.
- № 3 — генваря 11 — Приезд в Москву донскаго казака Степана Михайлова, вышедших из крымскаго полону. Л. 1–13.
- № 4 — генваря 21 — Дело по челобитью донскаго казака Кондрата Адамова о даче ему подорожной для отъезда на Дон. Л. 1–4.
- № 5 — генваря 31 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Григорья Матвеева и есаула Алексея Яковлева с войсковою отпискою. Л. 1–58.
- (Л. 112 об.) № 6 — февраля 1 — Дело по челобитью именитаго человека Григорья Строгонова о даче подорожной людем его, отправляющимся на Дон для строения погребов и заготовления съестных припасов ратным людем. Л. 1–2.
- № 7 — декабря 14 — Приезд в Москву донскаго войсковаго атамана Фрола Минаева и ясаула Афанасья Захарьина с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон стольника Дементья Новосильцова с государевым казаком жалованьем. Л. 1–339.
- * № 7-а — 1696 г. — Отрывок из книги о даче казакам кормовых денег. Л. 1–15.¹
- № 8 — декабря 15 — Приезд в Москву на богомолье донских казаков Тимофея Соколова, Максима Безрукаго, Григорья Матвеева с товарищи. Л. 1–9.
- № 9 — декабря 23 — Дело по челобитьям разных донских казаков, бывших в Москве на богомолье о даче им кормов и подвод. 13 л.
- (Л. 113) Связка 21-я.
К. №65.

1697.

- № 1 — генваря 2 — Приезд в Москву донских казаков Прокофья Павлова и Степана Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–25.

¹ На левом поле синими черн. поч. XX в.

- № 2 — генваря 9 — Дело по челобитью донского казака Ефима Пахомова об отдаче ему из Посольского приказа пожитков, принадлежащих отцу его Пахому Сергееву, посланному в Сибирь. Л. 1–11.
- № 3 — генваря 13 — Дело по челобитью донского казака Тимофея Соколова о награждении его за службу под Азовом государевым жалованьем. 10 л.
- № 4 — генваря 19 — Дело по челобитью донских казаков Максима Ястребова с товарищи, израненных под Азовом, о пожаловании их государевым жалованьем. Л. 1–24.
- (Л. 113 об.) № 5 — генваря 21 — Дело по челобитью донского казака Михайлы Грека о даче ему окупных денег за приверстанного в службу Лариона Шефирова, выкупленного им из полону в Азове. Л. 1–13.
- № 6 — генваря 22 — Дело по памяти из Пушкарского приказа в Посольский о присылке в оный дел, относящихся до взятия у турков городов Азова и Лютика и новопостроенного на Дону Сергиевского городка. Л. 1–9.
- № 7 — генваря 29 — Дело о даче донским казакам Иеву Носову и Тимофею Иванову за их службу государева жалованья. 14 л.
- № 8 — февраля 17–21 — Дело по памяти из Казанского приказа в Посольский о хлебных запасах, отправляемых на Дон из понизовых городов. Л. 1–31.
- (Л. 114) № 9 — апреля 1 — Приезд в Москву донского станичного атамана Пахома Сергеева и ясаула Емельяна Данилова с войсковою отпискою. Л. 1–33.
- № 10 — мая 5 — Приезд донского станичного атамана Осипа Федорова и ясаула Дмитрия Матвеева¹ с войсковою отпискою. Л. 1–75.
- № 11 — октября 15 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Зацнаго и ясаула Ивана Константинова с войсковою отпискою. Л. 1–55.
- № 12 — декабря 14 — Два дела по челобитьям донских казаков Якова Федорова, Прокофья Павлова, Иева Михайлова

¹-твеева — над строкой вместо вымаранного: -монова.

- и Степана Иванова, бывших в плену у крымцев о размене их на пленных татар, содержимых в Москве под стражею. 12 л. (Л. 114 об.) № 13 — декабря 15 — Следственное дело о неявились 20 четвертях хлеба из числа запасов, посланных на Дон с стольником Дементьем Новосильцовым. 141 л.
- № 14 — декабря 17 — Следственное дело о покраже у донского казака Семена Корнеева крестьянином Петром Григорьевым серебряных —
- № 15 — декабря 18 — Дело о даче государева жалованья и поденного корма донским казакам Григорью Исаеву и Евсевью Дементьеву, посланным к малороссийскому гетману Ивану Мазепе для делания стругов к походу на Черное море. Л. 1–14.
- № 16 — декабря 21 — Дело о даче донским казакам Федосею Григорьеву, Ефиму Филипову и Якову Володимирову государева жалованья и поденного корма. 8 л. (Л. 115) К. №66.
- № 17 — декабря 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Федорова и ясаула Степана Самарина с зимовою станицею. Тут же посылка на Дон стольника Андрея Курбатова и подъячаго Ивана Торопова с государевым жалованьем деньгами, хлебом и военными снарядами. Л. 1–129.
- № 18 — декабря 31 — Разныя дела до Войска Донского относящияся. Л. 1–66.

(Л. 115 об.) **1698.**

- № 1 — генваря 3 — Дело о даче донским казакам Тимофею Соколову и Потапу Яковлеву при отпуске их из Москвы на Дон государева жалованья. 7 л.
- № 2 — генваря 16 — Грамота государя царя Петра Алексеевича на Дон войсковому атаману Фролу Миняеву о неукрывательстве и немедленной высылке¹ в Москву беглых стрельцов. Л. 1–4, I = 5 л.

¹ вы- — над строкой вместо вымаранного: при-

- *-№ 2-а — 1698 г.— Записи о походах атамана Войска Донского Фрола Миняева. Отрывок. Черновик. 1 л.⁻¹
- № 3 — генваря 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Максима Фролова и ясаула Савелья Павлова с отпискою. Л. 1-47.
- № 4 — февраля 6 — Следственное дело о донском казаке Федоре Капустине взятом под стражу за драку. Л. 1-8.
К. №67.
- № 5 — февраля 14 — Дело о наряде на службу и посылке под Очаков в войско боярина и воеводы князя Якова Федоровича Долгорукаго двух тысячдонских казаков и о даче им царского жалованья по 5-ти на человека; тут же приезды атаманов станичных Ермолая Онисимова и² Екима Филипова. 254 л. —
- (Л. 116) № 6 — марта 26 — Приезд в Москву донского станичного атамана Никиты Алексеева и ясаула Уара Поздеева с войсковою отпискою. Л. 1-45.
- № 7 — июля 4 — Дело о даче кормовых денег зимовой станицы донскому ясаулу Степану Самаринову и казаку Евсевью Васильеву при отпуске их из Москвы на Дон. 9 л.
- № 8 — октября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Семена Елисеева и ясаула Андрея Федорова с войсковою отпискою. Л. 1-38.
- № 9 — декабря 7 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ильи Григорьева и ясаула Василья Поздеева с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон с государевым жалованьем дворянина Дмитрия Кошелева. Л. 1-199³.
(Л. 116 об.) К. №68.

1699.

- № 1 — февраля 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирея Болдыря и ясаула Ивана Фомина с войсковою отпискою. Л. 1-42.

¹ На левом поле фиолетовой шариковой ручкой поч. 2-й пол. XX в.

² Далее вымарано: ясаула.

³ Вместо вымаранного: 200.

- № 2 — апреля 28 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Семена Терентьева с товарищи. Л. 1–15.
- № 3 — октября 10 — Дело по памятям из разных приказов в Посольской о разных предметах до Войска Донского относящихся. 33 л.
- № 4 — ноября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Афанасия Гордеева с товарищи. 48 л.
- № 5 — декабря 5 — Дело по челобитью донских казаков Якима Филипова с товарищи о награждении их государевым жалованьем. 14 л.
- № 6 — декабря 7 — Приезд в Москву донского станичного атамана Лукьяна Максимова и ясаула Лариона Кузмина с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон с жалованьем стольника Василья Стрекалова. Л. 1–235.
- № 6-а — Продолжение предыдущего дела¹. Л. 1–22.
- № 7 — декабря 29 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Фролова и ясаула Афанасия Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–22.

(Л. 117) **Реестр III-й**
Донским делам новых лет
в столпцах и тетрадах содержащимся
С 1700 по 1762 год.

Связка 22-я
К. №69.

1700.

- № 1 — генваря 29 — Приезд в Москву донского станичного атамана Харитона Абакумова и ясаула Митрофана Лаврентьева с войсковою отпискою. Л. 1–17.
- № 2 — февраля 19 — Следственное дело, произведенное на Дону в Черкасском стольниками Василием Ивановичем и Иваном Васильевичем Давыдовыми о донских казаках,

¹ На обложке заголовок: Донские 1700 к № 6. 23 л.

ходивших на калмыцкие улусы с атаманом Иваном Самариным. Л. 1–84.

№ 2-а — Продолжение предыдущего дела¹. Л. I, 1–72 = 73 л.

(Л. 117 об.) № 3 — марта 6 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ефрема Петрова с войсковою отпискою и с ним посланцев калмыцкого Мункотемира-тайши. Л. 1–37.

№ 3-а — Продолжение предыдущего дела². Л. I, 1–25 = 26 л.

№ 4 — марта 8 — Дело по челобитью донского казака Ивана Чирского о неплатеже ему стольником Федором Ржевским 60 рублей. 31 л.

№ 5 — апреля 9 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ об унятии ссор между донскими казаками, крымцами и кубанцами, яко противных мирному договору с Турциею. 83 л.

№ 6 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Поздеева и ясаула Уара Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–11.

№ 6-а — Продолжение предыдущего дела³. Л. 1–5.

(Л. 118) № 7 — июня 3 — Дело по челобитью донских казаков Родиона Михайлова и Василья Калмычкова о даче им на окуп двух человек татар. Л. 1–8.

№ 8 — июня 5 — Дело по челобитью донского казака Николая Родионова, вышедшего из турецкого плону о награждении его государевым жалованьем. 3 л.

№ 9 — июня 23 — Грамота на Дон о сыске у паншинских казаков кубанскими татарами и калмыками отогнанных от стоящего на Камышенском полку лошадей и отсылке их в оный. Л. 1–2.

¹ На обложке 1700 г. (л. 1) запись о подаче дела стольником В. Давыдовым 24 (июня или июля?) 1700 г., залитая большой черной кляксой, и помета поч. нач. XVIII в.: в Донское повытье новых лет. — на обложке помета поч. 1-й пол. XIX в.: 1700, к № 2.

² На обложке заголовок поч. 1-й пол. XIX в.: Донской 1700 № 3. 26 л. — позже синими чернилами испр.: 3-а.

³ На обложке заголовок: Донс(кие) 1700 к № 6. 23 л. — позже испр. синими черн. на: № 6-а.

- № 9-а — *⁻Выписка об отдаче з Дону пришедших из великороссийских городов беглых людей и крестьян, с которого году отдавать оных велено.⁻¹ Л. 1-27, I = 28 л.
- № 10 — - Приезд в Москву донского станичного атамана Максима Фролова и ясаула Григорья Киреева с войсковою отпискою. Л. 1-36.
- № 11 — июля 3 — Дело о ворах донских казаках, грабивших по Волге. Л. 1-54.
- № 12 — июля 21 — Имянной указ Войску Донскому о переселении² верховых казаков³ *⁻с Хопра⁻⁴ на⁵ две⁶ дороги от Волуйки и Рыбнаго к Азову. Л. 1-2.
(Л. 118 об.) К. №70.
- № 13 — июля 28 — августа 25 — Отпуски грамот⁷ Войску Донскому о разных предметах. 30 л.
- № 14 — августа 17 — Дело по челобитью Василья Маслова о беглом его крестьянине Артемье Ачюницыне⁸, ушедшем к донским казакам. Л. 1-35, I = 36 л.
- № 14-а — *⁻1698/99-1700 г., октябрь, 3 — Записная книга Донского повытья, фрагмент за период 24 мая — 3 октября 1700 г. (Дело о пожаловании присланных с Дона 30 августа 1700 г. с войсковою отпискою 4-х донских казаков Якима Филиппова и Григория Матвеева с товарищами без станичного атамана; май — август 1700 г. — об отправке из Черкаска артиллерии на усиление Азова; о пограничных обидах донским казакам от нагайцев и кубанцев).⁻⁹ Л. 1-15, I = 16 л.

¹ В описи отсутствует, списано с титульного листа дела, поч. нач. XVIII в. На обложке заголовков: Донск(ие) 1700 к № 9. 28 л. — позже испр. синими черн. на: № 9-а.

² -с- позже над строкой.

³ Первоначально: казаков верховых, — испр. цифрами.

⁴ Над строкой.

⁵ Испр. из: по — далее вымарано: двум.

⁶ Над строкой.

⁷ Далее вымарано: на До-.

⁸ В документах дела: (Васкин сын), прозвище Коржилин.

⁹ В описи отсутствует, на обложке заголовков: Донс(кие) 1700 к № 14. 16 л. — позже испр. синими черн. на: № 14-а. -Заголовков составлен нами по документам дела.

- № 15 — августа 30 — Приезд в Москву донских казаков Якима Филиппова с товарищи с войсковою отпискою. Л. 1–29.
- № 16 — октября 7 — Дело об отсылке в Азов к¹ боярину и воеводе Степану Ивановичу Салтыкову донских казаков Андрея Заливая, Фоку Антонов и Ивана Болдыря. Л. 1–3, I = 4 л.
- № 17 — декабря 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Абросима Савельева и ясаула Ивана Самарина с войсковою отпискою. Л. 1–16.
- (Л. 119) К. №71.

1701.

- № 1 — генваря 15 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Никифора Ананьина и ясаула Григорья Максимова с товарищи. Л. 1–7, I = 8 л.
- № 2 — генваря 23 — мая 2 — Три памяти из Розряда в Посольский приказ о разных предметах, относящихся к Войску Донскому. 6 л.
- № 3 — марта 20 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Иваан Машлыкина и ясаула Михайлы Игнатъева с товарищи. Л. 1–8, I = 9 л.
- № 4 — июля 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Анкудина Игнатъева² и ясаула Антипа Ильина с войсковою отпискою. 35 л.
- № 4-а — *~ 1701 г., июль, 6 — 1702 г., ноябрь 29 — Черновые и чистовые тетради записных книг Донского повьтья 1701 и 1702 гг., фрагменты (Дело о приезде с Дона в Москву проезжей станицы атамана Анкудина Игнатъева и есаула Антипы Ильина во главе 11 казаков с языком; о донских, азовских, калмыцких, нагайских, крымских и др. вестях), собраны из россыпи неописанных дел.³ 22, I = 23 л.

¹ Над строкой.

² По исправленному.

³ Заголовок в описи отсутствует, составлен нами по документам дела, на обложке дела, поч. 1-й пол. XIX в.: Донской 1701 к № 4-му. 23 л. — позже приписано ниже синими черн. на левом поле: № 4-а.

- (Л. 119 об.) № 5¹ — августа 30 — декабря 14 — Памяти из разных приказов о делах, относящихся к Войску Донскому; сношения о них Посольского приказа с разными местами и лицами; черновые отпуски грамот на Дон и проч.
- № 6 — октября 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Герасима Лукьянова и ясаула Андрея Чулка с войсковою отпискою. Л. 1–48.
- № 6-а — *⁻1687/88–1701 г., октябрь, 29 — Дело о приезде с Дона в Москву в октябре 1701 г. легкой проезжей станицы атамана Герасима Лукьянова и есаула Андрея Чулкова с войсковою отпискою и с колодниками, арестованными «в больших государевых делах» по запросу Преображенского приказа⁻² 8 л.
- № 7 — декабря 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Леонтия Познеева и ясаула Алексея Кутейникова с войсковою отпискою. 14 л.
- № 7-а — *⁻1701 г., декабрь, 5 — Дело о приезде с Дона в Москву зимовой станицы атамана Леонтия Позднеева и есаула Алексея Кутейникова во главе 98 казаков с войсковыми отписками и с челобитьем о годовом денежном и хлебном жалованье.⁻³ Л. 1–14, 15 = 15 л.
- (Л. 120) К. №72.

1702.

- № 1 — генваря 5 — Дело по челобитью донского казака Степана Жданова о наследстве⁴ ему после деда его Василья Жданова. 6 л.

¹ В ркп. заголовок дела 5 идет после № 6–6-а.

² В описи отсутствует, на обложке заголовок: Донской 1701 к № 6-му. 9 л. — позже было испр. синими черн. на: № 6-а, — во 2-й пол. XX в. шариковой авторучкой приписано выше № 6-а. –Заголовок составлен нами по документам дела.

³ В описи отсутствует, на обложке заголовок: Донск(ой) 1701 к № 7-му. 15 л. — позже было испр. синими черн. на: № 7-а, –Заголовок составлен нами по документам дела.

⁴ Далее вымарано: даче (?)

- № 2 — генваря 10 — Дело по челобитью донских казаков Евстрата Яковлева с товарищи о даче им подорожной от Москвы на Дон. 3 л.
- № 3 — генваря 10 — Отпуск из Москвы донской зимовой станицы атамана Леонтия Познеева и ясаула Алексея Кутейникова. Тут же отправление на Дон Федосея Дурова с жалованьем Войску казачьему. 201 л.
- № 4 — генваря 13 — Дело по отписке Войска Донского о вышедшем из плену русском человеке Иване Васильеве. 5 л.
- (Л. 120 об.) № 5 — генваря 16 — Грамота Войску Донскому о воследовавшем царском указе, чтобы впредь никто в челобитных и отписках полуименем не писался. 2 л.
- № 6 — февраля 6 — Дело по челобитью донского казака Максима Дрыганова о награждении его государевым жалованьем. 8 л.
- № 7 — февраля 12 — Отписка Войска¹ Донского атамана Лукьяна Максимова о будущем в начале весны отправлении 1000 казаков и калмык на службу в Новгород. Л. 1–3.
- № 8 — сентября 1 — Дело по челобитью Гостинных сотни² Григорья Милекина на донского казака Петра Рамозана об отнятых им у жены его пожитках и платье. 3 л.
- (Л. 121) № 9 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Мартынова и ясаула Сидора Степанова с войсковою отпискою. 22 л.
- № 10 — сентября 25 — Дело по памяти из Преображенского приказа в Посольский об истребовании в оный донской легкой станицы казака Ивана Таушкана с товарищи. 17 л.
- № 11 — октября 14 — Память из Ямского приказа в Посольский о донских казаках Иване Степанов с товарищи, увеличивших тверских ямских старост за недачу им подвод. Л. 1, I = 2 л.
- № 12 — ноября 17 — Выписка по челобитью походного донского атмана Максимиа Фролова из Ладоги о даче ему и подчиненным его государева жалованья. 4 л.

¹ Над строкой.

² Испр. из: сотника.

- (Л. 121 об.) № 13 — ноября 23 — Дело по отписке Войска Донского о дозволении Кагалинского городка священнику Григорью Никитину перейти в Черкасск к Вознесенской церкви. 3 л.
- № 14 — ноября 29 — Отписка боярина Бориса Петровича Шереметева о присылке к нему в Псков жалованья состоящим в полках донским¹ казакам и калмыкам. Л. 1–2.
- № 15 — декабря 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тимофея Федора и ясаула Кузмы Миняева с войсковою отпискою. 19 л.
- № 16 — декабря 8 — Челобитные донского походного атамана Якима Филипова о награждении его государевым жалованьем за шведский поход в полку боярина Шереметева. 1 л.
- (Л. 122) № 17 — декабря 8 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Поздеева и ясаула Василья Артемьева с войсковою отпискою. 12 л.
- № 18 — декабря 11 — Указ из Посольскаго приказу в Патриарший о поставлении Черкаскаго городка Рыковскаго прихода дьячка Федора Григорьева в Усть-Кундрючевский городок священником. 1 л.
- № 19 — декабря 12 — Дело по челобитью донских казаков Семена Кулбака и Юрья Антонова, бывших в шведском походе, о выдаче им прогонов от Новгорода до Москвы. 5 л.
- № 20 — декабря 13 — Дело по челобитью донскаго казака Михайлы Тимофеева Корсунскаго о даче ему татарина на розмену. 6 л.
- № 21 — декабря 14 — Отписка Войска Донскаго об отпуске в Москву донских казаков Никифора Ананьина с товарищи на богомолье. 2 л.
- (Л. 122 об.) № 22 — декабря 14 и 16 — Дело о даче донским казакам Семену Васильеву и Никите² Саламате

¹ Над строкой.

² Испр. из: Никону.

с товарищи государева жалованья за поход в Лифляндию и бытность в Новгороде и Пскове у стругового дела¹.
(Л. 123) Связка 23-я.
К. №73

1703.

- № 1 — февраля 18 — Выписка из отписки Войска Донского и грамота к нему относительно рыбной ловли по Дону, на Азовском море и по запольным речкам; о свободном прокуске чрез заставу на Мертвом Донце разных припасов и ссылке чернцов с занятых ими мест ниже Лютина. Л. 1–10.
- № 2 — июня 12 — Приезд в Москву из Азова донского казака Михайла Сумина, бывшего в Царьграде и присланного думным дворянином Степаном Ловчиковым. 7 л.
- № 3 — ноября 6 — Докладная выписка о просимом донскими казаками дозволении рубить лес в стародавних урочищах им принадлежащих. 5 л.
- (Л. 123 об.) № 4 — ноября 17 — Список донским казакам, бывшим на государевой службе и зимовавшим в Ладуге. 10 л.
- № 5 — декабря 10 — Выписка об отпущенных с Степаном Бахмететвым деньгах на жалованье донским казакам и калмыкам. Л. 1–4.

(Л. 124) 1704.

- № 1 — 1704–1710 — Отрывки дел, относящихся к приезжавшим в Москву станицам донских казаков. 15 л.
- № 2 — июня 18 — Выписка о жалованье донскому станичному атаману Леонтию Познееву и ясаулу Савелью Елизарову с товарищи. 2 л.
- № 2-а — июня 18 — Выписка в доклад из донских отписок о взятых кубанцах и о калмыцких посланцах. Л. 1–11.

¹Ниже вымарано: декабря 12 / Приезд и отпуск.

- № 3 — сентября 9 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Алексея Иванова с товарищи. 5 л.
- № 4 — октября 12 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Василья Иванова с отпискою и колодниками. 2 л.
- (Л. 124 об.) № 5 — октября 12 — Письмо Войска Донского боярину Федору Алексеевичу Головину о защищении онаго вред государем. 2 л.
- № 6 — октября 13 — Выписка о приезде с Дону дворянина Федосея Дурова, посыланного туда с государевым жалованьем казакам. 4 л.
- № 7 — декабря 5 — Отрывок приезда в Москву донской зимовой станицы атамана Максима¹ Фролова с товарищи. Л. I, II, 1–7.
- № 8 — декабря 11 — Челобитье донских казаков города Черкаскаго о пожаловании им денег на покупку церковной утвари к церкви Николая Чутоворца что в Черкасском на Дону. Л. 1–5, I, II.

(Л. 125) 1705.

- № 1 — генварь — Челобитье донскаго казака Ивана Матвеева о даче ему пленнаго татарина для розмены на сына его Василья, находящагося в Крыму пленником. Л. I, 1.
- № 2 — февраля 16 — Дело о выдаче донскому станичному атаману Григорью Максиму с товарищи истраченных ими на прогоны денег от Волуйки до Москвы. Л. I, 1–3.
- № 3 — марта 7 — Дело по челобитью майора Дмитрия Обрютина о сыске бежавших от него на Дон крестьян. Л. 1–4.
- № 4 — марта 9 — Указ адмиралтейцу Федору Матвеевичу Апраксину об учинении розыска о² спорных землях³ и взаимных обидах между донскими казаками и изюмским полковником Федором Шидловским. Л. 1–26.

¹ Далее вымарано: Федорова.

² Над строкой вместо вымаранного: в.

³ Далее вымарано: и угодьях.

- (Л. 125 об.) № 5 — марта 13 — Дело по челобитью ротмистра Семена Пищулина¹ о возвращении бежавших на Дон его крестьян. Л. 1–3.
- № 6 — марта 29 — Дело по челобитью Гостинной сотни Афанасья Мясникова² на хоперского казака Бориса Мельника в бою и грабеже. Л. I, 1–78 = 79 л.
- № 7 — марта 29 — Отписка Войска Донского с приложением следственнаго дела по спорам казаков с тамбовским архиереем о хоперских рыбных ловлях. Л. 1–17.
- № 8 — *⁻мая 16⁻³ — *⁻Отрывок приезда в Москву⁻⁴ донского⁵ *⁻станичнаго атамана⁻⁶ Пахома Сергеева с товарищи⁷. Л. I, 1–6.
- (Л. 126) № 9 — июля 7 — Грамота Войску Донскому о снесении населенных в противность государеву указу городков⁸, переводе жителей за Северский Донец и непринимании *⁻к ним⁻⁹ беглых людей. Л. 1–4.
- № 10 — августа 27 — Память из Казанскаго дворца в Посольский приказ о произошедшем в Астрахани бунте; тут же грамота на Дон о способствовании поимке присылаемых оттуда лазучиков и проч. Л. 1–8.
- № 11 — августа 28 — Грамоты Войску Донскому о разных предметах и другия бумаги к оному относящаяся. Л. 1–34. К. №74.
- № 12 — сентября 16 — Память из Розряду в Посольский приказ о присланных в Войско Донское прелестных писмах от астраханских метежников и намерении онаго идти против них. Л. 1–4.

¹Далее вымарано: об.

²Над строкой вместо вымаранного: Анкиндинова.

³Вместо вымаранного: июня 16.

⁴Над строкой вместо вымаранного: Явка и прошение, — причем, Явка по исправленному.

⁵Испр. из: донских.

⁶Над строкой вместо вымаранного: казаков.

⁷Далее вымарано: о ... их ... с Иваном Анкудиновым.

⁸Далее вымарано: и.

⁹Над строкой, читается предположительно.

- (Л. 126 об.) № 13 — сентября 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Савелья Павлова Кочета и ясаула Ивана Кипреянова с войсковою отпискою и 7 астраханскими стрельцами ими захваченными. Л. 1–46
- № 13-а — Продолжение предыдущего дела. Л. 1–34.
- № 14 — сентября 20 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Ивана Кизылбашенина с похвальной грамотою за присылку астраханских стрельцов, присланных к ним с прелестными письмами. Л. 1–15.
- № 15 — октября 2 — Указ из Розряда в Посольский приказ и грамота из онаго на Дон уведомительные о повелении государя генерал-фельдмаршалу Шереметеву быть в Москве с полками, а окольному Апраксину — в Новгороде. Л. 1–4.
- (Л. 127) № 16 — октября 4 — Дело по челобитью Войска Донского о дозволении в городке Старом Айдаре (Айдарове) построить церковь и даче на то благословенной грамоты. Л. 1–2.
- № 17 — октября 6 — Дело по челобитью станичного атамана Савелья Кочета о даче ему крымского татарина для обмена на родственника его казака Константина Иванова. Л. 1–8.
- № 18 — октября 9 — Челобитные Посольского приказа подъячего Лаврентья Протопопова¹ Гостиной сотни на Афанасья Анкудинова в поклепе, якобы он, Протопопов, взял с донского казака Пахома Сергеева посул. Л. I, 1.
- № 19 — октября 11 — Дело по челобитью Войска Донского о присылке к ним новой крестоприводной книги вместо сгоревшей в городке Черкасском. Л. I, 1–3.
- (Л. 127 об.) № 20 — октября 17 — Отписка Войска Донского о получении ими государева жалованья, присланного с дворянином Федосьем Дуровым. Л. I, 1–4.
- № 21 — ноября 10 — Дело по памяти из Приказа Казанского дворца в Посольский о намерении астраханских бунтовщиков итти под Черный Яр и Царицын и соединенно с кубанцами напасть на калмыков. Л. 1–6.

¹ Далее вымарано: на.

- № 22 — ноября 16 — Память из Поместного приказа в Посольский о посылке подтвердительной грамоты¹ к Войску Донскому, чтобы они полковника Шкеловского допустили к описи у них соли и продажи оной от Казны. Л. I, 1-2.
- № 23 — ноября 18 — Грамота Войску Донскому о присылке в Москву с подъячим Арефьевым взятых под Царицыным двух астраханских бунтовщиков. Л. 1-5.
- (Л. 128) № 24 — декабря 1 — Приезд в Москву донской зимовой станицы атамана Ефрема Петрова и ясаула Кирея Емельянова с войсковыми отписками и челобитьем о² государеве жалованье. Л. 1-120.
- № 25 — декабря 2 — Отписка Войска Донского об отпуске в Москву пяти калмыцких начальных людей Кецюля Иренценова с товарищи для челобитья о жалованье. Л. 1-2.
- № 26 — декабря 7 — Память из Ингерманландской дворцовой канцелярии в Посольский приказ об освобождении двора садовника Клина Елизарьева от постоя донских казаков. Л. I, 1.
- № 27 — декабря 22 — Приезд в Москву донских казаков Семена Васильева и Лариона Назарова с отпискою походного³ Донского войска о бывших *-у них⁻⁴ с астраханскими бунтовщиками переговорах. Л. 1-9.
- (Л. 128 об.) Связка 24-я.
К. №75.

1706.

- № 1 — генваря 1 — Дело по челобитью донских казаков Лютинского городка атамана⁵ Кондратя Шендрыгова

¹ *Далее вымарано:* в Азов — ?

² *Далее вымарано:* присылке.

³ *Далее вымарано:* атамана.

⁴ *Над строкой.*

⁵ *Над строкой.*

- с товарищи о дозволении¹ быть у² них³ священнику Ермолаю Евфимьеву. Л. 1–3.
- № 2 — генаря 5 — Дело по челобитью донских казаков Ивана Кузмина с товарищи о даче им подвод от Москвы до Воронежа. Л. I, 1–4.
- № 3 — генваря 6 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Уара Иванова с товарищи и с ними калмыцких посланцев. Л. 1–43.
- № 4 — генваря 13 — Дело об учреждении донскими казаками почты от Азова до Волуек⁴.
- № 5 — генваря 15 — Дело по челобитью донскаго татарина Карнея Карывича о даче ему пленнаго татарина на обмен дяди его Кутлумамета Касимова. Л. I, 1–2.
- (Л. 129) № 6 — генваря 15 — Дело по челобитным донских казаков Алексея Болдыря, Ивана Сухотина и Василья Терентьева о даче им пленных татар на розмену. Л. I–III, 1–9 = 12 л.
- № 7 — генваря 21 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Степана Мамуки и ясаула Ивана Кириллова с отпискою от походных старшин Тимофея Федорова и Леонтия Познеева. Л. 1–22.
- № 8 — генваря 28 — Указ⁵ генерал⁶-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву о бунтовщиках черноморских и даче донским казаком денежнаго жалованья за их участие в усмирении тех бунтовщиков. Л. 1–2.
- № 9 — генваря 29 — Дело о посвящении в священники к церкви Иоанна Предтечи в донской Бахмутской станице дьячка Ивана Гаврилова. Л. I, 1–4.

¹ *Далее вымарано:* им.

² *Над строкой вместо вымаранного:* при..

³ *Далее вымарано:* церкви.

⁴ донскими казаками — первоначально завершалось заголовком, порядок слов изменен посредством цифр.

⁵ *Перед ним вымарано:* Гр-.

⁶ *Испр. из:* государю — *при этом:* -нерал — *над строкой вместо вымаранного.*

- (Л. 129 об.) № 10 — генваря 30 — Приезд в Москву донскаго станичнаго¹ атамана Антона Ильина и ясаула Василья Иванова с отпискою походнаго войска из-под Царицына. Л. 1–16.
- № 11 — генваря 30 — Грамота Войску Донскому о готовности к походу с фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым; туту же грамота фельдмаршалу о том же. Л. 1–3.
- № 12 — февраля 14 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Селивана Карпова и ясаула Филипа Познеева с отпискою² походных³ войсковых старшин. Л. 1–21.
- № 13 — февраля 16 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Козмы Минаева и ясаула Ивана Фролова с войсковою отпискою. Л. 1–62.
- (Л. 130) № 14 — февраля 16 — Дело по отписке Войска Донскаго о посланных к ним 20 тысячах рублях за верную их службу против астраханских бунтовщиков. Л. 1–4.
- № 15 — февраля 17 — Дело о даче стряпчему Василью Табалину грамоты на Дон о поимке беглых его людей. Л. 1–2.
- № 16 — февраля 20 — Грамота Войску Донскому о взятых⁴ у астраханских стрельцов Михайлы Скорлякове с товарищи ружья и рухляди. Л. 1–4.
- № 17 — февраля 23 — Дело по челобитью донскаго казака Ивана Никифорова о даче ему подорожной до Фролищевой пустыни и на Дон. Л. I, 1–3.
- № 18 — февраля 25 — Дело по челобитью стольника Федосея Каменева и курянина Николая Гридунова о поимке беглых людей на Дону. Л. 1–4.
- (Л. 130 об.) № 19 — февраля 28 — Дело по доношениям бригадира Федора Шидловскаго о причиненных донскими казаками⁵ Изюмскому его полку в соляных заводах на реке Бахмуте разорении и грабеже. Л. 1–48.

¹ -ч- над строкой вместо вымаранного: -це-.

² Далее вымарано: от.

³ Испр. из: походнаго.

⁴ Испр. из: взятые.

⁵ Далее вымарано: его.

- № 20 — марта 6 — Дело о посылке на Дон грамоты, чтобы Илаваинского городка казаки возвратили калмыкам отнятые у них лошади. Л. 1–4.
- № 21 — марта 10 — Дело по челобитью казачки вдовы Анны Петровой о награждении ее государевым жалованьем. Л. I, II, 1.
- № 22 — марта 11 — Дело о посылке на Дон послушной грамоты, чтобы казаки отправленному в Астрахани¹ стольнику Герасиму Мансурову давали подводы. Л. 1–2.
- № 23 — марта 15 — Дело о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки вспомогали посланному к ним капитану Венедикту Данилову (в) деле поимке воров. Л. 1–5.
- (Л. 131) № 24 — марта 20 — Приезд в Москву донского станичного атамана Леонтья Познеева и ясаулов Потапа Яковлева и Семена Васильева с вестовою отпискою. Л. 1–27.
- № 25 — апреля 3 — Дело о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки провиантмейстеру Василью² Новосильцову вспомогали при сплаве хлеба из Паншина городка³ в Азов. Л. I, 1–3.
- № 26 — апреля 26 — Грамоты Войску Донскому и фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву о посылке к Царицыну 2000 казаков. Л. 1–11.
- № 27 — мая 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Иванова и ясаула Петра Киреева с войсковою отпискою. Л. 1–29.
- (Л. 131 об.) № 28 — мая 19 — Дело о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки давали подводы майору⁴ Иогану Бреклину, отправленному для постройки города Троицкаго. Л. I, II, 1–3.
- № 29 — мая 29 — Дело о присылке из Розряда в Посольский приказ стольника Ивана Бахметева для донских посылок. Л. I, II, 1–2 = 4 л.

¹ Вероятно, описка составителя, д.б. или к Астрахани, или в Астрахань.

² Далее вымарано: Ново-.

³ Над строкой.

⁴ Над строкой вместо вымаранного: отправленному.

К. №76.

- № 30 — июня 6 — Дело по челобитью Гостиной сотни Ивана Акундинова на хоперского казака Бориса Мельник о причинении ему убытков. Л. I, II, 1–57.
- № 31 — июня 15 — Приезд в Москву донского станичного атамана Аксена Фролова и ясаула Степана Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–36.
- № 32 — июня 17 — Отписки из Розряда в Посольский приказ и обратно уведомительныя о разных донских деах. Л. 1–50.
- (Л. 132) № 33 — июля 5 — Грамота Войску Донскому о немедленном уведомлении об обидах, нанесенных казаками новокрещеным калмыцким мурзам, откочевавшим от Азова. Л. 1–5.
- № 34 — июля 7 — Отправление на Дон стольника Леонтия Шеншина для перевода на другое место не по дорогам основанных¹ городков, прекращения² укрупательства беглых русских и прочее. Л. 1–37.
- № 35³ — июля 20 — Указ о даче по донским казачьим городкам подвод посланному в Царицын и Азов стольнику Дмитрию Дивову. Л. I, 1.
- № 36 — августа 8 — Дело по челобитью Карпа Мезенцова о даче ему грамоты на Дон для поимки там беглых его⁴ людей. Л. 1–3.
- (Л. 132 об.) № 37 — сентября 12 — Дело по памяти из Провиантского приказа в Посольский о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки вспомогали провиант-мейстеру Кашкарову в провозе чрез их городки провиант. Л. I, 1–7.
- № 38 — сентября 14 — Приезд в Москву донского станичного атамана Семена Федорова и ясаула Семена Васильева с войсковою отпискою. Л. 1–14.

¹ Над строкой вместо вымаранного: поселенных.

² Испр. из: прекращения, — перед ним вымарано: о.

³ Последовательность номеров была изменена: № 33 перенумерован в № 35, почему написан 1-м на листе.

⁴ Над строкой.

- № 39 — сентября 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Ильина Зерщикова и ясаула Алексея Яковлева с войсковою отпискою. Л. 1–28.
- (Л. 133) № 40 — октября 15 — Дело по памяти из Провиантского приказа в Посольский о посылке на Дон государственной грамоты, чтобы казаки давали подводы под провиант, отправленный в Азов и Троицк. Л. I, 1–4.
- № 41 — ноября 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Лариона Леонтьева и ясаула Семена Васильева с войсковою отпискою. Л. 1–52.
- № 42 — декабря 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Саламаты и ясаула Семена Терентьева с войсковою отпискою. Л. 1–30.
- № 43 — 1706–1710 годов — Девять грамот Войску Донскому о разных предметах. Л. 1–36.
- № 44 — Разные бумаги, принадлежащая к делам Войска Донского. Л. 1–8.

(Л. 133 об.) 1707.

- № 1 — февраля 2 — Черневая грамота терским и гребенским казакам о походе им всем наступившею весною в Киев. Л. 1–2.
- № 2 — марта 20 — Челобитье жильца Лариона Колобова о посылке на Дон грамоты о сыске бежавших от него туда людей¹. Л. 1–2.
- № 3 — июля 10 — Дело по челобитью жильца Киприана ЛДунина о сыске людей его, бежавших на Дон к казакам. Л. 1–3.
- № 4 — августа 14 — Память из Посольского приказа в Ратушу о взыскании с счетчиков недочетных денег в посланных к донским казакам на жалованье. Л. 1–2.
- *-№ 5 — августа 20 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Ивана Родионова с товарищи. Л. 1–3.⁻²

¹ Испр. из: людех.

² На левом поле схожим поч. и черн.

- № 6 — сентября 12 — Дело по челобитью стольника Михайлы Мосолова о даче¹ ему на Дон грамоты для поимки там беглых его людей. Л. 1–3.
- (Л. 134) № 7 — сентября 13 — Дело о присылке с Дона в Азов четырех пленных арбачеев и пяти янычар для² обмена их на пленных же донских казаков. Л. 1–8.
- № 8 — сентября 30 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Дмитрия Матвеева с товарищи. Л. 1–6.
- (Л. 134 об.) Связка 25-я.
К. №77.

1708.

- № 1 — генваря 5 — Выписка из отписки Донского войска о поимке бунтовщика Кондрашка Булавина с товарищи, убившими князя Долгорукова. Л. 1–2.
- № 2 — генваря 28 — марта 19 — Росписки разных ямских слобод ямщиков в принятии прогонных денег от атамана легкой станицы Козмы Минаева с товарищи. Л. 1–9.
- № 3 — генваря 29 — Дело по челобитью донского казака Василья Федорова в грабеже и бою. Л. 1–5.
- № 4 — марта 3 — Наказ подьячему Афанасью Крылову, посланному на Дон с государевым жалованьем, порохом, свинцом и прочим. Л. 1–7.
- № 5 — апреля 14 — Два списка с письма азовского воеводы Ивана Толстова о бывшем у азовских³ казаков и⁴ калмыков⁵ бою с бунтовщиком Булавиным. Л. 1–6, I = 7 л.
- (Л. 135) № 6 — мая 17 — Дело по челобитью Кормоваго дворца стряпчача Леонтья Богданова о грабеже и пожжении в сельце его Ивановском пожитков и бое жены его

¹ По исправленному (?).

² Далее вымарано: об-.

³ Над строкой.

⁴ Над строкой вместо вымаранного: с.

⁵ Испр. из: калмыками.

- и детей сообщниками бунтовщика Кондрашки Булавина. Л. 1–40.
- № 7 — июля 20 — Дело об объявлении прибывшим из армии в Москву донским казакам и калмыкам, чтобы на Дон не ездили по причине Булавинского бунта и о даче им государева жалованья. Л. 1–92.
- № 8 — августа 28 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Познеева с товарищи и с ними офицера Степана Третьякова с войсковою отпискою и повинною в воровствах Кондрашки Булавина. Л. 1–40.
- (Л. 135 об.) № 9 — сентября 8 — Дело по доносу¹ донского станичного атамана Василья Познеева на гулящего человека Григорья Банщика, яко участника в бунте Кондратья Булавина. Л. 1–12.
- № 10 — сентября 14 — Дело по отписке подьячаго Василья Жадаева об оставлении его в Воронеже стольником Степаном Колычевым для приема денежной казны, следующей на Дон. Л. 1–7.
- № 11 — сентября 16 — Приезд в Москву *² за смертью² донского станичного атамана Якима Филипова ясаула его станицы Андрея Лопатина с войсковою отпискою. Л. 1–21.
- № 12 — сентября 25 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тита Аверкиева и ясаула Ивана Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–18.
- (Л. 136) № 13 — ноября 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Родионова и ясаула Семена Савельева с войсковою отпискою. Л. 1–56.
- № 14 — декабря 6 — Дело по памяти из Розряда в Посольский приказ о военных снарядах в донских казачьих станицах Скородумовской, Дурнавской и Тетеревской, описанные гвардии майором князем Долгоруковым. Л. 1–11.
- * № 15 — 1708 г. — Отпуски грамот Петра I Войску Донскому.³ Л. 1–20, I = 21 л.
- (Л. 136 об.) К. №78.

¹ Над строкой вместо вымаранного: челобитью.

² Над строкой.

³ Синими черн. поч. XX в.

- № 1 — марта 1 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Познеева и ясаула Ивана Андреева с войсковою отпискою. Л. 1–151.
- № 2 — марта 8 — Дело по памяти и по присланной росписи из Преображенского приказа в Посольский о присылке в оный донских казаков Ивана Ляха, Тита Ферафонтова и Обросима Захарьева с товарищи. Л. 1–22.
- № 3 — марта 9 — Отписка князя Василья Долгорукова об отправлении им из Воронежа на Дон прибывших из армии 447 донских казаков. Л. 1–3.
- № 4 — апреля 2 — Ставленная грамота протопресвитеру Федору Алимпиеву, определенному в Черкасске к соборной церкви Воскресения Христова. Л. 1–4.
- (Л. 137) № 5 — апреля 21 — Дело по челобитью донских и яицких¹ казаков атамана Кондратя Никифорова с товарищи, находившихся в плену в Стокгольме, об их освобождении. Л. I, II, 1–2.
- № 6 — мая 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Фролова и ясаула Тимофея Гаврилова с войсковою отпискою. Л. 1–59.
- № 7 — июня 3 — Выписка о полученных из Ратуши и Сибирского приказа деньгах и соболях на жалованье донским казачьим станичником. Л. 1–2.
- № 8 — июля 11 — Список с допросных речей вышедших из шведского полону донских казаков Герасима Герасимова с товарищи. Л. I, 1–4.
- (Л. 137 об.) № 9 — сентября 5 — Указ дворянину Федосею Дурову и подьячему Ряховскому, чтобы они, сдав донским казакам государево жалованье, немедленно ехали в Москву. Л. 1.
- № 10 — сентября 30 — Дело по челобитью донского атамана Кирея Григорьева и ясаула Makeя Осипова с товарищи, присланных из армии для получения на походное

¹ Далее вымарано над строкой: пленных.

казачье¹ войско жалованья, о даче им поденного корма. Л. I, 1–3.

№ 11 — ноября 8 — Проезжая листы от донского войскового атамана казакам Луке Григорьеву, Тимофею Семенову, Михайле Павлову, Ивану Матвееву², Ивану Яковлеву и арменину Гавриле Артемьеву с товарищи. Л. 1–4.

№ 12 — ноября 19 — Дело о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки остерегались подбегов под их городки со стороны Кубани и ловили ушедших туда их собратьев. Л. 1–17.

(Л. 138) № 13 — декабря 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Фролова и ясаула Афанасья Гордеева с войсковою отпискою. Тут же отправление на Дон знамен и клейнодов. Л. 1–122.

№ 14 — декабря 22 — Дело об отпуске с Москвы на Дон донских казаков Леонтия Карташа и Луки Григорьева с товарищи. Л. I, 1–6.

* № 15 — Отписки в Посольский приказ от Войска Донского. Л. 1–29.³

(Л. 138 об.) К. №79.

1710.

№ 1 — генваря 7 — Дело о награждении государевым жалованьем находящихся в армии под Ригию донских казаков под начальством атаманов Лариона Жмурина и Михайлы Корсунского. Л. 1–13.

№ 2 — генваря 28 — * Приезд в Москву⁴ донского станичного атамана Силы Карпова и ясаула Антропа Степанова⁵ войсковою отпискою. Л. 1–

¹ Над строкой.

² Далее вымарано: и.

³ Синими черн. поч. XX в.

⁴ Над строркой вместо вымаранного: Допрос.

⁵ Далее вымарано: товарищи.

- № 3 — февраля 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Никифора Антипова и ясаула Василья Тимофеева с войсковою отпискою. Л. 1–31.
- № 4 — марта 17 — Приезд донского станичного атамана Алексея Яковлева и ясаула Ивана Гаврилова с войсковою отпискою и колодниками. Л. 1–35.
- (Л. 139) № 5 — мая 13– Дело по челобитью определенного на Дон к черкасской церкви Апостол Петра и Павла священника Николая Григорьева о даче ему проезжей грамоты. Л. I, 1–4.
- № 6 — июля 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Григорья Мартынова и ясаула Ивана Епифанова с войсковыми отписками. Л. 1–45.
- № 7 — августа 22 — Дело по отписке Войска Донского о даче Сенной поляны Троицкой пустыни строителю Капитону новой жалованной грамоты вместо сгоревшей в Булавинский бунт. Л. I, 1–5.
- № 8 — августа 23 — Дело об отправлении на Дон казаков Федота Байсакого, Сидора Акимова, Василья Кумшацкаго и Дмитрия Артемьева, вышедших из шведского полону. Л. I, 1–6.
- (Л. 139 об.) № 9 — ноября 9 — Приезд донских казков Луки Григорьева с товарищи на богомолье. Л. I, 1–4.
- № 10 — ноября 10 — Дело по памяти из Приказа Рудных дел в Посольский о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки посланным к ним для сыску серебряной руды делали вспоможение. Л. I, 1–5.
- № 11 — декабря 16 — Приезд в Москву донской зимовой станицы атамана Федора Фролова и ясаула Ивана Игнатьева с войсковыми отписками. Л. 1–117, I = 118 л.
- № 12 — декабря 20 — Дело о посылке на Дон государевой грамоты, чтобы казаки подъячему Василью Дитятеву в выгрузке обмелевшего казаннаго провианту делали вспоможение. Л. I, 1–6.
- (Л. 140) Связка 26-я.
К. №80.

- № 1 — генваря 3 — Приезд в Москву донского станичного атамана Андрея Иванова и ясаула Федора Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–27.
- № 2 — генваря 3 — Дело по отписке Войска Донского о даче благословенных грамот в Соборную черкасскую и Успенскую в Сиротине-городке церкви. Л. I, 1–9.
- № 3 — генваря 4 — Отпуск на Дон¹ казаков Игнатъя Тимофеева с товарищи, приезжавших в Москву на богомолье. Л. I, 1–7.
- № 4 — генваря 31 — Дело по челобитью донского казака Евлампия Павлова Сабельного ряду на торгового человека Федора Тимофеева в бою и грабеже. Л. I, 1–3.
- (Л. 140 об.) № 5 — февраля 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дмитрия Мухина и ясаула Ивана Рябина с войсковою отпискою. Л. 1–
- № 6 — февраля 26 — Грамота² Войску Донскому о чинении поисков над крымцами и кубанцами и бытии в послушании у адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Л. I, 1–3.
- № 7 — марта 3 — Память из Преображенского приказа в Посольский об отпуске на Дон казака Степана Волошанинова. Л. 1–2.
- № 8³ — марта 6 — Дело о ссылке на каторгу донских казаков Кобыльской станицы Савелья Сухорукаго, Ермолая и Сергея Мининых. Л. 1–3.
- № 9 — марта 20 — Следственное дело по челобитью донского казака Мокея Киприанова *⁴ на тяглеца⁴ Овчинной слободы Григорья Щербакова в бою и увечье. Л. I, 1–9.
- (Л. 141) № 10 — марта 27 — Дело по ведению Сенатской канцелярии в Посольский приказ о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки имели осторожность от крымцев. Л. 1–4.

¹ Далее вымарано: тре- (?).

² Далее вымарано: на Дон.

³ В ркп. № 8 и 9 — в обратной последовательности — поменяны номерами.

⁴ Над строкой.

- № 11 — марта 27 — Дело по памяти из Патриарша приказа в Посольский о посылке на Дон грамоты, чтобы казаки не вступались в Азовскую Успенскую пустыню. Л. I, II, 1–4.
- № 12 — августа 21 — Отписка Войска Донского о принятии от подьячего Василья Жадаева государева хлебного и денежного жалованья. Л. I, 1–2.
- № 13 — сентября 15 — Дело по отписке Войска Донского об определении в Усть-Медведицкий Преображенский монастырь строителем иеромонаха Феодосия. Л. 1–4.
- (Л. 141 об.) № 14 — декабря 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Аксена Волошанинова и ясаула Сергея Трофимова с войсковым челобитьем о жалованье и клейнодах. Л. 1–89.
- № 15 — декабря 7 — Дело по отписке Войск Донского об определении в Усть-Быстрианскую станицу приходским священником дьячка Анисима Никитина. Л. I, 1–4.
- № 16 — в декабре — Выписка о годовом и за службы повременном денежном и хлебном жалованье Войску Донскому. Л. I, 1–18.
- (Л. 142) К. №81.

1712.

- № 1 — генваря 31 — Дело о посылке благословенной грамоты и антимиаса в новоотстроенную церковь Св. Николая в донском казачьем городке Мигулине. 1 л.
- № 2 — февраля 29 — Память Архангельского собора протопопу Феодоту Кузмину о приводе к присяге донского казака Антропа Иванова. Л. I, 1–3.
- № 3 — марта 14 — Дело о посылке 5000 донских казаков в команду ближнего боярина и казанского губернатора Апраксина для охранения¹ Украйны². Л. 1–10.
- № 4 — мая 5 — Дело по отписке Войска Донского о поставлении³ к церкви св. Николая в Скородумовской станице священником дьячка Епифана Петрова. Л. I, 1–3.

¹ Окорничание по исправленному (?).

² Испр. из: украинских.

³ Испр. из: посвящении.

- (Л. 142 об.) № 5 — мая 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Мартынова и ясаула Никиты Филипова с войсковою отпискою. Л. I, 1–21.
- № 6 — мая 12 — Дело по челобитью донского казака Филимона Любимова, бывшего в плену у кубанцев, о даче ему окупных денег. Л. I, 1–2.
- № 7 — июня 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Матвеева и ясаула Ивана Аникеева с войсковою отпискою. Л. I, 1–58.
- № 8 — августа 25 — Дело по челобитью донского казака Сергея Борисова, вышедшего из шведского плону об отпуске его в Есть-Медведицкую станицу. Л. I, 1–6.
- (Л. 143) * № 9 — октября 15 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Ивана Перфильева с товарищи. — Л. I, 1–15.⁻¹
- № 10 — ноября 4 — * Дело о даче⁻² проезжей³ грамоты⁴ донским казакам Федору Емельянову и Алексею Алексееву в Архангельск для свидания с родственниками. Л. I, 1–7.
- № 11 — декабря 11 — Приезд в Москву донского станичного атамана Петра Емельянова и ясаула Тимофея Никонова с отпискою и челобитьем о жалованье. Л. I, 1–103.
- № 12 — декабря 26 — Дело о размене донского казака Константина Гаврилова на пленного кубанского татарина. Л. I, 1–4.
- * (№ 12 — декабря 31 — Дело по челобитью донского казака Алексея Алексеева о даче ему подорожной до города Архангельска.)⁻⁵
- * № 13 — марта 23 — Отправление малороссийскаго подъячаго Василья Жедаева на Дон к войсковому атаману с годовым жалованьем. Л. I, 1–7.⁻⁶
- (Л. 143 об.) К. №82.

¹ На левом поле другими поч. и черн.

² Над строкой.

³ Испр. из: Проезжая.

⁴ Испр. из: грамота — далее вымарано: от вобр..- (?).

⁵ Вымарано схожими черн.

⁶ На левом поле другим поч. схожими черн.

- *№ 1 — генваря 11 — августа 11 — Девять грамот Войску Донскому о разных предметах. Л. I, 1–19.¹
- № 2 — генваря 20 — Отпуск² на Дон преизжавших на богомолье протопопа Федора Алимпиева, дьячка Пахома Карпова и казаков Ивана Степанова, Ивана Федорова и Аноса Тимофеева. Л. I, 1–10.
- № 3 — генваря 23 — Грамота яицким казакам о приуготовлении³ обще с другими войсками к походу против шведов. Л. 1–2
- № 4 — генваря 24 — Ведение из Канцелярии Сената в Посольский приказ о посылке с подьячим Петром Клыпыным 2607 руб. на жалованье донским казакам. Л. I, 1.
- № 5 — февраля 17 — Дело о благословенной граоте на построенье в Усть-Медведицком казачьем городке церкви св. Николая Чудотворца. Л. I, 1–4.
- № 6 — февраля 24 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Ивана Игнатьева и ясаула Ивана Логинова с войсковыми отписками. Л. I, 1–47.
- (Л. 144) № 7 — февраля 24 — Дело по отписке Войска Донскаго о даче благословенных грамот и антиминов в ново-строющихся церкви в Бугайском и Луганском казачьих городках. Л. 1–5.
- № 8 — марта 10 и 20 — Дело о даче подорожных донским казакам Даниле Ефремову, Борису Губареву и Михайле Никонову. Л. I, 1–3.
- *№ 9 — марта 20 — Отрывок дела о посылке на Дон с государевым жалованьем подьячаго Василья Жадаева. Л. I, 1–4.⁴
- № 10 — марта 24 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Афанасия Гордеева и ясаула Якова Володимерова с войсковыми отписками. Л. I, II, 1–41.

¹ На левом поле схожими поч. и черн.

² Испр. из: отпуске — перед ним вымарано: Дело об.

³ Над строкой (далее вымарано: их) вместо вымаранного: походе.

⁴ На левом поле схожими поч. и черн.

- № 11 — марта 25 — Дело о посылке к генералу-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву 500 донских казаков Л. 1–4.
- № 12 — марта 25 — Дело об умершем от побоев тульском ямщике Матвее Васильеве, битом донскими казаками легкой станицы атамана Ивана Игнатьева. Л. I, II, 1–13.
- (Л. 144 об.) № 13 — апреля 18 — Дело по отписке Войска Донского о наряде казаков в поход против турок и о мерах осторожности, если турки нападут на Черкасск или транжамент. Л. 1–6.
- № 14 — апреля 25 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тимофея Соколова и ясаула Семена Савельева с войсковыми отписками. Л. I, 1–52.
- № 15 — июня 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Матвеева Краснощекова и ясаула Алексея Каршина с войсковою отпискою. Л. I, 1–39.
- № 16 — октября 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Аксена Фролова и ясаула Якова Лукьянова с войсковою отпискою. Л. I, 1–38.
- № 17 — ноября 23 — Докладная выписка Посольского приказа подьячего Степана Стерлегова с донским казаком Борисом Мещеряковым. — Л. I, 1–8.
- (Л. 145) № 18 — декабря 6 — Приезд донской зимовой станицы атамана Максима Фролова и ясаула Ефима Прокофьева с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье. Л. I, 1–103.
- № 19 — декабря 11 — Дело о посвящении¹ в священники к церквам казачьих городков Усть-Медведицкого и Рыковского дьячка Семена Попова и казака Семена Яковлева. Л. I, 1–5.
- № 20 — ноября 23 — Дело по памяти из Приказа земских дел о поимке донских казаков Борисе Вещерекове и² привезенном в Посольский приказ для учинения допроса. Л. I, 1–13.
- (Л. 145 об.) Связка 27-я.
- К. № 83.

¹ Далее вымарано: в к церквам (?).

² В ркп. продублировано.

1714.

- № 1 — апреля 4 — Приезд в Москву донского станичного атамана Нефеда Иванова и ясаула Ивана Володимерова с войсковыми отписками. Л. I, 1–46.
- № 2 — июля 5 — Грамота на Дон о непринимании беглых русских крестьян. Л. I, 1–6.
- № 3 — ноября 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Василья Тимофеева и ясаула Федора Емельянова с войсковою отпискою. Л. I, 1–65.
- * № 4 — ноября 13 — Дело по Ведению Канцелярии Сената в Посольский приказ о донском казаке Игнатье Соловьеве. Л. 1–3.⁻¹
- № 5 — декабря 10 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Кутейникова и ясаула Степана Михайлова с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье. Л. 1–148.
- № 6 — декабря 14 — Дело по челобитью донского есаула Степана Михайлова Садовой слободы на старосту Макара Иванова о безчестии и бою казаков. Л. 1–4.
- * № 7 — май — Челобитная донского казака Родиона Камшина об отдаче ему находящегося Московской губернии в дворцовом городе татарина Алимка Малаева для обмена его на взятого в плен татарами сына его. Л. I, 1.⁻²
- (Л. 146) К. №84³.

1715.

- № 1 — генваря 30 — Приезд в Москву донского войскового атамана Петра Емельянова и ясаула Тимофея Никонова с войсковою отпискою. Л. 1–6.
- № 2 — апреля 6 — Дело по челобитью вышедшей из плена казачьей жены Анны Лукьяновой об отпуске ея на Дон с станичниками. Л. 1–2.

¹ На левом поле другими поч. и черн.

² На левом поле другими поч. и черн.

³ Выше вымарано: Связка 26-я.

- № 3 — апреля 13 — Наказ отправленному на Дон с государевым жалованьем канцеляристу Кирилле Ковыршину. Л. 1–8.
- № 4 — июня 22 — Память из Посольского приказа в Патриарший о посвящении донского казака Никифора Андреева в дьяконы к новопостроенной в Черкасском городке церкви св. чудотворца Николая. 1 л.
- (Л. 146 об.) № 5 — июня 11 — Отправление на Дон Посольского приказа толмача Степана Волошанинова с государевою грамотою. Л. 1–17.
- № 6 — июля 16 — Приезд в Москву донского станичного атамана Сергея Трофимова и ясаула Марка Михайлова с войсковыми отписками. Л. I, 1–Л. 1–19.
- № 7 — июля 18 — Дело по отписке Войска Донского о поставлении в Троицкуб Мигулинскую пустыню¹ игуменом иеромонаха Иосифа. Л. 1–3.
- № 8 — июля 21 — Дело по отписке Войска Донского о посвящении во дьяконы к церкви св. Николая в Стародумской станице казака Никифора Андреева. Л. 1–3.
- № 9 — сентября 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Никифора Алимпиева и ясаула Михайлы Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–24.
- (Л. 147) № 10 — декабря 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Родионова и ясаула Ефима Прокофьева с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье на войско. Л. 1–102.
- *№ 11 — 1715 г., апрель — Челобитье помещика Иова Терского о посылке в Черкасск грамоты к атаману Петру Емельянову о беглых его людях. Л. I, 1–2.²
- (Л. 147 об.) К. №85.

1716.

- № 1 — февраля 9 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Мартынова с войсковою отпискою и азовскими пленными татарами. Л. 1–90.

¹ Далее вымарано: вѣи.

² Синими черн. поч. XX в.

- № 2 — марта 12 — Указ Правительствующаго Сената, чтобы донские казаки турецких перебежчиков к себе не припимали, и о калмыках, в Войске у них живущих. Л. 1–14.
- № 3 — июня 3 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Тимофея Никонова и ясаула Тихона Иванова с войсковою отпискою. Л. 1–56.
- № 4 — июля 17 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Ивана Матвеева и ясаула Ивана Аникеева с войсковою отпискою. Л. I, 1–87.
- (Л. 148) № 5 — августа 16 — Обратный¹ приезд в Москву подьячаго Федора Ключарева, посыланнаго на Дон с государевым жалованьем казакам. Л. 1–6.
- № 6 — августа 23 — Выписка по писму лейб-гвардии майора Андрея Ушакова к государственному канцлеру об отправленных в 1706 году к донским казакам колоколах, за кои² следует вычесть из годоваго³ их жалованья. Л. 1–10.
- № 7 — сентября 20 — Приезд в Москву донскаго станичнаго⁴ атамана Ивана Дронова и ясаула Савелья Филатова с войсковою отпискою. Л. 1–47.
- № 8 — декабря 13 — Приезд в Москву донскаго станичнаго атамана Никифора Антипова и ясаула Григорья Мамонова с войсковою отпискою. Л. 1–116.
- (Л. 148 об.) № 9 — декабря 27 — Дело по отписке Новотроицкаго транжаменту комменданта майора Шинкеева о чинимых донскими казаками⁵ притеснениях стоящим там солдатам. Л. 1–12.
- (Л. 149) Связка 28-я.
К. №86.

¹ Над строкой.

² Далее вымарано: д.

³ Далее вымарано: вс- (?).

⁴ Над строкой.

⁵ Далее вымарано: насилиях.

- № 1 — генваря 2 — Дело по челобитью донского казака Пахома Потапова на солдата Григорья Максимова с товарищи в бою и грабеже. — Л. I, 1–4.
- № 2 — марта 14 — Приезд в Москву донского станичного атамана Кирея Григорьева и ясаула Алексея Волошанинова с войсковою отпискою. Л. I, 1–55.
- № 3 — апреля 28 — Отрывок приезда в Москву донского старшины ктитора Петра Егорьева с товарищи с войсковою отпискою и для¹ найму иконописцов. Л. I, 1–9.
- № 4 — мая 31 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Тимофея Гаврилова и ясаула Федора Емельянова с войсковою отпискою. Л. 1–6.
- (Л. 149 об.) № 5 — июля 28 — Сказка донских казаков об отрешении соборнаго² их в³ Черкасском протопопа Федора Олимпиева. Л. I, 1–10.
- № 6 — августа 21 — Приезд в Москву донского станичного атамана Дениса Ильина и ясаула Леонтья Иванова с войсковою отпискою. Л. I, 1–18.
- № 7 — сентября 3 — Копия с грамоты Войску Донскому о чинении поисков над кубанским Бахты-Гиреем-салтаном, азовцами и некрасовцами. Л. I, 1–2.
- № 8 — октября 5 — Приезд в Москву донского станичного атамана Аксена Фролова и ясаула Петра Чулкова с войсковою отпискою. Л. I, 1–94.
- (Л. 150) № 9 — * октября 15⁴ — Дело об отпуске на Дон вышедшаго из шведскаго плена казака Афанасья Орлова. Л. I, 1–10.
- (Л. 149 об.) № 10 — ноября 1 — Отрывок приезда в Москву атамана Артемья Васильева с товарищи с войсковою отпискою. Л. I, 1–20.

¹ Над строкой.

² Над строкой вместо вымаранного: войсковаго.

³ Над строкой вместо вымаранного: прото-.

⁴ Над строкой вместо вымаранного: ноября 4.

(Л. 150) № 11 — декабря 9 — Приезд в Москву донского станичного атамана Андрея Лопатина и ясаула Осипа Васильева с войсковою отпискою и челобитьем о жалованье. Л. I, 1–33.

№ 12 — декабря 30 — Дело по челобитьям¹ черкасского соборного попа Иеремии Григорьева и лейб-гвардии бомбардирского капрала Василья Скрябина о *⁻даче им⁻² пленных татар для обмена на их родственников. Л. I, 1–7.

№ 13 — мая 20 — Приезд легкой станицы атамана Тимофея Гаврилова с товарищи. Л. I, 1–4.

(Л. 150 об.) К. №87³.

1718.

№ 1 — генваря 25 — Следственное дело по доносу Войска Донского на соборного протопопа в Черкасском Федора Алимпиева о воровских и неприличных священническому чину его делах. Л. 1–170.

№ 2 — февраля 7 — Грамота на Дон о розыске про взятая Спасского Медведицкого монастыря игуменом Феодосием у казаков доски. Л. I, 1–2.

№ 3 — февраля 26 — Отправление стольника Михайлы Трегубова на Дон к Войску казачьему для привода к присяге в верности наследнику престола царевичу Петру Петровичу. Л. I, 1–13.

№ 4 — февраля 26 — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Ивана Матвеева с товарищи. Л. I, 1–2.

(Л. 151) № 5 — марта 8 — Дело о посылке на Дон государевой грамоты о том, чтобы все тамошние монастыри и церкви с их влстями и служителями состояли в ведомстве воронежского епархиального архиерея. Л. I, 1–5.

№ 6 — марта 13 — Дело по извету Букановской станицы казак Тимофея Дьяконова на казаков же Федора

¹ Над строкой вместо вымаранного: прошению.

² Над строкой вместо вымаранного: разменных их им (?).

³ Ниже вымарано: Связка 27-я.

- Семенникова, Марка Никитина и Якова Вотхина в государевых делах. Л. 1–82.
- № 7 — марта 19 — декабря 7 — Письма гвардии майора князя Юсупова к канцлеру графу Головкину о разных донских делах Л. I, 1–9.
- № 8 — апреля 5 — Отрывок приезда донского станичного атамана Степана Михайлова с товарищи. Л. I, 1–33.
- (Л. 151 об.) № 9 — июня 2 — Приезд в Москву донских¹ *⁻ казаков Никифора² Леонтьева и Фомы Андреева с войсковою отпискою. Л. I, 1–27.
- № 10 — в июле — Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Тита Аверкиева с товарищи. Л. I, 1–12.
- № 11 — августа 12 — Отрывок дела о наряде 500 донских казаков к бригадиру Кропотову и Царицын. Л. I, 1–7.
- № 12 — декабря 4 — Дело по челобитью разных курских помещиков о сыске бежавших от них на Дон крестьян. Л. 1–5, I = 6 л.
- (Л. 152) К. №88.

1719.

- № 1 — генваря 13 — Приезд в Москву донского походного атамана Василья Кременского с товарищи. Л. I, 1–Л. I, 1–13.
- № 2 — генваря 20 — Приезд в Москву донских казаков Федота Павлова и Ивана Емельянова с войсковым челобитьем о жалованье. Л. I, 1–14.
- № 3 — февраля 16 — Дело по челобитью донского казака Ивана Познеева о даче ему подорожной до Черкаска. Л. I, 1–3.
- № 4 — марта 4 — Отправление *⁻ на Дон³ и обратный приезд в Москву дворянина Федосея Дурова, посыланного с годичным жалованьем Войску казачьему. Л. I, 1–57.

¹ *Испр. из:* донского.

² *Над строкой вместо вымаранного:* станичного атамана.

³ *Над строкой.*

- № 5 — марта-3-15 — Три грамоты Войску Донскому о разных предметах. Л. I, 1-16.
- (Л. 152 об.) № 6 — апреля 21 — Дело о присылке в Преображенский приказ донских казаков Тита Ферафонтова и Федора для розыску. Л. I, 1-7.
- № 7 — мая 8 — Отпуск на Дон бывших в С.-Петербурге донских станичных атаманов Ивана Матвеева и Мокея Осипова с товарищи. Л. I, 1-26.
- № 8¹ — июля 25 — Дело по отписке Войска Донского о калмыках, желающих перейти к ним на Дон. Л. 1-26.
- № 9 — июля 26 — Дело по челобитью подьячего Кириллы Ковыршина, посыланного на Дон с государевою казною о даче ему жалованья. Л. I, 1-2.
- № 10 — октября 31 — Приезд в Москву донского станичного атамана Алексея Селиверстова и ясаула Андрея Максимова с войсковыми отписками. Л. I, 1-90.
- (Л. 153) № 11 — ноября 30 — Приезд в Москву донского станичного атамана Федора Филатова и ясаула Герасима Иванова с войсковою отпискою. Л. I, 1-35.
- № 12 — декабря 12 — Дело по челобитью донского казака Ивана Василдьева о даче ему подорожной от Москвы до Черкаска. Л. I, 1-6.
- № 13 — декабря 21 — Дело об отправлении в С.-Петербург толмача Николая Иванова с донскими колодниками. Л. I, 1-16.
- (Л. 153 об.) Связка 29-я.
К. №89.

1720.

- № 1 — генваря 2 — Приезд в Москву донского станичного атамана Тита Аверкиева и ясаула Ивана Васильева с войсковою отпискою и колодниками. Тут же отправление на Дон дворянина Федосея Дурова с государевым жалованьем. Л. I, 1-246 = 247 л.

¹ В ркп. № 8 и № 9 поменяны местами.

- № 2 — генваря 7 — Приезд в Москву донского войскового атамана Василья Фролова и ясаула Степана Антонова с войсковыми отписками. Л. I, 1–160.
- № 3 — генваря 10 — Следственное дело о бывшем курманярском атамане Науме Жемчужникове, говорившем будто бы непристойные про государя речи. Л. I, 1–88.
- К. №90.
- № 4 — генваря 12 — декабря 16 — Разныя бумаги до Войска Донского относящияся. Л. I, 1–79 = 80 л.
- (Л. 154) № 5 — февраля 9 — Дело о преступном донском казаке Григорье Хохлаче. Л. I, 1–34.
- № 6 — февраля 18 — Приезд в Москву донского станичного атамана Мокея Осипова и ясаула Ивана Мокеева с войсковою отпискою. Л. I, 1–69.
- № 7 — февраля 21 — Следственное дело о донских казаках Михайле Филимонове, Кузме Трофимове, Денисье Леонтьеве и Алексее Александрове по доносу на них в государеве слове делах. Л. I, 1–15.
- № 8 — марта 18 — Дело по челобитью донского казака Михея Петрова о дозволении ему взять с собою на Дон сестру его и племянника. Л. I, 1–6.
- (Л. 154 об.) № 9 — апреля 27 — Отписка Войска Донского войскового станичного атамана Оксена Волошанинова о перебеге к ним на Дон бывшего изюмского жителя Федора Степанова и роспросныя его речи. Л. I, 1–4.
- № 10 — мая 12 — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Андреева и ясаула Степана Антонова с войсковою отпискою. Л. I, 1–42.
- № 11 — июля 25 — Приезд в Москву донского станичного атамана Бориса Фокина и ясаула Иваан Маневскаго с войсковою отпискою. Л. I, 1–37.
- № 12 — августа 8 — Приезд в Москву донского старшины Петра Васильева с товарищи с колодниками. Л. I, 1–58.
- (Л. 155) № 13 — августа 11 — Приезд в Москву донских казаков Романа и Ивана Емельяновых с войсковою отпискою. Л. I, 1–24.

- № 14 — августа 18 — Дело по челобитью боцмана Георгия Галаткина на донских казаков Черкасской станицы в бою и грабеже. Л. I, 1–7.
- № 15 — сентября 24 — Дело по челобитью армянина Аспадурасканова на жену донского войскового атамана Петра Емельянова в занятии ею у него 2000 рублей. Л. I, 1–34.
- К. №91.
- № 16 — октября 2 — Дело об отпуске на Дон вышедшего из турецкого плону донского казака Якова Кузмина Подлобошниковова. Л. I, 1–17.
- (Л. 155 об.) № 17 — ноября 19 — Приезд в Москву станицы яицких казаков атамана Федора Михайлова и ясаула Алексея Абакумова с товарищи. Л. 1–8.
- № 18 — ноября 19 — Приезд в Москву донской зимовой станицы атамана Артемья Васильева и ясаула Филиппа Аксенова с войсковою отпискою. Л. I, 1–58.
- *№ 19 — декабря 9 — Отписка донских казачьих атаманов Василия Фролова с товарищами в Посольский приказ о получении денежного жалованья, доставленного казакам на Дон Федосием Дуровым. Копия. 4 л.
- № 20 — 1720 г. — Дело о приезде в Москву донского атамана Василия Фролова. Неполное. 26 л.⁻¹
- (Л. 156) Связка 30².

1721.

- № 1 — генваря 30-го — Приезд в Москву донского станичного атамана Ивана Мартынова и ясаула Петра Никонова с войсковою отпискою и пленным калмыком. Л. 1–29.
- № 2 — марта 21 — Ведение из Камер-Коллегии в Коллегию иностранных дел о посылке куда³ следует указов, чтобы с покупаемых донскими казаками товаров не было взимаемо пошлин. Л. 1–2.

¹ Синей шариковой авторучкой поч. рубежа XX/XXI вв.

² Вместо вымаранного: 29.

³ По исправленному.

- № 3 — мая 3 — Приезд в Москву донских казаков Степана Михайлова и Федора Алексеева с войсковою отпискою. Л. 1–13.
- № 4 — в июне — Приезд в Москву донских казаков Семена Савельева с товарищи на богомолье. Л. 1–3.
- (Л. 156 об.) № 5 — сентября 25 — декабря 7 — Промемории из Военной коллегии в Коллегию иностранных дел о разных предметах до Войска Донского относящихся. Л. 1–18.
- № 6 — декабря — Опись делам Донского повытья Коллегии иностранных дел с 1712 по 1721 год. Л. 1–18.
- (Л. 156) *№ 7 — мая 28 — Доношение в Коллегию иностранных дел атамана Ивана Селиваньева об отпуске из Москвы до С.-Петербурга легкой станицы эсаула¹ Скасырскова с товарищи и о даче им проезжаго указа. 1 л.⁻²
- (Л. 156 об.) *№ 8 — марта 11 — Дело о посылке на Дон атаману Василию Фролову и Войску жалованья за 1720–1721 гг. Черновики. 6 л.
- № 9 — март — Указы из Посольского приказа московским губернатору и вице-губернатору об отправке жалованья донским казакам. Копии. — 6 л.
- № 10 — январь–март — Записная книга дел Донского повытья Посольского приказа. 41 л.⁻³

(Л. 156-а об.)⁴ 1723 г.

- № 1 — июня 17 — Дело по промемории из Военной коллегии о присылке из Коллегии иностранных дел известия, каким образом донские атаманы выбираются, и какая грамоты на Дон о подтверждении новых атаманов посылаются. Л. 1–2.
- № 2 — сентября 9 — Промемория из Конторы Военной коллегии в Контору Коллегии иностранных дел присланного с Дону монаха Киприяна. Л. 1–2.

¹ Так в ркп.

² На левом поле напротив № 3. другими поч. и черн.

³ Синей шариковой авторучкой поч. рубежа XX/XXI вв.

⁴ Л. 156-а. — чист.

(Л. 156-б)¹ 1724 г.

№ 1 — июня 6 — Дело по промемории из Военной коллегии о присылке известия, даваны ли донским казакам наперед сего для коронованья великих государей жалованья и по скольку. Л. 1-2.

№ 2 — июня 10 — Дело по промемории из Военной коллегии о присылке известия, даваны ли донским казакам за полонных татар деньги. Л. 1-2.

(Л. 157) К. №92.

1725.

№ 1 — генваря 16 — Отписка донского² войскового атамана Андрея Лопатина о передаче двух пакетов, *³ полученных из⁻³ Коллегии иностранных дел, турецкому комиссару Осман-эфендию. 1 л.

(Л. 157 об.) 1726.

*⁴ № 1 — марта 30 — Копия с грамоты из Верховнаго тайнаго совета Коллегии иностранных дел ассессору Ларионову о выдаче донским казакам старшинам Краснощекову и Ефремову из оставших с Турецкой комиссии достальных денег. Л. 1-2.⁻⁴

№ 2 — мая 11 — Копия⁵ именнаго указа об освобождении донских старшин Ивана Краснощекова и Данилы Ефремова из-под ареста и употреблении⁶ *⁷ на службу⁻⁷ по-прежнему. 1 л.

¹ Л. 156-б. об. — *чист.*

² *Над строкой.*

³ *Над строкой.*

⁴ *На левом поле другими поч. и черн.*

⁵ *Над строкой.*

⁶ *Испр. из: употребить.*

⁷ *Над строкой.*

(Л. 158) 1727.

- № 1 — генваря 18 — Дело по промемории из Военной коллегии в Коллегию иноземных дел об¹ учинении² выписки из Донских дел: когда и каким образом отправлены были из Москвы в Черкасск колокола. Л. 1–9.
- № 2 — Декабря 10 — Приезд в Москву от кочевавшаго³ на Дону калмыцкаго Джамбы-мурзы посланцев Баяра с товарищи с челобитьем о порохе и свинце. Л. 1–17.

(Л. 158 об.) 1728.

- № 1 — апреля 2 — Грамота донскому войсковому атаману Андрею Лопатину *⁴ о точном⁴ исполнении секретнаго дела, объявленнаго ему генерал-майором⁵ Таракановым. 1 л.
- № 2 — мая 19 — Дело о даче отправленному на Дон генерал-майору Тараканову для посылок и поручений офицера, унтер-офицеров и драгун. Л. 1–8.
- № 3 — июля 8 — декабря 30 — Донесения⁶ в Государственную коллегию иностранных дел бывшаго на Дону генерал-майора Тараканова. Л. 1–14.
- № 4 — июля 15 — Дело по запросу из Военной коллегии в Коллегию иностранных дел о том: почем давано зимовых донских станиц атаманам, есаулам и казакам жалованья. Л. 1–6.

(Л. 159) 1729⁷.

- № 1 — февраля 6 — Указы Войска Донскаго войсковому атаману Андрею Лопатину об уговаривании ушедших в Азов калмык паки возвратиться в Россию. Л. 1–2.

¹ Над строкой вместо вымаранного: о ..-.

² Начало по исправленному (?).

³ -ва- над строкой, — испр. из: кочевшаго.

⁴ Над строкой вместо вымаранного: об.

⁵ Над строкой вместо вымаранного: полконином.

⁶ Перед ним вымараны 2 буквы.

⁷ 1729 и 1732 гг. на листе записаны в обратной последовательности — здесь хронология восстановлена.

1732.

№ 1 — декабря 22 — Челобитная Войска Донского полковника Сидора Серебрякова о даче находящемся при нем казаку Прокофью Крюкову подорожной до Царицына. 1 л.

(Л. 159 об.) 1733.

№ 1 — октября 13 — Указ Правительствующаго Сената Военной коллегии о содержании Царицынской линии донскими казаками. Л. 1–2.

(Л. 160) 1734.

№ 1¹ — мая 20 — Дело по запросу Военной коллегии переведенных с Терка в крепость Св. Анны мурзам и князьям и при них донским казакам какое давалось жалованье? Л. 1–3, I = 4 л.

№ 2 — ноября 23 — Донесении государственной коллегии иностранных дел² в Контору от Ивана Шувалова о посылке им из крепости Св. Анны в С.-Петербург донского ясаула Игнатья Орленка с секретными бумагами. Л. 1³.

(Л. 160 об.) 1735.

№ 1 — февраля 28 и июня 30 — Дело по запросу⁴ Военной коллегии: по чему дается жалованья присыланнным из Низоваго корпуса в С.-Петербург донским ясаулам, хорунжим, писарям и толмачам. Л. 1–3.

№ 2 — июля 24 — Дело по запросу Военной коллегии по чему во время бывших Азовских походов давано жалованья донским и малороссийским казакам. Л. 1–30.

¹ В ркп. заголовки № 1 и 2 внесены в обратной последовательности.

² Над строкой вместо вымаранного: колле-.

³ Испр. из: 1–3.

⁴ Далее вымарано: Коллегии военных.

№ 3 — в ноябре — Доношение генерала Левашева о¹ построении городков между Царицыным и Черным Яром и² оттуда до Астрахани и поселении³ в них казаков. Л. 1–9.

(Л. 161) 1736.

№ 1 — марта 18 — Дело о пожаловании донского войскового старшины Степана Ефремова саблею за нахождение его при калмыцком Дондук-Амбе. Л. 1–2.

№ 2 — октября 11 — Дело о покупке и отсылке к фельдмаршалу Лессию десяти сабель для пожалования ими бывших с донским войсковым старшиною Краснощековым при разбитии татарских партий. Л. 1–22.

№ 3 — декабрь — Промемория из Военной коллегии о происходивших бывшим в Низовом корпусе донским казакам тягостях и о употреблении их в партикулярныя работы. 1 л.

(Л. 161 об.) 1737.

№ 1 — февраля 16 — Запрос из Военной коллегии в Московскую контору Коллегии иностранных дел о том: какия⁴ давались награждения донским атаманам и ясаулам за значныя службы? 1 л.

№ 2 — марта 7 — Отправление донского войскового старшины Днилы Ефремова к калмыцкому Дондук-Омбо для вручения Высочайше пожалованной ему сабли. Л. 1–49.

№ 3 — январь — По записке из Кабинета о дачах донским казакам для воинских походов сверх обыкновеннаго жалованья. Л. I, 1–5.

№ 4 — июня 1 — Дело по запросу Военной коллегии о Донском войске, какой рыб и зверей лов им дозволен. Л. 1–3.

¹ Далее вымарано слово (?).

² Далее вымарано: от между.

³ Приставка по исправленному.

⁴ Далее вымарано: бывали.

(Л. 162) 1738.

- № 1 — августа 31 — Доношение в Контору Коллегии иностранных дел царицынского¹ коменданта Петра Кольцова, с приложением копии с письма к нему от² станичного атамана Федора Денисова о разбитии войсковым старшиною Данилою Ефремовым неприязненных³ кубанцев. Л. I, 1–2.
- № 2 — август — О наградах, пожалованных бывшим старшинам Войска Донского. Л. 1–3.

(Л. 162 об.) 1740.

- № 1 — Выписка из представления полковников Кольцова и Бабарыкина о необходимости поселить 1000 казаков волжских между Царицыным и Черным Яром. Л. 1–4.
- № 2 — ноября 24 — Выписка из донесения генерал-лейтенанта князя Урусова о необходимости построения крепостей между Яицким Казачьим и Яицким Гурьевским городками. Л. I, 1–5.

(Л. 163) 1741.

- № 1 — апреля 28 — Промемория из Военной коллегии в Коллегию иностранных дел о жалованье донским казакам легких станиц. Л. I, 1.
- № 2 — октября 28 — Копия с указа из Кабинета донскому войсковому атаману Даниле Ефремову о переводе салтаноульских татар с Дона к Царицыну. Л. 1–2.
- (Л. 163 об.) К. №93.

1742.

- № 1 — февраля 2 — Прошение Шлиссельбургскаго пехотнаго полка подпоручика Михайла Волжинскаго о вознаграждении

¹ Далее вымарано: воеводы.

² Над строкой вместо вымаранного: донск-.

³ Над строкой.

за отнятыя у него донскими калмыками деньги и пожитки. Л. 1–2.

№ 2 — августа 4 — Два указа Правительствующаго Сената из Секретной экспедиции в Коллегию иностранных дел о жалованье отправленным в Кизляр донским казакам. Л. I, 1–3.

(Л. 164) 1743.

№ 1 — 18 июля — 6 ноября — Два донесения донскаго войсковаго старшины Данилы Ефремова о¹ посылке в Коллегию иностранных дел пакета *⁻ от российского в⁻² Константинополе³ министра (?) Вешнякова и⁴ о турецких пленных. Л. I, 1–4. Л. 3 — печать.

(Л. 164 об.) 1744.

№ 1 — ноября 23 — Два донесения в Государственную коллегию иностранных дел донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. 1–9.

№ 2 — декабря 9 — Дело по запросу из Коллегии иностранных дел в Военную по чему дается донским казакам, приезжающим в легких и зимовых станицах? Л. I, 1–2.

№ 3 — декабря 11 — Дело по промемориям Военной коллегии в Коллегию иностранных дел о том: какие даваны были прежде Войску Донскому жалованья грамоты, клейноды и прочая. Л. 1–7.

(Л. 165) 1745.

№ 1⁵ — генваря 17 — Донесение в Государственную коллегию иностраннных дел донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–13.

¹ Далее вымарано: поверено- (?).

² Над строкой вместо вымаранного: из.

³ Испр. из: Константинополя, далее вымарано: от.

⁴ Далее вымарано: об... (?).

⁵ В ркп. заголовки № 1 и 2 внесены в обратном порядке.

№ 2 — октября 29 — Дело о даче разным донским казакам подорожен от Москвы до Черкаска. Л. I, 1–5.

(Л. 165 об.) 1746.

№ 1 — генваря 10 — ноября 30 — Донесения в Государственную коллегия иностранных дел государственному канцлеру графу Бестужеву-Рюмину донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–47.

(Л. 166) 1747.

№ 1 — генваря 23 — декабря 16 — Донесения Войска Донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–86 = 87 л. Печати: л. 7, 27, 40, 68, 76.

(Л. 166 об.) 1748.

№ 1 — октября 13 — декабря 1 — Донесения Войска Донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–16.

(Л. 167) 1749.

№ 1 — генваря 23 — декабря 14 — Донесения Войска Донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–65.

(Л. 167 об.) 1750.

№ 1 — февраля 17 — октября 17 — Донесения в Государственную коллегия иностранных дел Войска Донскаго войсковаго атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–37.

(Л. 168) Связка 31.

К. №94.

1751.

№ 1 — генваря 30 — декабря 6 — Донесения Войска Донского войскового атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. 1–129.

(Л. 168 об.) 1752.

№ 1 — апреля 19 — декабря 28 — Донесения Войска Донского войскового атамана Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–125.

№ 2 — апреля 22 — Указ Донесения Войска Донского войскового атамана Данилы Ефремова о разных предметах. ¹донскому войсковому атаману Даниле Ефремову о сообщении копий с² войсковых писем к российскому в Константинополе поверенному Обрезкову. Л. I, 1–2.

№ 3 — июля 13 — Дело о даче донским казакам Герасиму Белоусу, Герасиму Костину и Филипу Каршину прогонов от Черкаска до С.-Петербурга. Л. I, 1–3.

(Л. 169) 1753.

№ 1 — марта 15 — июля 19 — Три грамоты Войска Донского войсковому атаману Даниле Ефремову о разных предметах. Л. I, 1–8 = 9 л.

№ 2 — июля 21 — Промемория из Статс-Канторы в Государственную коллегия иностранных дел о деньгах, отпущенных на жалованье командированным в поход донским казкам. Л. 1–3.

(Л. 169 об.) К. №95.

1754.

№ 1 — генваря 27 — декабря 2 — Рапорты командовавшего Войском Донским генерал-майора Данилы³ Ефремова

¹ Над строкой в место вымаранного: грамота Войску.

² Далее вымарано: их.

³ Над строкой.

о происходившем на Кубани и в Крыму и о беглых Маницкой станицы казаках. Л. I, 1-115.

(Л. 170) 1755.

№ 1 — января 30 — ноября 5 — Рапорты командовавшего Войском Донским генерал-майора Данилы Ефремова, войскового атамана Семена Ефремова о разных предметах. Л. I, 1-115.

(Л. 170 об.) 1756.

№ 1 — января 10 — июня 4 — Донесение командовавшего Войском Донским генерал-майора Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1-44.

№ 2 — октября 7 — Дело о выдаче донскому казаку Петру Грекову прогонных денег от Черкаска до С.-Петербурга. Л. I, 1-10 = 11 л.

№ 3 — ноября 27 — Дело о выдаче донским казакам Лариону Попову, Александру Левтерову и Матвею Абросимову прогонных денег от Черкаска до С.-Петербурга. Л. I, 1-14.

(Л. 171) 1757.

№ 1 — апреля 8 — августа 5 — Донесение командовавшего Войском Донским генерал-майора Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1-28.

(Л. 171 об.) К. №96.

1758.

№ 1 — апреля 29 — декабря 14 — Донесение командовавшего Войском Донским генерал-майора Данилы Ефремова о разных предметах. Л. I, 1-45.

(Л. 172) 1759.

№ 1 — января 6 — сентября 26 — Донесение в Государственную коллегияю иностранных дел Войска Донского

войскового атамана Степана Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–13.

(Л. 172 об.) **1760.**

№ 1 — февраля 3 — октября 28 — Донесение командовавшего Войском Донским тайного советника Данилы и войскового атамана Степана Ефремовых о разных предметах. Л. I, 1–33.

(Л. 173) **1761.**

№ 1 — 2 февраля — декабря 24 — Донесения в Государственную коллегию иностранных дел Войска¹ Донского войскового атамана Степана Ефремова о разных предметах. Л. I, 1–82.

№ 2 — июля 30 — Дело о выдаче донскому казаку Василью Самарину кормовых и прогонных денег. I, 1–2.

(Л. 173 об.) **1762.**

№ 1 — июня 9 — декабря 30 — Рапорты в Коллегии иностранных дел Войска Донского² наказного атамана Илованского. Л. I, 1–23.

(Л. 174) **1802.**

№ 1 — Выписка, сочиненная по указу Государственной коллегии и иностранных дел в Московском ея архиве о жалованье Войску Донскому, почетных знаках, грамотах и указах, касательно привилегий сему войску всемилоштивейше дарованных. Л. 1–32.

Строев.

*-б.г. (XVII в.). № 1 — Турецкие³ и персидские письма (с переводами) донским атаманам и казакам. Л. 1–13.⁻⁴

¹ Над строкой.

² Далее вымарано нечитаемое слово.

³ По исправленному.

⁴ Позже синими чернилами.

(Л. 174 об.) В сем реестре описано:

Книг — 26,

Старых дел — 782,

Новых — 367

Всего: 1175 номеров.

Февраля 28 1825-го.

Титулярный советник и кавалер Павел Строев

Заполненный черными черн. синий штамп:

В настоящем Реестре № ___

писан. и пронумер. листов сто

семдесят четыре листа

1930 г. 4/IX.

Подпись В. Шост...

По лл. 1-174 у корешка скрепа:

ти- || -ту- || -ляр- || -ный || со- || -вет- || -ник || и || ка- ||
-ва- || -лер || Па- || -вел || Стро- || -ев ти- || -ту- || -ляр- || -ный
|| со- || -вет- || -ник || Павел || Строев

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. Л. I, II, 1-177, 156-а, 156-б.

**1937 г., февраля 28 — Акт ревизии фонда «Донские дела»
Государственного Архива Феодально-Крепостнической эпохи**

(Л. I) Акт 111/1

1937 года, февраля 28. Мы, нижеподписавшиеся, сотрудники Государственного Архива Феодально-Крепостнической эпохи МАТУС Р.Г. и СОКОЛОВА А.Я., составили настоящий акт в следующем:

Нами сделана ревизия фонда «ДОНСКИЕ ДЕЛА» в количестве 1175 дел и 26 книг (96 к.), описи 252, 253, причем оказалось в описи не внесены следующие дела:

- 1) к.28, № 12-а, 1673 г. — Дело «Донесение царю Алексею Михайловичу атамана войска Донского Корнилия Яковлевича о походе казаков под Азов; о розыске по делу о своевольном поступке станичного атамана Фрола Миняева».

- 2) к.42, к д. № 17, 1682 — «Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Семена Серебрякова».
- 3) к.43, б/№, 1682 г. — «Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Семена Степанова с товарищи».
- 4) к.49., к. №15 — «Отрывок приезда в Москву донского станичного атамана Михайлова».
- 5) к.51, к. № 13 — «Отправление на Дон к атаману и всему войску Донскому ...».
- 6) к.61, д. № 1, 1694 — «Приезд в Москву донских казаков станичного атамана Степана Самаренинова да¹ ясаула Вассилия...».
- 7) к.65, 1695 г. — «Отрывок из книги о даче Донским казакам кормовых денег».
- 8) к.68 — Дополн. к делу № 7, 1699 г.
- 9) к.69 — Дополн. дел к № 2, 1700 г.
- 10) -//- — -//- № 3.
- 11) -//- — -//- № 6.
- 12) к.70 — -//- № 14, 1700 г.
- 13) к.72 — -//- № 4, 1701 г.
- 14) -//- — -//- № 6, 1701 г.
- 15) -//- — -//- № 7, 1701 г.
- 16) к.74 — -//- № 13, 1707 г.
- 17) к.84 — -//- № 10.

Два раза вписаны в опись дела:

к. №58-а, 1690 г. № 10, 11, 12, 13 (оп.253, лл. 105–105 об.)

СОТРУДНИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭПОХИ:

(подпись) (Р.Г. МАТУС)

(подпись) (А.Я. СОКОЛОВА)

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. Л. 1.

¹ В ориг.: до.

**1944 г., декабря 15 — Акт о проверке наличия фонда
«Донские дела» ЦГАДА.**

(Л. 5) Центральный Государственный Архив Древних Актов
Отдел Верховного Управления и Внешней Политики

Акт № 111/2 от 15/XII-44 г.

Проверка наличия документальных материалов фонда
«Донские дела»

1. Числится по описи № 111/2 — 1201
 - а) донские дела старых и новых лет (в столбцах) 1175 ед.
 - б) донские дела старых и новых лет (в книгах) 26 ед.
2. Не обнаружено — 6 ед. хр.

№№ описей	Годы	№№ ед. хранения	количество ед. хр.	Примечание
111/2	1677 г.	7	1	
	1681 г.	5	1	
	1687 г.	12	1	
	1715 г.	10	1	
	Книги: 1623– 1652	1	1	
	1671	1	1	На месте, В.Шумилов
			6	

Сотрудница Ефремова

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Дело фонда. Л. 5.

**1947 г., ноября 15 — Карточка Акта проверки наличия
Ф. 111. «Донские дела»¹**

АКТ № 88.

1947 г., ноября 15 дня. Мы, нижеподписавшиеся, начальник Отдела Верховного Управления и Внешней Политики ЦГАДА т. ШУМИЛОВ В.Н. и научный сотрудник т. ЛЕВЕЦКАЯ А.П., произвели проверку наличия ед. хр. Ф. 111 «Донские дела».

Обнаружено следующее:

1. Всего в фонде числится по описи 1229 ед. хр. И 26 ед. хр. Неописанных, всего 1255 ед.хр.
2. Отсутствует одна ед.хр. 1677, № 7.

Начальник отдела
ВУ и ВП
научный сотрудник

(подпись) (ШУМИЛОВ)
(ЛЕВЕЦКАЯ)

РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Оп. 1. Л. I, II

¹Оригинал Акта с исправленным номером см.: Дело фонда. Л. 6–6 об.

Содержание

<i>Предисловие</i>	3
--------------------------	---

ЧАСТЬ I

Глава 1 ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	9
---	---

Глава 2 СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVI–XVII вв.	122
---	-----

Глава 3 ДОКУМЕНТЫ КАЗЕННОГО ДВОРА ЗА 1613–1624 гг. О ВОЛЬНОМ КАЗАЧЕСТВЕ ДОНА, ДОНЦА, ВОЛГИ, ЯИКА И ТЕРЕКА: материалы к просопографии вольного казачества	190
--	-----

ЧАСТЬ II

Глава 4 КАЗАЧЕСТВО В ДВИЖЕНИИ РОССИИ НА ВОСТОК В КОНЦЕ XVI–XVII вв.	261
--	-----

Глава 5 СИБИРСКИЕ СЛУЖИЛЫЕ И ЖИЛЕЦКИЕ ЛЮДИ В ДОКУМЕНТАХ АРХИВА КАЗЕННОГО ДВОРА ЗА 1613–1624 гг.	334
---	-----

<i>Заключение</i>	562
-------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

1712–1721 г. — ВНУТРЕННЯЯ ОПИСЬ
НЕСОХРАНИВШЕЙСЯ КНИГИ ДОНСКОГО ПОВЫТЬЯ
КОЛЛЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ 569

Приложение 2

ОПИСАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ «ДОНСКИХ ДЕЛ»
ИЗ СОБРАНИЯ РГАДА ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА
И КАВАЛЕРА ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА СТРОЕВА. 1824 г. 583

А.В. Малов, Н.И. Никитин
РОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
НА ЗАРЕ СВОЕЙ ИСТОРИИ
(XV–XVII века):

исследования, справочные материалы, источники

Обложка *Юлия Голуб*
Печатается в авторской редакции
Макет и вёрстка *Мария Василенко*

Издательство «Снежный Ком М»
ИП Штепин Дмитрий Вадимович
ОГРНИП 318774600524067
www.skomm.ru
E-mail: contact@skomm.ru

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 84×108 ¹/₃₂
Гарнитура «Minion Pro». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 39,80. Тираж ??? экз.